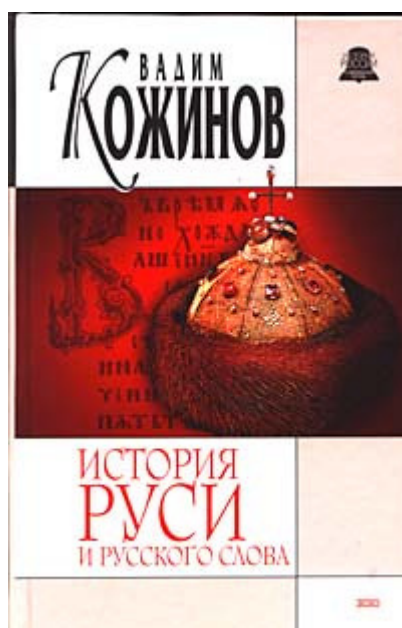

Вадим Валерьянович Кожинов

История Руси и русского Слова

Аннотация

Книга охватывает период с конца VIII до начала XVI века. Автор размышляет о византийском и монгольском «наследствах» в судьбе Руси, о ее правителях, начиная с князя Кия и кончая Ярославом Мудрым, об истинном смысле и значении Куликовской битвы. Отличительными особенностями книги являются использование автором новейших источников, а также неординарность подхода ко многим, казалось бы, известным фактам.

Вадим Кожинов

История Руси и русского Слова

От автора

Заглавие книги складывается из трех элементов; 1) ИСТОРИЯ РУСИ и 2) РУССКОГО СЛОВА, 3) СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД.

Начну с последнего – «современного взгляда». Те, кто стремятся познать отечественную историю, обращаются сегодня, как правило, к уже давним трудам о ней, которые создали в XIX или в самом начале XX века Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков. Причина этого понятна: позднейшие, появившиеся с конца 1930-х годов, курсы истории СССР (с 1917 по 1938-й такие курсы вообще не создавались) жестко подчинены экономико-политическим схемам, в них нет той полноты воссоздания пути страны, какую мы находим в дореволюционных «историях». Исходя из этого, многие люди полагают, что историческая наука с 1917-го года и до наших дней вообще находилась в упадке, не дала ничего или почти ничего ценного.

Однако такое представление ошибочно, и моя книга, надеюсь, убедит в этом каждого читателя. Догматическая атмосфера лишала ученых возможности создать полновесные *общие* курсы истории, от которых настоятельно требовали соответствия идеологическим схемам. Но многие и многие преданные своему делу исследователи опубликовали за последние десятилетия замечательные работы, посвященные *отдельным* периодам, явлениям, событиям отечественной истории, – работы, подчас представляющие собой первостепенного значения

научные открытия (при этом речь идет не только об историках в «узком» смысле слова, но и о взаимодействующих с ними археологах, этнографах, краеведах, филологах и т. д.). В этой книге я ссылаюсь на *сотни* таких новейших и современных исследований, которые, кстати сказать, и пробудили во мне еще в конце 1970-х годов стремление написать эту книгу.

И, всецело признавая высокие достоинства названных выше «классиков» русской историографии, вместе с тем необходимо сознавать, что созданные ими в начале нынешнего и тем более в прошлом веке обобщающие труды в целом ряде отношений «устарели». Новейшие исследования доказали, что те или иные существеннейшие проблемы истории Руси трактовались ранее односторонне или просто неверно. Упомяну здесь хотя бы о взаимоотношениях Руси и Хазарского каганата в IX-X веках (о чем, например, немало – но на уровне знаний своего времени – писал еще Карамзин), о *смысле и значении* Куликовской битвы 1380 года (в свете новейших исследований ясно, что сказанное об этом, например, в монументальном труде Соловьева не соответствует исторической реальности), о деятельности великих русских святых Иосифа Волоцкого и Нила Сорского на рубеже XV–XVI веков (весьма односторонне охарактеризованной, скажем, Иловайским) и т. п. И главная цель моей книги в том, чтобы, опираясь на достижения классиков русской историографии, вместе с тем как можно полнее осветить научные достижения последних десятилетий.

Далее, *слово* всегда играло в отечественной истории неограниченно важную роль. Могут сказать, что правильнее было бы озаглавить книгу «История Руси и русской литературы». Но Слово является во всей своей мощи уже в русском героическом эпосе – богатырских былинах, которые веками сохранялись в устном и к тому же напевном бытии, и даже записываемые с XI века творения церковной словесности люди воспринимали главным образом из уст священнослужителей, а не из книг. Поэтому в сочинении о Руси уместнее говорить о *Слове* (прописная буква имеет в виду, что дело идет обо всем объеме русского словесного творчества).

Наконец, *Русь* – древнее, но всецело живое и сегодня название нашей страны. Его происхождение, о чем мы еще будем говорить, до сих пор не разгадано до конца (прямо-таки согласно строке Александра Блока: «И в тайне – ты почишь, Русь»). В течение XVI–XVII веков «Русь» постепенно заменяется наименованием «Россия», которое исходит из *византийского* варианта произнесения («рос» вместо «рус»). В этой замене выразилось, по-видимому, стремление утвердить статус страны на *всемирной* сцене (название «Россия» было принято не только в Византии, но и, например, в Италии, тесные связи Москвы с которой установились с 1470-х годов). Слово же «Русь» мы и сейчас употребляем, когда речь идет об уже давнем прошлом, а с другой стороны, оно живет как душевное, любовное, – в частности, *поэтическое* – имя отчизны. Наиболее ранний из известных нам русских документов, в котором употреблено название «Россия», относится к 1317 году, и примерно до этого времени продолжается мое повествование «История Руси», – хотя в нем не раз заходит речь и о более поздних и даже о гораздо более поздних явлениях и событиях.

И еще одно необходимое предупреждение. В этой книге не ставится цель охарактеризовать весь ход отечественной истории с конца VIII до начала XVI века; для этого потребовался бы гораздо больший объем, – так, подробное изложение этого периода в «Истории» С. М. Соловьева занимает *пять* объемистых томов. В книге более или менее подробно говорится только об определенном круге явлений и событий истории Руси – но речь идет о наиболее весомых и судьбоносных событиях и явлениях и, как представляется, многие важнейшие вехи почти восьмивекового пути так или иначе обрисованы и определены, – чему способствуют «обзорные» вступительные главы книги: «Пути русского исторического самосознания» и «Византийское и монгольское „наследство“ в судьбе России». Эти главы, в частности, вводят отечественную историю в контекст *мировой*, что, впрочем, присуще так или иначе и последующим главам книги.

Наибольшее внимание уделено в книге раннему периоду истории Руси, ее *первым* векам, и это вполне оправданное предпочтение. Дело в том, что многие, даже очень многие явления и события именно этих веков были в течение последних десятилетий по существу впервые *открыты* или хотя бы значительно глубже и вернее поняты, чем прежде (в XIX – начале XX века) – чему способствовали и широко развернувшиеся археологические исследования, и

освоение недостаточно изученных либо вообще не известных ранее иностранных, иноязычных исторических источников. Но, конечно, в книге изложены современные представления и о более поздних судьбоносных событиях – таких, как перемещение столицы из Киева во Владимир в 1150-х годах или Куликовская битва 1380 года.

И последнее пояснение. Почти все составные части этой книги были опубликованы в течение 1988–1996 годов в периодических изданиях («Вопросы литературы», «Журнал Московской патриархии», «Наш современник», «Родина», «Российская провинция», «Российский обозреватель», «Русская литература» и др.), и мне более или менее известно, как воспринимали мои размышления читатели. Те части книги, которые посвящены «открытым» лишь в последнее время явлениям и событиям истории и культуры Руси (в особенности главы «Воплощение в русском Слове „героического периода“ истории Руси» и «Современные представления об исторической реальности „героических“ веков Руси»), воспринимались не без труда, ибо со многими историческими фактами, изложенными в них, большинство читателей соприкасалось впервые.

Кроме того, стремясь к действительной основательности исследования, автор уделил очень большое внимание ряду сложных и спорных проблем, имеющих первостепенную важность для осмысления истории Руси, – в особенности, вопросу о времени возникновения и дальнейшей судьбе русского богатырского эпоса (страницы 88–118 книги) и об истории становления игравшего громадную роль в IX–X веках Хазарского каганата (стр. 192–214). Эти сугубо «специальные» разделы книги могут быть по-настоящему интересны только тем, кто ставит перед собой задачу самым доскональным образом изучить отечественную историю во всех ее предпосылках и проявлениях. Но следует отметить, что в книгу вошли и вполне «общедоступные» главы – например, «Размышления о правителях Руси, начиная с князя Кия».

Наконец, нельзя не отметить, что автор на протяжении книги нередко возвращается к историческим фактам, которые уже рассматривались в предшествующих главах, однако эти явные «повторы» объясняются не «забывчивостью», а стремлением осмыслить существенные исторические факты с *разных* точек зрения, в различных аспектах, чтобы «извлечь» из них содержащийся в них *многосторонний* смысл.

В это – второе – издание моей книги внесен ряд небольших по объему, но весьма существенных по смыслу дополнений.

Глава 1. Пути русского исторического самосознания

«Читаю историю Соловьева... Читаешь эту историю и невольно приходишь к выводу, что рядом безобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий произвели великое единое государство?»

Лев Толстой, 1870 год

Начну с обсуждения весьма многозначительных высказываний авторитетного ученого и мыслителя В. И. Вернадского (1862–1945) о русской истории и культуре. Почему именно с его высказываний? Во-первых, потому что перед нами не историк (хотя В. И. Вернадский много занимался специфической проблемой *истории науки*), не литературовед, не культуролог, а как бы сторонний и потому имеющий особые основания для объективности наблюдатель и судья.

В то же время В. И. Вернадский – достаточно осведомленный человек (имея в виду названные области знания) уже хотя бы в силу того, что со студенческих лет он жил и мыслил в теснейшем общении с видными деятелями исторической науки – историком России А. А. Корниловым, историком Запада И. М. Гревсом, востоковедом С. Ф. Ольденбургом, историком русской философии князем Д. И. Шаховским, все они входили в существовавший еще с 1880-х годов кружок, который называли «братством». Едва ли случайно стал историком широкого профиля и сын Владимира Ивановича – Георгий Вернадский (1887–1973; с 1920 года – в эмиграции).

Далее, В. И. Вернадский – мыслитель, который сумел в той или иной мере стать выше

искушавшей многих и многих русских людей дилеммы *западничества* и *славянофильства* (вернее, русофильства, или «почвенничества»). В принципе он тяготел к западничеству, что ясно уже из его политической деятельности: В. И. Вернадский был одним из основателей и руководителей вдохновлявшейся западно-европейскими общественными идеалами Конституционно-демократической (кадетской) партии, бессменным членом ее ЦК (как и его друзья А. А. Корнилов и Д. И. Шаховской). Но в его мировоззрении со временем установилось все же определенное равновесие историко-политических образов Запада и России. Характерно, в частности, что он – в отличие, скажем, от его близкого друга Д. И. Шаховского и почти всех остальных кадетских лидеров – отказался присоединиться к масонству, которое было нераздельно связано с Западом. Любопытны строки из незаконченных воспоминаний В. И. Вернадского, продиктованных им в 1943 году. «...передавал мне Георгий (сын-историк. – В.К.), когда он занимался масонством, что его уверяли масоны, что я был членом масонской ложи. И не верили, когда Георгий это отрицал».¹

Итак, размышления Вернадского о своеобразии русской истории (вообще-то речь у него заходит об истории русской науки, но, как ясно из дальнейшего, под этой темой лежит как необходимый фундамент тема своеобразия истории самой России).

В 1927 году (через год после возвращения на родину из Парижа, где он находился – по сути дела в эмиграции – с 1923 года) В. И. Вернадский в одном из своих публичных выступлений заявил, что никак нельзя «оставлять без внимания то жизненное значение, которое имеет сейчас для нашей страны и для нашего народа выявление научной мысли и творческой научной работы, проникавшей их (страны и народа. – В.К.) прошлые поколения, их былое (стоит отметить, что для 1927 года это было поистине смелое высказывание, поскольку господствовали понятия о «проклятом прошлом» России. – В.К.). Это выявление, возможно более полное и глубокое, широкий охват этим знанием всего народа имеет первостепенное значение для народного самосознания».²

Начиная с темы «научной мысли и творческой научной работы», В. И. Вернадский тут же расширяет объект внимания, придает ему, так сказать, всеобщий характер, выдвигая в качестве насущнейшей цели «осознанность народом своего бытия», то есть всей своей истории в целом. И нельзя не заметить, что «задача», выдвинутая Вернадским в 1927 году, во всем объеме и во всей остроте стоит перед нами сегодня, и в этом-то состоит самый существенный повод для напоминания о размышлениях виднейшего ученого:

«Мне кажется, что... история нашего народа представляет удивительные черты, как будто в такой степени небывалые (то есть, по его мнению, не имеющие места в какой-либо другой стране, кроме России. – В.К.). Совершался и совершается огромный духовный рост, духовное творчество, не видные и не осознаваемые ни современниками, ни долгими поколениями спустя. С удивлением, как бы неожиданно для самого народа, они открываются ходом позднейшего исторического изучения.

Первой открылась взорам мыслящего человечества и осозналась нашим народом русская литература... – констатирует В. И. Вернадский. – Но великая новая русская литература вскрылась в своем значении лишь на памяти живущих людей (то есть на памяти еще живых в двадцатых годах XX века поколений. – В.К.). Пушкин выявился тем, чем он был, через несколько поколений после своего рождения. Еще в 60-х один из крупнейших знатоков истории русской литературы, академик П. П. Пекарский... ставил вопрос, имеет ли русская литература вообще какое-нибудь мировое значение или ее история не может изучаться в одинаковом масштабе с историей великих мировых литератур и имеет местный интерес, интерес исторически второстепенный. Он решал его именно в этом смысле. Это было после Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Гоголя, в расцвет творческого выявления Толстого, Достоевского, Тургенева. Сейчас взгляд Пекарского, точно выражавшего народное самосознание того времени, кажется анахронизмом. В мире – не у нас – властителем дум молодых поколений

¹ Шаховская А. Д. Хроника большой жизни, – В кн.: «Прометей», т. 15, М., 1988, с. 44.

² Вернадский В. И. Забытые страницы. – В кн.: «Прометей», т. 15, М., 1988, с. 133.

царит Достоевский; глубоко вошел в общечеловеческое миропонимание Толстой. Но мировое значение русской литературы не было осознано ее народом... Когда де Вогюэ (автор восхищенной книги «Русский роман», изданной в Париже в 1886 году. – В.К.) обратил внимание Запада, в частности сперва французского, на мировое значение русской литературы, когда началось ее вхождение в общее сознание, – именно этот факт открыл глаза и тому народу, созданием которого она является. Он понял, что он создал.

Еще более ярко это самое свойство, – продолжает Вернадский – проявляется в том еще не законченном движении, которое идет сейчас в нашем народном самосознании – в понимании нашего творчества в живописи и в зодчестве... В этом проникновении в художественную старину выявилась перед нами совершенно почти забытая, во всяком случае совершенно не осознанная полоса огромного народного художественного творчества. В русской иконописи и в связанном с ней искусстве открылось явление, длившееся столетия (от XII до XVII века), – расцвет великого художественного творчества, стоящий наряду с эпохами искусства, мировое значение которых всеми признано. Перед нашими удивленными взорами открывается великое творчество того же порядка, как и русская литература, совершенно забытое, восстанавливаемое и оживляющееся, как в эпоху Возрождения из земли возвращалось в своих остатках античное зодчество и скульптура» (цит. соч., с. 313–314).

Итак, В. И. Вернадский усматривает «удивительные», «небывалые» черты «истории нашего народа» в том, что даже величайшие достижения осознаются с большим или же громадным (в несколько столетий!) запозданием, да еще и чуть ли не по инициативе извне, с Запада... Этот тезис о «небывалом» – то есть не свойственном ни одной стране, кроме России, – запаздывании в осознанности собственных достижений или даже необходимости «восстанавливать», «возрождать» как бы умершие, ушедшие в «землю» ценности вроде бы можно оспорить.

В. И. Вернадский сослался на, по-видимому, первый пришедший ему на ум пример – высказывания литературоведческого сподвижника Чернышевского, П. П. Пекарского (1827–1872). Но Пекарский в своем понимании места русской литературы в мировой, конечно же, опирался на суждения Белинского, который писал, например, в 1840-х годах:

«Всемирно-исторического значения русская литература никогда не имела и теперь иметь не может... И потому нам должно пока отказаться от всяких притязаний сравнивать и равнять русскую литературу с французскою, немецкою или английскою... Наша литература исполнена большого интереса, но только для нас, русских». Тогда же Белинский утверждал, что «Жорж Занд имеет большое значение и во всемирно-исторической литературе, не в одной французской, тогда как Гоголь, при всей неотъемлемой великости его таланта, не имеет решительно никакого (курсив Белинского. – В.К.) значения во всемирно-исторической литературе и велик только в одной русской, что, следовательно, имя Жорж Занда безусловно может входить в реестр имен европейских поэтов, тогда как помещение рядом имен Гоголя, Гомера и Шекспира оскорбляет и приличие и здравый смысл...»

Поскольку Белинский для нескольких поколений русских людей был непререкаемым авторитетом, его приговоры могут рассматриваться как доподлинное выражение «национального самосознания». Однако ведь само это рассуждение Белинского о Гоголе являло собой, как известно, остро полемический ответ на посвященную Гоголю статью славянофила Константина Аксакова и, следовательно, уже в 1840-х годах высшая ценность творчества Гоголя так или иначе осознавалась в России (ныне всемирное признание этого творчества очевидно).

Вернадский отметил, что «новая русская литература вскрылась в своем значении лишь на памяти живущих людей (он, несомненно, имеет здесь ввиду и самого себя – В.К.). Пушкин выявился тем, чем он был, через несколько поколений после своего рождения». Вероятнее всего, Вернадский считал решающим моментом этого «выявления» согласно воспринятую самыми разными людьми Пушкинскую речь Достоевского, прозвучавшую в 1880 году, когда самому Вернадскому было восемнадцать лет.

Но уместно напомнить, что еще в 1827 году (когда Белинский был пензенским гимназистом), сразу после появления в печати сцены («Ночь. Келья в Чудовом монастыре») из «Бориса Годунова» – одного из первых подлинно зрелых пушкинских творений, – Дмитрий

Веневитинов писал:

«Эта сцена, поразительная по своей простоте и энергии, может быть смело поставлена наряду со всем, что есть лучшего у Шекспира и Гете». С явлением же творения в целом «не только русская литература сделает бессмертное приобретение, но летописи трагической музыки обогатятся образцовым произведением, которое станет наряду со всем, что только есть прекраснейшего в этом роде на языках древних и новых».

Мнение Веневитинова безусловно разделяли и другие «любомудры» – братья Киреевские, Владимир Одоевский, Погодин, Тютчев, стремившийся определить в 1836 году, «отчего Пушкин так высоко стоит над всеми современными французскими поэтами» (среди коих числились тогда ни много ни мало Мюссе, Ламартин, Альфред де Виньи, Беранже, Жерар де Нерваль, Барбье и сам Гюго...). Впрочем, еще в 1831 году крупнейший тогда русский мыслитель Чаадаев сказал о Пушкине: «...вот, наконец, явился наш Дант».

Словом, есть вроде бы основания усомниться в правоте Вернадского, утверждавшего, что в России «совершался и совершается огромный духовный рост, духовное творчество, не видные и не осознаваемые ни современниками, ни долгими поколениями спустя».

Вернадский, в частности, выразил удивление по поводу того, что «в расцвет творческого выявления Толстого» Пекарский (и, конечно, вовсе не только он) продолжал полагать, что русская литература не имеет никакого мирового значения и «ее история не может изучаться в одинаковом масштабе с историей великих мировых литератур». Но ведь именно в то самое время, сразу же после завершения печатания «Войны и мира», Николай Страхов, подводя итог своим глубоко содержательным размышлениям о толстовской эпопее, совершенно верно утверждал, что она «принадлежит к самым великим, самым лучшим созданиям поэзии, какие мы только знаем и можем вообразить. Западные литературы в настоящее время не представляют ничего равного и даже ничего близко подходящего...» То есть современник, даже прямой ровесник Толстого, дал оценку, которая теперь является общепринятой!

И все же... все же Вернадский был по-своему прав. Ибо ясно, что высказывания и оценки любомудров, славянофилов или «почвенников» (к которым принадлежал Страхов), не имели и сотой или, пожалуй, даже тысячной доли того общественного резонанса, каковым обладали суждения «прогрессивных» критиков и публицистов – Белинского, Чернышевского, Михайловского и т. д. Резко «сниженные» или попросту уничтожающие отзывы о «Войне и мире» в статьях таких влиятельнейших тогда авторов, как Писарев, Шелгунов, Берви-Флеровский, Зайцев, Минаев и др., совершенно заглушили голос Страхова... Едва ли расслышал его и сам достаточно чуткий Вернадский! И потребовалась позднейшая «поддержка» из-за рубежа (в частности, того же де Вогюэ, которого упоминает Вернадский), чтобы «Война и мир» получила в России действительное признание.

Эта своего рода закономерность развития русского культурного самосознания была уяснена давным-давно. Еще в 1839 году Иван Киреевский, размышляя о духовных ценностях русского Православия, утверждал:

«Желать теперь остается нам только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения христианского, как оно заключается в нашей Церкви, и написал об этом статью в журнале; чтобы немец, поверивши ему, изучил нашу Церковь поглубже и стал бы доказывать на лекциях, что в ней совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы. Тогда, без сомнения, мы поверили бы французам и немцам и сами узнали бы то, что имеем».

В 1846 году Чаадаев, стремясь привлечь внимание русских читателей на весьма ценное в его глазах сочинение Хомякова, сам переводит его на французский язык и отправляет перевод своему Парижскому знакомцу графу де Сиркуру: «...берусь за перо, чтобы просить вас пристроить в печати статью нашего друга Хомякова... наилучший способ заставить нашу публику ценить произведения отечественной литературы – это делать их достоянием широких кругов европейского общества. Как ни склонны мы уже теперь доверять нашему собственному суждению, все-таки среди нас еще преобладает старая привычка руководствоваться мнением вашей публики» (стоит отметить, что и в наше время, например, широкое признание трудов

М. М. Бахтина в России совершилось лишь после высшей оценки их на Западе).³

Таким образом, Вернадский в более обобщенном виде сказал о том, о чем русские мыслители говорили еще столетием ранее. Но размышление Вернадского приводит к очень существенному итогу, которого я еще не касался.

Говоря об «открытии» средневековой русской иконописи и зодчества, Вернадский утверждает: «Это древнее русское искусство, как сейчас ясно видно, могло возникнуть и существовать только при том условии, что оно было связано в течение поколений глубочайшими нитями со всей жизнью нашего народа, с его высокими настроениями и исканиями правды. И совершенно ясно, что его (древнерусского искусства. – В.К.) осознание есть сейчас факт крупнейшего значения в жизни нашего народа.

Сейчас, мне кажется, мы подходим к новому явлению того же характера. Начинает вырисовываться неосознанная новая сторона нашей вековой духовной работы – работы русского народа и Русского государства в научном творчестве. Настала пора его выяснения... Что, научная работа русского народа является малозаметным явлением в росте знания человечества? Что, русская мысль теряется в мировой работе? Или гений нашей страны и здесь, как и в художественном отражении нас окружающего, выявил новое, богатое, незаменимое, единственное» (цит. соч., с. 314).

И Вернадский сетует, что «нами обычно забывается связь отечественной науки с той вековой работой, которую совершили русские землепроходцы открытием северной Азии, северных морей и пролива, отделяющего Евразию от Америки. Несомненно, эта работа старых веков, XV–XVII, была по своим научным последствиям столь же высокой важности научным достижением, как то раскрытие карты мира, какое совершено было моряками Запада XIV–XVIII столетий» (цит. соч., с. 314–315).

В высшей степени важно обратить сугубое внимание на тот факт, что Вернадский подчеркнуто ставит и иконопись, и «научную работу» в нераздельную связь со всей *цельностью* истории русского народа, укореняет художественное и научное творчество во всей полноте *народно-исторического* бытия России. Разумеется, это всецело относится и к русскому словесному творчеству.

И все это имеет глубокий и острейший смысл. В силу ряда причин (о них еще пойдет речь) русская литература как бы выделена в общественном сознании (во всяком случае, в представлениях большинства людей) в некую замкнутую сферу, словно бы даже самодовлеющий мир, *возвышающийся* над русской жизнью как таковой, над отечественной историей в ее реальной земной полноте.

Я отнюдь не считаю, что русская литература, – как и культура в целом, – есть прямое «отражение» или «воспроизведение» русской жизни, такой подход к делу – это прежде всего упрощенное, примитивизирующее истолкование культуры. Гораздо более верно понятие о творениях культуры (и, конечно, литературы) как о *плодах* – своего рода «последних», высших достижениях исторического творчества, плодах, которые, в частности, вовсе не обязаны быть «похожими» на свои жизненные корни. И, представляя собой *порождения* истории, творения культуры сами естественно становятся феноменами истории; трудно спорить с тем, что, скажем, былины об Илье Муромце, рублевская Троица, архитектурный мир Московского Кремля, «Жизнь за Царя» Глинки, толстовская «Война и мир» или лирика Есенина – это, без сомнения, реальные факты, *события* русской истории, прямо и непосредственно *участвующие* в ней.

В то же время они, конечно, представляют собой именно *порождения* этой истории, принципиально не могущие содержать в себе ничего такого, чего не было бы в самой истории. А между тем господствует мнение, согласно которому в России была, дескать, *только* великая, безмерно богатая и полная смысла литература (и, отчасти, культура вообще). Это выражено, например, в известном всем и каждому тургеневском стихотворении в прозе 1882 года

³ Отмечу, что автор этой книги, нередко причисляемый к «последователям славянофилов», еще в 1960 году писал о «всемирном значении» бахтинской мысли (см. об этом: «Литературная учеба», 1992, № 5–6, с. 144–145), но это убеждение стало в России широким достоянием лишь после признания М. М. Бахтина на Западе в 1980-х гг.

«Русский язык» (в понятие «язык» здесь, безусловно, включена литература):

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины ты один мне поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! – Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? – Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Итак, в России *только слово* несет в себе несомненное величие, а все, что «совершается» в ней, то есть ее целостное бытие, способно вызвать лишь «отчаяние»...

Это в конце концов попросту *странное* представление (оно ведь неизбежно подразумевает, что словесное инобытие России в творениях Пушкина, Тютчева, Гоголя, Достоевского, Толстого, Лескова как бы не имеет непосредственного отношения к порождающему чувство «отчаяния» русскому бытию) все же прочно внедрилось в сознание множества людей и особенно «расцвело» после 1917 года. Так, Луначарский писал в 1924 году, что-де «почти у всякой русской писательской могилы» (далее перечислялись многие имена от Радищева до Толстого) «можно провозгласить страшную революционную анафему против старой России, ибо всех их она... обузила, обгрызла, завела не на ту дорогу. Если же все же они остались великими, то *вопреки* этой проклятой старой России, и все, что в них есть пошлого, ложного, недоделанного, слабого, все это дала им она».

Эта, так сказать, экстремистски «идеалистическая» позиция (все наиболее существенное и ценное русские классики «взяли», оказывается, из своего собственного сознания, а не из русского бытия) является, по сути дела, господствующей, – и не только по отношению к литературе. Так, в непомерно превозносимом множестве критиков кинофильме А. Тарковского «Андрей Рублев» (по моему убеждению, посредственном и, в частности, невыносимо скучном) творчество гениального иконописца никак не соотнесено с русской жизнью его времени, – даже напротив. Хотя еще в 1927 году Вернадский (его слова уже приводились) с полным основанием говорил: «Это древнее русское искусство, как сейчас ясно видно, могло возникнуть и существовать только при условии, что оно было связано в течение поколений глубочайшими нитями со всей жизнью нашего народа, с его высокими настроениями и исканиями правды».

«Отрыв» этого искусства от самой жизни русского народа принимал нередко и поистине курьезные формы. Так, в 1939 году бывший в свое время управляющим делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал о том, как в 1918 году производилась реставрация Успенского собора в Кремле: «Владимир Ильич часто заглядывал в собор, – свидетельствовал исполнявший тогда обязанности гида Бонч-Бруевич, считавшийся, между прочим, крупным ученым, – внимательно рассматривал великолепные фрески и изображения старой итальянской живописи XV–XVI веков, которые обнаруживались после смывания мест, закрашенных различными нашими богами».

Как ныне хорошо известно, в основу фресок Успенского собора легла работа великого русского «иконника» Дионисия и его школы. Но при господствовавшем до самого последнего времени отношении к древнерусской культуре в это как бы невозможно было поверить. И Ленин, конечно, был убежден, что рассматривает образцы *итальянского* искусства...

Итак, в размышлениях Вернадского выявлены две характернейшие черты (можно бы и сказать: два характернейших «греха»), присущие освоению русских литературных, художественных, научных и вообще культурных ценностей: очевидное и нередко разительное «запаздывание» в их понимании и оценке и, во-вторых, более или менее решительное отделение, отрыв этих ценностей от цельного исторического бытия России (в противовес этому Вернадский утверждает, например, что русскую науку о мире начали создавать своим историческим, жизненным творчеством «землепроходцы» XV–XVII веков).

Целесообразно сразу же попытаться объяснить или, вернее, наметить пути объяснения этих «грехов», – хотя в определенном смысле именно такова задача книги в целом. Но заранее данные – пусть и эскизные – объяснения будут, как мне представляется, облегчать восприятие книги, которая во многих своих аспектах не совпадает с наиболее распространенными представлениями об истории России и русской литературы.

Тот факт, что (пользуясь определениями Вернадского) «огромный духовный рост, духовное творчество» как бы не замечаются и не осознаются «долгими поколениями спустя»,

обусловлен – хотя это, о чем еще пойдет речь, не единственная причина – своего рода *прерывистостью* русской истории. В настоящее время развивается, скажем, точка зрения – прежде всего в трудах Л. Н. Гумилева, – согласно которой история России в ее современном значении началась лишь к концу XIV века, а в основе *домонгольской* Руси лежала, по существу, деятельность иного этноса – иного по целому ряду существенных своих «параметров».

Подобное представление намечено – по-видимому, независимо от Л. Н. Гумилева – и в работах Д. С. Лихачева. Одна из главок его книги «Развитие русской литературы X–XVII веков» (Л., 1973) называется так: «Обращение к «своей античности». «Вторая половина XIV – начало XV вв. характеризуются повышенным интересом к домонгольской культуре Руси, к старому Киеву, старому Владимиру и Суздалью, к старому Новгороду... – утверждает Д. С. Лихачев. – Обращение поднимающейся Москвы... к киевской, владимирской и новгородской древности соответствовало обращению Запада к классическим источникам» (с. 116, 118) – то есть к древним Греции и Риму.

Хотел или не хотел этого автор (а он приводит, кстати сказать, многочисленные примеры «возрождения» домонгольской русской культуры в XIV–XV веках), но мысль его, исходящая из «соответствия» Возрождения на Руси и на Западе, неизбежно имеет и такой оттенок: до монгольского нашествия на Руси была совсем *иная* культура. Ибо *возрождение* есть с необходимостью новое *рождение*, а не «обычное» поступательное развитие одного и того же культурного организма.

И действительно, для понимания истории культуры (и литературы) России вполне уместна идея новых рождений, или, иначе, *воскрешений*. Причем речь должна идти вовсе не только об эпохе после монгольского нашествия. Еще уместнее говорить, например, о воскрешении средневековой русской культуры в XIX – начале XX века – после эпохи Петра Великого и его преемников.

Вернадский-сын писал (между прочим, в том же самом 1927 году, когда произнес цитированную выше речь его отец) в своем «Начертании русской истории», изданном в Праге, что к последней трети XVIII века «б ы л о у н и ч т о ж е н о ч е т ы р е п я т ы х р у с с к и х м о н а с т ы р е й (разрядка Г. В. Вернадского – В.К.)... Из 732 мужских монастырей (не считая юго-западного края) *оставлено* 161; из 222 женских – всего 39...⁴ Это был сокрушительный удар по всей исторической системе религиозно-нравственного воспитания русского народа... Роль суррогата Церкви в дворянском (отчасти в купеческом) обществе времен Екатерины стали играть масонские ложи...» (с. 196–197; между прочим, Г. В. Вернадский начал свою научную деятельность с углубленного изучения русского масонства).

Но дело шло вовсе не только о монастырях. С 1768 года выдающийся архитектор и не менее выдающийся масон, полномочный посредник в сношениях вождя масонов Н. И. Новикова с наследником престола великим князем Павлом Петровичем, В. И. Баженов, создает, по его собственному определению, «*проект Кремлевской перестройки*», которая ставит целью «обновить вид сего древностью обветшавшего и нестройного града».⁵ К 1773 году стена и башни Московского Кремля, расположенные вдоль Москвы-реки, были уничтожены, и состоялась торжественная закладка нового, «совершенного» дворца, своего рода масонского храма, который должен был, в частности, заслонить и затмить «*нестройные*» остатки Кремля...

Однако вскоре из-за прорыва глубокого рва для дворцового фундамента дал трещины Архангельский собор – усыпальница великих князей и царей, начиная с Ивана Калиты. Это показалось чрезмерным, работы были по распоряжению Екатерины II остановлены, а затем в течение десяти лет заново возведены снесенные стена и башни Кремля (на память остался ясно

⁴ Итак, из 954 монастырей 754 было ликвидировано, и осталось всего 200. В XIX – начале XX века многие монастыри были восстановлены, а также созданы сотни новых; к 1917 году в стране имелось более 1200 монастырей (см. статистику в кн.: Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России. М., 1975).

⁵ Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. – М., 1982, с. 291.

видный и теперь *шов* в кремлевской стене, возникший из-за того, что восстановление стены шло с двух концов).

Но принципиально новое представление о ценностях культуры еще долго владело умами и душами людей. Не кто иной, как Николай Михайлович Карамзин (который еще в 1784 году, восемнадцатилетним юношей, стал членом масонской «Ложы Златого Венца»⁶) писал в 1803 году на страницах влиятельнейшего тогда журнала: «Иногда думаю, где быть у нас гульбищу, достойному столицы, и не нахожу ничего лучшего берега Москвы-реки между каменным и деревянным мостом, если бы можно было там сломать кремлевскую стену... Кремлевская стена нимало не весела для глаз».⁷

Да, это написал тридцатилетний Карамзин – к тому же в том самом году, когда Александр I издал указ о его назначении *историографом*. Но серьезнейшее изучение отечественной истории и Отечественная война сделали свое дело, и в созданном именно в 1812 году (а изданном в 1816-м) VI томе своей «Истории государства Российского» Карамзин утверждал:

«Величественные кремлевские стены и башни равномерно воздвигнуты Иоанном... Таким образом Иоанн украсил, укрепил Москву, оставив Кремль долговечным памятником своего царствования, едва ли ни превосходнейшим в сравнении со всеми иными европейскими зданиями пятого-на-десять века (XV в. – В.К.)».

А ведь менее чем столетия назад Баженов на треть уничтожил Кремль, и всего девятью годами ранее сам Карамзин выражал желание сделать еще раз то же самое...

Или еще один, более поздний пример: в 1823 году Иван Киреевский был одним из создателей построенного по образцу масонской ложи «Общества любомудрия», а всего через полтора десятилетия он в поисках истины приходит к прямому продолжателю древнерусской духовной традиции старцу Оптиной пустыни Макарию. Это было своего рода показателем полного воскрешения того, что отвергла петровская эпоха и что продолжали отвергать в течение всего XVIII столетия и начала XIX в. (необходимо учитывать, что воскрешение совершилось незадолго до того и в самой Оптиной пустыни, где восстановилась – после длительного перерыва – древняя традиция *старчества*. См. об этом: Криволапов В. Н. Оптина пустынь: ее герои и тысячелетние традиции. – «Писатель и время», вып. 6-й, М., 1991, с. 373–423).

Прежде чем двинуться дальше, необходимо хотя бы кратко высказать свое отношение к тому отвержению допетровской русской культуры (вплоть до закрытия почти 80 процентов монастырей!), которое совершилось в XVIII веке. Сегодня едва ли не большинство из тех, кто касается данной темы, оценивает это отвержение всецело «негативно». Причем речь идет вовсе не только об авторах, как говорится, «охранительно-славянофильского» умонастроения; так, например, в книге модного ныне стихотворца заостренно либерального толка Б. Чичибабина на Петра Великого обрушены безоговорочные проклятья:

*Будь проклят, ратник сатаны,
Смотритель каменной мертвецкой,
Кто от нелепицы стрелецкой
Натряс в немецкие штаны.
Будь проклят, нравственный урод,
Ревнитель дел, громада плоти!..
Будь проклят тот, кто проклял Русь –
Сию морозную Элладу!
И как единственное утешение:
А Русь ушла с лица земли,*

⁶ См.: Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX в. Под редакцией Г. В. Вернадского. – П., 1916, с. 516.

⁷ Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя. – «Вестник Европы», 1803, № 13, с. 280.

В тайнохранительные срубы...

Может показаться, что эта «позиция» имеет свое существенное обоснование и оправдание, ибо ведь в эпоху Петра было немало людей, воспринимавших императора как Антихриста, а само его время как в прямом смысле слова апокалиптическое. И автор, кстати сказать, смягчает реальное историческое противостояние, говоря о «нелепице» стрелецкой: ведь буйные стрелецкие, казачьи и раскольничьи бунты при Петре продолжались в течение нескольких десятилетий.

Однако у людей, чьи жизненные устои рушила эпоха Петра, было действительное и несомненное *право* начисто отрицать ее: трагедия стрельцов, рельефно воссозданная в суриковском полотне, – это подлинная *трагедия*. А в трагедии, как убедительно доказывал Гегель, правы обе борющиеся не на жизнь, а на смерть стороны. Между тем историческая оценка петровской эпохи дана, думается, *навсегда* самим Пушкиным, который не упускал из виду фигуру Петра на протяжении всего своего творческого пути.

И нынешнее проклятье по адресу Петра, если оно честно и последовательно, должно сопровождаться отрицанием одной из незыблемых основ *пушкинского* исторического мышления, которое, между прочим, являет высший образец *объективности*, «утверждение» и «отрицание» Петра здесь гениально уравновешены. Это подлинное осознание смысла эпохи, а не ее «критика» во имя тех или иных «идеалов» – нравственных, политических, социальных и т. п. (о засилье подобной «критики» и в историографии, и в, так сказать, бытовых представлениях о русской истории еще пойдет речь). Этого рода «критика» нередко закономерно сочетается со столь же поверхностной идеализацией других исторических явлений. То есть на основе поверхностного, легковесного отношения к истории одно в ней подвергается бездумной хуле, а другое – столь же бездумной хвале. Так, например, тот же Б. Чичибабин, начисто презрев глубокое пушкинское осмысление фигуры Петра, вместе с тем в 1988 году безо всяких оснований «привлек» Пушкина к своему легковесному воспеванию другого исторического деятеля:

*В наши сны деревенские и городские
Пробираются мраки со дна –
Только Пушкин один да один у России,
Как Россия на свете одна.
А ведь разумом Пушкин-то с Лениным сходен,
Словно свет их один породил,
И чем больше мы связи меж ними находим,
Тем светлее заря впереди.*⁸

Такая стихотворная «историософия» (я говорю о стихах и о Петре, и о Пушкине с Лениным), да еще в сочинениях автора, увенчанного в 1990 году высшей премией, способна внести прискорбнейшую сумятицу в сознание людей. А ведь сочинения подобного рода появляются в последнее время чуть ли не ежедневно...

Выше закономерно возникла тема масонства, ибо в его рамках во многом складывалось и развивалось новое, *послепетровское* сознание. И опять-таки приходится сказать, что русское масонство сегодня рассматривается многими как заведомо негативное или даже попросту чудовищное явление.

Нет сомнения, что в истории масонства второй половины XVIII – первой четверти XIX веков (русское масонство XX века – это совсем иное явление, и прежде всего чисто «политическое») были безусловно «темные» стороны – «темные», в частности, и в смысле своей до сих пор неясной направленности, – например, полная подчиненность иных русских масонов, начиная с Новикова, зарубежным масонским организациям. Но, с другой стороны, уже сам факт, что на рубеже XVIII–XIX веков через масонство прошли не только упомянутый

⁸ Чичибабин Борис. Клянусь на знамени. – «Лит. Россия», 1988, 14 окт., с. 5.

Карамзин, но и такие люди, как Кутузов и Сперанский, Грибоедов и Чаадаев, и, наконец, сам Пушкин, побуждает серьезно задуматься о причинах этого устремления.

Разгадка, надо думать, в том, что в конце XVIII – начале XIX веков личность – в том числе личность государственного деятеля и деятеля культуры – для своего окончательного становления еще нуждалась в особенной *структуре* человеческих отношений, принципиально отличающейся от структуры государственно-сословной и церковной.

Известен выразительный эпизод, изложенный виднейшим современным историком русского масонства так: «...в 1817 или 1818 году Александр I посетил ложу „Трех добродетелей“, наместным мастером которой был будущий декабрист А. Н. Муравьев. В разговоре... Муравьев... назвал Александра I по обычаю ложи на „ты“. Это очень не понравилось царю».⁹ Но это, без сомнения, очень понравилось тем уже высокоразвитым личностям, которые считали нужным войти в масонство. И здесь, полагаю, один из важнейших ответов на вопрос, почему Грибоедов или Пушкин не отказались стать масонами.

С этой точки зрения своего рода «масонский» период в истории русской культуры (вторая половина XVIII – первая четверть XIX века) вполне понятен и закономерен. И есть, так сказать, естественная диалектика в том, что уже упомянутый Иван Киреевский *должен был* пройти через стадию масонообразного «Общества любомудрия», чтобы затем «вернуться» в Оптину пустынь – вернуться не под воздействием лежащего вне его личности обычая, традиции, канона (в среде образованных людей эти внешние устои Православия в послепетровские времена были во многом разрушены), но по зову, исходящему из глубины самой его личности.

В связи с темой масонства уместно сделать краткое отступление, или разъяснение, так как, вполне возможно, найдется немало людей, которым придет в голову мысль, что я придаю русскому масонству слишком большое значение. Но, поверьте, такая мысль может возникнуть только от *незнания* реального положения дел. Масонство – принципиально «тайное» и к тому же мало изучавшееся в России явление. Роль же его была очень велика.

Приведу чисто личные, но, как представляется, многозначительные «примеры». Я родился, затем учился, наконец, стал служить в трех (последовательно) московских зданиях по адресам: Большая Молчановка, дом 5 (теперь – Новый Арбат, 7), Моховая, 11, и Поварская, 25, в которых помещались соответственно родильный дом, Московский университет и Институт мировой литературы Академии наук. Все эти здания, слава Богу, сохранились и можно посмотреть на их фасады и разглядеть на них ясную *масонскую* эмблематику.

Обусловлено это, несомненно, тем, что здание университета было воздвигнуто (в 1780–1793 годах) под руководством его директора – виднейшего масона М. М. Хераскова, а особняк, в котором впоследствии разместился Институт мировой литературы, строился (закончен в 1829 году) для масона князя С. С. Гагарина; что же касается построенного в 1914 году (во время нового подъема масонства) дома, где я в 1930 году родился, мне не удалось точно выяснить, кто его заказывал и строил...

Могут сказать, что эти три факта недостаточно «представительны». Но все же вдумаясь: все три дома, сыгравшие «главную роль» в жизни одного москвича, оказываются связанными с масонством! Исходя из элементарных соображений «вероятности», придется признать, что масонство – очень широкое и влиятельное явление московской истории XVIII–XX веков...

Но вернемся к нашей основной теме.

Итак, одна из главных причин той – подчас очень длительной – недооценки явлений отечественной культуры, о которой так горячо говорил В. И. Вернадский, – чрезвычайно резкие и всесторонние перевероты в истории и, соответственно, в истории культуры, присущие России. Русская культура не раз как бы умирает и лишь гораздо позднее воскресает заново. Еще в 1830 году Пушкин писал: «...старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь и на ней возвышается единственный памятник: „Песнь о полку Игореве“. Словесность наша явилась вдруг в 18 столетии...» Стоит заметить, что всего тридцатью годами ранее нельзя было бы назвать и этот «единственный памятник», ибо он еще не был открыт заново...

Но многое в России происходит поистине стремительно, и через каких-нибудь два

⁹ Старцев В. И. Масонство в России. – В кн.: За кулисами видимой власти, М., 1984, с. 83.

десятилетия Пушкин уже не мог бы так говорить, поскольку целая плеяда исследователей и просто любителей российской словесности (в основном из круга славянофилов) открыла в «темной степи» (характерна в данном случае пушкинская чуткость: он сказал не о «пустыне», а о «темной степи», где трудны, но все же возможны «находки») допетровских времен неслыханные богатства словесности. Ныне же изданы, например, двенадцать объемистых томов серии «Памятники литературы Древней Руси» – и это только небольшая доля созданного и лишь меньшая часть сохранившегося до наших дней (в двенадцатитомнике нет, скажем, ни «Толковой Палеи», ни «Просветителя» Иосифа Волоцкого, ни «Степенной книги»¹⁰),

Вполне очевидно, что весь этот «сюжет» предельно актуален, ибо за последние годы происходит вполне аналогичное воскрешение культурных ценностей, как бы «умерших» после 1917-го... Таким образом, «запоздания», о коих говорил Вернадский, имеют свои существеннейшие причины.

Вернадский сказал (эти слова уже приводились), что древнерусское искусство явилось перед людьми его поколения «совершенно забытое, восстанавливаемое и оживляющееся (то есть воскресающее. – В.К.), как в эпоху Возрождения из земли возвращались в своих остатках античное зодчество и скульптура». Это действительно так, но нельзя не заострить внимания на одном способном поразить воображение отличии: ведь в эпоху Возрождения дело шло об искусстве *чужих* (и давно переставших существовать) народов Эллады и Рима, а у нас – об искусстве собственного народа... Вот оно – «небывалое» и несущее в себе глубоко драматический, даже трагедийный смысл своеобразие русской культуры... Она не раз умирает, но умирает, чтобы воскреснуть и, значит (об этом также не следует забывать!), явиться в новорожденном обаянии...

И поэтому, в частности, ложна всецело негативная оценка того же петровского (и послепетровского) «отрицания» предшествующей культуры. В этом – *своеобразие* истории России и ее культуры, а не просто некое «безобразие», как утверждали и утверждают многие авторы...

Нисколько не менее важен другой аспект проблемы, намеченный В. И. Вернадским, – недооценка или даже прямое отвержение нераздельной связи культуры (и, конечно, литературы) с историей русского народа. Вернадский настаивает, например, на том, что великое искусство иконописи «было связано в течение поколений глубочайшими нитями со всей жизнью нашего народа» и что даже любой из создателей русской научной картины мира «теснейшим образом связан с той вековой работой, которую совершили русские землепроходцы», начиная со стародавних времен.

Творения русской культуры – органические плоды истории России – таков исходный тезис. Решусь утверждать – вслед за В. И. Вернадским, – что эта проблема (культура как порождение истории России), казалось бы, достаточно ясная, изучена и тем более понята совершенно недостаточно. И дело здесь не только в выявлении того, как народно-историческое бытие «превращается», кристаллизуется в творения культуры (которые, о чем уже шла речь, не столько «отражения», «воспроизведения», сколько плоды истории, или, иначе, ее высший цвет). Дело и в том, что само имеющееся налицо научное освоение русской истории в силу целого ряда причин не способствует решению поставленной проблемы. Так, наиболее известные курсы истории России – это в самой своей основе «критические» или даже заостренно «критицистские» курсы, далекие от объективного понимания и толкования.

В недавней обращенной к широкому читателю книге о С. М. Соловьеве его двадцатидевятитомная «История России с древнейших времен» оценена так: «...он создал наиболее полную, цельную и... наиболее обоснованную концепцию истории России, ставшую вершиной... историографии».¹¹

Но есть и совсем другая оценка (разумеется, даже и не упомянутая в только что цитированной книге). Окончив «Войну и мир», Толстой взялся – уже не в первый раз – за

¹⁰ Это наиболее крупные творения древнерусского Слова.

¹¹ Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. – М., 1980, с. 175.

чтение изданных к этому времени томов «Истории...» Соловьева и написал 4–5 апреля 1870 года в своем дневнике следующее:

«Читаю историю Соловьева. Все, по истории этой, было безобразие в допетровской России: жестокость, грабеж, праведж, грубость, глупость, неумение ничего сделать... Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась история России.

Но как же так ряд безобразий произвели великое единое государство?

Но кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли?.. Кто и как кормил хлебом весь этот народ?.. Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и рожал этих людей единого корня? Кто блюл святыню религиозную, кто сделал, что Богдан Хмельницкий передался России, а не Турции или Польше?..

История хочет описать жизнь народа – миллионов людей. Но тот, кто... понял период жизни не только народа, но человека... тот знает, как много для этого нужно. Нужно знание всех подробностей жизни... нужна любовь.

Любви нет и не нужно, говорят. Напротив, нужно доказывать прогресс, что прежде все было хуже...»

Вопросы, которые как бы ставит перед Соловьевым, да и большинством историков России Толстой (важно напомнить, что Толстой отнюдь не принадлежал к пристрастным «русофилам» и догматическим патриотам), можно бы до бесконечности множить. Как совместить, например, представленное в их сочинениях сплошное «безобразие» русской истории с такими ее плодами, как «Слово о законе и Благодати» Илариона, храм Покрова на Нерли, «„Предание“ Нила Сорского» фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре и т. п.?

Толстой выявляет один из главнейших и поистине тиранических «стимулов», руководивших множеством историков России, – идею «прогресса» – едва ли не самую популярную и едва ли не самую легковесную из «идей» XVIII–XX веков. Историки не столько изучают историю, сколько *судят* или, вернее, даже *осуждают* ее в свете этой «идеи». К тому же идея эта, если можно так выразиться, оказывается предельно беспринципной.

Так, характеризуя эпоху конца XI – начала XIII веков, Русь беспощадно судят за «феодальную раздробленность», а переходя ко времени конца XV–XVI века, те же самые историки проклинают «деспотизм» российского единовластия. А между тем совершенно, казалось бы, бесспорно, что без этой самой «раздробленности» не могла бы создаться самобытная жизнь и культура Новгорода, Пскова, Твери, Ростова, Рязани и т. д., а без «единовластия» все это многообразное богатство не смогло бы слиться в великую общерусскую жизнь и культуру. И, между прочим, эта историческая «диалектика» (единое государство – раздробленность – новое единство и, как правило, «деспотическое») присуща истории *всех* основных стран Западной Европы, а вовсе не одной России...

Толстой говорит, что для познания истории нужна «любовь». Это звучит вроде бы совсем «ненаучно». Но если под этим понимать *приятие* тех или иных периодов и явлений русской истории такими, каковы они есть, толстовское слово вполне уместно. Известно превосходное пушкинское требование: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным», – то есть принимать его творение в его реальном своеобразии. Это, в сущности, применимо и к исторической эпохе, тем более что Пушкин не раз сближал драму (где «автора» как бы и нет, а есть только поступки и высказывания героев) с «драмой» самой истории и, естественно, с воссозданием этой «драмы» в сочинении историка. Он писал о «падении Новгорода» в противоборстве с Москвой в XVI веке:

«Драматический поэт, беспристрастный, как судьба, должен был изобразить... отпор погибающей вольности как глубоко продуманный удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, но *люди минувших дней, их умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине*»

(выделено мною. – В.К.).

В этом рассуждении Пушкина вполне уместно будет заменить «драматического поэта» историком. И та «любовь», о которой как о необходимом качестве историка писал Толстой, – это любовь, или, скажем более нейтрально, *приятие* не Москвы и не Новгорода (тут-то как раз требуется «беспристрастие» в отношении борющихся и имеющих каждая свою *правоту* сил), а *приятие* самой великой *драмы* (или даже трагедии) Истории.

Пушкин и как художник, и как историк обладал этой чертой в высшей степени. В «Борисе Годунове» беспристрастно воссозданы и Борис, и Григорий Отрепьев, и все остальные; столь же беспристрастен Пушкин (о чем уже сказано) и в художественном, и в собственно историографическом воссоздании Петра и его непримиримых врагов.

О несравненном, в сущности уникальном даре и умении Пушкина точно говорит посвятивший свою жизнь познанию его наследия В. С. Непомнящий, исходящий, по его определению, из «фундаментального, основополагающего качества мироощущения Пушкина, а именно: для него *бытие есть безусловное единство и абсолютная целостность*», в которой нет ничего «отдельного», «лишнего» и самозаконного – такого, что нужно было бы для «улучшения» бытия отрезать и выбросить... Смерти и убийства, измены, предательства, виселицы и яд, трагические разлуки любящих, бушевание разрушительных природных и душевных стихий, крушение судеб, холодность и эгоизм, смертоносное могущество мелочных предрассудков и низменных устремлений – все это буквально наводняет и переполняет мир Пушкина... Почему, невзирая на весь трагизм этого мира, мы обращаемся к Пушкину вовсе не как к трагическому гению света, рыцарю Жизни?..»

Суть в том, подводит итог В. С. Непомнящий, что Пушкин «именно «во всей истине»... «воскрешает» изображаемые события.

Во всей истине...

Если у большинства из нас роль точки отсчета играет какая-то часть истины, понятная нам и устраивающая нас, то у Пушкина такой точкой отсчета является «вся истина», вся правда, целиком, никому из людей, в том числе и автору, персонально не принадлежащая и не могущая принадлежать. Эта «вся истина» и есть солнце пушкинского мира, и вот почему, будучи полным сумрака и зла, он так светел и солнечен. Ведь правда, полная правда дает ясность, то есть верное представление о реальном порядке и реальной связи вещей... Без такого представления... невозможна *полная жизнь*, в которой человеческий дух только и может находить радость. Мир Пушкина светел потому, что это не хаос, из которого можно извлечь любые комбинации элементов, вызывающие ужас или ненависть, тоску или отрицание ценностей, ощущение бессмыслицы и безнадежности, желание «все утопить» («Сцена из Фауста») или все перекроить по-своему... (а именно так и подается история России в массе сочинений! – В.К.); мир Пушкина – это в своем изначальном существе космос... в котором все неслучайно, все неспроста, все осмысленно и по сути своей прекрасно...».¹²

Это относится, конечно, вовсе не только к художественным творениям Пушкина, но и ко всему его наследию – в том числе и собственно историографическим сочинениям и заметкам. Но пушкинская традиция, увы, почти не продолжена. В исторических трудах о России весьма редко встречается это «беспристрастие», это *приятие* истории как она совершалась; выше шла речь о типичных нынешних «проклятьях» по адресу Петра или масонства рубежа XVIII–XIX веков (и это, понятно, только два частных «примера»).

И потому, ставя перед собой цель «вывести» русскую литературу из истории, показать, как она рождается из истории, необходимо заняться и непосредственно самой русской историей, или, по меньшей мере, русской историографией, – с целью выявить и выставить в ней на первый план те сочинения, где русское историческое бытие воссоздано объективно, а не подвергается постоянной «критике», «суду» во имя «прогресса» и других отвлеченных и поверхностных «идеалов».

Размышляя о всецело господствующем критицизме в отношении русской истории –

¹² Непомнящий В. Пророк. Художественный мир Пушкина и современность. – «Новый мир», 1987, № 1, с. 137, 138, 139–140.

критицизме, нередко приобретающем поистине экстремистский характер, – необходимо уяснить его наиболее глубокую основу.

Обращусь для этого к фигуре Ивана Грозного. Безусловное большинство историков и, далее, публицистов, писателей и т. п. рассматривают его как заведомо «беспрецедентного» и, в сущности, даже попросту патологического тирана, деспота, палача.

Нелепо было бы оспаривать, что Иван IV был деспотическим и жестоким правителем; современный историк Р. Г. Скрынников, посвятивший несколько десятилетий изучению его эпохи, доказывает, что при Иване IV Грозном в России осуществлялся «массовый террор», в ходе которого «было уничтожено около 3–4 тыс. человек»,¹³ – причем уничтожено во многих случаях явно безвинно и к тому же зверски, с истязаниями и наиболее тяжкими способами казни.

Но нельзя все же забывать или, вернее, не учитывать, что западноевропейские современники Ивана Грозного – испанские короли Карл V и Филипп II, король Англии Генрих VIII и французский король Карл IX самым жестоким образом казнили *сотни тысяч* людей. Так, например, именно за время правления Ивана Грозного – с 1547 по 1584 – в одних только Нидерландах, находившихся под властью Карла V и Филиппа II, «число жертв... доходило до 100 тыс.»¹⁴ – причем речь идет прежде всего о казненных или умерших под пытками «еретиках» (кстати, даже те, кто не изучал специально историю Европы, знают о чудовищном и даже садистском терроре Филиппа II из популярного исторического романа Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке»).

Предельная жестокость казней выражалась в том, что значительная часть жертв сжигалась заживо на глазах огромной толпы и, как правило, в присутствии самих королей; по вполне достоверным сведениям, было «сожжено живьем 28 540 человек».¹⁵ Стоит сказать о том, что массовый террор XVI века нередко целиком «списывают» на инквизицию. Но это неверно; в Англии вообще не было инквизиции, а террор был не менее массовым (см. ниже); еще более важно отметить, что инквизиция представляла собой только судебную инстанцию, а приговор приводился в исполнение по воле королевской власти и ее средствами.

Французский король Карл IX 23 августа 1572 года принял активное «личное» участие в так называемой Варфоломеевской ночи, во время которой было зверски убито «более 3 тыс. гугенотов»¹⁶ – только за то, что они принадлежали к протестантству, а не к католицизму; таким образом, *за одну ночь* было уничтожено примерно столько же людей, сколько *за все время* террора Ивана Грозного! «Ночь» имела продолжение, и «в общем во Франции погибло тогда в течение *двух недель* около 30 тыс. протестантов» (цит. соч., с. 264. – Выделено мною. – В.К.).

В Англии Генриха VIII только за «бродяжничество» (дело шло в основном о согнанных с превращаемых в овечьи пастбища земель крестьянах) вдоль больших дорог «было повешено 72 тысячи бродяг и нищих».¹⁷

Словом, если на Руси Ивана Грозного было казнено 3–4 тысячи человек (об этом говорит не только Скрынников, но и другой современный историк, также несколько десятилетий изучавший эпоху: «жертвами царского террора стали 3–4 тыс. человек»; однако он почему-то тут же умозаключает, что-де «царский произвол приобретал... характер абсолюта»,¹⁸ то есть

¹³ Скрынников Р. Г. Иван Грозный – М., 1975, с. 191.

¹⁴ Григулевич И. Р. История инквизиции. – М., 1970, с. 271.

¹⁵ Лозинский С. Г. История папства – М., 1986, с. 262.

¹⁶ Большая советская энциклопедия, третье издание, т. 4, М., 1971, с. 312.

¹⁷ Осинковский И. Н. Томас Мор – М., 1974, с. 62.

¹⁸ Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. – Л., 1988, с. 147, 122.

«беспрецедентный» характер), то в основных странах Западной Европы (Испании, Франции, Нидерландах, Англии) в те же времена и с такой же жестокостью, а также сплошь и рядом «безвинно» казнили никак не менее 300–400 тысяч человек! И все же – как это ни странно и даже поразительно – и в русском, и в равной мере западном сознании Иван Грозный предстает как ни с кем не сравнимый, уникальный тиран и палач...

Сей приговор почему-то никак не колеблет тот факт, что количество западноевропейских казней тех времен превышает русские *на два порядка, в сто раз*; при таком превышении, если воспользоваться популярной в свое время упрощенной гегельянской формулой «количество переходит в качество», и зловещий лик Ивана Грозного должен был вроде бы совершенно померкнуть рядом с чудовищными ликами Филиппа II, Генриха VIII и Карла IX. Но этого не происходит. Почему? Кто повинен в таком возведении Ивана IV в высший ранг ультратирани и сверхпалача, хотя он безнадежно «отставал» с этой точки зрения от своих западноевропейских коронованных современников?

Нет сомнения, что в этом повинны русские общественные деятели, историки, публицисты, да и русские люди вообще. Но с определенной точки зрения главным виновником этого представления об Иване Грозном как о совершенно исключительном, из всех рядов выходящем тиране и палаче является... сам Иван Грозный, который, например, в 1573 году (то есть через год после отмены *опричнины*) в своем получившем широкую известность послании в Кирилло-Белозерский монастырь обвинял себя «в скверне, во убийстве... в ненависти, во всяком злодействе», в том, что он – «нечистый и скверный душегубец».¹⁹

Вполне естественно было счесть Ивана Грозного непревзойденным душегубцем, если уж он и сам это всецело признает... К тому же позднее, в 1582 году, Иван Грозный официально объявил о «прощении» (как бы сказали ныне, реабилитации) всех казненных при нем людей и передал в монастыри огромные деньги для их вечного поминания, – по сути дела полностью признав их пострадавшими безвинно...

Ничего подобного *никогда* не делали западноевропейские властители – современники Ивана Грозного. Не менее характерно и то, что западная Церковь всячески одобряла и благословляла казни; так, сообщает историк, «папа Григорий XIII при известии о „подвигах“ Варфоломеевской ночи иллюминировал Рим и важнейшие пункты своей области, выбил медаль в честь этого богоугодного дела и отправил в Париж кардинала Орсини для поздравления „христианнейшего короля и его матери“ – Карла IX и Екатерины Медичи».²⁰

Между тем именно в это время митрополит Московский Филипп в Успенском соборе принародно отказался благословить Ивана Грозного (несмотря на его троекратную просьбу об этом), во всеуслышание сказав: «За олтарем неповинно кровь льется христианская, и напрасно умирают». Филипп был сослан в Тверь и, по преданию, тайно убитым там, но уже в 1591 году, всего через семь лет после смерти царя, его причислили к лику святых. И святитель Филипп – один из наиболее почитаемых на Руси.

Менее широко известен его прямой предшественник (образ Филиппа как бы заслонил его) – святитель Герман. Он принадлежал к славному роду Полевых, неразрывно связанному с деятельностью одного из величайших русских святых Иосифа Волоцкого – человека нестигаемого духа и воли, бесстрашно выступавшего против Ивана III (и затем многократно оклеветанного историками и публицистами, что длится и в наше время. В мае 1566 года (опричный террор начался в 1565) Иван Грозный возвел Германа Полева в сан митрополита, но новый глава Церкви тут же объявил, что царя ждет Страшный суд за содеянное. Иван Грозный отрешил Германа от его поста, и 27 июля 1566 года митрополитом (до 4 ноября 1568 года) стал Филипп, в конечном счете пошедший по пути Германа.

Резкий контраст в отношении к злодейству главы западной и глав русской Церкви в высшей степени характерен. О причинах этого контраста писали многие русские мыслители и писатели. Приведу размышление И. В. Киреевского о различии «западного» и русского

¹⁹ Памятники литературы Древней Руси. Вып. 8-й, М., 1988, с. 144, 145.

²⁰ Лозинский С. Г. История папства – М., 1986, с. 264–265.

человека:

«Западный, говоря вообще, почти всегда доволен своим нравственным состоянием, почти каждый из европейцев всегда готов, с гордостью ударяя себя по сердцу, говорить себе и другим, что совесть его вполне спокойна, что он совершенно чист перед Богом и людьми... Русский человек, напротив того, всегда живо чувствует свои недостатки... даже в самые страстные минуты увлечения всегда готов осознать его нравственную незаконность».

И слова Достоевского: «...Пусть в нашем народе зверство и грех, но вот что в нем неоспоримо: это именно то, что он, в своем целом, по крайней мере (и не в идеале только, а в самой заправской действительности) никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за правду!»²¹

С этой русской «чертой» жестко столкнулись в XX веке большевики: в 1908 году Ленин, исходя из впечатлений только что закончившейся первой русской революции, писал о Толстом: «С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, – с другой стороны, «толстовец», т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бил себя в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий...»

Как ни странно, автор этих памфлетных строк не вдумался в тот факт, что обе «стороны» на самом деле едины и неразрывны: бескомпромиссный протест против лжи и фальши в обществе, и в равной мере в *самом себе*. И напрасно здесь сказано «русский интеллигент»; на следующей же странице Ленин сам себя опроверг:

«В нашей революции... совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов. Большая часть крестьянства плакала и молилась... совсем в духе Льва Толстого». И даже более того: «Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы, – но... через пару дней, иногда через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги... – совсем в духе Льва Николаевича Толстого!»²²

Здесь совершенно правильно выявлено *единство* общего народного представления о добре и зле, равно присущего графу и великому писателю Толстому и каждому, любому крестьянину, – в том числе и облаченному в солдатскую форму. Против этого сформировавшегося в течение веков русского нравственного склада и боролись всеми силами большевики...

Могут сказать, что большевикам, начиная с 1917 года, удалось «переделать» русский народ, вышибить из него его извечную сущность. Но следует задуматься над тем, что за все три с половиной десятилетия (1918–1933) массового террора в России среди людей, принимавших главные, основные решения, почти не было русских; когда же после смерти Сталина-Джугашвили во главе страны впервые после 1917 года оказались русские, террор сразу же прекратился; с 1954 по 1984 год в стране не было *ни одной* политической казни (не считая убитых при подавлении «бунтов», что бывает в любой стране).

Но вернемся к Ивану Грозному. Не кто иной, как Сталин, резко осудил его за его «русскость»: «Иосиф Виссарионович отметил, что он (Иван IV. – В.К.)... не довел до конца борьбу с феодалами, – если бы он это сделал, то на Руси не было бы Смутного времени... Грозный ликвидирует одно семейство феодалов, один боярский род, а потом *целый год кается и замаливает «грех»* (именно так – в кавычках. – В.К.), тогда как ему нужно было бы действовать...».²³

²¹ См. подробную характеристику безграничного стремления русских людей к крайнему «самокритицизму», самоосуждению в моей статье «И назовет меня всяк сущий в ней язык». Заметки о духовном своеобразии России («Наш современник», 1981, № 11, или в книге: Вадим Кожинов. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1990).

²² Ленин В. И. О литературе и искусстве. – М., 1986, с. 132, 133, 134.

²³ Черкасов Н. К. Записки советского актера. – М., 1953 с. 382, 383.

Но если уж сам Иван Грозный так себя вел, вполне понятно отношение к нему. Его западные современники Генрих VIII или Карл V – исключительно высоко почитаемые в своих странах исторические деятели, которым воздвигнуты гордые памятники. Между тем даже памятник Тысячелетия России в Новгороде (1862), где воссозданы облики 109 русских деятелей, отвергнул Ивана Грозного; его фигура там отсутствует (не говоря уже о «специальных» монументах – их нет).

И Россия сумела убедить и себя, и весь остальной мир, что угнетателя и злодея таких масштабов никогда дотоле не рождала Земля. Одно из не столь уж крупных выражений мирового зла было превращено в будто бы уникальное, ни с чем не сопоставимое на Земле «чисто» *русское* зло.

Подчас те или иные историки пытались как-то «скорректировать» это заведомо ложное представление. Так, например, польский историк России Казимир Валишевский писал в своем сочинении «Иван Грозный» (1904): «В свой век Иван имел пример... в 20 европейских государствах, нравы его эпохи оправдывали его систему... Просмотрите протоколы... того времени. Ужасы Красной площади покажутся вам превзойденными. Повешенные и сожженные люди, обрубки рук и ног, раздавленных между блоками... Все это делалось средь бела дня, и никого это не удивляло, не поражало».²⁴

Но возражение Валишевского (хотя он был в свое время очень популярным автором) отнюдь не было услышано. И существенную причину этого невольно, бессознательно объяснил сам Валишевский, заметив, что на Западе массовое и жесточайшее уничтожение людей «никого не удивляло, не поражало». Совсем по-иному обстояло дело в России...

В последнее время в одном из обращенных к широкому читателю сочинений была предпринята попытка снять ореол «исключительности» с террора Ивана Грозного: «Иван IV был сыном... жестокого века», – пишут видные историки этой эпохи, – с присущим ему «истреблением тысяч (на деле – *сотен тысяч*. – В.К.) инакомыслящих... деспотическим правлением монархов, убежденных в неограниченности своей власти, освященной церковью, маской ханжества и религиозности прикрывавших безграничную жестокость по отношению к подданным... Французский король Карл IX сам участвовал в беспощадной резне протестантов в Варфоломееву ночь, 24 августа 1572 г., когда была уничтожена добрая половина родовой французской знати. Испанский король Филипп II... с удовольствием присутствовал на бесконечных аутодафе на площадях Вальядолида... В Англии, когда возраст короля или время его правления были кратны числу «семь», происходили ритуальные казни: невинные жертвы должны были якобы искупить вину королевства. По жестокости европейские монархи XVI в. ...были достойны друг друга».²⁵

Но это – только небольшая «оговорка» в сочинении, которое в целом не выходит за рамки привычного возведения Ивана Грозного в «сверхпалачи». Так, авторы бегло отмечают, что «цена, которую уплатила Россия за ликвидацию политической раздробленности, не превосходила жертв других народов Европы, положенных на алтарь централизации, Первые шаги абсолютной монархии в странах Европы сопровождались потоками крови подданных» (там же, с. 132). Тут бы и указать, что эти «потоки» на Руси в действительности были в сто раз менее «полноводными»... но слишком сильна инерция. И уже после издания цитируемой работы, непосредственно в наше время 1991 г.) появляется сочинение воинствующего разоблачителя «русского безобразия» В. Б. Кобрин, который пишет, что-де эпохе Ивана Грозного присущ «невероятный масштаб репрессий, казующийся *избыточным*».²⁶ «Невероятный», «избыточный» – по сравнению с чем? С сотнями тысяч замученных и казненных тогда в Испании, Франции, Англии, Голландии? Кобрин ссылается на, так сказать,

²⁴ Валишевский К. Иван Грозный. – СПб., 1912, с. 291–292.

²⁵ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982, с. 125.

²⁶ Кобрин В. Б. Иван Грозный: Избранная рада или опричнина. – В кн.: История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX вв. М., 1991, с. 161.

бесспорный авторитет: «В. И. Ленин, – пишет он – подчеркивал, что русское самодержавие „азиатски-дико“, что „много в нем допотопного варварства“ (там же, с. 146). Но ведь европейцы Филипп II или Карл IX поистине грандиозно превзошли „азиата“ Ивана IV!.. Кобрин оспаривает количество жертв террора, выясненное Р. Г. Скрынниковым: „Погибло, – пишет он, – от трех-четырёх тыс. (по подсчётам Р. Г. Скрынникова) до 10–15 тыс. человек (как полагает автор настоящего очерка)“ (цит. изд., с. 137).

Различие в том, что Скрынников опирается на тщательнейшее изучение вопроса, а Кобрин попросту «полагает». Но ведь и у него речь идет все-таки максимум о полутора десятках тысяч, а не о сотнях тысяч, как в Западной Европе... Почему же Кобрин твердит о «невероятном масштабе репрессий» и повторяет ленинские изречения о некой «азиатской дикости» и «допотопном варварстве»? Ленина, между прочим, еще можно «понять»: он стремился как-то «оправдать» революционный террор. Но для чего Кобрин пытается внушить читателям, что-де «русский» террор «невероятен» по масштабу? При этом Кобрин идет на сознательную ложь, ибо в его сочинении все же промелькнуло знание реального положения вещей: «По всей Европе, – написал он, – в те времена, когда идет становление единых государств, как по заказу появляются на престолах тираны – Людовик XI во Франции, Генрих VIII в Англии, Филипп II в Испании... Не закономерность ли?» (цит. соч., с. 145). Вот бы и поговорить об этой «закономерности» и действительных «масштабах» порождаемых ею репрессий в Европе и, с другой стороны, в России. Но Кобрин более ничего об этом не сказал, и, конечно же, его цитированная только что фраза едва ли окажет какое-либо воздействие на читателей. У этого автора главная цель – проклясть в лице Ивана Грозного саму Россию...

Сокрушительные проклятья по адресу Ивана Грозного начались при его жизни и продолжаются до нашего времени. И их невозможно и ни в коем случае не следует прекращать – иначе *мы перестанем быть русскими*.

Но вместе с тем необходимо все же глубоко и основательно понять, что дело вовсе не в некоей исключительности, некоем «превосходстве» русского зла над *мировым злом*, а, если угодно, в исключительности *русского отношения к своему, русскому злу*.

Мы еще вернемся к этой теме; здесь же скажу так: нам следует в конечном счете не сгорать от стыда за то, что у нас был Иван Грозный (ибо ведь он далеко «отстал» в сеянии зла от своих испанских, французских, английских современников), а с полным правом гордиться тем, что мы, русские, вот уже четыреста с лишним лет никак не можем примириться со злом этого своего царя...

Впрочем, это явно напрасная надежда: русские люди в своем большинстве все равно будут терзаться тем, что у них был Иван Грозный.

Стоит привести в связи с этим еще один выразительный «пример». В 1847 году Александр Герцен эмигрировал из России, поскольку считал свою родину средоточием зла, своего рода «апогей» которого он видел в казни пяти участников восстания 14 декабря. Он не мог не знать, что с 1773 (подавление пугачевского бунта и казнь шести его главарей) и до 1847-го – то есть почти за 75 лет, – казнь декабристов была *единственной* казнью в России. И все же он отказывался жить в стране, где возможна такая неслыханная жестокость.

Однако не прошло и полутора лет после отъезда Герцена в благословенную Европу, и непосредственно на его глазах были в течение всего трех дней расстреляны *одиннадцать тысяч* участников парижского июньского восстания 1848 года. Поначалу бедный Герцен почти обезумел от ужаса и написал своим друзьям в Москву совершенно «недопустимые» слова: «Дай Бог, чтобы русские взяли Париж, пора окончить эту тупую Европу!..» Сообразив, что его оголтелые западнические друзья будут крайне возмущены таким пожеланием, он бросил им обвинение:

«Вам хочется Францию и Европу в противоположность России так, как христианам хотелось рая – в противоположность земле...

Я стыжусь и краснею за Францию...

Что всего страшнее, что ни один из французов не оскорблен тем, что делается...»

Это последнее наиболее важно: Герцен «стыдится», а французы – нисколько. Но Герцен

все же остается русским: отдышавшись после шока 1848 года, он через восемь лет начал издавать в Лондоне альманах «Полярная звезда», на обложку которого поместил силуэты пяти мучеников-декабристов – как неумолимый укор России. И Европа «согласилась» с Герценом: в массе изданных там сочинений казнь декабристов квалифицируется как выражение беспрецедентной жестокости, присущей именно России...

Могут сказать, что после 1917 года Россия сравнялась или даже превзошла Запад с точки зрения массовости и жестокости террора. Однако нетрудно доказать, что после Октября началось очевидное подражание типичному для Запада революционному террору. Вот очень выразительная последовательность руководящих указаний Ленина.

Через десять дней после Октябрьского переворота, 17 ноября 1917 года, он заявил: «Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали *безоружных* людей (тогда было гильотинировано публично более 16 тысяч человек. – В.К.), мы не применяем» (Полн. собр. соч., 3-е изд., т. 35, с. 63). Таким образом, русская революция здесь прямо противопоставлена французской, которая, помимо гильотинирования, топила переполненные людьми барки, палила из пушек картечью по связанным вместе веревками десяткам и сотням крестьян и т. п.

Однако прошло немногим более полугода, и Ленин «пересматривает» свою позицию в директивной речи 5 июля 1918 года: «Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов»; в частности те, кто «не хочет продавать хлеб по ценам, по которым продают средние крестьяне, те – враги народа, губят революцию и поддерживают насилие, те – друзья капиталистов! Война им и война беспощадная!» (т. 36, с. 503, 506). Это полностью соответствует практике французской революции, только вместо «друзья капиталистов» там говорилось «друзья аристократов» (из числа казненных около 90 процентов не принадлежали ни к аристократии, ни к духовенству).

20 августа 1918 года Ленин так отвечает на западноевропейские обвинения: «О, как гуманна и справедлива эта буржуазия! Ее слуги обвиняют нас в терроре... Английские буржуа забыли свой 1649, французы свой 1793 год» (т. 37, с. 59). И 10 ноября 1918-го о расстреле Николая II: «...В Англии и Франции царей казнили еще несколько сот лет тому назад, это мы только опоздали с нашим царем» (там же, с. 177).

Именно обращением к Французской революции Ленин обосновывает и оправдывает террор, направленный уже не против «капиталистов», а против *народа* как такового. В июле 1919 года он пишет:

«Никогда не бывало в истории и не может быть в классовом обществе гражданской войны эксплуатируемой массы с эксплуататорским меньшинством без того, чтобы часть эксплуатируемых не шла за эксплуататорами, вместе с ними, против своих братьев. Всякий грамотный человек признает, что француз, который бы во время восстания крестьян в Вандее за монархию и за помещиков стал оплакивать «гражданскую войну *среди крестьян*», был бы отвратительным по своему лицемерию лакеем монархии» (т. 39, с. 143).

Крестьяне Вандеи (северо-западная часть Франции) выступили против нового, гораздо более жестокого деспотизма революции, и «по наивысшим оценкам погиб 1 млн. человек, а по наиболее вероятным – 500 тыс. ...В результате... целые департаменты обезлюдели».²⁷ Поскольку во Франции было тогда примерно 20 млн. крестьян, только в Вандее их, следовательно, погибло от 2,5 до 5 процентов... Это вполне соответствует доле уничтоженных на Дону и на Тамбовщине в 1919 и 1921 годах крестьян России. Так что после 1917 года Россия действительно «догнала» Запад по размаху террора. Но это отнюдь не вытекало из русских «традиций», что ясно видно из многократных апелляций Ленина к западноевропейскому «опыту».

А. И. Солженицын с полной обоснованностью сказал в своем «Архипелаге ГУЛАГе»: «Если бы чеховским интеллигентам, все гадавшим, что будет через двадцать – тридцать – сорок лет, ответили бы, что через сорок лет на Руси будет... ни одна бы чеховская пьеса не дошла до

²⁷ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. – М., 1960, с. 239.

конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом. Да не только чеховские герои, но какой нормальный русский человек в начале века, в том числе любой член РСДРП, мог бы поверить, мог бы вынести такую клевету на светлое будущее?». ²⁸ Да, русская жизнь не готовила людей к столь массовому и беспощадному террору...

И еще одно необходимое замечание. В 1989 году Франция самым торжественным и восторженным празднеством встретила юбилей своей революции. Между тем, как мне представляется, в России отныне, после – пусть и неполного – выявления истинной картины революции, вряд ли когда-либо будет возможно ее восхищенное прославление (хотя, конечно, историография еще даст *объективный* анализ совершившегося), – так же, как невозможно в России «оправдание» Ивана Грозного...

И вот какой итог следует подвести предшествующим размышлениям. Говоря об отечественной истории, необходимо различать две принципиально разные вещи: *реальное* содержание и значение той или иной эпохи, того или иного явления и, с другой стороны, русское *нравственное отношение* к этим эпохам и явлениям, нашу этическую «оценку» их. Ничто не заставит русских людей «отменить» нравственный приговор тому же Ивану Грозному, но, изучая историю его времени, необходимо все же видеть в ней одно из (и не столь уж чудовищное на фоне деяний его западноевропейских современников) проявлений всемирного зла, а не нечто исключительное, «чрезвычайное» и – что особенно возмутительно! – присущее именно и *только русской* истории.

Как ни прискорбно, в большинстве сочинений об отечественной истории, созданных и в прошлом, и в наше время, господствует тот заостренный моралистический «критицизм», о котором шла речь выше. Лев Толстой был совершенно прав в своей резкой характеристике «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, но то же самое и с еще большими основаниями следует сказать о множестве сочинений о русской истории, изданных после 1917 года.

Моя книга опирается в основном на известные очень узкому кругу людей работы русских историков, изданные в последние десятилетия, – работы, которые в той или иной степени «объективны». С ними я неразрывно связываю и осмысление судьбы русского искусства слова.

Это тем более необходимо, что за последние десятилетия изучение истории искусства слова почти полностью игнорирует, как бы даже не замечает работы многочисленных современных историков и археологов, заслуживающие самого пристального внимания.

Известный историк Руси В. Т. Пашуто (1921–1983) писал в 1982 году, стремясь открыть литераторам глаза на тот факт, что от них как-то «ускользнул *гигантский сдвиг* , который произошел в исторической науке за последнюю четверть века (то есть с середины 1950-х годов – В.К.), а сохранились в памяти со школьных лет лишь недостатки, рожденные историческим волюнтаризмом...». ²⁹

В том же году вышла (посмертно) книга виднейшего археолога П. Н. Третьякова (1909–1976), который обоснованно утверждал, что археологическое исследование Древней Руси «решительным образом изменилось за последние 50 лет, особенно в 50–70-х гг. текущего столетия». ³⁰

И эти оценки, безусловно, разделит каждый беспристрастный наблюдатель, если познакомится со всем объемом сделанного в историографии и археологии Руси за 1950–1980-е годы.

Однако от подавляющего большинства историков русской литературы эти достижения в самом деле «ускользнули». Выразительным примером может служить в этом отношении дискуссия «фольклор и история», развернувшаяся в 1983–1985 годах на страницах журнала

²⁸ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ – М., 1989, т. 1, с. 99.

²⁹ Пашуто В. Т. Литература и история: пути творческого содружества. – «Литературное обозрение», 1982, № 7, с. 13.

³⁰ Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. – Л., 1982, с. 5.

«Русская литература», – дискуссия, посвященная проблеме соотношения древнерусской истории и былинного эпоса. Она продолжалась три года, в ней приняли участие *тридцать* авторов, но за исключением одного из них – М. Б. Свердлова³¹ – никто, в сущности, не опирался на новейшие (конца 1950 – начала 1980-х годов) исследования историков Древней Руси, хотя, между прочим, в первой же, открывшей дискуссию, статье недвусмысленно утверждалось, что с начала 1960-х годов «исследование вопроса об историзме былин застывает на мертвой точке... В чем же причины наметившегося застоя? Главная из них, на наш взгляд, заключается в том, что новейшие исследователи былин придерживаются традиционного взгляда на ход исторического развития средневековой Руси... Однако наука не стоит на месте, и ныне мы не можем довольствоваться тем, что удовлетворяло нас 30–40 лет назад».³²

Совершенно верное, но, увы, почти не осуществляемое практически предложение. И речь идет, конечно, отнюдь не только об изучении исторических корней былинного эпоса: вся современная история русской литературы (за редкими исключениями) по сути дела не имеет существенной связи с исторической наукой, достаточно плодотворно развивавшейся за последние десятилетия. Во избежание недоразумений отмечу, что я имею в виду изучение не одной только литературы Древней (X–XIII вв.) и Средневековой (XIV–XVII вв.) Руси, но историю отечественной литературы в целом, то есть до XX века включительно.

И дабы преодолеть тот «застой», о котором – на примере изучения древнего эпоса – говорили И. Я. Фроянов и Ю. И. Юдин, необходимо, так сказать, открыть границу между исследованиями истории русского Слова и исторической наукой. В свое время этой границы как бы вообще не существовало, ибо такие люди, как Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, Н. С. Тихонравов, А. А. Шахматов, являли собой чуть ли не в равной мере и филологов и историков. Но всеобщая тяга к специализации, дифференциации знания привела в конце концов к отчуждению филологии и истории. Был бы, конечно, совершенно неосновательным призыв вообще отказаться от специализации, но так или иначе дальнейшее плодотворное изучение истории русского Слова, по моему убеждению, немыслимо без восстановления теснейшей связи с современной исторической наукой.

Глава 2. О византийском и монгольском «наследствах» в судьбе Руси

1. Русь и «Царство ромеев»

Понимание и ценностное восприятие Византийской империи в русском самосознании допетровского времени и, с другой стороны, в идеологии XIX–XX вв. – очень существенно, даже принципиально расходятся. Говоря кратко и просто, до XVIII века Византия воспринималась на Руси – в общем и целом – в самом положительном духе, а в последующее время для наиболее влиятельных идеологов характерно негативное отношение к ней. Правда, в конце XIX – начале XX вв. начинает складываться и противоположная тенденция (особенно ярко выразившаяся в течении *евразийства*), но она, в свою очередь, наталкивается на сильное сопротивление, и можно без преувеличения утверждать, что и сегодня очень широко распространена более или менее «отрицательная» оценка роли Византийской империи в истории России.

Тут мне почти наверняка возразят, что дело обстоит не совсем так, ибо общепризнанно позитивное значение приятия Русью христианства от византийской Церкви. Однако, рассматривая проблему во всей ее многосторонности, мы убедимся, что она значительно более сложна и противоречива.

Во-первых, существует и в последнее время усиливается стремление переоценить уже и

³¹ См.: Свердлов М. Б. Об историзме в изучении русского эпоса. – «Русская литература», 1985, № 2, с. 78–90.

³² Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Об исторических основах русского былинного эпоса. – «Русская литература», 1983, № 2, с. 91, 92.

само по себе обращение к христианству, подавившему восточнославянские языческие верования, которые, по убеждению сторонников этого взгляда, воплощали в себе подлинно самобытные начала Руси.

С другой стороны, многие историки – и это не случайно – пытались и пытаются доказать, что русские в действительности восприняли христианство не из Византии, но либо из Болгарии (см., например, работы влиятельного в свое время историка М. Д. Приселкова), либо из Моравии (Н. К. Никольский), либо от норманнов-варягов (Е. Е. Голубинский); в последнее время была выдвинута еще особенная версия об ирландском происхождении русского христианства (наш современник А. Г. Кузьмин).

Наконец, очень многие из тех историков и идеологов, которые признают византийские истоки христианской Руси, вместе с тем стремились и стремятся утвердить представление о том, что древнерусская церковь – как и Древняя Русь в целом – с самого начала находилась будто бы в состоянии упорной борьбы с Византией за свою независимость, каковой, мол, постоянно угрожал Константинополь.

Так, великий деятель русской церкви и культуры XI века митрополит Киевский Иларион преподносится в качестве своего рода непримиримого борца с византийской церковью, и созданное Иларионом гениальное «Слово о законе и Благодати» с XIX века и до нашего времени пытаются толковать как якобы противовизантийское по своей основной цели и смыслу выступление.

Между тем подобное истолкование поистине нелепо; чтобы убедиться в этом, достаточно беспристрастно вдуматься хотя бы в следующее суждение митрополита Илариона – в его слова о «благоверьнии земли Гречьске, христолюбиви же и сильно Верую, како единого Бога в Троице чтут и кланяются, како в них деются силы и чудеса и знамения, како църкви люди предъстоять и вси Богови простоят...» Или слова о Владимире Святославиче, который «принесьша крсть (крест) от Новаго Иерусалима – Константина града». Выдающийся историк М. Н. Тихомиров не без иронии заметил в свое время: «В таких словах нельзя было говорить против Византии».³³ Но и до сего дня Илариона, тщатся изобразить неким принципиальным врагом Византии и ее Церкви...

Все это не могло не иметь существенной причины. И дело здесь, как я буду стремиться доказать, в том, что, начиная со времени Петра I, Россия и вполне реально, практически устремилась на Запад, и в своем самосознании испытывала мощнейшее воздействие западной идеологии. А Запад издавна, – можно даже сказать извечно, – непримиримо противостоял Византии.

...В V веке «варварские» племена, создавшие впоследствии современную западноевропейскую цивилизацию и культуру, беспощадно разгромили ослабевший Рим. Словно предвидя эту участь великого города, римский император Константин I Великий еще в 20-е годы предыдущего, IV века перенес центр Империи на 1300 км к Востоку, в древний греческий Византии, получивший затем имена «Новый Рим» и «Город Константина» (Константинополь). Этот город, в отличие от Рима, сумел отстоять себя в борьбе с «варварами», и Византия явилась единственной *прямой* наследницей античного мира и прожила свою богатую и сложную историю, длившуюся более тысячи ста лет.

Правда, в 1204 году – через восемь столетий после разгрома Рима – в «Новый Рим» вторглись далекие потомки тех самых варваров – крестоносцы. В основанной на многолетних разысканиях книге М. А. Заборова «Крестоносцы на Востоке» (1980) сообщается, в частности:

«В разрушительных оргиях погибли... замечательные произведения античных художников и скульпторов, сотни лет хранившиеся в Константинополе. Варвары-крестоносцы ничего не смыслили в искусстве. Они умели ценить только металл. Мрамор, дерево, кость, из которых были некогда сооружены архитектурные и скульптурные памятники, подвергались полному уничтожению. Впрочем, и металл получил у них своеобразную оценку. Для того, чтобы удобнее было определить стоимость добычи, крестоносцы превратили в слитки массу расхищенных ими художественных изделий из металла. Такая участь постигла, например,

³³ Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII вв. – М., 1968, с. 131.

великолепную бронзовую статую богини Геры Самосской... Был сброшен с пьедестала и разбит гигантский бронзовый Геркулес, творение гениального Лисиппа (придворного художника Александра Македонского)... Западных вандалов не остановили ни статуя волчицы, вскармливавшей Ромула и Рема... ни даже изваяние Девы Марии, находившееся в центре города... В 1204 г. западные варвары... уничтожили не только памятники искусства. В пепел были обращены богатейшие константинопольские книгохранилища... произведения древних философов и писателей, религиозные тексты, иллюминированные евангелия... Они жгли их запросто, как и все прочее... Византийская столица никогда уже не смогла оправиться от последствий нашествия латинских крестоносцев».³⁴

Картина впечатляющая, но необходимо осознать, что едва ли сколько-нибудь уместны употребленные в этом тексте слова «варвары» и «вандалы»; к XIII веку западноевропейская средневековая культура была уже достаточно высоко развита, – ведь это время «Проторенессанса»; архитектура, церковная живопись и скульптура, прикладное искусство, письменность Западной Европы переживали период расцвета, – что показано, например, в классической работе О. А. Добиаш-Рождественской «Западное средневековое искусство» (1929).

Словом, поведение крестоносцев диктовалось не их чуждостью культуре вообще, но чуждостью и, более того, враждебностью по отношению именно к *Византии* и ее культуре, – потому и вели они себя примерно так же, как их действительно еще «варварские» предки, захватившие Рим в далеком V столетии...

Чтобы признать справедливость этого утверждения, достаточно, полагаю, познакомиться с «позицией» основоположника ренессансной культуры Запада – Франческо Петрарки. Через полтора столетия после захвата Константинополя крестоносцами, в 1352 году, Византии в очередной раз нанесли тяжелейший ущерб генуэзские купцы-пираты (генуэзцы и венецианцы вообще сыграли главную роль в крушении Византии; турки в 1453 году захватили уже почти бессильный к тому времени Константинополь). И Петрарка (которого не заподозришь в недостатке культуры!) писал в своем послании «Дожу и Совету Генуи», что он «очень доволен» разгромом «лукавых малодушных гречишек» и хочет, «чтобы позорная их империя и гнездо заблуждений были выкорчеваны вашими (то есть генуэзскими. – *В.К.*) руками, если только Христос изберет вас отмстителями за Свое поношение и вам поручит возмездие, не к добру затянутое (даже так? – *В.К.*) всем католическим народом» (Ф. Петрарка. Книга о делах повседневных. XIV, 5. – Перевод В. В. Библихина).

Но вернемся еще раз к «крестоносному» разгрому Константинополя в 1204 году. При мысли о нем естественно напрашивается чрезвычайно выразительное сопоставление. В 988 или 989 году, то есть еще за два столетия с лишним до нашествия крестоносцев, русский князь Владимир Святославич овладел главным византийским городом в Крыму – Херсонесом (по-русски – Корсунью). Как и Константинополь, Херсонес был создан еще в древнегреческую эпоху и являл собой подобное же совокупное воплощение античной и собственно византийской культуры. До недавнего времени в историографии господствовало мнение, согласно которому русское войско, войдя в Херсонес, будто бы обошло с городом так же, как крестоносцы с Константинополем, – разрушило и сожгло все до основания и дотла. Однако в новейших исследованиях вполне убедительно доказано, что никакого урона Херсонес тогда не претерпел (см. «Византийский Временник» на 1989 и 1990 гг., – то есть тома 50 и 51), – о чем свидетельствует, кстати, и русский летописный рассказ о взятии Корсуни. Правда, Владимир Святославич увез в Киев ценные трофеи; как сказано в летописи, «взя же ида, 2 капища медяны и 4 кони медяны, иже и ныне стоят за Святою Богородицею, якоже несведуще мнять я мрамаряны суща» («взял с собой, уходя, двух бронзовых идолов и четырех бронзовых коней, что и теперь стоят за церковью Святой Богородицы, и которых невежды считают мраморными»). Сама детальность рассказа убеждает, что в начале XII века (когда создавалась «Повесть временных лет») бронзовые фигуры людей и коней все еще красовались в центре Киева. И это отношение русских (еще в X веке!) к ценностям культуры Византии о многом

³⁴ Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. – М., 1980, с. 250–252.

говорит. Мне, правда, могут напомнить, что и фактический руководитель похода крестоносцев в 1204 году, венецианский дож Энрико Дандоло спас от уничтожения четверку бронзовых коней, изваянных тем же Лисиппом, и ее привезли из Константинополя в Венецию. Но это было все же *исключением* на фоне тотального уничтожения византийских культурных сокровищ... А поскольку, как уже отмечено, ровно никаких достоверных сведений о «варварском» поведении русских в Херсонесе нет, приходится сделать вывод, что версия о мнимом разорении этого византийского города в 988 (или 989) году сконструирована историками XIX века «по образцу» опустошения Константинополя в 1204 году... На деле отношение Запада и Руси к Византии было принципиально различным.

Здесь невозможно охарактеризовать всю многовековую историю взаимоотношений Руси и Византии, начиная с хождения в Константинополь первого (правившего на рубеже VIII–IX вв.) киевского князя Кия, который, по летописи, «велику честь приял» от византийского императора. Остановимся только на первом *военном* столкновении русских и византийцев. 18 июня 860 года войско Руси осадило Константинополь (сведения о более ранних подобных атаках недостоверны). Новейшие исследования показали, что этот поход был совершен под диктатом Хазарского каганата. Это неоспоримо явствует, в частности, из того факта, что в том же 860 году Византия отправила посольство во главе со святыми Кириллом и Мефодием *не в Киев*, а в тогдашнюю столицу Хазарского каганата – Семендер на Северном Кавказе (есть, правда, серьезные основания полагать, что на обратном пути это посольство посетило и Киев). Отмечу еще, что в одном из позднейших византийских сочинений предводитель похода на Константинополь (это был, очевидно, киевский князь Аскольд) точно определен как «*воевода кагана*» (то есть властителя Хазарии).

Особенное, даже исключительное значение имеют для нас рассказы непосредственного свидетеля и прямого участника событий – одного из наиболее выдающихся деятелей Византии за всю ее историю, константинопольского патриарха св. Фотия (он, кстати сказать, называет русских «рабствующим» народом, – имея в виду, как полагают, тогдашнюю подчиненность Руси Хазарскому каганату; именно по его инициативе и было отправлено к хазарам посольство его великих учеников св. Кирилла и Мефодия).

Св. Фотий свидетельствовал, что в июне 860 года Константинополь «едва не был поднят на копье», что русским «легко было взять его, а жителям невозможно защищать», что «спасение города находилось в руках врагов и сохранение его зависело от их великодушия... город не взят по их милости» и т. п. Фотия даже уязвило, как он отметил, «бесславие от этого великодушия». Но так или иначе 23 июня жители Константинополя неожиданно «увидели врагов... удаляющимися, и город, которому угрожало расхищение, избавившимся от разорения».

Впоследствии, в XI веке, византийские хронисты, не желая, по всей вероятности, признавать это русское «великодушие», выдумали, что будто бы буря по божественной воле разметала атакующий флот (эта выдумка была воспринята и нашей летописью). Между тем *очевидец* событий Фотий недвусмысленно сообщает, что во время нашествия русских «море тихо и безмятежно расстилало хребет свой, доставляя им приятное и вожденное плавание».

Позже патриарх Фотий писал, что «россы» восприняли «чистую и неподдельную Веру Христианскую, с любовью поставив себя в чине подданных и друзей, вместо грабления нас и великой против нас дерзости, которую имели незадолго».³⁵

Правда, это свершившееся в 860-х годах приобщение русских христианству не было широким и прочным; действительное Крещение Руси совершилось только через столетие с лишним. Но речь сейчас идет о другом – о том, что можно назвать «архетипом», изначальным прообразом отношения Руси к Византии. Нелегко или даже невозможно дать вполне определенный ответ на вопрос, почему в 860 году русские, уже почти захватив Константинополь, по своей воле сняли осаду и вскоре – пусть пока в лице немногих – обратились к религии византийцев. Но во всяком случае ясно, что в IX веке русские вели себя в отношении Второго Рима совершенно иначе, чем западные народы в V веке в отношении Первого и в XIII-м – Второго Рима.

³⁵ Из произведений патриарха Фотия. – В кн.: Материалы по истории СССР. Вып. 1. – М., 1985, с. 267–270.

Могут напомнить, что после 860 года Русь не раз вступала в военные конфликты с Византией (походы Олега и Игоря, затем Святослава и, наконец, в 1043 году – Владимира, сына Ярослава Мудрого); однако новейшие исследования доказали, что каждый раз дело обстояло гораздо сложнее, чем это представлялось до недавнего времени (так, и Святослав, и Владимир Ярославич отправлялись в свои походы по приглашению определенных сил самой Византии). В дальнейшем еще будет идти речь об этих многообразных исторических ситуациях и их истинном значении.

Вернемся к теме «Византия и Запад». Наиболее существен именно тот факт, что Запад воспринимал и поныне воспринимает иные – даже и самые высокоразвитые – цивилизации планеты только как не обладающие собственной безусловной ценностью «объекты» приложения своих сил. Это присуще мироощущению и «среднего» человека Запада, и крупнейших его мыслителей. Так, в 1820-х годах Гегель в своей «Философии истории» утверждал, что, мол, «самим Провидением» именно и только на Запад «возложена задача... свободно творить в мире, исходя из субъективного самосознания», и что-де в тех случаях, когда «западный мир устремлялся в иные страны в Крестовых походах, при открытии и завоевании Америки... он не соприкасался с предшествовавшим ему всемирно-историческим народом» (то есть народами, имеющими «самоценное» значение в истории мира) – и потому имел полное право «творить» все по-своему во всех «иных странах», – в частности, в Византии (тут же Гегель без каких-либо доказательств заявил, что «история высокообразованной Восточной римской империи... представляет нам тысячелетний ряд беспрестанных преступлений, слабостей, низостей и проявлений бесхарактерности, ужаснейшую и потому всего менее интересную картину»;³⁶ естественно, что разбой крестоносцев получает при этом полное оправдание...).

Вместе с тем, несомненно, что лишь благодаря этому своему геополитическому «эгоцентризму» и «эгоизму» Запад смог сыграть грандиозную роль на планете. И было бы заведомо неправильным воспринимать его роль в мировой истории только критически, только «отрицательно». Уже само по себе стремление «свободно творить в мире, исходя из субъективного самосознания», – беря таким образом на себя всю полноту ответственности, – являет подлинно героическую суть Запада. С этой точки зрения Запад в самом деле не имеет себе равных, и его последовательное овладение всей планетой, – до самых дальних континентов и даже затерянных в мировом океане островков, – одно из ярчайших выражений человеческого героизма вообще. Необходимо только сознавать, что понятие «героическое», которое безоговорочно покоряет души юношей, вовсе не сводится к «положительному» содержанию и отнюдь не совпадает с критериями нравственности. Для «объектов» героического деяния оно вполне может предстать как нечто крайне негативное.

Еще более важно понять, что, вполне обоснованно восхищаясь героикой Запада, ни в коем случае не следует разделять его восприятие и оценку остального мира, иных цивилизаций и культур. В высшей степени прискорбно, что в русском самосознании Запад слишком часто и прочно предстал и предстает в качестве непререкаемой, даже единственной «меры вещей».

Западное непризнание всемирно-исторической ценности всего «другого», «иного», чем он сам, с особенной ясностью выступает в отношении Византийской империи. Даже такой, казалось бы, широкий и терпимый (в сравнении, например, с французскими просветителями, говорившими о Византии в жанре грубой брани) западный идеолог, как Гердер, писал в своем фундаментальном трактате «Идеи к философии истории человечества» (1782–1788), что Византия предстает-де в качестве «двуглавого чудовища, которое именовалось духовной и светской властью, дразнило и подавляло другие народы и... едва может отдать себе спокойный отчет в том, для чего нужны людям религия и для чего правительство... Отсюда пошли все пороки, все жестокости омерзительной (даже так! – В.К.) византийской истории...».³⁷

³⁶ Гегель. Сочинения. Том VIII. – М., 1935, с. 323, 318 (далее – по этому же изданию).

³⁷ Гердер Иоганн Готфрид. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977, с. 499 (далее – по этому же изданию).

Мне могут возразить, что такое отрицание чуть ли не самого права на существование Византии имело место два столетия назад, а ныне Запад понимает дело иначе, ибо в его идеологии в XX веке начало утверждаться представление о равноправности или даже равноценности различных цивилизаций и культур. Это вроде бы действительно так: во-первых, в новейшее время на Западе было создано немало более или менее объективных исследований истории Византии (и других «незападных» государств), а во-вторых, западная историософия в лице Шпенглера и Тойнби так или иначе провозгласила равенство цивилизаций (здесь стоит напомнить, что в России это было осуществлено еще в XIX веке – в историософии Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева).

Да, казалось бы, крупнейший представитель английской историософии Арнольд Тойнби (1889–1975) уже в 1920–1930-х годах искупил грех западной идеологии, утвердив представление о десятках вполне «суверенных» и равно достойных внимания цивилизаций, существовавших и существующих на Земле, и в том числе православных – византийской, а затем российской. Однако, при обращении к конкретным рассуждениям Тойнби о Византии мы сталкиваемся с поистине поразительными противоречиями. С одной стороны, британский мыслитель утверждает, что «первоначально у православия были более многообещающие перспективы, чем у Запада» и что Византия вообще «опередила западное христианство на семь или восемь столетий, ибо ни одно государство на Западе не могло сравниться с Восточной Римской империей вплоть до XV–XVI вв.» (это, в сущности, простая констатация фактов, изученных западными историками Византии в течение XIX – начала XX вв.).

И тем не менее столь «лестные» для Византии суждения тут же по сути дела полностью опровергаются. После первой из процитированных фраз Тойнби заявляет, что «византийские императоры неустанно искажали и уродовали свое истинное наследие», а в связи со второй фразой выражает решительное недовольство по тому поводу, что уже в VIII веке византийский император Лев III «смог повернуть православно-христианскую историю на совершенно незападный путь».³⁸

Здесь важно заметить, что, рассуждая о ряде других цивилизаций, Тойнби не попрекает их за их явно «незападный» путь. Но о Византии он неожиданно (ведь именно он последовательнее, чем какой-либо другой представитель западной историософии, провозгласил равенство всех самостоятельных цивилизаций!) начинает говорить точно так же, как те идеологи, для которых Запад – это, в сущности, как бы единственная имеющая безусловное право на существование цивилизация. И в заключение параграфа «Восточная Римская империя...» Тойнби без обиняков клеймит, по его словам, «извращенную и греховную природу» этой империи.

Объясняется все это достаточно просто. Византия была единственно прямой *соперницей* Запада. Это совершенно наглядно отразилось в том, что в X веке (точно – в 962 году) на Западе была провозглашена «Священная Римская империя» (то есть как бы другой «Новый Рим»), надолго ставшая основой всего западного устройства. И впоследствии Запад (как мы еще увидим) стремился отнять у своей восточной соперницы даже и само это имя «Римская»...

При этом соперничество складывалось сначала явно не в пользу Запада. Тойнби в приведенном выше высказывании напомнил, что «вплоть до XV–XVI вв.» Византия «опережала» Запад... Немаловажно заметить, что Тойнби, который в общетеоретическом плане так или иначе отказывается от прямолинейного понятия «прогресс», не смог в данном случае преодолеть западный соблазн; ведь в глубоком смысле Византия не «опережала» кого-либо, а развертывала свое самостоятельное, своеобразное культурное творчество, мерить которое по шкале «прогресса» – занятие, прямо скажем, примитивное (вот выразительный пример: Франческо Петрарка и преподобный Сергий Радонежский были современниками, но решать, кто кого из них «опережал» – дело не только неблагоприятное, но и просто нелепое, – хотя сопоставление этих двух личностей может многое прояснить).

Впрочем, Тойнби говорит и о своеобразии Византии, – правда, тут же толкуя его в сущности как «безобразие». Он сопоставляет Запад и Византию в следующем рассуждении:

³⁸ Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М., 1991, с. 317 (далее – по этому же изданию).

«История отношений между церковью и государством указывает на самое большое и самое серьезное расхождение между католическим Западом и православным Востоком»; на Западе эти отношения сложились в виде «системы подчинения множества местных государств единой вселенской церкви» (пребывающей в Риме). Между тем Византии имело место слияние церкви и государства, – слияние, которое Тойнби едва ли адекватно определил как «подчинение церкви государству», ибо для истории Византии не менее характерно и обратное – подчинение государства церкви.

Тойнби стремится представить империю, в которой было-де установлено безоговорочное «подчинение церкви государству», как заведомо деспотическую, всецело основанную на голом насилии. В его рассуждениях о Византии постоянно говорится о «жестком контроле», «нешадном подавлении», «государственных репрессиях», даже «свирепости» и т. п. Однако, поскольку ко времени создания его историософии западные исследователи более или менее объективно осветили фактическую, реальную историю Византии, Тойнби, явно противореча своим собственным общим оценкам, говорит, например, что в Византии «использование политической власти в религиозных целях было, следует отметить, весьма тактичным по сравнению с кровопролитными религиозными войнами, которые вел Карл Великий в аналогичной ситуации». В отличие от Византии, констатирует также Тойнби, «западное христианство... прибрало к рукам... все европейские земли... вплоть до Эльбы». К тому же, пишет он, «на Западе безоговорочно считали, что латынь является единственным и всеобщим языком литургии... Разительным контрастом этой латинской тирании выглядит удивительный либерализм православных. Они не предприняли ни одной попытки придать греческому языку статус монопольного» (в связи с этим стоит вспомнить, что в IX веке св. Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность, а в XIV веке – как бы продолжая их дело – русский святой Стефан Пермский создал зырянскую, т. е. коми).

Итак, существуют два совершенно различных «представления» о Византии, одно из которых – всецело тенденциозная западная идеология, мрачный и нередко даже зловещий миф о Византии, а другое – так или иначе просвечивающая сквозь этот миф реальность византийской истории.

Исходя из фактов, Тойнби пишет, например, что «восточно-римское правительство традиционно отличалось умеренностью». Но он же, подвергая резкой критике византийское монашество за недостаточную «активность», противопоставляет ему в качестве своего рода идеала западноевропейское монашество: «Франциск и Доминик вывели монахов из сельских монастырей в широкий мир... Напрасно мы будем искать какую-либо параллель этому движению в православии».

Но ведь это «выведение» западного монашества в «широкий мир» выразилось «ярче» всего в создании доминиканцами (и, отчасти, францисканцами) «Святой инквизиции», которая отправляла на пытки и казни сотни тысяч «еретиков»! А в истории Византии действительно не было «какой-либо параллели» этому явлению.

Не менее характерна и судьба иудеев на Западе и, с другой стороны, в Византии. В западноевропейских странах в XII–XVI веках было уничтожено, согласно сведениям «Еврейской энциклопедии», примерно 400 тысяч приверженцев иудаизма – то есть 40 процентов тогдашнего мирового иудейства... А многие из уцелевших нашли убежище в Византии, где – несмотря на все конфликты христиан и иудеев, – ничего подобного западноевропейскому «геноциду» все же не произошло.

Речь идет, разумеется, отнюдь не о том, что Византия являла собой совершенство. Но безусловно необходимо преодолеть навязанное западной идеологией представление о Византийской империи как о некоем «уродстве». Ведь даже обладающий репутацией апологета равноценности цивилизаций Тойнби постоянно употребляет по отношению к Византии такие «термины», как «уродование», «искажение», «дисгармония», «извращение» и т. п. Ясно, что в качестве якобы беспристрастного «критерия» берется здесь цивилизация и культура Запада.

И в самом деле: Тойнби с какой-то даже наивной откровенностью утверждает, что единственным «спасением» для Византии было бы превращение ее в прямое подобие Запада. Он пишет, например, что в Византии «в VII в. появились некоторые признаки... возвращения на путь, избранный для Запада папой Григорием Великим (590–604)». Однако «развитие

вселенского патриарха в духе папства» все же не свершилось, и в результате, мол, «православное христианство выглядело болезненно дисгармоничным, что было платой за выбор неверного пути». Вполне понятно, что на «неверном пути» нельзя было достичь никаких действительно ценных результатов.

В 1984–1991 годах в Москве вышел в свет фундаментальный (объемом около 180 авт. листов) трехтомный труд «Культура Византии», созданный первоклассными современными специалистами России. Со всей доказательностью раскрывается здесь богатейшее, – чрезвычайно многообразное и глубоко самобытное – культурное творчество, совершавшееся в продолжение более чем тысячелетия в Византии. Но проштудировали этот труд немногие, и в сознании большинства из тех, кто так или иначе касается проблемы «византийского наследства», по-прежнему господствует заведомо ложное и по самой своей сути негативное «мнение» об этом наследстве, – мнение, в конечном счете восходящее к идеологам Запада. Очень характерно, что в России – под воздействием западно-европейских представлений – принято относить Византию к «Востоку», хотя Константинополь расположен западнее Киева и, тем более, Москвы...

Еще раз повторю, что нельзя, да и ни к чему «идеализировать» Византию (хотя такая тенденция – правда, весьма узкая – имела место в русской мысли) и усматривать в ее истории – в противовес идеологам Запада – «превосходство» над западной цивилизацией и культурой. Речь может и должна идти только об имеющем полное право на существование своеобразии.

Если на Западе с давних времен средоточие церкви существовало (о чем говорит, в частности, Тойнби) само по себе, «отдельно», – как специфическое теократическое государство (*Stato Pontifico*, – т. е. Государство Первосвященника, в Папской области, возникшей еще в VIII веке), то в Византии так или иначе сложилось единство церкви и государства. Византийскую империю вполне уместно поэтому определить как *идеократическое* (имея в виду власть православных идей) государство; между тем Западу присуще то, что следует определить термином *номократия* – власть закона (от греч. *nomos* – закон); с этой точки зрения азиатские общества уместно определить термином «*этократия*» – от греч. *etos* – обычай.

И именно об этом неприязненно и саркастически писал Гердер. В Византии, согласно его по-своему достаточно метким характеристикам, христианская идея «сбила с толку ум человеческий («ум», конечно, понимается в чисто западном смысле. – В.К.) – вместо того, чтобы жить на земле, люди учились ходить по воздуху... долг людей по отношению к государству путали с чистыми отношениями людей к Богу и, сами не ведая того, положили в основу Византийской христианской империи... религию монахов, – как же могли не утратиться верные соотношения... между обязанностями и правами, наконец, даже и между сословиями государства?... Здесь, конечно, произносили речи боговдохновенные мужи патриархи, епископы, священники, но к кому они обращали свои речи, о чем говорили?... Перед безумной, испорченной, несдержанной толпой должны были изъясняться они Царство Божие... О как жалею я тебя, о Златоуст, о Хризостом!...»³⁹ (великий деятель византийской церкви IV–V вв. Иоанн Златоуст).

Все это, повторю, по-своему метко и даже – не побоюсь сказать – верно. И западные государства, цель которых в конечном счете сводилась к установлению строго упорядоченных соотношений «между правами и обязанностями» и «между сословиями», к четкому утверждению «долга людей по отношению к государству» и т. п., предстают, в сравнении с Византией, действительно как нечто принципиально более «рациональное», всецело направленное на устройство реальной, земной человеческой жизни.

И нельзя не видеть, что большинство русских идеологов (да и вообще русских людей) XIX–XX веков относилось к «благоустроенности» западной цивилизации с глубоким уважением или даже преклонением и, более того, острой завистью. Правда, в России не столь уж редко раздавались голоса, обличавшие «бездуховность» этой цивилизации, но можно со всей основательностью утверждать, что подобные нападки чаще всего порождено стремление противостоять господствующему в России безоговорочному пиетету перед Западом.

³⁹ Цит. Изд., с. 499.

Между тем в западной идеологии не только царило принципиально негативное восприятие Византии (и – о чем еще пойдет речь – ее наследницы России), но и, как мы видели, отрицалось по сути дела само ее право на существование. И поглощение Византии в XV веке Османской империей Запад воспринимал как совершенно естественный итог. Гердер говорил даже об «удивлении», вызываемом у него тем фактом, что «империя, так устроенная, не пала еще гораздо раньше» (ту же точку зрения отстаивал через полтора столетия и Тойнби, утверждая, что Византия была «тяжелобольным обществом... задолго до того, как на исторической сцене появились турки», – то есть задолго до XI века!).

Как уже сказано, фактическая, реальная история Византии подчас все же заставляла Гердера и других западных идеологов впадать в прямое противоречие с утверждаемым ими мифом о ней. Так, например, Гердер, для своего времени неплохо знавший византийскую историю, признавал, что главную роль в падении Константинополя сыграли чрезвычайно динамичные и мощные *западные силы* – Венецианская (она, кстати, нанесла Византии наибольший урон еще во время крестовых походов) и Генуэзская республики; их атаки и грабеж (Гердер даже назвал его «позорным») продолжались в течение нескольких веков, и (цитирую Гердера) «империя была в итоге так ослаблена, что Константинополь без труда достался турецким ордам» (вспомним, что еще Петрарка столетием ранее призывал генуэзцев и вообще Запад поскорее «выкорчевать» Византию...).

Короче говоря, Византийская империя прекратила существование не в силу некоей своей внутренней, имманентной несостоятельности; она была раздавлена между беспощадными жерновами Запада и Востока: такому двустороннему давлению едва ли бы смогло противостоять какое-либо государство вообще...

Предпринятое мною своего рода оправдание Византийской империи продиктовано стремлением «противустать» отнюдь не цивилизации и культуре Запада, имеющим свою великую самобытную ценность, но навязываемой западными идеологами тенденциозной дискредитации Византии, – дискредитации, объясняемой тем, что эта сыгравшая громадную роль в истории, – в том числе и в истории самой Западной Европы! – цивилизация шла по принципиально «незападному» пути.

Кстати сказать, тот факт, что Византия сыграла грандиозную и необходимую роль в развитии *самого Запада*, не могут полностью игнорировать никакие ее критики. Так, по словам того же Гердера, «благодарением для всего образованного мира было то, что греческий язык и литература так долго сохранялись в Византийской империи, пока Западная Европа не созрела для того, чтобы принять их из рук константинопольских беженцев», и даже «венецианцы и генуэзцы научились в Константинополе вести более крупную торговлю... и оттуда перенесли в Европу множество полезных вещей».

Впрочем, и признавая «заслуги» Византии в развитии Запада и мира в целом (эти заслуги, конечно, не сводятся к указанным Гердером фактам) западные идеологи тем не менее всегда были готовы объявить ее тысячелетнюю историю в целом «уродливой» и бесперспективной.

И это западное неприятие Византии основывалось не только на том, что она была идеократическим государством; Запад отталкивала и *евразийская* суть Византийской империи. Ибо даже самые «гуманистические» идеологи не были свободны от своего рода «западного расизма». Вот выразительный пример. В 1362–1368 годах Петрарка жил в Венеции, куда пираты-купцы свозили тогда из Причерноморья множество рабов; это были, как нам известно, люди, принадлежавшие к различным народам Кавказа, половцы и – в меньшей мере – русские. Многие из этих людей (что также хорошо известно) были христианами. Но Петрарка, чей гуманизм простирался только на народы Запада (он ведь и самих греков именовал «малодушными гречишками»), писал об этих людях как о неких полуживотных: «Диковинного вида толпа мужчин и женщин наводнила скифскими мордами прекрасный город...» (Венецию). И выражал свое настоятельное пожелание, чтобы «не наполнял бы мерзкий народ узкие улицы... а в своей Скифии... по сей день рвал бы ногтями и зубами скудные травы».⁴⁰

В Византии же никто не усматривал в людях, принадлежавших к народам Азии и

⁴⁰ Петрарка Франческо. Лирика. Автобиографическая проза. – М., 1989, с. 322.

Восточной Европы, «недочеловеков», и, в частности, любой человек, исповедующий христианство, мог занять в Империи любой пост и достичь высшего признания: так, император Лев III Великий (VIII век) был сирийцем, Роман I Лакапин (X век) – армянином, а патриарх Константинопольский Филофей (XIV век) – евреем.

Между тем тот же прославленный западный гуманист Петрарка отказывал в высшем «благородстве» даже и самим грекам, утверждая, в частности, что-де «никакой самый наглый и бесстыжий грек не посмеет сказать ничего подобного», а «если кто такое скажет, пусть уж говорит заодно, что благородней быть рабом, чем господином»...

Гердер, живший через четыре столетия после Петрарки, не был склонен к такому неприкрытому «расизму», но, рассуждая об «омерзительной византийской истории», он все же считал необходимым сказать, что в основу этой истории легла «та злосчастная путаница, которая бросила в один кипящий котел... и варваров, и римлян» (византийские греки называли себя «ромеями», то есть римлянами). Таким образом, и для западного идеолога XVIII века был неприемлем многоплеменный *евразийский* «котел» Византии...

Россия – единственное из государств – в сущности унаследовала евразийскую природу Византии. Характерно в этом отношении «крылатое» словцо, приписываемое двум совершенно разным (это важно отметить, ибо, значит, мы имеем дело с западной ментальностью вообще) европейцам – Наполеону и его непримиримому противнику графу Жозефу де Местру: «Поскоблите русского и вы найдете татарина». Отсюда уже не так далеко до нацистской концепции «неарийства» русских.

Не могу не сказать в связи с этим, что меня ни в коей мере, абсолютно не волнует проблема расовой и этнической «чистоты» русских людей, ибо тезис об особой ценности этой самой чистоты не имеет никакого реального обоснования; это только один из характерных западных мифов. Едва ли уместны, например, сомнения в высшем человеческом совершенстве Пушкина, а между тем, если обратиться к третьему (прадедовскому) поколению его предков, то пятеро из восьми его прадедов и прабабок, возможно, были «чисто русского» – или, шире, славянского – происхождения (хотя и в них не исключена столь характерная для России «примесь» тюркской или финской «крови»): Александр Петрович Пушкин (дед отца поэта), его племянник – Алексей Федорович Пушкин (дед матери поэта, Надежды Осиповны Ганнибал), Евдокия Ивановна Головина, Лукерья Васильевна Приклонская и Сарра Юрьевна Ржевская. Однако остальными предками Пушкина в этом поколении были эфиоп Абрам Ганнибал, немка Христина-Регина фон Шеберг и имеющий тюркское (по гораздо менее достоверной версии – итальянское) происхождение Василий Иванович Чичерин.

Кстати сказать, есть все основания утверждать, что в далекие – «доисторические» – времена и население самой Западной Европы представляло собой именно «кипящий котел», в котором сваривались воедино самые разные этносы и расы; своеобразие Византии (и, позднее, России) состояло лишь в том, что они являли собой такие «котлы» в уже *историческое* время, на глазах уже сформировавшейся цивилизации Запада, которая неодобрительно или просто с презрением взидала на эту евразийскую «путаницу» (по слову Гердера).

Подводя итог рассмотрению проблемы «Запад и Византия», обращу внимание на, казалось бы, «формальное», но, если вдуматься, чрезвычайно многозначительное явление: уже само название «Византия» было (о чем ныне знают немногие) присвоено Западом государству, называвшему себя «Империей ромеев» (то есть римлян), в качестве по сути дела принижающего *прозвища* (исходящего из древнего названия Константинополя). С. С. Аверинцев пишет об этом так: «Примерно через сто лет после ее (империи ромеев. – В.К.) гибели западноевропейские эрудиты, не жаловавшие ее, прозвали ее Византийской; ученая кличка... вошла в обиход, время от времени возвращая себе статус *бранного слова* (например, в либеральной публицистике прошлого века)». ⁴¹

Нет смысла призывать к отказу от давно и прочно утвердившегося названия, но поистине необходимо освободить его от того негативного заряда, который был внедрен в это название – и особенно в производные от него термины «византизм» (или «византинизм») и «византийство» –

⁴¹ Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. – «Новый мир», 1988, № 7, с. 214.

западными, а по их примеру и российскими либеральными идеологами. Еще в 1875 году К. Н. Леонтьев писал в своем трактате «Византизм и славянство»: «В нашей образованной публике распространены о Византии самые превратные, или, лучше сказать, самые вздорные, односторонние или поверхностные понятия... Византия представляется чем-то (скажем просто, как говорится иногда в словесных беседах) сухим, скучным, поповским, и не только скучным, но даже чем-то жалким и подлым». Между тем, говорил далее Леонтьев, даже и малого, но *действительного* ознакомления с наследием империи «достаточно, чтобы убедиться, сколько в византизме было искренности, теплоты, геройства и поэзии».⁴²

Как раз тогда, когда Леонтьев писал эти строки, достигли своей научной зрелости выдающиеся творцы русского византиноведения – академики В. Г. Васильевский (1838–1899), Ф. И. Успенский (1845–1928) и Н. П. Кондаков (1844–1923), труды которых подтверждали полную правоту Леонтьева. Но мало кто из российских идеологов изучил или хотя бы имел желание изучить эти труды. И слова «византизм» и «византийство» по-прежнему имели в их устах, по сути дела, «бранный» смысл...

Но вот иной факт. 12 апреля 1918 года в петроградской эсеровской газете «Воля народа» было опубликовано стихотворение Анны Ахматовой, говорящее о трагическом крушении прежней России в таких словах:

*Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От Русской Церкви отлетал,
Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница
Не знала, кто берет ее...*

и т. д.

Это звучало явным диссонансом по отношению к «общепринятому» в интеллигентских кругах (кстати сказать, после 1918 года эти строки были снова опубликованы в России лишь в 1990 году); можно предположить, что уважение к «духу византийства» поэтесса восприняла от своего отца А. А. Горенко (1848–1915), действительного члена Русского собрания – православно-монархической (в бранном словоупотреблении – «черносотенной») организации, существовавшей с 1901 до февраля 1917 года.

Однако в наше время из журнала «Вопросы философии» читатели могут «узнать», что Ахматову и других давил-де «сталинский византизм» (1989, № 9, с. 78). Едва ли русская поэтесса согласилась бы с подобным употреблением этого термина, хотя она и сказала о «суровости» духа византийства. Дело в том, что действительно суровые проповеди св. Иоанна Кронштадтского и, скажем, «Злые заметки» Бухарина о Есенине или страницы доклада Жданова, «обличавшие» Ахматову, – это вещи не просто различные, но несовместимые...

Нельзя исключить, что св. Иоанн Кронштадтский мог бы осудить те или иные мотивы ахматовской поэзии (как в свое время осудил – в стихотворной форме – пушкинское «Дар напрасный, дар случайный...» митрополит Московский Филарет); но это был бы суд не во имя интересов власти, а совсем иной, подобный тому суду, правомерность которого явно признавала в своем стихотворении 1913 года сама Ахматова:

*...И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.*

Россия, подобно Византии, сложилась и как *евразийское*, и как *идеократическое* государство. В евразийстве Руси-России нередко видят следствие недолгого пребывания в

⁴² Леонтьев Константин. Записки отшельника. – М., 1992, с. 29, 32, 33.

составе Монгольской империи. Однако в действительности эта пора была закреплением и углублением уже давно присущего Руси качества.

862 годом (на самом деле событие, по-видимому, произошло несколько раньше) помечено в летописи известие о создании *государственности* Руси, и в этом акте, согласно летописи, вместе со славянами равноправно участвуют «уральские» (финно-угорские) племена («Реша... – сообщает летопись, – *чудь*, словене, и кривичи, и *весь*...»). В X веке в походах князя Игоря принимают участие и европейцы-скандинавы, и азиаты-печенеги, а среди высших лиц русского государства XI века представлены и те же скандинавы, и люди из различных тюркских и финно-угорских племен и т. д.

Да, еще задолго до монгольского нашествия существует и постоянно возрастает «азиатский компонент» русской истории. Это, в частности, ясно выразилось в династических браках, имевших прямое и непосредственное *государственное* значение. Если сыновья Ярослава Мудрого обручаются с невестами из династий Запада (Франции, Германии, Дании, Норвегии и т. д.), а также Византии, то по меньшей мере трое из девяти сыновей Ярославова внука (и, вместе с тем, внука византийского императора Константина VIII) Владимира Мономаха породнились (в начале XII века) с восточными династиями – половецкими и яской (осетинской), и с тех пор это стало на Руси прочной традицией.

Правда, глубокий смысл заключен не в самих по себе подобных брачных союзах; они – только одно из наглядных проявлений русского «евразийства». Прimitивно и в конечном счете просто ложно представление, согласно которому это евразийство толкуется прежде всего и главным образом как *взаимодействие* русского и, скажем, тюркских народов. Если сказать о сути дела со всей определенностью, русские – эти наследники византийских греков – как бы изначально, по самому своему определению были евразийским народом, способным вступить в органические взаимоотношения и с европейскими, и с азиатскими этносами, которые – если они действительно включались в магнитное поле Руси-России – и сами обретали, евразийские черты. Между тем в случае их *выхода* из этого поля они опять должны были в конечном счете стать «чисто» европейскими или «чисто» азиатскими народами; русские же не могут не быть народом именно евразийским.

Евразийская суть Руси ярко отразилась в летописном рассказе о том, как Владимир Святославич, не предвещая заранее итога, *избирал* одну веру из четырех – западного и византийского христианства и, с другой стороны, азиатских мусульманства и иудаизма (выбор – что было вполне закономерно – пал на религию «евразийской» Византии). Притом, в данном случае не столь уж важно, имеем ли мы дело с *легендой* или же с сообщением о *реально* состоявшемся выборе; действительно существенно то, что летописец, воплощавший так или иначе в своем рассказе представления русских людей XI – начала XII вв., не усматривал ничего противоестественного в подобном акте, явно подразумевающим, что западные и восточные религии *равноправны* (хотя избрание именно византийской веры было, повторяю, закономерным итогом). И если не забывать о верховном и всестороннем значении религии в бытии тогдашних обществ, станет ясно, что это восприятие верований Европы и Азии как равно достойных внимания имеет чрезвычайно существенный смысл: «евразийская» природа русского духа выступает тут с наибольшей несомненностью.

Но не менее важно и характерно и другое: будучи воспринятым, христианство становится на Руси определяющим и всепроникающим стержнем бытия. Ведь невозможно, например, переоценить тот факт, что не позднее XIV века основная часть населения Руси обрела название – и самоназвание – *крестьяне* (вариант слова «христиане»). Более того, уже из памятника начала XII века явствует, что слово «христианин» («хръстиянинъ») имело, помимо обозначения принадлежности к определенной религии, смысл «житель Русской земли» (см.: И. И. Срезневский. «Материалы для Словаря древнерусского языка», т. III, стр. 1410).

Естественно, и сам государственный строй Руси, подобно византийскому, представал как *идеократический*. Выше приводились иронические слова Гердера о Византии, где «вместо того, чтобы жить на земле, люди учились ходить по воздуху» и т. д.

Следует всецело, безоговорочно признать эту «критику»: и в Византии, и, впоследствии, на Руси люди в самом деле не создали, да и никак не могли бы создать такое совершенное *земное* устройство, как на Западе. И русские идеологи, как уже отмечалось, остро, подчас даже

мучительно осознавали «неблагоустроенность» (в самом широком смысле – от установлений государства до домашнего быта) России. Именно это осознание породило сыгравшее огромную роль крайне резкое «Философическое письмо» Чаадаева, опубликованное в 1836 году. Глубоко изучив западное бытие (он объехал в течение трех лет – в 1823–1826 годах – весь Запад от Англии до Италии), Чаадаев предпринял острейшее сопоставление двух цивилизаций, которое вызвало негодование людей «патриотического» склада и восхищение тех, кого несколько позднее называли «западниками». Но обе реакции на чаадаевскую статью были, в сущности, всецело ложными.

Возражая «патриотам», Чаадаев писал в следующем, 1837 году, что появившаяся годом ранее «статья, так странно задевшая наше национальное тщеславие, должна была служить введением» – введением в большой труд, «который остался неоконченным... Без сомнения, была нетерпеливость в ее (статьи. – В.К.) выражениях, резкость в мыслях, но чувство, которым проникнут весь отрывок, нисколько не враждебно Отечеству». ⁴³

Однако это «пояснение» было опубликовано лишь в 1913 году (впрочем, и тогда почти никто в него не вдумывался), и «введение явилось по сути дела *единственным* источником общепринятых представлений о чаадаевской историософии России... В результате многие «патриоты» проклинали и проклинают доныне этого гениального философского сподвижника Пушкина, а «антипатриоты», с точки зрения которых единственно возможный путь для России – превращение ее страну западного типа (пусть даже «второсортную»), считают Чаадаев своим славнейшим предшественником.

Между тем еще в 1835 году (то есть еще до опубликования «злополучной» – это определение самого мыслителя – «вводной» статьи) Чаадаев с полной определенностью писал (слова эти, увы, были опубликованы в России опять-таки только в 1913 году и также остаются неосмысленными): «...Мы не Запад... Россия... не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы... И не говорите, что мы молоды, что мы отстали от других народов, что мы нагоним их (именно такое представление лежит в основе заведомо утопического российского западничества! – В.К.). Нет, мы столь же мало представляем собой XVI или XV век Европы, сколь и XIX век. Возьмите любую эпоху в истории западных народов, сравните ее с тем, что представляем мы в 1835 году по Р. Х., и вы увидите, что у нас другое начало цивилизации, чем у этих народов... Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти из лжи и утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед...» (т. 2, с. 96, 98).

Позднее, в 1846 году, Чаадаев вновь обратился к этой историософской теме. И – как это ни неожиданно для всех, поверивших в «западничество» мыслителя! – сказал в письме к французскому публицисту Адольфу де Сиркуру о засилье «чужеземных идей» как о тяжком препятствии, которое необходимо преодолеть для плодотворного развития России. Он констатировал:

«Эта податливость чужим внушениям, эта готовность подчиняться идеям, навязанным извне... является... существенной чертой нашего нрава», – и тут же призывал: «этого не надо ни стыдиться, ни отрицать: надо стараться уяснить себе это наше свойство... путем непредубежденного и искреннего уразумения нашей истории». И далее совсем уж парадоксальный с точки зрения «западников» ход рассуждения. Принято считать, что «традиционный» дефицит свободы слова в России мешал прежде всего воспринимать «прогрессивные» идеи Запада. Чаадаев же, сам испытавший тяжкое давление российского «деспотизма», писал о как раз прямо противоположном прискорбном результате: «Можно ли ожидать, что при таком... социальном развитии, где с самого начала все направлено к порабощению личности и мысли, народный ум сумел свергнуть иго вашей (напомню: Чаадаев обращается к европейцу Сиркуру. – В.К.) культуры, вашего просвещения и авторитета? Это немыслимо. Час нашего освобождения, стало быть, еще далек... Мы будем истинно свободны от влияния чужеземных идей лишь с того дня, когда вполне уразумеем пройденный нами

⁴³ Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. – М., 1991, т. 1, с. 533 (далее – по этому же изданию).

путь...» (т. 2, с. 188, 191, 192).

Чаадаев глубоко сознавал, что Россия, в отличие от стран Запада, держава *идеократическая* («великий народ, – писал Чаадаев, – образовавшийся всецело под влиянием религии Христа»; что же касается номократии, то есть законовластия, Чаадаев недвусмысленно утверждал: «Идея законности, идея права для русского народа – *бессмыслица* » – притом последнее слово выделено им самим) и евразийская (чаадаевская мысль такова: «стихии *азиатские* и *европейские* переработаются в оригинальную Русскую цивилизацию»).

Впрочем, историософское содержание сочинений Чаадаева очень богато и сложно; его анализ требует отдельного разговора. Здесь же я преследовал только одну цель: показать, насколько ложны господствующие представления об этом основоположнике новейшей (XIX–XX вв.) русской философской культуры.

Нельзя, Впрочем, не сказать еще о том, что Чаадаев – в отличие и от западников, и от славянофилов – стремился понять Россию не как нечто, говоря попросту, «худшее» или, напротив, «лучшее» по сравнению с Западом, но именно как самостоятельную цивилизацию, в которой есть и свое зло, и свое добро, своя ложь и своя истина. Он ни в коей мере не закрывал глаза на самые прискорбные «последствия» и российской идеократии, и российского евразийства, но он же написал в 1837 году: «...у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны... завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества» (т. 1, с. 534).

Всего лишь через полвека наиболее проникательные западные наблюдатели в сущности именно так оценили великие свершения русской литературы (неразрывно связанные с наиболее глубокими исканиями русской мысли). И тут, вполне естественно, встает вопрос: если идеократическая и евразийская Россия была столь несовершенна в сравнении со странами Запада, каким образом она смогла создать духовные ценности всемирного значения? Ведь давно общепризнанно, что *величайшие* эпохи в истории культуры – это классическая Греция, западноевропейское Возрождение и русский XIX век.

В этом отношении весьма показателен трактат современного представителя еврейско-иудаистской историософии, – американского раввина Макса Даймонта «Евреи, Бог и история» (1960). Россия вообще изображена здесь, надо прямо сказать, в крайне негативном свете. Хотя бы один характерный иронический тезис: «Пять Романовых правили Россией в 19 веке. Они ухитрились приостановить в России развитие просвещения и благополучно вернуть страну в лоно феодального деспотизма» и т. д. Именно поэтому, резюмирует Даймонд, «когда пять белых армий вторглись в советскую Россию, чтобы восстановить власть царя (едва ли цель белых армий была таковой. – В.К.), евреи вступили в Красную армию, созданную Львом Троцким».

Однако в этом же трактате читаем: «За пять тысяч лет своего существования мировая литература знала всего четыре великие литературные эпохи. Первой была эпоха книг пророков в библейские дни (это вполне понятно, а далее – две эпохи, названные выше – В.К.)... Наконец, четвертой была эпоха русского психологического (едва ли уместное «ограничение». – В.К.) романа 19 века. Всего за пятьдесят лет Пушкин, Гоголь, Тургенев, Достоевский и Толстой создали одну из величайших литератур мира»⁴⁴ (и это – несмотря на приостановку «развития просвещения» и «феодальный деспотизм»...).

Необходимо только уточнить, что для человека, действительно изучившего историю России и ее культуры, не подлежит никакому сомнению, что русская литература XIX столетия – естественный плод тысячелетнего развития, и ствол, на котором пышно разрослась в прошлом веке поразившая весь мир крона, существовал уже в X–XI веках, когда были созданы русский богатырский эпос, «Слово о законе и Благодати» митрополита Илариона, «Сказание о святых Борисе и Глебе». В этих творениях уже ясно воплотились те основные духовные начала,

⁴⁴ Даймонт М. Евреи, бог и история. – М., 1994, с. 392, 398, 443.

которые имели решающее значение для творчества Пушкина и Гоголя, Достоевского и Толстого (а также, конечно, для философского творчества Чаадаева, Константина Леонтьева и других).

Итак, принципиально «незападный» путь России не лишил ее возможности воздвигнуть одну из трех (или четырех) высочайших вершин литературы. Впрочем, прагматически мыслящие люди могут возразить, что литература – это все же «только» слово, а держава должна меряться и делом, или, говоря торжественнее, деяниями.

Странно, но многие склонны – особенно в последние годы – забывать или, вернее, не помнить, что за тысячу двести лет существования Руси-России было три попытки трех народов – монголов, французов и немцев – завоевать и подчинить себе остальной мир, и – этого все же никак не оспорить – все три мощнейших армады завоевателей были остановлены именно в России...

На Западе – да и у нас (особенно сегодня) – есть, правда, охотники оспаривать эти факты: монголы, мол, сами вдруг решили не идти дальше Руси, французов погубили непривычные им северные морозы (хотя беспорядочное бегство наполеоновской армии началось сразу после ее поражения под Малоярославцем, 14/26 октября, когда, как точно известно, температура не опускалась ниже 5 градусов тепла, и, даже позднее, 1 ноября, Наполеон заметил: «Осень в России такая же, как в Фонтенбло»⁴⁵), а немцы-де проиграли войну из-за налетов англоамериканской авиации на их города... Но все это, конечно, несерьезно, хотя вместе с тем нельзя не сказать, что исход трагических эпопей XIII, начала XIX и середины XX вв. не так легко понять, и то и дело заходит речь об иррациональном «русском чуде». В самом последнем своем стихотворении Пушкин так сказал о 1812 годе:

*...Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.*

Это вроде бы неуместное «обняла» еще более, пожалуй, подходит для характеристики отношений Руси к полчищам Батыя и его преемников. Все три беспримерные армады, стремившиеся завоевать мир (других в этом тысячелетии и не было), утратили свою мощь именно в «русских объятиях»... Естественно вспомнить и строки Александра Блока:

*...хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах...*

Итак, первостепенная, выдерживающая сравнение с чем угодно роль России во всемирно-историческом бытии и сознании выявляется с полной неопровержимостью на двух самых разных «полюсах» – от грандиозного деяния русского народного тела – конечно же, не бездуховного – до высочайшего духовного творчества в русском слове (многие плоды этого творчества давно нашли свое инобытие на всех языках мира), – хотя мировое значение России, разумеется, не исчерпывается этими двумя аспектами.

Поэтому любая самая резкая «критика» (безусловно, имеющая свою обоснованность) идеократической и евразийской природы Руси-России никак не может поколебать высшего (сопоставимого, повторю, с чем угодно в мире) значения ее цивилизации и культуры.

Правда, и «критика» России действительно имеет веские основания; это с очевидностью выявляется, например, в своего рода уникальной, беспрецедентной *уязвимости* русского государства. Так, в начале XVII и в начале XX века оно рушилось прямо-таки подобно карточному домику, – что было обусловлено, как явствует из непреложных фактов, именно его идеократичностью, а также его многоэтничным евразийством.

В. В. Розанов констатировал в 1917 году с характерной своей «удалью» (речь шла о Февральском перевороте): «Русь слиняла в два дня. Самое большое – в три. Даже «Новое

⁴⁵ Коленкур Арман де. Поход Наполеона в Россию. – М., 1943, с. 220.

время» (эта «черносотенная» газета выходила до 26 октября. – В.К.) нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска... Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего».⁴⁶

И тогда же Розанов вопрошал: «Как же это мы просмотрели всю Россию и развалили всю Россию, делая точь-в-точь с нею то же самое, что с нею сделали поляки когда-то в Смутное время, в 1613-й год!...»

Василий Васильевич был не вполне точен, говоря о Смутном времени; поляки пришли в страну с уже рухнувшим государством. Но он всецело прав в своем беспощадном диагнозе: русская государственность во всех своих сторонах и гранях перестала существовать в 1917 году прямо-таки мгновенно, ибо для ее краха достаточно было решительно дискредитировать властвующую идею (те же «православие, самодержавие, народность»...).

В начале XVII века властвующая идея как бы исчезла, потому что пресеклась – в силу поочередной смерти всех трех сыновей скончавшегося в 1584 году Ивана Грозного – воплощавшая ее в себе (для того времени это было своего рода необходимостью) династия Рюриковичей. Могут сказать, что пресечение династии «наложилось» на имевший место в стране глубокий социальный кризис. Однако подобные кризисы бывали ведь и в другие времена (и раньше, и позже), но наличие воплощающего (буквально – в своей «царственной плоти») идею Божьего помазанника препятствовало полному краху государства.

Для понимания идеократической сущности России многое дает сопоставление судьбы большевиков и их противников, возглавивших Белую армию. Последние – при всех возможных оговорках – ставили своей задачей создать в России номократическое государство западного типа (характернейшей чертой программы Белой армии было так называемое «непредрешенство», подразумевающее не какую-либо государственную идею, а «законное» решение «законно» избранного Учредительного собрания). И это заранее обрекало на поражение врагов большевизма, для которого, напротив, власть – в полном соответствии с тысячелетней судьбой России (хотя большевики явно и не помышляли о таком соответствии) – была властью идеи (пусть и совершенно иной, чем ранее), идеократией. И в высшей степени закономерно, что дискредитация этой новой идеи к 1991 году опять-таки привела к мгновенному краху...

Короче говоря, идеократическое государство – заведомо «рискованная» вещь. И это так или иначе выявляется вовсе не только в периоды острейших кризисов. Все помнят и часто твердят тютчевскую строку:

В Россию можно только верить .

Строка эта нередко воспринимается как некая сугубо «оригинальная» постановка вопроса. Но, между прочим, на Западе почти в одно время с появлением тютчевского стихотворения было опубликовано следующее многозначительное рассуждение:

Россия «является единственным в истории примером огромной империи, само могущество которой, даже после достижения мировых успехов, всегда скорее принималось *на веру* (выделено мною. – В.К.), чем признавалось фактом. С начала XVIII столетия и до наших дней (писано в 1857 году. – В.К.) ни один из авторов, собиравшийся ли он провозносить или хулить Россию, не считал возможным обойтись без того, чтобы сначала доказать само ее существование».⁴⁷

Это рассуждение принадлежит Карлу Марксу, но следует иметь в виду, что в своем отношении к России он предстает чаще всего, в сущности, не как марксист, а как западный идеолог вообще, – весьма проникательный, но характерно тенденциозный (Маркс, например, говорит там же, что «чарам, исходящим от России, сопутствует скептическое отношение к ней, которое... издевается над самим ее величием как над театральной позой, принятой, чтобы

⁴⁶ Розанов В. В. О себе и жизни своей. – М., 1990, с. 579.

⁴⁷ Маркс Карл. Разоблачение дипломатической истории XVIII века. – «Вопросы истории», 1989, № 4, с. 3.

поразить и обмануть зрителей»; о принципиальном «актерстве» русских рассуждал еще до Маркса известный маркиз де Кюстин).

Утверждение, согласно которому Россия – не «факт», а только объект «веры», может показаться чисто риторическим вывертом (ведь перед нами как-никак шестая часть планеты, миллионы людей и т. п.). И все же в этом есть глубокая правда, ибо при крахе идеи мгновенно как бы превращаются в ничто вся мощь и все богатство громадной страны и, помимо прочего, распадается на куски ее евразийская многоэтничность... И ощущение, что Россия держится на *идее*, порождает то ее переживание, которое схвачено знаменитой тютчевской строкой.

Едва ли можно усомниться в том, что именно идеократическая и евразийская суть России определяла ее беспрецедентные крахи и падения; однако не стоит сомневаться и в том, что именно эта суть выражалась в ее великих победах и взлетах, в ее, по словам отнюдь не благоволившего России Маркса, «мировых успехах».

Маркс, между прочим, более всего нападал на Россию, даже прямо проклинал ее за ее взаимоотношения с монголами, – взаимоотношения, которые, согласно его – в общем, верной – мысли именно и определили ее очередной «подъем» в XV веке. К этой теме мы теперь и переходим.

2. Монголы и Русь

Здесь перед нами до сего дня и в очень многом загадочная эпоха русской истории. Монгольская армада нанесла первое поражение Руси в 1223 году, а в 1237–1240-м годах прошла почти по всей ее территории огнем и мечом. И около четверти тысячелетия(!) Русь являлась монгольским улусом, только в 1480 году Иван III отверг свое подчинение ее повелителям. Но, как верно констатировал тот же Карл Маркс, «изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвитя». ⁴⁸

Не правда ли, по меньшей мере странный итог двух с половиной столетий «монгольского ига», о которых и западные, и вторившие им русские историки повествовали как о времени полнейшего упадка Руси?

Разбираясь в существе дела, пришлось бы, между прочим, повторить многое из того, что сказано в начале этой главы о восприятии Византийской империи в допетровской Руси и, с другой стороны, в России XIX–XX веков, на историческое сознание которой оказывала сильнейшее воздействие западная идеология.

Гегель в своей «Философии истории» сказал о монголах (имея в виду, как он пояснил, и другие «кочевые» азиатские народы), что они-де живут, в сущности, бессодержательной «патриархальной жизнью», но «часто они собираются большими массами и благодаря какому-нибудь импульсу приходят в движение. Прежде мирно настроенные, они внезапно, как опустошительный поток, нападают на культурные страны, и вызываемый ими переворот не приводит ни к каким иным результатам, кроме разорения и опустошения. Такие движения народов происходил под предводительством Чингисхана и Тамерлана: они все растаптывали, а затем опять исчезали, как сбегает опустошительный лесной поток, так как в нем нет подлинного жизненного начала». ⁴⁹

Подобное представление о монголах, несмотря на все возможные оговорки и уточнения, присуще Западу и доньше. Так, через столетие после Гегеля Арнольд Тойнби писал, что «евразийские кочевники» – и в том числе монголы – являлись-де «не хозяевами, а рабами степи... Время от времени они покидали свои земли и врывались во владения соседних оседлых цивилизаций. Однако кочевник выходил из степи и опустошал сады цивилизованного общества

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Гегель, цит. изд., с. 85.

не потому, что он решил изменить маршрут своего привычного годового климатико-вегетационного перемещения... Это происходило под воздействием внешних сил, которым кочевник подчинялся механически. Кочевника выталкивало из степи резкое изменение климата, либо его засасывал внешний вакуум, который образовывался в смежной области местного оседлого общества... Таким образом, несмотря на нерегулярные набеги на оседлые цивилизации, временно включающие кочевников в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого *нет истории* (выделено мною. – В. К.). Судьба империй, основанных номадическими (то есть кочевническими. – В.К.) завоевателями, покорившими оседлые народы, заставляет вспомнить притчу о семени, которое «упало на места каменистые... и, как не имело корня, засохло» (Матф. 13, 5–6).⁵⁰

Внешнее «научообразие» смягчает характеристику Тойнби, но по своей сути она вполне совпадает с гегелевской, которая, собственно говоря, отказывала Монгольской империи в самом праве на существование.

Имеет смысл тут же привести суждения выдающегося азиатского идеолога – Дж. Неру, который в одно время с Тойнби писал в своем сочинении «Взгляд на всемирную историю» (1930–1933 гг.): «Монголы были кочевниками... Многие думают, что, поскольку они были кочевниками, они должны были быть варварами. Но это ошибочное представление... у них был развитый собственный уклад жизни и они обладали сложной организацией... Чингис, без сомнения, был величайшим военным гением и вождем в истории. Александр Македонский и Цезарь кажутся незначительными в сравнении с ним... Он был в высшей степени способным организатором и достаточно мудрым человеком... Его империя, возникшая так быстро, не распалась с его смертью... Его изображают крайне жестоким человеком. Он, без сомнения, и был жесток, но он не слишком отличался от многих других властителей того времени... Когда умер Чингисхан, Великим ханом стал его сын Угедей (при нем его племянник Батый и покорил Русь. – В.К.)... он был гуманным и миролюбивым человеком... Спокойствие и порядок установились на всем огромном протяжении монгольской империи... Европа и Азия вступили в более тесный контакт друг с другом...»⁵¹ (это можно определить и как создание евразийской империи).

Конечно, не исключено возражение, что «азиат» Неру слишком благосклонно оценил империю, созданную азиатом, и следует внести в его рассуждение определенные коррективы. Но вот что наиболее существенно: западные идеологи, как правило, применяют откровенный – даже, прошу извинения за резкость, наглый – двойной счет в отношении западных и, с другой стороны, восточных империй. Приведу только один, но выразительнейший образчик такого двойного счета.

Дискредитируя Монгольскую империю, которая-де занималась только тем, что «опустошала» цивилизованные общества, Тойнби в то же время поет дифирамбы западным империям. Он пишет, например, о деятельности короля, а затем императора франков Карла Великого и его преемников, которые совершали «дранг нах Остен», жесточайшим образом покоряя земли саксов, вендов (венедов), пруссов и т. п.

«Восемнадцать саксонских кампаний Карла могут сравниться лишь с *военными успехами Тамерлана* (выделено мною. – В.К.). За военными и политическими достижениями Карла последовали первые слабые проявления интеллектуальной энергии западного мира... Оттон уничтожил вендов... как Карл Великий уничтожил своих собственных саксонских предков... И только обитатели континентального побережья Балтийского моря оставались непокорными. На этом участке саксонский форпост призван был продолжить борьбу Оттона против вендов, которые в упорных сражениях продержались два столетия... Окончательная победа была достигнута... уничтожением непокорных в Бранденбурге и Мейсене... Города Ганзы и походы тевтонских рыцарей обеспечили продвижение границы западного христианства от линии Одера до линии Двины... к концу XIV в. континентальные европейские варвары исчезли с лица

⁵⁰ Там же, с. 110.

⁵¹ Неру Джавархарлал. Взгляд на всемирную историю. – М., 1975, т. 1, с. 314.

земли».⁵²

С явным торжеством перечисляя факты уничтожения племен, не желавших добровольно стать частью Западной империи, Тойнби по-своему прямо-таки замечательно говорит, что только Тамерлан достиг таких же «успехов», как Карл Великий! Впрочем, если учесть, что «уничтожение», начатое этим Карлом, длилось, по сообщению самого Тойнби, с конца VIII до конца XIV века (шестьсот лет!), западноевропейская империя далеко превзошла и Чингисхана, и Тамерлана со всеми их преемниками...

Но вернемся к «двойному счету». Западная империя – это прекрасно, а восточные-де не только чудовищны, но и вообще не имеют права на существование (они ведь только «опустошение»). Таков приговор западноевропейской идеологии, которая, увы, во многом определяла и определяет русскую идеологию XIX–XX веков.

Наиболее известный современный английский историк России Джон Феннел писал в своей книге «Кризис средневековой Руси» (1983), что, мол, «находиться в вассальной зависимости» от Монгольской империи «было позорно и бессмысленно».⁵³ Совершенно иначе оценивают западные историки вассальную зависимость тех или иных народов от империй Карла Великого или Карла V (XVI век); эта зависимость, по их убеждению, вводила каждый покоряемый народ в истинную цивилизацию.

К сожалению, многие русские историки и идеологи утверждают, подобно Феннелу, что зависимость от Монгольской империи – это только «позор» и «бессмыслица». Воздействию западной идеологии в этом отношении не подчинялись лишь подлинно глубокие и самостоятельные люди, – такие, как уже не раз упомянутый Чаадаев, который писал в 1843 году, что «продолжительное владычество татар (вернее, монголов. – В.К.) – это величайшей важности событие... как оно ни было ужасно, оно принесло нам больше пользы, чем вреда, вместо того, чтобы разрушить народность, оно только помогло ей развиться и созреть... оно сделало возможными и знаменитые царствования Иоанна III и Иоанна IV, царствования, вовремя которых упрочилось наше могущество и завершилось наше политическое воспитание» (т. 2, с. 161).

В XX веке чаадаевская постановка вопроса была развита и обоснована «евразийцами», показавшими, что Монгольская империя явилась окончательным утверждением Евразии как таковой – Евразии, основой которой позднее, после упадка империи, стало Московское царство, чьи границы уже во второй четверти XVII века достигли Тихого океана (как ранее – границы Монгольской империи).

Но в этой главе речь идет не об историософском наследии евразийцев (его освоением и так заняты сейчас многие и многие авторы), но о реальном историческом «наследстве» самой Монгольской (как и Византийской) империи.

При достаточно углубленном изучении русских исторических источников XIII–XVII столетий неопровержимо выясняется, что выразившиеся в них восприятие и оценка Монгольской (как и Византийской) империи решительно отличается от того восприятия и той оценки, которые господствуют в русской историографии и идеологии XIX–XX веков.

Мне могут напомнить, что в русском фольклоре – от исторических песен до пословиц – имеет место весьма или даже крайне негативное, отношение к «*татарам*». Однако не столь уж трудно доказать, что здесь перед нами отражение намного более *поздней* исторической реальности; дело идет в данном случае о татарах Крымского ханства, об их по существу разбойничьем образе жизни: опираясь на мощную поддержку Турецкой империи, они с середины XVI до конца XVIII века совершали постоянные грабительские набеги на русские земли и, в частности, увели сотни тысяч русских людей в рабство.

Принципиально по-иному (чем позднейшее Крымское ханство) воспринимали и оценивали на Руси Монгольскую империю и ее – в русском словоупотреблении – царей. Обратимся хотя бы к сочинениям одного из виднейших церковных деятелей и писателей XIII

⁵² Тойнби, цит. изд., с. 250.

⁵³ Феннел Джон. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. – М., 1989, с. 213.

века, архимандрита прославленного Киево-Печерского монастыря, а затем епископа Владимирского Серапиона.

Он ни в коей мере не закрывал глаза на страшные бедствия Монгольского нашествия, пережитого им вместе со всеми в юности. Около 1275 года он в высоком риторическом слоге вопрошал: «Не пленена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша гради наши? Не вскоре ли падоша отци и братья наша трупием на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша в плен? Не порабощены быхом оставшеи горькою си работою от иноплеменник? Се уже к 40 лет приближает томление и мука...»

Но вот что Серапион писал о монголах, нелюбезно сопоставляя их со своими одноплеменниками. Хотя они, писал он, «погании (то есть язычники. – В.К.) бо, Закона Божия не ведуще, не убивают единоверных своих, ни ограбляют, ни обадят, ни поклепят (оба слова означают «клеветать», «оговаривать». – В.К.), ни украдут, не запрятыся (зарятся) чужого; всяк поганый своего брата не продаст; но кого в них постигнет беда, то искупят его и на промысл дадут ему... а мы творимся, вернии, во имя Божие крещени есмы и заповеди его слышаще, всегда неправды есмы исполнени и зависти, немилосердья; братью свою ограбляем, убиваем, в погань продаем; обадами, завистью, аще бы можно, снели (съели. – В, К.) друг друга, но вся Бог боронит...»

Явное утверждение нравственного превосходства монголов (даже несмотря на их язычество) – не некий странный, «исключительный» образ мысли, напротив, перед нами типичная для той эпохи русская оценка создателей Монгольской империи. И вассальная зависимость Руси от этой империи отнюдь не рассматривалась как нечто заведомо «позорное и бессмысленное» (точно так же на Западе никто не считал «позором и бессмыслицей» зависимость тех или иных народов от «Священной Римской империи германской нации», в рамках которой развивалась западная цивилизация).

И потому, в частности, нет ничего неожиданного в том, что наивысшим признанием пользовались на Руси те «руководители» XIII–XIV веков, которые всецело «покорялись» вассалитету – св. Александр Невский, Иван Калита, св. митрополиты Петр и Алексий и т. п. (историки начали «критиковать» их за «покорство» монголам лишь в XIX веке).

Тут, конечно, встает вопрос о времени конца XIV века, о Дмитрие Донском, святых Сергии Радонежском и митрополите Киприане, решившихся на Куликовскую битву. Однако существо этого события начало действительно открываться нам лишь в самое последнее время. Александр Блок, создавший замечательный поэтический цикл «На поле Куликовом», отнес битву 1380 года к таинственным «символическим» событиям и прозорливо сказал о таких событиях: «Разгадка их еще впереди».

Куликовская битва, свершившаяся почти через полтора века после монгольского нашествия и за сто лет до конца «монгольского ига», требует отдельного и тщательного рассмотрения. Но один аспект дела уместно затронуть и здесь. Всем известно, что преп. Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского на бой и победу, сказав ему (как сообщено в житии этого величайшего русского святого): «Пойди противу безбожных, и Богу помогаючи ти, победиши...»

Однако в древних рукописях жития преп. Сергия сохранился и совершенно иной ответ святого на просьбу великого князя Дмитрия о благословении на битву с Мамаем: «... пошлина (то есть давно установленный порядок. – В.К.) твоя держит (препятствует – В.К.), покорятся ордынскому царю должно».⁵⁴

Существует точка зрения, согласно которой этот ответ преп. Сергий дал не в 1380 году, но ранее, в 1378-м – перед битвой (11 августа) на реке Боже (недалеко от старой Рязани) с войском Бегича. Но так или иначе едва ли есть основания сомневаться, что преп. Сергий не предлагал идти на битву с «царем», то есть с повелителем Монгольской империи. В том тексте жития, где рассказано о безоговорочном благословении святого, Мамай назван не «царем», но «князем». И для того времени это было исключительно существенным различием. «Великий князь» (а он назывался именно так) Дмитрий вышел на бой не с царем, а, собственно говоря, с самозванцем,

⁵⁴ Тихонравов Н. С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. – М., 1982, с. 137.

который был заклятым врагом и самой Монгольской империи.

Как сообщается в наиболее подробных летописях (см., напр., ПСРЛ, т. XV, вып. 1), сразу после победы над Мамаем, «на ту же осень (то есть 1380 года. – *В.К.*) князь великий в Орду своих киличеев (послов. – *В.К.*) Толбугу да Мокшея к новому царю (имеется в виду недавно воцарившийся Тохтамыш. – *В.К.*) с дары и поминки» (стб. 142). Сообщает летопись и о том, что в конце 1380 или начале 1381 года «царь Тохтамыш победи Мамай» – то есть окончательно добил его, – и «послы свои отпусти к князю Дмитрию и ко всем князьям русским, поведая... како супротивника своего и их врага Мамай победи... Князи же русстии послов его (царя. – *В.К.*) отпустиша в Орду с честию и с дары, а сами на зиму ту и на весну (1381 года. – *В.К.*), за ними, отпустиша своих киличеев с многими дары ко царю Токтамышю» (стб. 141). Итак, Дмитрий Донской сообщил монгольскому царю о своей победе на Куликовом поле как о заслуге и перед ним, царем, затем царь известил князя Руси об осуществленном им окончательном разгроме Мамай и, наконец, Русь поблагодарила царя за эту его победу.

Об этих существеннейших фактах истории, как правило, полностью умалчивают, ибо они никоим образом не вписываются в предлагаемую ими картину взаимоотношений Руси и Монгольской империи. Ведь из приведенных сообщений, в достоверности которых у нас нет никаких оснований усомниться, ясно, что Дмитрий Донской сражался на Куликовом поле отнюдь не против Монгольской империи, и преп. Сергей Радонежский благословил его на эту битву, надо думать, лишь тогда, когда стало очевидно, что Мамай – враг и Руси, и всей империи.

Конечно, все это нуждается в подробном и масштабном анализе и осмыслении; в частности, как непонятное – без специального исследования – противоречие предстает последующий набег царя Тохтамыша на Москву (23 августа 1382 года). Но, во всяком случае, едва ли можно утверждать (хотя это постоянно делается), что Куликовская битва являла собой выступление Руси против Монгольской империи.

Не менее важно правильно понять само окончание вассалитета Руси по отношению к империи. Здесь опять-таки дело вовсе не сводилось к борьбе: в XV веке Москва, выражаясь вполне точно, переняла эстафету власти над Евразией у ослабевшей и распадающейся империи и постепенно присоединяла к себе ее «куски» – Казанское, Астраханское, Сибирское ханства. Только ханство Крымское, ставшее по сути дела частью Турецкой империи, сохранялось вплоть до конца XVIII века.

О том, что события XV–XVI веков являли собой не столько войну с остатками Монгольской империи, сколько именно переход власти в руки Москвы, убедительно писали историки-евразийцы, прежде всего Г. В. Вернадский (речь идет здесь не об его идеях, а об освоенных им исторических фактах). В своем «Начертании русской истории» (1927) он показал, в частности, как целый ряд знатнейших потомков Чингисхана – таких, как Шах-Али (Шигалей), Саин-Булат (Симеон Бекбулатович), Симеон Касаевич, – добровольно перешли на службу Московского царя и обрели здесь самое высокое признание. Так, Шах-Али являлся главнокомандующим русским войском в Ливонской и Литовской войнах 1550–1560-х годов, а крестившийся Саин-Булат (Симеон) был даже провозглашен в 1573 году «великим князем Всея Руси» и после кончины царя Федора Иоанновича 1598 г.) считался одним из главных претендентов на русский престол.

Нельзя не сказать еще, что переход в Москву тех или иных людей из монгольских верхов начался раньше и даже намного раньше того 1480 года, когда Иван III отверг вассалитет. Уже в XIII веке племянник Батыея принял христианство с именем Петра и стал так верно служить Руси, что был причислен к лику святых (преп. Петр, царевич Ордынский; его потомком, между прочим, был величайший иконописец эпохи Ивана III Дионисий).

Одним из приближенных Дмитрия Донского был царевич-чингизид Серкиз; его сын Андрей Серкизов командовал одним из шести русских полков, пришедших на Куликово поле.

Когда в 1476 году – то есть еще до «свержения ига» – итальянский дипломат Амброджо Контарини приехал в Москву, он столкнулся с парадоксальной, но вполне типичной для Руси того времени ситуацией. Великий князь Иван III, сообщал Контарини (надо думать, не без удивления), имеет «обычай ежегодно посещать... одного татарина (по-видимому, речь шла о хане Касимовском. – *В.К.*), который на княжеское жалованье держал пятьсот всадников... они

стоят на границах с владениями татар, дабы те не причиняли вреда стране великого князя».⁵⁵

Нельзя не коснуться в связи с этим акта присоединения к России Казанского ханства, ибо его смысл явно неосновательно толкуется и русскими историками (точнее, большинством из них), в глазах которых взаимоотношения Руси и Монгольской империи (и ее остатками) предстают как непримиримая война, и некоторыми (к счастью, далеко не всеми) историками Татарстана, усматривающими во взятии русскими войсками Казани акт порабощения и даже чуть ли не геноцида своего дотоле свободного народа.

Казань (точнее, «Старая Казань»), по-видимому, еще в конце XII века стала столицей существовавшего с X века государства волжско-камских булгар. Но вскоре Булгария (почти в одно время с Русью) была завоевана Батыем и до тридцатых годов XV века являлась, по сути дела, таким же вассалом Монгольской империи, как и Русь; булгарские князья подобно русским, платили дань и исполняли вассальные обязанности.

Но к середине XV века, после фактического распада государства монголов, бывший его царь Улу-Мухаммед, изгнанный соперниками из Сарая и затем из Крыма, и оставшийся, таким образом, без владения, захватил Казань, убил ее булгарского владетеля Али-Бека (иначе – Алибея) и сел на его место (согласно другой, менее достоверной версии, это сделал сын Улу-Мухаммеда, Махмутек). Есть, между прочим, достаточные основания полагать, что вначале Улу-Мухаммед имел намерение «сесть» подобным же образом не в Казани, а в Москве, но, по-видимому, счел этот план нереальным.

В дальнейшем Казанское ханство существовало – наряду с Крымским, Астраханским, Сибирским, – как своего рода осколок империи; ханства уже никак не могли объединиться, подчас активно соперничали, но нередко в трудные моменты так или иначе поддерживали друг друга. В частности, после смерти в 1518 году правнука Улу-Мухаммеда, не оставившего сыновей, из Крыма в Казань был прислан с войском и свитой младший брат тамошнего хана, Сагиб-Гирей; особенно знаменательно, что позднее он вернулся в Крым, а в Казань прислал оттуда своего племянника Сафа-Гирея, правившего до своей кончины в 1549 году, – за три года до взятия Казани русским войском.

Двухлетний сын Сафа-Гирея, Утемыш-Гирей, естественно, не мог править, и помощь Казанскому ханству на этот раз пришла уже не из Крыма, а из Астрахани. В начале 1552 года в Казань явился царевич Едигер – сын хана Астраханского, правнук Ахмата (который пытался в 1480 году заставить подчиниться ему Ивана III). Он пришел, сообщает составленный вскоре после событий их непосредственным очевидцем «Казанский летописец», и «с ним прииде в Казань 10 000 варвар (то есть не христиан. – В.К.), кочевных самовольных, гуляющих в поле». Цифру эту, могущую показаться произвольной, подтверждает другой очевидец – князь Курбский в своем рассказе о взятии Казани (в его сочинении 1573 года «История о великом князе Московском»), сообщая, что во время последней решающей схватки хана Едигера окружали именно 10000 отборных воинов.

Из этого, естественно, следует вывод, что битва за Казань шла – хотя бы прежде всего, главным образом, – не между русскими и коренным населением ханства, а между боевыми силами чингизида Едигера, которые он привел из Астрахани, и московским войском. При любых возможных оговорках все же никак нельзя считать правление Едигера и его воинов воплощением *национальной* государственности народа, жившего вокруг Казани, – хотя это и делают некоторые татарские историки.

Итак, судьба Москвы и Казани со времен монгольского нашествия и до 1430–1440-х годов была аналогичной: правившие в этих городах князья являлись вассалами монгольского хана – «царя». Но с момента захвата Казани Улу-Мухаммедом, убившим принадлежавшего к коренному населению князя Алибея, положение стало принципиально иным: представим себе, что чингизид Улу-Мухаммед смог захватить не Казань, а Москву, убить княжившего тогда Василия II (отца Ивана III) и править в Москве вместе со своим войском и свитой... Поэтому, повторяю, по меньшей мере не корректно усматривать во взятии Казани московским войском в 1552 году подавление национальной государственности.

⁵⁵ Барбаро и Контарини о России. – Л., 1971, с. 226.

Впрочем, и вопрос о борьбе Москвы с чингизидами и их войсками, основу которых составляли люди, называвшиеся к тому времени «татарами», не так прост, как чаще всего думают. Дело в том, что московское войско, пришедшее в Казань, включало в себя больше татар, нежели войско Едигера.

Неверное представление о всей исторической ситуации эпохи заставляет закрыть глаза даже на предельно выразительные факты. Уже упомянутый «Казанский летописец» рассказывает о том, как царь Иван Васильевич (Грозный) по пути на Казань, в Муроме, «благоразумно... учиняет начальники воев»:

«В преднем же полку начальных воевод устави над своею силою: татарского крымского царевича Тактамыша и царевича шибанского Кудайта... В правой руке начальных воевод устави: касимовского царя Шигалея... В левой же руке начальные воеводы: астороханский царевич Кайбула... В сторожевом же полце начальные воеводы: царевич Дербыш-Алей»...

К этому необходимо добавить, что ранее в «Летописце» сообщено следующее: «прийде в Муром град царь Шигалей ис предела своего, ис Касимова, с ним же силы его варвар 30 000; и два царевича Астроханской Орды... Кайбула именем, другой же – Дербыш-Алей... дающие волею своею в послужение царю великому князю, а с ними татар их дватцать тысяч».⁵⁶

Разумеется, основу войска составляли русские (я опустил в цитатах имена русских воевод), но летописец на первые места везде ставил чингизидов, – хотя бы потому, что русские военачальники никак не могли сравниться с чингизидами с точки зрения знатности.

Как же все это понять? При верном общем представлении о том, что совершалось в XV–XVI веках, здесь нет никаких загадок. Власть на тех территориях, которые принадлежали Монгольской империи, переходила в руки Москвы, поскольку – в силу многих причин – чингизиды уже не могли удержать эту власть. Наиболее дальновидные чингизиды постепенно переходили на московскую службу, получая очень высокое положение в русском государстве и обществе.

Конечно, это был не простой процесс. Так, тот самый астраханский царевич Едигер, который в 1552 году стал ханом Казанским, десятью годами ранее прибыл в Москву, а в 1547-м во время неудачного похода на Казань был одним из русских «начальных воевод». Но чаша весов еще, казалось, колеблется, и через пять лет Едигер, став ханом Казанским, отвергал все предложения подчиниться Москве. Впрочем, оказавшись в плену, он через какое-то время принял крещение с именем Симеона Касаевича (сын Касима), сохранил титул «царь Казанский» и занял высшее положение при Московском дворе и государстве в целом (так, в летописных описаниях церемоний царь Казанский Симеон стоит на *втором* месте после Ивана Грозного).

Ярко раскрывается судьба «монгольского наследства» и в участи потомков всем известного сибирского хана Кучума. Сибирь дольше других областей (исключая занятый турками Крым) переходила под руку Москвы. Только в январе 1555 года тогдашний хан Сибири Едигер (тезка хана Казанского) признал себя вассалом московского царя. Однако в 1563-м потомок старшего сына Чингисхана Джучи (старшим сыном этого Джучи был, кстати сказать, и сам Батый), хан Кучум, разгромил и убил Едигера и вскоре порвал отношения с Москвой. В 1582 году он потерпел поражение от Ермака, а в 1585-м, напротив, Ермак погиб в бою с Кучумом, который до 1598 года продолжал отстаивать свою власть над Сибирью.

⁵⁶ Казанская история. – В кн.: Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. – М., 1985, с. 462. Эти сведения из «Казанской истории» или, иначе, «Казанского летописца» кажутся некоторым исследователям недостоверными, ибо господствует мнение о непримиримой борьбе Руси с остатками Монгольской империи. Так, комментаторы новейшего издания «Казанского летописца», Т. Ф. Волкова и И. А. Евсеева утверждают, что упомянутые царевичи-чингизиды «на самом деле в походе на Казань не участвовали». Они не отрицают, что чингизид Шигалей (Шах-Али) принимал участие в походе, ибо об этом сообщают многие источники. Но об остальных чингизидах сведения есть только в наиболее обстоятельном «Казанском летописце», и потому комментаторы подвергают их сомнению. Между тем этот летописец создавался вскоре после событий (в 1564–1565 гг.), когда большинство участников похода еще было живо, и неосновательно предполагать, что в рассказ о Казанском походе 1552 года вошли заведомо ложные сведения о целом ряде всем известных людей. Такое случалось только в произведениях, создававшихся намного позже описываемых событий. Словом, сомнение комментаторов продиктовано, очевидно, неверным представлением о характере взаимоотношений Руси и сходящей с исторической сцены монгольской власти над Евразией.

Впрочем, широко распространенное представление о Кучуме как бы исчерпывается словами явно не очень осведомленного в сибирских делах Кондратия Рылеева:

Кучум, презренный царь Сибири...

Итак, потомок Чингисхана Кучум не пожелал подчиниться московскому царю. Тем не менее его сыновья Алей (который, кстати сказать, долго воевал против Москвы вместе с отцом) Абулхаир, Алтапай, Кумыш сохранили титулы «царевичи Сибирске» и пользовались на Руси самым высоким почетом. Сын Алея, Алп-Арслан в 1614–1627 годах был правителем относительно автономного Касимовского ханства. А сын последнего, Сеид-Бурхан, принял христианство с именем «Василий, царевич Сибирский» и выдал свою дочь (то есть праправнучку Кучума) царевну Сибирскую Евдокию Васильевну ни много ни мало за брата русской царицы (супруги Алексея Михайловича и матери Петра I), Мартемьяна Кирилловича Нарышкина. Другой праправнук Кучума (правнук его сына Кумыша), также названный Василием (по-видимому, царевичи Сибирские уже знали, что по-гречески «Василий» означает «царь») стал близким сподвижником русского царевича – сына Петра I, злополучного наследника престола Алексея. Из-за этого пострадали все царевичи (вместе с ними, конечно, подверглось гонениям немало и русских людей из окружения царевича Алексея): с 1718 года им было повелено считаться отныне только *князьями* Сибирскими. Тем не менее внук опального царевича Василия, князь Василий Федорович Сибирский, живший уже во второй половине XVIII – начале XIX века, стал генералом от инфантерии (чингизидская военная косточка!) и сенатором при Александре I; он едва ли мог без возмущения воспринимать рылеевскую балладу.

Этот генеалогический экскурс, как мне представляется, небезынтересен и сам по себе, но важнее всего осознать, что ложные и, в конечном счете, внушенные западной идеологией понятия о роли Монгольской империи и ее наследства в России как бы вычеркивают подобные факты из нашего внимания. А между тем факты такого рода поистине неисчислимы, и они ясно говорят о том, что господствующие представления об отношениях Руси и Монгольской империи (и ее наследия) совершенно не соответствуют исторической реальности.

Как уже сказано, восприятие Русью монгольского наследства окончательно сделало ее *евразийской* державой и, в частности, исключало какое-либо «высокомерие» русского национального сознания в отношении азиатских народов. В связи с этим стоит привести два очень весомых высказывания крупнейших политических деятелей Запада. Один из них – князь Отто фон Бисмарк (1815–1898), посланник Пруссии в Петербурге, затем прусский министр-президент и министр иностранных дел, наконец, канцлер Германии. Он со знанием дела писал: «Англичане ведут себя в Азии менее цивилизованно, чем русские; они слишком презрительно относятся к коренному населению и держатся на расстоянии от него... Русские же, напротив, привлекают к себе народы, которые они включают в свою империю, знакомятся с их жизнью и сливаются с ними».⁵⁷

Характерно, что это подтвердил позднее и виднейший английский политик, лорд Джордж Керзон (1859–1925), вице-король Индии, а затем министр иностранных дел Великобритании: «Россия, – писал он, – бесспорно обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой... Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который в большей степени воспламеняет злобу, чем сама жестокость. Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами... Я вспоминаю церемонию встречи царя (Николая II. – В.К.) в Баку, на которой присутствовали четыре хана из Мерва в русской военной форме. Это всего лишь случайная иллюстрация последовательно проводимой Россией линии... Англичане никогда не были способны так использовать своих недавних

⁵⁷ «Вопросы истории», 1994, № 1, с. 182. (Перевод видного историка В. Н. Виноградова).

врагов».⁵⁸

В этих, можно сказать, «завистливых» высказываниях крупнейших политиков Запада существенны не только верные наблюдения, но и – в равной мере – довольно грубые неточности. Во-первых, и Бисмарк, и Керзон едва ли правильно характеризуют поведение русских в Азии только как выражение осознанной политической линии; евразийство России – органическое качество, естественно сложившееся в течение тысячелетия (хотя, конечно, имели место и политическая стратегия, и тактика). Далее, ошибочно бисмарковское положение о большей, в сравнении с англичанами, «цивилизованности» поведения русских Азии; речь должна идти не о количественной мере цивилизованности, но о качественно иной цивилизации. И уж совсем ложны слова Керзона о том, что русские не уклоняются от общения с «низшими расами»; в русской ментальности (какие-либо исключения здесь только подтверждают правило) просто нет самого этого – сложившегося на Западе – представления о «низших» (и «высших») расах и т. д.

Нельзя не предвидеть, впрочем, что все сказанное мной о евразийском «составе» России может вызвать резкое возражение такого характера: к чему все эти благодушные рассуждения, если Россия была и остается «тюрьмой народов»?.. «Формула» эта восходит, как полагают, еще к книге маркиза де Кюстина,⁵⁹ – то есть опять-таки к западной идеологии, но она давно стала обязательной и в устах всех туземных «критиков» Российского государства.

Необходимым исходным пунктом данной формулы является (хотя это не очень уж осознается) тот факт, что основные страны современного Запада, в отличие, от России, предстают в качестве *мононациональных*. Вот, мол, французы, англичане, немцы создали свои государства на своих же территориях, не захватывая земель, принадлежащих иным народам, а русские, не ограничиваясь «собственными» землями, поработили множество других народов и племен...

Между тем такое сопоставление стран Запада и России, вне которого и не могла бы возникнуть формула «тюрьма народов», основано на поистине странной слепоте или, скажем так, забывчивости. Ибо не надо быть специалистом в области этнографии, дабы знать, что в силу уникально благоприятных для жизни людей географических условий (гораздо более благоприятных, чем российские) Западная Европа с давних времен влекла к себе массу различных племен, и к тому историческому моменту, когда французы, англичане и немцы начали создавать свои государства, на землях, где воздвигались эти государства, жило великое множество различных этносов, – *кельтских, иллирийских, балтских, славянских* и т. д.

Их имелось не меньше (если не больше), чем на территории России. Однако в течение веков они были стерты с лица земли посредством жестокого давления со стороны трех господствующих этносов или даже прямого физического уничтожения, – о чем, кстати, не без более чем сомнительного воодушевления сообщается в приводившихся выше высказываниях Арнольда Тойнби...

Не секрет, что преобладающая часть всей топонимики (названий местностей, рек, гор, даже городов и селений и т. д.) Франции, Великобритании и Германии не является французской, английской и немецкой. Более того, даже общее название «Великобритания» происходит от кельтского народа бриттов (а не германского – англов); точно также самая обширная часть Германии – Пруссия – это территория стертого с лица земли наиболее значительного и культурного балтского народа – пруссов. И, между прочим, нет никакого сомнения, что если бы немцы в давние времена смогли надолго подчинить себе и земли восточнее Немана, то и от других балтских этносов – литовцев и латышей – уцелели бы, в лучшем случае, только названия (стоит в связи с этим подумать о судьбе данных народов в составе России...).

Невозможно излагать здесь всю этническую историю стран Запада, но для уяснения

⁵⁸ Цит. по кн.: Нестеров Ф. Связь времен. Опыт исторической публицистики. – М., 1980, с. 107–108.

⁵⁹ См.: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М., 1966, с. 676–677.

проблемы достаточно в самых общих чертах сравнить ее с этнической историей России, – той России, даже в центральной части которой на протяжении веков жили, росли и крепили вроде бы совсем «чужие» русским народы – башкиры, коми, марийцы, мордва, татары, удмурты, чуваша и т. д., а на окраинах столетиями сохранялись даже и самые малочисленные этносы в несколько тысяч или даже в несколько сот (!) человек.

На Западе же многие десятки народов либо вообще исчезли, либо превратились к нашему времени в своего рода этнические реликты (как шотландцы, валлийцы, бретонцы, гасконцы, лужичане и т. п.). Ныне всего только два народа, живущие на территориях крупных западноевропейских стран, продолжают отстаивать себя как еще живые силы – ирландцы (в британском Ольстере) и баски (в Испании и Франции). Много лет они ведут кровавую войну за элементарную национальную автономию...

И если уж называть Россию «тюрьмой народов», то, в точном соответствии с логикой, следует называть основные страны Запада не иначе как «кладбищами народов», а потом уж решать, что «лучше» – тюрьма или кладбища...

Во всяком случае, совершенно неосновательна «критика» России, продиктованная, в сущности, самим тем фактом, что в ее пределах (в отличие от основных стран Запада) жило и живет сегодня множество различных народов; при всех возможных оговорках этот факт должен бы вызывать восхищение, а не поношение...

На этом я завершаю свое – конечно же, ни в коей мере не исчерпывающее проблему, – размышление, хотя вполне естественно встает вопрос: как же понимать в свете идеократической и евразийской природы России все то, что происходит с нашей страной в наше время? Но не надо, полагаю, доказывать и то, что эта тема нуждается в специальном развернутом осмыслении...

Глава 3. Воплощение в русском Слове «героического» периода истории Руси

«...удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей „Истории“, говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории».

Пушкин, 1827 год

И бытие, и сознание любого народа уходят своим корнями в «доисторические» времена, длившиеся тысячелетиями. Это с очевидностью предстает, например, в содержании русского героического эпоса – богатырских былин, которые являют собой ценнейшую часть начальной стадии развития национальной культуры. Один из ярких исследователей этого эпоса (более известный как создатель выдающихся исторических романов) Дмитрий Балашов полагает, что истоки тех или иных былин восходят еще к V–III векам (или даже к VII (!) веку)⁶⁰ до нашей эры, хотя и делает существенную оговорку: «История военных славян археологами прослежена пока в глубь времени лишь до IV в. н. э. Далее начинается область гипотез» (там же, с. 17).

Русский героический эпос, конечно же, вобрал в себя те или иные образы и мотивы, сложившиеся еще в общеславянскую, праславянскую и даже дославянскую (общеиндоевропейскую) эпохи, то есть за много столетий до того времени, когда эпос этот действительно стал формироваться. Но вместе с тем едва ли можно оспорить, что необходимо все же разграничивать эпос в собственном смысле слова и те элементы сознания и творчества, которые предшествовали его формированию, а войдя в него обрели совсем уже иной смысл и значение.

Известнейший современный специалист в области исторической теории эпоса, давно вписавшийся во всемирный контекст этой теории, Е. М. Мелетинский (между прочим, отнюдь

⁶⁰ Балашов Д. М. Из истории былинного эпоса. Святогор. – В кн.: Русский фольклор. Вып. XX, Фольклор и историческая действительность. Л., 1981, с. 20.

не принадлежащий к «патриотическому» направлению), основательно доказывает, что «героический эпос в отличие от народной сказки тяготеет к историческим, национальным, государственным масштабам. Его история тесно связана с процессом формирования народностей и древнейших государств... Эпос... наполнен... патриотическим пафосом. В частности, мифологические образы (по мере того как племенное сознание в связи с этно-политической консолидацией поднимается до государственного и национального) постепенно вытесняются историческими. Поэтому эпос в известном смысле всегда историчен. Даже в мифологических образах эпос выражает народный взгляд на историю...»⁶¹

Поэтому речь должна идти о взаимосвязи, о единстве понятий (и, конечно, запечатленных в этих понятиях реальностей): 1) героического эпоса как явления *культуры*, 2) *государственности*, немислимой без идеи патриотизма, и, наконец, 3) *истории* в собственном смысле слова. Рождение героического эпоса нераздельно связано с возникновением государственности (пусть хотя бы в ее зачатках), но ведь и история как таковая начинается только вместе с началом государственности. До этого момента жизнь человеческой общности (племени или даже группы племен) может являться, строго говоря, предметом *этнографического*, но не собственно исторического знания. Ибо, лишь обретая государственность, человеческая общность становится полноценным *субъектом* истории, или, если выразиться более торжественно, ее *творцом*.

Дальнейшее освещение нашей темы – история Руси и русского Слова – не может не быть нераздельно связано с освещением проблемы героического эпоса, ибо этот эпос (что можно бы подтвердить бесчисленными ссылками и на факты, и на выводы авторитетных исследователей) – наиболее *раннее* подлинно существенное воплощение начавшейся *истории* народа – воплощение ее в *слове* и, если ставить вопрос более широко, в культуре. Эпос ясно свидетельствует, что *история* народа началась; но верно и обратное умозаключение – начало истории закономерно подразумевает рождение героического эпоса.

Когда же началась русская история как таковая? Прежде чем пытаться ответить на этот вопрос, целесообразно обратить взгляд к времени вполне очевидного и мощного воплощения русской истории – эпохе Ярослава Мудрого, правившего в Киеве с 1016 по 1054 год (с небольшим перерывом в 1018–1019 годах из-за междоусобной войны) и носившего титулы цесаря и кагана, приравняемые к императорскому. Какова Русь этой эпохи?

Огромная, особенно по тогдашним меркам, государственная территория, простиравшаяся с севера на юг от Белого до Черного моря и с запада на восток от речного бассейна Вислы до Камы. Развитые и прочные международные отношения и связи (что выразилось, в частности, в брачных союзах семьи Ярослава с правящими династиями Византии, Германии, Франции, Англии, Венгрии, Польши, Швеции, Норвегии). Обилие крупных по тем временам городов: Киев, уступавший тогда по величине (в Европе) только византийскому Константинополю и арабской Кордове, а также Чернигов, Переславль-Русский, Галич, Туров, Владимир-Волынский, Полоцк, Витебск, Смоленск, Муром, Ростов, Суздаль, Новгород, Псков, Юрьев (ныне – Тарту), Ладога и другие города (в том числе и отдаленная Тмутаракань у устья Кубани), которые в последнее двадцатилетие правления Ярослава Мудрого были прочно связаны с центральной, киевской властью, осуществляя ее волю на окружающих их территориях.

О военной мощи Ярославовой Руси ясно свидетельствует тот факт, что в 1036 году были наголову разбиты напавшие на Киев печенеги – те самые печенеги, которые полтора века со времени их появления в причерноморских степях (889) атаковали многие соседние земли и народы.

Чрезвычайно внушительно культурное творчество этой эпохи. Ведь еще и сегодня покоряют своим величием воплотившие в себе многообразные человеческие усилия и устремления соборы святой Софии в Киеве (1037) и в Новгороде (1050), духовная и просветительная деятельность Киево-Печерского монастыря (деятельность эта ярко воссоздана

⁶¹ Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – М., 1963, с. 423.

в составлявшемся начиная с XI века «Киево-Печерском патерике» и «Повести временных лет»), исполненное глубины смысла и совершенства стиля «Слово о законе и Благодати» митрополита Илариона, проникновенное «Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу»,⁶² которое в определенных отношениях являет собой непосредственный прообраз великой русской литературы XIX века (о чем еще пойдет речь). Наконец, дошла до нас – пусть и с позднейшими наслоениями – воплощенная в слове правовая, законодательная воля эпохи Ярослава, установившая основы государственного, церковного, общественного строя («Правда Ярослава», ставшая фундаментом «Правды Русской», устав о церковных судах и т. п.).

Все перечисленное, разумеется, только часть из того, что представляла собой Русь в середине XI века. Но сотворение зрелой государственности и культуры, а следовательно творчество самой Истории в ее полновесном значении, запечатлелось даже и в названных явлениях со всей осязаемостью.

Более того, эпохе Ярослава присущи не столь уж характерные для русской истории черты «законченности», отчеканенной воплощенности, завершенности. Это было понятно ее современникам. Так, митрополит Иларион в своем «Слове», обращаясь к духу крестителя Руси Владимира, говорит именно о «воплощающем», завершающем значении деяний его сына Ярослава:

*Его ведь сотворил Господь
наместником тебе,
твоему владычеству,
не рушащим твоих уставов,
но утверждающим...
не искажающим,
но завершающим,
что недокончено тобой
заканчивающим...
Он дом Божий великий
Его Святой Премудрости создал...
И славный город твой Киев
величеством, как венцом, облек... 63*

И эта воплощенность эпохи внятно воспринимается нами еще и сегодня, почти через тысячелетие... А ведь между тем, углубляясь во времени от начала расцвета Ярославовой державы (1030-е годы) всего лишь на столетие – да и даже только на полстолетия! – назад, мы не обнаруживаем подобных воплощений, «кристаллов» исторического (государственного и культурного) творчества. И истинное великолепие Ярославовой Руси может показаться возникшим словно бы из ничего – как некое чудо.

Есть, впрочем, «простое» объяснение, особенно характерное для зарубежной историографии: все или почти все историческое величие Руси XI века создано, мол, не «туземцами», а Византией, – как и на целом ряде других территорий вокруг Черного моря, испытавших воздействие этой империи, которая с точки зрения зрелости государственности и культуры не просто превосходила все тогдашние страны Европы и Передней Азии (кстати сказать, Арабский халифат к тому времени уже находился в состоянии распада), но обладала в этих аспектах принципиально иным уровнем, ибо была, в частности, единственной прямой наследницей античного мира.

Роль византийской, или, вернее, восточнохристианской, государственности и культуры в развитии Руси, разумеется, неоспоримо велика. Но нельзя забывать, что в отличие от всех

⁶² Иногда это произведение датируют более поздним временем, но один из наиболее авторитетных его исследователей, С. А. Богуславский, относил его ко времени Ярослава Мудрого.

⁶³ Здесь и далее перевод на современный язык В. Я. Дерягина.

земель вокруг Черного моря, которые входили в Византийскую империю (как Балканы, Крым, Закавказье), Киев отделяло от ее границы шестисоткилометровое пространство. И восточнохристианские ценности не «насаждались» на Руси самой Империей (как в землях вокруг Черного моря), но усваивались, так сказать, по собственной воле Киева.

Что же касается присоединенных к Византии земель, непосредственно окружающих Черное море, то, несомненно, сами византийцы (в частности, их многочисленные войска) создавали здесь и тело и душу государственности и культуры. Между тем на Руси воля к созиданию исходила все же от «туземцев», приглашавших тех или иных «специалистов» из Империи (о чем не раз сообщается в древнерусских письменных памятниках) и, с другой стороны, постоянно отправлявшихся в далекие византийские города и монастыри, чтобы брать уроки государственного и культурного созидания.

Ситуация эта в конечном счете вполне подобна той, которая существовала в отношениях России и Западной Европы в XVIII–XIX веках. И до сих пор живуче, особенно за рубежом, мнение, согласно которому новая, послепетровская Россия была-де попросту «пересажена» с Запада. Но сегодня эта «концепция» неспособна выдержать сколько-нибудь серьезное обсуждение...

Столь же легковесны и попытки объяснить самую основу расцвета Руси в первой половине XI века влиянием Византии – влиянием, которое ведь ни в коей мере не сказалось, например, на племенах, обитавших между Русью и Византией, подчас на самой границе последней, и имевших с ней длительные взаимоотношения – таких, как приазовские («черные») болгары, печенеги, угры, половцы и т. п. Из этого следует заключить, что Русь только в силу собственного развития, только благодаря определенной зрелости своей собственной государственности и культуры могла полноценно воспринять византийский опыт.

Однако об этом еще пойдет речь. Итак, очевидная, осязаемая кристаллизация мощной государственности и высокой культуры, присущая Ярославовой эпохе, вроде бы резко контрастирует с образом Руси столетней давности (то есть, скажем, 930–940-х годов), от которой до нас дошли только не имеющие четкого, вполне определенного смысла археологические материалы и в значительной мере также смутные устные предания, записанные полутора-двумя столетиями позднее, в начале 1110-х годов (или, по крайней мере, во второй половине XI века) в «начальной» русской летописи. Гипотеза о существовании зачатков летописания еще в конце X века остается гипотезой, – и не очень убедительной.

И все же исторические свершения, явленные на Руси к середине XI века, никак не могли возникнуть на пустом месте. Им неизбежно должно было предшествовать достаточно долгое, деятельное и богатое народное бытие, породившее ту, несомненно, громадную историческую энергию, которая обрела не только «предметное», но и поистине монументальное, сохранившееся и до наших дней воплощение в эпоху Ярослава.

Историография и археология за последние десятилетия во многом расширили и углубили представления о жизни Руси до XI века, – в частности, и тем, что подтвердили и конкретизировали немало выдвинутых ранее, но не получивших полного признания воззрений и концепций.

Выше говорилось о несравненной объективности и чуткости исторического мышления Пушкина. Известно, что он внимательнейшим образом изучал и очень высоко ценил «Историю государства Российского» Карамзина. Пушкин рассказывал, как в феврале 1818 года, сразу же после выхода в свет первых восьми карамзинских томов, он «прочел их... с жадностью и со вниманием... Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом».

Но прошло около десяти лет, и 16 сентября 1827 года Пушкин заметил: «удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей „Истории“, говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории».

Еще через девять лет, 19 октября 1836 года, Пушкин возражает Чаадаеву, который склонен был недооценивать героизм ранней русской истории, полемически сопоставляя последнюю с героической «юностью» Западной Европы.

«Это пора великих побуждений, великих свершений, великих страстей у народов... – утверждал в первом своем „философическом письме“ Чаадаев. – Это увлекательная эпоха в истории народов, это их юность... Мы, напротив, не имели ничего подобного... Пору бьющей

через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа – ничего подобного у нас не было».

Пушкин решительно оспаривает этот «приговор»: «Войны Олега и Святослава... – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой... деятельности, которой отличается юность всех народов?». И в другом варианте письма Чаадаеву: «Завоевания Олега (Пушкин написал здесь и затем зачеркнул имена Рюрика и Игоря. – В.К.) стоят завоеваний Нормандского Бастарда.⁶⁴ Юность России весело прошла в набегах Олега и Святослава... следствием того брожения и той активности, свойственных юности народов, о которых вы говорите».

Пушкин в силу обстоятельств (официальное осуждение чаадаевского сочинения) не отправил и даже, видимо, не завершил цитируемое письмо, но известно, что он собирался подкрепить свое понимание сторонним, западноевропейским мнением; сохранилась его запись: «Мнение Шлецера о русской истории – NB. статья Чедаева».⁶⁵ Здесь же Пушкин указал ту страницу из введения к трактату А. Л. Шлецера «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке...» (первый том его вышел в Петербурге в 1809 году в переводе на русский язык), на которой выражено «мнение» германского историка.

Август Людвиг Шлецер (1735–1809) – один из первых серьезных западноевропейских историков Руси, в 1761–1767 годах деятельно работавший в русских архивах. Вернувшись в Германию, он сразу же, в 1767 году, опубликовал работу «Probe russische Annalen» («Опыт о русских летописях»), некоторым положениям коей придавал столь существенное значение, что через тридцать пять лет процитировал их во введении к своему главному труду «Nestor...» (1802). Одно из этих положений и выделил Пушкин в русском издании «Нестора» как многозначительное мнение иностранного историка. Шлецер писал, что начальная история России «чрезвычайно важна по непосредственному своему влиянию на всю прочую, как европейскую, так и азиатскую, древнюю историю».⁶⁶

Так полагал германский историк, обладавший преимуществом не только стороннего, то есть объективного, но и (это необходимо осознать) первооткрывательского – с точки зрения Запада – и еще не затемненного всякого рода предубеждениями взгляда на историю Руси. Но правильнее будет оставить решать вопрос о важности «непосредственного влияния» русской истории на развитие других стран и Европы, и Азии самим этим странам, то есть их историкам. Хочу подчеркнуть другое: история Руси действительно с самого ее начала была тесно сплетена с историей и соседних, и более или менее отдаленных (как та же Византия) стран и народов. Это сплетение, эта связь наглядно выступает, о чем уже шла речь, в эпоху Ярослава, но она стала существеннейшей реальностью русской истории гораздо раньше, уже в IX веке.

Дошедшие до нас сведения различных источников дают все основания утверждать, что государственность Руси почти с самого своего рождения выходит на широкую мировую арену, на простор тогдашней западноевразийской Ойкумены – от Скандинавии до Багдада и с запада на восток от Испании до Хорезма. И это, без сомнения, определило последующие судьбы Руси, и в частности ту ее величавую державность, которая столь явственно воплотилась в бытии и сознании Ярославовой эпохи.

Когда ближайший сподвижник Ярослава митрополит Иларион говорил об Игоре, Святославе и Владимире, что они «не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами Земли», – это было не просто риторическим оборотом, но констатацией реального положения вещей, сложившегося уже в X веке.

⁶⁴ Нормандский Бастард – внебрачный сын норманна (то есть в древнерусском словоупотреблении – «варяга») Роберта Дьявола, Вильгельм Завоеватель (1027–1087), ставший в 1066 году королем Англии.

⁶⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. 12, М., 1949, с. 208.

⁶⁶ Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные... Ч. 1, СПб., 1809, с. XXXIV.

Согласно современным представлениям, славянские племена, ставшие основой Руси, к VIII веку расселились на землях, простирающихся от нижнего течения Днепра до Ладожского озера⁶⁷ (оно называлось тогда Великое озеро Нево, а река Нева понималась как своего рода устье этого озера). Существует целый ряд гипотетических концепций, которые по-разному решают вопрос о том, откуда и начиная с какого времени пришли или (есть и такая – ныне, пожалуй, наиболее влиятельная – версия) *возвратились* после долгого отсутствия на эту покрытую лесами, а в южной своей части лесостепную равнину основные насельники Руси.

Однако для изучения нашей темы нет необходимости в освещении этой этнической предыстории; достаточно того, что не позже VIII века (с чем, кажется, соглашаются сегодня все специалисты) основное население будущего русского государства разместилось вдоль указанной линии юг-север и осваивало земли к западу и востоку от этой линии.

Главное движение шло по речному пути (по воде или вдоль берегов): Днепр – верхнее течение Западной Двины – Ловать – озеро Ильмень – Волхов – Ладога. На этом, по тогдашним меркам гигантском, намного более чем тысячеверстном (учитывая кривизну рек и волоков) пути возникали древние селения, сравнительно быстро ставшие укрепленными городами, – Канев, Переславль-Русский, Киев, Вышгород, Чернигов, Любеч, Смоленск, Витебск, Новгород, Ладога (или Невогород) и др. В X веке эта основная дорога восточнославянского расселения предстала как «путь из варяг в греки»; следует отметить, правда, что еще ранее, уже в IX веке, сложился «путь из варяг в арабы», Волжский путь.⁶⁸

Ко времени прихода славян северную часть этой территории населяли финно-угорские племена, срединную – балтские, южную (лесостепные земли) – тюркские и иранские. Однако нет сведений о значительных и острых конфликтах между пришедшими или же вернувшимися сюда славянами и этими племенами, что может иметь основательное «экономическое» объяснение. Славяне были, как это доказано в последнее время, прежде всего земледельцами и – что нераздельно связано с этим главным занятием – скотоводами (см. хотя бы коллективный труд «Очерки русской деревни X–XIII вв.» – М., 1950). Между тем тогдашние финно-угры и балты занимались преимущественно охотой, рыболовством и собиранием природных плодов, а тюрки и иранцы – кочевым скотоводством. И несовпадение жизненно необходимых «экономических» интересов во многом ослабляло возможные столкновения разных племен.

В высшей степени характерно, что *государственность*, складывавшаяся на этой территории, с самого начала была и воспринималась ее создателями как *многонациональная*, или, точнее, многоэтническая. В знаменитом летописном тексте о «призвании варягов» утверждается: «862 год... Сказали руси (то есть в данном случае „варягам“ – В.К.) чудь, словене, кривичи и весь: земля наша велика и обильна, а власти⁶⁹ в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».⁷⁰ Не будем пока касаться вопроса о достоверности и конкретном смысле этого предания; заметим только одно: финские племена чудь и весь выступают в нем как совершенно равноправные инициаторы создания государственности (чудь вообще стоит здесь на первом месте!). И пусть даже перед нами легенда; сообщение летописца (в котором, без сомнения, так или иначе сказались общенародные представления) ясно выражает мысль о том, что его страна по самой своей сути – страна многонациональная. И различные племена и народности совместно действуют в ее истории.

В записи под 907 годом в «Повести временных лет» сказано, что князь Олег идет на Царьград, взяв с собою «множество варягов, и словен, и чуди, и кривичей, и мерю (финское

⁶⁷ См. итоги изучения этой темы в трактате: Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М., 1982.

⁶⁸ См. новейшее исследование этой проблемы: Дубов И. В. Великий Волжский путь. – Л., 1989.

⁶⁹ Традиционный перевод летописного «наряд» словом «порядок» вызывает сомнение: вернее перевести словами «власть» или «правление», ибо далее говорится: «Да пойдете княжить и владеть нами».

⁷⁰ «Повесть временных лет» здесь и далее цитируется в переводе Д. С. Лихачева.

племя. – В.К.), и древлян, и радимичей, и полян, и северян...» и т. д. Или в записи под 985 годом: «Пошел Владимир на болгар (речь идет о Волжской Булгарии – В.К.) в ладьях... а торков (южнорусский тюркский народ. – В.К.) привел берегом на конях». Такого рода факты постоянны и типичны в истории Руси.

Важно добавить к этому, что люди самого разного этнического происхождения не просто участвовали в истории Руси, но и входили в круг наиболее влиятельных лиц государства. Опираясь на дошедшие до нас свидетельства, М. Б. Свердлов писал о «иноязычной знати» Древней Руси: «На то, что не только младшая, но и старшая дружина (то есть немногие наиболее знатные сподвижники князя. – В.К.) в XI–XIII вв. были открытыми социальными группами, в которые входили представители разных народов Восточной Европы, указывают имена... (Георгий Угрин, Вяндюк, Кунуй, Улан, Ан-бал Ясин, Чудин, Туки, Кульмей, Торчин, Шварн, Василий Половчин, Олбырь Шерошевич и другие), причем некоторые из них жили на Руси во втором поколении (Иванко Захарич Козарин, Матвей Шибутович, Юрий Толигниеви́ч)... Основой высокого положения этих людей была служба князю».⁷¹

М. Б. Свердлов исходит из достоверных письменных источников и поэтому говорит о времени начиная с XI века, но присутствие людей различного происхождения в высшей сфере власти имело место с самого начала, с рубежа VIII–IX веков.

Многонациональная государственность Руси, как обоснованно показали новейшие исследования, начала складываться значительно – на целое столетие или около того – раньше, чем полагало большинство дореволюционных историков, постулаты которых тем не менее продолжают иметь хождение до сих пор. Я имею в виду, в частности, что дата призвания варягов (862) – при всех различных толкованиях самого этого летописного текста – считалась и нередко продолжает считаться начальной датой русской государственности в собственном смысле слова; ей предшествуют, так сказать, уже как бы чисто мифические – «Гостомысловы» и «Киевы» (от князя Кия) – времена.

Между тем достоверно известно, например, – согласно «Анналам» франкского епископа и поэта Пруденция (умер в 861 году), – что официальные послы из Северной Руси (о том, что посольство было именно из Северной Руси, пойдет речь ниже) еще в 838 году – то есть за четверть века до даты призвания варягов – прибыли к византийскому императору Феофилу, правившему с 829 по 842 год. И особенно важно отметить, что сам факт столь далекого посольства несомненно подразумевает *достаточно развитую* государственность.

В самое последнее время, в 1970–1980-х годах, целая плеяда плодотворно работающих археологов и историков обосновала убеждение, что первый исток государственности Руси пробился еще в VIII веке в устье Волхова, в Ладого.⁷²

Этот древнейший (примерно 750-е годы) из известных нам город Руси (до новейшего времени существовало неверное представление о глубокой древности Новгорода, который на деле не старше середины X века – то есть на полтора-два столетия моложе Ладоги⁷³), в

⁷¹ Свердлов М. Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI–XIII вв. – Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XI, Л., 1979, с. 232–233.

⁷² Речь идет о таких исследователях, как О. И. Давидан, И. В. Дубов, А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, Д. А. Мачинский, Р. С. Минасян, В. А. Назаренко, Е. Н. Носов, С. Н. Орлов, В. П. Петренко, Е. А. Рябинин и др.; см., например, сборники статей и материалов: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. – Л., 1982; Новое в археологии Северо-Запада СССР. – Л., 1985; Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. – Л., 1985; Историко-археологическое изучение Древней Руси. Истоки и основные проблемы. – Л., 1988 и др., а также книги названных исследователей.

⁷³ См., например: Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. – В кн.: Археологическое изучение Новгорода. – М., 1978, с. 5–56. Правда, еще в IX веке существовало поселение, выражаясь современным языком, городского типа на острове вблизи Новгорода, получившее впоследствии название «Рюриково городище». Но это не Новгород (который, вполне вероятно, был наименован «Новым городом» в сравнении с этим, более ранним). Во всяком случае, предание о том, что Рюрик в середине IX века основал именно Новгород, на деле возникший значительно позднее, – вымысел новгородских летописцев. См. обо всем этом превосходное исследование: Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. – Л., 1990.

котором уже в IX веке была воздвигнута *каменная* крепость (совсем недавно открытая и, из известных нам, первая по времени на Руси), с самого начала стал узлом «широких, евразийского масштаба торговых и культурных связей» («Средневековая Ладога...», с. 4), простиравшихся от западноевропейских земель до арабского Востока, – что прочно удостоверяется археологическими исследованиями монет и предметов прикладного искусства. Наконец, в этой Северной Руси, как явствует и из западноевропейского (германского), и из восточных (арабских и персидских) источников, не позднее 830-х годов, а вероятнее всего ранее, существовал правитель, принявший высокий титул кагана (что будет объяснено в дальнейшем).

Но государственность Руси складывалась несколько позже и на юге, в Киеве. Еще сравнительно недавно князь Кий считался, по сути дела, легендарной фигурой, вымышленной для того, чтобы «объяснить» происхождение названия города Киева. Но это соображение явно неосновательно, ибо именами их создателей-князей был назван целый ряд городов – Владимир Волынский, Ярославль, Юрьев (по христианскому имени Ярослава), Владимир Залесский (его основал Владимир Мономах) и т. д. Впрочем, в новейших работах Кий не только был признан реальным лицом, но и резко «удревлен» – помещен – как и основание города Киева – в VI или даже V век! Полная несостоятельность такой датировки показана в статье И. П. Шаскольского «Когда же возник город Киев».⁷⁴

К сожалению, И. П. Шаскольский не принял во внимание опубликованную еще в 1960 году работу М. Н. Тихомирова «Начало русской историографии», в которой убедительно датировано время правления Кия.

Известно, что хронология истории Руси IX-X веков в начальных летописях вызывает великое множество сомнений. Но в летописной хронологии есть и более надежный пласт – постоянно сопоставляемые с историей Руси даты византийской истории тех времен, которая, вполне понятно, излагалась в имевшихся в распоряжении русских летописцев византийских хрониках (некоторые из них были к XI веку уже переведены на церковно-славянский язык) с гораздо большей хронологической точностью, нежели история Руси (поскольку ее события IX-X вв. были известны летописцам XI – начала XII века только по устным преданиям). Из сопоставления с историей Византии и исходил М. Н. Тихомиров:

«Новгородская I и Устюжская летописи, – писал он, – относили годы жизни Кия к периоду царствования Михаила в Византии, так как первые сведения о Руси, найденные в византийских хрониках, касались царствования Михаила (842–867 гг. – *В.К.*). Однако такое сопоставление было сделано не очень грамотными компиляторами, в силу чего матерью императора Михаила названа Ирина, а не Феодора». Но, – продолжает М. Н. Тихомиров, – «спутать имена Феодоры и Ирины было не так просто, и можно предположить, что путаница произошла оттого, что именно Ирина упоминалась в первоначальном тексте... К ее времени первоначально приурочивали рассказ об основании Киева... Этим отдаленным временем для летописца было царствование императрицы Ирины, то есть примерно 780–802 гг.»⁷⁵ Добавлю от себя, что императрицы Ирина (правила в 780–802-м годах) и Феодора (842–856) могли быть «перепутаны» в особенности потому, что обе славились как «иконопочитательницы», решительно отвергнувшие господствовавшее перед их правлениями в Византии «иконоборчество».

В упомянутой выше статье И. П. Шаскольского доказывается, что археологические исследования позволяют датировать основание Киева (в частности, окружавший древний город глубокий ров на Старокиевской горе) именно концом VIII века (с. 71); город и был, по мысли И. П. Шаскольского, создан «формирующимся южнорусским государственным образованием конца VIII – начала IX в.» (с. 72).

Исходя из этого, начало государственности (а, следовательно, и самой истории) Руси

⁷⁴ В кн.: Культура Средневековой Руси – Л., 1974, с. 70–72.

⁷⁵ Тихомиров М. Н. Русское летописание. – М., 1979. с. 52, 53.

следует датировать рубежом VIII–IX веков, притом истоки ее пробиваются и на севере и на юге Руси. Последующее развитие показывает, что северный исток был, так сказать, сильнее, ибо именно оттуда пришла и прочно утвердилась в Киеве династия Рюриковичей.

В июне 1868 года Тютчев, который великолепно знал историю и вместе с тем обладал уникальным, «вещим» историческим чутьем, писал, проплыв на пароходе по Волхову от Ладоги до озера Ильмень: «Весь этот край, омываемый Волховом, это начало России... Среди этих беспредельных, бескрайних величавых просторов, среди обилия широко разлившихся вод, охватывающих и соединяющих весь этот необъятный край, ощущаешь, что именно здесь – колыбель Исполына...»

В дальнейшем будут так или иначе очерчены этапы истории Древней Руси и, в частности, последовательность основных княжений. Но все же целесообразно наметить предварительно главные вехи. Правда, сразу же встает вопрос об отсутствии выверенной хронологии, точного знания о времени правления ранних князей. Известный историк А. П. Новосельцев писал недавно, что в истории Руси имеет место «ненадежность летописной хронологии практически до времен Владимира и даже отчасти первых лет его правления. На это неоднократно обращали внимание исследователи, однако из-за ограниченности параллельных материалов серьезных попыток исправить летописную хронологию, по сути дела, не было».⁷⁶

Уже шла речь о времени правления летописного князя Кия (конец VIII – начало IX века). Известно, что затем в Киеве правили его потомки, и, по-видимому, в середине IX века с севера пришел и стал князем Аскольд (более туманна фигура князя Дира, который был или соправителем Аскольда, или же княжил в другое, хотя и близкое время). Далее, опять-таки с севера, пришел Олег, объединивший Ладожскую и Киевскую государственность.

Что касается Ладоги, то там, как известно из германской хроники того времени, уже в 830-х годах существовало достаточно развитое государство во главе с русским *каганом* (см. об этом ниже), а не позднее середины IX века правил известный всем князь Рюрик, от которого и пришли в Киев Аскольд и затем – согласно летописной дате, в 882 году, – Олег. Образ Олега в летописях явно «раздваивается»: он предстает то как воевода, то как верховный правитель, великий князь; есть в летописях различные даты и обстоятельства смерти Олега (вероятнее, двух людей с одним именем) и т. п. Ко всему этому мы еще вернемся, пока же выдвину гипотезу, что был Олег, правивший в конце IX – начале X века, и другой Олег, чье правление приходится, по-видимому, на 910–930-е годы.

Далее перед нами предстает уже вполне «достоверный» князь Игорь, погибший в конфликте с древлянами в 944 или 945 году и оставивший молодую вдову Ольгу и малолетнего сына Святослава. Правителями становятся и Ольга (скончалась в 969 г.), и – по мере взросления – Святослав, погибший от руки печенегов в 972 году. Затем власть переходит к его старшему сыну Ярополку, а примерно с 980 года – к младшему Владимиру, правившему до своей смерти в 1015 году.

После краткого правления Святополка Ярополчица, вошедшего в историю под прозвищем Окаянного, начинается эпоха Ярослава Владимировича Мудрого (скончался в 1054 году) и его сменявших друг друга сыновей Изяслава, Святослава и Всеволода (последний умер в 1093 году). Затем киевским князем становится сын *старшего* из сыновей Ярослава Мудрого (в чем выражается начавшийся с Ярополка Святославича древнерусский порядок престолонаследия), Святополк Изяславич (1093–1113),⁷⁷ а вслед за ним – сын младшего Ярославича, Всеволода, Владимир Мономах (1113–1125), которому наследуют его старшие сыновья Мстислав (1125–1132) и Ярополк (1132–1139). Младшего же сына Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого, «оттесняют» до 1154 года сначала внук Святослава (сына Ярослава Мудрого) Всеволод Ольгович и сын Мстислава (старшего сына Мономаха) Изяслав. Только после его смерти Юрий стал князем Киевским. Но до этого он более пятидесяти лет княжил на севере, в Ростово-Суздальской земле, и его сын Андрей Боголюбский, избравший в

⁷⁶ «Вопросы истории», 1991, № 2–3, с. 5.

⁷⁷ Здесь и далее – годы правления.

качестве своей резиденции недавно основанный в этой земле город Владимир, после кончины отца, в сущности, переносит туда из Киева столицу Руси, где он и правит с 1157 до 1174 года. Его сменяет во Владимире младший сын Юрия Долгорукого, Всеволод Большое Гнездо (1176–1212); далее правит сын последнего, Юрий, погибший в битве с монголами в 1238 году...

Таковы основные правления первых четырех с половиной столетий истории Руси, в течение которых «центр» перемещался из Ладоги в Киев, а из Киева – во Владимир.

В первые два века так или иначе выделяются фигуры Рюрика, Аскольда, Олега (хотя, по-видимому, под этим именем «скрыты» два человека), Ольги, Святослава, Владимира Святого; в XI – начале XIII века – Ярослав Мудрый, Святослав (Ярославич), Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо (из них Олег, Ольга, Святослав, Владимир Святой, Ярослав, Владимир Мономах и Андрей Боголюбский могут быть причислены к *великим* историческим деятелям).

Наметив эту историческую перспективу протяженностью в четыреста пятьдесят лет, и, если измерять иначе, в *пятнадцать* человеческих поколений (рамки поколения – 30, максимум 35 лет), вернемся к началу истории Руси.

Возникновение государственности Руси совпало – и это, несомненно, имело для нее огромное значение – с исключительно деятельной и напряженной эпохой в истории всей западной части Евразии. Территорию, на которой на рубеже VIII–IX веков начала складываться Русь, со всех сторон окружали тогда чрезвычайно энергичные и активные исторические силы.

К северо-западу от нее находился словно извергающий человеческую лаву викингов вулкан тогдашней Скандинавии; их походы в Западную Европу начались в 793 году, а в Восточную – еще ранее, не позже 750-х годов.⁷⁸

К западу от Руси в течение 770–800-х годов была создана огромная империя Карла Великого – от Пиренеев до Эльбы и Дуная, от Балтики до Средиземного моря.

К югу, в Византии, правила властная и целеустремленная императрица Ирина, сумевшая в 787 году победить разлагавшее империю иконоборчество (правда, после окончания ее правления оно вновь возобладало до 843 года) и собиравшаяся вступить в брачный союз с Карлом Великим, чтобы восстановить поистине вселенскую Империю (в границах Рима эпохи его расцвета); дворцовый заговор оборвал в 802 году ее начавшие осуществляться замыслы.

К востоку от Руси на рубеже VIII–IX веков достигал своего высшего могущества Хазарский каганат; именно в это время фактический его повелитель каганбек Обадий сделал иудаизм официальной, господствующей религией; после долгих войн было установлено определенное равновесие с сильнейшим южным соседом, Арабским халифатом – где, кстати сказать, правил именно в это время, в 786–809 годах, один из самых великих халифов, Харун ар-Рашид, – и границы Хазарского каганата простерлись от Кавказа до Камы и Оки и от Урала до Крыма.

С этими историческими силами – языческой Скандинавией викингов, христианской Византийской империей и иудаистским Хазарским каганатом (а через них – опосредованно – и с Арабским халифатом) ранняя история Руси самым что ни на есть тесным образом связана, и можно с полным правом утверждать, что русская государственность и культура сформировались в сложнейшем и мощном магнитном поле, создаваемом этими силами, их «пересечением», – поле, в котором и сама Русь развивалась как постоянно возрастающая сила, столь монументально представшая позднее – в эпоху Ярослава.

IX–X столетия – это время самого широкого выхода Руси на тогдашнюю мировую арену, – выхода и в прямом, буквальном смысле слова, ибо в течение этих двух веков десятки тысяч русских людей (это отнюдь не преувеличение) побывали в соседних и более далеких странах в составе войск, посольств, торговых товариществ.

Определенный, хотя и далеко не полный свод известий о «походах» Руси представлен в трактате В. Т. Пашуто (часть трактата написана А. П. Новосельцевым). Ссылаясь на различные источники, историк показывает, что после общеизвестного похода на Константинополь в 860 году Русь вступила в союзнические отношения с Византией, и, скажем, «в 911–912 гг. отряд из

⁷⁸ См. новейшее исследование проблемы: Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. – Л., 1985.

700 русских воинов участвовал в походе византийского флотоводца Имерия против арабов на Крит... в 934 г. 7 судов с русскими (415 человек) находились в эскадре из 18 судов патрикия Косьмы, которого император Роман послал в Лангобардию (то есть в Северную Италию – В.К.), в 935 г. ...они же в составе эскадры протоспафария Епифана ходили к берегам южной Франции». В 949 г. «император Константин Багрянородный... имел 629 русских... на 9 судах в неудачной экспедиции на Крит»; позже «русское войско участвовало в 960–961 гг. в отвоевании Никифором Фокой о-ва Крита у арабов... В неудачной экспедиции византийцев в 964 г. на о-в Сицилию также участвовало русское войско...» и т. д.

С другой стороны, уже в 860-х годах арабы озабочены «действиями руссов в южном Прикаспии», то есть на иранском берегу; в начале 910-х годов большой русский отряд на судах направился (разделившись) и к юго-западному, и к юго-восточному побережью Каспийского моря. Крупные походы Руси сюда же состоялись и в 940-х, и в 980-х годах.⁷⁹ И это, конечно, только часть дошедших до нас сведений о «выходе» Руси вовне, на мировую арену, в IX-X веках.

Это время принципиально отличается от позднейшей эпохи, начавшейся при Ярославе Мудром, когда Русь, напротив, явно сосредоточивается на *внутреннем* развитии, перестав постоянно и интенсивно выходить за свои пределы. Более того, всего через столетие после кончины Ярослава Мудрого это нараставшее сосредоточение на внутреннем развитии привело к предельно выразительному итогу: перемещению столицы «центра» Руси в ее, условно говоря, географический центр – во Владимир на Клязьме, отстоящий от Киева на тысячу верст к северо-востоку. Но об этом еще пойдет речь в дальнейших главах книги. Сейчас нам важно установить, что присущие эпохе юности Руси (IX-X столетия) «выходы» за свои пределы в XI веке становятся крайне редкими, а в XII веке, по существу, прекращаются. Очень характерно, например, что всем известный поход Игоря Святославича на половцев в 1185 году, в продолжение которого его войско прошло от тогдашних границ Руси не более чем полторы – две сотни верст, изображается в «Слове о полку Игореве» как далекое путешествие: «Дремлет в поле... храброе гнездо. Далече залетело!» Между тем в IX-X веках русские воины не раз отправлялись в *тысячекилометровые* походы на юг в Византию, на восток, к границам Ирана и Хорезма и т. д.

Дело, конечно, не только в самих походах как таковых. В течение IX-X веков Русь как бы вбирала в себя опыт и энергию всего окружающего ее мира, что, например, рельефно выразилось в вошедшем в «Повесть временных лет» предании о «выборе» русскими веры, выборе из четырех религий – мусульманства, иудаизма, западного христианства и, наконец, восточного, православного христианства.

Есть основания утверждать, что «выход за пределы», столь характерный для Руси IX-X веков, обусловлен и недостаточной еще «обжитостью» своей – своей на грядущее тысячелетие – земли (вспомним, что славянские племена окончательно поселились на Руси, возможно, только в VIII веке и уж никак не ранее VI–VII вв.). Именно это просматривается в летописных сведениях о князе Кие (рубеж VIII–IX веков) и, позднее, о Святославе. Рассказав о хождении Кия к «царю» в Царьград, летописец добавил: «Когда же возвращался, пришел он на Дунай и облюбовал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие; так и доньне называют придунайские жители городище то – Киевец» (как указал, комментируя этот текст, М. Н. Тихомиров, городок Киев (Къйов) продолжал существовать на Дунае еще в XV веке).

Через полтора столетия с лишним, в 968 году, и Святослав «сел княжить» в Переяславце (Малый Преслав) в устье Дуная, а возвратившись в 969 году в Киев, как свидетельствует летопись, заявил: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце... туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы».

Ясно, что такого рода стремление не могло бы возникнуть даже уже у сына Святослава – Владимира (не говоря уж о внуке – Ярославе), несмотря на то, что князь Владимир побывал и в

⁷⁹ См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968, с. 62, 65, 68, 69, 99, 100, 103.

Скандинавии, и на Каме, и на Северном Кавказе, и в Галиции, и в Крыму.

Но до Владимира Русь находилась как бы в поре *юношеских странствий* – несмотря даже на то, что к тому времени закрепились узловые пункты ее исторического бытия – и Киев, и Ладога, и более поздние Новгород, Смоленск, Ростов, Чернигов и др.

И нельзя не отметить, что мотив дальнего странствия красной нитью проходит через русский эпос, а в отдельных случаях речь идет даже и о поселении в чужой далекой стране. Так, о былинном князе Волхе Всеславьевиче говорится, что он, завоевав «Индийское» царство «тут царем насел». Правда, это именно отдельный мотив; Илья Муромец, например, которому царь – обобщенный образ византийского императора – Константин Боголюбович с великой честью (в отличие от князя Владимира) предлагает остаться в Царьграде в качестве воеводы, решительно отказывается, и...

поехал тут Ильюшенька во Киев-град.

Но тема постоянных дальних походов и путешествий, повторяю, пронизывает былинный эпос, воссоздавая, без сомнения, историческую реальность Руси IX-X веков.

Выше говорилось о Ярославовой Руси, воплотившей себя в сохранившихся отчасти и до наших дней зодчестве и изобразительном искусстве, в обилии значительных городских поселений и выдающихся памятниках письменности, – между тем как от предшествующих времен до нас дошли только записанные позднее устные предания, разрозненные иноязычные свидетельства и нуждающиеся в сложной археологической дешифровке остатки материальной культуры. Однако совместная работа историков и археологов доказывает (особенно в последние десятилетия), что IX-X столетия были для Руси периодом исключительно масштабных и энергичных исторических деяний (походов, битв, переселений и т. п.), были истинно *героической* эпохой. В этих деяниях и выковались основы государственности Руси, окончательно сформировавшейся при Ярославе. И вполне основательно было бы даже без тщательного изучения проблемы предположить, что эти два столетия прямо-таки должны были породить и какие-либо подлинно весомые явления культуры, хотя и, по всей вероятности, не опредмеченные ни в письменности, ни в иных «очевидных» воплощениях.

Считаю целесообразным оставить в этой главе моей книги приложенный к ней (именно в этом месте) при *первой* ее (главы) публикации в июльском номере журнала «Наш современник» за 1992 год (см. с. 171) составленный мною некролог о только что ушедшем тогда из жизни замечательном человеке.

Лев Николаевич ГУМИЛЕВ

15 июня 1992 года, не дожив всего нескольких месяцев до своего восьмидесятилетия, скончался Лев Николаевич Гумилев – мыслитель, историк, гражданин.

О каждом ушедшем стоит сказать надгробное слово. Но память о Льве Николаевиче необходима не только и даже не столько ради него; она необходима всем нам, ибо он был человеком редкостного, подлинно героического духа. Ему, сыну расстрелянного в 1921 году русского поэта, трижды – начиная с юных лет – пришлось входить в адские ворота ГУЛАГа. Лишь в возрасте 34-х лет он смог окончить университет и только на пятом десятке – отдать себя делу своей жизни. И все же высший героизм его духа выразился не в преодолении тяжких испытаний, но в том, что с его уст никогда не срывались жалобы на судьбу. Лев Николаевич не забывал, что его трагедия – не личная, а всенародная. И он не твердил, подобно многим другим, что страдал «безвинно». Он гордо знал о своей благородной вине перед насильниками и разрушителями России. И, как ни поразительно, основы его мысли об истории сложились именно в ГУЛАГе. А в промежутке между «сроками» он – и это тоже было предметом его гордости – сражался на Великой Отечественной.

Вокруг его книг и статей (публиковавшихся и в «Нашем современнике») идут и будут идти споры – уже хотя бы потому, что он, сын Гумилева и Ахматовой, являл

собой и ученого, и, пожалуй, в равной мере – поэта. И многое в его трудах стоило бы воспринимать как вдохновенные образы русской и мировой истории, а не как рассудительный анализ ее событий и явлений. Многочисленные ученики и последователи Льва Николаевича (среди них – Дмитрий Балашов, Гелиан Прохоров, Юрий Бородай, Александр Панченко, Александр Шенников) чаще всего идут своими собственными путями, но все же именно у Гумилева они учатся самому главному.

Это главное – полная истинного мужества и отваги духовная воля, обладая которой человек, познающий историю, включается в само творчество истории, вносит в нее свой собственный вклад. Лев Николаевич Гумилев – выдающийся деятель не только нашей исторической мысли, но и самой нашей истории. И Россия его не забудет!

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА НАШ СОВРЕМЕННОК»

Специальный экскурс: русская былина (старина)

Одна из задач этой книги – доказать, что именно в IX-X веках сложился *русский героический эпос* – богатырские былины. В современных обобщающих работах о них, в сущности, господствует иное представление: начало сложения былин датируют чаще всего XI, в крайнем случае самым концом X века, а в значительной степени и более поздними временами – XII–XIV или даже XV–XVI столетиями. Вот выражающие наиболее распространенное мнение энциклопедические датировки: былины «отразили историческую действительность главным образом 11–16 вв.» (БСЭ, т. 4. М., 1971, с. 181), «былины сложены главным образом в 11–16 вв.» (Советский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 184) и т. п.

Нет сомнения, что эпос, веками существовавший в русле устной традиции, вбирал в себя те или иные – в том числе, возможно, крупные и значимые – элементы и в XI–XVI веках, и даже позднее, вплоть до новейшего времени; это совершенно ясно видно в различных деталях дошедших до нас былинных записей XVIII–XX веков. Однако героический эпос как *жанр*, как определенный феномен культуры сложился на Руси все же, как я буду стремиться с помощью многообразных аргументов доказать, к XI веку, и позднее он предстал уже как явление *прошедших времен*, как «наследие», а не как активно развивающийся компонент современной культуры. В сфере словесно-музыкального творчества с середины XI века господствовали уже не богатырские былины, а существенно иные явления.

Это ясно видно, в частности, из характеристики творчества Бояна в созданном в конце XII века «Слове о полку Игореве», где, кстати сказать, и сам Боян, чья деятельность приходится на вторую половину XI века, назван «песнотворцем старого времени». И автор «Слова», человек конца XII века, намерен создать свою, как он сам ее определил, повесть-песнь «не по замыслению Бояню» – то есть, как сказали бы теперь, иным «способом», иным «методом».

Но ведь и «замышление» самого Бояна едва ли правильно сближать с былинным, ибо, согласно «Слову», «песни» Бояна – это песни «старему Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полки касожскими, красному Романови Святославиличу», то есть песни, главные герои которых – знаменитые русские князья XI века, а отнюдь не некие (по крайней мере, «некие» для нас) богатыри, только немногих из коих со всякими натяжками пытаются отождествить с историческими лицами; притом главный из былинных героев – Илья Муромец – вообще не имеет реальных прототипов (если не считать чисто гипотетических соотношений Ильи с князем или воеводой рубежа IX-X веков Олегом).

Естественно рождается представление, что до «Слова о полку Игореве» протекли по меньшей мере *два* существенно разных *периода* «песнотворчества» – эпоха доярославовых былин, где действуют герои, не принадлежащие к кругу исторических лиц (кроме объединяющей фигуры князя Владимира), и время уже вполне «исторических», а кроме того явно не лишенных лиризма песен Бояна, родившегося, по-видимому, при Ярославе. И второй период песнотворчества в XI веке сменяет, оттесняет, заслоняет первый, то есть собственно эпический.

Этот вывод может быть истолкован как не соответствующий самой сути раннего развития культуры. Ведь широко распространено представление (хотя оно не только не доказано, но даже никогда по-настоящему не анализировалось), что на *ранних* стадиях в культуре

безусловно господствует традиция, устойчивый обычай, канон. И это вроде бы верно. Так, например, очень характерно требование, записанное в XVI веке, но надо думать, действовавшее значительно раньше: «Писати живописцем иконы с древних образов... как писал Ондрей Рублев... а от своего замышления ни что ж претворят».⁸⁰

Итак, любое «свое» – то есть, в частности, новое – «замышление» безоговорочно отвергается. Однако речь идет в этом тексте не вообще о культуре, а о культуре церковной, вернее, о культе, воплощенном в иконе. А собственно «литературное» «Слово о полку Игореве», напротив, в самом своем зачатии объявляет о себе, что оно будет создаваться по иному «замышлению», чем у великого песнотворца предшествующей эпохи. Из этого естественно сделать вывод, что и былинный эпос, созданный в определенный период, позднее уже не создавался, а только в той или иной мере изменялся и «дополнялся».

Разумеется, это пока только постановка проблемы, которая нуждается в многостороннем изучении и обосновании. Сейчас важно отметить одно: едва ли верно, несмотря на свою распространенность, представление, согласно которому культура, и в том числе словесность, на ранних стадиях своей истории развивается де крайне медленно (в сравнении с позднейшими этапами ее истории), ибо заведомо подчинена строгим и неизблемым канонам. Сопоставление «песнотворчества» конца XI века и «повести-песни» конца XII века, данное в «Слове о полку Игореве», ясно свидетельствует, что существенное развитие и преобразование совершалось и в те времена – и достаточно быстро.

Уяснение того факта, что художественной эпохе, породившей «Слово о полку Игореве», предшествовали по меньшей мере две иных эпохи словесного творчества – «Боянова» и, еще ранее, «былинная» – это, повторяю, только приступ к проблеме.

Важно оговорить, что нас не должен сбить с толку сам этот давно уже общепринятый термин «былина». Как известно, в том кругу людей, в котором сохранились до XIX–XX веков былины, они обычно назывались не «былинами», а «старинами», то есть порождениями давно ушедших времен. И сам фольклористский термин «былина», по всей вероятности, заимствован из зачина «Слова о полку Игореве» («начати же ся той песни по былинам сего времени»), где он означает повествование не о древнем, а о действительно совершившемся («быль»). Правда, некоторые исследователи настаивали на собственно народном происхождении жанрового названия «былина»,⁸¹ но их доводы недостаточно убедительны.

И уже никак невозможно согласиться с мнением фольклориста А. И. Никифорова, которое четко выразилось в самом названии его часто упоминаемой работы: «Слово о полку Игореве» – былина XII века» (Л., 1941). Совершенно ясно, что «Слово» по своей художественной природе коренным образом отличается от былинного эпоса, от «старин».

Вот хотя бы одно, но, как представляется, весьма показательное отличие. В былине о Волхе Всеславьевиче, которая дошла до нас в частности, в ранней записи – середины XVIII века, – «оборотничество» героя изображено, несомненно, как вполне «реальное» явление:

*Он обвернется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей...
Он обвернется ясным соколом,
Полетел он ко царству Индейскому.
И будет он во царстве Индейском,
И сел он на полаты царские,
Ко тому царю Индейскому,
И на то окошечко косящее...*

⁸⁰ Забелин И. Е. Материалы для истории русской иконописи – «Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских». 1850, кн. 7-я, с. 4.

⁸¹ См. об этом: Астахова А. М. Вопрос о термине «былина». – В ее книге: Былины. Итоги и проблемы изучения. – М. – Л., 1966, с. 21–27.

*Сидючи на окошке косящетою,
Он те-та да речи повыслушал,
Он обвернулся горностаем,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким теремам,
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повынимал...*

А вот князь Игорь в «Слове» бежит из плена:

*Игорь князь поскочи горностаем к тростию,
И белым гоголем на воду,
Возвержеся на борз комонь,
И скочи с него босым волком,
И потече к лугу Донца,
И полете соколом под мглами,
Избивая гуси и лебеди...*

Внешнее различие – в отсутствии во втором тексте слова «обвернулся», благодаря чему творительный падеж (горностаем, гоголем, волком, соколом) предстает, по сути дела, в сравнительном значении («поскакал, как горностаи...»). Вполне естественно будет заключить, что изображение тайного и по-своему чудесного избавления Игоря от плена опиралось на давнюю традицию воссоздания в слове подобных событий – возможно, даже еще и былинную. Но вместе с тем нет сомнения, что ни создатель «Слова», ни те, кто его воспринимал, уже никоим образом не подразумевали действительного «оборотничества» князя Игоря.

И, следовательно, то, что было в свое время воссозданием являвшейся объектом веры мифотворческой *реальности*, стало в «Слове о полку Игореве» только определенным видом, формой *художественности*. Но это значит, что в период между созданием былинного эпоса и «Слова» совершился коренной, кардинальный переворот в сфере творчества: элементы мифа, бывшие когда-то *содержанием* поэзии, превратились, по сути дела, в ее *форму* (в широком смысле – включая так называемую «внутреннюю форму», форму содержательную). Это в самом деле глубочайшее преобразование, свидетельствующее, что былины создавались на принципиально иной стадии истории словесного искусства, словесного творчества, нежели повествование конца XII века об Игоре.

Правда, здесь возможно одно готовое возражение, исходящее из того, что былины-де и творились, и существовали в совсем иной – в социальном и культурном отношении – человеческой среде, нежели «Слово о полку Игореве»; творец последнего принадлежал к наиболее просвещенным верхам древнерусского общества, а былины, мол, создавались и воспринимались в «простонародной», прежде всего *крестьянской* среде, с ее архаическим сознанием, чем и объясняется, в частности, мифотворческое содержание былинного эпоса.

Однако такое возражение неизбежно подразумевает согласие с тем вульгарно-социологическим толкованием (ставшим господствующим в 1930-х годах, но складывавшемся и ранее), которое объявило былины продуктом творчества трудового и «угнетаемого» класса, противостоящего правящим «феодальным классам».⁸² Этот подход к делу, продиктованный чисто идеологическими соображениями, а во многом и прямым диктатом властвующей идеологии, едва ли имеет серьезную обоснованность (хотя он достаточно широко распространен еще и в наше время). Так, былины при этом подходе волей-неволей оказываются, с социальной точки зрения, резко противопоставленными собственно литературным явлениям Древней Руси (в частности, тому же «Слову о полку Игореве»), о которых доподлинно известно, что они были созданы людьми, принадлежавшими

⁸² См. характеристику этого толкования в уже упомянутой обобщающей книге: Астахова А. М. Былины... с. 50–61.

так или иначе к общественным «верхам» того времени.

Но есть здесь и прямая фактическая неурядица, выражающаяся, например, в том, что в былинах, сложившихся будто бы в крестьянской среде, очень точно и полно воссоздан *воинский* быт, в частности, боевое оружие и снаряжение. Это убедительно доказано, например, в опирающейся на итоги углубленного археологического изучения древнерусского воинского быта работе этнографов Р. С. Липец и М. Г. Рабиновича «К вопросу о времени сложения былин (Вооружение богатырей)». ⁸³ Эти авторитетные исследователи продемонстрировали, что в былинах содержится вполне точное (и, между прочим, «любовное») изображение всего комплекса древнерусского оружия и снаряжения, а также соблюдена полная верность всей воинской терминологии. И едва ли можно спорить с тем, что эта истинность и скрупулезность в воссоздании воинского быта свидетельствует о сложении былинного эпоса – как и «Слова о полку Игореве» – в дружинной, а вовсе не крестьянской среде, где не могло быть такого детального и «интимного» знания всех реалий вооружения. Правда, дело идет о дружинной среде на совершенно разных исторических этапах – X и конец XII века.

Да и главная цель упомянутой работы, как ясно уже из ее названия («К вопросу о времени сложения былин»), заключалась в установлении на основе анализа вооружения былинных героев исторического *периода* формирования русского эпоса.

«Во многих былинах, – отмечают Р. С. Липец и М. Г. Рабинович, – подробно описано, как именно вооружены богатыри князя Владимира (далее перечисляются все части вооружения со ссылками на былинные тексты. – *В.К.*)... такой же комплект вооружения упомянут и в повествовании летописи о том, как в 968 году киевский воевода Претич поменялся оружием с печенежским князем... в былинах описываются именно те брони, какие были в употреблении в X в. – кольчатые и дощатые. Ни разу не встречено упоминания о более сложных видах брони, вошедших в употребление позже...

Мы не останавливаемся в данной статье на обрядах погребения дружинников, что также отражено в былинах... – пишут Р. С. Липец и М. Г. Рабинович. – Отметим лишь, что погребение богатыря Михаила Потыка в полном вооружении, с конем в сбруе, под насыпным курганом, – т. е. по обряду, сохранившемуся в Древней Руси не позднее X–XI вв., – является лишним доказательством...» (указ. изд., с. 32, 33, 41); реалья эта доказывает как то, что былины складывались в воинской, дружинной среде (едва ли крестьяне могли столь точно знать обряд воинских похорон), так и то, что их формирование относится ко времени не позднее XI века.

Один из авторов цитируемой работы, Р. С. Липец, в своей позднейшей книге «Эпос и Древняя Русь» доказывала, что «к концу X в. уже существовала богатая эпическая традиция, что и при отце Владимира – Святославе (как это видно из летописных сказаний о нем), и еще при Игоре и Олеге, а возможно и в IX в., эпические сказания песни заняли свое место в культурной жизни Руси. В том же виде, как былины дошли до нас, они выкристаллизовывались в «эпоху Владимира»... Это заставляет предполагать, что былины начали формироваться несколько раньше, когда в IX–X вв. шло образование государственности, с которой эпос в классической форме неразрывно связан... Русский героический эпос, – оговаривала Р. С. Липец, – создавался, конечно, на основе тысячелетнего развития устного народного творчества, черпая оттуда и сюжеты в их общей форме, и художественные образы и приемы, но *как жанр* он смог сформироваться только к концу I тысячелетия н. э. Основная методологическая опасность при изучении былин заключается как раз в подмене анализа их как жанра анализом архаических прасюжетов, использованных и модернизированных эпосом... и традиционных элементов поэтики». ⁸⁴

Итак, исследовательница предостерегает и от «удревнения» русского эпоса; растворения его в доисторических прообразах (что присуще различным вариантам «мифологической школы» в изучении эпоса), и от необоснованного отнесения его к зрелой исторической эпохе, к периоду после времени Владимира или даже после времени Ярослава. Обе эти ложные

⁸³ «Советская этнография», 1960, № 4, с. 30–43.

⁸⁴ Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь – М., 1969, с. 9–10, 12. (Разрядка моя. – *В.К.*).

тенденции, увы, характерны для многих современных работ о былинах.

Вторая тенденция, свойственная разным проявлениям «исторической школы», выражается нередко в не выдерживающих, как говорится, критики поверхностных сопоставлениях реалий былинного эпоса (события или даже отдельные детали событий, разного рода названия и имена и т. п.) с аналогичными или просто «похожими» реалиями летописей. Разумеется, те или иные переклички былин и наиболее ранних летописных сведений отнюдь не исключены. Но подобные сопоставления, превращенные в чуть ли не главный «метод» исследования, напоминают, прошу прощения за резкость, известный анекдот о человеке, обронившем ночью деньги на темной части улицы, но ищущем их под фонарем, поскольку, мол, здесь светлее... Летопись выступает в большинстве таких «сопоставлений» именно в качестве своего рода «фонаря». При этом «подходящие» летописные сведения берутся из самых разных хронологических периодов – от XI до XVI или даже XVII века, а затем уже на их основе «датируется» возникновение былин.

Как уже говорилось, существование русского эпоса в устной традиции могло приводить и даже неизбежно приводило к тому, что в былинные тексты внедрялись самые разные элементы самых различных эпох – вплоть до XX века. Р. С. Липец и М. Г. Рабинович в цитированной выше работе пишут: «Проникает в былины изредка и огнестрельное оружие... но это явно поздняя словарная замена. Лук упоминается вместе с ружьями... Традиционная стрела, упомянутая в тексте, в следующем стихе заменяется привычной для сказителя пулей... Однако, – подводят очень важный итог исследователи, – самое искажение, забвение не только названий, но и функций отдельных предметов оружия и доспехов в былинах говорит о д р е в н о с т и вхождения в эпос этого комплекса вооружения» (указ. изд., с. 39, 40; разрядка моя – В.К.).

Последнее соображение весьма и весьма существенно: внедрение в былины «несуразных» поздних или даже очень поздних реалий не только не подрывает представления о глубокой древности их возникновения, но, напротив, подкрепляет его. Раз сказители повествуют о вещах (а также, конечно, и событиях, лицах и т. п.), истинная цель которых давным-давно и полностью забыта, значит, исполняемое ими произведение действительно создано в древние времена.

В общем и целом представление о том, что былины сложились в своей основе еще до Ярославовой эпохи, то есть не позднее начала XI века, уже сравнительно давно утверждено во всех действительно основательных работах, затрагивающих эту проблему. Так, Д. С. Лихачев еще сорок лет назад убежденно писал, что даже «в современных нам записях былин мы находим такие элементы, которые могли сложиться только в X–XI вв.».⁸⁵ Этим недвусмысленно сказано, что произведения, которые мы называем былинами, несмотря на все возможные позднейшие изменения и «добавления», сложились именно в столь древнее время. Правда, в той же самой книге Д. С. Лихачева выступает и своего рода «компромиссный» тезис: речь идет о своеобразном «эпическом времени», воплощенном в былинах, и о том, что любая былина стремилась воссоздать это «время».

«Когда бы они (былины. – В.К.) ни слагались, они переносят действие в Киев ко двору князя Владимира» (с. 53). Из этого положения легко сделать вывод, что те или иные «киевские» былины создавались в разные времена (скажем, в XII–XIII, XIV–XV или даже XVI–XVII веках), однако их творцы каждый раз стремились воссоздать в них именно Владимиров мир. Но характерно, что буквально на предыдущей странице Д. С. Лихачев, в сущности, сам себя опровергает, справедливо замечая: «Социальный уклад раннефеодального государства X–XI вв. не мог быть восстановлен сказителями XVII–XX вв.» (с. 52). И если учесть, что, как доказано в цитированных только что работах этнографов, уклад этот воссоздан в былинах достаточно полно и верно, нельзя не согласиться, что сказители XVII и позднейших веков никак не могли его «восстановить»: ведь для этого была необходима сложнейшая исследовательская работа археологов, историков, этнографов и т. п.!

Д. С. Лихачев говорит о сказителях XVII–XX веков, поскольку более ранними записями

⁸⁵ Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. – М. – Л., 1952, с. 48.

мы не располагаем. Но невозможно спорить о том, что и в более ранние времена – в XIII–XVI, да и уже в XII веке – сказители не могли «восстановить» уклад X века. То, что в неизвестных нам, но, без сомнения, продолжавших передаваться в тогдашние времена текстах соответствовало этому древнему укладу, было, без сомнения, не «восстановлено», а просто сохранено в восходивших ко времени не позже начала XI века текстах.

Словом, тезис о том, что создававшиеся в *позднейшие* времена былины «переносили» действие во Владимиров Киев, продиктован, надо думать, стремлением как-то примирить концепцию древнейшего происхождения былин с достаточно широко распространенным мнением, согласно которому былины будто бы создавались и в значительно более поздние времена.

Один из авторитетных современных исследователей богатырского эпоса Б. Н. Путилов убедительно писал еще два десятилетия назад: «Давно установлено, что северные сказители (сохранившие в своей памяти былины вплоть до XX века. – В.К.) не внесли ничего нового в состав русского эпоса... Северорусский фольклор имел в своем составе жанры, продолжавшие продуктивно развиваться (например, причитания, предания, исторические песни), и жанры, в основном закончившие продуктивное развитие... К этим последним принадлежали и былины... Под давлением фактов начинает разрушаться стена между древнерусской («первоначальной») и северорусской былинной... Мы приближаемся... к уяснению той, не новой, в сущности, истины, что и по своему содержанию, и по жанровой структуре, и по характеру историзма северорусская былина не является чем-то принципиально, качественно новым, иным, и что древнерусская былина в своем возникновении и развитии оставалась *былиной*». ⁸⁶

Вместе с тем нельзя не упомянуть здесь, что Б. Н. Путилов принадлежит к той школе исследователей русского эпоса (ее родоначальником был видный филолог А. П. Скафтымов⁸⁷), которая решительно противопоставляла себя исторической школе. Новую школу уместно назвать эстетической, или, что будет точнее, ориентирующейся на художественность, искусство. Она, в сущности, отвела на самый задний план проблему конкретных исторических корней эпоса.

Б. Н. Путилов пишет: «Ни одно имя былинного богатыря не возводимо к реально-историческому имени. Попытки идентифицировать богатырей с летописными персонажами на основании совпадения или близости имен оказались несостоятельными. И вопрос этот в серьезном научном плане может считаться исчерпанным». ⁸⁸

Сказано это с излишней полемической заостренностью (ведь едва ли следует, например, сомневаться в том, что былинного князя Владимира вполне уместно «идентифицировать» с летописным князем Владимиром). Но в принципе Б. Н. Путилов прав: «попытки идентифицировать богатырей с летописными персонажами» в большинстве случаев в самом деле несостоятельны.

И все же встает вопрос: являются ли эти «попытки» *единственно возможным* путем изучения исторических корней героического эпоса? Отказавшись искать «реально-историческую» основу былин в летописях, Б. Н. Путилов без каких-либо оговорок утверждает, что «идеалы эпоса получали конкретное художественное выражение в *вымышленных* (разрядка моя. – В.К.) формах (вымышленные сюжеты, ситуации, герои)... эпос никаких отдельных исторических событий не отражает, и герои его ни к каким историческим прототипам не восходят». ⁸⁹ С этой точки зрения Б. Н. Путилов категорически

⁸⁶ Путилов Б. Н. Северорусская былина в ее отношении к древнерусскому эпосу. – В кн.: Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973, с. 174, 180.

⁸⁷ См.: Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. Очерки. – Москва – Саратов, 1924.

⁸⁸ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. – Л., 1988, с. 115.

⁸⁹ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. – М. – Л., 1960, с. 25.

противопоставляет жанр былины и позднейший жанр *исторической песни*, где ситуации и герои исходят из реальных событий и реальных лиц, являющихся, в частности, и персонажами летописей – таких, как посол хана Золотой Орды Узбека Щелкан (Чолхан), боярин, шурина Ивана Грозного Никита Романович или казачий атаман Ермак Тимофеевич. Кстати сказать, в исторических песнях немало всякого рода «вымыслов» (так, например, песенный Никита Романович казнит Малюту Скуратова, а Ермак объявлен покорителем Казани и племянником Стеньки Разина), но все же у них есть вполне реальная историческая «основа».

Можно с полным правом констатировать, что в былинах, сложившихся намного раньше, чем исторические песни, или, вернее, в совсем иную эпоху истории – и, в частности, истории культуры, – воплотились принципиально иные способы создания художественного мира, и самый вымысел имеет в них совсем иную природу (к данной проблеме мы еще возвратимся). Но это еще вовсе не означает, что былины «не восходят» ни к каким реальным событиям и лицам.

Как это ни парадоксально, Б. Н. Путилов, «отрицая» историческую школу изучения былин, оказался, в сущности, в полной зависимости от господствующего в ней метода «отыскивания» исторической основы былин почти исключительно в летописях. Раз, мол, в *летописях* нельзя найти прототипы эпоса – значит, его сюжеты и персонажи целиком вымышлены.

Однако время, которое породило былины, то есть период IX-X веков, отражено в составленных никак не ранее середины XI века (гипотезы о более раннем летописании очень шаткие) летописях и скудно, и обрывочно. Так, например, согласно полностью достоверным арабским источникам, Русь в 910-х и 940-х годах совершила весьма значительные дальние походы в Закавказье, но русские летописи не говорят об этом ни слова (хотя очень подробно рассказывают о столкновениях Киева в тех же 940-х годах с соседними древлянами). Вдумчивый исследователь начальной эпохи взаимоотношений Руси и Востока, отмечая тот факт, что «Повесть временных лет», в сущности, «ничего не знает» об этих взаимоотношениях, сделал следующий вывод: «Возможно, правы те исследователи, скажем, А. А. Шахматов, что усматривали в начальной русской летописи намеренное *замалчивание* общения Руси с Востоком. В том убеждают арабские хроники. Оказывается, русские отряды... сражались по всему Востоку... Сирия и Малая Азия содрогались от их поступи».⁹⁰

Исходя из этого, отнюдь не будет преувеличением утверждать, что события и лица, которые явились реальной исторической основой былинного эпоса, попросту *не нашли отражения в летописях*. Представим себе, что во времена, когда действовали упомянутые выше ханский посол Щелкан-Чолхан, боярин Никита Романович и Ермак, летопись не велась бы прямо и непосредственно (то есть *в те же годы*). В таком случае Б. Н. Путилов не имел бы возможности узнать что-либо о реальных прототипах этих героев исторических песен и, очевидно, счел бы их столь же вымышленными, как и героев былин...

Словом, мнение Б. Н. Путилова о том, что отсутствие летописных сведений об исторических событиях и лицах, воссозданных в былинах, означает вымышленность этих событий и лиц, по меньшей мере нелогично. Поскольку эпос складывался в IX-X веках, всецело вероятно, что в составляемые много позже летописи не вошли сведения о воссозданных в былинах событиях и лицах.

Впрочем, «датировка» рождения эпоса еще должна быть достаточно весомо аргументирована. Правда, вполне уместно и без доказательств, априорно заявить, что почти у каждого народа, создавшего и сохранившего эпос, он предстает как *первая*, наиболее ранняя (хотя и неопределимо существенная) стадия истории литературы, или, вернее, как говорили в прошлом и начале нынешнего века, *словесности*, искусства слова. Курсы истории основных литератур и Запада и Востока совершенно правомерно начинаются, открываются разделом о национальном эпосе. Однако при освещении истории русской литературы, русского искусства слова лишь в редких случаях эпос рассматривается как ее необходимый *исходный* этап.

По видимому, это во многом обусловлено именно той «неопределенностью» в

⁹⁰ Лелеков Л. А. Искусство Древней Руси и Восток. – М., 1978, с. 104.

представлениях о времени рождения русского эпоса, о которой шла речь выше. В уже цитированной монографии Р. С. Липец «Эпос и Древняя Русь» совершенно справедливо сказано, что «без учета... конкретной исторической обстановки в былинах становится легко произвольно перебрасывать их то на тысячелетие назад, то в XVII в.», – хотя тщательное исследование, проведенное, в частности, самой Р. С. Липец, доказывает, что русский героический эпос сформировался как вполне определенный феномен «к концу I тысячелетия н. э.» (с. 12) – то есть ко времени Владимира Святославича. Однако и сегодня те или иные – многочисленные – авторы «привязывают» былины и к воинскому соперничеству с половцами во второй половине XI – начале XIII веков, и к позднему монгольскому нашествию, и к походам времени Ивана Грозного, и даже к Смутному времени и еще более поздним воинским событиям. В результате как бы и возникает основание не воспринимать эпос в качестве «первоначальной» стадии развития, предшествующей литературе в узком, собственном смысле.

Но в дальнейшем еще будет развернут целый ряд доказательств древнейшего (до XI века) происхождения русского эпоса. Сейчас важно сказать о том, что верное понимание «исходного» значения эпоса для русской литературы особенно ясно выразилось у некоторых не отечественных, а зарубежных ее историков (в этой книге уже заходила речь о том, что «сторонние наблюдатели» нередко правильнее оценивают явления русской культуры, нежели сами ее носители).

Виднейший германский русист Рейнгольд Траутманн (1883–1951) говорил еще в 1920-х годах в своем сочинении «Русский героический эпос»:

«Тот, кто попробует в качестве ли исследователя или любителя литературы проникнуть в духовную жизнь русского народа, будет ослеплен исключительным явлением русской литературы XIX века. В необычайном блеске лежит это море русской литературы перед нашими глазами». Однако, отмечал Р. Траутманн, «остаются сейчас в темноте причины и сама возможность такого замечательного проявления русскою духа... Явление, которое вводит нас в глубь самой сущности русской народности и русского искусства, – это русская, великорусская героическая поэзия, цвет русского народного творчества».⁹¹

Далее Р. Траутманн ссылается на изученные им богатейшие собрания образцов героического эпоса – сборники Кирши Данилова, Рыбникова, Гильфердинга, Маркова, Григорьева и Ончукова, замечая, что «всюду заметен острый взгляд русского человека на вещи мира и на их сущность... Русский человек работает простыми приемами, и неизнеженное чувство требует крепких ударов языка... этой потребности мощных *Betonen* (акцентов. – В.К.) – многое из этого находит дальнейшее продолжение в повествовательной манере близкого к народу Льва Толстого...» (с. 37).

Наконец, Р. Траутманн говорит о нераздельном соединении *беспредельной* свободы и в то же время «безжалостной» *необходимости* в художественном мире былин, утверждая, что «из одинаковой природы с былинной вытекает бесформенность русских рассказов XIX века, которые тем более хаотичны, чем более русским является их творец».⁹² В этом соединении вроде бы несовместимых начал германский исследователь усматривает своеобразие «русского духа, постоянно вращавшегося между двумя полюсами... Таким образом, то, что дает русской поэзии вечную печать многозначительности, а именно острое напряжение наблюдения над безжалостной действительностью и стремление к освобождению от нее, – заключает Рейнгольд Траутманн, – это в зародыше уже было свойственно русскому былинному творчеству. Пройдя через богатую культурную насыщенность, это отречение от вещей сего мира дало свой последний цвет в великом жизненном подвиге Гоголя, Достоевского и Толстого» (с. 37, 38, 39).

Такое осознание глубокого единства и генетической связи древнего русского эпоса и романа XIX века – этого своего рода эквивалента эпоса в новое время – к великому сожалению,

⁹¹ Художественный фольклор. Вып. II–III, М., 1927, с. 35–36.

⁹² Проблема западных толкований русской «бесформенности» и «хаотичности» посвящена моя статья «Недостаток или своеобразие?» в кн.: Вадим Кожин. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. – М., 1990, с. 221–246.

вовсе не характерно для отечественной филологии. И, как уже говорилось, утверждение и, далее, исследование былинного эпоса в качестве необходимого *исходного* этапа всей тысячелетней истории русской литературы, русского искусства слова встречается в отечественной филологии весьма редко, особенно в последнее время. Между тем поистине необходимо вслушаться хотя бы в этот сторонний, германский голос, устанавливающий органическую и чрезвычайно существенную связь между древним эпосом и усвоенной всем человечеством русской литературой XIX века.

Эта связь, несомненно, имела бы громадное значение даже и в том случае, если бы она была никак не выявлена и не осознана в XIX веке; ведь культурное творчество не проходит бесследно: сложнейшими и нередко трудно услежимыми путями оно неизбежно воздействует на позднейшее развитие культуры. Однако былинный эпос был *воспринят* русской культурой, и в том числе литературой XIX века самым прямым и непосредственным образом. В 1804 и 1818 годах вышли издания записанного еще в середине XVIII века для одного из представителей славного купеческого рода, П. А. Демидова, сборника Кирши Данилова, где содержались превосходные образцы былин. И вот П. П. Вяземский (сын поэта), постоянно общавшийся с Пушкиным в 1830-х годах, вспоминал впоследствии:

«С жадностью слушал я высказываемое Пушкиным своим друзьям мнение о прелести и значении богатырских сказок (так обозначали тогда русский эпос;⁹³ термин «былина» начал входить в употребление лишь после издания в 1836–1837 годах сборника И. П. Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков». – В.К.) и звучности народного русского стиха. Тут же я услышал, что Пушкин обратил свое внимание на народное сокровище, коего только часть сохранилась в сборнике Кирши Данилова, что имеется много чудных поэтических песен, доселе не изданных, и что дело находится в надежных руках Киреевского...».

А в 1847 году Александр Герцен, размышляя о подлинно русской природе той культуры, которая развивалась со времени Петра («разве... герои 1812... не были русские, вполне русские?...» и т. д.), с полным основанием утверждал, что в его время «народная поэзия вырастает из песен Кирши Данилова в Пушкина...».

Что касается Толстого (о котором особенно веско говорил Рейнгольд Траутманн), он в ответ на вопрос историка литературы В. Ф. Лазурского, «как же он провел бы курс литературы», совершенно определенно ответил, что «начал бы он с былин, которые очень любит и на которых надолго бы остановился».

Таким образом, в представлении Толстого русская литература начиналась именно с былинного эпоса, и в этом отношении его убеждение совпадало с концепцией Р. Траутманна (стоит отметить, что цитированная запись из дневника В. Ф. Лазурского была впервые опубликована лишь в 1939 году, и Р. Траутманн не мог ее знать). Но еще существеннее другое. Р. Траутманн, как мы видели, по существу, «возводил» толстовское искусство к былинному, заведомо не зная о том, что Толстой сразу после окончания «Войны и мира», в начале 1870 года, задумал роман, главными героями которого должны были стать девять богатырей (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Михайло Потык, Дюк Степанович и др.), перенесенные в современную русскую жизнь.⁹⁴ Для этого Толстой внимательнейшим образом изучает тексты былин, опубликованные в сборниках Кирши Данилова, Петра Киреевского, Рыбникова (Гильфердинг тогда только собирался ехать в Олонецкую губернию за былинами).

Это был, пожалуй, несколько искусственный и едва ли могущий обрести полноценное воплощение замысел (его неосуществимость отметил и сам Толстой и не пошел дальше самых беглых набросков), но нельзя усомниться в глубокой значительности самого этого устремления: в нем, я полагаю, выразилось возникшее в творческом духе Толстого сознание своей

⁹³ Пушкин, как ясно из известного «Словаря языка Пушкина», еще использовал слово «былина» только как синоним слова «быль».

⁹⁴ См. заметки Толстого к этому ненаписанному им роману в его Полном собрании сочинений, т. 90, М., 1938, с. 109–110.

органической связи – при всех кардинальных различиях – с древним эпосом, то есть как раз той связи, о которой говорил в 1926 году Рейнгольд Траутманн.

А между тем в историю, или, вернее будет сказать, в историософию русской литературы до сих пор не вошла с должной ясностью мысль об исходном и неопределимо существенном для судеб русской литературы в ее целом значении былинного эпоса.

Разумеется, «связь» русского эпоса и сложившегося в столь отдаленном от него будущем русского романа никак не может быть сколько-нибудь очевидной, прямолинейной, «непосредственной». Для ее выявления необходимы очень сложные и, если угодно, неожиданные движения мысли. Прекрасный образец такого мыслительного хода дал Пришвин, который писал в 1921 году: «..., Обломов». В этом романе внутренне прославляется русская лень и внешне она же порицается... Никакая «положительная» деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя... Иначе и не может быть в стране, где всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается *чувством неправоты*, и только деятельность, в которой личное совершенно *сливается* с делом для других, может быть противопоставлена обломовскому покою (несравненная по своей точности и глубине мысль о русском менталитете! – В.К.). В романе есть только чисто внешнее касание *огромного русского факта*, и потому только роман стал знаменит.

Антипод Обломова не Штольц, а максималист, с которым Обломов действительно мог бы дружить, спорить по существу и как бы сливаться временами, как слито это в Илье Муромце: сидел, сидел и вдруг пошел, да как пошел!»⁹⁵

Хотя Илья Обломов, в отличие от Ильи Муромца, так никуда и не «пошел», все же в романе постоянно возникает мотив подобного преображения – пусть для него и было бы потребно чудо (которое в былинной традиции совершается!). Ильей Ильичем то и дело овладевает стремление «ринуться на попрание жизни и лететь по нему на всех парусах ума и воли... Вот-вот стремление осуществится, обратится в подвиг... и тогда, Господи!...»

Юрий Лошиц в своей известной книге о Гончарове отметил, что «аналогия, проведенная в романе между богатырем, который тридцать лет сиднем просидел в своей избе, и Ильей Ильичем, тоже достаточно прозрачна».⁹⁶

Если стремиться к точности, следует сказать, что Обломов не столько «сидел», сколько «лежал»; в первой же фразе романа читаем: «...Лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломе. Это был человек лет тридцати двух-трех». И несколькими абзацами ниже: «Лежанье у Ильи Ильича... было нормальным состоянием». Однако имеются былинские записи, в которых и Илья Муромец

Тридцать лет на печке лежал...

Но еще более примечательно другое. И. А. Гончаров, как известно, родился и провел первые десять лет жизни (1812–1822) в Симбирской губернии. И когда в его «Обломове» говорится об Илюше: «Няня... повествует ему о подвигах наших Ахиллов и Улиссов, об удали Ильи Муромца...», – в этом, очевидно, запечатлелось реальное воспоминание Гончарова о своем детстве. Ибо вскоре после переселения будущего писателя в Москву братья Языковы записывают в этой самой Симбирской губернии несколько вариантов былины об «исцелении» Ильи Муромца:

*Кто бы нам сказал про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того ли Илью про Муромца,
Илья Муромец, сын Иванович,*

⁹⁵ Пришвин М. М. Собрание сочинений в восьми томах, т. 8, М., 1986, с. 135–136.

⁹⁶ Лошиц Юрий. Гончаров. – М., 1977, с. 173–174.

Он в сиднях сидел тридцать три года...

В подавляющем большинстве записей этой былины срок «сидения» (или «лежания») Ильи ровно тридцать лет. Но в *симбирских* записях мы находим сакраментальное число 33. И не откликнулось ли это в самом начале гончаровского романа, где о возрасте героя сказано – «человек тридцати двух-трех лет от роду»? Символическое «33» было бы здесь, в прозаическом повествовании, не очень уместно; это число для эпоса. Но, пожалуй, писатель (скорее всего, бессознательно) вспомнил здесь слышанную в детстве былинку...

Так в нескольких «соответствиях» обнаруживается подспудная связь древнего эпоса и одного из «главных» русских романов XIX века, – а тем самым, в конечном счете, определенное единство самой истории...

Здесь целесообразно сделать одно, так сказать, общеметодологическое отступление, которое несколько прервет уже наметившийся ход рассуждения, но зато, надеюсь, придаст ему большую теоретичность и обобщенность. Уже заходила речь о том, что для полноты и серьезности исследования богатырского эпоса необходимо рассматривать его прежде всего как целое, как определенный конкретно-исторический жанр, основная природа которого гораздо, даже неизмеримо важнее, чем особенности отдельных произведений и тем более отдельных их элементов и деталей.

Следует сказать и о том, что вообще любой сложившийся в то или иное время в русской (и, конечно, во всякой иной) литературе жанр имеет принципиально более существенный смысл и значение, нежели отдельные его проявления (глубокое теоретическое обоснование такого понимания проблемы жанра дано в трудах М. М. Бахтина). И это всецело относится, например, к *русскому роману* XIX века, о котором так восхищенно говорил Р. Траутманн. Ныне, всего лишь через столетие после расцвета этого жанра, явившегося одним из высочайших достижений общечеловеческой культуры, нам еще очень трудно или даже невозможно размышлять о нем «вообще». Мы все еще и мыслим, и даже живем в *диалоге* с творческими *личностями* Достоевского и Толстого, Лермонтова и Гончарова, Лескова и Тургенева.

Но, питая надежду на дальнейшее развитие человеческой культуры, мы можем и должны думать и о том далеком, ином времени, когда русский роман XIX века будет являться в восприятии наших потомков как некая завершенная в себе, сомкнутая в более или менее однородном единстве реальность, включающая в себя как *единое целое* богатейший мир творений от «Евгения Онегина» до «Братьев Карамазовых», или, если продлить линию дальше, – до «Тихого Дона» и «Мастера и Маргариты».

Об этом важно было сказать потому, что для истинного понимания судьбы отечественного искусства слова надо, в частности, суметь существенно сопоставить, соизмерить русский героический эпос IX-X веков и русский роман XIX–XX веков – как два, быть может, равновеликих жанра русской, да и мировой литературы.

Сложность этой задачи состоит, между прочим, в том, что если роман XIX–XX веков является и сегодня перед нами как несравненно многообразное и словно бы не поддающееся никакой «систематизации» (не говоря уж о «схематизации») явление, то древний героический эпос, напротив, требует от нас внимательно вглядываться в его художественное разнообразие и богатство. Решительный шаг в этом направлении сделан в трактате В. Я. Проппа «Русский героический эпос» (1955, второе издание – 1958), где раскрыто, – пусть и в очень многом не бесспорно, – исключительно сложное и многозначное художественное содержание былин, в «общем мнении» (неким камертоном для которого является, скажем, знаменитая картина Виктора Васнецова «Три богатыря») представляющееся нередко прямолинейным или даже «элементарным».

Правда, едва ли не каждый грамотный человек чувствует несравненное величие образов богатырей и самого мира русского эпоса. Но все же В. Я. Пропп справедливо сказал в первых же фразах своего трактата:

«Русский героический эпос – одно из важнейших созданий русского народного гения. Между тем он мало известен в широких читательских кругах. До настоящего времени об эпосе нет такой книги, которая в простой и общедоступной форме вводила бы читателя в эту область национальной культуры... Цель автора состоит в том, чтобы дать в руки любому читателю...

такую книгу, которая прежде всего просто познакомила бы его с русским эпосом, которая раскрыла бы перед ним всю глубину художественных красот эпоса...».⁹⁷

Книга в самом деле так или иначе выполняет эту роль, но она, к сожалению, не смогла (и из-за весьма большого объема – более 35 авт. л., и из-за слишком малого тиража – 15 тыс. экз.) стать достоянием значительного числа читателей. И здесь приходится лишь высказать уверенное предположение, что, изучив трактат В. Я. Проппа, любой читатель осознает: при всей своей монументальной скульптурности мир былинного эпоса – это полновесный мир живого бытия и сознания, сотканный из глубоких противоречий и тончайших подчас оттенков человеческих взаимоотношений. И когда Толстой думал о произведении, призванном «перенести» фигуры древних богатырей в современную ему русскую жизнь, он, конечно же, ясно видел это живое богатство эпического мира.

И германский русист, утверждавший, что русский героический эпос представляет собой то необходимое поэтическое зерно, то ядро, из которого через тысячелетие естественно мог вырасти поразивший мир русский роман, без сомнения, всецело прав.

Своего рода «отставание» в понимании и оценке роли героического эпоса для русской литературы во многом обусловлено и тем еще, что эпос этот был записан лишь в XVIII–XIX веках с голоса народных певцов и чаще всего предстает в наших глазах как чисто «фольклорное» явление, находящееся вроде бы за пределами литературы в собственном смысле слова, – в специфическом словесно-мелодическом бытии. Между тем записи целого ряда западноевропейских эпосов, сделанные в XII–XIII веках или еще ранее, воспринимаются как явления собственно *литературные*, «законно» открывающие историю того или иного национального искусства слова. Но это, казалось бы, очевидное и существенное «отличие» русского эпоса на самом деле далеко не столь уж бесспорно.

Так, давно уже сложилось убеждение, что мелодика в русских былинах, в отличие от мелодики «настоящих» песен, имеет прежде всего и главным образом *мнемоническое* значение, то есть призвана обеспечить сохранность текста в памяти его исполнителей и, кроме того, отчетливо «выделить» эпическое слово из обычной повседневной речи. Как писал один из исследователей еще в XIX веке, «эпический материал не так тесно связан с напевами, как лирический», и исполнение былин – это, по сути дела, не пение, а «мерная декламация».⁹⁸

Авторитетнейшая исследовательница эпоса А. М. Астахова доказывала, что «напев» былин с «текстом, в противоположность песне, органически не был связан и в сознании исполнителя жил и живет самостоятельной жизнью. Этим и объясняется, что многие сказители, певшие быliny, могли сказать текст „словесно“, не разрушая его ритмической структуры... В области же песни мы очень часто сталкиваемся даже у мастера, хорошо знающего песню, с затруднением абстрагировать текст от мелодии. Сказанное не исключает, однако, того, что напев всегда являлся средством сохранения былинной традиции и что его утрата легко могла привести – и во многих случаях приводила – к разложению быliny...» А. М. Астахова ссылается еще на исследователя мелодики былин Ф. А. Рубцова, который на основе тщательного специального изучения сделал вывод, что в былинном эпосе «напевы служат лишь формой декламации».⁹⁹

Таким образом, былина не является, строго говоря, *песней*, то есть собственно словесно-музыкальным явлением; напев для нее – это, в сущности, способ ее сохранения, «консервации» – в известном смысле подобный письменности.

Естественно встает вопрос о смысле и причинах очень поздней письменной фиксации русского эпоса (в сущности, лишь с XVIII века). Ведь, скажем, французский, английский и германский эпосы нашли воплощение в письменности еще в XII–XIII веках, а отчасти даже и

⁹⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. – М., 1958, с. 3.

⁹⁸ Ляцкий Евг. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его быliny – М., 1895, с. 27.

⁹⁹ Астахова А. М. Цит. соч., с. 164, 165.

еще ранее – в IX–X веках. Главная причина здесь, как представляется, в принципиально ином статусе письменности в средневековой Западной Европе в сравнении с Русью. Западноевропейская цивилизация выросла на прочном и мощном фундаменте древнеримской; несмотря на то, что «варварские» племена, сокрушившие античную Римскую империю, в течение долгого времени не могли (да и не «стремились») действительно усвоить ее *культуру*, самое тело этой культуры – то, что вернее всего будет назвать *цивилизацией* – продолжило свое существование без какого-либо перерыва. Это ясно доказано, например, в работах замечательной исследовательницы О. А. Добиаш-Рождественской (1874–1939).¹⁰⁰

И в этом отношении необходимо видеть глубочайшее различие между Западом и Русью, которая не имела под собой такого фундамента предшествующей цивилизации: письменность была «завезена» на Русь из иного цивилизованного мира и поначалу использовалась почти исключительно Церковью, которая не могла ценить сложившийся ранее эпос; нельзя не сказать и о том, что письменность была в своей основе церковно-славянской, а не собственно русской, между тем как эпос, без сомнения, создавался на живом древнерусском языке.

Дело, конечно, не только в письменности; целесообразно, поскольку уж об этом зашла речь, поставить проблему, к коей еще придется возвращаться: едва ли не самое существенное своеобразие Руси, России среди основных стран Европы и Азии определяется тем громадным по своему значению обстоятельством, что она – в отличие от Англии, Франции, Германии, а также и от Индии, Китая, Ирана – страна, если можно так выразиться, принципиально *молодая*, не имеющая за плечами свершавшейся *на той же самой земле* высокоразвитой тысячелетней «предыстории», которая была *историей* в полном смысле этого слова. Племена, населявшие ту территорию, на которой начали развиваться русская государственность и культура, не только не создали высокоразвитую цивилизацию, но и были, без сомнения, менее «цивилизованными», чем ставшие ядром новой страны славянские племена.

Как уже говорилось, Русь на первых этапах своего бытия самым активным образом вбирала в себя опыт и энергию окружающего мира; но нельзя не сознавать коренного различия между усвоением приходящих извне культурных уроков и опорой на нарастившую веками и тысячелетиями почву «туземной» цивилизации. В свете этого вполне понятно, почему западноевропейские эпосы были записаны на полтысячелетия ранее (или даже еще раньше), нежели русский.

Стоит сразу же сказать и о том, что эту «молодость» цивилизации на Руси следует понять именно как *своеобразие*, а вовсе не только (хотя слишком часто вопрос решается именно в таком плане) как «негативное» качество ее судьбы. Своеобразие само по себе отнюдь не является «оценочной» категорией; оно предполагает, говоря просто и коротко, и недостатки, и преимущества (в сравнении с другими своеобразными явлениями).

Это можно увидеть, в частности, и в судьбе русского эпоса. С одной стороны, позднее, слишком позднее письменное закрепление его образцов неизбежно означало искажение и затемнение их первоначального, исконного облика. Каждое поколение, передававшее дальше из уст в уста былины, вносило в них те или иные новшества, а также искажения и неясности (ибо что-то уже полностью забывалось). А поскольку со времени формирования русского эпоса (к XI веку) до его широкой и полноценной записи (в 1860–1870 годах) сменилось около тридцати человеческих поколений, позднейшие «наслоения» и потери, конечно, не могли не быть значительными.

Но в то же время есть все основания утверждать, что и записи западноевропейского эпоса, сделанные в X–XIII веках, имели свои «недостатки». Один из них, очевидный, заключается в том, что записи той далекой поры ставили перед собой как раз задачу «улучшить», «усовершенствовать» фиксируемые ими древние «подлинники»; это выражалось, в частности, в стремлении создать из имеющихся эпических сказаний целые *поэмы, эпосеи*, подобные «Песне о Нибелунгах» и «Песне о Роланде».

¹⁰⁰ См.: Добиаш-Рождественская О. А. Культура Западноевропейского средневековья. М., 1987; эта женщина, между прочим, явилась прообразом героини романа А. И. Солженицына «Октябрь шестнадцатого» Ольды Андозерской (см. «Наш современник» за 1990 год).

Между тем В. Я. Пропп убедительно показал, что «эпос любого народа всегда состоит только из разрозненных, отдельных песен. Эти песни обладают внутренней цельностью и до некоторой степени внешней объединяемостью... эпос обладает не внешней целостностью, а внутренним единством, единством образов героев, одинаковых для всех песен, единством стиля и, главное, – единством национально-идейного содержания... Но это внутреннее единство не то же самое, что внешняя целостность, замкнутость, законченность. Подлинный эпос всегда состоит из разрозненных песен, которые народом не объединяются, но представляют собой цельность. Эпопея же внешне едина, но внутренне мозаична... Эпос, как мы видели, целостен по существу и разрознен по форме своего выражения».¹⁰¹

Русские былины, ждавшие своей записи несколько столетий, не объединились в эпопею (хотя отдельные попытки в этом направлении известны – например, «составная» былина «Три поездки Ильи Муромца»). Таким образом, долгая передача эпоса в устной традиции имеет и свое преимущество перед теми или иными стародавними записями, ибо в определенных отношениях она вернее сохраняла изначальную природу эпоса.

Тем не менее наша историко-литературная наука, которая, обращаясь к изучению развития западноевропейских литератур, начинает, как правило, с эпоса, рассматривая его в качестве исходной основы всей последующей истории данной литературы, при обращении к русскому искусству слова только в очень редких случаях кладет в его начало национальный эпос. И это представляется мне ничем не оправданным изъятием и истории, и историософии – или, если выразиться более прозаически, «теоретической истории», либо «исторической теории» – отечественной литературы.

Осознанию и утверждению богатырского эпоса в качестве неотъемлемой *начальной* стадии истории русского искусства слова не должна препятствовать и мелодическая сторона былин, в которых, как доказывалось выше, напев являл собой прежде всего мнемоническое средство, способ сохранения словесной ткани; исполнение былины – это, строго говоря, не «пение» в собственном смысле, а напевная форма декламации (как отмечалось, сказители могли обходиться и без напева). Поэтому, в отличие от собственно песенных жанров, былины представляют собой прежде всего и главным образом *искусство слова*, лишь «упрочняющее» себя напевом.

Выше уже были предложены некоторые аргументы в пользу того представления, что былинный эпос сложился к XI веку, то есть ранее дошедших до нас собственно литературных произведений (таких, как «Слово о законе и Благодати» митрополита Илариона, «Повесть временных лет», созданные Нестором жития Бориса и Глеба и Феодосия Печерского и др.)

Следует подчеркнуть, что речь идет об эпосе как целостном явлении (хотя и состоящем из отдельных былин), как вполне определенном *жанре*. Влиятельная историческая школа в изучении эпоса (как в прошлом веке, так и в наше время) чаще всего имеет в виду скорее *отдельные* былины (или даже их элементы), чем эпос в целом. Если выразиться резко, эта школа нередко, по сути дела, «за деревьями не видит леса».

Нет сомнения, что в былины проникали «реалии», относящиеся к самым разным временам и различным событиям; можно допустить также, что те или иные былины возникали в силу каких-либо причин позднее или даже значительно позднее эпохи рождения эпоса как таковой. Но для понимания существа дела необходимо прежде всего изучить и понять русский эпос в его целом как порождение, как плод *определенного* исторического периода.

Едва ли будет преувеличением утверждать, что две наиболее влиятельные школы изучения эпоса, мифологическая и историческая (оба эти направления в тех или иных своих тенденциях наличествуют в работах о былинах и поныне) в значительной мере игнорировали собственную суть русского эпоса: мифологическую школу более всего интересовала, так сказать, его *предыстория* – те образы и сюжеты, которые уходят корнями в наиболее архаическое, догосударственное сознание народа, – а историческую школу, напротив, то, что

¹⁰¹ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976, с. 311, 312, 313.

можно назвать *постисторией* эпоса – вовлечение в него (нередко, между прочим, мнимое)¹⁰² событий, имен, названий, которые отражены также и в летописях, и в других позднейших (в сравнении с эпосом) источниках.

Историческую школу, начавшую свое развитие в 1860-х годах и занявшую господствующее положение в «былиноведении» в 1890-е годы, многократно подвергали критике за то, что она с помощью всякого рода произвольных толкований и натяжек пытается связать те или иные былины с известными из других словесных памятников событиями и лицами различных эпох. В данном случае важно подчеркнуть, что, обращаясь к сведениям из летописей и иных источников XI и последующих столетий, представители исторической школы волей-неволей перемещали былины в более поздние времена – в период борьбы с половцами (последняя треть XI века – начало XIII века), или монголами (XIII–XV вв.), или даже во времена Ивана Грозного и Смутного времени.

Правда, один из последних крупных представителей этой школы (которая, кстати сказать, в 1930-х годах подверглась идеологическому разгрому за «теорию аристократического происхождения» былин), ученик В. Ф. Миллера – Б. М. Соколов в конце жизни решительно высказал следующее убеждение: «... как ни велики отголоски¹⁰³ в дошедших до нас воинских былинах боевых событий XII–XIII вв. из эпохи татарской и половецкой, все же *основное сложение* былин и образование эпического цикла вокруг г. Киева и кн. Владимира нужно отнести по всей справедливости к еще более *ранней* эпохе и связать с деятельностью великого князя Владимира Святославича, его ближайших предков и непосредственных потомков».¹⁰⁴

Однако, несмотря на высокий авторитет этого ученого (как и его брата и единомышленника Ю. М. Соколова), некоторые позднейшие исследователи исторической школы, выступившие в 1950–1980-х годах, продолжали прочно связывать эпос с событиями конца XI века (прежде всего – борьбой с половцами) и дальнейших столетий и тем самым так или иначе относить их рождение к более поздней, нежели в действительности, эпохе.

Собственно «историческая» ценность эпоса состоит прежде всего в том, что он непосредственно запечатлел реальность IX–X веков, между тем как летопись начала создаваться едва ли ранее середины XI века. Но вместо того чтобы опереться на этот древнейший «источник», его как бы заставляют «дублировать» летопись...

Итак, высказано несколько соображений, которые побуждают или даже заставляют относить рождение русского героического эпоса к IX–X векам (истинно «героический» характер именно этого времени; явное принципиальное отличие искусства песнотворца XI века Бояна от былин как более ранней стадии словесности; вооружение богатырей, совпадающее с тем самым вооружением, которое известно по наиболее древним летописным сведениям и археологическим исследованиям материальной культуры, существовавшей ранее XI века).

Теперь необходимо напомнить уже приведенные (в другой связи) уверенные, опирающиеся на убеждения ряда предшественников слова Б. Н. Путилова о том, что «северные сказители не внесли ничего нового в состав русского эпоса... северорусская былина не является чем-то... новым, иным» – это та же «древнерусская былина». И теперь мы обратимся к истории «сохранения» эпоса – от X до XX века.

В изучении этой проблемы в последнее время были сделаны настоящие *открытия*, которые, помимо прочего, связаны и с обоснованием верной «датировки» сложения русского эпоса. Особенно важно, что дело идет не о собственно литературоведческих и фольклористических, но *историографических*, а также этнографических открытиях, выяснивших ту конкретную *реальность* жизни Руси, в которой совершалась судьба русского

¹⁰² Речь идет о «похожих», могущих быть с помощью различных натяжек отождествленными деталями былин и летописей.

¹⁰³ Еще раз отмечу, что эти отголоски, вполне возможно, мнимые: дело идет, скорее всего, только о сходстве событий, имен, поступков, имеющих в былинах и, с другой стороны в летописях.

¹⁰⁴ Соколов Б. М. Русский фольклор. Вып. 1, М., 1929, с. 62.

эпоса.

Это, во-первых, исследование С. И. Дмитриевой «Географическое распространение русских былин» (1975), которое исходит из того бесспорного факта, что основной массив былинного эпоса сохранился в одном определенном регионе русского Севера, так называемого *Поморья* (термин известен с XIV века), – от Онежского озера и Белого моря до Печоры. Конечно, сам по себе этот факт был общеизвестен давно, но С. И. Дмитриева, основываясь на нем, сумела достоверно доказать, что эпос имеет, во-первых, древнейшее (не позже XI века) происхождение и, во-вторых, что само его широкое бытование на всей или по крайней мере основной территории Руси завершилось весьма рано и сохранилось по-настоящему только в Поморье.

С. И. Дмитриева пишет, что «сопоставление былинного ареала с показаниями письменных источников, антропологических, этнографических и диалектологических данных позволяет утверждать, что распространение былин на русском Севере можно связывать только с новгородскими (это не вполне верно, о чем будет сказано ниже. – В.К.) переселенцами. В областях, заселенных из Ростово-Суздальской земли, былинная традиция отсутствует... что... в свою очередь позволяет сделать вывод, что населению Ростово-Суздальской земли, во всяком случае ко времени усиленного переселения оттуда (XIV–XV вв.), былевой эпос не был известен».¹⁰⁵

Вывод этот многосторонне аргументирован в исследовании С. И. Дмитриевой; в частности, она показывает, что если даже селение выходцев с юга расположено в ближайшем соседстве с селением выходцев с запада, «новгородцев», в первом былин нет, их не принесли с собой и даже не усвоили от соседей. Характерна, например, ссылка С. И. Дмитриевой на статью знаменитого собирателя былин А. В. Маркова, который установил, что «былины поют на Терском берегу (одна из местностей Поморья. – В.К.) везде, кроме с. Поноя». «Это мне показалось загадочным, – пишет он, – но потом дело случайно разъяснилось... крестьянин мне сообщил, что предки русского населения Поноя переселились из „Москвы“, то есть из центральной России. Московские выходцы... даже не научились старинам» (с. 49).

Опираясь на такие и многие иные факты, исследовательница заключает, что «к XIV–XV вв. былин не было на всей территории Руси, кроме Новгородской земли» (с. 93), вернее (о чем еще пойдет речь), северо-восточной части этой земли – Поморья. Но XIV–XV века – это только полностью достоверная дата; по-видимому, былины сходят со сцены еще значительно раньше. С. И. Дмитриева ссылается, например, на убеждение известного историка Б. А. Рыбакова, много занимавшегося проблемой возникновения былинного эпоса: «Б. А. Рыбаков в своей последней работе по эпосу... относит большинство былин к трем последним десятилетиям X века. Середину XII–XIII в. он рассматривает как время угасания былинного жанра» (с. 80). Что же касается датировки формирования эпоса, С. И. Дмитриева подводит итог так: «Связь... эпических традиций с ранними потоками новгородских переселенцев на нижнюю Двину (XI–XII вв.) дает основание отнести сложение основного ядра богатырского эпоса ко времени, предшествовавшему этому переселению» (с. 82), то есть времени до XI века.

Итак, начав проникновение в Поморье не позднее XI века, эпос будет сохраняться там до XX века, между тем как на основной территории Руси не позже чем с XII века идет процесс его «угасания».

Перейдем теперь к другой многое открывающей работе – исследованию Т. А. Бернштам «Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.» (Л., 1983); ей предшествовала выдвинувшая некоторые основные понятия книга того же автора «Поморья. Формирование группы и система хозяйства» (Л., 1978).

Ставя вопрос о корнях народной культуры Поморья, Т. А. Бернштам весьма существенно

¹⁰⁵ Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX – начала XX в. – М., 1975, с. 41. Книга опирается на целый ряд более ранних работ (В. Ф. Миллера, А. В. Маркова, Н. Е. Ончукова, С. Ф. Платонова, А. Н. Насонова, Р. С. Липец, М. В. Витова и др.), но поднимает отдельные наблюдения и выводы на уровень существенного обобщения.

корректирует концепцию С. И. Дмитриевой: «Отводя Новгороду безусловно значительное место, – пишет она, – мы тем не менее утверждаем, что начальный этап в освоении Севера – X–XI вв... можно уверенно называть и общерусским, поскольку в нем в качестве самостоятельных компонентов принимали участие жители Южной Руси – Киева и «Русской земли»,¹⁰⁶ собственно, и олицетворявшие общерусские интересы...».¹⁰⁷

Речь идет о том, что освоение Поморья первоначально шло вовсе не из Новгорода (возникшего, как отмечалось, сравнительно поздно), но из *Ладogi* – города в устье Волхова, который уже в IX веке стал северным форпостом Киева, его своего рода дальним «филиалом». Выше говорилось о Ладоге как древнейшем (возможно, с середины VIII века) городе Руси, в котором, в частности, Олег, придя в конце IX века из Киева, где он правил, воздвиг первую на Руси *каменную* крепость;¹⁰⁸ Новгород в это время еще не существовал, хотя уже имелось небольшое поселение на расположенном рядом с ним острове (оно получило впоследствии название «Рюриково городище»). Видимо именно в Ладоге (Невогороде) провел свои юные годы Святослав, и вообще с конца IX до последней четверти XI века Ладога принадлежала прямо и непосредственно Киеву, а не Новгороду.

Т. А. Бернштам обоснованно утверждает в своей книге, что наиболее древние из известных нам русские поселения в Поморье «отмечают пути не столько новгородского, сколько ладожского освоения Севера» (исследовательница ссылается здесь, в частности, на ряд первооткрывательских работ филолога В. Я. Дерягина).

Давно – уже со времен А. Н. Веселовского – доказано и общепризнанно, что основной массив русского героического эпоса сложился в южной, собственно Киевской Руси. Это можно подтвердить, в частности, типичной *пространственной* характеристикой действия, развертывающегося в героических былинах: богатыри совершают свои подвиги, как правило, в «чистом поле», простирающемся от Киева к «синему морю». Ясно, что дело идет именно и только о причерноморской степи, но необходимо осознать, что это не просто территориальная, но вместе с тем и *временная* характеристика, ибо русские постоянно ходили к Черному морю (оно даже звалось тогда «Русским») лишь в IX–X веках; в XI веке выход к морю связан почти исключительно только с Тмутараканью, где до начала XII века был центр дальнего русского княжества, а затем даже и само устремление к южному морю надолго, на два-три столетия, прекратилось... Поэтому движение через «чистое поле» к «синему морю» – это, если воспользоваться термином М. М. Бахтина, основной былинный *хронотоп*, выражающий единство не только места действия, но и определенного времени, определенного исторического периода.

Однако вернемся к проблеме былинного Поморья. С. И. Дмитриева, утвердив ряд очень важных положений о судьбе русского эпоса, напрасно связала его именно и только с Новгородом (в ее книге сказано, например, что «известную нам былинную традицию можно рассматривать как новгородскую интерпретацию русского эпоса» – с. 91). Не исключено, что и в Новгороде были в той или иной мере известны пришедшие с юга, из Киева, героические былины. Однако в Поморье былины проникали прежде всего из Ладоги, которая имела постоянную прямую связь с Киевом, откуда приходили дружинники и другие люди княжеского окружения, принося с собой былины. Из Новгорода проникли в Поморье главным образом уже собственно новгородские сказания о Василии Буслаеве и Садко (сложившиеся намного позднее киевских), а не героические южнорусские былины.

Т. А. Бернштам говорит, в частности, о том, что, даже попадая в Новгород, южнорусские былины «безусловно испытывали воздействие иного общественно-политического и

¹⁰⁶ Это понятие развернуто исследовано в ставшей уже классической книге: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. – М., 1951.

¹⁰⁷ Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. – Л., 1983, с. 6.

¹⁰⁸ См., напр., раздел «Укрепление Олега Вещего» в книге: Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. – Л., 1984, с. 28–42.

социально-культурного характера в оппозиционном Киеве Новгороде... Обособление Новгорода... тормозило развитие там ряда общерусских тенденций... вызвало появление специфически новгородских сюжетов и мотивов в общем пласте героических Преданий („Садко“, „Василий Буслаев“), возможно, за счет сокращения или изменения древнерусского героического репертуара» (с. 203, 204).

Необходимо подчеркнуть, что собственно новгородское овладение Поморьем (и его освоение) обозначило собой переход к совершенно новой эпохе истории Руси, которая именуется обычно эпохой «феодальной раздробленности». При Ярославе Мудром и некоторое время после его кончины (1054) известное единство Руси сохранялось, но затем достаточно быстро происходит обособление отдельных княжеств и земель, в том числе и Новгородской Земли. В частности, Ладога, которая, несмотря на свою тысячекилометровую отдаленность от Киева, была с ним нераздельно связана, не позднее 80-х годов XI века переходит в подчинение Новгорода, становится городом Новгородской земли.¹⁰⁹

И былины, пришедшие через Ладогу в Поморье, сохраняются там не как новгородский вклад в местную культуру, но как наследие уже не *существующей* единой Руси.

Любопытно, что С. И. Дмитриева в новой своей книге – «Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера» (1988) – по сути дела, в той или иной мере «пересматривает» свою концепцию *новгородского* происхождения поморского фонда былин. Характеризуя быт и прикладное искусство наиболее богатого былинами, занимающего в этом отношении, по ее словам, «первое место среди уездов России» (с. 56) района Поморья – Мезени (местность вдоль реки, текущей между Северной Двиной и Печорой), исследовательница показывает, что «линия... связей культуры русских Мезени отклоняется к югу, в Поднепровье» (с. 228); далее приводится ряд примеров близости или даже тождества мезенских обрядов с украинскими (то есть первоначально древнекиевскими).

И в прикладном искусстве Мезени выступает на первый план именно то, что, по словам С. И. Дмитриевой, «считается наиболее характерным для южнорусского населения» (с. 229). Так, именно «с южнорусскими областями связаны свастические (то есть в виде индоевропейской свастики. – В.К.) элементы орнамента, дожившие до наших дней в изделиях прикладного искусства Мезени – вязаных варежках, носках, тканых поясах и т. п.» (с. 230). Словом, ясно обнаруживается «направление культурных связей русского населения Мезени, объединяющих его с южнорусскими районами» (с. 229), причем исследовательница подчеркивает, что это «привлечение... древних элементов фольклора и изобразительного искусства позволяет вскрыть архаические пласты этнических связей, особенно важных и убедительных» (с. 231).

Но, конечно, все это вполне естественным будет отнести и к мезенским былинам, которые также пришли отнюдь не из Новгорода, а из Южной Руси через Ладогу. В последней своей книге С. Я. Дмитриева рассказывает об очень многозначительном наблюдении, сделанном ею в том же самом Мезенском районе. Раз в год здесь совершались своеобразные ритуальные хороводы – «круги», которые «обходили кругом всю деревню, обязательно по движению солнца». Осуществляя этот явно древнейший «солнечный» обряд (свастика ведь также символ солнца), «первыми шли девушки „высоких“, „коренных“ фамилий... „высота“ фамилии или „рода“ зависела не от богатства, а от древности рода. К высоким, древним родам относились потомки самых первых поселенцев... Удалось установить связь, – заключает С. И. Дмитриева, – между представителями „высоких“ фамилий и сказителями былин. Большинство последних, за редким исключением, принадлежали к потомкам „коренных“ фамилий... Среди них обязательно находились люди, в той или иной степени сохранившие память о самих былинах или слышавшие о былинах от своих предков» (с. 57, 58).

Речь идет, следовательно, о том, что в среде тех поселенцев Поморья, которых С. И. Дмитриева в первой своей книге называла «новгородцами», выделялись древнейшие («коренные», «высокие») роды, пришедшие на Север ранее основной массы населения. И

¹⁰⁹ См. об этом, напр.: Мачинский Д. А. Мачинская А. Д. Северная Русь. Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. – В кн.: Культура Русского Севера. Л., 1988, с. 56.

именно они принесли в Поморье былины. Здесь необходимо осознать, что в этом сообщении С. И. Дмитриевой сопоставляются не выходцы с запада (из Новгородской земли) и с юга (из Ростово-Суздальской Руси, которая к моменту переселения части ее жителей в Поморье уже утратила эпос); нет, оказывается, что и в самой среде переселенцев с запада имелись два различных пласта – древнейший, принесший с собой южнорусские былины, и более поздний, не обладавший этим наследием. Естественно понять это различие именно как различие наиболее ранних *ладожских* «первопроходцев» и приходивших в Поморье лишь с конца XI века *новгородских* переселенцев, которые не знали былин, – за исключением собственно новгородских, которые и сложились-то значительно позднее (былины о Садко и Василии Буслаеве). «Коренные», «высокие» роды – это, очевидно, те, которые пришли в самый ранний период из Киева через Ладогу, неся с собой основные былинные богатства.

Итак, в Поморье, на много столетий ставшем заповедным царством русского эпоса, былины пришли из Киева через Ладогу – древнейший северный город. Кстати сказать, движение русских людей из Ладоги в Поморье началось, как это хорошо известно, в самые древние времена.

До прихода туда русских Поморье населяли финские племена. И Т. А. Бернштам напоминает в своей не раз уже цитированной книге, что в Приладожье и Прионежье (то есть в тех местностях, по которым шло переселение русских к северо-востоку) «интенсивные славяно-финские языковые контакты восходят к VIII-X вв.» (с. 219), то есть к собственно «былинной» эпохе.

К этому можно добавить выводы С. И. Дмитриевой, которая, опираясь на скрупулезные исследования М. В. Витова,¹¹⁰ пишет, что основные «былинные» места Поморья «были заселены переселенцами с нижней Двины, а последняя составляла область Севера, с древнейших времен заселенную славянами... уже с XI–XII вв. здесь были славянские поселения, тогда как связи славян с этими землями завязались значительно раньше» (указ. соч., с. 51–52), то есть уже в VIII-X вв., о чем пишет и Т. А. Бернштам.

Итак, былины пришли в Поморье уже к XI веку и с тех пор хранились в памяти прежде всего тех «высоких», «коренных» поморских родов, о которых столь интересно говорится в новейшей книге С. И. Дмитриевой.

Может показаться даже и неправдоподобным такое долгое – почти тысячелетнее – сохранение эпической памяти в Поморье. Однако речь ведь идет, говоря точно, о – не меньше, но и не больше! – *тридцати* человеческих поколениях, а если учесть, что каждые три поколения (дед-отец-внук), как правило, непосредственно знают друг друга и, следовательно, составляют *единое*, нераздельное звено в исторической цепи, то «передача» памяти должна была совершиться через посредство всего лишь *десяти* таких звеньев («замыкающий» звено внук передавал память своему сыну, «открывающему» следующее тройственное звено).

Разумеется, эта устойчивая передача памяти опиралась на определенные подкрепляющие стимулы, которые имели уже не личный или семейно-родовой, а гораздо более широкий, в конечном счете народный характер. Существуют давние (еще с середины XIX века) и разнообразные попытки объяснения устойчивости бытия эпоса в Поморье; обзор этих объяснений см., например, в изданной в 1966 году и не раз уже упомянутой книге А. М. Астаховой «Былины. Итоги и проблемы изучения» (с. 227–231).

Все перечисленные там объяснения сохранности эпоса в Поморье имеют свое значение, но я полагаю, что *главную*, исходную причину определил еще А. Н. Веселовский, который усматривал суть дела именно в самом факте «занесения» эпоса, сложившегося в Южной Руси, в иной, северорусский мир: «...Занесенный эпос, – писал ученый, – легче объективируется, принимается как поэтическое данное... чем эпос, не „отрывающийся от почвы и питающийся живыми отголосками исторических событий, впервые вызвавших его к жизни“.¹¹¹

¹¹⁰ См. в частности: Битов М. В. Антропологические данные как источники по истории колонизации Русского Севера. – «История СССР», 1964, № 6.

¹¹¹ Веселовский А. Н. Русский эпос и новые его исследователи – Халанский и Дамберг. – «Вестник Европы», 1888, июль, с. 153.

Это очень веское и убедительное соображение: в Южной Руси эпос должен был бы жить на *той же самой* почве, которая его породила и которая, однако, продолжая непрерывно изменяться, снова и снова заставляла меняться и сам эпос и в конце концов преобразила его в нечто совсем иное (скажем, Бояновы песни). Уже давно известно, что некоторые былинные мотивы и образы сохранились в качестве элементов совершенно иного, фольклорного, точнее, обрядово-фольклорного, жанра – колядок. В этот сомкнутый в себе мир обряда историческая действительность не вторгалась так властно, как в эпос, и он тысячу лет сохранял древнейшие детали и черты. Исследователь, посвятивший данной проблеме ряд работ, пишет, в частности: «Украинские колядки, народные песни, относительно хорошо сохраняющие особенности древнерусского эпического стиля Киевской эпохи... свидетельствуют о том, что во многом близкие им по своей поэтике русские былины создавались в той же народной среде».¹¹²

Но, повторю, все новые и новые воздействия вроде бы той же самой, но непрерывно и решительно изменяющейся действительности Южной Руси, которая породила эпос, не дали ему возможности сохраниться здесь сколько-нибудь долго; между тем, оказавшись в *совсем ином* мире Поморья, эпос как бы законсервировался.

Здесь, впрочем, никак нельзя не учитывать и очень существенное положение, выдвинутое Т. А. Бернштам: «...Эпос получает *наивысшее развитие* (выделено мною. – В.К.) в этнических окраинах. Все былинные очаги находятся в районах, представляющих, как правило, одновременно естественную границу России». Это обусловлено следующим: «...если жителям... ставших центральными областей Русского государства не было нужды в архаичных „героических символах“ для поддержки Русского самосознания, то населению Севера... героические предания были необходимы для проявления этнического (национального) утверждения и самовыражения. Поэтому-то, нам кажется, здесь произошло... возрождение памяти о героическом прошлом, приведшее к настоящему взрыву эпической поэзии» (цит. соч., с. 206, 207).

Чтобы яснее это понять, необходимо иметь в виду, что эпос может сохраниться не только при наличии тех, кто его помнит и исполняет; не менее существенно и наличие слушателей, среды, то есть некой части *народа*, у которого есть настоятельная потребность в эпосе. Так было в Поморье; этим же объясняет Т. А. Бернштам и сохранение эпоса (хотя и не столь целостное и совершенное, как в северном «углу» Поморья) в других «окраинных» регионах – в Заволжье и Приуралье, в Сибири, в казачьих областях.

В связи с этим нужно вернуться и к обсуждавшемуся выше исследованию С. И. Дмитриевой «Географическое распространение русских былин». Дело в том, что книга эта была подвергнута существенной критике в работе Ю. А. Новикова, опубликованной в 1988 году. Не буду касаться отдельных критических суждений, подчас весьма основательных. Но Ю. А. Новиков оспаривает и наиболее весомый, по моему убеждению, вывод С. И. Дмитриевой о раннем «угасании» эпоса за пределами Поморья.

Выше уже не раз и с разных точек зрения рассматривался вопрос о том, что русский героический эпос, сложившись к XI веку, уже к XII веку начинает, так сказать, сходить со сцены, сохраняясь лишь в совершенно специфических условиях (в том же Поморье). Не исключено, что это утверждение может показаться неоправданным и даже странным: мощный и богатый мир поэтического слова вдруг теряет свое значение для потомков, вытесняется другими явлениями словесности.

Однако если вдуматься, это – типичная, почти всеобщая судьба древнего эпоса. Ведь в западноевропейских странах эпос, несмотря даже на то, что он был очень рано (в IX–XIII веках) зафиксирован письменно, точно так же сходит со сцены и вообще полностью «забывается». Его вспоминают заново, по сути дела «открывают», гораздо позднее – через полтысячелетия и более – в XVIII или даже XIX веке; именно тогда его начинают публиковать и изучать, и,

¹¹² Плисецкий М. М. Героико-эпический стиль в восточнославянских колядках. – В кн.: Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982, с. 206; см. также более раннюю работу: Гацак В. М. Эпос и героические колядки. – В кн.: Специфика фольклорных жанров. М., 1973, с. 7–51.

наконец, создавать на его основе различные новые произведения – скажем, роман Жозефа Бедье «Тристан и Изольда» или героико-эпические оперы Рихарда Вагнера.

В высшей степени примечательно, что западноевропейский эпос дольше всего сохраняет живую жизнь в «отрезанной» от европейского континента Исландии, которая по-своему сравнима, сопоставима с русским Поморьем; закономерно, что Поморье давно стали называть «Исландией русского эпоса».

Словом, тем людям, которым кажется неправдоподобным столь раннее (по-видимому, уже к XII веку) «угасание» русского эпоса, следует осознать, что неправдоподобной – на фоне общей судьбы эпоса – явилась бы как раз его длительная и активная жизнь в условиях быстро и решительно изменявшегося исторического бытия основной территории Руси XI века и позднее. Достаточно напомнить то, о чем подробно говорилось: до Ярослава Русь постоянно выходила за свои пределы, что и запечатлено со всей очевидностью в эпосе, а после Ярослава она как бы замкнулась во внутреннем бытии – вплоть до жизни отдельных княжеств. И постоянные дальние походы былинных героев оказались чем-то «чуждым» новому образу жизни.

И Ю. А. Новиков, возражая против одного из главных и наиболее ценных положений книги С. И. Дмитриевой (о том, что на основной территории Руси, за исключением «окраин», эпос перестает существовать уже весьма рано), в сущности, не приводит – да не может привести – действительно основательных аргументов в пользу иного понимания судьбы эпоса.

С. И. Дмитриева достаточно убедительно показала, что «былинные очаги», сохранившиеся, например, в отдельных районах Сибири, были занесены туда именно и только переселенцами из Поморья, или, как она определяет, «новгородцами» (о неточности этого определения подробно говорилось выше).

Но рассмотрим все же доводы Ю. А. Новикова. Он настаивает на том, что эпос существовал в тех или иных регионах за пределами Поморья значительно дольше, чем считает С. И. Дмитриева: «Одним из самых неубедительных в книге (Дмитриевой. – В.К.) является раздел, посвященный эпическим традициям (или их остаткам), обнаруженным за пределами Олонецкой и Архангельской губерний... автор неоднократно и довольно категорично говорит об отсутствии в XIV–XV вв. (собственно, речь идет у С. И. Дмитриевой даже о более ранней временной границе – XII–XIII вв. – В.К.) былинной традиции в Ростово-Суздальской и Московской землях, в центральных и южных областях России, на Украине и в Белоруссии... «Что касается былин, записанных в Приуралье, отчасти в Поволжье и на Дону, – цитирует Ю. А. Новиков книгу С. И. Дмитриевой, – то, как заметили многие исследователи, это остатки главным образом слабых эпических традиций в районах, куда также распространился поток переселенцев из северных губерний». Это явная натяжка, – возражает Ю. А. Новиков и не без едкости резюмирует: – О слабости былинной традиции в этих краях действительно писали многие, но, насколько нам известно, никто не считал донских казаков потомками новгородцев» (или, скажу уже от себя, поморов. – В.К.).¹¹³

Последнее возражение звучит внушительно, ибо донские казаки в самом деле сохранили – пусть и далеко не с такой полнотой, как поморы, – былинный эпос, а ведь нет ровно никаких оснований полагать, что они получили былинную традицию от поморов. Из этого, в свою очередь, неизбежно следует, что к моменту образования казачества (почему оно, как и поморы, хранило эпос, ясно показано в цитированных выше суждениях Т. А. Бернштам об особенностях сознания на «окраинах») былины еще жили на Руси – по крайней мере, в тех ее частях, откуда явилось казачество. В результате возникает естественное сомнение в том, что былинный эпос «угас» на Руси (за исключением Поморья) уже в очень раннюю эпоху. Ибо общепринято представление, согласно которому казачество начало формироваться лишь в XV или даже в начале XVI века. И как бы приходится признать, что еще в XV веке на Руси широко звучали сказания об Илье Муромце и других богатырях, которые и унесли с собой в свои «вольные края» казаки.

Однако недавно вышла книга, каковую, как и некоторые названные выше, с полным

¹¹³ Новиков Ю. А. Точку ставить рано... О концепции новгородского происхождения русской былинной традиции. – В кн.: Фольклор. Проблемы историзма. Отв. ред. В. М. Гацак, М., 1988, с. 34, 35.

правом можно считать настоящим научным открытием. Это изданная, увы, микроскопическим тиражом работа А. А. Шенникова «Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XI^V-XVI вв.» (Л., 1987).

В книге тщательно изучены судьбы во многом «загадочной» земли и ее населения, связанных с наименованием «Червлёный Яр». Речь идет об издавна заселенном выходцами из основной Руси пространстве между реками Воронежем и Хопром, а если мерить с севера на юг – от реки Цны до нынешней станицы Вешенской на среднем Дону (ныне это пространство входит своими отдельными частями в Липецкую, Тамбовскую, Воронежскую, Волгоградскую и Ростовскую области). Давно установлено, что восточнославянские – главным образом северянские – поселения имелись здесь еще в VIII–IX веках (затем русские вынуждены были уйти отсюда из-за различных опасностей, связанных с военной практикой Хазарского каганата – о чем ниже), но гораздо менее известно, что никак не позже XII века (а вернее, даже еще ранее – вскоре после гибели Хазарского каганата, в конце X века) сюда снова явились русские переселенцы. Они оказались вне власти какого-либо княжества, и именно здесь, на этой мало ведомой окраине тогдашней Руси, как аргументировано доказывает в своей книге А. А. Шенников, начало складываться казачество.

В дальнейшем мы еще будем касаться судьбы этой давней окраины Руси, но сейчас важно утвердить одно: будущие казаки, очевидно, принесли сюда эпос не в XV–XVI веках, а *не позднее* XII века (то есть, возможно, и в XI веке), когда его жизнь действительно еще продолжалась на Руси (кстати сказать, само слово «казак» широко употребляется в письменности уже с XV века; в устный язык оно вошло, без сомнения, намного раньше). И в Червленом Яре, естественно, была та настоятельная потребность «окраинного» населения в сохранении эпоса как основы национального самосознания, о которой справедливо говорит в своей книге Т. А. Бернштам. Словом, и время, и самый характер бытования эпоса в казачьей среде соответствуют тому, что имело место далеко на севере, в Поморье. Но поскольку историческая судьба казачества была, так сказать, более бурной, чем у поморов, эпос сохранился в его среде значительно хуже.

Концепция С. И. Дмитриевой, согласно которой былины уже в ранний период продолжали жить только в Поморье, подверглась критике еще и в недавней статье Т. Г. Ивановой «Былинная традиция на реке Ваге».¹¹⁴ Речь здесь идет о том, что в 1840-х годах топограф Алексей Харитонов записал несколько былин в Шенкурском уезде Архангельской губернии, где жили в основном переселенцы не из Ладоги, а из Ростовской (или, иначе, «низовской») Руси; это вроде бы ставит под сомнение выводы С. И. Дмитриевой. Но едва ли можно считать критику Т. Г. Ивановой основательной. Во-первых, нет точных сведений о том, где странствующий по условиям своей профессии топограф записал былины, и поскольку Шенкурский уезд в северной своей части близок к пределам онежских и пинежских земель, возможно происхождение собранных А. Харитоновым текстов из этих основных былинных районов. Но дело не только в этом. Сама Т. Г. Иванова пишет: «...уже в первой трети XII столетия на Ваге... существовали новгородские (первоначально – ладожские. – В.К.) погосты. Однако новгородский колонизационный поток вскоре здесь был перекрыт низовской колонизацией» (с. 117). Это суждение никак не исключает возможности наличия на Ваге потомков пусть даже немногих самых ранних переселенцев из Ладоги, в среде которых и сохранились былины; очень характерно, что былины имелись здесь в самом малом количестве, а после 1840-х годов вообще, по сути, исчезли. Словом, полемика Т. Г. Ивановой никак не колеблет концепцию С. И. Дмитриевой.

Прежде чем идти дальше, целесообразно осмыслить одно вероятное сомнение. В своем месте говорилось о том, что былинный эпос очень рано сменяется на основной территории Руси другими жанрами – скажем, «княжескими славами» песнотворца второй половины XI века Бояна. И может смутить очевидное противоречие: в целом былины столь быстро сходят со сцены, а в Поморье они исполняются в течение долгих веков.

Однако ничего парадоксального в этом резком различии нет. Здесь уместно сопоставить

¹¹⁴ «Русская литература», 1991, № 2, с. 111–119.

судьбы современной «текущей» литературы, публикуемой, допустим, в ежемесячных журналах, и, с другой стороны, старинных книг, бережно и даже, так сказать, ритуально хранимых в основном библиотечном фонде. В наше время «волна» текущей литературы как бы полностью сменяется иной «волной» всего лет за десять – пятнадцать. Но это, в сущности, никак не влияет на статус основного фонда библиотек. Одно дело – повседневная жизнь литературы, и совсем иное – бытие «священного» наследия классики.

А былины в Поморье воспринимались именно как нечто священное, ниспосланное свыше, а не создаваемое реальными людьми. Об этом пишет, например, в своей книге Т. А. Бернштам: «Отношение к былине (старине) как божественному дару выражалось в том факте, что еще в XIX в. во многих северных районах исполнение былин происходило только в праздничные (т. е. „святые“) дни» (с. 206).

Словом, «обычное» развитие искусства слова и, с другой стороны, хранение былин в Поморье (и иных местах) – это принципиально разные феномены, которые нельзя мерить одной мерой.

Утверждение о поистине удивительной сохранности былин в Северной Руси отнюдь не является умозрительной гипотезой. Ведь в течение почти столетия, начиная с 1860 года, производились, например, записи былин (кстати сказать, с большими временными перерывами) от одной прионежской – «рябининской» – династии сказителей. Ее родоначальник Трофим Рябинин родился еще двести лет назад, в 1791 году, а последний ее представитель – Петр Рябинин-Андреев скончался в 1953 году, и тем не менее, как свидетельствовала А. М. Астахова, «редакции Трофима Рябинина донесены до нашего времени без существенных переработок, и те изменения, которые вносит его потомок, выражаются по преимуществу в перестановках эпизодов и стихов, словесных перефразировках и т. п. и не дают принципиальных различий...».¹¹⁵

А. В. Марков писал в начале XX века о знаменитой сказительнице: «А. М. Крюкова прямо говорила, что проклят будет тот, кто позволит себе прибавить или убавить что-нибудь в содержании старин».¹¹⁶ Этот «императив» явно был присущ и творческому сознанию династии Рябининых. Кстати сказать, Трофим Рябинин «понял»¹¹⁷ (по его выражению) былины от высокочтимых им его старшего друга Ильи Елустафьева, родившегося еще в 40-х годах XVIII века, и от своего также уже пожилого дяди по материнской линии Игнатия Андреева. И едва ли он «прибавлял» или «убавлял» что-либо к услышанному.

Таким образом, с конца XVIII до середины XX века (пять поколений!) основное в былинах могло, оказывается, сохраниться в почти неизменном виде. И трудно спорить с тем, что в *предшествующие* столетия возможность сохранения изначального, уходящего корнями в доярославову эпоху былинного фонда была не менее, или, скорее, даже более надежной. Поэтому мы имеем все основания рассматривать дошедшие до нас былины как древнейшее, изначальное наследие русского искусства слова.

Итак, мы с разных точек зрения и в целом ряде аспектов рассмотрели проблему, которая наиболее просто и кратко определяется как «датировка» создания русского героического эпоса. Не исключено, что проблема эта может показаться кому-либо не настолько существенной и многозначщей, дабы тратить на ее обсуждение столько усилий и книжного текста. Но это далеко не так. Речь ведь идет и об установлении реального начала высокого развития русского искусства слова как важнейшей составной части отечественной культуры и – одновременно – о начальной стадии самой Истории Руси (ибо истинная история – о чем в своем месте шла речь – есть единство развития государственности и культуры). То есть, не решив эту проблему, мы не сможем основательно мыслить обо всей литературе Руси и даже об ее истории.

¹¹⁵ Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева – Петрозаводск, 1948, с. 23.

¹¹⁶ Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901, с. 13.

¹¹⁷ То есть взял.

Наибольшее внимание было уделено судьбе героического эпоса в Поморье, где он сохранился с исключительной полнотой и верностью. И, как представляется, выше были приведены достаточно весомые доказательства в пользу того, что героический эпос пришел в Поморье с наиболее ранними переселенцами, которые двинулись туда из нераздельно связанной с IX до конца XI века с Южной Русью, с Киевом, – Ладоги. Это призвано (помимо ряда иных соображений) подтвердить, что русский героический эпос сложился (как и утверждает целый ряд его современных – и притом самых разных – исследователей) уже к XI веку. При этом (что не раз подчеркивалось) речь идет не о тех или иных *отдельных* былинах и тем более каких-либо их элементах, которые могли возникнуть позже и даже гораздо позже, но о героическом эпосе как жанре, как целостном феномене искусства слова и культуры вообще.

И последнее – но первое по важности. Доказать, что русский эпос был в целом создан к началу XI века, – значит осознать его как монументальный исторический «источник», запечатлевший эпоху IX–X веков, которая отражена в созданных позднее летописях и скудно, и обрывочно. Нет сомнения, что образы эпоса никак нельзя ставить в один ряд со сведениями исторических хроник. Но эти грандиозные образы воссоздают размах той борьбы, тех испытаний, которые выпали на долю Руси в героические века ее юности, в период становления ее государственности.

Видный современный историк Древней Руси А. Н. Сахаров писал недавно об известном сообщении из «Повести временных лет»:

«Под 965 годом следует запись: «Иде Святославъ на козары». За этой лаконичной и бесстрастной фразой стоит целая эпоха освобождения восточнославянских земель из-под ига хазар, превращения конфедерации восточнославянских племен в единое Древнерусское государство... Хазария традиционно была врагом в этом становлении Руси, врагом постоянным, упорным, жестоким и коварным... Повсюду, где только можно было, Хазария противодействовала Руси... Сто с лишним лет (точнее – почти полтора века, так как наиболее вероятная дата вторжения хазар в Киев – около 825 года. – В.К.) шаг за шагом отодвигала Русь Хазарский каганат в сторону от своих судеб».¹¹⁸

Но именно эта борьба – о чем самым подробным образом будет сказано далее – и запечатлена прежде всего в монументальном художественном мире русского героического эпоса. Может показаться неоправданным, что объединяющим этот эпос героем является Владимир, а не Святослав, нанесший, по сути дела, смертельный удар Хазарскому каганату; но, во-первых, Владимиру, как известно из ряда вполне достоверных источников, пришлось все же предпринять еще один, последний поход на Каганат, а во-вторых, именно при нем Русь достигла того могущества, которое исключало самую возможность ее поражения в борьбе с какой-либо силой тогдашнего мира (только через два с половиной века такая сила явилась в лице Монгольской империи). Арабские источники свидетельствуют о «русах» конца X – начала XI века: «...У них независимый царь, и называется их царь Буладмир (Владимир. – В.К.)... Они – люди сильнейшие и очень могучие; они отправляются пешими в далекие страны для набега, плавают также на судах по Хазарскому (Каспийскому. – В.К.) морю... и плавают к Константинополю по Понтийскому (Черному. – В.К.) морю... Их храбрость и мужество известны, ибо один из них равен некоторому числу людей из другого народа...».¹¹⁹

Это «описание», в сущности, совпадает с миром былинного эпоса, где, в частности, немало говорится о морских походах. Но к миру эпоса мы еще вернемся.

Вполне вероятно, что предшествующие страницы моего сочинения были восприняты читателями (хотя бы некоторыми) как чрезмерно «перегруженные» – перегруженные ссылками на различные работы историков, этнографов, фольклористов и т. д., выяснением идущих в их среде дискуссий, сопоставлением подчас далеко не совпадающих друг с другом концепций и т. п. Но необходимо понять, что каждый человек, стремящийся действительно знать и осмыслить отечественную историю, никак не может обойтись без такого ознакомления с

¹¹⁸ Сахаров А. Н. «Мы от рода русского...». Рождение русской дипломатии. Л., 1986, с. 263.

¹¹⁹ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. II. М., 1967, с. 146–147.

современной ситуацией в исторической и смежных с ней науках.

Уже из того, о чем было рассказано, явствует, что созданные в давние времена прославленные труды по истории России во многих отношениях «устарели», ибо наше знание прошедших эпох не стоит на месте, а непрерывно расширяется и углубляется. А между тем для не являющегося специалистом человека новые сведения и открытия, обретенные исторической наукой, в сущности, недоступны, ибо они (пока они еще не обобщены в обращенных к широкому читательскому кругу книг), «разбросаны» в очень многочисленных посвященных отдельным и подчас очень узким сторонам и периодам отечественной истории работах, изданных к тому же, как правило, весьма небольшими или даже микроскопическими тиражами (несколько тысяч либо – сейчас это бывает сплошь и рядом! – всего несколько сот экземпляров). Кроме того, прийти к обоснованным выводам возможно лишь в ходе сопоставления и, так сказать, синтеза этих отдельных работ – чем во многих случаях и занят автор данного сочинения.

Итак, чтобы обрести знание отечественной истории (и в том числе истории русского Слова), соответствующее «последнему слову современной науки», необходимо примириться с тем далеко не всегда «легким» способом изложения, которое я предлагаю читателям. Как я убежден, конечный результат при этом будет достаточно весомым и плодотворным.

Говоря о происхождении русского эпоса, нельзя не коснуться чрезвычайно существенной проблемы соотношения эпоса и христианства. В послереволюционное время усиленно насаждалось представление, согласно которому русские былины – это выражение-де чисто языческого бытия и сознания. Между тем в действительности былины, – хотя в них, конечно же, присутствует мощный пласт древнейшего, дохристианского мировосприятия, – все же так или иначе проникнуты и духовным, и «фактическим», предметным (образы церкви, ее ритуалов и т. д.) содержанием христианства. Это проступает даже в считающихся наиболее архаичными и потому, так сказать, чисто языческих былинах – например, в записанной еще в середине XVIII века былине о Волхе Всеславьевиче, где герой отправляется в поход на «Индийского царя» потому, что царь этот

*...хвалится-похваляется,
Хочет Киев-град за щитом весь взять,
А Божьи церкви на дым спустить.*

В опять-таки одной из наиболее архаических былин – о битве Ильи Муромца с «нахвальщиком» (запись 1840-х годов) – герой восклицает:

*Написано было у святых отцев,
Удумано было у апостолов:
«Не бывать Илье в чистом поле убитому...»*

Но дело не только в подобных прямых обращениях к христианским понятиям. Когда, например, в записанной полтора века назад былине о «первой поездке» Ильи Муромца его родители, прощаясь с сыном, избравшим богатырский удел, говорят ему:

*Поедешь ты путем и дорогою,
Не помысли злом и на татарина, –*

в этом, без сомнения, выражается именно православная заповедь.

Однако, настаивая на христианском содержании былин, я вроде бы подвергаю сомнению свою предшествующую систему доказательств раннего (до эпохи Ярослава) происхождения русского эпоса, ибо Крещение Руси свершилось в самом конце X века, и едва ли вероятно, что былины за столь краткий срок могли вобрать в себя дух и «предметность» христианства. На деле же определенная часть населения Руси, – притом именно Южной, собственно Киевской Руси, где и был создан героический эпос, – начала приобщаться христианству гораздо раньше, еще в 860-х годах, то есть за сто двадцать лет до официального, государственного Крещения!

Достаточно полный свод материалов об этом собран в недавно изданном исследовании историка О. М. Рапова «Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства» (М., 1988). Стоит отметить, что в этом обширном (23 авт. листа) труде *половина* объема отведена истории христианства на Руси еще до ее официального Крещения, хотя, казалось бы, полуторавековой период после Крещения (с конца X до второй трети XII века) должен был занять в книге значительно большее место. Отмечу сразу же, что некоторые уточнения выводов О. М. Рапова даны в позднейшей работе преподавателя Московской духовной академии иеромонаха Никона (Лысенко).¹²⁰

Но обратимся к книге О. М. Рапова. Он, в частности, приводит почти забытое, но всецело достоверное византийское свидетельство о том, что уже при императоре Льве VI Мудром, правившем с 886 по 912 год, на Руси существовала христианская *митрополия*, подчиненная Константинопольскому патриархату (указ. соч., с. 123).

В свете этого столь же достоверным представляется и сообщение Иоакимовской летописи (о ней уже шла речь выше), которое цитирует О. М. Рапов: «Блаженный же Оскольд предан киевляны и убиен бысть, и погребен на горе, иде стояла церковь святого Николая, но Святослав разруши ее»... В «Повести временных лет», – продолжает исследователь, – о том же событии сообщается так: «В лето 6390 (882)... И убиша Асколда... и несоша на гору, и погребоша на горе... иде ныне Ольмин двор, на той могиле поставил Ольма церковь святого Николу...»

«Сопоставив отрывки, – подводит итог О. М. Рапов – мы заметим, что автору первого ничего не известно о восстановлении церкви св. Николая, разрушенной Святославом, в то время как автор „Повести временных лет“ прямо указывает, что церковь св. Николая построена вновь его современником Олмой (т. е. где-то на грани XI и XII вв.)... Следовательно, первый текст более древний... Аскольд был похоронен возле церкви... Из этого факта можно сделать вывод, что он был христианином. Спустя два с лишним столетия знатный киевлянин Олма... построил новую церковь св. Николая... над могилой Аскольда... возможно... что церковь, созданная Олмой, представляла собой храм-памятник погибшему князю-христианину» (указ. соч., с., 119).

О том, что князь Руси – а это был, очевидно, Аскольд – крестился в 860-х годах вместе со своими подданными, рассказывает в одном из своих сочинений позднейший византийский император Константин VII, правивший (правда, до 945 года только номинально) с 913 по 959 год (с. 91).

Особенно важно выделить здесь сообщение о том, что в Киеве к 882 году – то есть за сто с лишним лет до официального Крещения – уже имелась церковь и, кстати сказать, во имя как раз того святого, который стал любимейшим на Руси, – Николая Чудотворца.

О. М. Рапов, естественно, приводит и широко известное место из обращенного к церковным иерархам «Окружного послания» Константинопольского патриарха (в 858–867 и 877–886 годах) Фотия, написанного в начале 867 года о «русах»: они «переменили ... нечестивое учение, которого держались раньше (т. е. язычество. – В.К.), на чистую и неподдельную христианскую веру и любовно поставили себя в ряду наших подданных (имеется в виду подчиненность русской церкви византийской. – В.К.) и друзей, вместо недавнего грабительства (речь идет о нападении Аскольда на Константинополь в 860 году. – В.К.)... они приняли епископа и пастыря и с великим усердием и ревностью приемлют христианские верования». Патриарху не было никакого смысла обманывать церковных иерархов... Поэтому известию Фотия безусловно можно доверять» (с. 79–80), – заключает О. М. Рапов, который здесь же доказывает, что описанное Фотием первое Крещение Руси произошло «летом или ранней осенью 866 г.» (с. 88).

Иеромонах Никон, опираясь на рассуждения митрополита Макария (Булгакова), датирует это первое Крещение Руси временем, когда в Византии *совместно* правили императоры Михаил III и начавший новую династию Василий I Македонянин, то есть от 26 мая 866 до 23 сентября 867 года (см. его указ. соч., с. 44). Поэтому впоследствии Константин Багрянородный утверждал, что Русь была крещена при его деде Василии I (а не при Михаиле III) и даже будто

¹²⁰ Иеромонах Никон. Начало христианства на Руси. – «Вопросы истории», 1989, № 6, с. 36–54.

бы не Фотием, а сменившим его 25 сентября 867 года патриархом Игнатием (последний, возможно, отправил на Русь новую христианскую миссию).

Во избежание недоразумений отмечу, что в содержательном сочинении иеромонаха Никона есть одна явно неубедительная концепция, восходящая к историкам XIX века Д. И. Иловайскому и Е. Е. Голубинскому. Иеромонах Никон утверждает, что в 860-х годах были крещены не киевские, а «таманские» русы, жившие в дельте Кубани, которые, мол, и напали в 860 году на Константинополь. Но с этим никак невозможно согласиться, ибо непосредственный *свидетель* и даже *участник* «обороны» Константинополя патриарх Фотий говорил о нападавших: «Откуда нашла на нас эта северная и страшная гроза?.. Народ вышел из страны северной... племена поднялись от краев земли... народ, где-то далеко от нас живущий...».¹²¹ Про таманских русов патриарх никак не мог говорить подобным образом, ибо Таманский полуостров отстоял от границы тогдашних владений Византии в Крыму (в 833 году там был, между прочим, создан административный военный округ Империи – Херсонская фема, включавшая в себя Южное побережье Крыма¹²²) всего лишь на сотню километров.

Византист М. В. Левченко со всей убедительностью писал: «Решительный удар предположению о том, что на Византию напала азово-черноморская (то есть именно Таманская – В.К.) русь, наносит и патриарх Фотий, который говорит, что «напавшие на нас отделены столькими странами и народоправствами, судоходными реками...»¹²³ и т. д.

Наконец, младший современник Фотия, император Лев VI Мудрый писал в своей «Тактике» о россах, названных им «северными скифами (Фотий также называет россов «скифским народом». – В.К.), которые приходят в Черное море по рекам и потому не могут использовать больших судов» (цит. по книге: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968, с. 314). Вполне понятно, что речь идет не о таманской – то есть *приморской* Руси.

Довольно широко распространена точка зрения, согласно которой Русь крестили ближайшие ученики и друзья патриарха Фотия святые Кирилл и Мефодий сразу же после похода Аскольда, во время своей так называемой «хазарской миссии» 860–861 года (о ней еще будет речь).

Итак, не позже 867 года на Руси уже существовала христианская община, возглавляемая епископом, а в храме, – по всей вероятности, киевском храме св. Николая, – служил пастырь (см. цитату из Фотия). А во времена императора Льва VI (886–912) епископство, по-видимому, расширилось и превратилось в митрополию Руси. Имеются также сведения и о «промежуточной» ступени – установлении на Руси архиепископства при императоре Василии I, правившем до 886 года (указ. соч., с. 96).

О. М. Рапов опирается и на целый ряд археологических работ последних десятилетий, показавших, что весьма значительное число киевлян *уже* в IX веке было погребено по христианскому обряду: «Основная часть славянского населения... хоронила своих покойников путем кремации. Кремация существовала и в Киеве в IX-X вв. Но в то же самое время там была широко распространена... ингумация покойников в деревянных гробах в подкурганных ямах – типичный христианский обычай, сохранившийся на протяжении многих веков». Это ясно свидетельствует о «широком распространении христианства в Киевской земле уже в IX в.» (с. 99). В X же веке, по археологическим данным, в Киевской земле «наличие христианских погребений подтверждается и находками крестов... В больших городах в это же время существовали чисто христианские кладбища».¹²⁴

¹²¹ Две беседы святейшего патриарха Константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь. – «Христианское чтение», 1882, сентябрь-октябрь, с. 419, 421, 430.

¹²² Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989, с. 282.

¹²³ Левченко М. В. Очерки из истории русско-византийских отношений – М., 1956, с. 62.

¹²⁴ Русанова И. П. Курганы полян X–XII вв. – М., 1966, с. 26.

Таким образом, христианство начало свою историю на Руси еще в IX веке. Правда, история эта была сложной и подчас драматической. Выше уже приводилось летописное сообщение о том, что Святослав разрушил построенную столетием ранее, еще при Аскольде, церковь святого Николая. Но есть веские основания полагать, что христианство на Руси ослабло и после кончины Олега Вещего: при нем, как уже сказано, была утверждена русская митрополия, а позднее – вплоть до конца X века – о ней нет никаких упоминаний.

О. М. Рапов пишет о Новгородской и Псковской землях, что «археологические материалы по этому региону не дают возможности сделать заключение о каком-либо распространении христианства здесь в IX столетии» – да и в X веке также (указ. соч., с. 123). Ведь в высшей степени характерно, что крещение в Новгороде в 989 году происходило совершенно не так, как в Киеве. О. М. Рапов приводит сообщение Иоакимовской летописи: «В Новеграде людие, уведавшие еже Добрыня (воевода, присланный Владимиром Святославичем – *В.К.*), идет крестити я (их. – *В.К.*)... заляшася вси не пустити во град... разметавше мост великий, изыдоша с оружием» и т. д. Затем Добрыня, дабы утратить население, повелел жечь город, откуда и пошло выражение, что Новгород «крести... Добрыня огнем».

Достоверность этого известия (как и многих других, содержащихся в Иоакимовской летописи) подвергалась сомнению, однако крупнейший археолог В. Л. Янин, посвятивший раскопкам новгородских древностей несколько десятилетий, обнаружил несомненные следы громадного пожара, происшедшего именно в 989 году и именно в тех районах города, которые указаны в Иоакимовской летописи (Софийская сторона и Людин конец).¹²⁵

Так проходило Крещение в Новгороде, но нет никаких сведений о сопротивлении ему в Киеве, где христианство имело уже более чем столетнюю историю, – правда, историю, не лишенную борьбы и острых противоречий.

Как уже говорилось, Аскольд вместе с определенной частью киевлян принял христианство не позже 867 года. Но сменивший его князь Олег и его ближайшее окружение были и, очевидно, остались верны русским языческим богам. Это ясно из текста договора Олега с Византией, который заключен «на укрепление и на удостоверение многолетней дружбы, существовавшей между русскими и христианами», то есть византийцами (это четкое разграничение, в котором слово «христиане» означает именно и только византийцев, проходит через весь договор». Согласно летописи, Олег «вопрошал» о своей смерти «волхвов и кудесников», а вовсе не священников.

Однако есть основания полагать, что христианство в начале правления Олега все же продолжало развиваться. Как уже говорилось, именно при Олеге христианское епископство на Руси переросло в митрополию. И многие из русских, посещавших тогда Константинополь, по-видимому, были или становились христианами. Согласно летописи, императоры Лев, а затем Александр дали следующее распоряжение о людях Руси в Константинополе: «Прибывающие сюда русские пусть обитают у церкви святого Маманта». Надо полагать, что речь шла о не раз приезжавших в Константинополь и так или иначе причастных христианству людях. Ведь здесь же сообщается, что император Лев, приняв послов Олега, «приставил к ним своих мужей показать им церковную Красоту... уча их вере своей и показывая им истинную веру».

Распространение христианства на Руси уже в IX веке подтверждено «независимым» – арабским (точнее, персидским; но Иран тогда был в составе Арабского халифата) – источником. Это «Книга путей и стран» выдающегося географа Ибн Хордадбега, который служил начальником почтового ведомства в Джибале – северо-западной провинции Ирана, расположенной около Закавказья, и поэтому был хорошо осведомлен о положении в Восточной Европе. В его книге, написанной, вероятнее всего, еще в 880-х годах, сказано:

«Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных окраин страны славян к Румийскому (Черному) морю... Если они отправляются по Танису (Дону) – реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар (Итиля)... Затем они отправляются по морю

¹²⁵ См. Янин В. Л. Летописные источники о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи). – В кн.: Русский город. Исследования и материалы. Вып. 7, М., 1984, с. 49–55.

Джурджан (Каспию) и высаживаются на любом берегу... Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада... Они утверждают, что они христиане...».¹²⁶

Точное описание путей русских купцов (начиная с того, что названные товары приходят именно из «отдаленных окраин» – то есть из Северной Руси) побуждает не усомниться и в верности определения их религиозной принадлежности. Таким образом, купцы Руси, торговавшие с Византией, а также с городами Кавказа и Арабского халифата, уже к 880-м годам были христианами. Но, конечно, христианство распространялось тогда на Руси не в одной только купеческой среде. Поэтому нет ничего неправдоподобного в византийских сведениях (относящихся ко времени после 880 года) о существовании митрополии Руси.

Правда, позднее, – по-видимому, в 930-х годах – христианство на Руси претерпело подавление (об этом еще будет речь), и русская митрополия прекратила свое существование и была возобновлена лишь после Крещения при Владимире.

Имеем мы и свидетельства о том, что при Игоре на Руси было немало христиан. Если в договоре Олега с Византией «христианами» названы именно и только византийцы, то в позднейшем договоре Игоря русские неоднократно и последовательно делятся на два «разряда»: «те из них, которые приняли Крещение», и «те из них, которые не крещены», поклоняются Перуну; «пусть клянутся наши русские христиане по их вере, а нехристиане по закону своему» и т. д.

И под 943 годом (хотя описываемые события относятся, скорее, к 944 году) в летописи сказано, что Игорь «пришел на холм, где стоял Перун... и присягали Игорь и люди его – сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи... это была соборная церковь, так как много было христиан...». Из этого ясно, в частности, что к тому времени в Киеве было уже несколько христианских храмов, ибо один из них был главный, соборный. С другой стороны, очевидно, что христиане были представлены в высшем слое киевлян, в окружении князя, которое непосредственно участвовало в договоре с Византией.

Следовательно, христианское содержание вполне могло проникнуть в русский эпос уже в первой половине X века, а не только после официального Крещения Руси. Не приходится уже говорить о времени правления (или, точнее, регентства) Ольги, принявшей христианство (о чем – ниже).

Правда, в последние годы правления выросшего на языческом Севере Святослава были гонения на русских христиан. Речь идет именно о самом конце его княжения (ранее он, согласно летописи, «если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем»). В труде О. М. Рапова это совершенно основательно объяснено: когда Святослав, приглашенный в 967 году на помощь византийцам, в конце концов (в 970-м) оказался в состоянии войны с ними, русские христиане начали так или иначе противостоять ему, поскольку Византия в их глазах была высшим воплощением христианства.

Как пишет О. М. Рапов, «русы-христиане, заинтересованные в упрочении русско-византийских отношений... приняли участие в походе Святослава». Но возникший позднее конфликт между Святославом и Византией «не мог быть одобрен русами-христианами, входившими в состав его войска... Святослав, придя к выводу, что русы-христиане, находящиеся в его войске, по существу, являются союзниками византийцев, тайной агентурой империи, решил с ними расправиться. Он задумал уничтожить также и главные рассадники христианства на Руси – храмы... некоторые из них, в том числе и церковь св. Николая... были разрушены... Археологические раскопки в Киеве показали, что языческое святилище, возведенное князем Владимиром в конце 70-х – начале 80-х годов X в., было поставлено на месте христианского храма, остатки которого – камни и обломки штукатурки с фресковой живописью, – были найдены под фундаментом святилища» (указ. соч., с. 190, 191, 192).

Вместе с тем О. М. Рапов напоминает, что Святослав, посланцы которого разрушали храмы «изменников»-христиан в Киеве, сам туда уже не возвратился, погибнув в 972 году от руки печенегов, и не смог «искоренить христианство в Киевской земле» (с. 192). А сын его

¹²⁶ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку, 1986, с. 124.

Владимир, начав свой путь по языческим заветам отца, позднее крестился и крестил Русь. Тогда же, в конце X – начале XI в. завершилось формирование русского эпоса, в котором совершенно внятно христианское содержание. Но исходя из того, что известно нам о предшествующем – начиная с 860-х годов – развитии христианства на Руси, есть все основания полагать, что те или иные христианские мотивы вошли в эпос еще задолго до официального Крещения.

Нельзя, в частности, не обратить внимания на тот факт, что главная церковь в древнейшем Киеве, воздвигнутая не позже 944 года, была церковью Ильи – самого «воинствующего» из христианских пророков – и что именно богатырь по имени Илья оказался *главным героем* русского эпоса. Едва ли это чисто «случайное» совпадение. Особое признание св. Ильи в древнем Киеве ясно выразилось и в том, что Ярослав Мудрый дал это имя своему *старшему*, первому сыну, который и должен был наследовать его власть, однако рано, около 1020 года, умер (будучи наиболее важным тогда, после Киевского, князем – Новгородским).

Уместно вспомнить здесь и о том, что еще один из важнейших героев русского эпоса, Микула (то есть Николай) Селянинович, носит имя святого, которому был посвящен *древнейший* из известных нам русских храмов, воздвигнутый при Аскольде. И трудно усомниться в том, что имена основных героев эпоса, создававшегося в течение длительного времени и при участии многих людей, не могли, повторюсь, быть случайными.

Поэтому соответствие особенной «избранности» в X веке и эпических, и христианских имен Илии – Ильи и Николая – Микулы свидетельствует о глубокой связи эпического творчества с христианством, – хотя неоспорима, конечно, и достаточно мощная языческая стихия эпоса, во многом сохранившаяся в нем до нашего века. Впрочем, взаимопроникновение язычества и православия присуще отнюдь не только эпосу, но и всем восходящим к древности формам русской культуры и быта.¹²⁷

Взаимопроникновение христианских и эпических Ильи и Николы отмечено (правда, весьма бегло) в книге Б. А. Успенского, посвященной теме: «реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского». Автор показывает, что «выделение и соотнесение Ильи и Николы очень характерно вообще для русского религиозного сознания, ср., например, следующие свидетельства из Переславского уезда Ярославской губернии: „Чтим всех святых, а святителя Николая и пророка Илию на первом плане“ ...отношения Ильи-Пророка и Николы... могут отражаться в фольклоре в отношениях Ильи Муромца и Микулы Селяниновича; весьма знаменательно в этом плане запрещение Илье Муромцу биться с Микулой и с родом Микулиным, мотивированное тем, что Микулу „любит матушка сыра-земля“...» (здесь ссылки на былины из собрания П. Н. Рыбникова). «Образ Микулы Селяниновича, – заключает Б. А. Успенский, – вообще непосредственно смыкается с образом св. Николая-земледельца... данная функция признается специфичной для Николы, который противопоставляется другим святым именно как покровитель земледелия... Достаточно выразительна и поговорка: «На поле Никола – общий Бог...» или в другом варианте: «На поле Никола один Бог».¹²⁸

Словом, взаимопроникновение язычества и христианства лежит в самой основе эпического мира, поскольку это взаимопроникновение было жизненной реальностью во времена создания русского эпоса.

М. Н. Тихомиров говорил в своем докладе «Начало христианства на Руси» (на конференции русских и английских историков в Лондоне в 1958 году):

«Посвящение соборной церкви в Киеве X в. пророку Илье вводит нас в обстановку борьбы христианства с язычеством. Христианская церковь на Руси заменяла языческих богов соответствующими святыми... Так, пророк Илья, изображаемый на иконах едущим по небу на огненной колеснице, явно был призван заменить Перуна-громовержца. В древних Русских

¹²⁷ См. об этом, например: Носова Г. А. Язычество в православии. – М., 1975.

¹²⁸ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. – М., 1982, с. 35, 54, 55.

городах мы почти всюду находим церкви в честь Ильи». ¹²⁹

Примечательно и дошедшее до нас предание о Божьем угоднике «великане и богатыре» Илье Муромце, чьи мощи еще в XVII веке находились в Антониевой пещере Киево-Печерского монастыря. Об этом сообщал, например, в своей изданной в 1638 году книге «Тератургима, или чудеса...» инок этого монастыря Афанасий Кальнофойский. ¹³⁰

А. Н. Веселовский связывал это предание с былинным мотивом:

...Во Києви богатыри ушли в монастири... ¹³¹

Трудно решить вопрос, насколько достоверна фигура угодника Ильи; в Киево-Печерском патерике, составленном в начале XIII века он не упомянут. Но угодник этот еще и сегодня почитаем русской Церковью (в православном календаре его память свершается 19 декабря). Возможно, что дело идет о совершенно другом человеке с именем богатыря, с которым его впоследствии отождествляли. Однако нельзя исключить и предположения о том, что в древнейшей, связанной еще с митрополитом Иларионом пещере Лавры, начавшей свое существование к середине XI века, в самом деле был погребен реальный «прототип» героя эпоса. Во всяком случае показательно это «слияние» богатыря и печерского монаха – слияние, в котором выразилось единство языческого и христианского начал.

Для более ясного понимания проблемы следует хотя бы очень сжато очертить ход «борьбы» христианства и язычества после гибели Святослава. Как уже говорилось, его посланцы в 970 (или 971) году пытались искоренить христианство в Киеве. Однако в 972 году в Киеве начал править его старший сын Ярополк, воспитанный своей умершей в 969 году бабкой христианкой Ольгой (Святослав ведь все последние годы провел в дальних походах) и женатый, по сообщению «Повести временных лет», на гречанке, к тому же – бывшей монахини. Поэтому вполне достоверными, как доказывает в своем исследовании О. М. Рапов, являются сведения Иоакимовской и Никоновской летописей (нередко, как известно, оспариваемые), согласно которым Ярополк «любяше христианы, аще сам не крестися народа ради, но никому претяше», и «христианам даде волю велику», а, кроме того, в 973–976 годах «приидоша послы от греческого царя к Ярополку» (см. О. М. Рапов, указ. соч., с. 196–200).

Но в 978 (или, по другим данным, в 980-м) году Ярополка свергнул его младший брат Владимир Святославич, который с 969 или 970 года правил на севере, в Новгороде, куда – о чем уже шла речь – христианство еще почти не проникло. Владимир прочно утвердил язычество, создав в Киеве целое святилище, увенчанное монументальным идолом Перуна. Как говорил М. Н. Тихомиров, «проводниками языческой реакции были Владимир и его дружина, приведенная с Севера». Но «Владимир утвердился в Киеве в 980-м, а уже через 9 лет принял христианство. Объяснить такой быстрый переход от язычества к христианству легче всего тем, что Владимир нашел в Киеве среду, прочно связанную с христианством» (цит. соч., с. 268, 269).

Одним из убедительнейших доказательств существенной развитости христианства на Руси еще до официального Крещения является исключительно быстрый расцвет русской Церкви после 988 года. К середине XI века, то есть при всего-навсего втором поколении после Крещения, уже был сотворен высочайший образец христианской литературы – «Слово» митрополита Илариона, начала создаваться Киево-Печерская лавра – истинный светоч новой Веры (уже в XI веке давший таких людей, как преподобные Антоний, Феодосий, Никон Великий, Нестор и др.), а к 1072 году были окончательно канонизированы (почитание их начало складываться еще в 1020-х годах) русские святые – Борис и Глеб, и готовилась

¹²⁹ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. – М., 1975, с. 266.

¹³⁰ См. Лобода А. М. Русский богатырский эпос. – Киев, 1896, с. 15–19.

¹³¹ Веселовский А. Н. Южнорусские былины. СПб, 1881, с. 33.

канонизация равноапостольных святых Ольги и Владимира и т. д.¹³²

Едва ли возможно было столь скорое становление православной Руси, если бы ему не предшествовало двухвековое (а не полувекое, если исходить из официальной даты) развитие христианства. Вместе с тем, как уже отмечалось, нельзя закрывать глаза и на тот факт, что в IX-X веках христианство тесно переплеталось с язычеством, ибо не было господствующей, государственной религией. Это переплетение рельефно запечатлелось в русском эпосе.

Говоря о взаимодействии христианства и язычества, мы должны иметь в виду, что дело идет при этом о «*верхних*» слоях населения Киевской Руси IX-X века, непосредственно влиявших на государственную политику и приведших в конце концов к официальному принятию христианства. Но именно в этих слоях сложился, очевидно, и эпос.

Ставя вопрос о том, в какой социальной среде был создан эпос, «классик былиноведения» В. Ф. Миллер писал в своем «Очерке истории русского былинного эпоса», подытожившем его многолетние исследования:

«...эта поэзия носила аристократический характер, была, так сказать, изящной литературой высшего, наиболее просвещенного класса, более других слоев населения проникнувшегося национальным самосознанием». Былины «были слагаемы и распространялись в среде населения... по современным понятиям, принадлежавшего к „интеллигенции“... Если эти эпические песни... и доходили до низшего слоя народа – до земледельцев, смердов и рабов, то могли только искажаться в этой темной среде, подобно тому, как искажаются в олонекском и архангельском простонародье современные былины, попавшие к нему из среды... более богатого и культурного класса».¹³³

К 1930-м годам эта точка зрения была более или менее общепринятой. Однако в середине тридцатых она подверглась столь сокрушительному идеологическому разгрому – как «вреднейшая» теория «аристократического происхождения» эпоса, – что и вся историческая школа изучения былин, в русле которой родилась эта самая теория, была сочтена чуждым и враждебным явлением. И только через несколько десятилетий совершилась «реабилитация» исторической школы.¹³⁴

В процитированных суждениях В. Ф. Миллера есть небрежные и слишком заостренные формулировки, но в принципе он, без сомнения, прав. Эпос сложился к началу XI века именно в наиболее «просвещенной» (разумеется, для того времени) среде, а к концу эпохи Ярослава Мудрого, когда митрополит Иларион, обращаясь к современной ему «просвещенной» среде, мог уже сказать:

*...что в иных книгах писано
и вам ведомо,
то здесь излагать – пустая дерзость
и желание славы.
Ведь не к несведущим пишем,
но к преизобильно насытившимся
сладостью книжной, –*

былины, так сказать, сошли с авансцены культуры в менее «просвещенную» среду.

Это ясно выразилось, между прочим, в судьбе культа святого Ильи. Он утвердился вначале как «замена» Перуна-громовержца и, без сомнения, не случайно имя Ильи получил (в начале XI века) первенец Ярослава Мудрого. Однако во второй половине XI–XIII вв. неизвестен ни один князь с этим именем – едва ли не потому, что культ Ильи, в котором переплелись

¹³² См.: Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). – М., 1986, глава 1.

¹³³ Миллер Вс. Очерки русской народной словесности, – т. III. М., 1924, с. 27, 28.

¹³⁴ См. об этом: Емельянов Л. И. Методологические вопросы фольклористики. – Л., 1978, с. 123–163.

язычество и христианство, перешел в менее просвещенные слои населения. Но такова же была, по всей вероятности, судьба эпических сказаний об Илье. Стоит отметить, что явный отход от культа Ильи в верхних слоях киевского общества представляет собой еще один «датирующий» признак: эпос, в котором главный герой – Илья, сложился, очевидно, в доярославово время.

Если же говорить о доярославовом времени вообще, сплетение языческих и христианских воззрений было присуще тогда именно наиболее просвещенной, связанной с *византийской* культурой среде, в которой и сложился героический эпос, оказавшийся в конце концов достоянием крестьянства Поморья.

Уже шла речь о невозможности создания эпоса в самой этой крестьянской среде – хотя бы в силу того, что в былинах с полным знанием дела воссоздано *вооружение* древних воинов. В. Ф. Миллер (см. выше) счел нужным заявить, что былины «могли только искажаться в этой темной (крестьянской. – В.К.) среде». Его ученик и продолжатель Б. М. Соколов в рассуждении, озаглавленном «Крестьянский слой в былинах», утверждал, что эпос «отнюдь не является продуктом творчества крестьянского класса. Последний является лишь наследником поэтического былинного творчества других социальных групп. На долю крестьянства едва ли придется сложение хоть одного былинного сюжета. Не так сильно сказалась на былинах и творческая переработка и приспособление к новой социальной среде старых сюжетов. Наиболее существенным фактом этой крестьянской переработки является превращение важнейшего былинного героя Ильи Муромца в крестьянского сына из города Муром села Карачарова вместо прежнего Муравленина из Муровийска и г. Карачева Черниговщины... Есть основания сближать некоторые другие черты и даже сюжеты былин об Илье Муромце... с подробностями из деятельности одного из казачьих самозванцев Лжепетра Илейки, то есть Ильи Ивановича Коровина, родом из Мурома»¹³⁵ (отсюда – эпитет к Илье – «старый казак»).

В этих суждениях есть излишняя полемическая резкость, но в принципе их едва ли можно оспорить. Героический эпос сложился, без сомнения, не в крестьянской среде, но, впоследствии усвоенный ею, испытал существенное переосмысление. Б. М. Соколов явно недооценивает факт превращения *главного героя* эпоса в «крестьянского сына» и «старого казака».

Мнение о том, что первоначальный «Илья Муравленин» (другие варианты – Моравлин, Моровец, Муровец) стал значительно позднее Ильей Муромцем, по-видимому, бесспорно. Все упоминания об этом герое эпоса до XVII века, а нередко и позже, не связаны с именем города Мурома. Да и едва ли Муром, расположенный – даже если двигаться по прямой линии – за тысячу верст от Киева и являвшийся вначале племенным центром финского племени (муромы), фигурировал в древнем эпосе. По-видимому, Илья стал «Муромцем» именно после Смутного времени, когда прославился один из тогдашних самозванцев – Илейка Муромец, возглавлявший в 1605 году отряды донских и волжских казаков. «Сплетение» героя древнего эпоса и казачьего предводителя, скорее всего, и породило представление об Илье как о муромском уроженце и «старом казаке». Во всяком случае, более достоверна версия о происхождении эпического героя из окружи городка Муровийска, или Моровийска (впоследствии – Моровска), расположенного между Киевом и Черниговом на реке Десне. Кстати сказать, в некоторых – даже и поздних (XX века) – записях былин Илья назывался не «Муромцем», а «Муровцем».

Но важно не упустить более существенный смысл изменения имени богатыря: «перенос» его происхождения в далекий «провинциальный» Муром, да еще и в село Карачарово, без сомнения, связан с его превращением в «крестьянского сына» и «старого казака», то есть в истинно народного героя. Это помогло сохранности эпоса в крестьянской среде.

Вместе с тем важно отметить, что христианское содержание эпоса было, скорее всего, изначальным. Мало правдоподобно представление, согласно которому христианскую «тему» внесли поморские крестьяне; выше уже приводились авторитетные суждения о почти полной «неизменности» эпоса в крестьянской среде. Если бы первоначальный эпос был чисто «языческим», он, вероятнее всего, сохранил бы это качество в бережной передаче, осуществлявшейся династиями сказителей Поморья.

Не исключено, что в моих суждениях усмотрят определенное противоречие: с одной

¹³⁵ Соколов Б. М., проф. Русский фольклор. Вып. 1, М., 1929, с. 35, 36.

стороны, я говорю об очень раннем проникновении в Поморье былин с их христианско-языческой природой, но вместе с тем полагаю, что христианство утвердилось в Северной Руси (в частности, в Новгороде) намного позднее, чем в Киевской земле. Уместно ли считать, что население Поморья могло усвоить и сохранить несущее в себе *христианское* (а не только языческое) содержание былины?

До недавнего времени действительно считалось, что в Северную Русь, взятую в целом, христианство продвигалось весьма медленно. Даже находя в северных погребениях XI–XII веков кресты и образки (иконки), археологи стремились доказать, что эти предметы христианского культа являли собой в глазах их владельцев либо «украшения» (то есть «чисто декоративные предметы»), либо «амулеты-обереги» (которые воспринимались только в «языческом» плане).¹³⁶ Но в самое последнее время тщательно изучивший множество погребений в юго-западных районах Поморья археолог Н. А. Макаров обоснованно показал, что кресты и иконки (среди них образки Богоматери, Спасителя и – это существенно – святого Георгия), найденные им в древних захоронениях середины XI–XII веков, «отражают стремление новообращенных христиан найти элементы обрядности, символизирующие переход к новой религии». Притом, что особенно важно отметить, «местом изготовления крестиков с эмалью считают Киев, отсюда же происходят, очевидно, инкрустированные образки с изображением Спаса».¹³⁷

Общая картина вырисовывается достаточно ясно: в Северной Руси в целом и особенно в Новгороде христианство утверждалось не столь уж быстро, но в Поморье – о чем подробно говорилось – первоначально (до последней четверти XI века) шли – через Ладогу – выходцы из Киевской Руси, приносившие с собой оттуда и христианство, и героический эпос. Правда, в тех районах, которые исследовал Н. А. Макаров, поток ладожских переселенцев был позднее, в XII веке, «перекрыт» более мощным потоком из Ростовской земли, и поэтому былины здесь почти не сохранились. Но изученные археологом погребения новообращенных христиан в этих местах (наиболее ранние из этих погребений относятся к середине XI века) свидетельствуют, очевидно, о появлении здесь переселенцев из Киевской земли (откуда были принесены и упомянутые выше иконки).

В цитированном труде А. Н. Насонова доказывается, что «на новгородский север (то есть Поморье. – В.К.) первоначально распространялось влияние Ладоги»; только «к концу 70-х годов XI в. Новгород уже распространил свои „становища“ в Заволочье».¹³⁸ (Заволочье – земли к востоку от Белого и Онежского озер.) Ладога же была своего рода северным филиалом Киева, и именно ладожане столь рано принесли в Поморье христианство – в том числе и христианское содержание былинного эпоса.

* * *

Выше уже говорилось, что героический эпос может родиться и рождается на почве героического века, когда, в частности, государственность еще не устоялась, не отвердела так, как это свершилось на Руси в эпоху Ярослава Мудрого (кстати сказать, само это прозвание верховного правителя не соответствует веку героики; мудрость означает уравновешенность, определенное спокойствие, примиренность). И вполне закономерно, что имя Ярослава, несмотря на всю его значительность, ни разу не упоминается в былинах.

¹³⁶ См. Малъм В. А. Крестики с эмалью. – В кн.: Славяне и Русь. – М., 1968, с. 116; Седова М. В. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси. В кн.: Культура Средневековой Руси., Л., 1974, с. 194.

¹³⁷ Макаров Н. А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья). – В кн.: Славяно-русские древности. Краткие сообщения Института археологии. Вып. 205 М., 1991, с. 20, 18.

¹³⁸ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. – М., 1951, с. 104–105.

Понятие же о героическом веке (и эпосе) имеет один очень важный сопровождающий его, соответствующий ему признак. В трактате А. Н. Робинсона «Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI–XIII вв.» (1980) есть раздел «Древнерусский народный эпос в соотношениях с эпосом Востока и Запада», в начале которого приведен известный тезис А. Н. Веселовского:

«Народный эпос всякого исторического народа по необходимости международный». В этом блестящем афоризме А. Н. Веселовского заключены проблема и программа непреходящего значения.¹³⁹ Это действительно так. Одно из условий величия эпоса состоит в том, что он не замыкался в бытии одного народа, тяготел в конечном счете к общечеловеческому, всемирному бытию, – хотя в тот или иной исторический период «мир» имеет, понятно, определенную «ограниченность», за рамки которой взор творцов эпоса не может выйти. Так, для русского эпоса «мир» – это западная часть Евразии (и то не во всей ее цельности, а, скажем, на пространстве с запада на восток от Священной Римской империи германской нации до Хорезма и с севера на юг от Скандинавии до Арабского халифата).

Историю Руси IX–X веков, а также и создававшийся в это время русский эпос, как уже говорилось, нельзя понять без осознания действовавших в непосредственном (или, во всяком случае, оказывающем прямое влияние) соприкосновении с ней исторических сил – Скандинавии с ее чрезвычайно активными отрядами викингов, Хазарского каганата, Византийской империи, а также и более отдаленных – Священной Римской империи, государственных образований Закавказья, неразрывно связанных с Арабским халифатом и культурой Ирана, и т. д. Весь этот мир, вся эта, пользуясь словом А. Н. Веселовского, «международность» так или иначе *содержится* в русском эпосе, хотя и воплощена нередко в специфических – фольклорных и мифотворческих – образах.

Одним из ярчайших и убедительнейших подтверждений «международности» русского эпоса является тот давно установленный факт, что Русь, а подчас даже и сами герои ее эпоса вошли в *эпосы других народов* Евразии. Так, объединяющий герой русского эпоса князь Владимир является (под именем Вальдемар) и героем исландского¹⁴⁰ эпоса, прежде всего «Саги об Олафе Трюггвассоне», записанной в XII веке, но в устной традиции возникшей, несомненно, раньше (норвежский король Олаф был современником Владимира).¹⁴¹

А в норвежской (правда, исходящей из немецких преданий) «Саге о Тидреке Бернском» Владимир (Вальдемар) выступает уже рядом с Ильей (Илиас), который представлен здесь как побочный брат Владимира. Действие саги разворачивается непосредственно на Русской земле (Ruszialand), упоминаются Новгород (Holmgard), Смоленск (Smaliski), Полоцк (Palltaeskiu) и т. п. Сага была записана в 1250 году, но западные исследователи относят ее возникновение ко времени не позже X века.¹⁴² Наконец, Илья Русский (Ilias von Riuzen) – герой ряда произведений германского эпоса, прежде всего поэмы «Ортнит», записанной в 1220–1230-х годах, но сложившейся намного ранее.¹⁴³

¹³⁹ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI–XIII вв. – М., 1980, с. 116.

¹⁴⁰ Как уже говорилось, Исландия сыграла для скандинавского и, шире, германского эпоса ту же роль, что и Поморье для русского.

¹⁴¹ См.: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (материалы и исследования). – М., 1976, с. 27, 29, 30 и др.

¹⁴² См. обстоятельное исследование: Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском). – СПб, 1908, с. 1–9 и далее; в книге опубликован перевод «русских» частей саги. Тема эта породила весьма большую отечественную и зарубежную литературу.

¹⁴³ См., например, новейшую работу: Глазырина Г. В. Илья Муромец в русских былинах, немецкой поэме и скандинавской саге. – В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978, с. 192–202.

Итак, русский эпос непосредственно проник в эпический мир Севера и Запада. На Юге, то есть в Византии, это едва ли могло произойти, так как византийская литература (в частности, эпическая) была тогда на совершенно иной стадии развития. Русь достаточно рельефно отразилась в византийской историографии IX – начала XI веков (особенно в «Истории» Льва Диякона, написанной в конце X века), а еще ранее – в религиозно-поэтических сочинениях выдающегося патриарха Константинопольского Фотия (820–891). И можно утверждать, что в византийском изображении Русь тоже предстает как героико-эпическая сила, хотя речь идет о сочинениях совсем иных жанров.

Далее, что касается Востока, у нас нет сведений о наличии эпоса в Хазарском каганате, скорее всего его не было и не могло быть из-за самого характера этого государства. Но в дошедших до нас хазарских документах («письмах») Русь опять-таки является в качестве очень весомой и активной исторической силы.

Наконец, Русь заняла выдающееся место в эпосе Юго-востока, правда, в уже не устном, а *литературном эпосе* – поэме Низами Ганджеви «Искендер-наме», созданной в конце XII века. Собственно говоря, речь должна идти о первой книге этого произведения – «Шараф-наме» («Книга о славе»), ибо вторая книга, «Икбал-наме» («Книга о счастье») – это по сути дела не эпос, а своего рода философический комментарий к нему.

«Шараф-наме» – повествование о деяниях и подвигах идеального правителя и полководца, которому Низами дал имя величайшего из великих Искендера (то есть Александра Македонского), что имело не столько «историческое», сколько символическое значение. И ни много ни мало шестая часть «Шараф-наме» (более 2000 строк) посвящена изображению битв Искендера с русскими,¹⁴⁴ которые во главе с Кинтал-Русом¹⁴⁵ вторглись в Закавказье. Речь идет о действительно имевших место нескольких походах Руси в города восточной части Закавказья, совершившихся в первой половине X века (один из них, по-видимому, относится даже еще к IX веку).¹⁴⁶ Подробность, конкретность повествования Низами о войне с русами убеждает в том, что он, создавая свою поэму через четверть тысячелетия после этих походов Руси, опирался на не дошедшие до нас предания – то есть, по-видимому, *устный* эпос, восходящий к X веку. Истинной героикой отмечены образы не только Искендера и его сподвижников, но и русских воинов: они предстают как настоящие «богатыри», и лишь в седьмом по счету сражении Искендер побеждает Кинтала, а затем заключает с ним почетный мир.

Итак, героико-эпическая реальность Руси IX-X веков нашла самое весомое воплощение в эпосах соседних и даже более отдаленных народов и племен. Кстати сказать, время создания этих эпосов либо, по крайней мере, время запечатленных в них событий так или иначе совпадает с намеченной выше датировкой самого русского эпоса (IX-X вв.).

Выше приводились произнесенные в 1037 году слова митрополита Илариона о Русской земле, которая, мол, ведома и слышима всеми четырьмя концами земли.

Но надо сказать, что ко второй трети XI века это утверждение было уже как бы подведением итогов тех судеб Руси, которые свершились в IX – начале XI века; Русь послеярославовых времен в значительной мере замкнулась на своих «внутренних» делах. А это значит, в частности, что период после XI века не был благоприятным для творения эпоса в истинном смысле этого слова, который (вспомним слова Веселовского) есть явление

¹⁴⁴ См.: Низами. Искендер-наме – М., 1953. с. 353–423.

¹⁴⁵ Н. Я. Половой считает, что речь шла об известном воеводе князя Игоря, а затем Святослава, Свенельде (он сопоставляет разные формы написания его имени: Свенгельд, Свангельд, Сфанкел, Свангелд с данным у Низами Кинтал, Квинтал) – см. его работу «О русско-хазарских отношениях в 40-х годах X века». – «Записки Одесского Археологического общества», т. 1 (34), 1969, с. 353; но исследователь творчества Низами Рустам Алиев утверждает, что «в оригинале было слово «Киниаз-е Рус», что означает «русский князь», (см. Низами. Стихотворения и поэмы. Л., 1981. с. 763).

¹⁴⁶ См., например: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков – М., 1963, с. 150.

принципиально «международное».

Очерченные выше проявления русской эпической «темы» на громадном пространстве от Норвегии до Византии и от германских земель до границы Ирана (если обозначить на карте «круг» распространения этой «темы», его диаметр будет равен 3000 км) достаточно ясно говорят об энергии и активности исторического бытия Руси в героическую эпоху ее юности.

Далее, судьба Руси в это время неотделима от трех чрезвычайно мощных (каждая – по-своему) исторических сил тогдашнего мира – Византийской империи, Хазарского каганата и динамической, движущейся через земли и страны силы викингов, норманнов, а в древнерусском словоупотреблении – варягов (сравнительная малочисленность и раздробленность этого скандинавского феномена как бы компенсировалась его ни с чем не сравнимым в то время динамизмом, который позволил викингам оказывать существенное воздействие на жизнь почти всей Европы и в определенной степени даже за ее пределами).

В последние десятилетия представления о значении, а нередко и самом фактическом участии этих трех сил в истории Руси IX – начала XI веков были во многом расширены, углублены или даже подверглись существенному пересмотру (в крайнем случае, такой пересмотр начался, открывая новые перспективы). Между тем в изучении литературы и культуры в целом это более объективное и глубокое историческое видение пока еще не нашло должного выражения. Поэтому необходимо обратиться к самой *реальности* истории, породившей те или иные тенденции и явления в искусстве слова и культуры в целом.

Глава 4. Современные представления об исторической реальности «героических» веков Руси

Начать уместно с норманнов, с варягов, поскольку они прямо и непосредственно внедрились в историю Руси (как впрочем и целого ряда других государств). Общеизвестен текст из «Повести временных лет» о «призвании» варяга Рюрика в 862 году. Но виднейшие исследователи русского летописания А. А. Шахматов, а за ним М. Н. Тихомиров и другие¹⁴⁷ доказывали, что наиболее древняя (восходящая к 60–70-м годам XI века), не заслоненная позднейшими «переосмыслениями» редакция этого текста представлена в так называемом Архангелогородском летописце. Эта, в сущности, поморская летопись побуждает к сопоставлению ее с древней былинной традицией: есть основания полагать, что ее первоисточник был занесен на север, как и былины, начальными переселенцами из Киева через Ладогу в Поморье, где летописец сохранил древнейшие подробности.

В этом летописце, в частности, княжение Кия в Южной Руси отнесено ко времени правления византийской императрицы Ирины, то есть к рубежу VIII–IX веков, а о племенах Северной Руси сказано – «В о в р е м е н а ж е К и я (разрядка моя. – *В.К.*)... словени свою власть имуще, а кривичи свою, а меряне свою, и кождо своим родом живяще, а чюдь... свою власть имуще и дань даяху за море варягом, от человека по беле векшице на год; а иже (которые. – *В.К.*) у них живяху варяги, то те насилия деяху им, словеном, и кривичом, и меряном, и чюди.

И восташа словене, и кривичи, и меря, и чюдь на варят и изгнаша их за море, и начаша владети сами в себе, и города ставити. И восташа сами на ся, и бысть меж ими рать велика и усобица, и восташа город на город, и несть меж ими правды (справедливости – *В.К.*). И начаша меж собою пословати (вести переговоры. – *В.К.*) и снидошася вкупе реша (сказали. – *В.К.*) в себе: «Поищем себе князя, иже бы нами владел и судил по правде»...

Придоша за море к варягом словени, и кривичи, меря, чюдь и реша варягом: «Земля наша добра, и велика, и обилна, а нарядника (начальника, руководителя. – *В.К.*) в ней нет,

¹⁴⁷ См.: Шахматов А. А. О начальном Киевском своде. СПб, 1897, с. 52–56; Тихомиров М. Н. Начало русской историографии. – В его кн.: Русское летописание. М., 1979, с. 49–51; а также: Васильев Ю. С. Летописное наследие Поморья. – Вспомогательные исторические дисциплины, вып. XI. Л., 1979, с. 19–22.

пойдите к нам княжити и владети нами». ¹⁴⁸

Первое, на что важно обратить внимание, – многозначительное противоречие: до XVIII века это сообщение о призвании варягов воспринималось, как правило, в безусловно положительном плане, а затем вокруг него начались резкие споры. Многие историки и публицисты, обладающие заостренно патриотическим сознанием, усматривают в этом предании заведомо или даже крайне унижительный для Руси смысл и стремятся всячески опровергать летописные тексты, – в том числе и самый факт существования норманнской династии.

Все это является, несомненно, очень прискорбной чертой исторического самосознания, ибо представляет собой одно из ярких выражений своего рода комплекса *национальной неполноценности*, присущего, увы, достаточно большому количеству русских людей (в предисловии к этой книге отчасти уже шла речь об этом свойстве).

Ведь, скажем, в Англии, где с 1066 года также правила именно норманнская династия, восходящая, кстати сказать, к прямому современнику Рюрика викингу Регнвальду и его сыну Рольфу-Роллону (к тому же норманны здесь вовсе не были добровольно «призваны», а завоевали, поработили коренное население страны) ¹⁴⁹ этот факт не вызывает подобного чувства унижения и, естественно, не оспаривается, – хотя некоторые патриотически настроенные историки настоятельно стремились доказать, что завоеватели-норманны почти сразу «растворились» в английской среде. ¹⁵⁰ В русской же историографии «норманнский вопрос» вызвал продолжающуюся более двух веков ожесточенную полемику.

Между тем сей «вопрос» давным-давно нашел истинное решение в размышлениях крупнейшего деятеля отечественной исторической науки В. О. Ключевского. Но в высшей степени характерно, что он в 1870 – 1890-х годах четырежды начинал записывать мысли об этом «вопросе», однако так и не завершил свои записи и, естественно, не опубликовал; его наброски были обнародованы лишь в 1983 году, через столетие!

Вполне естественно предположить, что историк не высказал открыто свою оценку споров вокруг «норманнского вопроса» из-за его крайней, даже болезненной остроты. В напечатанном «Курсе русской истории» Ключевский высказался о «варяжском вопросе» гораздо более смягченно, приглушенно, даже недостаточно определенно (см. Лекцию IX), чем в своих неопубликованных размышлениях.

В одной из рукописей, представляющей собой набросок текста лекции, Ключевский заявлял без обиняков:

«Я знаю, Вы (то есть слушатели – *В.К.*) очень недовольны, что все эти ученые усилия разъяснить варяжский вопрос я назвал явлением патологии... такой поворот в умах есть несомненно симптом общественной патологии... (это и есть именно то, что можно назвать комплексом национальной неполноценности. – *В.К.*). Я охотно готов читать разыскания о том... славянин или немец был дед кн. Владимира и откуда взяты его мать, бабушка и т. д. ...Но когда исследователь подобных вопросов идет прямо в область настоящей, научной истории и говорит, что он разрешает именно вопрос о происхождении русской национальности и русского государства, будет жаль, если он не остановится на границе и не вспомнит, что национальности и государственные порядки завязываются не от этнографического состава

¹⁴⁸ Полное собрание русских летописей, т. 37. – М., 1982, с. 56.

¹⁴⁹ Любопытно, что Гита, дочь свергнутого и убитого норманнами в 1066 году короля Англии Гарольда II, нашла прибежище в далекой Руси. В 1068 году Гита вместе с семьей эмигрировала в Данию, ко двору тамошнего короля Свена (его мать была из английского королевского рода), который тогда же или вскоре обвенчался с дочерью Ярослава Мудрого Елизаветой (ранее она была супругой норвежского короля Гаральда III, погибшего как раз в 1066 году). Елизавета, очевидно, и сосватала Гиту и своего племянника Владимира Мономаха, обвенчавшегося с этой английской принцессой (в 1074 или 1075 году).

¹⁵⁰ См. об этом, например, статью М. А. Барга «Нормандское завоевание Англии» в «Советской исторической энциклопедии», т. 10. – М., 1967, с. 343–344.

крови того или другого князя... Итак, повторяю еще раз, – я совсем не против вопроса о происхождении... первых русских князей... а только против того положения, что в этом вопросе – ключ к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни». ¹⁵¹ Ключевский заметил еще, что наиболее «грубые» суждения сторонников «варяжского происхождения» Руси «задели щекотливое национальное чувство и надолго лишили русскую историческую мысль способности с научным спокойствием отнестись к вопросу» (с. 123).

И в самом деле: «спокойствия» в данном вопросе недостает даже на то, чтобы просто заметить совершенно очевидный факт: «приглашение» или какой-либо иной способ внедрения в ту или иную страну «чужеродных» династий – это чрезвычайно широко распространенное явление. Так, в тех же IX–X столетиях, когда варяги-норманны оказались князьями Руси, *германская* династия Каролингов (потомков Карл Великого) правила не только в Германии, но и во Франции и Италии; в целом ряде государств Европы занимала поздние престолы знаменитая династия Бурбонов (французов по происхождению); не менее характерны «чужие» династии и для стран Азии и т. д. и т. п.

И более того, правление «пришлых» династий не только типичное, но и *закономерное*, а в определенных ситуациях даже необходимое явление. Достаточно четкое объяснение одной из причин «призвания варягов» дано в самом летописном тексте, из которого явствует, что складывавшаяся на Севере русская государственность с самого начала была многоэтнической, многоплеменной, и власть, во главе которой находился представитель одного из «туземных» племен, с легкостью оказывалась или хотя бы казалась несправедливой («и не было среди них справедливости, и встал род на род»...) по отношению к остальным славянским и финским племенам. Отсюда и приглашение «беспристрастного» с этой точки зрения «чужеродного» князя.

Очень многое проясняет здесь основанное на целой цепи фактов суждение из недавнего фундаментального трактата Г. С. Лебедева, отметившего, что феномен «призванного» князя «полностью соответствует позднейшей новгородской традиции приглашения князей, с сохранением основных контрольных функций в руках вечевой администрации». ¹⁵² То есть традиция «призвания» продолжалась в Северной Руси несколько веков.

Но дело отнюдь не только в этом. Когда институт власти еще лишь формируется, народу необычайно трудно выделить главу государства из своей собственной среды, ибо нужна, даже необходима определенная *отчужденность* власти; именно этим и объясняется, по-видимому, такое *обилие* чужеземных династий (проблема эта затронута, между прочим, в трудах М. М. Бахтина). Можно с большими основаниями предположить, что в истории *любой* государственности имел место такой момент, когда наиболее вероятен именно «чужеродный» правитель, в лице которого государство предстает как нечто с очевидностью «отделенное» от населения. И, при условии соблюдения, пользуясь словами Ключевского, «научного спокойствия», в факте призвания варягов следует, без сомнения, увидеть и этот очень существенный и, так сказать, всеобщий смысл.

Нельзя не обратить внимания и на то несомненное обстоятельство, что феномен «пришлого» властителя давал возможность высоко поднять статус династии – и «удревнить» ее, и воспринимать ее как изначально достойную иметь власть: Рюрик, согласно летописным известиям, был князем (конунгом) и до прихода на Русь, и, таким образом, его «право» на власть как бы уходило корнями в некое неведомое, неизмеряемое прошлое, между тем как князь «из своих» неизбежно предстал бы в качестве потомка «обычных» людей, из среды которых в сравнительно недавнем, обозримом прошлом был выдвинут его предок – родоначальник династии.

¹⁵¹ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. – М., 1983, с. 113, 114, 115. Редактор книги М. В. Нечкина отметила в предисловии к этой книге, что в прочитанных и опубликованных лекциях «варяжский вопрос... сильно, почти неузнаваемо изменен по сравнению с публикуемыми нами отрывками. Исчезли почти все резкие, острые определения...» (с. 7).

¹⁵² Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. – Л., 1985, с. 214.

Именно поэтому, как уже говорилось, в допетровские времена «чужеродность» Рюрика высоко ценилась; она ведь даже открыла возможность для создания в начале XVI века версии (разумеется, всецело вымышленной) о происхождении властителей Руси от императорской династии Древнего Рима! И хорошо известно, что очень многие знатные роды Руси стремились утвердить свое «чужеземное» происхождение, хотя это далеко не всегда соответствовало действительности.

Словом, династия, начатая князем, пришедшим из другой страны, имела как бы врожденное, заранее данное право на власть. Именно это было важнее всего и затмевало, делало не столь уж существенным вопрос о «чужеродности» династии.

Что же касается, так сказать, *объективной* оценки «национальной» стороны вопроса, Ключевский высказался о ней, на мой взгляд, исчерпывающе ясно, полностью отвергнув представление, согласно которому «состав крови того или другого князя» есть «ключ к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни». Достаточно, я думаю, оценить тот факт, что уже третий (по летописи, Святослав был внуком Рюрика) или – это гораздо достовернее – четвертый¹⁵³ представитель династии Рюриковичей имел русское, а не скандинавское имя.

И, если уж на то пошло, намного более существенной, нежели вопрос о династии, является проблема самого присутствия сотен или даже тысяч варягов-норманнов на Руси в IX – начале XI века. Достоверно известно, что они многократно приходили на Русь как воины (нередко – наемные), купцы или просто грабители-пираты и оказали весьма значительное воздействие на историю страны.

Сразу же следует сказать, что и эта проблема не может (при условии «научного спокойствия») иметь сколько-нибудь «унизительный» для Руси смысл, ибо норманны, с их не сравнимой в тогдашние времена ни с чем динамичностью, сыграли очень большую роль в истории многих стран Евразии. Этот кочующий, точнее, *плывущий* по миру этнос пробивал любые преграды и границы.

Вообще при изучении истории становится ясно принципиальное различие человеческих общностей, находящихся в *статическом* и в *динамическом* состоянии. Так, совсем, казалось бы, малочисленное население городов-республик Генуи и Венеции, перейдя в «динамическое состояние», подчинило своему влиянию в XII–XIV веках громадную территорию от Гибралтара до Кавказа и одерживало победы над большими и даже громадными (как Византийская империя) государствами.

Роль норманнов также способна поразить воображение. Их человеческие ресурсы (то есть население скандинавских стран) составляли на рубеже I и II тысячелетий нашей эры, по всей вероятности, немногим более одного миллиона, между тем как население всей Европы – примерно 45 млн. человек.¹⁵⁴ Тем не менее «норманны, – говорится в специальной работе на эту тему, – подчиняли себе отдельные области Запада, заселяли их, оказывали свое воздействие на их общественный и политический строй». При этом, кстати сказать, в сопоставлении с Западом, «данные топонимики свидетельствуют об относительной немногочисленности скандинавов на Руси (в особенности если сравнить ее со скандинавской топонимикой на Британских островах)». Вот конкретные данные: «...в среднем в Англии встречается не менее 150 датских названий на 10 тыс. кв. км. На Руси число топонимов скандинавского происхождения, установленное М. Фасмером и Е. А. Рыдзевской, оказывается каплей в славянском море – в среднем 5 названий на 10 тыс. кв. км» (то есть в 30 раз меньше).¹⁵⁵ И еще: «Одним из важнейших результатов их (норманнов. – В.К.) набегов явилось основание ими государств на территории Англии, Франции, Ирландии...» В XI веке они «захватили, помимо

¹⁵³ Я имею в виду, что Святослав, родившийся около 940 года, приходился правнуком, а не внуком Рюрику, умершему за 60 лет до Святослава рождения.

¹⁵⁴ Козлов В. И. Динамика численности народов. – М., 1989, таблица 12 (между с. 240–241).

¹⁵⁵ Ловмянский Х. Русь и норманны. – М., 1985, с. 17.

Англии, Сицилию и Южную Италию, основав... „Королевство Обеих Сицилий“. Они продолжали играть огромную роль в истории Франции». ¹⁵⁶

Таким образом, и роль норманнов вообще (а не только династии) в истории Руси ни в коей мере не может как-то «принизить» эту историю, – во всяком случае, не в большей или, точнее, даже в значительно меньшей степени, нежели историю Англии и ряда других стран Западной Европы. И «патриотическое» негодование по поводу призвания и немалого значения норманнов-варягов в ранней отечественной истории – это, по справедливому определению Ключевского, «патологическое явление, которое следует отместить самым решительным образом.

Поскольку нашлись люди, которые, познакомившись с первым изданием этой книги (1997), стали обвинять меня в «принижении» русского народа, ибо я, в соответствии с фактами, признаю реальность участия германцев-норманнов в создании государства «Русь», считаю нужным более откровенно высказаться об этом «сюжете».

Во-первых, люди, о коих идет речь, превратно и примитивно представляют себе ход истории вообще. Пользуясь многосмысленным понятием о *диалоге* как *основе бытия* в целом – понятием, глубоко разработанным М. М. Бахтиным, – следует осмыслить мировую историю не в виде суммы *монологов* отдельных замкнутых в себе народов, но как диалог взаимодействующих народов.

Во-вторых, те, кого охватывает чувство унижения, когда им говорят, что их народ испытывал значительные воздействия других народов, – заведомо униженные, даже, если выразиться резче, жалкие существа. и, чтобы избавиться от своего недуга, им следует обратиться, скажем, к истории французского народа. Он начал свой исторический путь как *кельтский* народ, и будущие французы назывались тогда *галлами* (подчас их называют так и ныне). Но в длительном взаимодействии с древними римлянами галлы переняли их язык и стали *романским* народом. Затем к этим романцам пришли с востока германцы–*франки*, которые не только создали для них новое государство, но и дали этому государству и самим галлам свое имя. Может быть, сравнение этих непреложных фактов истории Франции с фактом «призвания» варягов как-то утешит людей, страдающих из-за сего «призвания»...

Уместно сказать здесь же и о другом, также диктуемом «патриотизмом» (уже совершенно «неразумным» и ущемным) поветрии, выражающемся в стремлении как можно более «*удревить*» начало Руси (в последнее время это, в частности, связано с не имеющим ни грана достоверности «текстом», называемым «Влесова книга»). Полная неразумность этих притязаний очевидна: бессмысленно пытаться «превознести» свой народ, свое государство, свою историю «удлинением» их существования во времени.

Во-первых, *историческое* время – это сложнейшая реальность человеческого бытия, которую нельзя мерить «абстрактным», изучаемым физикой, «временем вообще». Это хорошо показано в недавно изданной (посмертно) книге философа Н. Н. Трубникова (1929–1983) «Время человеческого бытия» (М., 1987). Для человечества и для отдельного народа действительно «*свое*» время, несопоставимое прямо и непосредственно с «физическим» временем.

Во-вторых, даже если мыслить в аспекте «времени вообще», тот факт, что определенный народ и государство сложились ранее, до рождения другого народа и государства, не имеет *ценностного* значения. Ведь нелепо полагать, что человек, родившийся за столько-то лет до другого человека, в силу самого этого обстоятельства обладает, в сравнении с этим другим, некой дополнительной ценностью. Но точно так же и «ценность» народа никак не зависит от общехронологической даты его формирования. Ценность эта определяется содержанием его собственной истории, его собственного времени. И, наконец: как бы ни удлинять в глубь всеобщей хронологии дату рождения Руси, все равно эта дата будет на тысячелетие и даже несколько тысячелетий более поздней, нежели даты рождения древней Эллады или Ирана, не говоря уже о Шумере или Египте.

Но вернемся к варягам-норманнам. Нет сомнения, что они сыграли весьма и весьма существенную роль в первоначальной истории Руси, хотя роль эта была гораздо менее

¹⁵⁶ Гуревич А. Я. Походы викингов – М., 1966, с. 85, 128, 135, 172.

значительной, чем, скажем, в истории Англии, и, помимо того, она была принципиально иной – в частности, в большей степени *совпадала* с самостоятельной, собственной судьбой страны (между тем как в странах Западной Европы действия норманнов нередко шли как бы наперекор местному «образу жизни»).

Это показано в уже цитированной работе специалиста по «норманнской проблеме», который, в частности, полагает, что пришедшим в земли Руси норманнам пришлось «включиться» в исторический «процесс на Руси и принять в нем участие, не изменив существенно ни его хода, ни форм, в которых он протекал». ¹⁵⁷

Речь должна идти, в частности, о том, что «плывущий этнос» норманнов-варягов соприкоснулся на Руси с людьми, для которых движение по рекам и озерам было привычным и необходимым. Восточнославянские племена, как согласно утверждают современные исследователи проблемы, расселились на своей огромной, почти сплошь лесной территории не ранее VII–VIII веков (то есть сравнительно незадолго до появления варягов) и, по-видимому, прежде всего и главным образом по *водным* путям.

Византийский император Константин Багрянородный, который четко разграничивал варягов и восточнославянские племена, писал в середине X века о последних, что они повсеместно и каждый год «рубят... моносилы (однодеревки. – В.К.) во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы». Далее говорится и о том, что эти однодеревки продают варягам.

Очень характерна своего рода общая картина ранней Руси, обрисованная в «Повести временных лет»:

«...славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами... тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра – волок до Ловоти, а по Ловоти можно выйти в Ильмень, озеро Великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Ново (Ладогу. – В.К.), и устье того озера (река Нева. – В.К.) впадает в море Варяжское (Балтийское. – В.К.)... Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет и направляется на север... Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалиское (Каспийское. – В.К.)... А Днепр впадает устьем в Понтийское (Черное. – В.К.) море, это море слывет Русским...»

Из этого ясно, что, осваивая пути «из варяг в арабы» по Волге и, позднее, «из варяг в греки» по Днепру, скандинавские пришельцы тем самым входили в уже сложившуюся систему бытия «туземных» племен, хотя норманны, несомненно, увеличили, усилили и продолжили в пространственном отношении то движение по водным путям, которое играло первостепенную роль и *до их появления*.

В. О. Ключевский выдвинул в качестве ядра своей концепции известное положение: «Колонизация страны как основной факт русской истории» (Курс русской истории. Лекция II. – (В кн.: Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах, т. 1. – М., 1936, с. 30. Термин «колонизация» во времена Ключевского отнюдь не имел «негативного» значения – в смысле «колониальной политики». Ср. статью П. Н. Милюкова «Колонизация России» в XV томе «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, изданном в 1895 году.) Впоследствии была показана односторонность этого тезиса, но невозможно отрицать существеннейшее значение в истории Руси того явления, которое историк назвал «колонизацией». И она началась ранее появления варягов, которые только придали ей больший динамизм и размах.

О сравнительно позднем «включении» варягов-норманнов в сложившуюся на Руси систему путей основательно, опираясь на многие отечественные и зарубежные исследования, писал в 1981 году известный историк И. П. Шаскольский: «В IX в. уже существовал путь по Днепру в Черное море... Но... данные археологии делают очевидным, что этот путь еще не был в IX в. варяжским, он не был (как предполагали до недавнего времени многие ученые) проложен норманнами, а использовался... местным восточнославянским населением. „Путь из

¹⁵⁷ Там же, с. 87.

варяг в греки“ как транзитный путь установился не ранее рубежа X столетия». ¹⁵⁸ И у нас нет оснований сомневаться, что князь Кий «ходил» к «Царюгороду» задолго до появления варягов в южной Руси.

Варяги-норманны, появившиеся на Руси, сыграли роль, которую уместно определить общеизвестным химическим термином, – роль *катализатора*, существенно ускоряющего и интенсифицирующего такой процесс, который развивался бы и сам по себе. Это определение роли варягов – «катализатор» – употребляет Д. А. Мачинский, но, к сожалению, почему-то использует и другое определение – «дрожжи», которое в данном случае неадекватно, ибо это такой компонент, без которого «тесто» навсегда осталось бы «тестом», не превратилось бы в «хлеб». Это особенно странно потому, что сам Д. А. Мачинский здесь же замечает: «Правда, все социально-экономические предпосылки для возникновения государственности имелись к IX в. и в чисто славянской среде, и можно было бы обойтись и своей закваской, но с варяжскими дрожжами получилось быстрее и лучше». Оценочное «лучше» тут, пожалуй, неуместно; достаточно сказать «быстрее», а также «энергичнее».

Роль варягов, без сомнения, была не только очень важная, но и очень заметная: сторонние наблюдатели, скажем, арабские или византийские, нередко замечали прежде всего варягов. При этом весьма быстро протекавшая ассимиляция варягов, их «ославянивание» нарушалось тем, что из Скандинавии в течение IX-X веков время от времени являлись новые волны пришельцев. Важно только оговорить, что в большинстве случаев дело шло о *наемных* воинских отрядах, которые не могли существенно влиять на движение истории.

Тем не менее вполне уместно полагать, что в ранней истории Руси имела место «варяжская эпоха», начавшаяся во второй четверти IX века и завершившаяся к середине X века, во время правления княгини Ольги, которая, кстати сказать, согласно летописи, происходила, несмотря на скандинавское имя, из псковских кривичей. Это оспаривалось рядом историков, начиная еще с Татищева, на том основании, что город Псков будто бы возник позднее рождения Ольги. Но новейшие археологические исследования показали, что поселение городского характера сложилось в устье реки Псковы не позднее IX века. ¹⁵⁹ Что же касается имени Ольги, сохранилось известие об ее первоначальном имени Прекраса, которое было заменено, когда она обручилась с варягом Игорем (известие это иногда рассматривалось как поздний «патриотический домысел некоего летописца, но ведь никто из летописцев не пытался придумать славянские имена ни Рюрику, ни Олегу, ни Игорю; не следует забывать также, что сын Ольги получил имя Святослав). Вместе с тем, конечно же, в государственном образовании в Северной Руси, возникшем после „призвания“ Рюрика, варяги-норманны играли весьма существенную роль.

По летописной традиции начало правления Рюрика и теперь обычно относят к 862 году. Однако давно установлено, что ранние летописные даты, появившиеся, как это доказано, позже составления первоначальной летописи, заведомо неверны: датируемые события на самом деле по большей части происходили раньше (хотя в некоторых случаях, напротив, позднее).

Так, в «Повести временных лет» утверждается: «В год 852... когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля». М. Н. Тихомиров писал по этому поводу, что «первое известие о начале Русской земли взято было (русским летописцем. – В.К.) из греческого летописца». ¹⁶⁰ Однако, во-первых, сама эта дата была спутана, ибо византийский император Михаил «начал царствовать» не в 852-м году, а на целых десять лет раньше – в 842-м. Во-вторых, летописцы посчитали необходимым все другие собственно русские события относить ко времени не ранее 852 года. Поэтому, например, в Новгородской Первой летописи время княжения Кия отнесено к 854 году, хотя тут же сказано, что «в си же времена бысть в

¹⁵⁸ Летописи и хроники. 1980, – М., 1981, с. 52–53.

¹⁵⁹ См. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М., 1982, с. 52–57.

¹⁶⁰ Тихомиров М. Н. Русское летописание. – М., 1979, с. 52.

Гречько земли цесарь, именем Михаил и мати его Ирина»;¹⁶¹ на самом же деле Ирина была матерью цесаря Константина и правила на полвека ранее, до 802 года. Тот же М. Н. Тихомиров, как уже было отмечено, пришел к очень естественному выводу, что имя Михаила оказалось в этом тексте о Кие из-за сложившегося в какой-то момент прочного убеждения о начале Руси именно во времена Михаила, но в тексте сохранилось и имя правившей на столетия ранее Ирины. И время правления Ирины представляет собою, по мысли М. Н. Тихомирова, действительно верную основу для датировки княжения Кия, ибо – это очевидно из летописи – Михаил был современником вовсе не Кия, а позднейшего киевского князя Аскольда и его соправителя Дира, до начала правления которых Кий умер, а его прямые преемники подпали под власть хазар.

Но вернемся к судьбе Северной Руси. События, предшествующие вокняжению здесь Рюрика (дань, наложенная варягами, их насилия над местными племенами и т. д.), начались – как явствует из цитированного выше Архангелогородского летописца, сохранившего древнейшие сведения – еще во времена Кия, то есть не в середине, а в начале IX века. И уже в 838 (или в 839-м) году из Северной Руси прибыли в Константинополь послы «русского кагана», которые оказались норманнами (шведами). Еще через три десятилетия, в 871 году (когда даже и согласно традиционной датировке, в Северной Руси давно уже правил Рюрик) на Западе были осведомлены, что в Восточной Европе имеются два правителя с титулом кагана (хагана) – *хазарский* и *норманнский* – о чем известно из дошедшего до нас письма германского короля (в 843–876 годах) Людовика к византийскому императору Василию I (867–886).¹⁶² В очень многих работах утверждается, что и в 838, и в 871 годах речь шла о *южнорусском*, киевском правителе. Однако крупнейший востоковед В. В. Бартольд еще в двадцатые годы доказал, что «каганом» назывался правитель именно *Северной* Руси; к сожалению, эти его рассуждения почти не стали достоянием историков Руси (о мешающей делу «разобщенности» востоковедения и русистики нам еще придется говорить).

Рассматривая известие о прибытии в 838–839 году послов кагана Руси в Византию, В. В. Бартольд говорил, в частности, следующее: «В 1916 г. Шахматов писал: „Едва ли можно усомниться в том, что эта Русь прибыла в Константинополь из Южной России“. Мне это мнение тогда же показалось ошибочным: я был убежден, что имеется в виду то же русское каганство... о котором говорят арабы и которое можно искать только на севере. Известно, что к этому мнению пришел и сам Шахматов в своей работе 1919 г.; там сказано, что послы русского кагана возвращались к себе на родину, т. е. на северо-запад России»...¹⁶³

В. В. Бартольд открыл по-своему замечательное совпадение, согласие двух известий о русском кагане, пришедших из Византии одно за другим в Германию и в Арабский халифат. Дело в том, что в Константинополе с 837 по 843 год находился высокообразованный араб Муслим ал-Джарми, который написал затем фундаментальное сочинение о Византии и соседних с ней странах, включая Русь. Оно не дошло до нас, но послужило основой для множества позднейших произведений арабских географов и историков.¹⁶⁴ Сведения о «русах», восходящие к ал-Джарми, таковы: «... они живут на острове среди *озера*, причем остров занимает пространство в три дня пути... и покрыт *лесами* и *болотами*... У них есть царь, которого называют «каганом русов» (В. В. Бартольд, указ. соч., с. 821). Ученый писал об этом: «Наиболее правдоподобно предположение, что автор IX в. имел в виду область русов у

¹⁶¹ Новгородская Первая летопись – М.-Л., 1950, с. 20.

¹⁶² См. об этом, например: Ловмянский Х. Русь и норманны. – М., 1985, с. 195.

¹⁶³ Бартольд В. В. Арабские известия о русах – В его кн.: Сочинения, т. II, ч. 1. М., 1963, с. 819. Речь идет об известных исследованиях А. А. Шахматова «Введение в курс истории русского языка» (Ч. 1, Пг., 1916) и «Древнейшие судьбы русского племени» (Пг., 1919).

¹⁶⁴ См. об этом, напр.: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX-X вв. – М., 1962, с. 38–39.

Ильменя... Древнейшее поселение в этом месте – Городище при выходе Волхова из Ильменя, в местности, окруженной со всех сторон болотами и речными протоками. Слова о „трех днях пути“ объясняются, конечно, только ошибкой арабского автора; таково было, вероятно, пространство не острова, но всей области русов». (Там же, с. 823–824).

Мне представляется естественным предположение, что под «островом», занимающим «пространство в три дня пути», имелась в виду вся *лесная и болотистая* территория, расположенная между озерами Ладога и Ильмень (с севера на юг двести двадцать километров по соединяющему их Волхову). И уж во всяком случае речь шла, конечно же, не о Киеве, не о Южной Руси.

Ныне ранняя история Северной Руси, в частности, глубоко исследована и осмыслена в ряде работ археолога и историка Д. А. Мачинского, известных, к сожалению, только очень узкому кругу специалистов. Независимо от В. В. Бартольда он пришел к тем же выводам в решении вопроса о «русском кагане» IX века. Д. А. Мачинский показал, что послы русского кагана в Константинополь, возвращавшиеся оттуда домой через Рейн, двигались этим путем, без сомнения, не в Киев, а через Балтику в Ладогу: «...возвращаться через Нижний Рейн из Константинополя в Киев (как полагают некоторые)¹⁶⁵ было бессмысленно, в то время как путь из низовьев Рейна в Ладогу был уже проторен. Город Дорестад в низовьях Рейна, как явствует из данных археологии, с середины VIII века был связан прямыми торговыми связями со Швецией и Ладогой, и с конца 830-х гг. (т. е. как раз во время посольства из Руси. – В.К.) его «держал»... Рюрик Ютландский, чье вероятное тождество с русским Рюриком, обоснованное еще в XIX в., подкреплено соображениями ряда исследователей.¹⁶⁶ Послы хакана «народа рос» при проверке оказались «свеонами» (шведами. – В.К.), что опять же говорит о Северной Руси, так как для 830-х гг. присутствие заметной прослойки скандинавов в Киеве исключено, а в Ладоге они археологически улавливаются с 750-х г.... коррективы вносит отражающее реальность середины IX в. древнейшее арабское сообщение... о «русах», которые торгуют с халифатом через Хазарию и характеризуются как «вид славян», живущих «в отдаленнейших частях Славии»¹⁶⁷ («отдаленнейшие», с арабской – южной – точки зрения, – что, безусловно, означает наиболее северные, то есть ладожские. – В.К.). И именно правитель Северной Руси, заключает Д. А. Мачинский, «принял, в подражание хакану Хазарии, высокий титул „хакана“ и отправил послов в Константинополь» (там же).

Речь идет вроде бы об «отдельных» фактах, но они с очевидностью складываются в единую общую картину: не позднее 830-х годов в Северной Руси имелось государство, правитель которого присвоил себе тюркско-хазарский титул «кагана». Южная же Русь в это же самое время (что четко определено в летописях) оказалась – при преемниках Кия – под властью Хазарского каганата. Титул «каган», как уже отмечено, сохранялся в Северной Руси и в 871 году – то есть при Рюрике.

Очень многозначителен сам тот факт, что скандинавские правители на Руси назывались не «конунгами», а «каганами»; это ясно говорит об их вхождении в местный, восточно-европейский контекст (а не об отстаивании своего, скандинавского происхождения). На Западе, где нарастала в те времена грозная экспансия норманнов, в послых Руси с опасением увидели шведов, а самого кагана Руси позднее определили как «норманнского». Между тем в многоплеменном, полиэтническом государстве, чья основная территория располагалась между озерами Ладога и Ильмень, где соединились в одно целое славяне, финны и скандинавы

¹⁶⁵ Вернее было бы сказать не «некоторые», а почти все историки...

¹⁶⁶ Д. А. Мачинский ссылается здесь на работы Х. Ловмянского, Б. А. Рыбакова, Г. С. Лебедева и др.

¹⁶⁷ Культура Русского Севера – Л., 1988, с. 47 (работа написана совместно с А. Д. Мачинской). См. также работы Д. А. Мачинского в сборниках: Формирование раннефеодальных славянских народностей. – М., 1981, с. 31–52; Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья – Л., 1982, с. 7–24; Археологические исследования Новгородской земли. – Л., 1984, с. 5–25, Русский Север. – Л., 1986, с. 3–29; Археологический сборник Вып. 29, – Л., 1988, с. 117–128; а также другие его работы.

(заложив основу многонациональной на всем ее протяжении русской истории), каган был именно и только «русским», так или иначе противопоставившим себя владевшему южной Русью хазарскому кагану, у которого он с середины IX века начал отвоевывать приднепровские земли.

В имевшейся в распоряжении одного из первых русских историков В. Н. Татищева составленной в XVII веке Иоакимовской летописи (вскоре утраченной) сохранилось известие о том, что поляне (то есть киевляне), притесняемые хазарами, послали на север к «Рюрику преднии (знатные. – *В.К.*) мужи просити да поедет к ним сына или ина князя княжити. Он же вваде им Оскольда и вои с ним отпусти». ¹⁶⁸

Многие (хотя и далеко не все) «иоакимовские» сведения те или иные историки считают домыслами (вернее, интерпретациями) Татищева. Однако данное сообщение едва ли можно рассматривать как татищевское истолкование, ибо оно никак не «использовано» историком, который к тому же, как известно, склонен был видеть в хазарах одно из славянских племен, а потому от него нельзя ожидать домысла о киевских славянах, ищущих у «варяжского» кагана защиты от кагана славянского...

Нет оснований предполагать здесь и вымысел летописца, ибо он знал, что Аскольд впоследствии был низложен и убит Олегом как «незаконный» властитель, и сообщение о прямом «назначении» Аскольда в Киев самим Рюриком слишком очевидно подрывало авторитет Олега (как я постараюсь показать в дальнейшем, Аскольд, сумев утвердиться в Киеве, вскоре оказался вассалом хазарского кагана и, в частности, именно потому, вероятно, был низвергнут Олегом, стремившимся сбросить власть хазар над южной Русью); в сохранившем (по убеждению А. А. Шахматова и М. Н. Тихомирова) древнейшие сведения «Архангелогородском летописце» сказано, что после свержения Аскольда «иде Олег... на козары» (цит. изд., с. 37).

Словом, вполне возможно, что рассматриваемое «иоакимовское» сообщение запечатлело реальный факт южнорусского посольства к Рюрику с просьбой помочь освободиться от хазарского господства. Сообщение это свидетельствует, в частности, о том, что киевская ветвь восточнославянских племен воспринимала власть северорусского кагана не как нечто чуждое, «норманнское», но как родственную – в конце концов, «свою» – государственность, под рукой которой она стремилась оказаться.

Необходимо отметить, что правитель южной, собственно Киевской Руси с самого начала назывался, очевидно, не каганом, а князем. Об этом свидетельствует тот факт, что в уже упомянутом выше труде арабского географа Ибн Хордадбега «Книга путей и стран», написанном, скорее всего, в 880-х годах, при перечислении *титолов* правителей различных государств «владыка славян» назван словом «кназ» (а «владыка хазар» – «хаканом»). Трудно усомниться, что речь идет о правителе Киева, ибо к 871 году (см. выше) относится германское известие о «кагане» в Северной Руси. По-видимому, Олег, овладев Киевом, стал называться не каганом, а князем (как назывался и свергнутый им Аскольд). Титул «каган» утвердился (на некоторое время) в Киеве только *после разгрома* Хазарского каганата (как известно, каганами звались Владимир и Ярослав).

Итак, варяги, появившиеся в Северной Руси с середины VIII века, вошли в движение русской истории как стимулирующая (о чем уже шла речь), а отчасти и возглавляющая это движение сила, но вошли в него, по сути дела, вовсе не как сила чужая, «внешняя», имеющая свои *собственные* (то есть «скандинавские») цели, но как одна из «внутренних» сил, вплетенных в жизнь именно *этой* многоплеменной страны. О том же, что варяжская династия возглавляла государство Руси лишь *отчасти*, лишь в определенной мере, убедительно писал выдающийся польский историк, указавший на необходимость учитывать «роль знати – „мужей“ – в славянском обществе. Власть фактически была в их руках, без их решительного участия нельзя было прийти к соглашению». ¹⁶⁹ Именно эти местные «мужики» призвали, – вступив с

¹⁶⁸ Татищев В. Н. История Российская, т. 1. – М. – Л., 1962, с. 110.

¹⁶⁹ Ловмянский Х. Русь и норманны. – М., 1985, с. 159.

ними в соглашение, договор, – Рюрика в Ладогу, а позднее – согласно сообщению Иоакимовской летописи – Аскольда в Киев.

Нельзя не сказать и о том, что скандинавы, оказавшись на Руси, присоединились к славянским языческим верованиям, а не сохранили свои, германские. Об этом недавно писал О. М. Рапов. Тексты договоров с Византией «свидетельствуют, что «варяжский» князь Олег (то есть уже первый преемник Рюрика. – В.К.) и «варяжская» знать клянутся перед византийцами не Одним и Тором – скандинавскими богами, а Перуном и Волосом – чисто славянскими божествами». ¹⁷⁰ Это, без сомнения, очень существенный показатель, убеждающий, что варяги действительно влились в собственное бытие Руси.

Вместе с тем варяги в течение долгого времени были, конечно, особым, существенно отличным от славянских племен феноменом. И это должно было запечатлеться в русском эпосе, – в том числе в одной из самых значительных былин – о Вольге и Микуле. Сопоставление и, более того, противопоставление воина и собирателя полюдья (дани) Вольги и, с другой стороны, оратая, пахаря Микулы истолковывалось в ряде работ (особенно послереволюционных) в чисто социальном или даже заостренно «классовом» плане. Казалось бы, для этого есть все основания, ибо Вольга – приближенный князя, а Микула, при всей эпической монументальности его фигуры, – «простой» крестьянин. Однако в мире былины они явно *равноправны*, Микула ни в коей мере не выступает в роли подчиненного лица. Речь идет скорее о героях с разными «образами жизни», под которыми просматриваются в конечном счете различные *этнос*. В арабских известиях о варягах на Руси утверждается, что они «ходят в дальние места с целью набегов, а также плавают на кораблях в Хазарское море, нападают на корабли и захватывают товары... у них нет посевов и пашен. И они пользуются обычно славянскими посевами». ¹⁷¹

А в былине, записанной в 1860 году П. Н. Рыбниковым от упомянутого выше Т. Г. Рябинина, о Вольге говорится:

*Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под оболоча,
Серым волком рыскать во чистых полях...*

Микула же, хотя ему иногда волей-неволей приходится обрушить свою мощь на каких-либо напавших на него «разбойников», занят все время одним:

*Орет в поле ратай, понукивает,
Сошка у ратая поскрипывает...
Орет в поле ратай, понукивает,
С края в край бороздки пометывает;
В край он уедет – другого не видать...*

Вместе с тем по просьбе Вольги (опасающегося «разбойников»):

*– Ай же, оратай-оратаюшко,
Поедем со мною во товарищах, –*

Микула без всяких споров отправляется в путь, то есть речь в былине идет о согласном взаимодействии столь разных героев. И едва ли будет натяжкой видеть в этой стороне содержания былины эпическое воссоздание соотношения варяжского и славянского «составов» Руси.

¹⁷⁰ Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. – М., 1988, с. 118.

¹⁷¹ Новосельцев А. П. Восточные источники о славянах и Руси VI–IX вв. – В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965, с. 399, 400.

Правда, основная тяжесть смысла былины в другом – в утверждении безграничной мощи пахаря, в котором воплощена как бы мощь самой возделываемой им земли, и все тридцать молодцев «дружинушки храброй» Вольги даже

...не могут сошки с земельки повыдернуть, –

сошки, которую Микула легко «повыдернул» одной рукой. И это, конечно, тоже эпическое осознание исторического соотношения варяжских воителей-нарядников и пахарей-славян. Но Вольга говорит Микуле:

*– Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовать –*

и, при всем высшем утверждении Микулы как основной и несравненной мощи эпического мира, былина тем не менее запечатлела и прочное сотрудничество, взаимодействие двух этнических сип. А именно это призвано в конечном счете сделать и современное историческое осознание соотношения варягов и славянских племен.

В былинном мире эти различные силы уже объединены в цельном понятии «Русь», «русский» – между тем как во многих источниках, восходящих к IX – первой половине X века, «русью» называются главным образом варяги, сопоставляемые (или даже противопоставляемые) со «славянами». Здесь невозможно (да и не необходимо) рассматривать в целом эту очень сложную лингвистически-историко-этнографическую проблему, вокруг которой уже два столетия идут споры; для нас существенно то, что в былинах, сформировавшихся к XI веку, эти различные силы уже *слиты воедино* в образе-понятии «Русь».

Нельзя не коснуться – хотя бы в самых общих чертах – вопроса о происхождении названия «Русь». Существуют две крайние, всецело противоречащие друг другу точки зрения: согласно первой, «русью» первоначально (и в течение достаточно длительного времени) назывались пришедшие «из-за моря» шведы, согласно второй, это название, напротив, возникло в среде восточнославянских племен и затем уже отчасти «перешло» на игравших значительную роль в создании русской государственности пришельцев из Скандинавии.

Первая точка зрения исходит прежде всего из того факта, что в финском языке «русью» («routsi») называются шведы. Притом необходимо учитывать, что шведы приходили в восточнославянские земли, в частности, через финскую территорию (то есть финны «узнали» их раньше, чем славяне), а кроме того в северной части этих земель славянские племена жили в теснейшем единении с финскими (напомню, что в создании северорусской государственности чудь и весь участвовали совместно со словенами и кривичами). Отсюда следует вывод, что славянские племена усвоили от финских племен наименование пришельцев из Швеции и в течение определенного периода называли «русью» именно и только этих пришельцев. Позднее, когда последние как бы растворились в славянском населении, их наименование стало названием самого этого населения.

Эта история названия «Русь» – еще один повод для резких возражений заостренно патриотически настроенных публицистов и историков, усматривающих в таком объяснении истоков имени «Русь» некое беспрецедентное «принижение» своего славянского народа. Между тем перед нами довольно «типичная» история названия народа и страны. Так, тот *романский* народ, который ныне все знают под именем французов, получил сие название от *германского* племени *франков*, завоевавшего этот народ в конце V–VI века и взявшего в свои руки всю власть в стране, а в конце концов ассимилированным преобладающим романским населением. Не исключено, что те или иные французы сокрушались по поводу того, что они и их страна называются по имени чуждых и поработивших коренное население завоевателей. Но совершенно ясно, что у нас, русских, гораздо меньше оснований сокрушаться, нежели у французов. Ибо если имя «Франция» действительно произошло от названия чужого племени, то история названия «Русь» имеет совсем иной характер.

В давние времена были тщетные попытки разыскать в древней Скандинавии племя

«русь», якобы переселившееся в восточнославянские земли. Однако бесспорно установлено, что то самое финское «*routsi*», из которого выводят «Русь», происходит от древнешведского слова, означавшего «гребцы», «плавание на гребных судах»¹⁷² или, по другим сведениям, «дружину»¹⁷³ (особого противоречия здесь нет, так как шведские «дружины» двигались именно на гребных судах). Дело в том, что шведы, соприкасавшиеся с финскими племенами, являли собой именно дружины на гребных судах и называли себя именно так, а в финском языке это, так сказать, «профессиональное» название стало означать шведов вообще.

Из этого следует, что имя «Русь» происходит вовсе не от имени чужого – шведского – племени, а от названия двигающейся по воде дружины. В финский язык «*routsi*» вошло в древнейшие времена как название шведов, но нет сведений о том, что оно имело подобное значение в языке *славянских* племен.

Это убедительно показано в новейшем превосходном (хотя и не во всем бесспорном) исследовании О. Н. Трубачева «К истокам Руси (наблюдения лингвиста)» М., 1993. Он говорит о знаменитом князе Руси Рюрике: «Курьезно то, что *датчанин* Рерик не имел ничего общего как раз со Швецией... Так что датчанство Рерика-Рюрика сильно колеблет шведский комплекс вопроса о Руси» (с. 48). И в самом деле: если бы слово «русь» означало в устах славян именно шведов, каким образом оно стало бы обозначением представителей другого народа, к которому принадлежали Рюрик и его сподвижники?

В представлениях тех историков, которые склонны полагать, что словом «русь» вначале назывались шведы, считаются очень важными сведения так называемых «Бертинских анналов», где сообщено, что в 839 году к германскому императору прибыли люди, «которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос... Тщательно расследовав... император узнал, что они принадлежат к народности шведской».¹⁷⁴

Еще в 1876 году влиятельный немецкий филолог и историк Вильгельм Томсен прочитал в Оксфордском университете лекцию «Начало русского государства» (в 1891 году изданную в России), где, в частности, на основе процитированного источника утверждал, что «русь» IX века – это шведы. О. Н. Трубачев, напоминая об этой сыгравшей очень значительную роль в истории вопроса лекции, обращает внимание на тот факт, что ведь, напротив, «германский император... как раз никакой связи между именем народа... рос и свеонами-шведами не видел, ибо, как признает и сам Томсен, «Русью они (скандинавы – О. Т.) звались только на Востоке» (с. 44–45), – то есть в восточнославянских землях.

Таким образом, находившиеся среди восточных славян шведы уже в 830-х годах считали себя принадлежащими к «народу Рос», а не шведами. И в последнее время достаточно прочно утвердилось представление, согласно которому «русью» в восточнославянских землях первоначально называлась определенная часть их населения, а именно та часть, которая сыграла основную роль в создании и развитии государственности. В эту часть входили люди, принадлежавшие к различным племенам (в том числе, без сомнения, и шведским), но осознававшие себя единой силой, даже как бы единым «народом» (что и проявилось в рассказе «Бертинских анналов»). Характерно, что в летописи нередко употребляется словосочетание «*вся русь*», подразумевающее, очевидно, собрание воедино *различных* племенных «элементов» этой самой «руси».

Целесообразно сослаться на новейшую книгу исследователя, который по своим воззрениям весьма далек от О. Н. Трубачева, но тем не менее приходит, в сущности, к близкому выводу. Речь идет о книге В. Я. Петрухина «Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков» (Смоленск, 1995): «...из контекста источников ясно, – утверждает в книге, – что выражение „вся русь“ означало не какое-то конкретное племя, а дружину в походе на гребных судах;

¹⁷² См. новейшую работу: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории древнерусского государства (IX–X вв.) – «Вопросы истории», 1989, № 8, с. 24–28.

¹⁷³ См.: Трубачев О. Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). – М., 1993, с. 48.

¹⁷⁴ Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. – М., 1936, с. 23.

недаром в тексте... Новгородской первой летописи слова „вся русь“ заменены словами „дружина многа и предивна“. Это название княжеских дружин распространилось в процессе консолидации древнерусского государства на... территории от Ладоги и Верхнего Поволжья до Среднего Поднепровья, дав наименование „Русской земле“ и „всем людям Русской земли“ – восточнославянской в своей основе древнерусской народности» (с. 55). Эта «русь», двигаясь по водным путям, объединяла в определенную целостность огромное пространство от Ладоги до Киева, воздвигала «грады» (то есть крепости), создавала общий строй и уклад и, в конце концов, «отдала» свое имя стране и ее населению в целом.

В составе «руси» значительное место и еще более значительная роль принадлежали, без сомнения, выходцам из германских – скандинавских – племен, но только своего рода комплекс неполноценности видит в этом нечто «принижающее» Отечество, ибо (о чем уже шла речь) те же скандинавы и германское племя франков сыграли гораздо более значительную роль в истории Великобритании и Франции. История вообще есть плод, результат соединенных (пусть даже разнонаправленных) действий различных этносов, а не простая сумма «изолированного» бытия отдельных народов. Пользуясь весомыми бахтинскими понятиями, история – это постоянный диалог народов, а не совокупность их монологов.

В заключение повторю еще раз: выходцы из Скандинавии, или, как их звали наши далекие предки, варяги, оказавшись в Ладоге или в Киеве, явились деятелями не какой-либо «своей» – скандинавской, – а русской истории...

Обращаюсь к другой исторической силе, сыгравшей громадную роль в первоначальной истории Руси и, в частности, имеющей самое прямое отношение к содержанию русского героического эпоса. Речь идет о Хазарском каганате.

Правда, отношения Руси с Хазарским каганатом и, с другой стороны, с Византийской империей оказались уже в довольно ранний период – с 860-х годов – в теснейшей взаимосвязи, и их, в сущности, невозможно рассматривать по отдельности. Но начать все же уместно с вопроса о Хазарском каганате.

До последних десятилетий роль его в истории Руси оставалась явно недостаточно выясненной, а многие из имевшихся налицо сведений представлялись сомнительными, оспаривались или даже вообще отвергались. Одна из главных причин такого положения состояла в том, что *летописные* известия о хазарах – в сравнении, скажем, с известиями о тех же варягах или о Византии – очень и очень скудны и отрывочны. Это, в частности, побуждало считать значение Хазарского каганата в истории Руси не столь уж существенным.

Однако малое внимание летописи к хазарам имеет свое совершенно естественное объяснение. Ведь непосредственно дошедшие до нас летописные своды были составлены не ранее десятых годов XII века; хазары к тому времени – поскольку Хазарский каганат был разгромлен еще князем Святославом в 960-х годах – уже *полтора столетия* не играли сколько-нибудь значительной роли, между тем как и Византия, и варяги продолжали в конце XI – начале XII века быть очень важными «факторами» в жизни Руси.

В монографии А. П. Новосельцева (в главе «Источники о хазарах и Хазарском государстве») отмечено, что «летописание на Руси возникло ...когда Хазарского государства уже не существовало. В ПВЛ («Повесть временных лет». – В.К.) ...вошли известия о хазарах, основанные главным образом на преданиях и устной традиции. Их немного...»¹⁷⁵ Да, в летописи о хазарах содержатся только или самые лаконичные сведения («...хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма...»; «и в битве одолел Святослав хазар и город их и Белую Вежу взял...»), или же «нравоучительная притча о предложенной Русью хазарам *дани мечами*»¹⁷⁶ – дани, которая затем как бы обернулась против

¹⁷⁵ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990, с. 34.

¹⁷⁶ Л. Н. Гумилев полагает, что эта притча в преобразованном виде запечатлела совершившееся некогда изъятие хазарами оружия у русской дружины (см. его статью «Сказание о хазарской дани...» в журнале «Русская литература», 1974, № 3, с. 164–174).

завоевателей.

Но летописные сведения о хазарах можно воспринять и совершенно по-иному. Известный в свое время «хазаровед» Ю. Д. Бруцкус (брат видного экономиста Б. Д. Бруцкуса, высланного в 1922 году из России) вполне справедливо писал: «Если приглядеться к первым страницам начальной русской летописи и исключить заимствования из греческих хронографов и приводящие легендарные сказания, то можно заметить, что *почти все* первые *оригинальные* записи посвящены борьбе с хазарами».¹⁷⁷ Это действительно так, и скудость таких «оригинальных» (то есть собственно русских) записей не будет нас смущать, если мы осознаем, что другие русские записи вообще почти отсутствуют и, значит, хазарская тема является для начальных страниц летописи *главной*.

Однако на этот факт никто, кроме цитированного автора, не обращал внимания, и в результате историки с недоверием или же без должного внимания относились к достаточно многочисленным сведениям об очень существенной роли Хазарского каганата в истории Руси – сведениям, содержащимся в арабских, византийских, хазарских и других иноязычных источниках.

Только в новейшее время произошел своего рода перелом в понимании значения Хазарского каганата в истории Руси, – перелом, связанный прежде всего с очень интенсивными и результативными *археологическими* исследованиями на «славяно-хазарском пограничье» (это определение принадлежит наиболее выдающемуся исследователю в этой области С. А. Плетневой), то есть прежде всего в верхнем течении Дона и Северского Донца.

И если летопись, составленная в начале XII века, содержит крайне мало сведений о хазарах, то есть ведь и более древние русские источники, восходящие непосредственно к IX-X векам (правда, глубоко своеобразные источники), которые запечатлели историческую ситуацию «Русь и Хазарский каганат» с исключительной широтой и полновесностью. Речь идет не о чем ином, как о *героических былинах*.

Осознание этого факта совершается в современных трудах о русском эпосе. Так, много лет работающий в этой сфере исследователь, В. П. Аникин, анализируя одну из известнейших былин – о Добрыне-змееборце, писал недавно, что «нельзя оставить без внимания догадку, высказанную еще учеными 60-х (точнее, еще 50-х.¹⁷⁸ – В.К.) годов XIX века. Они считали, что татаро-монголы как исторические враги Древней Руси заменили собой в эпосе более древних врагов... Такая точка зрения встретила в последующее время поддержку в работах А. Н. Веселовского, П. В. Владимирова, А. М. Лободы и др.». В. П. Аникин здесь же дает соответствующие ссылки и предлагает, в частности, видеть в былине о Добрыне «первоначальный поэтический отклик на столкновение Киевской Руси с древней Хазарией».¹⁷⁹

Да, в былинах в качестве врага обычно выступают «татары». Но самый факт замены имен древних врагов именем врагов более поздних не только не является чем-то исключительным, но, напротив, довольно типичен для произведений, существующих в устной традиции.

Исследовательница среднеазиатского фольклора Л. С. Толстова показывает, что устным преданиям «присущи... сдвиги в хронологии, замена одного народа (например, народа-завоевателя) другим и пр. Так, в фольклоре народов Средней Азии воспоминания об относительно поздних завоеваниях калмыков затмили даже предания о нашествии Чингисхана; образы монголов и калмыков контаминировались»¹⁸⁰ (это в самом деле удивительно: более

¹⁷⁷ Бруцкус Ю. Д. Письмо хазарского еврея от X века. Новые материалы по истории южной России времен Игоря. – Берлин, 1924, с. 19.

¹⁷⁸ Я имею в виду статьи о былинах А. С. Хомякова (1852) и К. С. Аксакова (1856).

¹⁷⁹ Аникин В. П. Былины. Метод выяснения исторической хронологии вариантов. – М., 1984, с. 157–158 (см. также далее).

¹⁸⁰ Толстова Л. С. Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов (на среднеазиатском материале). – В кн.: Фольклор и историческая этнография. – М., 1983, с. 9.

поздний не столь уж сильный враг заслонил могущественнейших монголов!).

Или другой пример: в древнегрузинских преданиях, изложенных в созданной в конце XI или в начале XII века Леонти Мровели хронике «Жизнь картлийских царей», имена целого ряда врагов, нападавших на Грузию в древнейшие времена с севера, из-за Кавказского хребта, заменены именем «наиболее позднего» северного врага, чьи нападения относятся в основном к VII–VIII векам. Любопытно, что в данном случае этим поздним, заслонившим предшествующих врагом были именно хазары. Как пишет грузинский историк Л. С. Давлианидзе, «в IV в. на самом деле велись жестокие бои с некоторыми племенами Северного Кавказа, а летописцы последующих времен приписали их хазарам»¹⁸¹ (которые в то время находились еще далеко от Кавказа). Историк только едва ли правильно считает, что именно *летописцы* приписали эти нападения хазарам; скорее всего, замена имени совершилась еще в *устных* преданиях, на которых основывались жившие намного позже летописцы. Известно, что тот же Леонти Мровели «широко пользовался устными преданиями» (указ. изд., с. 11).

В русских же былинах как раз хазар заменили позднейшие татары, или, вернее, монголы, которых стали называть татарами. В дальнейшем я буду стремиться доказать, что героический эпос Руси, воплотившийся в основном фонде былин, порожден именно *борьбой с Хазарским каганатом*, которая определяла ход русской истории более полутора столетий, – примерно с начала второй четверти IX века до последней трети X века.

Забегая вперед, отмечу, что и древнейшие *литературные*, письменные произведения Руси, которые на первых порах имели, за немногими исключениями, богословский характер, в *большинстве своем* заострены против *иудаизма* – государственной религии Хазарского каганата. Речь идет о произведениях XI – первой половины XII века, хотя не все они получили бесспорную датировку (некоторые из них те или иные исследователи стремились отнести к более позднему времени). Именно противоиудаистская направленность определяет содержание таких творений, как «Слово о законе и Благодати» митрополита Илариона, «Речь философа», составляющая очень важную часть «Повести временных лет» (XI в.), «Словеса святых пророков» (по-видимому, конец XI – начало XII века), «Палея толковая на иудея» (наиболее монументальное из древнерусских произведений, отнесенное М. Н. Тихомировым ко времени не позже XII века); есть противоиудаистская тема и в «Житии Феодосия Печерского» преп. Нестора, и у св. Кирилла Туровского, и в «Киево-Печерском Патерики» и т. д. Значительных произведений XI – первой половины XII века, в которых нет этой темы, намного меньше, нежели тех, в которых она присутствует или даже господствует. М. Н. Тихомиров на страницах своего труда «Философия в Древней Руси» с полным основанием утверждал, что XI – первая половина XII века – это время, когда создаются прежде всего «противоиудейские философско-религиозные трактаты».¹⁸²

При этом не менее важно отметить, что позднее – с середины XII и до конца XV века (когда распространилась «ересь жидовствующих»), то есть на три с лишним столетия, – противоиудаистская проблематика как раз почти полностью *исчезает* из русской литературы. Ибо духовное противоборство с Хазарским каганатом уже совершено, исполнено, и литература переходит к другим целям и предметам. Своего рода господство противоиудаистской темы на начальном этапе истории русской литературы (XI – середина XII века) – это очень существенный аргумент в пользу того, что в IX–X веках главной целью Руси было противостояние Хазарскому каганату.

Таким образом, литература, создававшаяся в XI – первой половине XII века, непосредственно после создания героических былин, по своему продолжала их дело, а с середины XII века наступает уже совсем иная эпоха в истории русского Слова.

В частности, немалое место в литературе заняла тема взаимоотношений с половцами. Как

¹⁸¹ См.: Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. – М., 1979, с. 74, а также с. 88–89 и др.

¹⁸² Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII вв. – М., 1968, с. 127.

уже было отмечено, едва ли не в большинстве работ о былинах с давних пор выражалось представление, согласно которому былины-де и «отразили» главным образом борьбу с половцами. В частности, так называемая историческая школа в изучении русского эпоса обычно занималась сопоставлением образов и сюжетов былин с летописными сведениями именно *о половцах*. Правда, это делалось нередко, в сущности, только потому, что в летописях было «легче» искать прообразы былин, нежели в истории Руси в целом (то есть и в «темных» ее местах); летописи являли собой – о сей шутке уже шла речь – своего рода «фонарь», в свете которого проще было нечто «найти»... Но все же нельзя не коснуться проблемы «Русь и половцы».

Выше я стремился доказать, что русский эпос сложился не позднее начала XI века, то есть еще до появления половцев (они оказались у границ Руси лишь в середине XI века). Но дело не только в этом. Вполне можно допустить, что в мир былинного эпоса вошли и те или иные (в том числе, не исключено, и весьма значительные) элементы, запечатлевшие столкновения Руси с половцами. Но есть все основания утверждать, что и масштабы, и самый характер этих столкновений *не могли бы породить* героический эпос. Борьба Руси и половцев, как это убедительно показано в ряде работ авторитетных исследователей, отнюдь не являла собой борьбу, как говорится, не на жизнь, а на смерть. Это было, скорее, воинское *соперничество, состязание*, «охота» друг на друга, которая – и это глубоко показательно – в любой момент могла обернуться союзом, совместными действиями и даже прямой дружбой.

В этом отношении очень выразительно одно из сообщений в «Поучении» Владимира Мономаха (1053–1125), который являл собой, несомненно, *главного героя* всей полуторавековой борьбы с половцами. Тем не менее, поведав о своих многочисленных столкновениях с половцами, он не без гордости писал в заключение: «И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать... раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто» (перевод Д. С. Лихачева). К. этому уместно еще добавить, что Владимир Мономах женил своих сыновей Юрия Долгорукого и князя Переяславского Андрея на половчанках.

Разумеется, отношения с половцами – это все же *боевое* соперничество, нередко приводившее к тяжким жертвам и бедам. Однако в противоборстве с половцами никогда не было даже и намек на, скажем, потерю Русью независимости, не говоря уже об ее гибели. Известный историк В. Т. Пашуто подчеркивал: «В целом половецкие набеги охватывали (как отметил уже Д. Расовский¹⁸³) около 1/15, главным образом степной части страны... ни Галич, ни Полоцк, ни Смоленск, ни Новгород, ни Суздаль не были для них досягаемы, а в Киев, Чернигов и Переяславль они вступали лишь в качестве княжеских наемников».¹⁸⁴

Последнее замечание особенно существенно: русские князья (это, конечно, весьма безотрадный факт) нередко нанимали половцев для нападений на своих единоплеменных соперников... Но из этого следует сделать вывод (который будет еще подкреплён ниже), что отношения с половцами в определенной степени были *аналогичны* отношениям отдельных соперничавших между собой княжеств Руси конца XI – начала XIII века. И не будет натяжкой утверждение, что половцы воспринимались тогда как некое «приложение» к Руси (изначально многоэтнической), как ее – пусть и «внешняя» – часть.

Поэтому редколлегия содержательного коллективного труда о составных частях Древней Руси – «Древнерусские княжества X–XIII вв.» (1975) – поступила, без сомнения, совершенно правильно, включив в труд, наряду с главами «Киевская земля», «Черниговское княжество» и т. д., и главу «Половецкая земля». Ее автор С. А. Плетнева говорит, что с 1055 года «началась сложная, полная браков и битв, набегов и военных союзов совместная двухсотлетняя история двух народов». Уже с 1070-х годов (а появились половцы в 1050-х годах) «половцы начали

¹⁸³ Речь идет об опубликованной в 1935 году в Праге работе историка-эмигранта Д. А. Расовского (1902–1941).

¹⁸⁴ Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965, с. 98.

участвовать в войнах, которые вели русские князья с соседями». ¹⁸⁵

Образованнейший историк Е. Ч. Скржинская доказывала, что «половцы с середины XI до середины XIII в. были постоянным элементом истории Киевского государства... половцы, при всей серьезности и опасности встреч с ними, стали, если можно так выразиться, обыденным явлением русской жизни». ¹⁸⁶

Нельзя не сослаться и на опубликованную впервые еще в 1947 году работу крупнейшего тюрколога В. А. Гордлевского о «Слове о полку Игореве», в которой решительно оспаривалось представление о половцах как о непримиримых, «смертельных» врагах Руси. В этой работе, в частности, утверждалось, что после первых действительно острых столкновений «взаимоотношения между народами, русским и половецким, были и более тесные, и более дружественные, они вросли в повседневный быт». ¹⁸⁷ Наконец, другой исследователь «Слова о полку Игореве» А. Н. Робинсон пишет, что отношения русских и половцев развившись «в виде постоянно чередовавшихся взаимных набегов и союзов, нередко скреплявшихся династическими браками». ¹⁸⁸

Привести здесь суждения исследователей «Слова о полку Игореве» особенно важно. Ибо именно это творение более всего, пожалуй, способствовало формированию весьма неточного или даже просто ложного представления о взаимоотношениях русских и половцев.

Перед нами лирико-эпическая поэма о судьбе героя, который претерпел поражение и позор плена в результате похода на половцев – кстати сказать, по целям своим тождественного половецким набегам: воины Игоря сражаются, «ища себе чести, а князю – славы», и, с другой стороны, после начальной своей победы они «помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты».

Правда, некоторые исследователи «Слова» усматривали в походе Игоря гораздо более значительную цель, основываясь на одной детали повествования: киевские бояре говорят, что Игорь и Всеволод стремятся «поискать града Тмутороканя», то есть утраченного достояния Руси, входившего в ее состав до рубежа XI–XII веков. Но, во-первых, Тмуторокань упомянута в «Слове» явно потому, что ею владели прямые предки Игоря (последним тмутороканским князем был его дед Олег Святославич, а может быть, и дядя – Всеволод Ольгович), а во-вторых, идея возвращения дальнего тмутороканского наследства с помощью весьма малочисленного Игорева войска была, конечно же, чисто утопической.

Важно понять, что в глазах автора «Слова» «честь» и «слава» побед над Кончаком и захват его богатств были привычными для того времени (и не только на Руси, но и, скажем, в тогдашней Европе) целями воинского похода. Но, взявшись воспевать этот поход, творец «Слова» не мог не «утяжелить» и не обострить коллизии своей поэмы. Он повествует о противниках Игоря не столько как об участниках очередного воинского «состязания», сколько как о непримиримо враждебной и крайне опасной силе, хотя «фактическая» сторона даже и *самого* «Слова о полку Игореве» способна породить существенно иные представления о происходившем; ведь достаточно вдуматься в тот факт, что плененного сына героя, Владимира Игоревича, не только не убивают и не превращают в раба, но собираются женить на дочери победителя – главного тогда половецкого хана Кончака (что и в самом деле произошло)... Однако лирический пафос «Слова», голос самого его создателя внушает совсем иное

¹⁸⁵ Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975, с. 260–267.

¹⁸⁶ Скржинская Е. Ч. Половцы. Опыт исторического истолкования этника. – «Византийский временник», т. 46, М., 1986, с. 255, 259.

¹⁸⁷ Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве») – В его книге: Избранные сочинения, т.3, М., 1961, с. 487.

¹⁸⁸ Робинсон А. Н. О задачах сближения славистической и тюркологической традиции в изучении «Слова о полку Игореве». – В кн.: «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVI веков. – М., 1978, с. 202.

понимание отношений с половцами.

«Слово о полку Игореве», независимо от его конкретного содержания, – безусловно гениальное художественное творение, и с точки зрения собственно художественной ценности оно являет собой, несомненно, высшую вершину древнерусской литературы, что и обеспечило «Слову» не сопоставимое ни с чем (если говорить о литературе Древней Руси) ценностное признание и всенародное приятие. Но нельзя не сказать, что эта – конечно, вполне оправданная – выделенность «Слова», превратившая его в своего рода полномочного представителя литературы Древней Руси, в ее главный символ, привела к неверному, затемняющему реальный путь русской словесности представлению, в силу которого поэма воспринимается как своего рода «начало», «исток», «пролог» (последний термин употребляет даже Д. С. Лихачев!) отечественной литературы.

Между тем «Слову о полку Игореве» предшествует по меньшей мере *полтора*вековая полноценная история *письменной* литературы («Слово о законе и Благодати» митрополита Илариона создано, согласно новейшему исследованию А. Н. Ужанкова, в 1038 году, а «Слово о полку Игореве» – не ранее 1185-го) и, кроме того, едва ли менее длительная история былинного эпоса, который начал складываться никак не позже рубежа IX-X веков. То есть за плечами безымянного создателя поэмы конца XII века была *трехсотлетняя* история русского искусства слова...

И из исследований стиля поэмы об Игоре со всей ясностью вытекает, что перед нами порождение вовсе не некой начальной стадии истории словесности, но, напротив, исключительно высокоразвитого, даже изощренного, своего рода уже и «избыточного» искусства слова.

Между прочим, одним из наиболее сильно действующих факторов, внушающих неверное представление об «изначальности» «Слова», является, без сомнения, его *безымянность*. Раз, мол, даже имя автора произведения не дошло до нас, значит перед нами нечто очень архаичное. При этом, как ни странно, забывают, что существуют десятки более и даже намного более ранних (то же «Слово» Илариона) произведений, авторы которых хорошо известны. Есть основания полагать, что безымянность «Слова» входила в *замысел* его создателя, была вполне осознанной. Он стремился представить свое «Слово» как некую «всеобщую» песнь, которая звучит из уст всех его «братьев». Это можно сравнить, например, с первоначальным безымянным изданием поэмы Маяковского «150 000 000». То есть безымянность «Слова» – это не выражение «доиндивидуальной» архаики, а, напротив, некий сознательный «изыск» создавшей его личности, что вовсе не было чем-то исключительным для того времени. Созданные примерно тогда же «Моление» Даниила Заточника или «Слова» Кирилла Туровского отличаются также в высшей степени изощренным стилем и образностью. Тем не менее именно художественная зрелость «Слова о полку Игореве» явилась, по-видимому, главным поводом для сомнений в его древности. Между тем Пушкин, о несравненной объективности суждений которого говорилось в предисловии, поистине неоспоримыми доводами отверг самую возможность «подделки» этого творения в конце XVIII века:

«Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта?...» Они «не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя?»

Об этом необходимо сказать сегодня, ибо в период «гласности» очередной раз начались попытки объявить «Слово» фальсификацией, сконструированной в конце XVIII века. В частности, опубликованы острые заметки самого активного «скептика» А. А. Зимины (вообще-то замечательного историка Руси XV – начала XVII веков), который очень, пожалуй, даже чрезмерно горячо стремился «развенчать» древность «Слова», посвятив этому делу в 1960-х – начале 1970-х годов более десятка публикаций. Но в высшей степени характерно его собственное объяснение владевших им побуждений, – объяснение, записанное в 1978 году:

«Выступление с пересмотром традиционных взглядов на время создания «Слова о полку Игореве» было борьбой за право ученого на свободу мысли. Речь шла не о том, *прав я или*

нет... было тошно от казенного лжепатриотизма, расцветшего в 40–50-е гг.». ¹⁸⁹

Это по-своему поразительное признание, ибо А. А. Зимин явно не отдает себе отчета в том, что он оказывается, по сути дела, в той же самой позиции, как и вызывающие у него «тошноту» представители «казенного лжепатриотизма», ибо его – по его же словам – вдохновляло не стремление к беспристрастной истине, а борьба с «лжепатриотами»...

Говоря о поэме об Игоре, нельзя не подчеркнуть, что в отличие от предшествующих ей сочинений искусство слова явно предстает здесь в своей собственной сущности; это, пожалуй, первое действительно «чисто» художественное творение, не отягощенное, подобно более ранним, мифологическими (элементы мифа выступают в поэме об Игоре, о чем уже шла речь выше, не в своем содержательном значении, но в качестве художественно-формальных, как средство образотворчества), богословскими, ритуально-обрядовыми (что присутствует, например, в былинах) и иными идеологическими и бытовыми компонентами. Кстати сказать, в значительной мере именно потому «Слово о полку Игореве» так легко и естественно было воспринято и оценено самыми широкими кругами людей в новейшее время, в XIX–XX веках.

И следует со всей решительностью утвердить, что поэма об Игоре являет собой отнюдь не «начало», но, напротив, завершение, *конец* определенной эпохи, определенного «цикла» в развитии русского словесного искусства, – соответствующий концу истории *Киевской Руси*, которая сменяется историей Руси Владимирской и, далее, Московской. Разумеется, концом эпохи в прямом и резком смысле было монгольское нашествие, после которого культура и литература во многом начинают развиваться, так сказать, заново, с самого начала, что ясно видно, например, при сопоставлении изощреннейшего искусства того же «Слова о полку Игореве» и обнаженной простоты и безыскусности «Повести о разорении Рязани Батием». Лишь позднее, в XIV веке, совершается «возрождение», воскрешение культуры домонгольской, Киевской Руси.

Но вернемся к вопросу об исторической основе «Слова о полку Игореве», то есть к проблеме «Русь и половцы». Поскольку дело идет о пронизанном лиризмом, властным голосом творца поэмы образе героя и его драматической судьбе, тема половцев, естественно, предстает здесь как тема безусловно чуждой, враждебной и грозной силы. И, повторяю, воплощение этой темы в *художественном мире* «Слова о полку Игореве» для многих и многих людей явилось и является основой общего представления о значении и роли половцев в *реальной истории* Руси.

Однако если обратиться к действительным взаимоотношениям хотя бы двух главных исторических личностей, чьи образы созданы в «Слове» – князя Игоря и хана Кончака, – все предстает в совершенно ином свете. Эти взаимоотношения рассмотрены, например, в недавней монографии С. А. Плетневой «Половцы» (М., 1990, с. 157–168).

В 1174 году двадцатитрехлетний князь Новгород-Северский Игорь Святославич впервые столкнулся с ханом Кончаком, грабившим окрестности Переславля-Русского, и прогнал его войско в степь. Однако через пять лет, в 1180-м, Игорь и Кончак вступили в самый дружественный союз и совместно пытались – ни много ни мало! – захватить Киев. В сражении за Киев в 1181 году Игорь и Кончак были наголову разбиты и как-то даже трогательно спаслись от возмездия, уплыв в одной «лодье», к Чернигову. И когда через два года (в 1183 году) Кончак собрался пограбить южнорусские земли, Игорь «отказался участвовать в отражении половецкого удара, за что переяславский князь Владимир Глебович в гневе разорил несколько северских (то есть Игоревых. – В.К.) городков» (указ. соч., с. 158).

Дружественные отношения Игоря с Кончаком сложились, в частности, и потому, что та «ветвь» русских князей, «Ольговичи» (как, впрочем, и некоторые другие «ветви»), к которой принадлежал Игорь, давно породнилась с династиями половецких ханов. Дед Игоря, Олег Святославич (получивший из-за своей изобилующей всякого рода нелегкими перипетиями судьбы прозвание «Гориславич») еще в 1090-х годах женился – после кончины своей первой жены, византийки Феофано Музалон, – на дочери знатного половецкого хана Селука (Осолука). А впоследствии Олег женил своего сына Святослава, то есть отца Игоря, на дочери другого известного хана – Аепы (Акаепиды).

¹⁸⁹ Зимин А. А. Обретение свободы. – Журн. «Родина», 1990, № 8, с. 88.

В исследовании С. А. Плетневой говорится о том, как в 1146 году Святослав Ольгович (отец Игоря), полагая, что он имеет больше прав на киевский престол, нежели занявший его тогда Изяслав Мстиславич, «просил своих „уев“ (половецких дядей по матери) помочь ему в борьбе против Изяслава... в летописи поясняется, что „уи“ были дикими половцами Тюпраком и Камосой Осолуковичами» (с. 107–108).

Нельзя умолчать, что некоторые историки оспаривают «половецкое» происхождение Святослава Ольговича, считая его сыном *первой* жены Олега – то есть гречанки из Византии Феофано. Еще более решительно оспаривается положение о том, что половчанкой была не только бабушка, но и мать сына Святослава – героя «Слова» Игоря. И в самом деле есть сообщение, что в 1136 году, то есть за пятнадцать лет до рождения Игоря, Святослав женился в Новгороде на русской женщине (первая его жена, дочь хана Аепы, как считается, к тому времени умерла). Однако летописное сообщение об этой свадьбе Святослава по меньшей мере странно, ибо, согласно ему, новгородский епископ Нифонт категорически не «утвердил» эту женитьбу.¹⁹⁰ И к тому же через десять лет (см. выше) Святослав выступает в тесном союзе со своими дядьями – братьями своей половецкой жены.

Наконец, есть сведения, что отец главных героев «Слова», Святослав, имел еще третью жену, которая и стала матерью Игоря (родившегося в 1131 году); она была дочерью Юрия Долгорукого, женатого на дочери половецкого хана Аепы¹⁹¹ (иначе – Епиопы; не путать с другим Аепой – отцом жены отца Игоря, Святослава). В таком случае, у героя «Слова» половчанками были обе бабушки.

Существует весьма своеобразное «доказательство» половецких «корней» главных героев «Слова о полку Игореве». В свое время, еще в 1947 году, широко известный историк и археолог Б. А. Рыбаков обнаружил захоронение брата Игоря, Всеволода («Буй-Тура»), и прославленный скульптор-антрополог М. М. Герасимов восстановил на основе черепа его облик (аутентичность подобных реконструкций этого мастера была многократно доказана). И, глядя на эту скульптуру, нельзя усомниться, что перед нами лицо с явными «азиатскими» чертами.¹⁹² Поэтому изображения главных героев «Слова» в живописи (например, Ильи Глазунова), где они представлены в чисто «славянском» духе (белокурые, голубоглазые, с «европеоидным» складом лиц и т. д.) не соответствует реальности.

Возможно, именно после знакомства с герасимовской скульптурой Б. А. Рыбаков, который склонен усматривать в отношениях русских и половцев смертельную непримиримость, безоговорочно написал об отце Игоря, Святославе: «Его матерью была половчанка» (там же, с. 124). Вместе с тем историк все же стремится истолковать одно из «состязаний» между русскими и половцами – поход Игоря в 1185 году, ставший темой великого «Слова», – в качестве попытки спасения Руси чуть ли не от полной гибели. А ведь в «Слове» вполне ясно сказано, Игорь отправляется в поход (несмотря даже на мрачное предзнаменование), ибо «спала князю умь похоти... искусити Дону великого» (то есть, согласно переводу О. В. Творогова, «страсть князю ум охватила... изведать Дона великого»).

Что же касается взаимоотношений с половцами, то Б. А. Рыбаков не мог не упомянуть, что всего за четыре года до воспетого в «Слове» события, когда старший двоюродный брат Игоря, Святослав Всеволодич, отвоевывал (в 1181 году) свою власть в Киеве у другой княжеской «ветви», Ростиславичей, двинулась «армия на помощь Святославу – Игорю Святославич (герой «Слова»! – В.К.)... с половецкими дружинами Кончака и Кобяка... Половцы под командованием Игоря Святославича заняли позиции вдоль левого берега Днепра...» (там же, с. 134). Но Ростиславичи собрались с силами и «нанесли сокрушительный удар Игорю и его половцам... Убиты ханы: Козл Сотанович, Елтут Отракович, брат Кончака.

¹⁹⁰ См.: Карамзин Н. М. История Государства Российского. Книга 1, Примечания, стлб. III.

¹⁹¹ См.: Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М., 1985, с. 95–96.

¹⁹² См. воспроизведение фотографии созданного М. М. Герасимовым скульптурного портрета «Буй-Тура» в книге: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 127.

Взяты в плен: двое сыновей Кончака... „Игорь же, видев половцы побеждены, и тако с Кончаком вьскочивша в лодью, бежа на Городец, к Чернигову“...» (с. 155). Эта битва Игоря совместно с Кончаком против Ростиславичей в 1181 году, пожалуй, не менее впечатляюща, чем состоявшееся через четыре года воинское соперничество Игоря и Кончака...

Но пойдем далее. В 1184 году, то есть всего за год до события, воссозданного в «Слове», Кончак попытался пограбить своих русских соседей, но несколько князей (Игоря среди них не было!), объединившись, разгромили его и забрали богатую добычу. И на следующий год Игорь (что было даже несколько неожиданно) решил, так сказать, добить и дограбить своего недавнего союзника, однако потерпел полное поражение, был ранен и оказался в плену.

Однако на этом история взаимоотношений Игоря и Кончака не завершаются. С. А. Плетнева, основываясь на многолетних исследованиях, пишет, что «Кончак, узнав, что Игорь ранен, поручился за него перед взявшим Игоря в плен Чилбуком из орды Тарголове и отвез его в свое становище. Сына Игоря взял в плен Копти из Улашевичей. Тем не менее, как и отец, Владимир очень скоро оказался в ставке самого Кончака, где и встретился со своей будущей женой – Кончаковной... Пленный Игорь... свободно ездил на охоту, даже призвал к себе попа – в общем, вел вольную жизнь. Недаром ему так легко было бежать из плена... Представляется весьма вероятным, что побег этот не был неожиданным для Кончака... Кончак постарался женить юного Владимира Игоревича (ему было 15 лет. – В.К.) на своей дочери. Все эти действия направлены были на то, чтобы приобрести в лице Игоря и всей его обширной родни надежных союзников. В 1187 г. Кончак окончательно закрепил дружбу и союз, отпустив Владимира «ис половец с Кончаковною... и детятем»... после всех этих событий летописец не зафиксировал ни одного набега Игоря на владения Кончака» (с. 164, 165–166).

Следует добавить, что сын и преемник власти Кончака принял Православие и носил имя Юрий Кончакович. В 1206 году он, уважаемый на Руси человек, выдал свою дочь за будущего великого князя, сына Всеволода Большое Гнездо, Ярослава – отца Александра Невского (правда, последнего родила не половчанка, а вторая жена Ярослава).

Уже из этой истории семейных взаимоотношений русского князя и половецкого хана, явившихся прототипами главных героев «Слова о полку Игореве», ясна вся сложность и многозначность темы «русские и половцы». А ведь речь идет о людях, чьи художественные образы оказали, по-видимому, наибольшее воздействие на одностороннюю, прямолинейную трактовку этой самой темы – как темы непримиримого и жестокого противостояния...

Не исключено, что эти мои суждения будут восприняты как некое «принижение» столь чтимого всеми «Слова»... Но такое восприятие было бы совершенно неосновательным. Во-первых, «Слово», как уже сказано, – одно из величайших *собственно художественных* творений на Руси. А для величия художественного мира, в конце концов, не существенна «реальная» основа: этот мир может опираться и на точно воссозданные действительные события, и на события, которые в значительной степени или даже целиком являются плодом творческого вымысла художника. Так, одна из величайших (если не величайшая) из русских поэм – пушкинский «Медный всадник» – не могла бы возникнуть без очень существенной доли вымысла (к тому же ирреального, фантастического вымысла).

С другой стороны, «Слово», как и другие высшие творения русского искусства, живет не своей связью с определенным отдельным событием, а воплощенной в нем целостностью исторического бытия Руси вообще. Его породило не столько противостояние Игоря и Кончака, сколько глубокая память обо *всех прежних битвах* и жертвах Руси и, более того, вещее предчувствие, предсказание грядущих битв и жертв – в том числе, конечно, и столкновения с роковой мощью монгольского войска (об этом не раз говорилось в литературе), которое подошло к Руси менее чем через сорок лет после Игорева похода. И, говоря об определенном «несоответствии» действительных отношений Руси с половцами и той «картины» этих отношений, которая предстает в «Слове», я преследовал простую цель: показать, что художественный мир поэмы (из которого многие черпают свои основные представления об этих отношениях) и реальная история – существенно разные явления.

Нельзя не сказать, что я более или менее подробно остановился на проблеме взаимоотношений русских и половцев отнюдь не только для уяснения этих отношений как таковых. Перед нами одно из бесчисленного множества проявлений *евразийской* сущности

Руси – наиболее глубокой и наиболее масштабной основы ее исторического бытия, символом которой и стал с XV века ее герб – *двуглавый орел* (считается, что этот герб был попросту заимствован из Византии, так же существовавшей на грани Европы и Азии, однако есть основания полагать, что в Византии этот символ не обладают столь же центральным, главенствующим значением, как на Руси). «Евразийская» политика Руси ясно выразилась уже в XII веке в матримониальных (то есть брачных) союзах ее великих князей (о них уже упоминалось) – союзах, которые всегда имели прямое государственное значение. Так, если в XI веке Ярослав Мудрый выдал своих сыновей и дочерей за представителей различных европейских правящих династий, то его внук Владимир Мономах, женатый на дочери английского короля, обручил своего сына Мстислава с дочерью шведского короля, дочь Евфимию – с венгерским королем, а сыновей Юрия (Долгорукого) и Андрея – с дочерью половецкого хана Аепы и внучкой Тугорхана и, наконец, сына Ярополка – с осетинской княжной. Эти государственные браки нельзя рассматривать в «бытовом» аспекте; они с очевидностью запечатлели двойственный, «евразийский» характер исторического бытия Руси.

А вся история взаимоотношений русских и половцев, пришедших в южнорусские степи в середине XI века из глубин Азии (из Прииртышья), ясно свидетельствует о способности русских установить – при всех имевших место противоречиях – *равноправные* отношения с, казалось бы, совершенно не совместимым с ними, чуждым кочевым народом. Сама борьба русских князей с половецкими ханами – пусть нередко принимавшая острейшие формы – едва ли решительно отличалась от борьбы тех или иных враждующих русских князей между собой; многочисленные союзы князей с ханами во время борьбы с другими русскими же князьями говорят об этом со всей определенностью.

И современники, и позднейшие историки не раз безоговорочно осуждали подобные союзы. Но в таких приговорах едва ли выражалось понимание реального положения дел. И с особенной яркостью «недействительность» этих приговоров запечатлена в судьбе князя Игоря Святославича. В «Слове» он представлен как беззаветный герой сопротивления с половцами, а в действительности он был, если угодно, другом Кончака до своего воспетого в «Слове» набега и стал его родственником после этого набега.

Итак, взаимоотношения русских и половцев никак нельзя трактовать в плане борьбы с некой непримиримо враждебной силой; половцы в конечном счете были *частью* Руси. Поэтому русско-половецкое противостояние никак не могло стать «предметом» и стимулом для создания русского *героического эпоса* (то есть былин) – не могло в особенности потому, что у половцев не было и намек на мощную и хорошо организованную *государственность*, которая явилась бы той силой, которая могла реально подчинить себе Русь. Половцы совершали грабительские походы на Русь, приносившие нередко очень тяжкий урон, но они, так сказать, даже и не ставили перед собой задачу «порабощения» Руси; в конечном счете это ясно и из самого «Слова о полку Игореве».

И, вопреки мнению многих литературоведов, «Слово» не являет собой (в отличие от былин) *героический эпос*. Конечно, оно так или иначе связано с традицией героического эпоса; но эта традиция существенно изменена или, вернее, претворена в принципиально иной жанровый феномен и с точки зрения типа, способа воплощения (об этом говорилось выше; так, элементы мифа стали здесь «*средством*» создания образа, а не его содержанием), и с точки зрения самого совершающегося в произведении действия. Это претворение глубоко раскрыто в кратком рассуждении М. М. Бахтина, которое начинается так:

«Слово о полку Игореве» в истории эпопеи (имеется в виду именно героический жанр. – В.К.). Процесс разложения эпопеи и создания новых эпических жанров... «Слово о полку Игореве» – это не песнь о победе, а песнь о поражении (как и «Песнь о Роланде»). Поэтому сюда входят существенные элементы хулы и посрамления... Для «Слова» характерно не только то, что это эпопея о поражении, но особенно и то, что герой не погибает (радикальное отличие от Роланда).¹⁹³ Игорь... ничего не сделал и не погиб». Но вместе с тем Игорь, испытав посрамление и тем самым как бы, по словам М. М. Бахтина, «претерпев временную смерть

¹⁹³ Поэтому Роланд и не посрамляется в посвященном ему эпосе.

(плен, „рабство“), возрождается снова». ¹⁹⁴

И эта *сердцевина* содержания «Слова о полку Игореве» едва ли может быть понята в рамках героического эпоса. М. М. Бахтин (что необходимо подчеркнуть) определяет «Слово о полку Игореве» не только как результат «разложения» героического эпоса, но и как плод начавшегося «созидания» иного, нового жанра – жанра, который, по сути дела, предвосхищает – в очень отдаленной исторической перспективе – русский роман эпохи его расцвета – роман, для коего в высшей степени характерно именно «посрамление» героя, его «смерть» ради подлинного «воскресения».

Об этом глубочайшем мотиве русского романа, в частности, говорил Достоевский, оценивая толстовскую «Анну Каренину»:

«Явилась сцена смерти героини (потом она опять выздоровела) – и я понял всю существенную часть целей автора. В самом центре этой мелкой и наглой жизни появилась великая и вековечная жизненная правда и разом все озарила. Эти мелкие, ничтожные и лживые люди стали вдруг истинными и правдивыми людьми... Последние выросли в первых, а первые (Вронский) вдруг стали последними, потеряли весь ореол и унизились; но унизившись стали безмерно лучше, достойнее и истиннее, чем когда были первыми и высокими». ¹⁹⁵

Суждение это вполне уместно отнести не только к романам Толстого, но и ко многим другим русским романам XIX века, включая, конечно, и романы самого Достоевского. Но художественная «тема», обрисованная здесь, так или иначе зарождалась в «Слове о полку Игореве», которое, помимо прочего, и по этой причине было столь родственно воспринято в XIX веке. И это, понятно, не «тема» *героического эпоса*, а прорыв в будущее, совершенный (что вполне естественно) на излете исторической эпохи – в последние десятилетия существования собственно Киевской Руси.

Чтобы глубже понять бахтинскую мысль о столь характерной для русского сознания (и, конечно, бытия) «временной смерти», после которой наступает возрождение, обратимся к одному очень выразительному человеческому документу – дневнику крупного историка Ю. В. Готье (1873–1943), который он вел во время революции.

20 июля 1917 года он записал: «Русский народ – народ-пораженец; оттого и возможно такое чудовищное явление, как наличность среди русских людей – людей, страстно желающих конечного поражения России». Речь идет, понятно, о поражении в войне с Германией; Ю. В. Готье стремится увидеть в тогдашнем пораженчестве глубокий и всеобщий смысл: «Поражение всегда более занимало русских, чем победа и торжество: русскому *всегда кого-нибудь жалко* – поэтому он предпочитает жалеть себя и любить свое горе, чем жалеть другого, п р и ч и н и в т о м у з л о – э г о и з м н а и з н а н к у. (Разрядка моя; естественно только поставить вопрос: действительно ли это «эгоизм» – пусть даже «изнаночный»? – В.К.). Наши летописи, «Слово о полку», песни про царя Ивана, сказания о Казани, о Смуте, – продолжает Ю. В. Готье, – воспевают и рассказывают преимущественно поражения... Доктрина непротивления злу – формулированная Толстым – есть тоже радость горя, унижения, неудачи и поражения. Отсюда и современная доктрина «пораженчества»... Ведь одними германскими шпионами дела не объяснить: их семя, как и в вопросе чистой измены, пало на добрую почву. Это наша психология – полная противоположность психологии германского народа с его доктриной «*Deutschland uber alles*» ¹⁹⁶ и культом силы и торжества; *ceteris paribus* ¹⁹⁷ при столкновениях этих двух народов русский должен быть побежден». ¹⁹⁸

¹⁹⁴ Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М., 1986, с. 517, 518.

¹⁹⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в тридцати томах, т. 25, М., 1983, с. 52.

¹⁹⁶ Германия превыше всего (нем.).

¹⁹⁷ При прочих равных условиях (лат.).

¹⁹⁸ «Вопросы истории», 1991, № 6, с. 157.

И Ю. В. Готье делает следующий прогноз: «участь России, околевшего игуанодона или мамонта, – обращение в слабое и бедное государство, стоящее в экономической зависимости от других стран, вероятнее всего от Германии... Вынуты душа и сердце, разбиты все идеалы. Будущего России нет; мы без настоящего и без будущего. Жить остается только для того, чтобы кормить и хранить семью – больше нет ничего. Окончательное падение России как великой и единой державы вследствие причин не внешних, а внутренних, не прямо от врагов, а от своих собственных недостатков и пороков и от полной атрофии чувства отечества, родины, общей солидарности, чувства *union sacrée*¹⁹⁹ – эпизод, имеющий мало аналогий во всемирной истории. Переживая его, к величайшему горю, стыду и унижению, я, образованный человек, имевший несчастье избрать своей ученой специальностью историю родной страны, чувствую себя обязанным записывать свои впечатления...» (с. 155).

Ю. В. Готье – русский французского происхождения; его прадед поселился в Москве при Екатерине II. Вместе с тем ясно видно: он стремится оценить Россию как бы со стороны, объективно. Однако это ему не удастся... Привкус своего рода любования «поражением» – любования, которое он вроде бы хочет с негодованием отвергнуть, – присутствует в его размышлениях. И это особенно подтверждает обоснованность его пафоса.

Правда, он, конечно же, абсолютизировал русское «пораженчество»; оно не характерно ни для героического эпоса, ни для многих и разнообразных позднейших явлений русской культуры. Да и «пророчество» Ю. В. Готье оказалось неверным – в частности, и в отношении его собственной, личной судьбы, в которой в конечном счете выражалась судьба России.

Жизнь его после революции поначалу явно шла к полному крушению. И в 1930 году он был арестован и осужден вместе с десятками виднейших своих собратьев – русских историков. Казалось бы, целиком сбылся его безысходный прогноз; рушилась не только отечественная история, но даже и наука о ней... Однако к 1934 году Ю. В. Готье, как и его соратники, кроме нескольких старших по возрасту, которые умерли в изгнании, вернулся к работе, издал целый ряд трудов и в 1939 году стал академиком... Ошибся Ю. В. Готье и в том, что в столкновении с Германией русский народ неизбежно «должен быть побежден...» Историк смог увидеть необоснованность своего прогноза: он скончался в Москве на семьдесят первом году жизни, 17 декабря 1943 года – уже после бесповоротной победы над германской армией на Курской дуге.

Словом, суждения Ю. В. Готье о всеопределяющем русском «пораженчестве», продиктованные катастрофой 1917 года, хотя они остро выявляют чрезвычайно существенное своеобразие отечественной истории и культуры, имеют все же односторонний и упрощающий реальность характер.

Истинную глубину и многогранность этой «темы» схватывает размышление Достоевского, опирающееся на сцену из толстовской «Анны Карениной». И необходимо увидеть в этом звено цепи, уходящей далеко в прошлое, – к «Слову о полку Игореве» и даже к еще более раннему творению русской литературы – «Сказанию, страсти и похвале святых мучеников Бориса и Глеба», – истолкование смысла которого дано Г. П. Федотовым.²⁰⁰

* * *

Но мы забежали далеко вперед; возвратимся в эпоху сложения русской государственности и героического эпоса.

Итак, речь шла о том, что в устном бытии эпоса имя главных врагов, хазар, заменилось впоследствии именем татар. Кстати сказать, «превращение» в татар половцев (а именно об этом говорится во многих работах о былинах) очень маловероятно и по, так сказать, фонетическим причинам; совсем иное дело – замена хазар на татар.

Нельзя еще обойти и того факта, что с X до второй трети XI века Руси приходилось

¹⁹⁹ Священное единство (*фр*).

²⁰⁰ См.: Федотов Георгий. Святые Древней Руси. – М., 1990, с. 45–51.

отражать набеги печенегов, и подчас именно они, печенеги, рассматриваются как первоначальные «прототипы» былинных образов врага. Так, например, С. М. Соловьев утверждал, что «предмет» былин – «борьба богатырей с степными варварами, печенегами, которые после получили имя татар».201

Но, во-первых, имя печенегов столь же трудно было превратить в имя татар, как и половцев. Далее, печенежские набеги еще в меньшей степени, чем половецкие, представляли крайнюю, «смертельную» опасность для Руси. Это был скорее разбой, чем настоящее противоборство. Наконец, печенеги, как и половцы, быстро и легко переходили от вражды к союзнчеству и весьма часто выполняли для Руси роль наемного войска. Арабский географ и историк Ибн Хаукаль даже писал в конце X века о печенегах, что «они – шип (иной перевод – «острие». – В.К.) русийев и их их сила».202

Правда, было несколько острых столкновений печенегов с Русью. Они даже нападали на Киев – в 968 и 1036 годах. Но в высшей степени характерно, что и в том и в другом случае нападения произошли во время *отсутствия* князей с их дружинами. Святослав в 968 году находился в Болгарии, а Ярослав в 1036-м – в Новгороде. В первом случае среди осаждавших Киев печенегов распространился ложный слух о неожиданном возвращении Святослава, и они удалились (в 969-м князь действительно прибыл в Киев и окончательно «прогна» врагов в степь); во втором же Ярослав, возвратившись, наголову разбил печенегов.

Наконец, нельзя не сказать о том, что со временем, как пишет специалист по истории кочевых народов С. А. Плетнева, часть печенегов «подкочевала к самым границам Руси – на р. Рось – и пошла на службу к русским (киевским) князьям, образовав прекрасный военный заслон от половцев. Земли Поросья были отданы им под пастбища».203 Из этого ясно видно, что шаблонное представление о печенегах как «роковых» врагах Руси, по меньшей мере, односторонне.

Особенно важно иметь в виду, что печенеги делились на две группы – «тюркских печенегов», кочевавших в степях южнее Руси и находившихся с ней то в союзнических, то во враждебных отношениях, и, с другой стороны, «хазарских печенегов», которые являли собой одну из составных частей Хазарского каганата, подобно аланам, болгарам, гузам и т. д. И «хазарские печенеги», естественно, представляли в глазах русских именно как военная сила этого каганата, то есть в конечном счете как «хазары» (точно так же, например, в Византии воспринимали поход 941 года на Константинополь как поход Руси, хотя в составе русского войска был большой отряд печенегов).

Правда, среди историков и археологов здесь есть разногласия. Так, С. А. Плетнева склонна считать всех вообще печенегов врагами хазар. Но М. И. Артамонов, основываясь на собственных археологических исследованиях, доказывал (прямо оспаривая точку зрения С. А. Плетневой), что именно печенеги составляли военный гарнизон одной из главных хазарских крепостей – Саркела.204

К тому же выводу пришел и другой видный историк и археолог Г. А. Федоров-Давыдов: «...хазарские печенеги ...входили в состав Хазарского государства, кочевали на его территории и в ряде случаев использовались хазарской администрацией как военные отряды ...в главной

201 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. – М., 1959, с. 202.

202 Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава – В кн.: «Древнейшие государства на территории СССР». 1975 – М., 1975, с. 98.

203 Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982, с. 63.

204 См.: Артамонов М. И. История хазар – Л. 1962, с. 448, 449. Следует сказать, что в новейшей своей работе С. А. Плетнева, по существу, выразила согласие с критикой М. И. Артамонова, отметив, что в Саркеле «еще в конце IX в. поселились печенежские наемники, образовавшие кочевнический гарнизон крепости». См.: Плетнева С. А. Половцы. – М., 1990, с. 22; здесь же она ссылается на исследование М. И. Артамонова «Саркел – Белая Вежа» (1958).

части Саркела, там, где располагался гарнизон, жили не сами хазарские воины, а отряд наемников, возможно, печенегов».²⁰⁵

И следует подчеркнуть, что печенеги, входившие в состав Хазарского каганата, представляли собой (как, впрочем и другие подчиненные каганату племена) гораздо более существенную *опасность* для Руси, нежели кочевавшие сами по себе печенеги. Тот факт, что ни печенеги, ни, впоследствии, половцы не могли угрожать самому бытию Руси, имеет, как уже сказано, вполне определенное объяснение: эти этносы не обладали сколько-нибудь сложившейся государственностью, которая была бы способна организовать и направить всю силу этноса – или, как Хазарский каганат, целого ряда этносов...

* * *

Но обратимся непосредственно к теме «Русь и Хазарский каганат». Как уже говорилось, в «Повести временных лет», составленной через полтора столетия после гибели Каганата, содержатся крайне скудные и разрозненные сведения по этой теме. А достаточно богатые иноязычные источники в связи с этим долго казались сомнительными, недостоверными.

Кроме того, скудость и неразработанность исторических источников породила вокруг «хазарской проблемы» немалое количество разнообразных произвольных концепций и заведомых «мифов» (так, хазар объявили неким «щитом», будто бы спасшим Русь от арабского завоевания, и т. п.), о которых нам не раз придется говорить. Споры о Хазарском каганате многократно заводили историков в своего рода безвыходный тупик.

Однако уже столетие назад начались археологические исследования, все более ясно показывавшие, что на юго-восточной границе Руси IX – первой половины X века находились мощные крепости и огромные поселения Хазарского каганата; эта археологическая культура получила название салтово-маяцкой (по двум ее крупным памятникам). Особенно плодотворны были археологические работы 1930–1980-х годов, которыми руководили выдающиеся ученые М. И. Артамонов, И. И. Ляпушкин и добившаяся наибольших результатов С. А. Плетнева (она продолжает свою деятельность и поныне).

В 1989 году вышла книга С. А. Плетневой «На славяно-хазарском пограничье», в которой в той или иной мере подведены итоги многолетних исследований:

«Степи и лесостепи донского бассейна были в VIII – начале X в. заняты населением, создавшим... так называемую салтово-маяцкую культуру (которая, как сказано выше, на с. 3, тождественна культуре Хазарского каганата. – В.К.) ... На всех трех крупных пересекающих эту территорию с севера на юг реках (Дону, Северском Донце, Осколе), а также на берегах более или менее полноводных их притоков постоянно встречаются остатки укрепленных и неукрепленных поселений – городищ и селищ... их известно уже около 300 (! – В.К.). Несомненно, особый интерес возбуждают при первом же знакомстве городища: величественные развалины белокаменных замков, расположенные на высоких прибрежных меловых мысах... крепости располагаются там на расстоянии 10–20 км одна от другой и создают по существу целостную линию мощных укреплений. Вплотную к этой линии с севера и запада подходили городища и поселения славян».²⁰⁶

Чтобы яснее понять суть дела, следует увидеть эту «линию» на карте. Представим себе цепь из мощных крепостей, проходящую несколько южнее линии, на которой расположены современные города (с востока на юго-запад) Воронеж, Старый Оскол, Белгород, Харьков. Это «белостенные крепости, стоявшие на высоких мысах, с которых река контролировалась иногда на десятки километров...» (там же).

После тщательного изучения могильников вокруг крепостей С. А. Плетнева сделала следующий существеннейший вывод: «...хазарское пограничье... было заселено семьями, все

²⁰⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М., 1966, с. 137.

²⁰⁶ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989, с. 7.

мужское население которых несло воинскую службу... Военизация населения касалась... не только мужчин, но и женщин, многие из которых похоронены с оружием, воинскими поясами, сбруей и конями. В известной мере это население, несомненно, оберегало какие-то наметившиеся рубежи, поскольку, естественно, защищало свои личные владения от всевозможных вторжений. Однако *основной* (выделено мною. – В.К.) его функцией была не охрана пограничья, а проведение в жизнь наступательной политики каганата на западных и северо-западных соседей» (с. 278, 282), – то есть русские племена.

Стоит отметить, что *все без исключения* крепости расположены на правом (западном), то есть русском берегу Дона, Оскола и Северского Донца и, значит, имели, надо думать, не оборонительное, а наступательное назначение; это были своего рода плацдармы для нападений. Около крепостей (о чем еще пойдет речь) располагались железоделательные предприятия и мастерские для производства оружия...

Выше было отмечено, что летописи очень скупо говорят о борьбе с хазарами. Однако «каменная летопись», открытая археологами, говорит об этой борьбе недвусмысленно и со всей силой.

Нельзя не сказать, что уже известная нам цепь хазарских крепостей, воздвигнутых южнее «линии» Воронеж – Харьков, имела, по-видимому, продолжение на запад (точнее, юго-запад) – южнее «линии» современных городов Красноград – Днепропетровск – Кривой Рог. Еще в 1967 году С. А. Плетнева предположила, что здесь будет открыт «неизученный вариант салтово-маяцкой (то есть хазарской – В.К.) культуры».²⁰⁷ И позднее появились работы украинских археологов, подтвердившие этот археологический прогноз. Так, О. М. Приходнюк писал в 1978 году о городище Вознесенка на Днепре около Запорожья: «При сопоставлении археологических комплексов Вознесенки... с древностями степняков обнаруживается между ними значительная близость... Валы вознесенского табора были сооружены из камня и земли. Городища с подобными укреплениями известны у племен салтово-маяцкой культуры» и т. д..²⁰⁸ В 1981 году прогноз С. А. Плетневой подтвердил и другой украинский археолог, М. Л. Швецов. «В 1967 г., – пишет он, – вышла монография С. А. Плетневой, посвященная изучению памятников салтово-маяцкой культуры... В их числе „степной, неизученный вариант“, который занимает в основном территорию Нижнего и Среднего Поднепровья. Один из видов памятников этой культуры – так называемые грунтовые могильники... рассматриваются в данной статье».²⁰⁹ Исследование «славяно-хазарского пограничья» в приднепровских областях продолжается. И трудно усомниться в том, что мощная «военная линия» Хазарского каганата, обращенная против Руси, уже полностью «открытая» в бассейнах Дона и Северского Донца, станет в конечном счете очевидной и в бассейне Днепра, – то есть вдоль всего пограничья Руси и Каганата.

Согласно «Повести временных лет», «по смерти» Кия его подданных полян «нашли... хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали «Платите нам дань»; ко времени же прихода в Киев с севера Аскольда (то есть к середине IX века) «хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке с дыма». В дальнейшем выясняется, что дань хазарам платили еще и радимичи – то есть в общей сложности примерно половина территории Руси, – половина, расположенная южнее среднего течения Оки и верхнего течения Днепра.

«Аскольд же и Дир... – повествует летопись, – стали владеть землею полян». По поводу этого летописного сообщения еще Н. М. Карамзин вполне уместно написал: «Невероятно, чтобы хазары, бравшие дань с Киева, добровольно уступили его варягам, хотя летописец молчит о воинских делах Аскольда и Дира в странах днепровских; оружие, без сомнения,

²⁰⁷ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура – М., 1967, с. 187.

²⁰⁸ Приходнюк О. М. Об этнокультурной ситуации в Днепровском лесостепном пограничье во второй половине I тысячелетия н. э. – В кн.: Проблемы этногенеза славян. – Киев, 1978, с. 114.

²⁰⁹ Швецов М. Л. Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье – В кн.: Древности Среднего Поднепровья – Киев, 1981, с. 96.

решило, кому начальствовать над миролюбивыми полянами». ²¹⁰

Могущее показаться простодушным утверждение Карамзина о «несомненности» войны Аскольда с хазарами на самом-то деле совершенно естественно. Через несколько десятилетий после Карамзина С. М. Соловьев, изложив летописные сведения о действиях Олега после его прихода в Киев («отправился Олег на северян... и не позволил им платить дань хазарам, говоря так: «Я враг их, и вам им платить незачем... Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они же ответили; «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платит мне» и т. д.), замечает; «...надо было бы ожидать враждебного столкновения Руси с последними (хазарами. – В.К.), но, как видно, до летописца не дошло предание об этом». ²¹¹

С. М. Соловьев в данном случае не вполне прав; в сохранившем ряд древнейших сведений Архангелогородском летописце есть запись: В лето 6391 (883) иде Олегъ... на козары. ²¹² Конечно, это предельно скупое сообщение не очень удовлетворяет. Но ведь и запись «Повести временных лет» – «В лето 6473 (965) иде Святослав на козары; слышавше же козары, изидоша противу с князем своим Каганом, и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их и Белу Вежу взя» – также весьма скудна...

Можно объяснить это тем, что летописные своды составлялись через 150 или даже 250 лет после событий; можно предположить в сей лаконичности некий особый смысл. Но нельзя не признать, что сохранившаяся до наших дней, через тысячелетие с лишним *каменная* летопись – вся эта цепь окруженных многочисленными военными поселениями мощных крепостей на русско-хазарском пограничье – свидетельствует, что предположения Карамзина и Соловьева были совершенно оправданными. Есть все основания считать, что и при Аскольде, и при Олеге шла война Руси и Хазарского каганата. Именно это надо видеть в кратких сообщениях летописей.

Да, летопись, составлявшаяся через 300 лет после начала русско-хазарских столкновений и через 150 лет (то есть шесть человеческих поколений!) после разгрома Каганата Святославом, крайне скупо говорит обо всем этом. Но ведь до нас дошли произведения словесности, которые создавались задолго до летописи, непосредственно во времена русско-хазарского противостояния, и так или иначе запечатлели это противостояние. Речь идет, понятно, о героических былинах.

Можно с полным правом утверждать, что археологические открытия последних десятилетий в Подонье имеют для изучения былинного эпоса, по сути дела, такое же значение, как и открытия Генриха Шлимана и продолжателей его дела в Малой Азии – открытия, безусловно подтвердившие историческую реальность *гомеровского эпоса*.

В частности, под редакцией С. А. Плетневой в 1987 году был издан сборник материалов об одной из монументальных крепостей, расположенной на правом берегу Дона, у впадения в него реки Тихая Сосна. Это сооружение было воздвигнуто в середине IX века, то есть, по всей вероятности, в период столкновения Хазарского каганата с пришедшим с севера в Киев Аскольдом.

«Маяцкое городище, – пишет С. А. Плетнева, – является уникальным архитектурным памятником IX в. Его белокаменные стены... производят и поныне впечатление мощи и красоты. Панцири стен (внешний и внутренний) сложены из крупных меловых блоков, поверхность которых тщательно обтесана и даже заглажена». ²¹³

В былинах, считающейся одной из наиболее архаических, «Волх Всеславьевич», говорится о дружине, совершившей далекий поход:

²¹⁰ История государства Российского, сочинение Н. М. Карамзина кн. 1. СПб., 1842, с. 73.

²¹¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен кн. 1-М., 1959, с. 149.

²¹² Полное собрание русских летописей, т. 37-Л., 1982, с. 18.

²¹³ Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции – М., 1984, с. 57.

*И пришли оне к стене белокаменной,
Крепка стена белокаменная...*

Необходимо учитывать, что ни печенеги, ни половцы, ни монголы вообще *не строили крепостей*, и если исходить (а это вполне естественно) из того факта, что в былинном эпосе дело идет о борьбе со «степью», данная «подробность» может относиться только к *хазарскому времени*.

Уже шла речь о том, что в хазарских военных поселениях в Подонье боевую службу несли не только мужчины, но и женщины: «Воинскую повинность несли, судя по данным могильника, женщины всех возрастов: нередко это были юные девушки (до 20 лет), однако основная тяжесть ложилась на плечи возмужалых женщин...».²¹⁴

В русских былинах образ вражеской «богатырки», «поляницы» и т. п. – один из наиболее типичных, причем это обычно образ именно уже немолодой женщины, имеющей, например, взрослого сына. Многие исследователи былин видели в этом чуть ли не некую «экзотику». Но современные археологические исследования хазарских военных поселений доказывают вполне «обыденную» реальность этих воительниц...

Никак нельзя, наконец, упустить из внимания и тот факт, что само понятие и слово «богатырь», имеющее центральное значение в былинах, – слово из *хазарских* времен. Нередко ошибочно полагают, что это слово принесли на Русь монголы. В действительности оно вошло в русский язык еще в «хазарские» времена. Видный исследователь говорит об этом: «...известно, что некоторые хазарские каганы носили титул Багатур (богатырь), связанный с военной системой. Как правило, им пользовались военные вожди... Тюрко-хазарский термин „багатур“, „богатырь“ получил распространение в Алании; в раннем Болгарском государстве военачальники назывались „багатур“, этот термин проник и в русский язык»²¹⁵ (хазары, аланы и болгары – как еще будет показано – непосредственно соприкасались с русскими в IX-X веках).

Разумеется, здесь намечено только несколько «соответствий» исторической реальности времени войн Руси с Хазарией и художественного мира былинного эпоса. Необходимо охарактеризовать эту историческую реальность более или менее полно.

Как уже говорилось, работы на тему «былинный эпос и историческая действительность» делятся, в общем и целом, на два типа: либо былинный мир в них сопоставляется и так или иначе отождествляется с миром, отраженным в летописях (отсюда и возникают – в качестве главных врагов – печенеги, половцы, монголы), либо делается попытка доказать, что былины, по сути дела, «внеисторичны». Здесь предлагается как бы третий путь в понимании происхождения былин: они, несомненно, никак не могут быть сведены к *летописным* сведениям о борьбе с печенегами, половцами и т. п., но они все же имеют реальную историческую основу – как, в конечном счете, и *любой* героический эпос. Нельзя забывать, например, что французский и испанский эпосы так или иначе «отразили» судьбоносное столкновение с Арабским халифатом, а германский восходит, в конечном счете, к эпохе вторжения в Европу орды гуннов во главе с Атиллой. Было бы в высшей степени странно, если бы русский эпос не имел подобной конкретной исторической основы – подобной и в том смысле, что дело шло о могущественнейшем и «роковом» противнике, в борьбе с которым решалась судьба народа и государства.

Хазарский каганат – исключительно сложный, даже, если угодно таинственный исторический феномен. И для действительного понимания начальной поры русской государственности и культуры (а значит, и самой истории) необходимо *как можно более ясно и полно* изложить выработанные к настоящему времени историографией и археологией представления о Хазарском каганате. Необходимо это сделать еще и потому, что «хазарская

²¹⁴ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. с. 278.

²¹⁵ Кузнецов В. И. Очерки истории алан – Орджоникидзе, 1984, с. 114.

тема» обросла различными безосновательными построениями и мифами, которые только мешают уяснению действительной роли Каганата в истории Руси.

Хазарский каганат был – особенно для своего времени – громадным и мощным государством, несмотря на присущие ему острые внутренние противоречия и нестроения. Еще сравнительно недавно это представление оспаривалось, – подчас категорически. Так, Б. А. Рыбаков утверждал в 1952 году, что Хазарский каганат – это-де всего лишь «небольшое степное государство, не выходящее за пределы правобережных (имеется в виду правобережье Волги. – *В.К.*) степей», и, мол, «заведомо несостоятельны попытки представить Хазарию X века *огромной* империей». ²¹⁶ Но ровно через 30 лет тот же самый Б. А. Рыбаков писал о походе Святослава против хазар в шестидесятых годах X века: «Результаты похода были совершенно исключительны: *огромная* Хазарская империя была разгромлена и навсегда исчезла с политической карты Европы». ²¹⁷

В течение тридцати лет, которые отделяют друг от друга процитированные тексты Б. А. Рыбакова, изучение Хазарского каганата (главным образом археологическое) сделало попросту невозможным преуменьшение его размеров и могущества. Так, фундаментальный археологический трактат С. А. Плетневой, изданный в 1967 году, завершался всецело обоснованным выводом, что Хазарский каганат был «могучей державой», которая сумела «на протяжении почти двух веков противостоять крупнейшим государствам того времени – Византийской империи и Арабскому халифату» ²¹⁸ (здесь необходимо одно уточнение: «противостояние» Каганата арабам и Византии относится к разным временам: первое – к VII–VIII, а второе – к IX–X векам).

Изданный недавно труд А. П. Новосельцева открывается утверждением, что Хазарское государство «играло доминирующую роль в регионе... Каганат господствовал на обширной территории Восточной Европы, где многие народы в разное время и по-разному от него зависели». Как подчеркнуто далее, Каганат был «главной политической силой Восточной Европы». ²¹⁹

Еще более определенно высказался А. П. Новосельцев в последующей своей работе, касающейся этой проблемы, – «Образование Древнерусского государства и первый его правитель». ²²⁰ Ставя перед собой цель «воссоздать картину политических объединений Восточной Европы IX века», исследователь подчеркивает, что «в ту пору наиболее сильным государством региона была Хазария... гегемония Каганата... распространялась на значительную часть восточ-нославянских земель» (с. 5). Имеются в виду южная и средняя Русь, но существовала «и угроза подчинения этой державе (Хазарской. – *В.К.*) также и северославянских и финских земель, находившихся на торговом пути с Востока в Прибалтику и вообще в Западную Европу» (с. 7). И вполне естественно, заключает исследователь, что при князе Олеге шла «русско-хазарская война» (с. 14).

Хазарский каганат являл собой многослойное, многоплановое явление евразийской истории VII–X веков, никак не сводимое к истории хазар как таковых. Но начинать, конечно, следует с самих хазар – тюркского народа, первые сведения о котором относятся к середине VI века. Хазары предстают в этих сведениях как активное воинственное племя, кочующее в прикаспийских степях. В новейшем исследовании востоковеда Т. М. Калининой (а в ее работах

²¹⁶ Рыбаков Б. А. Русь и Хазария – В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952, с. 76, 88.

²¹⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М., 1982, с. 377. – (Разрядка моя. – *В.К.*)

²¹⁸ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура – М., 1967, с. 190.

²¹⁹ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990, с. 3, 89.

²²⁰ «Вопросы истории», 1991, № 2–3, с. 3–20.

был выяснен целый ряд существенных исторических фактов) показано, что хазары до своего появления в Предкавказье обитали, по всей вероятности, в Средней Азии, в районе реки Сырдарьи – у восточной границы древнейшего высокоразвитого государства Хорезм, расположенного в нижнем течении реки Амударьи и сыгравшего в VIII-X веках (о чем еще будет речь) исключительно важную роль в истории Хазарского каганата. По сведениям великого арабского ученого первой половины IX века, уроженца Хорезма, Мухаммада ал-Хорезми (точнее, ал-Хваризми), на Сырдарье даже существовал город ал-Хазар.²²¹ По-видимому, в VI веке хазары переселились отсюда на запад, в прикавказские степи. Здесь они оказались в сфере влияния двух соперничающих держав – Византии и Ирана, которые, в частности, вели давнюю борьбу за власть в землях между Черным и Каспийским морями. Византия, которая имела возможность проникать в эти земли не только с юга, но и с севера (так как у нее были, например, владения в Крыму), уже в VII веке сделала хазар своими союзниками.²²²

Затем возникший на Аравийском полуострове (в начале 630-х годов) чрезвычайно энергичный Арабский халифат стремительно завоевал Иран и сменил его в качестве главного соперника Византийской империи. С переменным успехом с тех пор, то есть с середины VII в. (и до середины XI века – на протяжении четырех столетий!), разворачивается борьба Империи и Халифата. И хазары принимают участие в ней на стороне Византии, правда, только до второй половины VIII века (напомню, кстати, что позднее, с конца IX века или начала X века в качестве союзников Византии в сражениях с арабами не раз выступают воины Руси).

Возможно, именно в целях сплочения для борьбы с арабами и возникает к середине VII века сильная государственность – Хазарский каганат, центр которого находился на территории современного северного Дагестана. Эта государственность сумела в той или иной мере подчинить своей власти другие народы Северного Кавказа – прежде всего часть болгар²²³ и алан (предков осетин).

Первоначальная теснейшая связь Каганата с Византией ясно выразилась в установленном не так давно факте широкого распространения христианства у хазар. Известный дагестанский археолог М. Г. Магомедов показал, что уже в VII веке в тогдашнем центре Каганата на реке Сулак – Баланджаре (или Беленджере) существовали церкви; найдены здесь и многочисленные предметы христианского культа.²²⁴ Это, между прочим, *самые ранние* памятники христианства на Северном Кавказе.

И есть все основания согласиться с суждением одного из тщательных современных исследователей «хазарской проблемы», археолога и историка А. В. Гадло, который писал: «...нельзя пройти мимо свидетельства ал-Бекри (арабский географ XI века, опиравшийся на более ранние сочинения. – В.К.) о том, что до принятия иудаизма (оно окончательно совершилось на рубеже VIII–IX веков. – В.К.) хазарский царь исповедовал христианство».²²⁵

О высокой развитости христианства в Хазарском каганате накануне установления господства иудаизма свидетельствует вполне достоверный источник – «Мученичество Або Тбилели», сочиненное во второй половине VIII века грузинским писателем Иоанном Сабанидзе. Здесь рассказано о том, как князь грузинской области Картли бежал из

²²¹ См.: Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. – М., 1988, с. 74–76.

²²² См., напр.: Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI–VII веков. – М. – Л., 1946, с. 268–269.

²²³ Часть болгар под давлением хазар, как известно, ушла на запад за Дунай, а другая – на север, в среднее течение Волги (нынешние казанские татары).

²²⁴ Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменным данным. – М., 1983, с. 158–173.

²²⁵ Гадло А. В. Отражение социальной борьбы внутри хазарского племенного объединения VII в. в памятниках «еврейско-хазарской переписки». – В кн.: Генезис и развитие феодализма в России. – Л., 1985, с. 24.

захваченной арабами родины в Хазарию, а в его свите находился преданный ему араб по имени Або. И именно в Хазарском каганате Або принял христианство (за что был после возвращения в Грузию казнен арабами как предатель). В «Мученичестве Або Тбилели» сообщается, что в Хазарском каганате «много селений и городов, которые беспрепятственно пребывают в вере Христовой».²²⁶

Трудно усомниться в том, что развитие христианства в Хазарском каганате обусловлено его тесными связями и военно-политическим союзом с Византией. Этот союз привел даже к необычному результату: в 732 году византийский император Лев III Исавр женил своего сына Константина (V-го) на дочери хазарского кагана Чичак (тюрк. «цветок»), получившей христианское имя Ирина; ее сын, правивший Империей в 775–780 годах, известен как Лев IV Хазар. Необычность здесь в том, что императоры Византии считали заведомо недостойными браки с «варварами»; впоследствии, в X веке, Константин VII Багрянородный гневно писал, что этой «брачной сделкой» император «навлек великий позор на державу...».²²⁷

Правда, еще в 690-х годах император Юстиниан II женился на сестре хазарского кагана Ибузира Глявана, но он тогда, в сущности, не был императором, ибо его свергли, и он стремился вернуть престол с помощью хазар.

Гнев Константина Багрянородного был обусловлен, по всей вероятности, и тем, что не позднее 780-х годов – то есть всего через полвека после упомянутого брака Константина V – Хазарский каганат разорвал союз с Византией. Это ясно выразилось, например, в том, что хазары обеспечили высвобождение Абхазии в 786–787 годах из-под власти Империи.²²⁸

В середине VIII века византийский наместник (эристав) в Абхазии Константин II женился на дочери хазарского кагана (между прочим, родной сестре матери византийского императора Льва IV Хазара), а его сын, эристав Леон, как сообщено в «Летописи Картли», был, следовательно, «сыном дочери царя хазар и с его помощью отложился от греков, завладел Абхазией и Эгриси, назвал себя царем абхазов».²²⁹

В это же время, а говоря точно, в 787 году, хазары впервые пришли в столкновение с византийцами в Крыму. Ранее, говорит исследователь этого события, «проникновение хазар в Таврику... могло носить относительно мирный характер» (по крайней мере до 787 года), что вызывалось «сближением их с Византией перед лицом общего врага – арабов».²³⁰

Дело в том, однако, что арабы и после 787 года оставались теми же непримиримыми врагами Византийской империи, и следует сделать вывод о кардинальном изменении к концу VIII века всей «внешней политики» Хазарского каганата, который ранее был верным союзником Византийской империи. Как писал М. И. Артамонов, «особенно ценной оказалась военная мощь хазар для Византии. Благодаря хазарам Византии удалось не только устоять

²²⁶ См.: Сабанисдзе Иоанн. Мученичество Або Тбилели – Памятники грузинской агиографической литературы. – Тбилиси 1956, с. 50.

²²⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989, с. 61.

²²⁸ Вопрос подробно исследован в труде: Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. – Сухуми, 1989, с. 213–234.

²²⁹ Сообщения средневековых грузинских источников об Абхазии. Сост. Г. А. Амичба. Сухуми, 1986, с. 33. Нельзя не отметить, что абхазы проявили тогда истинную политическую мудрость: основываясь на противоречиях трех могущественных сил (хазарской, византийской и арабской), они смогли создать самостоятельную государственность, объединившую не только собственно абхазские, но и западнорусинские земли и существовавшую вплоть до монгольского нашествия. Это государство, возникшее в VIII в., еще и в конце XII – начале XIII вв. называлось Абхазией, – о чем неоспоримо свидетельствует, например, созданная в то самое время в соседней Гяндже поэма Низами «Искендер-наме».

²³⁰ Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского. – В кн.: Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. – Киев, 1974, с. 157.

перед арабами, но и нанести им ряд чувствительных ударов».²³¹ Но, по справедливому суждению А. П. Новосельцева, автора более позднего капитального труда о хазарах, ситуация конца VIII века является «свидетельством... разрыва традиционных связей (Хазарии. – В.К.) с Византией, существовавших более 100 лет».²³²

Итак, в VII–VIII веках Хазарский каганат находится в тесном союзе с Византийской империей, но к концу VIII века они разрывают длительные прежние отношения. Этот разрыв, несомненно, был обусловлен превращением Каганата в *иудаистское* государство, что стало явным, по всей вероятности, уже в 780-х годах. Правда, позднее, к началу 830-х годов, союзнические отношения Империи и Каганата так или иначе восстановились, хотя и на очень краткое время. В 834 году византийцы по просьбе хазарских властей руководят строительством мощной крепости Саркел – важнейшего пункта в излучине нижнего Дона, через который шел, в частности, торговый путь от портов Черного моря на Волгу.

Примирение произошло, надо думать, раньше самого этого строительства, – при императоре Михаиле II, правившем с 820 до 829 года. Византийская хроника, составленная в X веке, дает очень весомое объяснение хазарских – то есть иудейских – симпатий Михаила II:

«На свет его произвел город нижней Фригии (византийская провинция на территории современной Турции. – В.К.) по названию Аморий, в котором издавна проживало множество иудеев... Из-за постоянного общения и тесного с ними соседства возросла там ересь нового вида и нового учения, к которой, наставленный в ней с детства, был причастен и он. Эта ересь позволяла, совершая обряд, приобщаться спасительной Божьей купели, которую они признавали, остальное же блюла по Моисееву закону, кроме обрезания. Каждый, в нее посвященный, получал в свой дом учителем и как бы наставником еврея или еврейку, которому поверял не только душевные, но и домашние заботы и отдавал в управление свое хозяйство... Этого учения он (Михаил II. – В.К.) придерживаются и, войдя в зрелый возраст, будто виноградная лоза от усов, не мог избавиться... Чем дольше владел он царской властью, тем с большей жестокостью и природной злобой раздувал Михаил пламя войны против христиан... Христову паству он притеснял и истреблял, словно зверь дикий, а вот иудеев освобождал от налогов и податей, и потому любили они его и почитали больше всех на свете... Он дошел до вершин нечестия: приказал поститься в субботу... не верил в грядущее воскресение».²³³

Издатель этой хроники, видный византолог Я. Н. Любарский, так комментирует эти сведения: «О «еврейских корнях» Михаила сообщают и другие авторы. Скилица (византийский историк XI века. – В.К.) утверждает, что учителем Михаила был еврей... По Михаилу Сирийцу (историк, патриарх Антиохийский в XII веке. – В.К.) Михаил был внуком крещеного еврея» (цит. соч., с. 273).

После смерти Михаила в октябре 829 года на престол взошел его сын Феофил, который, «хотя и держался, как он утверждал, веры в Бога и Пресвятую Его Матерь, держался и полученной от отца мерзкой ереси... Ею морочил он свой благочестивый и святой народ» (с. 41). И по тому было вполне естественным, что «хаган Хазарии и пех (бек – В.К.) отправили к самодержцу Феофилу послов с просьбой отстроить им крепость Саркел... на реке Танаис» (Дон), и император «приказал выполнить просьбу хазар» (с. 56). По всей вероятности, восстановление союза с Каганатом было осуществлено еще при Михаиле II, столь расположенном к иудаизму, а Феофил продолжил дело отца.

Но после смерти Феофила в январе 842 года начинается быстрое восстановление, возрождение византийского христианства. Императрица Феодора, которая фактически стала править Империей (сыну и наследнику Феофила Михаилу III было всего два года), ни в коей мере не разделяла убеждений своего супруга, в чем ее поддерживала имевшая большое влияние

²³¹ Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962, с. 251.

²³² Новосельцев А. П. Хазарское государство... М., 1990, с. 191.

²³³ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. – СПб, 1992, с. 23, 25.

ее семья – прежде всего ее брат Варда, имевший титул кесаря (в сущности, второе лицо в государственной иерархии), и дядя Мануил. Сестра императрицы Феодоры Ирина состояла в браке с представителем знатного рода Сергием, и после смерти Феофила большую роль в политике, особенно церковной, стал играть ее сын – то есть племянник императрицы – Фотий, который позднее был возведен в сан патриарха. Причисленный впоследствии к лику святых Фотий – один из наиболее выдающихся деятелей Империи за всю ее историю. В 843 году устои христианства были полностью восстановлены и с этого времени отношения Империи и Каганата приобретают заведомо враждебный характер вплоть до конца существования последнего. Так, в 860 году, как явствует из «Жития» св. Кирилла, хазары осаждают византийский Херсонес в Крыму, а также направляют на крымские владения Империи союзных с ними венгров.

Вместе с тем нельзя не отметить, что Каганат вел достаточно сложную дипломатическую игру и, в частности, редко вступал в прямую, открытую борьбу с Византией, предпочитая направлять на нее другие народы и прежде всего Русь (ниже эта тема еще будет освещена). Но противостояние, ясно обнаружившееся в событиях 787 года в Абхазии и Крыму, сохранилось (за исключением времени правления Михаила II и Феофила). Поэтому необходимо разграничивать два совершенно, даже несовместимо различных периода хазарской истории: до конца VIII века и последующий.

В связи с этим необходимо сказать и о широко распространенном историографическом мифе, согласно которому Хазарский каганат якобы сыграл великую роль, не допустив распространения арабских завоеваний на территорию Восточной Европы и, следовательно, также Руси. Эта явно несостоятельная концепция характерна для западной историографии хазар и выразилась, в частности, в наиболее чтимых трудах американских востоковедов Д. М. Данлопа и П. Б. Голдена.²³⁴ Повлияла она, увы, и на отечественных исследователей. Так, С. А. Плетнева утверждает, что «Хазария сыграла большую роль в истории восточноевропейских стран – она явилась щитом, заслонившим их от арабов, щитом, выдержавшим атаки непобедимых арабских армий, возглавляемых полководцами, перед именами которых трепетали другие народы».²³⁵

Между тем достаточно взглянуть на карту, демонстрирующую пределы арабских завоеваний, дабы убедиться: Халифат вовсе не стремился распространять свою власть к северу. Так, в Средней Азии арабы почти не продвинулись дальше линии городов Мерва и Самарканда, сделав исключение только для культурнейшего и богатейшего Хорезма в нижнем течении Амударьи. Нет сомнения, что их ни в коей мере не привлекали и земли, расположенные севернее Кавказского хребта.

Как ни удивительно, С. А. Плетнева на той же странице своей работы, где она говорит о хазарском «щите», сообщает о походе грозного арабского полководца Мервана, который в 737 году решил полностью разгромить постоянно нападавших на закавказские владения Халифата хазар и преследовал их войско на их территории, то есть севернее Кавказа: «Арабы... не захотели остаться в стране, им не понравилась холодная и мрачная северная земля» (там же). Как же можно одновременно утверждать, что хазары будто бы защитили от арабского завоевания эту самую не привлекавшую арабов землю?

А. П. Новосельцев, убедительно полемизируя с суждениями С. А. Плетневой, заметил, что даже и вообще «вряд ли верно ставить вопрос об арабской угрозе, от которой якобы спасли Восточную Европу хазары... нет признаков того, чтобы арабы намеревались захватить страны Восточной Европы». И – более того – Хазария «не могла спасти Восточную Европу от арабов также потому, что сама выступала в отношении народов Кавказа (алан и др.), и славян, и Волжской Булгарии как поработительница; все эти народы боролись за свое освобождение от

²³⁴ Dunlop O. M. The history of the Jewish Khasars. – Princeton, 1954. p. X; Golden P. Khasar Studies. – Budapest, 1980, vol. 1, p. 14.

²³⁵ Плетнева С. А. Хазары. – М., 1986, с. 40.

власти хазар». ²³⁶

Итак, речь должна идти не о том, что хазары явились «щитом», спасшим Восточную Европу и в том числе Русь от арабского ига, но только о ряде их разорительных набегов на закавказские владения Халифата, которые они совершили в качестве союзников Византии (очевидно, как-то «оплачивавшей» их помощь). Однако, начиная по меньшей мере с середины VIII века в Хазарском каганате происходят коренные изменения, и на рубеже VIII–IX веков он предстает уже как совсем иное явление; именно в это время господствующей религией Каганата становится иудаизм.

* * *

Да, не будет преувеличением утверждать, что Хазарский каганат до конца VIII века и в позднейшую эпоху – это совершенно разные исторические феномены, хотя, разумеется, переход от одного к другому совершился не мгновенно, а подготавливается в течение целого ряда десятилетий.

С. А. Плетнева в своей известной краткой монографии назвала главу, посвященную истории Каганата после рубежа VIII–IX веков, «Новая география Хазарии». Но это не вполне точное определение; вернее было бы говорить о новом *геополитическом* статусе и значении Каганата. Начать с того, что центр его переместился почти на полтысячи километров к северу, в город Итиль в низовьях Волги, а «объектом» активной политики стали не только Кавказ и Крым, как ранее, но вся Восточная Европа от Урала до Дуная.

Перемещение центра Каганата на Волгу нередко объясняют стремлением уйти подальше от «арабской опасности». Но для этого объяснения нет сколько-нибудь серьезных оснований, ибо *последний* поход арабов на земли севернее Кавказского хребта состоялся в 737 году. Правда, ряд историков и датирует перенос столицы Каганата на Волгу именно этим временем. Но в новейшем труде о хазарах неоспоримо показано, что сведения о волжской столице хазар относятся ко времени не ранее IX века, причем ее называют сначала Хамлых – словом, которое, по-видимому, является «искаженной (немного) формой древнееврейского „ха-малех“ („царь“). ²³⁷ А. П. Новосельцев основательно опровергает мнение некоторых хазароведов, считающих, что арабы под руководством Мервана будто бы дошли в 737 году до столицы Хазарского каганата на Волге (в действительности этой столицы тогда еще просто не было), которая имела название ал-Бейда (или ал-Байда). На самом же деле ал-Бейда – это, по всей вероятности, арабский перевод названия ранней столицы Хазарского каганата – Самандара, располагавшегося в районе современной Махачкалы (см. А. П. Новосельцев, с. 122–130). На Волгу же столица Каганата была окончательно перенесена не раньше второй половины IX века (об этом свидетельствует тот факт, что посланец Константинополя к хазарскому кагану святой Кирилл в 861 году прибыл в Самандар, а не в Итиль – о чем ниже) и первоначально называлась Хамлых (Хамлидж): само это древнееврейское название свидетельствует, что Хазарский каганат уже стал тогда иудаистским. М. Г. Магомедов, опираясь на исследования М. И. Артамонова и С. А. Плетневой, доказывает, что волжская столица «как город складывается в середине IX века». ²³⁸ И в самом деле: об ал-Хорезми, великом ученом первой половины IX века, тогдашнем лучшем знатоке географии, известно, что «названия Атиль или Итиль, распространенного у позднейших арабских географов... ал-Хорезми не знает». ²³⁹

²³⁶ Новосельцев А. П. Хазария в системе международных отношений VII–IX веков. – «Вопросы истории», 1987, 2, с. 25.

²³⁷ Новосельцев А. П., цит. соч., с. 129–130.

²³⁸ Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата, с. 59.

²³⁹ Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми. К 1200-летию со дня рождения. – М., 1983, с. 168.

Позднее, с X века, появляется название Итиль (или Атиль) – от Волги, на берегу которой был расположен город и которая называлась народами среднего и нижнего Поволжья словом Итиль (финно-угорское «река»). Город этот в течение IX века превратился в громадный по тем временам центр – военный и, что не менее важно, торговый, поскольку через него проходил тогда путь «из варяг в арабы» (по Волге и Каспию) и «Великий шелковый путь» из Китая через Среднюю Азию в Византию и, далее, в Испанию (караванный, а от кавказских портов – морской).²⁴⁰ Власти Итиля брали себе десятую часть стоимости провозимых товаров, что приносило, понятно, огромный доход, на который содержалась, в частности, внушительная наемная гвардия Хазарского каганата.

Исключительным, способным поразить воображение деянием Каганата было заселение степи и лесостепи, расположенных южнее Руси, человеческой массой из различных *кочевых* народов – алан, болгар, гузов и т. д. Поразительна здесь быстрота, с которой чисто кочевое население превращалось в оседлое. В трактате С. А. Плетневой «От кочевий к городам» (существенно уже само это заглавие) хорошо показан этот «сверхъестественно» стремительный переход. Исследовательница говорит о трех основных стадиях истории кочевых народов: «1. Все население кочует круглый год, не имея постоянных жилищ и не задерживаясь подолгу на одном месте (таборное кочевание). 2. Все население кочует с весны до осени, а зимой возвращается на постоянные зимовища. 3. Одна часть населения кочует, другая – живет оседло и занимается земледелием» (с. 180).

Еще в начале VIII века, показывает С. А. Плетнева, основное население Хазарского каганата находилось на стадии «таборного кочевания», а в IX веке оно предстает как перешедшее даже через третью стадию, – оседлое, занятое земледелием и ремеслами и обитающее в стабильных и нередко очень больших поселениях, состоящих из скопища полуземлянок и наземных жилищ из глины, дерева и камыша. Рядом с поселениями располагаются обширные могильники, которые дополнительно подтверждают оседлость, постоянность пребывания населения в данном месте.

В некоторых из таких поселений (о чем уже говорилось) были воздвигнуты мощные крепости; исследования показали, что их создание относится, в основном, ко второй трети IX века – то есть именно ко времени, когда разгоралась борьба Хазарского каганата с Русью. Население (это также отмечалось выше) было не только оседлым, но и всецело «военизированным», – притом не только мужское, но и женское.

Весьма интересное и характерное явление, открытое при изучении «инвентаря» погребений в этих военно-хозяйственных поселениях, – система воинских отличий или наград. Речь идет о находимых в могилах *воинских поясах* с разным количеством и набором «бляшек». «Различия в количестве бляшек и их подборе, – доказывает С. А. Плетнева, – означали разное общественное (в основном военное) положение погребенного... подавляющее большинство поясов принадлежало возмужалым и зрелым воинам... У юных воинов наборы значительно скромнее», хотя одно из захоронений юноши – «с роскошным полным набором», ибо он, «видимо, превзошел доблестью всех»; «как и мужчины, наиболее богатые (полные) пояса носили пожилые женщины, видимо, испытанные в походах бойцы».²⁴¹

Эта система наград или отличий ясно говорит о высокой степени организации военных поселений Хазарского каганата. И столь же ясно, что для создания из кочевых племен на территории от Дона до Днепра такого, в сущности, гигантского военно-хозяйственного лагеря, состоящего из сотен селений (только в регионе Подонья он занимал, по подсчету С. А. Плетневой, 100 000 квадратных километров), необходима была исключительно властная и конструктивная организаторская деятельность правительства Каганата.

Известнейший исследователь кочевых народов Руси Г. А. Федоров-Давыдов констатировал как бы даже не без удивления: «В то время как в салтовских (то есть хазарских. –

²⁴⁰ См. об этом: Лубо-Лесниченко Е. И. Великий «шелковый» путь. – «Вопросы истории». 1985, 9, с. 88–100; Иерусалимская А. А. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. – Л., 1972.

²⁴¹ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье... с. 280, 281.

В.К.) поселениях представлены гончарное, железоделательное и другие ремесла, у печенегов, торков и половцев следов ремесла почти нет».²⁴² То есть другие близкие к Руси кочевые народы, чья история разворачивается позже, чем «салтовская», ни в коей мере не достигли того технического «прогресса», который характерен для кочевников, оказавшихся под властью Хазарского каганата.

Громадный военный лагерь, расположенный у юго-восточной границы Руси, был «самообеспечивающим» себя продовольствием, предметами быта и, что особенно важно, оружием. В новейшем обобщающем труде об этом лагере, труде, подводящем итоги многолетних изысканий автора, В. К. Михеева, и его археологического отряда, показано, в частности, высокое развитие металлургии и металлообработки, которыми занимались в IX–X веках в десятках селений Подонья на основе донских рудных месторождений:

«Качество металла... было высоким. Микроисследования зубил и режущих концов ножиц для резки металла показали, что они подвергались термообработке на мартенсит (то есть изменение микроструктуры металла. – В.К.). ...О высоком уровне металлообработки свидетельствует производство оружия; сабель, боевых топоров, наконечников копий и дротиков, наконечников стрел, боевых ножей и кинжалов, кистеней... Металлографический анализ образцов сабель и их обломков из Верхнего Салтова, Правобережного Цимлянского городища и Маяков (это три из важнейших военных поселений. – В.К.) показал, что они были цельностальными с высоким содержанием углерода».²⁴³ Отмечу, что некоторые виды оружия, например, сабли и кистени,²⁴⁴ как доказывают исследователи, были заимствованы Русью у своего хазарского противника.

А вот результаты исследования хазарских крепостей в Полонье: «Добыча камня, его доставка к месту строительства и обработка являлись трудоемкими процессами... Особенно трудоемкой была добыча известняка, который широко использовался для возведения белокаменных крепостей. По нашим подсчетам, для возведения стен Верхнесалтовского городища понадобилось приблизительно 7 тыс. кв. м, Маяцкого – 10 тыс. кв. м, Правобережного – 12 тыс. кв. м и Мохначевского – 14 тыс. кв. м камня. Каменные блоки различных размеров обрабатывались с помощью долот и зубил» (там же, с. 76–77).

Можно было бы привести множество других подобных фактов, но, полагаю, и так ясно: Хазарский каганат был в IX–X веках государством, обладающим громадными «цивилизаторскими» возможностями. Естественно встает вопрос о причинах «цивилизованности» Хазарского каганата в его иудаистскую эпоху.

Следует отметить, что существует безосновательное мнение, согласно которому еще до возвышения иудаизма в Хазарском каганате имелись, скажем, крупные «цивилизованные» города. Между тем один из виднейших современных «хазароведов» А. В. Гадло, исходя из достоверных источников, писал о крупнейшем хазарском «городе» (на Северном Кавказе) доиудаистского периода: «Баланджар вовсе не был городом в обычном понимании этого термина. Это был большой лагерь, для защиты которого был применен традиционный в военной практике кочевников способ. Его территория была ограждена связанными повозками (3 тыс. штук), за которыми укрылись защитники».²⁴⁵

Но вместе с установлением господства иудаизма создается и охарактеризованная выше цивилизация Каганата. И теперь перед нами встает задача понять, как и почему это совершилось.

²⁴² Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966, с. 197.

²⁴³ Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985, с. 89–90.

²⁴⁴ Сами русские слова «сабля» и «кистень» – ранние (IX–X века) заимствования из тюркских языков.

²⁴⁵ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Л., 1979, с. 120.

Специальный экскурс: история Хазарии

Общепризнанно, что на рубеже VIII–IX веков государственной религией Хазарского каганата стал иудаизм, хотя процесс его утверждения, конечно же, начался раньше. В одной из самых ранних русских работ о хазарах, принадлежащих одному из основоположников отечественного востоковедения В. В. Григорьеву (1816–1881), говорится следующее: «Евреи, притесняемые в Греции (то есть в Византийской империи. – В.К.), удалились к хазарам и, видя простоту этого народа, предложили ему свою веру – и хазары, находя ее лучше собственной, приняли охотно».²⁴⁶

К сожалению, это представление, по своей «простоте» близкое декларированной в нем «простоте» хазар, в той или иной форме, но достаточно широко распространено еще и сегодня. Между тем в позднейших исследованиях было со всей убедительностью показано, что в этом рассуждении неверны буквально все его стороны. Во-первых, евреи, определившие резкое изменение самой сути Каганата, пришли не из Византии, а с арабского Востока (хотя позднее появились и эмигранты из Византии); далее, хазары в своем абсолютном большинстве вовсе не принимали иудаизм; наконец, утверждение иудаизма в качестве господствующей религии отнюдь не было «охотным», добровольным, а также и быстро осуществившимся.

Многое здесь вполне доказательно выяснено уже в трактате М. И. Артамонова «История хазар» (1962). Но следует знать, что эта книга испытала очень трудную судьбу. Она была, в своей основе, создана еще в конце 1930-х годов. Однако, как свидетельствует автор позднейшей монографии о хазарах, вышедшей в 1990 году, «фундаментальную работу Артамонова и в 60-е годы опубликовать стало возможным только в Ленинграде, где Артамонов в то время занимал пост директора Эрмитажа, в издательстве которого монография и увидела свет».²⁴⁷ Между тем по своему профилю «История хазар» никак не «вписывалась» в программу этого музейного издательства. И едва ли случайно М. И. Артамонов через год после выхода его «Истории» был освобожден от должности директора Эрмитажа и в дальнейшем стал заниматься, в основном, не «опасной» историей древних скифов...

Нельзя не сказать здесь и о судьбе другой книги, также во многом посвященной хазарской проблеме, – трактате ученика М. И. Артамонова (правда, позднее пересмотревшего многие стороны концепции последнего) – Л. Н. Гумилева. Трактат был, в общем и целом, написан еще в 1970-х годах, но смог выйти в свет только в 1989-м.²⁴⁸ Расскажу об известной мне, как говорится, из первых уст попытке издать часть этой книги в 1980 году. Замечательный русский публицист и гражданин Ю. И. Селезнев (1939–1984) обратился тогда к Л. Н. Гумилеву с предложением опубликовать любую его работу о Хазарском каганате. Л. Н. Гумилев прислал ему рукопись, к которой приложил высокоположительный отзыв одного очень чтимого и влиятельного филолога-академика. Руководящий сотрудник, от которого зависело окончательное решение судьбы рукописи (издавать или не издавать), предложил Ю. И. Селезневу испросить у этого филолога разрешение опубликовать его отзыв в качестве предисловия или послесловия к работе Л. Н. Гумилева; в этом случае работа тут же была бы напечатана. И Ю. И. Селезнев немедленно поехал к сему филологу и долго – несколько часов, – но безуспешно уговаривал его согласиться на публикацию его отзыва. В конце концов филолог, так сказать, не выдержал и напомнил Ю. И. Селезневу, что не так давно некий человек напал на него в подъезде его дома и нанес ему тяжкий удар в область сердца, – напомнил и нервно воскликнул: «Вы, что ли, не понимаете различия между письменным и печатным отзывом?! Если мой отзыв будет опубликован, меня попросту убьют!...» и работа Л. Н. Гумилева так и не

²⁴⁶ Обзор политической истории хазаров. Сочинение В. Григорьева. – СПб, 1835, с. 19.

²⁴⁷ Новосельцев А. П. Хазарское государство, с. 54.

²⁴⁸ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. – М., 1989.

была тогда опубликована.²⁴⁹

Со многим из того, что высказано в книге Л. Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая степь», я безусловно согласен. Но в то же время я исхожу в своем представлении о Хазарском каганате из существенно иных *методологических* и *источниковедческих* оснований. Так, в Гумилевской концепции «пассионарности» я вижу яркий, но, скорее, эстетический, или художественный, нежели научный смысл. Или другая сторона дела: Л. Н. Гумилев, на мой взгляд, недостаточно опирается на новейшие археологические открытия.

Однако я не имею в виду намерения полемизировать с Л. Н. Гумилевым; его трактат имеет свою внутреннюю логику и своего рода самооправдание. Поэтому, ссылаясь в дальнейшем на некоторые положения этого трактата, я вместе с тем усматриваю свою главную задачу в том, чтобы выдвинуть представляющиеся мне основательными фактические сведения и выводы общего характера; читатели же имеют возможность сопоставить их с содержанием трактата Л. Н. Гумилева и ясно увидеть, в чем я присоединяюсь к этому трактату и в чем с ним расхожусь.

Что же касается артамоновского труда о хазарах, в нем есть немало различных противоречий и недоговоренностей. Ученый писал во «Введении» к трактату: «Не менее 25 лет (то есть с конца 1930-х годов – В.К.) этот труд лежал на моем рабочем столе. Время от времени я возвращался к нему, исправлял, дополнял, перестраивал. Все это не могло не отразиться на характере изложения. Мне, вероятно, лучше, чем кому-либо другому, известны недостатки моей работы...» (указ. соч., с. 39).

Да, в работе М. И. Артамонова много взаимоисключающих суждений. Но в то же время в ней четко сказано, что утверждение господства иудаизма вовсе не было добровольным, «охотным», а, напротив, вызвало, по определению М. И. Артамонова, «беспощадную» гражданскую войну в Каганате (глава 17 «Истории хазар» так и названа – «Гражданская война в Хазарии»).

С другой стороны, М. И. Артамонов писал: «Иудаизм – национальная религия; дух и буква иудейского закона не допускают прозелитизма (то есть принятия в свое лоно «инородцев». – В.К.), хотя в древности наблюдались факты обращения иноплеменников, но это противоречило принципу «избранного народа». В средние века обращение в иудаизм могло совершиться лишь в том случае, если неопит имел предка еврея; не исключалась возможность того, что предок был вымышленным» (с. 264). И иудаистская религия «стала религией хазарского правительства и части хазарской знати, но она никогда не превращалась в религию хазарского народа, точнее, тех племен, которые входили в состав Хазарии. Иудейская религия не вытеснила ни старого язычества, ни христианства, ни мусульманства» (с. 266).

Итак М. И. Артамонов опровергает два положения из процитированной выше давней работы В. В. Григорьева: народы Каганата вовсе не подчинились иудаизму «охотно», и, во-вторых, иудаизм приняло лишь крайне незначительное количество хазар. Правда, М. И. Артамонов как бы присоединяется к третьему положению В. В. Григорьева, утверждая, что евреи, установившие господство иудаизма, пришли в Хазарию, в основном, из Византии и ее провинций.

Но прежде чем говорить об этом, необходимо рассмотреть другие весьма популярные «мифы» о хазарском иудаизме, – мифы, возникшие давно, но в последнее время оживившиеся. Первый из них основан на совершенно бездоказательном мнении о массовом или даже всеобщем принятии иудаизма населением Хазарского каганата, которое-де после разгрома этого государства Святославом переместилось на запад, особенно в польские земли, и стало затем основным компонентом всего иудейства Европы; из этого следует, что подавляющее большинство современных людей, считающихся евреями, на самом деле – потомки не древнего

²⁴⁹ Между прочим, Л.Н. Гумилев, размышляя об очень скудных сведениях о борьбе с Хазарским каганатом в «Повести временных лет», пришел к выводу, что при князе Святополке II (когда и составлялась «Повесть») действовала «цензура». Ведь Святополк, писал Л. Н. Гумилев, «разрешил пребывание в Киеве еврейской общины, конечно, за большую плату. Нестор, видя это, счел за благо хазарскую проблему в летописи не обострять» («Русская литература», 1974, 3, с. 173).

семитского народа, но тюрок-хазар, принявших иудаизм.

Едва ли ни первым эту «концепцию» выдвинул популярнейший тогда французский историк-семитолог, публицист и писатель Ж. Э. Ренан в своем сочинении «Иудаизм как раса и как религия» (1883). Те же взгляды выразились в записке польского автора М. Гумпловича «Начало еврейской веры в Польше» (1903); в более развернутом виде изложена эта точка зрения в вышедшем в 1909 году в Вене сочинении фон Кучеры «Хазары. Исторический этюд».

«Концепция» вновь ожила после второй мировой войны, когда в США вышла книга Б. Х. Фридмана «Правда о хазарах» (1954). И особенно большую роль сыграло изданное в 1978 году в Лондоне сочинение широко известного автора – А. Кестлера (выходца из Австро-Венгрии, проделавшего весьма типичную эволюцию: коммунист – антикоммунист – сионист) «Тринадцатое колено (в смысле «племя». – В.К.). Хазарская империя и ее наследие». Книга имела всемирный резонанс, и многие уверовали в то, что основная масса современных евреев – потомки хазар.

Однако эта «концепция» совершенно не выдерживает сопоставления с реальностью и, в сущности, абсурдна. Дело уже хотя бы в том, что в многочисленных исторических источниках (главным образом арабских), содержащих сведения о Хазарском каганате, его население характеризуется не по национальной, племенной, а по *религиозной принадлежности*, и все эти источники согласно свидетельствуют, что приверженцы иудаизма составляли весьма незначительное меньшинство населения Каганата (и даже самой его столицы).²⁵⁰

И в действительности еврейское население Европы переселилось туда не из Хазарии, а из Ирана через какое-то время после завоевания его арабами (в VII веке). В Иране к VII веку была огромная по тогдашним масштабам еврейская община – более 600 тыс. человек²⁵¹ и, как свидетельствует средневековая иудейская хроника «Emek ha-Baka», «спаслись бегством многочисленные евреи из страны Парас (Персия), как от меча, и двигались они от племени к племени, от государства к другому...».²⁵²

Второй, всплывающий подчас и сегодня (ранее он господствовал) миф – утверждение некой уникальной *веротерпимости* в Хазарском каганате, где, мол, самым мирным образом сосуществовали иудаизм, христианство, мусульманство и идолопоклонничество. М. И. Артамонов недвусмысленно заметил: «Прославленная веротерпимость хазар была вынужденной добродетелью, подчинением силе вещей, справиться с которой Хазарское государство было не в состоянии».²⁵³ Поскольку иудаизм – принципиально племенная, национальная религия, которая никак не могла принять в себя разноплеменное население Каганата, и поскольку тысячу лет назад немыслимо было заставить людей вообще отказаться от религии («прогресс» дорос до этого на территории России лишь в XX веке...), правители Каганата «мирились» с существованием иных религий. Но мирились только до того момента, когда другая религия могла представлять для них прямую опасность. Так, совершенно точно известно, что в 932 году власти Каганата силой заставили алан отречься от христианства (к которому аланы – будущие осетины – вернулись позднее, после разгрома Каганата Святославом).

Впрочем, подчас правителям Каганата приходилось все же волей-неволей умерять свою борьбу с иной религией. Арабский посланец в Волжскую Булгарию (в 922 году) Ибн-Фадлан рассказал, что в это самое время «дошла весть до царя хазар... что мусульмане разрушили

²⁵⁰ См., например, в кн.: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. – М., 1962, с. 163–164.

²⁵¹ См., например, работу видного чешского историка: Klima Otakar. Mazdak und die Juden. – «Archiv Orientalni», Praha, 1956, XXIV, s. 420.

²⁵² Цит. по кн.: Берлин И. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. – Пб, 1919, с. 79.

²⁵³ Артамонов, с. 334.

синагогу, бывшую в усадьбе аль-Бабунадж (Б. Н. Заходер полагал, что речь идет, вероятнее всего, о местности в Хорезме,²⁵⁴ к востоку от Каспия. – В.К.)... он приказал, чтобы минарет (соборной мечети Итиля. – В.К.) был разрушен, казнил муэдзинов и сказал: «Если бы, право же, я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной синагоги, которая не была бы разрушена, обязательно я разрушил бы мечеть».²⁵⁵ Кстати сказать, арабский историк и географ Масуди писал через двадцать лет после Ибн-Фадлана, в 943 году, что в Итиле «есть соборная мечеть с минаретом, который возвышается над царским замком²⁵⁶ – то есть минарет уже был восстановлен, чтобы не раздражать мусульман, и, возможно, в порядке «компенсации» сделан очень высоким.

Но обратимся непосредственно к вопросу о том, каким образом иудаизм обрел господство в Каганате. М. Н. Артамонов, к сожалению, ответил на этот вопрос в духе самых ранних работ о хазарах. Он исходил из того, что «евреи издавна (то есть еще до прихода хазар из Средней Азии – В.К.) жили в некоторых областях, вошедших в состав Хазарского каганата»; имеются в виду и Кавказ, и Таманский полуостров, и Крым. Кроме того, М. И. Артамонов придавал большое значение евреям-эмигрантам из Византии, пришедшим в Хазарский каганат в VIII–IX веках. Между тем один из наиболее осведомленных арабских авторов первой половины X века, Масуди, писал о принявшем на рубеже VIII–IX веков иудаизм хазарском царе: «Ряд евреев примкнул к нему из... мусульманских стран и из Византийской империи. Причина (последнего – В.К.) в том, что император, правящий ныне, т. е. в 943, и носящий имя Арманус (Роман), обращал евреев своей страны в христианство силой и не любил их, и большое число евреев бежало из Рума (Византии. – В.К.) в страну хазар».²⁵⁷ Император Роман правил с 919 года и, следовательно, именно к этому *позднему* времени, когда иудаистский Хазарский каганат существовал уже *более столетия*, относится крупная эмиграция евреев из Византии.

Между тем М. И. Артамонов придавал наибольшее значение именно евреям, эмигрировавшим из Византии, и заключал свое рассуждение следующим тезисом: «...таким образом, евреи (имеются в виду прежде всего и главным образом византийские евреи. – В.К.) с давних пор могли проникнуть в Хазарию и в качестве грамотных и бывалых людей занять важные места при дворах кагана и хазарских князей. Они, несомненно, играли большую роль в торговле Хазарии и составляли существенную часть населения хазарских городов» (цит. соч., с. 264–265).

Все сказанное в принципе вполне верно, однако ведь совершенно *то же самое* можно сказать почти о *любом* государстве и народе Европы и западной части Азии того времени – VIII–X веков, – начиная с империи Каролингов, Византии, Арабского халифата; везде иудеи играли ту самую роль, о которой говорит М. И. Артамонов. Между тем ни в этих, ни в каких-либо иных странах иудаизм не только не обрел официального господства, но даже и не выказал реального стремления к этому. И приходится сделать вывод, что в Хазарском каганате создалась некая *совершенно особенная* ситуация, которая обеспечила победу иудаизма, – несмотря даже на предшествующее этому широкое распространение христианства в Каганате (выше говорилось, что, по всей вероятности, даже сам верховный правитель, каган, был накануне победы иудаизма христианином; это не столь уж странно, если вспомнить, что в 730-х годах две дочери тогдашнего кагана были или же стали христианками, ибо одна из них обвенчалась с византийским императором Константином V, а другая – с эриставом Абхазии Константином II).

²⁵⁴ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. – М., 1962, с. 162.

²⁵⁵ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. – М. – Л., 1939, с. 85–86.

²⁵⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. – М., 1963, с. 195.

²⁵⁷ Там же, с. 193.

Особенно существенно, что иудаизм в Каганате поначалу пришел к господству (в конце VIII века) не насильственным, а, по-видимому, вполне мирным путем (ибо никаких сведений о насилиях не имеется), и лишь позднее, уже в IX веке, началась жестокая война между новым – иудаистским – правительством и «коренными» предводителями Каганата.

Между тем хорошо известно, что в те времена иудаизм был непримиримо враждебен к христианству. Это основательно доказано наиболее выдающимся из русских историков средневекового Ближнего Востока Н. В. Пигулевской (1894–1970), чьи работы получили высшее всемирное признание.

Нельзя не сказать хотя бы кратко о ее судьбе, ибо эта судьба – также неотъемлемая часть отечественной *истории*. Прямую причастность исторического знания, историографии к самой истории необходимо понять и оценить. Нет сомнения, например, что русские летописи XI–XVII веков играли в свое время очень существенную «практическую» роль, определяя направление деятельности князей и, затем, царей, а также воевод, бояр, церковных иерархов и наиболее видных купцов и промышленников. Если учесть, что даже до нашего времени дошло *более 1500 летописных текстов* (их было, без сомнения, намного больше, но они гибли во время войн, восстаний, пожаров), станет ясно громадное значение историографии в жизни Руси. Но, конечно же, историческая наука являлась и является чрезвычайно важной составной частью самой истории и в позднейшие времена. Можно бы убедительно показать, что правительство России и в XVIII, и в XIX, и в начале XX века уделяло очень большое внимание развитию историографии. И, пожалуй, еще более активно отнеслись к исторической науке те, кто пришел к власти в России в 1917 году. Это ясно видно по судьбе русских историков и, в частности, Н. В. Пигулевской.

Н. В. Пигулевская была лучшей ученицей крупнейшего русского гебраиста П. К. Коковцова (1861–1942; умер в блокадном Ленинграде). В 1920-х годах вышли в свет ее первые работы. Но в конце 1920-х годов она была арестована (между прочим, в одной «подследственной» группе с М. М. Бахтиным) и отправлена в Соловецкий лагерь. Это было одним из проявлений тогдашней тотальной программы уничтожения основ русской культуры; выше уже упоминалось о широкомасштабных репрессиях 1929–1930 годов, обрушившихся на многих виднейших представителей исторической науки во главе с академиком С. Ф. Платоновым. Сейчас начинают появляться первые «расследования» этой злодейской акции.

В июне 1929 года атаку на русских историков в Академии наук предприняла специальная «Правительственная комиссия» под руководством члена Президиума ЦКК (Центральной контрольной комиссии) ВКП(б) Я. И. Фигатнера; в октябре по настоянию Фигатнера – сообщается в нынешнем «расследовании» этой атаки, – «срочно прибыли председатель Центральной комиссии по чистке Я. Х. Петерс и член президиума той же комиссии Я. С. Агранов (то есть уже из верховных кадров ОГПУ – В.К.)... В настоящее время нам известны имена почти полутора сотен человек, арестованных в период с октября 1929 по декабрь 1930. Наверняка учтены не все... Две трети арестованных – историки и близкие к ним музееведы, краеведы, архивисты, этнографы».²⁵⁸

Главным «обвиняемым» комиссия Фигатнера сделала выдающегося историка С. Ф. Платонова (1860–1933) – ученика К. Н. Бестужева-Рюмина (1829–1897) и В. О. Ключевского (1841–1911). И напомним хотя бы несколько имен его арестованных тогда «подельников»: С. В. Бахрушин, С. Б. Веселовский, Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, М. Д. Приселков, Б. А. Романов, Е. В. Тарле, Л. В. Черепнин. Эти люди, как и целый ряд других подвергшихся в то время аресту – цвет русской исторической науки. Если бы они исчезли, развитие этой науки попросту прекратилось бы (оно и в самом деле почти полностью остановилось тогда на несколько лет); новым поколениям историков не у кого было бы учиться.

Большая роль в «разоблачении» крупнейших русских историков принадлежала «новым» псевдоисторикам, этим, – как сказано в современном «расследовании» сего дела, – «...

²⁵⁸ Звенья. Исторический альманах. Выпуск 1. – М., 1991, с. 204, 209.

«неистовым ревнителям типа Цвибака, Зайделя, Томсинского, Фридлянда, Ковалева».²⁵⁹ Так, Цвибак заявил в своем «докладе» во время следствия, что С. Ф. Платонов объединяет «всех мелко – и крупно-буржуазных и помещичьих историков... Кулацко-крестьянская контрреволюция изнутри, иностранная интервенция извне и восстановление монархии – вот программа политических чаяний платоновской школы».²⁶⁰

Историки обвиняли, естественно, и в пропаганде русского «национализма», «шовинизма», даже «фашизма». Атмосферу следствия хорошо передает рассказ о допросах С. Ф. Платонова, которые вел начальник одного из отделов ленинградского ГПУ Мосевич: «Когда Мосевич спросил: как мог Платонов пригласить заведовать отделением Пушкинского Дома (С. Ф. Платонов был его директором с 1925 по 1929 год. – В.К.) еврея Коплана, то получил ответ: «Какой он еврей: женат на дочери покойного академика Шахматова и великим постом в церкви в стихаре читает на клиросе». После этого Коплан получил пять лет концлагеря!».²⁶¹

Из этого ясно, что удар был направлен не против неких «шовинистов», а против деятелей русской культуры независимо от их национальной принадлежности (арестованный Е. В. Тарле, например, также был русским историком еврейского происхождения). И, казалось, дело шло к тому, что одна из основ русской культуры – историческая наука – уже перешла грань полной гибели.

Однако в какой-то последний момент в ход дела вмешалась пока до конца еще не ясная сила: «Как ни старались, однако, опорочить Платонова и его коллег, что-то застопорилось, надломилось в, казалось бы, хорошо отлаженной машине следствия...».²⁶² И исчезнувшие историки постепенно начали возвращаться; к 1937–1938 гг., когда, в свою очередь, были репрессированы Фигатнер и Аграновы, Зайдели и Фридлянды, почти все арестованные в 1929–1930 годах уже работали; *почти все*, ибо несколько историков старшего возраста – в том числе и С. Ф. Платонов – скончались до «реабилитации»... Кстати сказать, иные продолжали работать и в ссылках, и даже в тюрьмах; С. Ф. Платонов 9 июля 1931 года сообщил дочерям (которые также были вслед за ним арестованы) из камеры: «...разобрал кое-что из моих бумаг... Выяснены некоторые родословные...».²⁶³

Вернувшиеся создавали и публиковали новые труды, работали с многочисленными учениками, готовили к изданию сочинения своих учителей и скончавшихся соратников; так, в 1937–1939 годах вышли в свет важнейшие работы В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, П. Г. Любомирова (которые еще недавно оценивались как «контрреволюционные»). Многие возвратившиеся из небытия стали членами-корреспондентами и академиками, лауреатами и орденосносцами... И без этого «поворота» не было бы, без сомнения, тех достижений русской исторической науки 1960–1980-х годов, которые осуществили ученики «реабилитированных» к 1937 году ученых.

В этом повороте выразилось то историческое движение, о котором в присущем ему заостренном стиле говорит в своем удивительном сочинении «Бесконечный тупик» (1989) наиболее яркий и глубокий мыслитель нынешнего молодого поколения России Дмитрий Галковский (родился в 1960 году). Он как бы подводит итог с точки зрения своего поколения:

«Какой год был самым счастливым за последние сто лет русской истории? Страшно вымолвить, но 1937... 37-й это год перелома кривой русской истории. Началось

²⁵⁹ Там же, с. 209.

²⁶⁰ «Вопросы истории», 1989, 5, с. 128.

²⁶¹ Звенья, с. 215

²⁶² «Вопросы истории», 1989, 5, с. 128.

²⁶³ Звенья, с. 214.

„выкарабкивание“... 1937 – это год смерти революционного поколения. Свиньи упали в пропасть. Конечно, прогресс после 1937 можно назвать прогрессом лишь в соотношении с предыдущей глубиной падения. Но все же...» (с. 668–669).

Среди историков, вернувшихся после ареста и осуждения (в 1929 году) в науку, была и Нина Викторовна Пигулевская. Сначала она смогла (в 1934 году) поступить на работу только в далекий от ее интересов Институт истории науки и техники, но в 1937 году стала научным сотрудником Института востоковедения. В 1938 вчерашней заключенной была присуждена (даже без защиты) степень кандидата наук, а уже в 1939 – доктора и после войны, в 1943 году – звание профессора; в 1946-м она была избрана членом-корреспондентом Академии наук. Во время ленинградской блокады Н. В. Пигулевская была заместителем директора Института востоковедения и исполняла свои обязанности с истинной самоотверженностью. С 1952 года она стала заместителем председателя (фактически руководителем) существовавшего с 1882 года Российского Палестинского общества и ответственным редактором одного из самых высококультурных ежегодников – «Палестинского сборника».

Сей экскурс в драматическую и даже трагедийную историю русской исторической науки в 1920–1930-х годах имеет, быть может, не вполне очевидную, но глубокую связь с той столь давней эпохой, о которой идет речь в моем сочинении.

Кто-нибудь может усомниться в том, что подобная «связь» существует, так сказать, реально, а не в чисто «теоретическом» смысле. Здесь уместно напомнить одно творение Чехова. Известно, что он из всего им созданного более всего ценил (и я полностью с ним согласен) свой рассказ «Студент» (1894), герой которого, студент Духовной академии, приехав на Пасху в затерянную в российском просторе родную деревню, проникается – в студеный вечер Страстной пятницы – острым сознанием нераздельной связи времен: «И теперь, пожимаясь от холода, студент думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре...». Он начинает говорить двум встреченным им крестьянкам, Василисе и ее дочери Лукерье, как «Иуда в ту же ночь поцеловал Иисуса и предал его мучителям. Его связанного вели к первосвященнику (Каиафе – В.К.) и били...»

Василиса вдруг всхлипнула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль...

И студент сознает, «что, если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему – к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям... И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, – думал он, – связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого... он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

Поэтому нет ничего искусственного в соотношении событий русской истории X и XX веков...

Возвратимся к VIII веку, когда готовилось установление господства иудаизма в Хазарском каганате. Этому предшествовало совершившееся в VI веке утверждение власти иудеев в южноаравийском (на территории нынешнего Йемена) царстве химьяритов и непримиримая борьба иудаизма с христианской Византией. И эта своего рода предыстория иудаистского Хазарского каганата была раскрыта именно в трудах Н. В. Пигулевской и ее последователей.

В центре внимания Н. В. Пигулевской уже в 1930-х годах было ценнейшее, но почти не изученное у нас наследие высокой культуры раннесредневековой Сирии, которой она посвятила целый ряд своих трудов. В одной из переведенных и опубликованных ею сирийских хроник содержится сообщение (которое, кстати сказать, находит подтверждение и в византийских, и в иудейских источниках), раскрывающее крайнюю, даже, можно сказать, неправдоподобную непримиримость раннесредневекового иудейства по отношению к христианству.

Речь идет здесь о событиях 614 года, то есть о времени *накануне* образования Хазарского каганата (тогда еще отнюдь не иудаистского); в это время разразилась очередная война между Византией и Ираном, и иудеи всеми возможными средствами поддерживали Иран (между тем

хазары в этот период – не позднее, чем с 622 года – выступали, напротив, в качестве союзников Византии). И вот это ни с чем, пожалуй, не сравнимое сообщение сирийской хроники о 614 году: «...осадила Шахрбараз (иранский полководец. – *В.К.*) Иерусалим город (принадлежавший тогда Византии – *В.К.*) и покорил его мечом... Иудеи же, из-за своей вражды, покупали их (христиан. – *В.К.*) по дешевой цене, и они убивали их».²⁶⁴ Покупать у иранских воинов плененных христиан не для того, чтобы использовать их в качестве рабов, но для того, чтобы испытать наслаждение, убивая их, – это, в самом деле, нечто беспримерное даже в истории крайних проявлений религиозной вражды...

Важно добавить, что сведения об этих событиях содержатся также и в византийских хрониках, созданных Феофаном Исповедником и Георгием Амартолом, и в еврейской хронике Григория Бар-Гебрея (то есть еврея), который писал о византийско-иранской войне 614 года: «Евреи покупали христианских узников... и со злостью убивали их» (Еврейская энциклопедия. – СПб, 1908–1913, т. 5, стлб. 548). Но правдивость этих источников подвергалась сомнению как равно тенденциозных: византийцы стремились, мол, опорочить евреев, а Бар-Гебрей, напротив, похвалить их упоенной жестокой местью византийцам. Сирийская хроника ценна как беспристрастный «сторонний» источник, подтверждающий, в частности, истинность византийских и еврейских хроник (впрочем, есть еще и другой «независимый» свидетель – египетский хронист начала IX века Евтихий, но его «Анналы» почти не введены у нас в научный оборот; см. о нем в том же месте «Еврейской энциклопедии»).

Итак, борьба иудеев с христианством могла доходить до невероятных крайностей. Однако при установлении господства иудаизма в Хазарском каганате подобных эксцессов, по всей вероятности, не было, ибо никаких сведений этого рода не имеется. Правда, как доказывает в своей новейшей работе о судьбе Зихской христианской епархии А. В. Гадло, эта северокавказская православная кафедра, «как и другие кафедры... VIII в., созданные с целью проповеди христианства среди населения глубинных районов Хазарии, была ликвидирована после принятия хазарами иудаизма в качестве государственной религии в начале IX в.».²⁶⁵ Но ни в одном источнике нет известий о сопровождавших этот акт насилиях и жестокостях.

Между прочим, в трактате М. И. Артамонова утверждается, что «обращение хазар в иудейство (ниже ученый уточнил, что речь идет только о немногих представителях высшей хазарской знати, а вовсе не о народе, – *В.К.*) – бесспорный, хотя и *исключительный* исторический факт» (цит. соч., с. 265 – *В.К.*). В действительности же он не был «исключительным», ибо имел место по меньшей мере еще один такой факт – установление господства иудаизма в Химьяритском царстве, существовавшем со II века до нашей эры и до VI века нашей эры (когда оно было присоединено к Ирану) в Юго-Западной Аравии. М. И. Артамонов не знал об этом прецеденте, ибо отечественная историография Химьяритского царства стала развиваться сравнительно недавно, и занялись ею как раз Н. В. Пигулевская и ее ученики.

Основные материалы по истории иудаизма в Химьяритском царстве были подготовлены Н. В. Пигулевской еще в 1940-х годах и должны были войти в ее изданную в 1951 году книгу «Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв.». Но Н. В. Пигулевская смогла опубликовать указанные материалы только в переводе этой своей книги на немецкий язык, изданном в 1969 году в Амстердаме; на русском же языке эта часть ее труда была издана уже после ее кончины, в 1976 году.

В IV–V веках Химьяритское царство в Йемене стало христианским. Один из современных продолжателей трудов Н. В. Пигулевской сообщает: «В 40–50-х годах IV века... в Южной Аравии проповедовал Феофил Индус, посланный туда императором (византийским. – *В.К.*) Констанцием (337–361)... Феофил обратился в христианство аравийского этнарха (правителя. –

²⁶⁴ Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. – М. – Л., 1946, с. 263.

²⁶⁵ Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник Северо-восточного Причерноморья. – В кн.: Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991, с. 104.

В.К.), и построил церкви... Однако значительное влияние... эта религия получила лишь в V в., после чего важнейшие политические события Южной Аравии были связаны с борьбой между иудаизмом и христианством».²⁶⁶

Необходимо пояснить, что Химьяритское царство было самым цивилизованным государством всего арабского региона: «...наиболее развитой земледельческой областью Аравии, с весьма продолжительной традицией оседлой жизни, был Йемен. Еще в I тысячелетии до н. э. ...Южная Аравия была процветающей цивилизованной страной. В этой стране наряду с земледелием (высокий уровень которого обеспечивала сложная система ирригации) получило развитие ремесленное производство и торговля... Население древнего Йемена... создало свою оригинальную культуру, в том числе самобытную буквенную письменность... о былой высокой культуре древнего Йемена свидетельствуют развалины великолепных дворцов и храмов и остатки грандиозных оросительных сооружений».²⁶⁷

Более того, «йеменские царства участвовали в мировой политике столетиями, – доказывает известнейший американский арабист. – Они представляли собой естественный центр как сухопутной, так и морской торговли, которая осуществлялась с помощью судов, курсировавших между Красным морем и Индийским океаном. К ним вели караванные пути из Сирии и Египта»²⁶⁸ и т. д.

Словом, у иудаизма были веские основания стремиться подчинить себе эту страну. И в 517 году Йусуф Зу Нуvas (Масрук) – сын принадлежащего к высшей знати химьярита и еврейки – захватил власть и объявил себя царем.²⁶⁹ В работе Н. В. Пигулевской приводится его послание о победе над химьяритами – послание, отправленное союзнику Зу Нуvasа – царю государства на границе с Ираном – Хиры (Хирты):

«...я воцарился над всей землей химьяритов... Я убил 280 священников, которых нашел... и я сделал их церковь нашей синагогой. Затем... я отправился в Негран, город в их государстве. Я осаждал его в течение нескольких дней и не взял. Тогда я дал им клятвенное обещание, считая, что не следует быть верным христианам, моим врагам. Я схватил их, с тем чтобы они принесли мне свое золото, серебро и имущество. И они доставили это мне, и я взял это. Я спросил относительно их епископа Павла; они сказали мне, что он умер, но я им не поверил, пока мне не показали его гроб. Смердели его останки, и я сжег их, а также церковь, священников и всех, кого нашел укрывающимися в ней. А прочих я принуждал, чтобы они отреклись от Христа и от креста (речь идет, как ясно из контекста, о химьяритской знати. – *В.К.*), но они не захотели, ибо они исповедовали, что он Бог и Сын Благословенного, и они избрали для себя смерть ради Него... и я приказал убить всех их знатных. Привели к нам их жен, и мы сказали им, чтобы они отреклись, видя смерть своих мужей за Христа, пожалели бы своих сыновей и дочерей, но они не захотели. Дочери Завета (монахини) стремились, чтобы сначала убили их, но жены знатных разгневались на них и сказали: нам следует умереть после наших мужей. И все они были убиты по нашему приказу, кроме Румы, жены того, кто собирался быть там царем. Мы... убеждали ее, чтобы она отреклась от Христа и осталась жить, жалея своих дочерей, и что она сохранит все, что имеет, если станет иудейкой... я всячески хитростями убеждал ее отречься от Христа, чтобы она только сказала, что Он человек (а не Бог. – *В.К.*), но она не захотела. Одна же из дочерей выбрала нас за то, что мы это говорили... Я же приказал устрашения прочих христиан, чтобы распростерли их на земле, и ее дочери были избиты так, что кровь у них пошла изо рта. После этого была отсечена у нее голова». Свидетель этих

²⁶⁶ Пиотровский М. Б. Предание о химийаритском царе Асаде-ал-Камиле. – М., 1977, с. 42.

²⁶⁷ Беляев Е. А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. – М., 1965, с. 61.

²⁶⁸ Грюненбаум Г. Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600–1258). – М., 1988, с. 14.

²⁶⁹ См.: Кобищанов Ю. М. Северо-восточная Африка в раннесредневековом мире (VI – середина VII в.). – М., 1980, с. 16.

событий химьяритский христианин сообщил, что в Негране «были убиты 340 знатных»,²⁷⁰ отказавшихся перейти в иудаизм.

Но Йусуф Зу Нувас смог удержаться у власти всего несколько лет. Его беспощадная акция против христиан вызвала широкое возмущение, особенно в соседствующем с Химьяритским царством сильным христианском государстве кушитов, расположенном на нынешней территории Эфиопии. В уже цитированной хронике сообщается: «После того как царь кушитов... узнал о гибели христиан и тирании иудеев, он распалился гневом, взял свои войска и выступил против тирана. Он захватил его, убил его, уничтожил его войска и всех иудеев в земле химьяритов. Он также поставил там царем ревностного христианина по имени Авраам» (цит. соч., с. 128).

Это произошло в 525 году, и нет сомнения, что в огромной тогда общине иудеев близкого к Химьяритскому царству Ирана (она была в то время более многочисленной, чем где-либо еще) хорошо знали о событиях в этом царстве. А в конечном счете именно из Ирана (о чем пойдет речь далее) пришли те иудеи, которые сумели подчинить себе Хазарский каганат. И, быть может, именно исходя из знания истории Зу Нуваса, они избрали путь медленного и мирного – по крайней мере, внешне – овладения ключевыми позициями в Каганате.

М. И. Артамонов, чьи слова уже цитировались, утверждал, что жившие в различных местах на территории Каганата иудеи «в качестве грамотных и бывалых людей» смогли «занять важные места», а в конце концов как-то само собой стали верховными правителями. Но, повторяю, иудеи жили и занимали «важные места» во множестве стран. В том же Йемене, то есть Химьяритском царстве, сообщает в уже цитированном труде М. Б. Пиотровский, «иудеи жили... по крайней мере со II в. н. э.». Есть «сообщения о частых переездах в Йемен иудейских священников из Тивериады». Наконец, «в Южной Аравии... издавна существовали иудейские торговые колонии, зафиксированные источниками, в частности, во II и IV вв. н. э.» (с. 43–44). Итак, казалось бы, в Химьяритском царстве были вполне благоприятные условия для перехода к иудаизму. Тем не менее попытка такого перехода, как мы видели, обернулась жестокой кровавой драмой и быстрым крахом.

Почему же в Хазарском каганате дело пошло иначе? На этот вопрос наиболее убедительно отвечает концепция талантливейшего археолога и историка С. П. Толстова (1907–1976), который еще в 1929 году приступил к изучению одного из самых древних и наиболее высокоразвитых государств Средней Азии – Хорезма, – и совершил целый ряд замечательных открытий, получивших мировое признание. Конечно, у С. П. Толстова были выдающиеся предшественники и учителя – прежде всего В. В. Бартольд (1869–1930), К. А. Иностранцев (1876–1941; погиб в блокадном Ленинграде), А. Ю. Якубовский (1886–1953), но все же подлинное открытие Хорезма принадлежит ему.

Государственность и культура Хорезма (на нижнем течении Амударьи, вблизи Аральского моря) складываются не позднее VII века до Рождества Христова.²⁷¹ Уже в ранний период истории Хорезма создаются величественные памятники архитектуры, вобравшие в себя изваяния и фрески, и технически совершенные системы орошения, возникает оригинальная письменность (не позднее IV века до Р. Х.) и чеканка собственной монеты (II в. до Р. Х.).

Обладал Хорезм и военным могуществом; вполне вероятно достоверность предания о том, что сам Александр Македонский, который в 329 году до Р. Х. вторгся в Среднюю Азию, не завоевал Хорезм, а заключил с ним союз. На протяжении 1500 лет, до VIII века по Р. Х., Хорезм оставался суверенным государством, хотя и бывали периоды, когда он, сохраняя определенную автономию, входил в состав той или иной крупной державы, в частности, Ирана; кстати сказать, Хорезм населяли тогда восточноиранские племена.

О военной мощи Хорезма ясно свидетельствует тот факт, что хотя «арабские завоевания... шли с неслыханной для всего окружающего мира быстротой», и, вторгшись через Евфрат в

²⁷⁰ Пигулевская Н. В. Ближний Восток. Византия. Славяне. – Л., 1976, с. 120, 122–123, 124.

²⁷¹ Так обозначали рубеж новой эры наши предки, и вполне уместно вернуться к «Р.Хр.».

Иран в 633 году, уже в 651 году «арабы заняли Хорасан, дойдя до р. Амударьи»²⁷² (то есть преодолев более 2000 км), все же захватить Хорезм арабы смогли только через шестьдесят лет, в 712 году, и то в силу очень «благоприятных» обстоятельств.

Первый поход на Хорезм арабы предприняли уже в 651 году,²⁷³ известны по меньшей мере два их похода в 670–680-х годах, но попытки эти оказались безрезультатными; «падение независимости державы хорезмшахов (таков был титул верховного правителя Хорезма, – В.К.), устоявшей на протяжении полных политических бурями предшествующих столетий, падает на 712 г.»²⁷⁴

Что же произошло тогда в Хорезме?

Впрочем, прежде чем ответить на этот вопрос, целесообразно будет обратиться к читателям со следующим пояснением. Многим, вероятно, могло показаться, что мой рассказ слишком далеко ушел от истории Руси – ушел в страны и события, вроде бы не имеющие прямого отношения к этой истории. Но в действительности события в Хорезме и даже в дальнем Иране имеют глубинную связь с событиями на Руси; выше доказывалось, что в начальный период своей истории (IX-X века) Русь существует непосредственно на тогдашней *мировой* арене, как бы вбирая в себя ее атмосферу и энергию (что, в частности, ясно выразилось в судьбе и содержании русского эпоса). И, не поняв хода вещей на Востоке и особенно в Хорезме накануне становления Руси, мы не сможем сколько-нибудь глубоко осмыслить само это становление.

Дабы проблема стала яснее, сообщу или, может быть, напомним читателям, что само пространство, в котором существовала и действовала Древняя Русь к XI веку, было намного более обширным, нежели позднее – в XII и последующих веках, – вплоть до XVIII века, до времени после Петра I! Так, уже в первой половине X века Русь, по существу, владела низовьем Днепра и какой-то частью Крыма. Авторитетный исследователь средневековой истории Крыма (Таврики) доказывает, что к середине X века «определенная территория... в Таврике или в непосредственном соседстве с ней... фактически принадлежала Руси»²⁷⁵ и русские корабли господствовали в северной части Черного моря, которое еще в 943 году арабский географ Масуди определял как «море русов, по которому не плавают другие племена, и они обосновались на одном из его берегов»²⁷⁶ (между тем лет за шестьдесят до Масуди, как свидетельствует арабский географ Ибн Хордадбех, Черное море называлось «море ал-Хазар»²⁷⁷). Название это удержалось до начала XII века, ибо в «Повести временных лет» сказано, что «Днепр втечет в... море жерелом (устьем), еже море словет Руское».

Далее, после похода Святослава на хазар Руси стали принадлежать Таманский полуостров (где с конца X до начала XII века находилось Тмутороканское княжество Руси) и – правда, на краткий срок – низовья Волги (арабский географ Ибн Хаукаль около 977 года называет Волгу «Нахр ар-рус», то есть Русская река.²⁷⁸

Позднее, начиная с XII века, сосредоточившаяся на внутренних делах Русь оставляет эти

²⁷² Пигулевская Н. В., Якубовский А. Я., Петрушевский И. Г. и др. История Ирана с древнейших времен до конца 18 века. – Л., 1958, с. 87, 89.

²⁷³ Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами (Иран при праведных халифах). – Л., 1982, с. 145.

²⁷⁴ Толстов С. П. древнехорезмийской цивилизации. – М., 1948, с. 223.

²⁷⁵ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – М. – П., 1939, с. 57.

²⁷⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI вв. – М., 1963, с. 196.

²⁷⁷ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку, 1986, с. 125, 279.

²⁷⁸ См.: Новосельцев А. П. Хазарское государство... с. 115, 159.

территории, – притом явно без особых «сожалений» (в частности, до XV–XVI веков не известны серьезные попытки вернуть себе утраченное). И только в период с конца XVI до конца XVIII века страна постепенно возвращается к своим древним рубежам.²⁷⁹

Но это значит, что, стремясь понять «героическую эпоху» русской истории (то есть IX – начало XI века), необходимо исследовать взаимоотношения с граничившими тогда с Русью странами – и Византией (вернее, ее крымскими владениями), и кавказскими народами (в частности, абхазами), и тесно связанным с Ираном Хорезмом (чьи пределы простирались подчас до низовьев Волги).

Уместно здесь, забегаая вперед, сказать хотя бы совсем коротко об очень существенном значении «иранского компонента» в истории Руси (культура Ирана была воспринята русскими главным образом через посредство Хорезма и, конечно, Хазарского каганата). Так, из шести главных богов языческого пантеона Руси (они названы в летописи в следующем порядке: Перун, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Симаргл, Мокошь) по меньшей мере два – Хорс и Симаргл – заведомо иранского «происхождения», притом Хорс, бог Солнца, был центральным объектом поклонения в домусульманском (то есть до середины VIII века) Хорезме. Вместе с тем Хорс предстает на Руси даже в созданном много позднее, в конце XII века, «Слове о полку Игореве» («Всеслав князь... великому Хосрови волком путь прерыскаше»). С Хорсом связано такое существеннейшее русское слово, как «хороший»; влиятельный филолог В. Н. Топоров утверждает, что «эта связь представляется несомненной».²⁸⁰

Иранские «влияния» шли на Русь в разные времена и различными дорогами, но, очевидно, наиболее существен тот факт, что в начале IX века часть хорезмийцев, находившихся до этого времени в Хазарском каганате, переселилась, вернее, эмигрировала на Русь (о чем еще будет речь), и поскольку эти переселенцы были носителями очень высокой культуры (и духовной, и материальной) Хорезма, они смогли оказать весьма значительное воздействие на жизнь Руси,²⁸¹ – в определенных отношениях *более значительное*, чем, скажем, норманны-варяги, культура и цивилизованность которых (кроме навыков военно-торгового мореплавания) отнюдь не превосходили русскую; характерно, что Русь, в частности, не восприняла скандинавских богов, а как раз напротив – варяги стали поклоняться восточнославянским божествам, в том числе и «пришедшим» из Хорезма.

И без осознания существенной роли хорезмийцев в ранней истории Руси мы многого не сможем понять. Именно поэтому поистине необходимо пристально вглядываться в давнюю историю столь, казалось бы, далекого от Руси Хорезма...

С. П. Толстов замечательно сказал о существеннейшем изъяне историографии Руси: «...к сожалению, условная граница Европы и Азии, не имеющая ни географического, ни исторического, ни этнографического значения, как-то довлеет (правильнее будет выразиться «тяготеет», ибо «довлеть» – значит «удовлетворять». – В.К.) над нашими умами. Нижнее Поволжье кажется нам лишь каким-то глубоким Hinterland'ом (нем. «тыл». – В.К.) Причерноморья и Европы, за которым лежит таинственная и дикая... степная Азия. Мы забываем, что в нескольких сотнях километров от устьев Волги лежат страны древней среднеазиатской цивилизации... что Каспийское море и степи Устюрта (плато между Каспием и Аралом. – В.К.) с древнейших времен были оживленными путями экономических и

²⁷⁹ Обращу внимание в связи с этим на выразительнейший факт: преобладает представление, что русский флот был впервые создан Петром I; между тем в X в. именно русский флот (в техническом отношении, разумеется, соответствовавший тому времени) господствовал на Черном и Каспийском морях; позднее же, после обращения Руси к «внутренним» делам, он как бы стал ненужным, – вплоть до Петровых времен.

²⁸⁰ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том I. Первый век христианства на Руси. – М., 1995, с. 524.

²⁸¹ См. в указ. соч. В. Н. Топорова «Приложение» (с. 508–575): Об иранском мифологическом элементе в древнерусской культуре (киевская ситуация и проблема «хорезмийского» вклада). Здесь же библиография о проблеме (с. 576–600).

политических связей, игравших огромную роль в историческом прошлом народов... Восточной Европы. В нашей литературе, за редкими исключениями (к которым надо отнести замечательные работы В. В. Бартольда и его продолжателя А. Ю. Якубовского), Средняя Азия и Восточная Европа как бы *повернуты друг к другу* – где-то на Волге – *спинами*: одна глядит лицом на юг, в арабско-иранский мир, другая – на юго-запад, в мир византийский. Историки византиноведы и русисты, с одной стороны, и ориенталисты – с другой, еще не составляют по-настоящему сомкнутого фронта...».²⁸²

Эта «программа» понимания истории вливается в *евразийскую* концепцию развития Руси и, в дальнейшем, России – концепцию, составляющую наиболее глубокую и плодотворную основу русской историософии. Без понимания *изначального* единства истории западной и восточной, азиатской частей Евразии невозможно понимание самой судьбы России... И С. П. Толстов в целом ряде отношений осуществил выдвинутую им программу преодоления несостоятельного «разрыва» двух регионов, которые в реальной истории пребывают в достаточно тесной взаимосвязи.

К VIII веку Хорезм представлял собой государство с исключительно высокой цивилизацией и культурой. Военное дело и торговля, строительство и разнообразнейшие ремесла, достижения ирригации, которая, помимо прочего, мощно стимулировала развитие естественных наук и многогранное собственно культурное творчество – все это находилось на высшем для тогдашнего мира уровне. Вполне закономерно, например, что родившийся около 783 года в Хорезме, а около 820 года переехавший в столицу Арабского халифата, Багдад, ученый-энциклопедист Мухаммад ал-Хорезми был крупнейшим деятелем тогдашней мировой науки. Правитель Хорезма являлся единственным в регионе носителем высшего титула «шах» («хорезмшах»).

Востоковед П. Г. Булгаков не так давно подвел определенный итог изучения международных связей Хорезма: «Развитию экономики, культуры и науки Хорезма в значительной мере способствовало положение его крупнейших городов на торговом пути, связывавшем Поволжье и другие земли Европы с Хорасаном, Ираном, центральными и южными областями халифата... По берегу Амударьи и по самой реке осуществлялась связь Хорезма с Термезом и другими городами юга Средней Азии, которые, в свою очередь, были связаны с Индией и Китаем. Археологические находки свидетельствуют о наличии торговых связей древнего Хорезма с такими дальними землями как Египет и эллинистическое Причерноморье».²⁸³

Словом, Хорезм был одним из узловых пунктов раннесредневековой Евразии. Хорошо известно, что в ту пору «Европу с Востоком связывала торговля, почти всецело находившаяся в руках еврейских купцов»²⁸⁴ и, как доказывает виднейший швейцарский востоковед Адам Мец, *до X века* евреи господствовали в торговле Запада и Востока, хотя после этого времени они «уже больше не упоминаются. Подъем мусульманского торгового судоходства вытеснил чужеземных комиссионеров». В труде А. Меца собрано множество фактов о предшествующем господстве евреев в евроазиатской торговле: «...,город евреев“ (Иахудийа) в Исфагане был деловым кварталом этой персидской столицы... Один еврей контролировал всю ловлю жемчуга в Персидском заливе... На Востоке их специальностью были также денежные дела... Мы располагаем сведениями о двух евреях-банкирах... Йусуфе ибн Пинхасе и Харуне ибн Имране, у которых в начале X в. визир (то есть второе, после халифа, лицо в арабском государстве. – В.К.) сделал заем в сумме 10 тыс. динаров. Оба они, по всей вероятности, основали фирму, ибо также смещенный в 918 г. визир Ибн ал-Фурат заявил, что он имеет на счету у обоих этих

²⁸² Толстов С. П. Новогодний праздник «каландас» ухорезмийских христиан начала XI века (в связи с историей хорезмийско-хазарских отношений). – «Советская этнография», 1946, 2, с. 107.

²⁸³ Булгаков П. Г., Розенфельд Б. А., Ахмедов А. А. Мухаммад ал-Хорезми. Около 783 – около 858. – М., 1983, с. 13–14.

²⁸⁴ Беляев Е. А. Арабы, Ислам и Арабский халифат... – М., 1965, с. 238.

евреев 700 тыс. динаров». Наконец, «основной товар, поставляемый Европой, – рабы – являлся монополией еврейской торговли».²⁸⁵

Исходя из всего этого, едва ли возможно оспаривать существенную роль евреев и в ранней торговле Хорезма. Один из виднейших русских востоковедов, К. А. Иностранцев, писал:²⁸⁶ «Название Хорезм применялось в древности как ко всей области по нижнему течению Амударьи, так и к главному городу, называвшемуся – по древним арабским географиям – также Кят. В среднеперсидском списке городов Ирана сообщается предание, по которому город Хорезм был основан „Нарсе, сыном еврейки...“ Более того, „парсийские ученые Миночихердж и Модии передают это имя: „глава еврейской общины“...“ Это «подтверждается сообщением о Хорезме... восходящем, вероятно, к истории Хорезма Бируни (крупнейший ученый-хорезмиец конца X–XI в. – *В.К.*)... В этом сообщении говорится, что согласно персидским официальным хроникам сасанидского времени (то есть III–VII вв. – *В.К.*) этой областью... овладел один из родственников сасанидского царя Бахрам-Гура (правил Ираном в 421–439 гг. – *В.К.*), главный начальник персидского войска... Этот персидский военачальник, родственник Бахрам-Гура, не может быть никто иной, как только Нарсе, брат этого сасанидского царя, сына Йедеджирда (иначе, Йездегерд; правил в 399–421 гг. – *В.К.*) и дочери «эксиларха», то есть главы еврейской общины в Персии, и его (Бахрам-Гура. – *В.К.*) наместник в восточных провинциях Ирана». Перед нами, заключает К. А. Иностранцев, «указание на существование в Хорезме еврейской общины. Добавим, что это мнение допустимо и аргументировано в виду соседства и тесных связей Хорезма с Хазарией, влиятельное положение в которой еврейской общины является известным историческим фактом».²⁸⁷

Стоит заметить, что Нарсе, имея еврейское происхождение по материнской линии, считался «полноценным» евреем и действительно мог быть главой еврейской общины в основанном им городе Хорезме-Кяте (в особенности потому, что его тесть являлся главой еврейской общины всего Ирана).²⁸⁸ К VIII веку эта община, естественно, должна была играть немалую роль в Хорезме.

В самом начале VIII века в Хорезме совершается государственный переворот. Известнейший современный узбекский историк Я. Г. Гулямов говорит о нем следующее: «...в Хорезме, по-видимому, образовалась большая и сильная социальная группировка, возглавляемая Хуразадом (иначе – Хурзад, родственник Чагана – тогдашнего правителя-хорезмшаха. – *В.К.*) и пользовавшаяся всей полнотой власти, в то время как власть хорезмшаха носила номинальный характер... Вероятно, смысл борьбы хорезмшаха и... Хуразада, опиравшегося на низшие слои дехкан (феодалов. – *В.К.*) и военнотрудовое сословие, заключался в борьбе за власть, которая происходила между отживающим старым дехканством и новой системой». А к этому моменту Арабский халифат уже подчинил себе южную часть Средней Азии и не раз пытался – хотя и тщетно – захватить Хорезм. Крупнейший тогда арабский полководец Кутейба ибн Муслим в 709 г. овладел Бухарой и готовился к походу на Хорезм. Но в это время, оказавшись в безвыходном положении, «хорезмшах Чаган обратился к Кутейбе с жалобой на своего... родственника Хуразада... Кутейба с тысячей конников неожиданно явился к Чагану... Собрав войско, Хуразад принял сражение с Кутейбой, но попал в плен. Убив Хуразада, хорезмшах Чаган обратился к Кутейбе... с просьбой помочь ему

²⁸⁵ Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. – М., 1966, с. 366, 371, 367.

²⁸⁶ Опираясь, в частности, на работу английского ираниста Л. Грея «Евреи в пахлавийской литературе» (1905).

²⁸⁷ Иностранцев К. О домусульманской культуре Хивинского оазиса. – «Журнал Министерства народного просвещения», ч. XXXI, 1911, февраль, отд. 2, с. 291–292.

²⁸⁸ К этому необходимо добавить, что после прихода к власти брата Нарсе, шаха Бахрам-Гура, «христиане Ирана стали подвергаться жестоким преследованиям... Вскоре разгорелась война между Ираном и Византией – естественный результат политической линии» (Дьяконов М. М. Очерк истории Древнего Ирана. – М., 1961, с. 273).

расправиться с людьми Хуразада». ²⁸⁹ В результате Хорезм оказался, наконец, в подчинении у Арабского халифата и, в частности, вынужден был позднее принять мусульманство, – хотя Кутейба поставил у власти (под арабским протекторатом) шаха из хорезмской династии.

Обратимся теперь к концепции С. П. Толстова. Он прежде всего обратил внимание на сообщение великого ученого-хорезмийца Бируни (973–1048), который писал о подавлении переворота в Хорезме, совершенного под руководством Хуразада: «И всеми способами рассеял и уничтожил Кутейба всех... ученых, что были среди них»; эти ученые, отметил С. П. Толстов, «фигурируют под именем *хабр* (множ. *ахбар*)», а это имя и в древнем, и в современном арабском имеет только одно значение – еврейский ученый, ученый раввин». ²⁹⁰ Ясно, что эти самые «хабры» играли очень существенную роль в перевороте, совершившемся в Хорезме. В другой работе С. П. Толстов говорит: «Расправа Кутейбы с учеными Хорезма, беспрецедентная для этого этапа истории завоевания Средней Азии и особенно странная в связи с союзом завоевателя с местной, остающейся немусульманской династией, позволяет предполагать наличие союза между мятежными общинами и каким-то слоем местной интеллигенции, являвшейся идеологом движения». А поскольку этой «интеллигенцией» были «хабры», то есть еврейские ученые, именно иудаизм (возможно, по мысли С. П. Толстова, «не вполне „ортодоксальный“, приближенный к зороастрийским верованиям самих хорезмийцев») стал «идеологией мощного социального движения, возглавленного Хурзадом... и жестоко подавленного призванными хорезмшахом арабами... и не могло ли арабское завоевание привести к массовой эмиграции хорезмийских иудаистов в Хазарию?.. Хазарско-еврейское предание Кембриджского документа, ²⁹¹ говорящего о воинственных иудеях-изгнанниках, делящих с хазарами боевые труды и, в конце концов, выдвигающих из своей среды царя-реформатора (утверждающего господство иудаизма в Хазарии. – В.К.), гораздо более вяжется с нашей гипотезой о потерпевших поражение в борьбе с арабами иудайзированных хорезмийцах-повстанцах, чем с гипотезой о еврейских купцах-миссионерах из Причерноморья или Закавказья». И далее об этих «повстанцах»-эмигрантах: «Изгнанные из Хорезма, они, опираясь на хазар, создали „новый Хорезм“ на Волге в виде Итиля, может быть, на месте какой-нибудь очень старой хорезмийской колонии или фактории, на месте пересечения трех путей (двух сухопутных и одного морского) из хорезмийских владений в Восточную Европу: на волжский водный путь и на Северный Кавказ, Дон и Черноморье». ²⁹²

Нельзя не сказать еще и о том, что, по убеждению С. П. Толстова, переворот Хурзада в Хорезме был связан с идеологическим наследием знаменитого иранского движения конца V–VI века, вошедшего в историю под названием маздакизма (от имени его вождя – Маздака). ²⁹³ Это было «социалистическое» или «коммунистическое» по своей направленности движение, преследующее цель установления экономического равенства и общности имущества – вплоть до обращения в «коллективную собственность» женщин (поскольку богатая знать владела большими гаремами); в качестве одного из образцов «хилиастического социализма» движение

²⁸⁹ История Хорезма с древнейших времен до наших дней. – Ташкент, 1976, с. 52.

²⁹⁰ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М., 1948, с. 7, 225.

²⁹¹ Имеется в виду обнаруженное в начале XX века в рукописном отделе библиотеки Кембриджского университета послание хазарского иудея (см. текст в кн.: Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке – Л., 1932, с. 113–116).

²⁹² Толстов С. П. Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан начала XI века (в связи с историей хорезмийско-хазарских отношений). Из историко-этнографических комментариев к ал-Бируни. – «Советская этнография», 1946, 2, с. 95, 97–98, 102.

²⁹³ См. главу «Маздакитское движение» в кн.: Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. – М. – Л., 1956, с. 278–316.

маздакитов характеризуется в известном труде И. Р. Шафаревича.²⁹⁴

В глазах С. П. Толстова существенное доказательство связи переворота Хурзада с маздакитской «традицией» состояло в том, что, согласно сообщению арабского историка Табари, Хурзад «расправился с хорезмийской знатью, отнимая у нее имущество, скот, *девушек, дочерей, сестер и красивых жен*»²⁹⁵ (именно эта последняя «мера» вызывала особенное возмущение у противников маздакитов). С. П. Толстов усматривает определенное единство в целом ряде восстаний и движений «маздакитского» типа VIII–IX веков в данном регионе: помимо хорезмийских событий 712 года, речь идет о движениях Абу Муслима в Мерве 747 г.) и Сумбад-Мига в восточном Иране (с 775 г.), восстании «краснознаменных» в Горгане (с 778 г.; это едва ли ни первое в истории «обретение» красного знамени!), мятежах Муканны (с 770 гг.) в Бухаре и Бабека (с 816 г.) в Азербайджане и так далее.

Хорошо известно, что в «первоначальном» движении самого Маздака большую и очень активную роль сыграла значительная часть иранских иудеев во главе с эксилархом (главой общины) Мар-Зутрой (этот сюжет освещен в ряде исторических исследований).²⁹⁶ После разгрома движения маздакитов многие из них, в том числе и иудеи, бежали в Среднюю Азию и отчасти также на Кавказ; именно в потомках этих эмигрантов видят идеологов перечисленных выше движений VIII века – Абу Муслима, Муканны, «краснознаменных» и других; притом, помимо *позднейшего* (IX век) восстания Бабека в Азербайджане, дело идет о движениях именно в Средней Азии. И поэтому едва ли прав Л. Н. Гумилев, безоговорочно утверждая, что «уцелевшие маздакиты бежали на Кавказ... Связанные с маздакитским движением евреи тоже удрали на Кавказ... и очутились они на широкой равнине между Тереком и Сулаком»²⁹⁷ – то есть именно там, где через столетие с лишним сложился иудаистский Хазарский каганат.

Можно, конечно, предположить, что в числе иудеев, которые, в конце концов, возглавили Хазарский каганат, были и потомки участников маздакитского движения, оказавшихся на Кавказе; однако гораздо достовернее версия об их приходе к хазарам из Средней Азии, где последователи маздакизма проявили себя и раньше, и гораздо активнее, нежели в Кавказском регионе. При этом необходимо отметить, что, встав во главе Каганата, иудеи отнюдь не стремились насаждать маздакитский «коммунизм», который был нужен лишь тогда, когда задача состояла в *сокрушении* наличной государственной власти – как в Иране начала VI века или, позднее, в Хорезме начала VIII века. Так, у хазарского кагана, полностью подвластного иудейскому царю-каганбеку, был обширный гарем, и на него никто не покушался...

Но вернемся к трудам С. П. Толстова. Очевидно, что его мысль о «хорезмийском» происхождении хазарских иудеев в целом ряде отношений гораздо более основательна, нежели та, которая поддержана в трактате М. И. Артамонова (о ней говорилось выше), предполагавшего, что иудеи, жившие на территории Хазарского каганата, как-то само собой, «попросту», оказались у власти.

Еще важнее другое. Правомерность и, в конце концов, истинность какой-либо гипотезы уясняется в том случае, если она, гипотеза, находит подтверждение в целом ряде фактов, в особенности в «новых» фактах, которые в момент создания гипотезы были вообще неизвестны. И именно такие факты обнаружились за те полвека, которые миновали со времени появления первых работ С. П. Толстова.

Но прежде чем говорить об этих фактах, следует сообщить или же напомнить, что

²⁹⁴ Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории. – В его кн.: Есть ли у России будущее? – М., 1991, с. 31.

²⁹⁵ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.–Л. 1948, с. 223–224. Разрядка С. П. Толстова.

²⁹⁶ См. основные сведения и литературу в кн.: Дьяконов М. М. Очерк истории Древнего Ирана – М., 1961, с. 304–309, 410–411.

²⁹⁷ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. – М., 1989, с. 113.

гипотеза С. П. Толстова была отвергнута в трактате М. И. Артамонова, вышедшем в 1962 году. Авторитет виднейшего историка хазар побудил как бы начисто забыть об идеях С. П. Толстова. Правда, М. И. Артамонов, без сомнения, небезосновательно критиковал те или иные отдельные элементы концепции С. П. Толстова. Но главные его нападки едва ли сколько-нибудь убедительны. Так, например, он утверждает, что словом «хабр» «обозначались не только еврейские, но и христианские и зороастрийские священники». ²⁹⁸ Между тем термин «хабр» имел долгую и вполне однозначную традицию. В сказаниях об утверждении иудаизма в Химьяритском царстве (во многом похожем на Хорезм), о чем уже подробно говорилось, нередко упоминаются хабры. Так, об одном из химьяритских царей сообщается, что он внял «увещаниям двух иудейских священников-хабров...» и «устроил... суд между жрецами-язычниками и хабрами»; или: «прибыв вместе с хабрами в Йемен, Асад решил сделать иудаизм официальной религией страны. Это вызвало недовольство химьяритов; ...они убили его». ²⁹⁹

Тем не менее, повторю, авторитет Артамонова как хазароведа заставил не считаться с работами Толстова. Только в самое последнее время А. П. Новосельцев несколько «смягчил» отношение к этим работам, заметив об Артамонове, что тот «в принципе правильно полемизируя с теорией... относительно роли Хорезма в этом событии (принятии иудаизма в Хазарии – В.К.), занял позицию практического отрицания роли хазаро-хорезмийских связей». ³⁰⁰

Между тем связи эти давно известны и чрезвычайно внушительны. Как сказано в обобщающем труде, «по свидетельству источников, хорезмийцы... играли важную роль в политической и экономической жизни государства хазар... Хорезмийцы сосредоточивали в своих руках командование войсками хазар, 12-тысячная гвардия Хазарии состояла в основном из хорезмийцев. В столице хазар Итиле проживало более 20 тысяч хорезмийцев. Среди них были люди различных профессий – ремесленники, торговцы, чиновники, военнослужащие, представители культуры и искусства». ³⁰¹

Наиболее существенно, что данные письменных источников об огромной роли хорезмийцев в Хазарском каганате в самое последнее время были прочно подтверждены *археологическими* исследованиям. Так, тщательное изучение остатков хазарских «городищ» на Северном Кавказе привело известного дагестанского археолога М. Г. Магомедова к следующим выводам.

Крепости создавались хазарами в этих местах главным образом в VI–VIII веках (позднее основная деятельность Каганата была перенесена на более северные территории между Волгой и Днепром). М. Г. Магомедов разграничивает три этапа строительных работ хазар на Северном Кавказе в VI–VIII веках, причем «на втором этапе здесь не наблюдается существенных конструктивных изменений в технике строительства... Третий, заключительный строительный период, в отличие от предыдущих, выделяется полной реконструкцией оборонительных сооружений... с применением совершенно новых строительных приемов... Подобная техника кладки стен является чужой для местных строительных тенденций». Так, например, «башни, отделенные от крепостных стен, находят широкое применение в крепостном строительстве Средней Азии, особенно в фортификации Хорезма... не только в общих приемах, но и в отдельных деталях строительства фортификация древней Хазарии тяготеет к среднеазиатским традициям». ³⁰²

²⁹⁸ Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962, с. 284.

²⁹⁹ Пиотровский М. Б. Предание о химийаритском царе Асаде ал-Ками-ле. – М., 1977, с. 54, 78.

³⁰⁰ Новосельцев А. П. Хазарское государство... М., 1990, с. 55.

³⁰¹ История Хорезма... – Ташкент, 1976, с. 117.

³⁰² Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. – М., 1983, с. 127, 128, 140, 142.

Таким образом, «отвергнутая» хазароведением концепция С. П. Толстова, основанная на факте массовой эмиграции из Хорезма в Хазарский каганат в начале VIII века, неожиданно находит очень существенное подтверждение. Особенно важно отметить, что М. Г. Магомедов отнюдь не ставил перед собой задачу «подкрепить» идеи С. П. Толстова; напротив, он утверждает, что «проводниками этих (хорезмийских, или, шире, среднеазиатских. – В.К.) строительных традиций были, очевидно, сами хазары, тесно связанные со среднеазиатским культурным миром еще со времен Западнотюркского каганата» (с. 143). Здесь имеется в виду, что до прихода на Кавказ, то есть до VI века, хазары находились в Средней Азии, поблизости от Хорезма (об этом говорилось выше), и, мол, принесли с собой оттуда тамошние «строительные традиции».

Однако это объяснение не выдерживает критики. Так, ведь сам М. Г. Магомедов показал, что хорезмийско-среднеазиатские «приемы» появляются только на *«третьем этапе»* строительства хазарских оборонительных сооружений; выходит, следовательно, что хазары лет двести не пользовались этими приемами, а затем вдруг решили их «вспомнить» (что совершенно неправдоподобно). Не менее сомнительна и другая сторона проблемы: находясь в Средней Азии, хазары были еще чисто *кочевым* племенем, и им незачем было овладевать хорезмийскими строительными приемами (они ничего не строили, кроме разборных юрт).

Словом, объяснить тот факт, что в VIII веке хазары вдруг начинают строить «по-хорезмийски», можно именно и только в русле концепции С. П. Толстова о массовой эмиграции из Хорезма в Хазарию после низвержения арабами Хурзада и его сподвижников. Очень характерно, что А. П. Новосельцев в своем труде о хазарах без каких-либо аргументов заявляет: «Сомнителен вывод Магомедова относительно „тяготения строительного дела“ в Хазарии к среднеазиатским образцам».³⁰³ Это нежелание принять вывод археолога обусловлено прежде всего тем, что сей вывод подтверждает «отвергнутые» идеи С. П. Толстова. И в самом деле: давняя гипотеза неожиданно оказывается способной *объяснить* новые (то есть ранее неведомые) факты. Это своего рода торжество гипотезы, становящейся тем самым основательной концепцией.

И А. П. Новосельцев совершенно напрасно говорит о «сомнительности» вывода М. Г. Магомедова. Дело в том, что почти одновременно с последним, но совершенно *независимо* от него пришел к точно такому же выводу видный археолог Г. Е. Афанасьев, работавший за тысячу километров от М. Г. Магомедова к северу, вблизи Воронежа, на раскопках хазарской крепости IX века около Дона – так называемом Маяцком городище на реке Тихая Сосна.

Отмечая, что, хотя стены крепости были воздвигнуты без фундамента, это «не является признаком слабых строительных знаний», Г. Е. Афанасьев писал: «По наблюдению архитектора В. А. Нильсена в Средней Азии «стены монументальных зданий обычно были такими толстыми, что не было необходимости устраивать фундаменты...». Толщина стен (Маяцкой крепости. – В.К.) была около 6 м ... расстояние от угловых башен до ворот... 35–45 м. Это как раз то расстояние, которое отделяло одну от другой куртины в Хорезме».³⁰⁴

Словом, можно без всяких колебаний полагать, что хазарские крепости (по крайней мере – некоторые) строили в VIII–IX веках *хорезмийцы*. И в этом – ключ к тайне могущества и высокой цивилизованности Хазарского каганата.

То, что нам известно о перевороте, совершившемся в начале VIII века под руководством родственника хорезмшаха Хурзада, ясно говорит: этот переворот поддержали значительные и очень активные силы Хорезма. Их непримиримость и к отстраненному от власти хорезмшаху, и, тем более, к ворвавшимся в страну по предательскому зову последнего арабским войскам побудила тех, кто не погиб в схватке, эмигрировать в хазарский каганат. Связи Хорезма и

³⁰³ Там же, с. 140, 142.

³⁰⁴ Афанасьев Г. Е. Исследования южного угла Маяцкой крепости. – В кн.: Маяцкое городище... – М., 1984, с. 46–47, 49, 50.

Каганата, несомненно, существовали и ранее (вспомним, что хазары – по сведениям ал-Хорезми – первоначально кочевали вблизи Хорезма, у Сырдарьи), а кроме того Каганат в начале VIII века вел уже давнюю и достаточно решительную борьбу с теми же самыми арабами, завоевавшими Закавказье. Поэтому хорезмийцы, во-первых, были, конечно же, приняты в Каганате как союзники – враги арабов, а с другой стороны, принесли с собой опыт очень высокой цивилизации – в военном деле, в строительстве (воздвигнутые ими крепости сами говорят за себя), ремеслах, культуре в целом.

Вместе с тем как бы на плечах хорезмийцев в Каганат пришли и иудеи (в том числе те «хабры», которых, по сообщению ал-Бируни, «рассеял» Кутейба); характерно, что вначале они не выделялись из общей массы эмигрантов и даже будто бы отказались от иудаизма: лишь позднее иудеи открыто выдвинули на первый план свою религию и затем встали во главе Каганата.

Окончательный захват арабами Хорезма совершился в 712 году; по-видимому, в том же или в следующем году эмигранты добрались до тогдашнего центра Каганата, то есть до прикаспийской части Северного Кавказа. А решающий шаг к утверждению иудаизма в Каганате был сделан, согласно мнению ряда историков, или уже вскоре после 731 года или же – что гораздо достовернее – после 764 года.

В так называемом Кембриджском послании некоего хазарского иудея, написанном через два столетия, в 940–950-х годах, история эмигрантов из Хорезма освещена, несмотря на дефекты рукописи, достаточно ясно. Правда, начало послания, повествующее о неких врагах, захвативших страну, где жили прежде, до переселения в Каганат, эмигранты, не сохранилось. Далее же сообщается следующее:

«И бежали от них (врагов. – *В.К.*) наши предки... потому что не могли выносить ига идолопоклонников (в устах иудеев это вполне могли быть арабы-мусульмане. – *В.К.*). И приняли их к себе... казарские... И они породнились с жителями той страны и... научились делам их. И они всегда выходили вместе с ними на войну и стали одним с ними народом. Только завета обрезания они держались, и некоторые из них соблюдали субботу... И оставались они в таком положении долгое время».³⁰⁵

Далее сообщается, что во время очередной войны с арабами «один еврей выказал в тот день необычайную силу мечом и обратил в бегство врагов, напавших на казар. И поставили его люди казарские, согласно исконному своему обычаю, над собою военачальником»(с.114). Позднее он и начал утверждать в Каганате иудаизм.

Еврейские источники свидетельствуют, что до определенного времени пришедшие в Каганат иудеи исповедовали свою религию втайне: «...они молились в пещере и... учили своих детей молиться в пещере вечером и утром» (с.67). Крупнейший иудейский философ конца XI–XII века Иегуда Галеви писал в своей «Хазарской книге», основываясь, как он сам отметил, на бывшей в его распоряжении «хазарской летописи», что «царь и визирь пошли... на пустынные горы у моря (очевидно, Каспийского. – *В.К.*)... нашли ночью ту пещеру, в которой некоторый из иудеев праздновали каждую субботу... совершили над собой в этой пещере обрезание», а затем вернулись к хазарам, «настойчиво держась иудейской веры, но скрывая в тайне свое верование». Уже впоследствии «они обнаружили свои сокровенные мысли, осилили остальных хазар и заставили тех принять иудейскую веру» (речь идет, конечно, не о хазарском племени вообще, а о высшей знати). Затем они «победили своих врагов и завоевали разные страны» и «многочисленно стало их войско, дойдя до сотен тысяч» (с. 133).

В одном из еврейско-хазарских посланий принявший иудаизм военачальник, сумевший стать вторым лицом в Каганате, назван по имени – Булан, что означает по-тюркски «олень» (воюя вместе с хазарами, он, естественно, получил понятное им имя). По преданию, к Булану явился ангел, призвавший его утвердить иудейскую веру. Булан попросил ангела – «Явись... главному князю их (хазар. – *В.К.*), и он поможет мне в этом деле» (с. 76). Речь идет, очевидно, о верховном хазарском правителе – кагане; Булан же, после своей блистательной победы, был возведен в сан царя или, иначе (титуты, варьируются), *шада, бека* (каганбека).

³⁰⁵ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л., 1932, с. 113–114.

Сообщается также, что византийский император и арабский халиф, узнав об утверждении иудаизма в Каганате, отправили туда послов с тем, чтобы побудить хазар отказаться от этой религии; однако Булан сумел противостоять их уговорам.

И еще одна характерная деталь: отец жены Булана, «человек праведный в том поколении, наставил его к пути жизни» (с. 114). Это, конечно, был один из *хабров*, которые упоминаются и в сообщениях об утверждении иудаизма в V–VI веках в Химьяритском царстве, и в сведениях о свержении арабами Хурзада в Хорезме.

В. В. Бартольд писал в 1922 году, что арабское «хабр» – это «еврейское хабер... – «товарищ»... оно стало употребляться подобно тому, как теперь... употребляют немецкое «Genosse» и русское «товарищ» в смысле «социалист».³⁰⁶ Это «хабер-товарищ» словно протягивает прямую нить из VIII в XX-й век...

Но вернемся к Булану и утверждению иудаизма в Каганате. Широко распространена точка зрения, согласно которой Булан стал «царем» и открыто обратился к иудаизму еще в 730–731 годах. Но этот вывод исходит из очень шаткого основания. В еврейско-хазарской переписке сообщается, что Булан захватил город Ардвил и забрал оттуда золото и серебро для строительства иудейского храма в Каганате. Вместе с тем из других источников известно, что в 730–731 годах хазары захватили город Ардебиль в Закавказье, в так называемой Кавказской Албании. Из сопоставления этих двух фактов делается вывод, что действия Булана относятся именно к этому времени. Между тем в то время Хазарский каганат еще оставался верным союзником Византии (так, в 732 году сын императора взял в жены дочь кагана), и едва ли это было бы возможно, если бы Каганат уже стал иудаистским.

Гораздо более достоверно, что первое открытое обращение к иудаизму в Каганате произошло после 763–764 годов, когда хазары, согласно сведениям ряда арабских и армянских источников, еще раз вторгались в Кавказскую Албанию под руководством *хорезмийца* Астархана (или, иначе, Растархана-Ражтархана),³⁰⁷ в ряде источников называемого также «царем». «Тархан» означает «благородный, знатный», а также «правитель»; приставка «ас», «рас», «раш» находит разные толкования.

Но, во всяком случае, «Ас(рас)тархан» – это скорее обозначение титула, нежели имя. И, конечно, очень существенно, что речь идет о хорезмийце. В последнее время хорезмийское происхождение Астархана было подвергнуто сомнению,³⁰⁸ но один из лучших современных арабистов, Т. М. Калинина, убедительно отвела эту произвольную версию.³⁰⁹ Она же, говоря о бесспорных тесных связях Хазарского каганата с Хорезмом в IX веке и позже, отметила, что связи эти восходят «к гораздо более раннему времени»,³¹⁰ – очевидно, еще к V–VI векам, когда хазары обитали вблизи Хорезма.

Что же касается «хорезмийца Астархана», есть все основания полагать, что он и Булан – одно и то же лицо; просто в одном случае употребляется тюркское имя, которым его называли, возможно, за воинские достоинства (скажем, быстр в атаке, как олень) хазары, а в другом – его

³⁰⁶ Бартольд В. В. Сочинения, т. II, ч. 1 – М., 1963, с. 219–220. Отметим, что здесь же ученый выражает сомнение в том, что в Хорезме была в VIII веке большая еврейская община, ибо позднее там, в отличие, например, от Бухары («бухарские евреи»), не осталось следов иудаизма. Однако отсутствие этих следов на деле как раз подтверждает концепцию о повальной эмиграции евреев из Хорезма в VIII веке; иначе просто непонятно было бы, почему в славившемся своей торговлей Хорезме, находящемся не столь далеко от Бухары, евреев не стало.

³⁰⁷ См. об этом: Артамонов М. И. История хазар, с. 244; Новосельцев А. П. Хазарское государство... с. 119.

³⁰⁸ См.: Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми. К 1200-летию со дня рождения. – М., 1983, с. 247.

³⁰⁹ Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты. Переводы. Комментарий. – М., 1988, с. 12.

³¹⁰ Она же. Сведения ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии. – В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. 1983. – М., 1984, с. 184.

начальнический титул, под которым он стал известен арабам и армянам и был запечатлен в их хрониках. Кстати сказать, можно по-разному понимать происхождение Булана-Астархана: он мог быть и хорезмийским евреем, и собственно хорезмийцем, принявшим, в конце концов, иудаизм и ставшим первым хазарским царем (беком) – иудеем. Вспомним, что принявший иудаизм химьяритский царь был сыном знатного химьярита и еврейки. Что же касается первого иудейского царя Каганата, о нем сказано в Кембриджском послании, что «его склонили на это (принятие иудаизма. – *В.К.*) жена его по имени Серах (еврейское имя. – *В.К.*), и она научила его» – с помощью ее отца-хабра.³¹¹ В сочинении Иегуды Галеви, как уже упоминалось, сообщается даже, что только после своего воцарения этот – в будущем иудейский – царь принял иудаизм, а затем «царь и его визирь... тонко, мало-помалу... открыли тайну некоторым из своих приближенных людей» (там же, с. 133).

Так приоткрывается загадка постепенного «мирного» перехода Каганата к господству иудаизма. Как уже сказано, тот, кого звали Буланом и Астарханом, возможно, был не евреем, а хорезмийцем, женатым на еврейке Серах и, в конце концов, принявшим иудаизм. В связи с этим становятся ясными и причины высокой цивилизованности Каганата: многие руководящие военные, государственные, деловые должности занимали в нем эмигранты-хорезмийцы – «воспитанники» одной из наиболее высокоразвитых в то время цивилизаций – и их потомки, которым они передали свой опыт.

Окончательная победа иудаизма в Хазарском каганате совершилась при внуке Булана-Астархана – царе Обадии, у которого, по-видимому, еврейкой была не только бабушка (жена Булана Серах), но и мать (жена сына Булана). Он правил в самом конце VIII – начале IX века.

Царь (по-хазарски каганбек) Обадий (или Обадия) утвердил иудаизм в полном объеме; «Он обновил царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собрания (то есть синагоги) и дома учения (хедеры) и собрал множество мудрецов израильских».³¹² Произошло это, скорее всего, в самом начале IX века. Но окончательное утверждение иудаизма в качестве государственной религии означало вместе с тем и сосредоточение всей полноты власти в руках Обадия. Из целого ряда источников известно, что и верховный правитель Каганата – тюркский каган – к этому времени принял иудаистскую религию. Но все же при Обадии ему была оставлена только символическая верховная власть, а реальные бразды правления находились с этих пор у «второго лица» в государстве, который именовался «каганбек» или «шад» («ишад»), а по-еврейски – «мэлэх» («царь»).

Наиболее объективный и подробный анализ взаимоотношений кагана, каганбека и т. д. дан в главе «Государственный строй» уже не раз упомянутого труда А. П. Новосельцева «Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа» (М., 1990, с. 134–144). Кагану оказывались самые высокие формальные почести (в том числе и каганбеком), но фактически он был превращен, по точному определению А. П. Новосельцева, «в подобие... священного жертвенного животного» (с. 137), и реальная власть целиком перешла к каганбекам – Обадью и его преемникам.

Но после того, как это ясно обнаружилось, в Каганате началось решительное и достаточно резкое сопротивление новому порядку, приведшее к жестокой гражданской войне. С. А. Плетнева доказывает, что те, кто «не принял иудейской религии, объединились против правительства. Вот что написал... спустя 100 лет Константин Порфирородный: «Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая власть одержала верх, и одни из восставших были перебиты, другие убежали и поселились с турками (венграми – *С П.*) в нынешней печенежской земле, заключили взаимную дружбу и получили название «кабаров» («повстанцев». – *В.К.*). Борьба шла беспощадная, в ней гибли... и виднейшие представители иудейской знати. В числе последних были, очевидно, сам Обадия и два его сына: Езекия и Манассия. Только этим можно объяснить тот факт, что после Манассии за неимением

³¹¹ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л., 1932, с. 114.

³¹² Там же, с. 30.

прямых наследников власть взял в руки Ханукка – брат Обадиа». ³¹³

С. А. Плетнева исходит из генеалогии иудейских царей Каганата, представленной в «еврейско-хазарской» переписке. Правда, в «пространной» редакции того послания, на котором она основывается, Манассия назван сыном не Обадиа, а Езекии; а это означает, что время правления каждого из них было еще более кратким (после смерти Обадиа правит его сын Езекия, затем – его внук Манассия, но оба, очевидно, гибнут молодыми, так как после них царем становится еще живущий брат Обадиа, Ханукка; ³¹⁴ Манассия явно «не успел» родить сына, и править пришлось – вопреки порядку престолонаследия в Каганате – брату, а не сыну царя; в дальнейшем же порядок строго соблюдался).

М. И. Артамонов в ходе своих археологических работ обнаружил следы жесточайшей гражданской войны в Каганате. Речь идет о так называемом Правобережном Цимлянском городище – мощной крепости на Дону, полностью разгромленной правителями Каганата. Найденные в ней монеты, относящиеся ко времени не позже 813 года, позволяют датировать эту войну 810–820-ми годами: «В жилищах и вне их на дворе Правобережной крепости, – сообщает М. И. Артамонов, – обнаружены скелеты, главным образом женщин и детей, перебитых врагами, ворвавшимися в крепость, разграбившими и сжегшими находившиеся внутри нее постройки. В некоторых жилищах наблюдались скопления скелетов, возможно, представляющих целые семьи, вырезанные беспощадными победителями». ³¹⁵

Выдающийся историк и мыслитель Л. Н. Гумилев говорит о смысле событий: «Эта война была беспощадной, так как, согласно вавилонскому Талмуду, «неиудей, делающий зло иудею, причиняет его самому Господу и... заслуживает смерть»... Для раннего средневековья тотальная война была непривычным новшеством. Полагалось, сломив сопротивление противника, обложить побежденных налогом и повинностями... Но поголовное истребление всех людей, находившихся по ту сторону фронта, было отголоском глубокой древности. Например, при завоевании Ханаана Иисусом Навином (библейский вождь XIII века до Р.Х., поселивший евреев в Ханаане, то есть Палестине, для чего было полностью уничтожено коренное население. – В.К.) запрещалось брать в плен женщин и детей и оставлять им тем самым жизнь. Даже предписывалось убивать домашних животных, принадлежащих противнику. Обадиа возродил забытую древность». ³¹⁶

Особенное значение имеет сообщение византийского императора Константина Багрянородного о том, что сумевшие остаться в живых повстанцы – «кабары» – убежали на запад к венграм, которые, по всей вероятности, обитали тогда в причерноморской степи, в районе нижнего течения Днепра (потом – уже в самом конце IX века – под давлением пришедших с Востока печенегов они перешли на территорию современной Венгрии).

С. П. Толстов в своих, уже цитированных, работах доказывает, что среди этих «беглецов» были и потомки *хорезмийцев*, которые сто лет назад эмигрировали вместе с евреями в Каганат, однако после его полной «иудаизации» оказались в остром конфликте с новыми властителями и ушли на запад, к также ушедшим из Каганата венграм (ранее венгры, по сообщению Константина Багрянородного, воевали «в качестве союзников хазар во всех их войнах»). С. П. Толстов исходил, в частности, из сообщения византийского хрониста XII века Иоанна Киннама о том, что среди венгров даже и в это позднейшее время пребывала некая общность

³¹³ Плетнева С. А. Хазары – М., 1986, с. 64.

³¹⁴ Имя его, конечно, связано с праздником (в память возобновления богослужений в иерусалимском храме в 765 году), который через почти 1200 лет, в 1991 году, иудеи сумели отметить в Московском Кремле, вызвав недоумение и возмущение многих христиан.

³¹⁵ Артамонов М. И. История хазар, с. 321.

³¹⁶ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь – М., 1989, с. 141.

людей «одного вероисповедания с персами»,³¹⁷ что и присуще было хорезмийцам (до их обращения в течение VIII века в мусульманство), – и как иранскому народу, и как восприимчикам культуры Ирана.

Но повстанцы-кабары, по-видимому, ушли из Каганата не только в низовья Днестра, к венграм, но и в более северные земли – то есть на Русь. И это имеет свое весьма существенное значение для истории Руси. В последнее время появился ряд работ, где исследуется «присутствие» хорезмийцев в Киеве IX-X веков. Нет ничего удивительного в том, что эти носители высшей по тогдашним временам цивилизации нашли свое место в жизни и культуре Руси. Но к этому мы еще вернемся.

Уход из Каганата венгров и хорезмийцев (или, по крайней мере, какой-то части последних) сам по себе уже свидетельствует об остроте той гражданской войны, которая разразилась здесь в начале IX века. Но сопротивление было все же подавлено новой властью. И Каганат по-прежнему включал в себя очень значительные массы населения – и самих хазар, и алан, и болгар, и ряд других племен.

Но уход хорезмийцев, которые, в частности, являлись первоклассными по тем временам воинами и, до утверждения окончательного господства иудаизма, верными гражданами, был слишком большой потерей для Каганата. И через какое-то время новая власть, опираясь, конечно, на давние связи с Хорезмом, сумела привлечь оттуда в Каганат целое воинство, ставшее основой ее безопасности. Это была *наемная* гвардия, состоявшая, согласно разновременным источникам, из 7–12 тысяч отборных кавалеристов, которые жили в Итиле вместе с семьями. Важно знать, что это были уже иные хорезмийцы – *мусульмане*, ибо к середине VIII века Хорезм, завоеванный в 712 году арабами, принял ислам (так, хорезмшах, правивший во второй половине VIII века, имел уже мусульманское имя Абдаллах,³¹⁸ начальник наемной гвардии Каганата в первой трети X века звался Ахмад³¹⁹).

Знаменитый арабский географ и историк Масуди писал в 943 году о наемных воинах Каганата: «...они являются переселенцами из окрестностей Хорезма. В давние времена: (по-видимому, за столетие до создания сочинения Масуди. – *В.К.*)... они переселились к хазарскому царю. Они доблестны и храбры и служат опорой царя в его войнах. Они остались в его владениях на определенных условиях, одним из которых было то, что они будут открыто исповедовать свою веру (ислам. – *В.К.*)... также, что должность царского визира будет сохраняться за ними... также то, что когда у царя будет война с мусульманами, они... не будут сражаться, но что они будут сражаться вместе с царем против других врагов...». Они «сажаются на коня вместе с царем, вооруженные луками, облаченные в панцири, шлемы и кольчуги. Среди них имеются и копейщики... Среди восточных царей этих стран только хазарский царь имеет войска, получающие жалованье».³²⁰

Плата наемной гвардии (в то время, как сказано, уникальной на Востоке) обеспечивалась, в частности, высокими пошлинами на провозимые через Итиль товары. Гвардия, что ясно из рассказа Масуди, имела немалые права, но в то же время к ней предъявлялись самые что ни на есть жесткие требования. Об этом рассказал арабский путешественник Ибн-Фадлан, побывавший в соседней Булгарии (Волжской) в тот же период – в 922 году. Он писал, что если царь «отправит в поход отряд, то отряд не убегает вспять никоим образом, а если он обратится

³¹⁷ Толстов С. П. Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан начала XI века... – «Советская этнография», 1946, вып. 2, с. 96.

³¹⁸ См.: Вайнберг Б. И. Монеты Древнего Хорезма. – М., 1977, с. 81; эта исследовательница нумизматики на основе своего материала выявила достоверную хорезмийскую хронологию.

³¹⁹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда – М., 1963, с. 194.

³²⁰ Там же, с. 193–194.

в бегство, то предается смерти всякий, кто из этого отряда возвратится к царю».³²¹ Таким образом, высокое жалование давалось, в сущности, за самую жизнь воина...

С. А. Плетнева утверждает, что эту наемную гвардию из хорезмийских мусульман правители Каганата «использовали для борьбы с возвышающейся с каждым годом на западе Русью и христианизирующейся Аланией» (цит. соч., с. 67). Здесь необходимо только уточнить, что гвардию едва ли отправляли непосредственно на Русь, в столь далекие от Итиля земли (до Киева – более 1300 км). Гвардия должна была прежде всего охранять правительство, и она вступала в борьбу с русским воинством только тогда, когда оно приближалось к Итилю (ряд достоверных фактов этого рода зафиксирован в арабских источниках).

Военные операции против Руси осуществляло, очевидно, то алано-болгарское воинство, которое располагалось в подробно охарактеризованном выше огромном военно-хозяйственном лагере в междуречье Дона, Северского Донца и Днепра, – то есть на пограничье Каганата и Руси. Узловыми точками этих военных поселений были описанные выше мощные крепости (их открыто к настоящему времени более десятка); вокруг крепостей, как показали археологические исследования, размещались сотни и тысячи юрт, полуземлянок и наземных домов для воинов и их семей.

Характерно, что внутри каждой из этих крепостей сохранились следы всего нескольких жилищ. Исследуя одну из таких крепостей, С. А. Плетнева отмечает, что, помимо нее, была «еще одна линия обороны – земляная (с ровиком). Причем на этой значительно слабее укрепленной площадке люди селились и строились. Какой в этом был смысл? Почему они не ставили свои жилища в каменной крепости?.. хватило бы места для всех. Очевидно, для того чтобы жить в каменной крепости, нужно было иметь на это особое право. А этого права у людей, живших вокруг, не было».³²² Как выяснено в другой работе С. А. Плетневой, дело здесь не только в «праве». Характеризуя рисунки и знаки, прочерченные тысячу сто лет назад на камнях одной из хазарских крепостей охранявшими ее воинами, С. А. Плетнева пишет, что «подавляющее большинство знаков нанесено на внешнем панцире стены... именно вдоль стены с внешней стороны и у ворот постоянно несли караул воины, которые, сидя (на высоте второго-третьего ряда) или стоя (шестого-седьмого ряда), чертили и рисовали на стене».³²³

Стража обычно располагается главным образом внутри крепости; здесь же выясняется, что ее не впускают в крепость... С. А. Плетнева, в сущности, объяснила причину этого, заметив, что «согласно догмам иудаизма – узкой, сугубо национальной религии, – иноплеменики не могут быть истинными иудеями... Следовательно, новая религия не объединила, а наоборот разъединила»³²⁴... И крепости строились для защиты иудейских начальников не только от «внешних», но и вероятных «внутренних» врагов, – то есть собственных воинов...

Казалось бы, при таком положении дел власть в Каганате должна была быть слишком ненадежной и слабой. Но все обстояло сложнее. Во-первых, прочной опорой иудейской власти была наемная хорезмийская гвардия. С другой стороны, правители Каганата чрезвычайно умело использовали тот или иной из подвластных им народов в борьбе с другими. Это очевидно уже хотя бы из еврейско-хазарской переписки, где сообщается, например, что в конце IX или начале X века против правителей Каганата начали войну гузы, «черные болгары» и печенеги, но тогдашний хазарский царь призвал на защиту могучее войско алан, разгромившее этих врагов. Однако тут же сообщается, что всего через два-три десятилетия, напротив, как раз «царь

³²¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. – М. – Л., 1939, с. 85.

³²² Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. – М., 1989, с. 24.

³²³ Плетнева С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища. – В кн.: Маяцкое городище. Труды советско-болгарско-венгерской экспедиции. – М., 1984, с. 59.

³²⁴ Плетнева С. А. Хазары. – М., 1986, с. 63.

аланский» начал войну против правителей Каганата, и тогда царь «Аарон нанял против него (царя аланского. – *В.К.*) царя турок»,³²⁵ – как убедительно доказывает А. П. Новосельцев, речь идет о печенегах.³²⁶

Вообще-то эта тактика использования того или иного народа для борьбы с враждебным в данный момент другим народом характерна для государственной политики той эпохи; именно так поступали тогда и византийские императоры. «Своеобразие» Хазарского каганата заключается в данном аспекте в том, что здесь дело шло о борьбе не столько с *внешними*, сколько с *внутренними* врагами, ибо, например, аланы, болгары, гузы и печенеги так или иначе входили в зону власти Каганата. То есть, говоря попросту, правители Каганата, сталкиваясь с неповиновением какого-либо из подвластных им народов, «натравливали» на него другой «свой» же народ – и это было основой государственной политики.

Так, в борьбе с Русью Каганат использовал поселенных у ее границ алан, болгар, а также венгров (которые в IX веке обитали в Причерноморье между Днестром и Доном), печенегов и, по всей вероятности, даже и восточнославянские племена древлян и уличей. А. П. Новосельцев показывает, что предводитель венгров Алмуш, который «жил, по данным Константина (Багрянородного. – *В.К.*) во второй половине IX в., ...воевал с русами и осаждал Киев»; при этом венгры исполняли повеление «их сюзерена – Хазарии» (цит. соч., с. 209). Далее, в Новгородской летописи, отмечает историк, «упомянуты войны Аскольда с древлянами и уличами. Если вспомнить, что древляне прежде „обижали“ полян, а уличи в эту пору должны были находиться в зависимости от венгров, т. е. и от хазар, то события эти легко объясняются теми же притязаниями Каганата на Полянскую (то есть Киевскую. – *В.К.*) землю. Еще более любопытны сведения поздних летописей об избиении Аскольдом и Диром печенегов... и гибели сына Аскольда в войне с болгарами. Печенегов в эту пору в Поднепровье не было, и, скорее всего, под ними подразумеваются хазары и венгры. Болгары же – это явно те самые черные булгары, что обитали и в низовьях Днестра, и к востоку от него на Дону и по его притокам. А они в то время зависели от хазар. Эти факты, – подводит итог историк, – дают ключ к выяснению сложного процесса объединения восточных славян, прежде всего вдоль пути «из варяг в греки», в раннее Древнерусское государство, для которого на первом этапе его существования *главным* был не византийский, а хазарский вопрос» (с. 210).

А. П. Новосельцев четко и плодотворно разграничивает также варяжский и хазарский «вопросы» в истории Руси: «Конечно, – пишет он, – и варяги были пришельцами для славян, которые, по летописи, их то призывали, то изгоняли. Но в отличие от хазар, просто захватывавших славянские земли, варяги появлялись не как завоеватели, а, скорее, как союзники местной знати в борьбе «племен» друг с другом и теми же хазарами. В этом коренное отличие роли скандинавов-варягов от хазар. В борьбе с последними (а хазары из земель радимичей и вятичей угрожали и северным землям славян и финнов) скандинавские дружины и их предводители утверждались в славянских землях. Можно предположить, что их успехи в этом отношении... привели к тому, что хазары (точнее – иудейские властители Каганата. – *В.К.*) направили на Полянскую землю венгров... ПВЛ («Повесть временных лет». – *В.К.*) об этом молчит. Но арабские источники середины второй половины IX в. пишут о постоянных набегах венгров на славян» (цит. соч., с. 208–209).³²⁷

Войско Каганата, по всей вероятности, захватило Киев в 820–830-х годах. В середине IX века в Киев пришел с севера (как говорилось выше, посланный, по-видимому, Рюриком по просьбе киевлян) Аскольд, который начал войну с хазарами. Но поскольку явившийся впоследствии в Киев и свергнувший Аскольда Олег снова должен был воевать с хазарами, естественно сделать вывод, что Аскольд в своих войнах потерпел поражение и стал вассалом и

³²⁵ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка, с. 116–117.

³²⁶ Новосельцев А. П. Хазарское государство... с. 194–196.

³²⁷ Арабские сообщения об этом собраны в кн.: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. – М., 1967, с. 55–56.

данником Каганата. Это ясно выразилось в том, что в 860 году Аскольд, в отличие от своего предшественника Кия, пришел в Константинополь во главе не дружелюбного посольства, а агрессивного войска.³²⁸

Помимо русской летописи, нападение Руси на Константинополь, свершившееся 18 июня 860 года, отражено в целом ряде современных этому событию документов – византийских и западноевропейских (даже вполне точная дата события известна!). Особенное значение имеет гораздо более позднее сочинение, принадлежащее одному из наиболее выдающихся деятелей Византии, константинопольскому патриарху (1353–1376 гг., с перерывом) Филофею Коккину. По-видимому, в 1360 году, то есть к 500-летней годовщине нападения Руси на Константинополь, он сочинил «Молитву по акафисте и каноне к Пресвятой Богородице», где сказано об Ее помощи (как и в русской летописи):

«...спасла еси царствующий град от скифского воеводы, свирепого вепря онаго прегордаго кагана».³²⁹

Возможно сомнение, что столь отдаленный во времени отклик (через 500 лет!) может быть достоверным. Однако сам текст убеждает, что патриарх Филофей основывался на неизвестном нам источнике, относящемся ко времени самого этого столь давнего события. Ведь в XIV веке никто уже не помнил о «кагане» и не мог называть русских «скифами», а их предводителя – «воеводой» этого самого «каган». Молитва Филофея Коккина дошла до нас только в древнерусском переводе, но важно знать, что славянское слово «воевода» было заимствовано греческим языком не позднее X века³³⁰ и, надо думать, перешло в молитву Филофея из того древнего текста, на котором он основывал. Словом, сами «реалии» Филофеевой молитвы ясно говорят о том, что ее сведения восходят к источнику пятисотлетней давности.

Не исключено читательское сомнение в том, что событие 860 года столь отчетливо помнили через пятьсот лет. Но факты неопровержимо свидетельствуют именно о такой длительной памяти об этой *первой* атаке Руси на Константинополь. Автор обобщающего труда о «внешней политике» Руси А. Н. Сахаров, обрисовав целый ряд византийских сообщений о 860 годе, относящихся к IX–XI векам, пишет далее:

«В XII в. версию о чудесном спасении Константинополя от врагов при Михаиле III повторил в письме к византийскому патриарху Иоанну император Алексей II Комнин. В XIII в. о фактах нападения руссов на столицу империи в 860 г. упоминал император Феодор Ласкарис... Таким образом, нападение Руси на Константинополь в 860 г. на протяжении почти пяти веков неизменно становилось сюжетом греческих хроник, переписки, религиозных песнопений, благодарственных слов, проповедей, официальных циркуляров, речей... поход 860 г. не был для Византии ординарным пограничным конфликтом с одним из „варварских“ племен, а... стал из ряда вон выходящим событием... прогремевшим на весь тогдашний европейский и ближневосточный мир...».³³¹

А. Н. Сахаров завершил перечень византийских сообщений о событии 860 года ссылкой на высказывание императора Феодора Ласкариса, правившего в 1208–1222 годах, то есть через три с половиной столетия после похода Руси. Молитва, сложенная еще через сто сорок – сто

³²⁸ Во многих работах утверждается, что Русь совершила два более ранних нападения на Византию: еще чуть ли не в конце VIII века на ее крымские владения (Сурож) и между 820 и 842 гг. – на город Амастриду (на южном берегу Черного моря). Но, как убедительно доказывал целый ряд историков, в этих сведениях на самом деле отразились более поздние походы Руси (860-го, 941-го или даже 988 года).

³²⁹ Акафисты различны. Почаев. 1776, с. 20.

³³⁰ См. об этом: Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989, с. 392.

³³¹ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. – М., 1980, с. 51.

пятьдесят лет, в 1360 году, патриархом Филофеем, не попала в поле внимания А. Н. Сахарова, но в самом ее, этой молитвы, появлении нет, как мы видим, ничего неожиданного и удивительного.

Первое дерзкое нападение на Империю войска до того неведомых ей «россов» должно было, очевидно, сохраниться столь долгий срок в исторической памяти. Особенно если учитывать, что ответом на это нападение явилась начавшаяся в том же 860 году «хазарская миссия» посланцев патриарха Фотия – святых Кирилла и Мефодия.

Л. Н. Гумилев обратил пристальное внимание на самый характер военных действий Руси против византийцев в более позднем походе на Константинополь, состоявшемся в 941 году. Он писал, исходя из летописного рассказа об этом походе: «...начались такие зверства, которые были непривычны... Русы пленных распинали (sic!³³²), расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа; жгли монастыри и церкви, несмотря на то, что многие русы приняли православие еще в 867 г. (об этом говорилось выше – В.К.). Все это указывает на войну совсем иного характера, нежели прочие войны X в. Видимо, русские воины имели опытных и влиятельных инструкторов...»,³³³ – разумеется, «инструкторов» из Хазарского каганата. Кстати сказать, Л. Н. Гумилев напрасно не обратил внимания на рассказ константинопольского патриарха Фотия – непосредственного свидетеля и участника более ранних трагических событий 860 года – то есть первого нападения Руси на византийцев. Фотий в своих знаменитых беседах «На нашествие россов», произнесенных сразу же после этих событий, говорил, что напавший враг «истребил живущих на этой земле... не щадя ни человека, ни скота, ни снисходя к немощи женщин, не жалея нежности детей, не уважая седину старцев, не смягчаясь ничем, от чего обыкновенно смягчаются люди, даже дошедшие до свойства зверей, но всякий возраст и пол поражая мечом. Можно было видеть, как младенцы, отторгаемые от сосцов, лишаемы были молока и самой жизни и готовым гробом для них были – увы! – те скалы, о которые они были разбиваемы... Эта свирепость простиралась не только на человеческий род, но жестоко умерщвляла и всех бессловесных животных: волов и лошадей, птиц и прочих, какие только попадались...». ³³⁴

Последнее явно поразило патриарха Фотия, но выше было приведено суждение Л. Н. Гумилева об именно таком «способе» ведения древнейших войн в Палестине – способе, который «возродили» правители Хазарского каганата. Как сказано в Ветхом завете о необходимом поведении иудеев в отношении врага: «...и истреби все, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла» (Первая Книга Царств, 15, 3); кстати сказать, даже за не совсем полное следование этому требованию израильский царь Саул был свергнут с престола... Хазарские правители вели войны именно так, что подтверждает их собственная переписка, где сказано, например, о нападении иудейского военачальника Песаха на крымские владения Византии: «...и пошел он в гнев на города Романа (византийского императора. – В.К.) и избил и мужчин и женщин... и поразил всех оказавшихся из них там и умертвил мечом». ³³⁵

Ни в каких рассказах о *позднейших* войнах Руси, уже не руководимых хазарскими «инструкторами», нельзя найти и намека на подобное тотальное смертоубийство. В «Истории» византийца Льва Диакона подробнейшим образом и с негодованием рассказывается о состоявшемся через тридцать лет после похода 941 г. Святославовом походе на Константинополь (уже без хазарского «руководства»), и никакие действия описанного рода не

³³² Латинское «так!», побуждающее вдуматься в текст: здесь заострено внимание на том факте, что с христианами поступают так же, как с самим Христом...

³³³ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь, с. 194–195.

³³⁴ Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. – М., 1936, с. 96–97.

³³⁵ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в., с. 119, 120.

упоминаются...

Нельзя не сказать здесь о том, что Л. Н. Гумилев, стремясь раскрыть суть похода Руси на Константинополь в 941 году, опирался почему-то только на рассказ *летописи*, не учитывая «оригиналы» этого рассказа; ведь русские летописцы широко использовали византийские хроники. И те подробности, которые привел Л. Н. Гумилев из летописного сообщения о поведении русского войска в Византии в 941 году, изложены сильнее и яснее в византийской хронике, созданной вскоре после самого события:

«Много злодеяний совершили росы... из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало они сожгли и святых храмов».³³⁶

Все это происходило во время правления императора Романа I, о котором в хазарском документе, известном под названием «Кембриджского», сказано: «...было гонение на иудеев во дни злодея Романа. И когда стало известно это дело моему господину (царю-каганбеку Иосифу. – В.К.), он ниспроверг множество необрезанных»,³³⁷ то есть казнил большое количество христиан. Еврейский историк Ю. Д. Бруцкус писал по этому поводу: «Наш источник говорит о том, что „злодей Романус“ возбудил жестокие преследования против евреев в Византии, что вызвало репрессалии со стороны царя Иосифа... Мы находим упоминание о них („жестоких преследованиях“. – В.К.) у Масуди, известного арабского писателя X в.: «...византийский император Арманус принуждал всех евреев своего царства к принятию христианства. Многие евреи удалились вследствие этого из Византийского царства в хазарскую землю...».³³⁸

Важно обратить внимание на смысловые «оттенки» сообщений. Ю. Д. Бруцкус определяет политику императора Романа как «жестокие преследования», а действия царя Иосифа – как некие неясные «репрессалии»; между тем дело шло в первом случае о требовании к иудаистам принять христианство или же покинуть пределы Византийской империи, а во втором – о *казни* хазарскими иудаистами христиан за то, что они христиане. Арабский автор был не только «нейтрален», но даже, без сомнения, враждебен Византии, и тем не менее он сообщает лишь о «принуждении» евреев принять христианство или же «удалиться» из Византии.

Во всем этом необходимо разобраться, – иначе мы не сможем понять действия войск Руси в 860–940-х годах по отношению к Византии.

Уже не раз упоминался один из самых выдающихся деятелей византийского христианства святой Фотий, который был патриархом Константинопольским в 858–886 годах (с перерывом в 867–877), но играл важнейшую роль в церковной политике и ранее, с 840-х годов. Он был горячим и волевым распространителем христианства; так, именно его учениками и исполнителями его замысла являлись первоучители славянства святые Кирилл и Мефодий. По инициативе Фотия состоялось крещение Моравии, Болгарии и первое утверждение христианства на Руси в 866–867 годах. Трудно усомниться в том, что именно он настаивал и на обращении в христианство иудаистов, находившихся на территории Византии.

Разумеется, «приказ» креститься или же покинуть государство – это чисто *средневековое* решение проблемы, закономерное в IX-X веках, но неприемлемое для правового и этического сознания в нашу эпоху. Однако можно все же «понять» жившего тысячу с лишним лет назад патриарха. Христианство не только определяло всю жизнь Византии, но и было по доброй воле принято в целом ряде соседних государств; между тем *внутри* Византии обитали (и играли немалую роль) многие десятки, а может быть и сотни тысяч людей, исповедующих религию, которая по своей сути враждебна христианству.

³³⁶ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. – М., 1992, с. 175–176.

³³⁷ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л. 1932, с. 117–118.

³³⁸ Бруцкус Ю. Д. Письмо хазарского еврея от X века. – Берлин, 1924, с. 25.

Сообщение о попытке крестить византийских иудаистов во второй половине IX века содержится в жизнеописании императора Василия I (867–886), составленном впоследствии, в середине X века, его внуком Константином Багрянородным. Давно установлено, что внук стремился приписать все инициативы (например, крещение Болгарии, состоявшееся, как точно известно, до восшествия Василия I на престол, а также и первое крещение Руси в 866–867 годах) своему деду. Гораздо достовернее представление, что религиозно-церковные инициативы того времени принадлежали святому Фотию, фактически возглавившему Константинопольскую патриархию еще в 857 году. И есть все основания заменить в цитируемом тексте слово «царь» словом «патриарх»: «...царь не устранился и не отступился от апостольских дел, но прежде всего уловил в сети Христовы... жестокосердый сам по себе народ иудеев. И вот он приказал им явиться на диспут с доказательствами своей веры и показать, что доводы их прочны и неколебимы, или, уверовав, что Христос – глава Закона и пророков и что Закон – не более как тень, рассеиваемая сиянием солнечного света,³³⁹ обратиться к учению Господа и креститься... У многих снял царь пелену с глаз и обратил в веру Христову, хотя немало их, когда он ушел из этой жизни, яко псы вернулись к своей блевотине...» Далее сообщается, что «точно так же обошелся он (царь. – В.К.) и с болгарским племенем»;³⁴⁰ однако хорошо известно, что Болгария приняла крещение в 864–865 годах, а Василий стал императором только в 867 году. Вполне естественным будет прийти к выводу, что и попытка крестить иудаистов относится к более раннему времени и была предпринята энергичным поборником распространения христианства святым Фотием, а не императором Василием. И, конечно, именно Фотий, а не малообразованный Василий устроил конфессиональный диспут с византийскими иудаистами. По-видимому, именно в ответ на это иудаистский Хазарский каганат организовал нашествие флота Руси летом 860 года на Константинополь, нашествие, в ходе которого, по сообщению тогдашнего папы римского Николая I, «сожгли церкви»,³⁴¹ а помимо того, в соответствии с древнеиудаистскими заветами, «свирепость – по свидетельству патриарха Фотия, – жестоко умерщвляла и всех бессловесных животных... лежал вол и около него человек, дитя и лошадь получали общую могилу, женщины и птицы обагрляли кровью друг друга». ³⁴²

Как уже говорилось, *ничего подобного не было* в истории всех других войн Руси, и такую «практику» можно объяснить только распоряжениями руководивших походом на Византию властных лиц Каганата.

В Константинополе, без сомнения, стало известно, откуда и кем было направлено войско Руси, ибо уже осенью 860 года патриарх Фотий и тогдашний император Михаил III посылают великих мужей Кирилла и Мефодия для переговоров не в Киев (хотя, возможно, они потом побывали и в Киеве), но к *хазарскому кагану*, чья резиденция находилась тогда, в 860 году, еще не в волжском Итиле, а на Северном Кавказе, в Семендере. В «Житии Мефодия» сказано: «Настало же время такое, и послал цесарь за Философом (св. Кириллом. – В.К.), братом его, чтобы пошел к хазарам и чтобы взял его к себе в помощь. Были же там евреи, что сильно хулили христианскую веру». ³⁴³ А вскоре, в 863 году, Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность, с помощью которой Византия, в частности, должна была превратить славян, и в том числе русских, в своих союзников и друзей. Уже в 866 году христианство, как было

³³⁹ Подобное сопоставление иудаизма и христианства выразилось позднее в «Слове о законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона.

³⁴⁰ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. М., 1992, с. 142.

³⁴¹ Цитирую по кн.: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956, с. 73.

³⁴² Вторая беседа Фотия «На нашествие россов». – В кн.: Материалы по истории СССР. Вып. 1. – М. 1985, с. 268–269.

³⁴³ Сказания о начале славянской письменности. – М., 1981, с. 96.

отмечено выше, пришло в Киев.

* * *

Говоря о начале христианства в Киеве, никак нельзя не коснуться достаточно широко распространенного представления, согласно которому провозвестниками русского православия были именно великие первоучители славянства святые Кирилл и Мефодий. Правда, это воззрение, отстаиваемое еще в середине XIX века выдающимся историком русской церкви митрополитом Московским Макарием (М. П. Булгаковым),³⁴⁴ многими (в частности, и ныне О. М. Раповым) оспаривалось. Но едва ли есть основания вообще отвергнуть эту вдохновляющую концепцию.

Полная уверенность в том, что святые Кирилл и Мефодий первыми проповедали христианство на Руси, выражена в сочинении одного из крупнейших русских славистов В. И. Ламанского (1833–1914).³⁴⁵ Уже в наше время это мнение высказал видный филолог-славист А. С. Львов.³⁴⁶ Убедительно говорится об этом в труде знаменитого историка русской Церкви и общественного деятеля А. В. Карташева (1875–1960; с 1919 года в эмиграции).

Речь идет о том, что святые Кирилл и Мефодий, посланные вслед за нападением Руси на Константинополь в 860 году в Хазарию (откуда и был «направлен» поход Аскольда), побывали затем и у русских. А. В. Карташев исходил, в частности, из свидетельства рукописи XV века, сохранившейся в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре; здесь сказано о деянии «преподобного отца нашего Мефодия, епископа Моравьска, учителя русьскаго... Кирилл же умоли брата своего Мефодъ итти с собою, яко умеаше язык словеньск». Тут особенно важно, что, как известно из древнейших источников, именно Мефодий владел с самого начала славянским языком и, значит, посылая его вместе с Кириллом к хазарам, Византия ставила цель воздействовать не только на хазар, но и непосредственно на Русь. А. В. Карташев ссылается и на новгородскую рукопись того же XV века, но восходящую, по-видимому, к XI–XII векам: «...древле приходи в Русь философ учити... ему же имя Кирилл».³⁴⁷

Но эти свидетельства – не самый существенный аргумент А. В. Карташева, ибо ведь вполне можно их оспорить, утверждая, что перед нами – возникшая позднее легенда, стремившаяся возвеличить русское христианство, возводя его к великим первоучителям славян. Главное доказательство А. В. Карташев усматривает в *самом тексте* древнего жития святого Константина-Кирилла, созданного еще в 870-х годах, но позднее не раз переработанного. В содержащемся здесь достаточно пространным рассказе о миссии к хазарам, «как будто две разных миссии... слиты в одну и смешаны до непонятности... (это „смешение“, очевидно, совершилось при позднейших переделках жития – В.К.). А . именно: как будто все должно происходить во дворце в присутствии самого кагана. Между тем мы вдруг чувствуем, что споры происходят под открытым небом, на лоне природы, в простонародной толпе. И диалог ведется не с учеными книжными начетчиками, не с иудеями и мусульманами, а с неграмотными язычниками и даже врагами ученых и грамотных. Все это не подходит к хазарам» (там же с. 79). И, утверждает А. В. Карташев, «вторая» миссия святого Кирилла совершается на Руси.

Опровергнуть этот вывод историка не так уж легко, ибо в «хазарской» части жития

³⁴⁴ Макарий. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской Церкви. – СПб., 1857, с. 287.

³⁴⁵ Ламанский В. И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и исторический источник. – Пг., 1915.

³⁴⁶ См., напр.: Львов А. С. записи про Константина-Кирилла Философа в календаре Остромирова Евангелия – «Советское славяноведение», 1976, № 1.

³⁴⁷ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви – Париж, 1959, с. 90, 91.

Кирилл в самом деле имеются заведомо разные «пласты». Сначала Кирилл спорит с убежденными иудаистами, а в конце рассказа обращается к людям, которые явно не принадлежат ни к иудаизму, ни к мусульманству. И один из этих людей «сказал... приятелям евреев: «С Божьей помощью гость этот (Кирилл. – *В.К.*) ниспроверг наземь всю гордыню сарацинов, а вашу отбросил на иной берег, как нечто нечистое». И сказал всем людям: «Как дал Бог власть над всеми народами и совершенную мудрость христианскому (то есть византийскому. – *В.К.*) цесарю, так дал ему и самую лучшую Веру из всех, и без нее никто жить не может жизнью вечной».

И далее следует своего рода вывод слушателей Кирилла: «...повелеваем, что с этого дня понемногу, кто может, пусть крестится по своей воле, если пожелает. А тот из вас, кто... еврейские молитвы читает, или держится веры сарацинской, скоро смерть от нас примет»... Крестились же из них двести человек, отказавшись от мерзостей языческих...».³⁴⁸

А. В. Карташев говорит об этом эпизоде жития: «...все происшедшее относится не к столице, а к какой-то провинции хазарской (как будет показано ниже, Русь именно в это время была подчиненной «провинцией» Хазарского каганата. – *В.К.*), где иудейство и ислам были чужими и даже вражескими религиями... речь идет об особом народе, а не о хазарах... Таким образом, хазарская миссия в центр страны, в столицу, к кагану, не исключала для Константина Философа, а включала в себя и его особую «провинциальную» миссию в русскую часть Хазарии, к тем руссам, которые недавно нападали на греков» (цит. соч., с. 82).

Целый ряд историков стоит на той точке зрения, что в цитированном тексте имеются в виду все же не русские, а какие-то хазары-язычники. Однако вопрос – по крайней мере пока – не может быть решен окончательно. И поэтому воззрение, согласно которому первыми провозвестниками Православия на Руси были именно святые Кирилл и Мефодий, обладает правом на существование. Признание истинности сообщений о русской миссии Кирилла и Мефодия не противоречит сведениям о позднейших событиях. В 861 году великие первоучители славян побывали (еще до своей моравской миссии 863 года!) на Руси, а позднее, в 866 или 867 году, на Русь был уже послан из Константинополя епископ.

Христианское «посольство» святых Кирилла и Мефодия к хазарскому кагану, а затем к русскому князю целиком и полностью «соответствует» тогдашнему положению вещей и замечательно проясняет всю ситуацию. Вместе с тем не приходится сомневаться, что Каганат впоследствии вновь совершил нападение на Русь и в той или иной мере «подавил» христианство в Киеве (достоверно известно, например, что в 932 году Каганат заставил отказаться от христианства алан). Это привело и к возобновлению атак Руси на христианскую Византию.

Давно уже уяснено, скажем, что поход Руси на Константинополь, совершившийся через восемь десятилетий, в 941 году, был «выступлением... направленным хазарами» и даже был непосредственно «организован с ведома и при сочувствии хазар»,³⁴⁹ хотя избранное М. И. Артамоновым слово «сочувствие» слишком «мягкое» определение. Вернее высказался об этом походе другой историк, Ю. Д. Бруцкус, отметив, что он был совершен «по наущению хазарского царя».³⁵⁰ При этом важно иметь в виду, что сей историк всячески «идеализировал» Каганат, без каких-либо доказательств утверждая, что последний создал немало «культурных ценностей» (с. 3) и подготовил-де «к государственной жизни те южные области, из которых в X веке русские дружины сколотили (!) Киевское великое княжество» (с. 19).

Ю. Д. Бруцкус только сетует, что «внутренние связи этого пестрого государства (Каганата. – *В.К.*), в котором насчитывалось 25 подчиненных народов,³⁵¹ были очень слабы

³⁴⁸ Сказания о начале славянской письменности. – М., 1981 с. 81–85.

³⁴⁹ Артамонов М. И., цит. соч., с. 375.

³⁵⁰ Бруцкус Ю. Д. Письмо хазарского еврея от X века. – Берлин, 1924, с. 23.

³⁵¹ Это указанное царем Иосифом количество, в котором учтены в качестве отдельных народов подвластные

вследствие немногочисленности основной культурной народности, окруженной варварскими племенами» (с. 15).

Тот факт, что в походе 941 года (предпринятом – согласно его собственному слову – «по наущению» этой самой «культурной народности») византийских христиан, как сообщает «Повесть временных лет», «одних распинали, в других же, расстанавливая как мишени, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в макушки голов», Ю. Д. Бруцкуса почему-то не смущает...

Но решительно не соглашаясь с «оценками», которые дает этот историк Хазарскому каганату, следует признать верность целого ряда рассуждений, содержащихся в его работе. Так, он вполне обоснованно говорит о «долголетней борьбе между хазарами и русскими, тянувшейся в течение целого столетия от взятия Киева Аскольдом около 830 года до разрушения Белой Вежи (Саркела) Святославом в 963 году... эта борьба составляет основной фон (точнее – ход. – В.К.) всей начальной истории Киевской Руси» (с. 18); даже «в сороковых и пятидесятых годах X века хазарское царство еще было очень сильно, простиралось от Оки и Волги до Кавказского хребта и Крымского побережья и успешно выдерживало натиск... славяно-русов» (с. 30).

И прямым отражением, доказывает Ю. Д. Бруцкус, «упорной борьбы, которая велась с переменным счастьем между варяго-руссами и иудео-хазарами в южных степях, являются... известные былины о борьбе Ильи Муромца с Жидовином-богатырем, пришедшим из земли Жидовской в «степи Цецарские» под «горою Сорочинскою»... Рассказ хазарского еврея о расправе детей Израиля над русскими дружинниками в земле Цесарской (византийской) у крепости Шуршунской (то есть Херсонесской. – В.К.) может объяснить нам и былинные названия «степей Цецарских» и «горы Сорочинской», где Жидовин напал на Добрыню Никитича» (с. 44).

Это узкое приурочивание былины к сражениям в Крыму на рубеже 930–940-х годов не очень убедительно, ибо эпос «отражает» скорее целую эпоху, нежели отдельные события. Но так или иначе в этой былине открыто и недвусмысленно запечатлена борьба Руси с Хазарским каганатом.

До самого последнего времени былины, как правило, изучались не в качестве исторического *источника* в подлинном смысле этого слова; они представляли в работах, затрагивающих проблему «историзма» былин, главным образом или даже только как своего рода поэтический «комментарий» к сведениям летописи, – хотя едва ли не большинство серьезных исследователей русского эпоса пришло к выводу, что былины создавались *раньше*, чем летопись, и, следовательно, их надо изучать как самостоятельный и, в частности, *более древний* исторический источник.

Нельзя не сослаться здесь на недавнюю работу историка-источниковеда, в которой сообщается, что «последние годы отмечены особым интересом к новой отрасли знания, условно названной устной историей (oral history)... В 70-е годы во многих странах произошла институционализация (проще будет сказать – узаконение. – В.К.) устной истории в качестве самостоятельной ветви исторической науки... Устная история... и писаная история... – две *последовательные* стадии развития исторических знаний... Устная история в форме эпоса, сказаний, легенд, генеалогий явилась *самой ранней* формой исторического сознания... Основной формой устной исторической традиции на Руси, как известно, являлись былины»³⁵² и т. д.

Однако, повторяю, до сего времени былины изучаются, в сущности, вовсе не как наиболее *ранний* и потому, в частности, вполне «самостоятельный» исторический источник, а как некое «приложение» к летописям; в былинах обычно стремятся «отыскать» то, о чем сообщает *более*

Каганату русские племена (вятичи, северяне и др.), вполне достоверно; его, в частности, называет и арабский путешественник Ибн-Фадлан, побывавший в 922 г. в Волжской Булгарии.

³⁵² Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории. – В кн.: Источниковедение отечественной истории. – М., 1989, с. 3, 5, 6 (Разрядка моя. – В.К.)

поздний источник – «Повесть временных лет». И для таких «находок» оказывается, например, вполне достаточным совпадение имен былинных и летописных персонажей (как будто одно и то же имя не могло носить множество людей, живших в самые разные времена!). Остается надеяться, что былины начнут, наконец, изучать как более ранний, нежели летописи, и совершенно самостоятельный источник.

И именно с этой точки зрения обратимся к былине об Илье Муромце и Жидовине.

Очень характерно, что Ю. Д. Бруцкус, упоминая об изображенном в былине поражении Добрыни, умалчивает о последующей, воспетой в этой самой былине победе Ильи Муромца над Жидовином. Но прежде чем говорить о былине как таковой, нельзя не отметить, что это поистине гениальное произведение, записанное еще в 1840-х годах в Архангельской губернии, подверглось после 1917 года своего рода изгнанию: несмотря на то, что различные сборники былин издавались в 1930–1950-х годах десятки раз, впервые в послереволюционное время это творение появилось в печати только в 1958 году, в составленной А. М. Астаховой научной антологии «Илья Муромец» (здесь было бы просто неприлично «опустить» эту былину), изданной малым, десятитысячным тиражом.

Прямо-таки замечательно, что видный исследователь народного творчества Н. П. Андреев (1892–1942), издавая в 1938 году антологию «Русский фольклор», не мог вообще отказаться от публикации этой прекраснейшей былины, но, не имея возможности напечатать ее целиком, представил читателю такие ее фрагменты, где нет речи о Жидовине.³⁵³ И только в совсем недавнее время В. И. Калугин сумел опубликовать это драгоценное звено русского эпоса пристойным тиражом 300 тыс. экземпляров в составленной им антологии.³⁵⁴

В былине речь идет о том, как

*Под славным городом под Киевом,
На тех на степях на Цицарских
Стояла застава богатырская...
Один из «братцев» этой заставы,
Добрыня Никитич ездил ко синю морю...
В чистом поле увидел ископоть³⁵⁵ великую,
Ископоть велика – полпечи...
...Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин могуч богатырь...*

И Добрыне поручают настичь и победить Жидовина (который, понятно, воплощает в себе всю мощь Хазарского каганата). Но когда этот «могуч богатырь» начал битву с Добрыней,

*Сыра мать-земля всколебалась,
Из озер вода выливалась,
Под Добрыней конь на коленцы пал.
Добрыня Никитич млад
Господу Богу возмолится
И Мати Пресвятой Богородице:
– Унеси, Господи, от ахвальщика, –
Под Добрыней конь посправился,
Уехал на заставу богатырскую...
И теперь уже*

³⁵³ См.: Русский фольклор. Составил Н. П. Андреев – М. – Л., 1938, с. 190–191.

³⁵⁴ Былины. – М., 1986, с. 122–129. В том же году вышла антология «Былины», составленная Б. Н. Путиловым, где этой былины опять-таки нет...

³⁵⁵ След копыта.

*Говорит Илья Муромец:
– Больше нечем амениться,
Видно ехать атаману самому.*

Начинается тяжкое сражение; русский эпос несколько не преуменьшает силу и опасность врага:

*Бились, дрались день до вечера,
С вечера бьются до полуночи,
Со полуночи бьются до бела света.
Махнет Илейко ручкой правою, –
Поскользлит у Илейка ножка левая,
Пал Илья на сыру землю:
Сел нахвальщина на белы груди,
Вынимал чинжалище булатное,
Хочет вспороть груди белыя,
Хочет закрыть очи ясныя,
По плеч отсечь буйну голову...
Лежит Илья под богатырем,
Говорит Илья таково слово:
– Да не ладно у святых отцев написано,
Не ладно у апостолов удумано,
Написано было у святых отцев,
Удумано было у апостолов:
«Не бывать Илье в чистом поле убитому»,
А теперь Илья под богатырем! –
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнет нахвальщину в белы груди,
Вышибал выше дерева жарового, 356
Пал нахвальщина на сыру землю,
В сыру землю ушел до-пояс.
Вскочил Илья на резвы ноги
Сел нахвальщине на белы груди...
По плеч отсек буйну голову...*

Здесь невольно вспоминается древнегреческий миф об Антее, который обретал неисчерпаемую силу, соприкасаясь со своей матерью Геей – то есть землей. Но образ-символ русского эпоса не только сложился, конечно же, независимо от древнегреческого, но и имеет совершенно иной смысл. Ведь связь Антея с землей предстает, в сущности, как своего рода «слабость»; достаточно оторвать его от земли, и он побежден. Между тем в русской былине так или иначе воплощено осознание нераздельной связи Ильи с родной «сырой землей» – связи, которая противопоставлена «беспочвенности» его врага...

Еще в 1852 году Алексей Хомяков писал, что эта былина (он, согласно тогдашнему словоупотреблению, называл ее «сказкой») «носит на себе признаки глубокой древности в создании, в языке и в характере... Ни разу нет упоминания об татарах, но зато ясная память о козарах, и богатырь из земли Козарской, названной справедливо землею Жидовскою, является соперником русских богатырей; это признак древности неоспоримой... Спокойное величие древнего эпоса дышит во всем рассказе, и лицо Ильи Муромца выражается, может быть, полнее, чем во всех других, уже известных сказках. Сила непобедимая, всегда покорная разуму и долгу, сила благодетельная, полная Веры в помощь Божию, чуждая страстей и –

356 Рослого, высокого.

неразрывными узами связанная с тою землею, из которой возникла». ³⁵⁷

В середине XIX века, когда А. С. Хомяков написал свое цитируемое сочинение, русский богатырский эпос в сущности только начинали действительно изучать. И, как мы видим, Алексей Степанович был склонен связывать с противостоянием хазарам только одну – несущую в себе, по его словам, «признаки глубокой древности» – былину (менее «древние» казались порожденными «монгольской эпохой»). В наше же время, например, известный исследователь богатырского эпоса В. П. Аникин (его труд цитировался выше) связывает с борьбой против Хазарии этот эпос в целом. Но естественно ставить вопрос о конкретных подтверждениях такого вывода.

Как уже отмечалось, в одной из самых архаических, то есть также несущей в себе «признаки глубокой древности», былин, «Вольх Всеславьевич», речь идет о взятии вражеской «белокаменной крепости», – что не может быть отнесено к борьбе ни с печенегами, ни с половцами, ни с монголами, которые не строили крепостей. Нельзя не сказать и о том, что мы располагаем очень давней полноценной записью этой былины: она вошла в составленный четверть тысячелетия назад рукописный сборник Кирши Данилова. В былине нет никаких упоминаний о «татарах» (имя которых, о чем уже говорилось, во многих былинах заменило имя более ранних врагов); Киеву угрожает нападением и разорением «*Индийский царь*», а «могуч богатырь Вольх Всеславьевич», узнав о смертельной опасности, сам идет (подобно князю Святославу) в поход «со всею дружиною хороброю» в «царство Индейское» и уничтожает врага.

Очень близка к тексту сборника Кирши Данилова сделанная через полтора столетия, в самом конце XIX века, запись выдающегося собирателя А. В. Маркова (см. его «Беломорские былины», № 51); речь также идет о войне с «Индийским царством», только герой имеет здесь отчество «Святославьевич». Однако в других *поздних* записях этой былины вместо «Индийского царства» говорится о «Золотой Орде» или «Турецземле», что невозможно понять иначе, как замену первоначального врага на более позднего – замену, продиктованную, быть может, и простым непониманием сказителей: о каком таком столь опасном для Руси «Индийском царстве» говорится в дошедшей до них былине?

Правда, в некоторых русских былинах иного содержания – не собственно героических, богатырских, а, как определил их, например, В. Я. Пропп, «новеллистических» – прежде всего былине «Дюк Степанович» – также фигурирует некая «Индия», хотя и отнюдь не выступающая в качестве враждебной Руси земли. Поскольку реальные связи Руси с Индией возникли сравнительно поздно, – едва ли ранее знаменитого путешествия Афанасия Никитина (при Иване III) – появление «Индии» в былинах нередко пытались объяснить воздействием византийского «Сказания о Индийском царстве», созданного в XII веке и, возможно, уже в XIII веке переведенного на Руси. Однако в исследовании В. Б. Вилинбахова и Н. Б. Энговатова «Где была Индия русских былин?» убедительнейшим образом доказано, что Индия былины «Дюк Степанович» – это древняя *западнославянская* (впоследствии онемеченная) «Индия-Виндия» на побережье Балтийского моря между реками Одер (Одра) и Эльба (Лаба) – с которой у Киевской Руси были длительные торговые и иные взаимоотношения (см: Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965, с. 99–108). Эта славянская «Индия» вовсе не была враждебным для Руси царством, и указанное исследование, естественно, не касается былины «Вольх Всеславьевич».

Если же говорить об «Индийском царстве» в былине «Вольх Всеславьевич (или Святославьевич)», есть существенные основания полагать, что первоначально речь шла об *Иудейском* царстве, но значительно позднее, когда существовавший в IX-X веках иудейский Хазарский каганат выветрился из исторической памяти, а реальная азиатская страна Индия, напротив, обрела известность на Руси, «Иудейское» было заменено по созвучию «Индийским». В других записях былины о Волхе «Иудейское царство», как уже говорилось, заменилось «Золотой Ордой» и «Турец-землей», – возможно и потому, что некое опаснейшее для Руси «Иудейское царство» представлялось *поздним* сказителям чем-то совершенно

³⁵⁷ Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки. – М., 1988, с. 245, 247.

неправдоподобным.

Эта постановка вопроса, конечно, нуждается в доказательствах, к которым я и обращаюсь. Начнем с того чрезвычайно существенного факта, что до нас дошли записи древнерусского творения, которое являет собой в *сущности разновидность былины*, и в ряде его вариантов речь идет о смертельной борьбе именно с *Иудейским* царством, – «Егорий Храбрый». Это произведение обычно относят не к былинам, а к жанру «духовных стихов», но как обоснованно писал виднейший исследователь обоих жанров, Б. М. Соколов, некоторые «духовные стихи эпического склада (в их число входят „Егорий Храбрый“, „Федор Тырянин“ и др. – В.К.)... не отделяются от былин и идут (у народных сказителей. – В.К.) под общим названием старин». Сам образ Егория имеет «довольно много общих черт с образом былинного богатыря» (Соколов Б. М., Русские фольклор. Вып. 1., М. 1929, с. 72, 75); Егорий не только совершает *духовные* подвиги, но и «палицей железной» поражает «иудейского царя».

В подоснове древнерусского духовного стиха-былины о Егории Храбром лежит, в конечном счете, предание о жившем в древнехристианские времена, в конце III – начале IV вв. римском полководце Георгии, который стал христианином и даже проповедником новой Веры, за что после жестоких мучений был по повелению гонителя Христианства императора Диоклетиана (284–305 гг.) обезглавлен; позднее его причислили к лику святых великомучеников. Следует отметить также, что в Византии был распространен и другой вариант предания, в котором со св. Георгием расправлялся не римский император Диоклетиан, а «персидский царь Дадиан» (вспомним, что языческий Иран в течение долгого времени противостоял христианской Византии). В конечном счете образ св. Георгия стал достоянием Руси (как и многих других принявших Христианство стран).

Выше говорилось, что первыми христианскими святыми, обретшими высшее почитание на Руси, были Николай Чудотворец (есть основания полагать, что уже в конце IX века в Киеве был создан храм св. Николая) и Ильи (в 940-х годах в Киеве имела соборная церковь св. Ильи). Одноименные герои (о чем также шла речь) «вошли» в русский былинный мир. Возможно, несколько позднее, но все же достаточно рано обрел у нас самое высокое почитание и св. Георгий (церковь его имени существовала уже в первой половине XI века). Едва ли случайно Владимир Святославич окрестил своего родившегося, по-видимому, в 989 году (то есть сразу после официального принятия Христианства) сына именем Георгий (правда, он был известен по своему языческому имени – Ярослав Мудрый).

Кстати сказать, Б. М. Соколов полагал, что русский духовный стих-былина «Егорий Храбрый» и воспел именно Георгия-Ярослава, но с этой версией едва ли можно согласиться, ибо в «Егории Храбром» повествуется о тяжелой борьбе за утверждение Христианства; между тем Ярославова эпоха – время очевидного расцвета Христианства на Руси, а не смертельной борьбы за него. И скорей уж сын Владимира Крестителя получил свое имя не без воздействия существовавшего ко времени его рождения духовного стиха-былины, а не наоборот.

Впрочем, наиболее важно другое. «Егорий Храбрый», как уже говорилось, в конечном счете восходит к ставшему известным на Руси древнейшему сказанию о св. Георгии, но все же перед нами совершенно иное, вполне самостоятельное произведение; так, его герой отнюдь не погибает на плахе, а, напротив, торжествует, убивая (в некоторых записях – обезглавливая) враждебного Христианству царя. Кроме того речь идет не о римском и не о персидском царях.

Мы располагаем множеством сделанных в разное время и подчас существенно отличающихся друг от друга записей «Егория Храброго», но в самой ранней из них, сделанной самим Владимиром Далем, сказано:

*Выходит из той земли, из жидовския,
Жидовския, босурманския, 358
Царица Мартемьяница...
Святому Егорию глаголет:*

³⁵⁸ Басурманин – переименованное «мусульманин», но это слово нередко употреблялось (как и здесь) в значении «иноверец, враждебный христианам».

*«Ой ты гой еси, Егорий Харабрый свет!
 Ты не веруй самому Христу,
 Самому Христу, Царю Небесному...»
 После долгих мучений и испытаний
 Святой Егорий Харабрый свет...
 Берет он свою палицу железную,
 Поразил он тута царица Мартемьянища.
 Потопила Егория кровь жидовская.
 Кровь жидовская, босурманская:
 По колена во крови стоит –
 Святой Егорий глаголет:
 «Ох ты гой еси, матушка сыра земля!
 Прими в себя кровь жидовскую,
 Кровь жидовскую, босурманскую».
 Расступилась матушка сыра земля
 На две стороны, на четыре четверти.
 Пожрала в себя кровь жидовскую,
 Кровь жидовскую, босурманскую.*

(см. Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. – Новосибирск, 1990, с. 65, 69).

Следует напомнить, что слова «жид» и «жидовский» приобрели «бранимый» смысл лишь в новейшее время; в древней Руси они являлись, в сущности, равноправными вариантами, синонимами слов «иудей» (иудей) и «иудейский»: так, в древней «Повести временных лет» словосочетания «царь жидовескъ» и «царь иудейскъ» предстают как взаимозаменяемые.

Целесообразно в связи с этим сопоставить «былинный» духовный стих «Егорий Храбрый» с однотипным и даже явно родственным ему – «Федор Тырянин». Он восходит к образу современника св. Егория, который также был римским воином в той же Малой Азии, и, ратуя за Христианство, сжег храм высокочтимой в Римской империи языческой богини Кибелы, за что сам был в 306 году сожжен. В русском сказании – по-видимому, не без воздействия «Егория Храброго», – с древним преданием о св. Федоре произошла та же самая «метаморфоза»: герой борется не с языческим Римом, а с пришедшим «с восточной стороны „иудейским царем“» и не гибнет, а побеждает.

В зачине одной из записей этого былинного духовного стиха, впервые опубликованного Петром Киреевским, сообщается:

*Со восточныя было стороны,
 От царя иудейского,
 От его силы жидовския
 Прилетела калена стрела...*

(Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XX веков. М. 1991, с. 85).

Св. Федор не имел на Руси столь давнего и широкого признания, как св. Георгий; «духовный стих-былина» о нем сложился, вероятно, позднее, чем «Егорий Храбрый» и испытал сильное воздействие последнего: ряд элементов «Федора Тырянина» скорее всего был перенесен из «Егория Храброго», – например, только что цитированное изображение победы героя (привожу запись сподвижника Петра Киреевского – П. И. Якушкина, сделанную в 1840-х гг.);

*Побивал царя Иудейского,
 Его силу жидовскую,
 Жидовскую, бусурманскую.
 Обливала его кровь жидовская,
 Жидовская, бусурманская...
 «Уж ты, матушка сыра земля,*

*Расступися на четыре на четверти,
На все четыре на стороны!
Ты пожри в себя кровь жидовскую,
Жидовскую кровь, бусурманскую».
По Божию соизволению
Расступалася мать сыра земля
На четыре на четверти,
Пожирала в себя кровь жидовскую,
Жидовскую, бусурманскую,
Царя Иудейского.*

(*Стихи духовные. М., 1991, с. 88–89*):

Целесообразно еще раз подчеркнуть, что в этих русских произведениях, восходящих к раннехристианским преданиям о святых Георгии и Федоре, место древнеримского (или персидского) врага Христианства занял «царь Иудейский». Естественно прийти к выводу, что такое «превращение» имело свое реальное историческое основание: первоначальные русские сказители обладали сведениями о долгой и жестокой борьбе с иудейским Хазарским каганатом и сделали высокочтимых святых победоносными героями именно этой борьбы, совершенно преобразив тем самым пришедшие из Византии предания (там ведь речь шла о казненных мучениках Христианства).

Вернемся теперь к былине «Волх Всеславьевич» (или «Волх Святославьевич»). В записи А. В. Маркова (№ 51) Волх Святославьевич

*Принималсэ за цяжолу свою палицу...
Со своей-то со силушкой с великою:
Как избили-то ведь всю силу Индейскую...
Он ведь брал-то все царя, царя Индейского.
Он ведь брал-то царя да за жолты кудри,
Он кинал-то ведь царя все и кирпичной мос...*

А св. Федор (запись П. И. Якушкина)

*...Поехал далече во чисты поля
Супротив царя Иудейского,
Супротив силы его жидовские...*

Вполне уместно предположение, что в первом случае, пройдя через ряд поколений сказителей, определение «иудейский» к XIX веку заменилось на «индейский», а во втором – смогло уцелеть в первоначальном виде. Тот факт, что древнее определение врага долго сохранялось именно в духовных стихах, обусловлено, по-видимому, их прямой связью с религией, – связью, побуждавшей сказителей с наибольшей бережностью относиться к тексту. Вместе с тем определение «иудейский» все же претерпевало с течением времени изменения. Так, в одном из поздних вариантов «Егория Храброго» (запись А. В. Маркова, 1903 год) оно превратилось в «удоньский», – возможно, тот или иной сказатель плохо расслышал из уст своего предшественника слово «иудейский»:

*Выходил тут Егорий в Святую Русь.
Он хватил тут собаку удоньскаго царя
За его-то волосы проклятыя,
Тряхнул о землю и отmessтил ему ретиво сердце.*

Характерна здесь прямая перекличка с только что цитированной былиной «Волх Святославьевич», записанной тем же А. В. Марковым в том же Беломорье.

Столь же показательным и другое – похожее – изменение в охарактеризованной выше

былине «Илья Муромец и Жидовин». В записи 1840-х годов, впервые опубликованной Петром Киреевским, о враге Ильи сказано, что он явился

Из этой земли из Жидовския,

а между тем в записи сделанной в конце 1890-х годов А. В. Марковым (№ 98), тот приезжает

Да из той жо из земли-то из Задоньския.

Эту замену можно толковать различным образом – и как простую «ошибку» сказителя (он «услышал» слово «жидовская» или «юдейская» как «задоньская»), и осознанное преобразование: вместо какой-то неведомой ему «жидовской» сказитель говорит о «задоньской» – то есть, возможно, о находящейся за Доном (любопытно, что ведь и центр Хазарского каганата находился именно за Доном...).

Наконец, еще одна «замена» и, пожалуй, самая показательная. В поздней – конца XIX века – записи «Егория Храброго» (А. В. Марков, № 24) царь иудейский (или жидовский) заменен «тотарским». Выше цитировались строки из более ранней записи «Егория Храброго» о пролитии обильной «жидовской крови», но здесь Егорий говорит:

*Я пролью-то, пролью-то кровь тотарскую,
Отсеку у тя тотарску-ту твою голову...*

Итак, целый ряд фактов свидетельствует, что с течением времени в русском эпосе происходили разного рода замены «иудейского» (царя, царства, земли), – по всей вероятности, из-за утраты исторической памяти об иудейском каганате и борьбе с ним. Это с особенной убедительностью подтверждает представление о том, что наш богатырский эпос порожден «хазарской» эпохой (а не более поздними временами).

* * *

Как уже сказано, великолепная былина «Илья Муромец и Жидовин» ни разу не публиковалась (целиком) в течение сорока лет – с 1918 по 1957-й год. Что же касается остальных цитированных мною в связи с ней произведений, они не появлялись в печати более семидесяти лет – с 1918 по 1990-й год (единственное исключение – «Егорий Храбрый», записанный от великой сказительницы М. Д. Кривополеновой и вошедший в переизданную после революции, в 1922 году, книгу известной фольклористки О. Э. Озаровской «Бабушкины старины»).

Кто-либо, возможно, подумает, что былинные духовные стихи о Егории и Федоре не публиковались из-за их религиозного содержания, но это не так. Например, в упомянутой хрестоматии Н. П. Андреева «Русский фольклор», изданной в 1936 и 1938 годах массовым тиражом, есть раздел «Духовные стихи», в котором представлены «Голубиная книга», «О Христовом вознесении» и др., но нет ни «Егория Храброго», ни «Федора Тырянина», – хотя они, если угодно, менее «религиозны», чем вошедшие в эту хрестоматию.

Произведения, в которых сохранились явные, очевидные отзвуки свершавшейся тысячелетие с лишним назад борьбы с иудейским каганатом, не публиковались, без сомнения, потому, что в них усматривали пресловутый «антисемитизм». И в этом поистине необходимо разобраться, так как вообще многое из того, что сказано в моем сочинении, с привычной легкостью может быть интерпретировано именно как «антисемитизм»,³⁵⁹ «юдофобство» – то есть негативное или даже открыто враждебное отношение к определенному народу, национальности, этносу, который-де и в целом, и в лице каждой составляющей его личности

³⁵⁹ В последнее время нередко обсуждается – шутливо или даже серьезно – вопрос о «неадекватности» этого термина, ибо к «семитам» принадлежат и арабы, и другие народы (особенно древние). Но это, конечно, только «спор о словах», ибо сей термин имеет в виду одних евреев.

способен только наносить вред другим народам.

Антисемитизм в точном смысле сего слова это заведомо ложное умонастроение (и, тем более, порожаемое им поведение), которое, если всерьез вдуматься, по-настоящему вредит как раз его носителям, а вовсе не тем, против которых оно направлено.

Во-первых, враждебное отношение к евреям как таковым несовместимо с Христианством, легшим в основу тысячелетнего духовного бытия России, ибо никуда не денешься, например, от того факта, что первыми христианами были именно и только (за немногими исключениями) евреи, – о чем мы еще будем говорить.

Далее, негативное отношение к евреям «вообще» не несет в себе ни грана истины потому, что отнюдь не только евреи на протяжении мировой истории приносили вред и ущерб другим народам. Если постоянно говорить обо всех грехах, о тяжкой вине перед другими народами, лежащей, допустим, на англичанах, немцах, и – отрицать это бессмысленно – русских, придется, если быть последовательным, поставить эти народы в один ряд с еврейским.

Тут, правда, готово естественное возражение: речь не должна идти о народе в целом и тем более о каждой входящей в него личности; ясно, например, что русский народ не заставлял своих правителей совершать те или иные враждебные другим народам экономические, политические и идеологические акции, а «лучшие» его представители нередко протестовали или даже самоотверженно боролись против таких акций.

Но все это полностью относится и к евреям; так, например, сегодня немало евреев самым решительным образом выступает против агрессивной политики и идеологии международного сионизма. Кстати сказать, русские вообще впервые узнали об основах «сионистской политики» из изданной в 1869 году в Вильне евреем Я. А. Брафманом – между прочим, дедом (по материнской линии) одного из выдающихся русских поэтов XX века Владислава Ходасевича (1886–1939) – «Книги Кагала», за которую сионисты присвоили ему титул «ренегата» и которую многократно пытались опровергнуть.

Повторю еще раз, что понятие (или, вернее, ярлык) «антисемитизм» имеет в виду враждебность к евреям как к этносу и, значит, к любому и каждому представителю данного этноса. Однако к «антисемитам», как правило, причисляют всех, кто говорит о каких-либо «негативных» фактах и явлениях, связанных с деятельностью тех или иных евреев. И это, без сомнения, заведомая ложь и клевета.

Так, скажем, сегодня господствует критическое или даже предельно критическое отношение к Октябрьской революции. И поэтому достаточно только упомянуть о громадной роли, которую играли в этой революции евреи, чтобы тебя зачислили в «антисемиты». Обычно это обвинение сопровождается совершенно ложным заверением, что-де роль евреев в революции вовсе не была столь уж значительной.

Существует, однако, масса свидетельств, принадлежащих заведомо авторитетным наблюдателям, которых, во-первых, никак невозможно причислить к «антисемитам», и которые, во-вторых, говорят о гигантской роли евреев в Российской революции как о всецело *положительном* явлении. Так, например, Герберт Уэллс, посетивший Россию в 1920 году, писал, что во главе революции он увидел молодых людей, отринувших «привычную русскую непрактичность и научившихся *доводить дело до конца*. У них был одинаковый образ мыслей, одни и те же смелые идеи, их вдохновляло видение революции, которая принесет человечеству справедливость и счастье. Эти молодые люди и составляют движущую силу большевизма. Многие из них – евреи», хотя, оговаривает Уэллс, «*некоторые* из самых видных большевиков вовсе не евреи, а светловолосые северяне. У Ленина... татарский тип лица, и он, безусловно, не еврей»³⁶⁰ (калмыцкие «гены» в самом деле заслонили в облике Ленина наследие его еврейских предков).

Уэллс нисколько не погрешил против правды, сказав, что всего лишь «некоторые из самых видных большевиков» были «северянами», под каковыми надо понимать, очевидно, не только русских, но и занимавших важное место в руководстве прибалтов, поляков, финнов и т. п. Что же касается колоссальной роли евреев, то для ее «обнаружения» достаточно

³⁶⁰ Уэллс Герберт. Россия во мгле. 1958, с. 43. (Разрядка моя. – В.К.)

перечислить самых-самых видных большевиков, представлявших наивысший уровень революционной власти: Ленин (по материнской линии Бланк), Троцкий (Бронштейн), Зиновьев (Радомышльский), Каменев (Розенфельд), Свердлов; в один ряд с ними можно поставить только Сталина (Джугашвили) и Бухарина.

Итак, изложены совершенно неоспоримые факты. Но абсолютно ясно, что это изложение будет квалифицировано в определенных кругах как инсинуация «махрового антисемита». И вот с этим нельзя, даже недопустимо соглашаться, ибо в противном случае мы вообще лишаемся возможности понять, да и просто изучать историю России и, более того, мира в целом.

Проблема, о которой идет речь, со всей остротой встает уже при обращении к эпохе возникновения христианства. Глубокое осмысление того, что совершилось тогда в еврейском народе, дано в работе уже не раз упомянутой Н. В. Пигулевской, – работе, созданной в 1923 году, но опубликованной только через полстолетия с лишним (!).

Главными врагами Христа, добившимися в конце концов его казни, были, как известно, фарисеи (слово происходит от арамейского «отделившиеся») – представители социально-религиозного течения, которых было тогда не столь уж много, 6000 человек, – но которые играли решающую роль в Иудее. «Фарисеи, – пишет Н. В. Пигулевская, – являлись партией, связанной с широкими кругами иудейских масс», но все же имелось «резкое расхождение народа и фарисеев в отношении к Иисусу... „Уверовал ли в Него кто из начальников или фарисеев, но только этот народ – невежда в законе – проклят он“, – говорили они»³⁶¹ (фарисеи).

Христос был казнен потому, что фарисеи опасались перехода народа на Его сторону. В Евангелии от Иоанна (12, 42) сказано даже, что «и из начальников многие уверовали в Него но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги». «Фарисеи же говорили между собою: видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним» (Иоанн, 12, 19). То есть речь шла об их боязни потерять власть над народом: «С этого дня положили убить Его» (там же, 53).³⁶²

«Кто составляет ту толпу, – задается вопросом Н. В. Пигулевская – которая теснится вокруг Иисуса, следует за ним в пустыню... и которую... называют „чернью“ и „грешниками“, за общение с которыми так упрекают Иисуса фарисеи» (цит. изд. с. 94). Сущность этих людей выражает значение употребляемого в Библии «термина *am-haares*, простирающегося только на еврейскую массу, еврейское простонародье, в противоположность языческим (то есть всем другим, кроме еврейского. – В.К.) народам, именуемым *goyim* («гой» – В.К.) ... Буквальное значение слов *am-haares* есть «народ земли»...» (с. 98, 99). Та часть евреев, которая не относилась к *am-haages*, «составляла товарищества (*heber*)», то есть если взять слово в единственном числе – уже упоминавшийся *haber*, член товарищества (с. 99), *хабер* (арабское *хабр*) – «товарищ». А об *am-haages* один из *хаберов* равви Елиезер говорит: «Если бы мы не были им нужны для торговых дел, они убили бы нас» (с. 100). В книгах *хаберов* выражено «общее презрение и пренебрежение к *am-haages*... Запрещается быть его попутчиком, не следует доверять ему тайны... „Не молись перед едой с *am-haages*“, что равносильно запрещению совместного вкушения пищи» (с. 103).

Из среды фарисеев и, шире, *хаберов* вышло утверждение: «Ненависть человека *am-haages* (то есть из «народа земли». – В.К.) к ученому больше, чем ненависть язычника к Израилю». Поэтому «равви Иоханан сказал, что человека из *am-haages* позволено порвать как рыбу. Равви Самуил сын Исаака сказал: И со спины его» (с. 107).

Итак, фарисеи и – шире – *хаберы* («товарищи») воспринимали еврейских *am-haages*, «народ земли», чуть ли не как даже более чуждых и более опасных своих врагов, нежели сыны

³⁶¹ Пигулевская Н. В. Ближний Восток. Византия. Славяне. – М., 1976, с. 96, 95, 97.

³⁶² Отмечу, что противостояние Христа и фарисеев в этом же аспекте анализируется в написанной через три десятилетия после статьи Н. В. Пигулевской книге Дугласа Рида «Спор о Сионе (2500 лет еврейского вопроса)»; эта книга была издана через два года после публикации статьи Н. В. Пигулевской, в которой проблема исследуется с гораздо более глубоким знанием предмета.

других народов, «гойи». Именно «народ земли» шел за ненавистным его убийцам-фарисеям Иисусом Христом, который так заклеил фарисеев: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Иоанн, 8, 44).

Поэтому недопустимо отождествлять «хаберов» (которые, в частности, как мы видим, пришли из Хорезма к хазарам и сумели встать во главе Каганата) с евреями как народом, как этносом. Хаберы – это определенный социально-идейный слой еврейского этноса, который ставит своей задачей экономическое, политическое и идеологическое господство и над еврейским, и над всеми другими «народами земли», – что так ярко выразилось в истории Хазарского каганата.

Н. В. Пигулевская раскрыла противостояние иудейских «хаберов»-«товарищей» и «народов земли» (в том числе и единокровного этим хаберам еврейского) на пути тщательного и глубокого исследования исторических источников. Но уместно напомнить, что, в сущности, о том же самом почти за полтора столетия до Н. В. Пигулевской сказал гениальный мыслитель Иммануил Кант (1724–1804), исходивший, конечно, не из фактической истории иудейства (она тогда и не была еще сколько-нибудь серьезно изучена), но из проникновенного понимания самой «идеологии» хаберов.

В одном из главных и наиболее зрелых своих трактатов «Религия в пределах только разума» (1793) Кант, в частности, писал: «...без веры в будущую жизнь немыслима никакая религия... Едва ли можно сомневаться, что евреи так же, как и другие, даже самые грубые народы, не могли не иметь веры в будущую жизнь, а стало быть, должны были иметь свое небо и свой ад, ибо эта вера в силу всеобщих задатков человеческой природы сама собой навязывается каждому. Следовательно, наверняка *преднамеренно* (здесь и далее выделено самим Кантом. – В.К.) было сделано то, что законодатель этого народа... *не хотел иметь* ни малейшего отношения к будущей жизни... он хотел основать только политическую, а не этическую общность... И, хотя вряд ли можно сомневаться также и в том, что евреи... создавали определенную религиозную веру, которую они присоединяли к артикулам своей статутарной (то есть сводящейся к чисто «политическим» установлениям. – В.К.) веры, но все же первая никогда не входила в законодательство иудейства... оно отказало всему роду человеческому в общении, считая себя особым народом – избранником Иеговы, народом, который ненавидел все прочие народы и потому был ненавидим каждым из них».³⁶³

Как видим, Кант четко отграничивает то, что он назвал «законодательством иудейства» от евреев как народа. Впрочем, несмотря на это, нашлись «хаберы», которые обвинили одного из величайших и вместе с тем благороднейших творцов общечеловеческой мысли в «обосновании научного антисемитизма».

Это выразилось, например, в статье «Кант» шестнадцатитомной «Еврейской энциклопедии», изданной в 1908–1913 годах в Петербурге. Правда, поскольку Кант являл собой давно уже канонизированного корифея мировой философии, об его «пороке» говорится более или менее осторожно, – скорее как о «беде», чем как о «вине» (о Достоевском, который тогда еще только обретал высшее всемирное признание, в этой энциклопедии «попросту» сказано, что он-де «один из значительнейших выразителей русского антисемитизма»³⁶⁴): «...предрассудки, среди которых Кант вырос, как и та умственная атмосфера, в которой формулировались его религиозно-философские взгляды, лишили его по отношению к еврейству той объективности и того беспристрастия, которыми этот мыслитель отличался».³⁶⁵ Итак, Кант вообще-то «отличался» объективностью и беспристрастием мысли, но кто-то настроил его против иудейства...

Ложь здесь не только в том, что Кант был более, чем кто-либо независим и свободен от

³⁶³ Кант И. Трактаты и письма. – М., 1980, с. 198, 199.

³⁶⁴ Еврейская энциклопедия... т. 7, стлб. 310.

³⁶⁵ Еврейская энциклопедия... т. 9, стлб. 246.

давления «среды» и любых «авторитетов». В цитированном рассуждении заведомо и даже бессовестно искажена реальная ситуация; «бессовестно» потому, что в конце *этой же самой* энциклопедической статьи о Канте сообщается: «Кант находился в постоянной переписке с целым рядом выдающихся еврейских мыслителей; особенно интересна его переписка с Мендельсоном... Впоследствии, как выше было указано, Кант совершенно иначе относился к еврейству» (стлб. 249), – то есть у Канта как раз не было никаких *изначальных* «предрассудков» в отношении иудейства.

И действительно, Кант (к которому Мозес Мендельсон еще в 1760-х годах обратился письменно, а позднее приехал к нему в Кенигсберг) в течение долгого времени относился к Мендельсону и целой группе его коллег-хаберов предельно доброжелательно. Однако, глубоко изучив их «программу», он стал воспринимать ее все более критически (ср., например, его замечания об изданном в 1783 году трактате Мендельсона «Иерусалим, или О религиозной власти и иудействе»; весьма многозначительна здесь вынесенная уже в само заглавие трактата «религиозная власть»).

Словом, речь должна идти вовсе не о каких-то «предрассудках» и неудовлетворительной «умственной атмосфере», но о проникновенном понимании проблемы, достигнутом Иммануилом Кантом, несмотря даже на отсутствие в его время серьезной разработки истории иудейства. И, в конце концов, как-то даже нелепо, отмечая общепризнанную *объективность* и *беспристрастие* мысли Канта, утверждать, что, обратившись к «еврейскому вопросу», его разум вдруг почему-то оказался «лишенным» этих присущих ему более чем какому-либо мыслителю качеств...

Как уже было отмечено, «Еврейская энциклопедия» не решилась в прямой и грубой форме «заклеймить» Канта в качестве «антисемита» – то есть ненавистника целого народа. И все же по существу это было сделано, ибо в цитируемой статье «Кант» утверждается, что защитники иудейства стремились «отразить нападки со стороны научного антисемитизма 80-х годов, вдохновляемого идеями Шопенгауэра и Гартмана (Эдуард Гартман, 1842–1906; видный немецкий философ – В.К.), в свою очередь исходивших из критериев, выставленных некогда Кантом» (стлб. 249).

Итак, Кант все же представлен как основоположник «научного антисемитизма», хотя, казалось бы, гораздо уместнее было бы постараться вникнуть в суждения, повторяюсь, одного из не только наиболее гениальных, но и наиболее благородных мыслителей человечества и, далее, признать *правоту* – пусть хотя бы даже «относительную» – этих суждений. Но на это нет и намека. «Хаберы», увы, никак не могут этого сделать уже хотя бы потому, что любое покушение на их статус «избранных Иеговы» для них неприемлемо заранее, абсолютно, безоговорочно.

Обвинения в «антисемитизме» – это постоянно применяемый и, к сожалению, в глазах множества доверчивых людей «безотказный» метод идеологической борьбы. Ну, в самом деле, как можно одобрять человека, который заведомо враждебно относится ко всем представителям данной национальности, в конечном счете будто бы даже отрицая сам ее право на существование? А именно *этот смысл* вкладывается в расхожее словечко «антисемитизм».

Еще в 1970-х годах «нелегальный» русский публицист Г. М. Шиманов просто и вместе с тем совершенно точно определил реальное, истинное значение этого словечка (его размышления о сей проблеме были опубликованы тогда в издающемся в Париже «Вестнике Русского христианского движения», в израильском журнале «Сион» и лишь много позднее в России – в «Нашем современнике», № 5 за 1992 год). Он показал, что определенные еврейские круги объявляют «антисемитскими» *любые* суждения и волеизъявления, которые по тем или иным причинам этим кругам «*не нравятся*», «*огорчают*» их...

Необходимо оговорить, что и здесь речь идет отнюдь не о каждом еврее; можно бы, например, сослаться на множество выступлений еврейских авторов, признававших тяжкую вину перед Россией своих соплеменников, возглавлявших большевизм. Более того, Г. М. Шиманов приводит высказывания видного еврейского идеолога (близкого сподвижника одного из самых знаменитых деятелей этого круга – самого Мартина Бубера) – Ш. Х. Бергмана, резко обвинявшего многих представителей германского еврейства, которые в 1910 – начале 1930-х годов по сути дела «спровоцировали» нацистский переворот. Он писал, в частности, об

издававшихся в Германии журналах, «со страниц которых евреи регулярно, словно инъекцию впрыскивают нигилизм и раздражение в кровь немецкого народа». Эта «роль» евреев «неизбежно внушала им ощущение превосходства, высокомерия по отношению к окружающему народу. Между тем ощущение это было совершенно безосновательное – ведь они на самом деле и существовали-то благодаря физической и духовной деятельности других народов» (см. указ. изд., с. 170, 171).

Но, увы, гораздо громче звучат голоса тех, кто навешивают ярлык «антисемитизма» на любого человека, который высказал нечто их «огорчившее». Так, например, в 1991 году были одновременно обвинены публично в «антисемитизме» два президента – господин Буш и товарищ Ельцин; первый за то, что сопротивлялся щедрому (10 млрд. долларов) финансированию США строительства еврейских поселений на оккупированных Израилем арабских землях, второй – за недостаточно резкую критику пресловутой – чисто мифической – «Памяти» во время его выступления в телемосте «Москва-Вашингтон».

В основе «мировосприятия», которое определяет такой подход к делу, лежит своего рода неукоснительное требование «хаберов» признать их исключительной, «богоизбранной» частью человечества; любые интересы и стремления остальных людей не имеют с этой точки зрения ровно никакого значения, и, если договаривать все до конца, – «остальные» люди как бы и вообще не являются людьми. И это с полной ясностью выражалось, в частности, в «теории и практике» иудаистского Хазарского каганата.

Так, в письме каганбека Иосифа (середина X века) о входящих в состав Хазарского каганата народах не единожды сказано следующее: «Они многочисленны, как песок, который на берегу моря» (с. 102). Это «сравнение» отнюдь не случайно: все не принадлежащие к хаберам всегда имели и имеют в их глазах не более существенное значение, чем песок или даже пыль – хотя бы речь шла даже и о еврейском населении.

Поразительны, например, слова президента Всемирной сионистской организации (впоследствии – первого президента Государства Израиль) Хаима Вейцмана, произнесенные им на XX сионистском конгрессе, состоявшемся в 1937 году, когда стала очевидной вероятность грядущего уничтожения евреев гитлеровцами. Вейцман объявил, что ставит задачу спасти только «нужных» сионизму людей, сказав про остальных так: «Они – пыль, экономическая и моральная пыль в жестоком мире... Только молодая ветвь выживет... Они должны с этим согласиться»³⁶⁶

Эти слова приведены в книге «Жертвы Холокоста обвиняют. Документы и свидетельства о еврейских военных преступниках», составленной евреем (но не «хабером»!) М. Шонфельдом, который пишет о Вейцмане, Бен-Гурионе и подобных деятелях, что с их точки зрения «еврейская кровь – хорошая смазка для колес еврейского национального государства» (там же).

Разумеется, тот или иной народ в тех или иных условиях бывает вынужденным принести тяжкие человеческие жертвы. Но здесь речь идет не об этом, а о *заранее* принятом решении считать большинство еврейского населения Европы «экономической и моральной пылью».

Заявление Вейцмана отнюдь не было только «теоретической» постановкой вопроса: оно стало, в сущности, обязательной инструкцией для его единомышленников. Об этом со всей ясностью свидетельствуют, например, опубликованные в 1974 году в Праге высказывания из дневника за 1942–1943 годы, который вел начальник Управления по делам молодежи Еврейского совета старейшин в созданном нацистами гетто в чешском городе Терезине – Эгон (Гонда) Редлих. Он, помимо прочего, участвовал в решении вопроса о том, каких из попавших в Терезин евреев следует передать в руки нацистов для отправки в лагерь уничтожения...

15 марта 1942 года Редлих сетует: «Исключение хаверим (т. е. хаберов-товарищей. – В.К.) из списков (на отправку в нацистский лагерь. – В.К.) – трудное и ответственное дело». 25 апреля 1942 года: «Одна хаверим написала, что мы недостаточно стараемся для наших хаверим».³⁶⁷ 27 декабря 1942 года: «Ассимилированных чешских иудео-христиан включали в

³⁶⁶ Shonfeld M. The Holocaust Victims Accuse. Documents and Testimony on Jewish War Criminals. – N-Y., 1977, p. 25.

³⁶⁷ Богатка Иржи. В подручных у нацистских душегубов (когда заговорил дневник сиониста). – В кн.: Сионизм

списки на отправку вместе со всеми их родственниками, в том числе с детьми, поскольку те тоже принадлежали к отмершей, ассимилированной ветви („отмершая ветвь“, по определению Вейцмана, – это „пыль“. – В.К.). Два христианских (то есть из крещеных евреев. – В.К.) ребенка катались на санках. Одна еврейка сказала, когда увидела этих детей на санках: «Им живется лучше, чем нашим детям». Она права, и я принимаю ее упрек».

Но все же: «Вопрос терпимости велик и жгуч. Имеем ли мы право отвергать кого-нибудь только и только по политическим и религиозным мотивам? Разве иудео-христианин не способен быть, например, поваром или чиновником (то есть приносить определенную пользу хаберам – В.К.)? Разве он виноват в том, что покинул еврейство (потому что его крестили когда-то, когда он был младенцем)?» (с. 79).

Но Редлих умел подавить эти свои колебания; в мае 1943 года он записал: «Руководство наше опасается, как бы его не заподозрили в нетерпимости (имеется в виду нетерпимость к тем, кто не принадлежит к «хаверим». – В.К.). Но руководству нужна сила, а не страх. И страх быть заподозренным в нетерпимости – это только страх, только слабость» (с. 7). И в конечном счете «хаверим» всегда «отправляли вместо себя представителей отмерших ветвей» (с. 73), к которым причислялись, разумеется, не только евреи, принявшие христианство (этих отправляли в самую первую очередь), но и все не принадлежащие к «хаверим».

Таким образом, «программа», сформулированная в 1937 году Вейцманом, неукоснительно выполнялась в чешском Терезине, – как, конечно, и во всех других местах, – хотя дело шло о *еврейском* населении Европы.

Но если даже не принадлежащие к сонму хаберов евреи квалифицируются как «пыль», что уж там говорить о других народах... Приведенные документы и свидетельства из новейшей истории должны помочь яснее понять отделенную от нас тысячелетием историческую реальность Хазарского каганата.

* * *

Одно из существеннейших выражений политики Каганата по отношению к Руси – походы русского войска на Византию, которые совершались, как это становится все более несомненно, под диктатом хазарских властителей. Вся история Руси подтверждает, что ее агрессивные нападения на Византию явно шли вразрез со всеми ее коренными интересами – от экономических до духовных. Об этом убедительно свидетельствует позднейший (после разгрома Каганата Святославом в 960-х годах) характер отношений Византии и Руси.

Наиболее значительный современный исследователь этих отношений, Г. Г. Литаврин говорит о ситуации, сложившейся к концу X века:

«Ни с каким другим независимым государством Европы Византия не была тогда столь связана, как с Русью. Обе правящие династии были связаны тесными родственными узами. С согласия Владимира русский шеститысячный корпус остался на императорской службе и стал постоянной боевой единицей византийского войска. В Византии сложились два центра, к которым тяготели... русские... Одним из них стал русский монастырь на Афоне, основанный, по-видимому, на рубеже X–XI в... Гораздо большую роль играл русский центр в столице империи. Здесь создалось своеобразное землячество, объединявшее не только купцов и дипломатов, но и военных, служивших в византийском войске, паломников, путешественников, духовных лиц. Русская колония в столице империи была, по всей вероятности, многочисленной и составляла, с точки зрения византийских государственных деятелей, определенную политическую и военную силу». Русских «приблизил к своей особе родной брат русской княгини Анны (супруги Владимира Святославича – В.К.) Константин VIII. С ними он решал важнейшие вопросы, возводил их в высокие достоинства и щедро награждал». С другой стороны, и «на Руси, прежде всего в Киеве, в свою очередь, появилось греческое население: штат греческого митрополита, возглавившего русскую православную церковь, византийские

архитекторы, живописцы, мозаичисты, стеклоделы, певчие». ³⁶⁸

Эти дружественные взаимоотношения, полностью определившиеся в 980-х годах, сохранялись в продолжение почти полутора тысячелетия (!) – до захвата Константинополя турками в 1453 году; впрочем, теснейшая связь русской Церкви с Константинопольской патриархией сохранилась и после этого, – не говоря уже о много значившем браке Ивана III (1472 год) с племянницей последнего византийского императора Константина XI Софией Палеолог.

Кто-либо может возразить, что все это было целиком обусловлено официальным принятием Русью христианства «из рук» Византии в 988 году. Но, как уже показано выше, сам этот акт имел более чем вековую – с 860-х годов – предысторию. Кроме того, столь же длительны опыты военных, экономических, политических связей, с полной ясностью воплотившиеся в дошедших до нас русско-византийских договорах. Совершенно очевидна самая настоятельная устремленность к теснейшему союзу с Империей уже в деятельности княгини Ольги – начиная с 946 года (к чему мы еще вернемся).

И, наконец, никак нельзя не учитывать того непреложного факта, что в былинном эпосе (да и в русском народном сознании вообще) Царьград-Константинополь предстает именно и только как нераздельно связанное содружеством и даже родством с Русью место на земле...

К великому сожалению, во множестве работ историков преобладала тенденция всячески «ухудшать» и «обострять» взаимоотношения Руси и Византии (о причинах этого уже шла речь). Вместе с тем в самое последнее время, слава Богу, появились исследования, выяснившие действительный ход и смысл тех событий X–XII веков, которые необоснованно истолковывались до сих пор как столкновения Киева и Константинополя.

Речь идет о походе Святослава в 968 году, об осаде и взятии Владимиром Святославичем византийского Херсонеса (Корсуня) в период официального принятия Русью христианства, о походе сына Ярослава Мудрого Владимира в Константинополь в 1043 году и, наконец, о вторжении в Византию в 1116 году войск, посланных Владимиром Мономахом. Подробно об этих событиях мы еще будем говорить; здесь же достаточно сообщить, что, как выяснено в новейших работах, все эти походы были направлены не против Византии как таковой, а против вполне определенных конкретных сил в Империи, боровшихся с той византийской властью, которую на Руси считали *законной*. Дело в том, что в истории Византии было множество *внутренних* конфликтов, жестоких войн за власть между теми или иными «претендентами». И когда (начиная с времен святой Ольги) Русь вошла в теснейший союз с Империей, она не раз достаточно весомо выступала с поддержкой какой-либо из борющихся за власть сторон, – о чем в последние годы со всей основательностью сказали Г. Г. Литаврин, А. Поппэ и другие исследователи русско-византийских отношений.

Но до начала правления святой Ольги русское войско действительно совершило агрессивные походы на Византию. О первом из них, состоявшемся в 860 году, при Аскольде, уже более или менее подробно говорилось. Сам по себе факт немедленно, в том же 860 году отправленного императором Михаилом III и патриархом Фотием посольства Кирилла и Мефодия к хазарскому кагану ясно говорит о том, *кто* был инициатором и организатором похода Руси. После поражения Аскольда был установлен мир с Византией, и в 866–867 годах определенная часть русских (и, возможно, сам Аскольд) крестилась. Но затем Хазарский каганат, очевидно, снова установил свое господство над южной и срединной Русью и превратил Аскольда в своего вассала, так как пришедший позднее с Севера (согласно летописи – в 882 году) Олег свергает Аскольда, заново освобождает часть русских племен от хазарской дани и непосредственно воюет с хазарами (по свидетельству Архангелогородского летописца).

Однако позднее, на рубеже 930–940-х годов, Русь снова потерпела поражение от Каганата (о чем еще будет сказано подробно). Один из наиболее выдающихся арабских географов и историков X века Масуди, который был близко знаком с ситуацией в Хазарском каганате, писал в 943 году: «Русы... служат в войске царя (хазарского. – В.К.) и являются его слугами». ³⁶⁹ Это

³⁶⁸ История Византии. Т. 2. – М., 1967, с. 347–348.

³⁶⁹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М., 1963, с. 193.

сообщение иногда истолковывают в том смысле, что речь идет только о «русах», находившихся тогда в столице Каганата, Итиле. Но виднейший исследователь арабских источников А. П. Ковалевский основательно писал, что в сообщении Масуди «имеется в виду вся область, на которую распространяется власть хазарского кагана. А в первой половине X в. власть эта простиралась до бассейнов рек Днепра (и, в частности, самого Киева. – В.К.) и Оки... аль-Масуди... имел в виду вообще восточных славян. Это подтверждается дальнейшим рассказом».³⁷⁰

Между прочим, как бы объясняя необходимость «использования» хазарами военной силы русов, Масуди сообщает: «Хазарский царь не имел морских судов, и его люди не умели обращаться с ними» (там же, с.200). Из подвластных Каганату народов только русские имели настоящий флот, который был способен осаждать Константинополь, а также мусульманские государства на побережье Каспийского моря, с которыми Каганат воевал начиная с 901 года и не раз терпел поражения.

Не менее важно было и то обстоятельство, что, заставляя Русь нападать на Византию и государства прикаспийских мусульман, хозяева Каганата сами далеко не всегда вступали в *открытый* конфликт с этими государствами. Это ясно видно из рассказа Масуди о походе русов на Каспий в 910-х годах.

Он сообщает, что войско Руси на пятистах судах прибыло по Черному морю к Керченскому проливу, дабы через Азовское море войти в Дон, а затем переволочь суда на Волгу и попасть, наконец, в Каспийское море. У Керченского пролива, писал Масуди, «находятся хорошо снаряженные люди хазарского царя. Их задача – оказывать сопротивление каждому, кто идет с этого (Черного. – В.К.) моря».³⁷¹ Однако в данном случае царь почему-то «разрешил им совершить это беззаконие» (не забудем, что Масуди – мусульманин и его возмущает этот поход), и воины Руси «добрались до Хазарской реки (Волги), по которой они спустились до города Атиль и, пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское (Каспийское. – В.К.) море... Суда русов разбрелись по морю и совершили нападения на Гилян, Дейлем, Табаристан, Абаскун» (с. 199; имеются в виду мусульманские государства).

Масуди, основываясь, без сомнения, на «официальной» хазарской версии, излагает дело таким образом, что правитель Каганата будто бы *вынужден* был «уступить» требованию русов и позволил им миновать не только прочную заставу у Керченского пролива, но даже свою мощнейшую в военном отношении столицу Итиль (Атиль).

Когда же затем «ларисийцы (наемная хазарская гвардия из хорезмийцев. – В.К.) и другие мусульмане царства (Хазарского. – В.К.) узнали о том, что натворили русы... сказали царю: «Предоставь нам расправиться с этими людьми, которые напали на наших мусульманских братьев, пролили их кровь и полонили женщин и детей». Царь не мог им помешать, но послал предупредить русов, что мусульмане решили воевать с ними. Мусульмане собрали войско и спустились (из Итиля – В.К.) вниз по реке... Битва между ними длилась три дня, и Аллах даровал победу мусульманам. Русы были преданы мечу, убиты и утоплены...».³⁷²

Из этого рассказа недвусмысленно явствует, что правители Каганата, мобилизовав все свои силы, имели полную возможность не пропустить войско Руси в Каспийское море, – раз уж одна только мусульманская часть населения Каганата сумела потом уничтожить это войско. Поскольку хазарские правители были кровно заинтересованы в ослаблении прикаспийских мусульманских государств, с которыми они недавно безуспешно воевали и которые вредили им на одном из важнейших торговых путей через Каспий, есть все основания прийти к выводу, что Каганат на деле не просто «разрешил» русскому войску пройти на Каспий мимо своей столицы, но сам призвал Русь это сделать.

³⁷⁰ Ковалевский А. П. Славяне и их соседи в первой половине X в., по данным аль-Масуди. – В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. – М., 1973, с. 67.

³⁷¹ Минорский В. Ф. Цит. изд., с. 198.

³⁷² Там же, с. 200.

Как известно, Русь через три десятилетия, в 943 году, совершила еще один поход в Закавказье, на города расположенных там мусульманских государств, – прежде всего город Бердаа (ныне Барда в Азербайджане). Автор ряда содержательных работ о русско-византийских и русско-хазарских отношениях в X веке, Н. Я. Половой, убедительно доказал, что этот поход Руси был совершен под диктатом Хазарского каганата.

«Несомненно, – пишет он, – что разгром Бердаа... был прежде всего выгоден хазарам», которые, «не пролив ни одной капли крови, наносили такие страшные удары мусульманам Каспия, от которых те долго не могли оправиться. Таким образом, анализ русско-арабско-хазарских отношений на Каспии показывает, что русские, очередной задачей которых являлось *уничтожение* Хазарского каганата как государства, сами *укрепляли* его, нанося тяжкие удары злейшим врагам Хазарии». Полемизируя с некоторыми предшествующими работами, Н. Я. Половой, опираясь на достоверные источники, отмечает, в частности, что «хазары не только не препятствовали походу (Руси. – *В.К.*) на Бердаа, но даже участвовали в нем». Исследователь приводит многозначительные слова Масуди о том, что «царь хазарский не имеет судов и его люди непривычны к ним; в противном случае мусульмане были бы в великой опасности с его стороны». На суше путь в Закавказье преграждала неприступная крепость Дербента, но русские, как сообщается в одном из источников, не сумев «пробиться через Дербент, отправились в море на судах и совершили нападение». ³⁷³

Итак, арабские сведения о походах Руси в мусульманское Закавказье, к границам Ирана дают возможность с должной ясностью понять, что коварным инициатором этих походов был Хазарский каганат. Но то же самое, без сомнения, следует сказать и о походах Руси на христианскую Византию.

Как уже было упомянуто, около 825 года Хазарский каганат, где за четверть или треть века до того утвердилось господство иудаизма, сумел захватить Киев и обложить данью полян и другие племена южной и срединной Руси. Дань взималась, в частности, деньгами, поименованными в двух местах «Повести временных лет» различно: «имаху (взимали) по *беле*» и «дали по *щелягу*». Но и в том и в другом случаях имеется в виду серебряная («белого» цвета) монета, только названа она сначала по-русски, а затем по-еврейски (шеллаг – белый); это лишний раз свидетельствует о том, *кто* именно взимал дань. ³⁷⁴

В середине IX века призванный из северной Руси Аскольд овладел Киевом, но вскоре, очевидно, потерпел поражение от прекрасно вооруженных и обученных полчищ Каганата и стал в сущности не самостоятельным киевским правителем, а (как сказано в молитве патриарха Филофея) «воеводой кагана».

Если каких-нибудь полвека назад князь Кий побывал в Константинополе во главе миролюбивого посольства (у нас нет основания усомниться в достоверности этого сообщения «Повести временных лет»), то Аскольд вынужден был совершить неожиданное агрессивное нападение на византийскую столицу, хотя Империя ничем не «провоцировала» Русь. Виднейший современный историк-византолог Г. Г. Литаврин писал, что «трудности контактов между русскими и византийцами, вызываемые удаленностью их государственных границ, в известной мере компенсировались редко учитываемой (это важно осознать! – *В.К.*) спецификой политических отношений этих стран. Интерес к византийской культуре в древнерусском обществе никогда не осложнялся угрозой непосредственной агрессии со стороны Византии... атрибуты византийской цивилизации никогда не приобретали на Руси значения символа иноземного угнетения...». ³⁷⁵

³⁷³ Половой Н. Я. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. – В кн.: Византийский временник. Том XX. – М., 1961, с. 100, 98, 99, 95, 97. (Разрядка моя – *В.К.*)

³⁷⁴ См.: Новосельцев А. П. Древнерусско-хазарские отношения и формирование территории Древнерусского государства. – В кн.: Феодализм в России. – М., 1987, с. 195.

³⁷⁵ Литаврин Г. Г. Культурные связи Древней Руси и Византии X–XII вв. (опыт исторической характеристики). – В кн.: Проблемы истории культуры. М., 1976, с. 255. (Разрядка моя. – *В.К.*)

Этот – вообще-то совершенно бесспорный – факт тем не менее действительно крайне редко «учитывается». Поскольку Русь при Аскольде и позже совершала грозные походы на Византию, многие историки – сознательно либо даже бессознательно – стремились как-то «оправдать» своих далеких предков и прямо говорили или хотя бы намекали на некую будто бы имевшую место тяжкую угрозу Руси со стороны Византии. Этот мотив так или иначе присутствует в огромной массе сочинений о древнерусской истории. На деле же никакой реальной «византийской опасности» не существовало и более того – в сознании людей тогдашней Руси не могла возникнуть мысль о подобной опасности.

Об этом, например, ясно свидетельствует мир былинного эпоса, где Царьград предстает всегда как своего рода старший брат Киева, его надежда и опора, а нередко и как город, который богатыри считают честью защитить от врагов.

Весьма эрудированный историк И. У. Будовниц справедливо подчеркивал, что «ни в одном русском источнике... нет и намек на то, будто империя (Византийская. – В.К.) посягала на политическую самостоятельность Руси».³⁷⁶

Попытки историков «опорочить» Византию объясняются, правда, не только их стремлением как-то оправдать агрессивные походы русских князей, но и другой причиной. Хорошо известно, что в Западной Европе с давних пор господствовало враждебное отношение к Византии и безоговорочно негативная оценка ее истории; здесь, кстати, также имела место попытка «оправдания» крайне жестоких атак на Византию, совершенных западно-европейскими крестоносцами.

Но гораздо важнее другое. Западноевропейские идеологи издавна привыкли осознавать Запад как своего рода единственный во всем мире *субъект* истории, которую-де творят только его народы, а остальные страны выступают лишь как *объекты* приложения западноевропейской воли и силы. Все это прекрасно раскрыто уже в историософских сочинениях Тютчева. Сей «европоцентризм» определяет, в частности, западные представления об истории и культуре Византии. Резко критическое отношение к Византии рано стало господствующим на Западе и во многом объясняется тем, что в ней видели реального «конкурента» западноевропейского мира (позднее *точно так же и по той же причине* – Запад стал относиться к России).

И, как ни печально (и даже в сущности постыдно!), начиная с XVIII века, когда Россия многое «заимствовала» у Запада, большинство русских идеологов «подчинилось» лишенному всякой объективности западноевропейскому отношению к Византии; в частности, российские историки стали «доказывать», что Византия якобы проявляла различные агрессивные намерения в отношении Руси, хотя это отнюдь не соответствовало действительности, ибо как раз напротив, Русь совершила в 860–940-х годах ничем не «спровоцированные» атаки на Константинополь. Большинство историков, увы, одобряло или даже воспеvalo эти атаки. При этом господствовало мнение, что русская летопись якобы также их восхваляла. А. В. Карташев, понимавший «неоправданность нападений Руси на Византию, писал вместе с тем, что эти походы «раздуваются в казенной летописи как бы в нечто героическое, но получается отталкивающая картина диких разрушений и грабительских погромов».³⁷⁷

Как ни странно, А. В. Карташев не сумел увидеть, что и в летописи, по существу, нет героизации этих походов. Так, о событии 860 года летописец говорит: «много убийство крестьяном створиша» и едва ли не радуется, что в результате погружения в море «скути» (полы) ризы Богородицы «буря воста с ветром, и... безбожных Руси корабля смяте, и к берегу приверже, и изби я». Или о походе Олега: «много зла творяху русь греком». И опять-таки почти одобрительно повествует летопись о том, как корабли Руси были сожжены «греческим огнем»: «И бысть видети страшно чюдо. Русь же видяще пламень, вметахуся в воду морьскую, хотяще убрести».

Словом, в «воспевании» атак на Константинополь повинны позднейшие

³⁷⁶ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. – М., 1960, с. 62.

³⁷⁷ Карташев А. В. Очерки по истории русской Церкви. – Париж 1959, с. 93.

«антивизантийски» настроенные историки, а не древние летописцы. И А. В. Карташев выступил, в сущности, против интерпретации летописных сообщений в позднейшей историографии.

Но наиболее важен, конечно, тот факт, что нападения на Византию явно шли вразрез с историческим настоящим и будущим Руси. И походы в период 860–940-х годов были совершены, очевидно, под диктатом Хазарского каганата, движимого непримиримой враждой к христианской империи.

Нельзя не сказать еще о том, что многие историки пытались и пытаются истолковать походы Руси на Византию при Аскольде и позже как своего рода «дипломатические» акции: задача этих походов заключалась будто бы в том, чтобы добиться установления весьма ценных и даже необходимых для Руси дипломатических отношений с Константинополем. Достижение этой цели и выражалось, мол, в заключении всем известных русско-византийских *договоров*.

Однако по меньшей мере странно усматривать стремление к такой цели в тех крайне жестоких, даже зверских действиях войска Руси в Византии, о которых подробно говорилось выше; убийства женщин и детей и даже животных, распятие священников и сожжение храмов и т. п. Во всем этом явно выражалась «инициатива» Хазарского каганата, и поистине абсурдно полагать, что подобные акции вдохновлялись задачей достижения «договорных» отношений с Византией...

Едва ли можно сомневаться в том, что договоры с Аскольдом, Олегом и Игорем заключались по воле Византийской империи, за плечами которой был шести-семивековой опыт фундаментальной внешней политики в огромном регионе; отбив атаки Руси, именно Византия в целях предотвращения новых нападений стремилась установить с Русью отношения, так или иначе выгодные последней, и, более того, вступить с ней в военный союз, направленный против побудившего Русь к агрессии Хазарского каганата.

Это вполне убедительно показал недавно А. Н. Сахаров, анализируя русско-византийский договор 944 года. Речь идет о том месте договора, где определяется политика Руси в «Корсунской стране» – то есть в Крыму и Северном Причерноморье. «Князю русскому» предлагается следующее: «...да воюеть на тех странах, и та страна не покаряется вам, и тогда, аще просит вои (воинов) у нас князь Руский да воюеть, да дам ему, елико ему будет тебе» (сколько ему будет нужно).

Историк говорит об этом: «...страна, против которой собираются вести войну русы, не названа... Но думается, что и Игорь, и Роман I Лакапин (тогдашний император. – В.К.), и русские и византийские дипломаты отлично знали, о ком идет речь... Все говорит за то, что именно Хазарский каганат имеет в виду русско-византийский договор 944 года в качестве той «страны», против которой Константинополь готов помочь Руси войском... военный союз против Хазарии и ее друзей – таково содержание этих статей договора 944 года».³⁷⁸

Но, как еще будет показано, и предшествующие походы Киева на Константинополь в конечном счете «оборачивались» заключением союза Руси с Византией, – союза, который закономерно был направлен против непримиримого врага христианской Империи. Однако Хазарский каганат мощным военным давлением³⁷⁹ заставлял Русь нарушать подписанные договоры. Так, император Иоанн Цимисхий говорил Святославу: «Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Игоря, который презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском...»

И в высшей степени показательно и закономерно, что *после разгрома Хазарского каганата* Святославом в 960-х годах русские уже никогда не совершали прямой агрессии против Византийской империи. Тут, как уже отмечено, у многих возникнут недоумения и возражения, ибо известно, что и Святослав вскоре после разгрома Каганата воевал в Византии, и его сын Владимир осадил и захватил принадлежавший Империи Херсонес в Крыму, и Ярослав Мудрый отправил в 1043 году своего старшего сына Владимира на Константинополь,

³⁷⁸ Сахаров А. Н. «Мы от рода русского...» Рождение русской дипломатии. – Л., 1986, с. 214–217.

³⁷⁹ Диакон Лев. История. – М., 1988, с. 57.

и, наконец, Владимир Мономах (кстати, внук византийского императора!) в 1116 году послал к границам Империи войско во главе с сыном – правда, уже не старшим, а одним из младших – Вячеславом (по-видимому, этому походу не придавали первостепенного значения).

Однако, как уже сказано, к настоящему времени вполне достоверно установлено, что все эти русские походы были направлены не против Византийской империи как таковой; они предпринимались в периоды, когда имел место конфликт, раскол *внутри самой Империи* с целью поддержать ту или иную сипу, того или иного претендента на власть, которого на Руси рассматривали как законного. И русское войско призывалось *изнутри* Византийской империи. Ложное толкование этих походов как агрессивных атак Руси против Империи сложилось в XVIII–XIX веках, ибо (о чем не раз упоминалось выше) для послепетровской эпохи характерно негативное восприятие Византии и, соответственно, всяческое преувеличение и заострение ее конфликтов с Русью. Но к этому мы еще вернемся; теперь же надо осветить одну из сторон проблемы изучения противоборства Руси и Хазарского каганата.

* * *

Дело в том, что в некоторых современных сочинениях, затрагивающих эту проблему, она истолковывается заведомо тенденциозно: такова, например, уже упомянутая выше книга В. Я. Петрухина «Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков», изданная в 1995 году массовым по нынешним меркам тиражом 15 тысяч экземпляров. В книге содержится немало верных и к тому же нестандартных суждений о древней истории Руси, однако авторская трактовка «хазарской проблемы» именно *заведомо* тенденциозна, ибо многие исторические факты, о которых сообщается в самой книге В. Я. Петрухина, явно опровергают его же собственные *общие* положения.

Отметив наличие в историографии «полярных оценок» роли хазар в русской истории, В. Я. Петрухин утверждает, что «советская историография периода борьбы с космополитизмом (то есть периода конца 1940 – начала 1950-х годов. – В.К.) усугубила эту ситуацию... особенно в работах Б. А. Рыбакова... Хазарскому каганату... была отведена функция мелкого паразитического ханства, сдерживающего рост прогрессивного Древнерусского государства. Исконная Русь – богатырский народ... превозмог эти напасти, разгромив хазар (эта фраза проникнута очевидной – хотя и не очень понятной, поскольку богатырский эпос ведь и в самом деле был создан, – иронией. – В.К.). В возросшей на основе этой традиции литературе... Хазария приобретает черты... носителя «ига», более страшного, чем татарское (ср. недавнюю дискуссию в журнале «Вопросы литературы»)». Ситуация начинает меняться ныне, с возвратом к традиционным для истории и углубленным методам источниковедения (см. из последних работ книгу А. П. Новосельцева, 1990 и др.)» (с. 83–84).

В какую же сторону, по мнению В. Я. Петрухина, меняется теперь «ситуация» в историографии? А вот в какую: «Можно считать providческим, – возглашает В. Я. Петрухин, – взгляд В. О. Ключевского на „хазарское иго“, как на отношения, способствовавшие развитию экономики славян... ныне исследователи в целом согласны с В. О. Ключевским, что „хазарское иго“ способствовало расцвету славянской культуры в Среднем Поднепровье, так как славяне были избавлены от набегов степняков» (с. 86, 87–88).

Если согласиться с последним «тезисом» В. Я. Петрухина, придется считать, что после разгрома Каганата, при Владимире Святом и Ярославе Мудром, культура Среднего Поднепровья, то есть прежде всего Киева, была уже менее способна к «расцвету»...

Впрочем, пойдем по порядку, ибо буквально все приведенные положения В. Я. Петрухина искажают реальное положение вещей.

В «период борьбы с космополитизмом» Б. А. Рыбаков действительно определял Хазарский каганат как «небольшое паразитарное государство», жившее только «за счет транзитной торговли». Но он вовсе не утверждал, что для его разгрома нужен был «богатырский народ» (хотя и считал народ Руси именно таковым); Б. А. Рыбаков даже обвинял автора «Повести временных лет» Нестора в своего рода фальсификации: «Нестор, создавая литературный образ Вещего Олега... должен был создать для него и подвиги, достойные той роли, которую придумал для него. Олег под пером Нестора... освобождает славянские племена

от хазарской зависимости». И необходимо «очень осторожно отнестись к рассказу русской летописи начала XII в. об уплате дани хазарам». Б. А. Рыбаков пытался доказать, что-де «Хазария в IX-X вв. была в силах лишь укреплять свою северо-западную границу по Дону и не помышляла (даже! – В.К.) о выходе в степи севернее Саркела»,³⁸⁰ – то есть хазарской крепости, расположенной почти в 1000 км (!) от Киева...

Поэтому по меньшей мере странно только что приведенное высказывание В. Я. Петрухина, согласно которому представление о Каганате как о «носителе „ига“, более страшного, чем татарское», будто бы возросло на основе «традиции», заложенной «в период борьбы с космополитизмом», – «традиции», выразившейся «особенно в работах Б. А. Рыбакова». Дело обстоит как раз прямо противоположным образом. Ибо именно в позднейший «период», через десять лет после появления процитированных работ Б. А. Рыбакова, в 1962 году, был издан объемистый трактат видного историка и археолога М. И. Артамонова «История хазар» (имя его, кстати сказать, неоднократно упоминается – и во вполне «позитивном» плане – в книге В. Я. Петрухина), в котором решительно пересматривался взгляд Б. А. Рыбакова.

М. И. Артамонов писал, в частности: «Б. А. Рыбаков, больше всего озабоченный тем, чтобы представить Хазарию незначительным ханством... особенно возмущен теми размерами хазарских владений, которые очерчены в письме царя (хазарского. – В.К.) Иосифа... Однако вышеизложенные данные из истории хазар со всей убедительностью свидетельствуют, что Хазарский каганат был действительно огромной империей, обнимавшей почти всю южную половину Восточной Европы».³⁸¹

Вместе с тем, писал далее М. И. Артамонов, «принятие иудейской религии было... роковым шагом. С этого времени... наступила эпоха посреднической торговли и паразитического обогащения правящей верхушки. Новое правительство справедливо не верило своему народу и держалось на копьях мусульманской гвардии. Талмудическая образованность не затрагивала массы, оставаясь привилегией немногих. С этого времени роль Хазарского каганата стала резко отрицательной... Самым могучим врагом иудейской Хазарии, – заключает М. И. Артамонов, – стала Киевская Русь, на пути экономического и политического развития которой она оказалась. Последствием столкновения было полное и окончательное уничтожение Хазарии... Впрочем, так же относились к воинствующему хазарскому иудаизму и другие связанные с хазарами народы... Необходимость бороться с эксплуататорами из Итиля стимулировала объединение... вокруг золотого стола Киевского, а это объединение, в свою очередь, создало возможность и перспективу для бурного роста не только русской государственности, но и древнерусской культуры» (с. 457–458), – в том числе богатырского эпоса; М. И. Артамонов отмечает: «В русском эпосе память о хазарах сохранилась в былинах о Козарине и Жидовине, необыкновенном великане, с которым сражаются Добрыня и Илья Муромец» (с. 446).

Итак, если для В. Я. Петрухина неприемлема определенная «традиция» в понимании Хазарского каганата, он должен был бы видеть ее истоки не в кратких статьях Б. А. Рыбакова, написанных «в период борьбы с космополитизмом», но в обширнейшем (около 40 авт. листов!) трактате М. И. Артамонова, изданном в период так называемой «оттепели» (трактат был подписан в печать в 1961 году).

Не исключено, впрочем, что В. Я. Петрухин «отвергает» и трактат М. И. Артамонова (хотя и упоминает не раз имя этого ученого – в отличие от имени Б. А. Рыбакова – без каких-либо нападок); в частности, для В. Я. Петрухина явно неприемлемо то определение Каганата как «паразитического» государства, которое дано М. И. Артамоновым (как и ранее Б. А. Рыбаковым). Но тут уж ничего не поделаешь. С. А. Плетнева, о работах которой вполне

³⁸⁰ Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. – «Советская археология», XVIII, 1953, с. 130, 131; Он же. Русь и Хазария. – В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. – М., 1952 с. 86, 88.

³⁸¹ Артамонов. История хазар, с. 386.

«положительно» упоминает В. Я. Петрухин, в своей изданной в 1986 году книге «Хазары» утверждает, что Каганат являл собой «типичное паразитирующее государство». В нем «большую роль играла... спекулятивная перепродажа... судя по археологическим данным, изменился даже характер ремесла... изготавливались вещи, предназначенные для массовой продажи, сделанные небрежно; наспех».³⁸²

Чтобы убедиться в «паразитирующем» характере Каганата, достаточно, скажем, ознакомиться с тщательным исследованием (возможно, неизвестном В. Я. Петрухину) виднейшего знатока восточной нумизматики А. А. Быкова «Из истории денежного обращения в Хазарии в VIII–IX вв.».³⁸³ В этом исследовании доказано, что в Каганате изготавливались арабские монеты – диргеми, которые, притом, чеканились весьма небрежно; точности в исполнении, как пишет А. А. Быков, «не придавали значения, лишь бы на первый взгляд северо-западных (то есть прежде всего русских. – В.К.) и северных (булгар и других волжских народов. – В.К.) соседей хазар монета походила на привычные им арабские дирхемы, что служило для них первой гарантией качества». Вместе с тем, «на монетах был знак... который напоминал *понимающим* (то есть правящему в Каганате слою. – В.К.) о происхождении монет» (с. 67).

А. А. Быков показывает, что эти «монеты чеканились в Итиле, резиденции кагана и административном центре Каганата» (с. 68), и, значит, в этом государстве существовали, так сказать, фальшивомонетчики на высшем государственном уровне, хотя их продукция предназначалась не для выброса на «мировой рынок», а для использования среди населения, не обладающего знаниями, дающими возможность отличить подлинный диргем от поддельного (в частности, знанием арабского языка).

Еврейский путешественник второй половины IX века Эльдад га-Данид, посетивший Северный Кавказ – то есть южную часть Хазарского каганата, – писал о своих живущих там одноплеменниках: «Они не имеют хлебопашцев и все покупают за деньги»,³⁸⁴ – то есть, надо полагать и за те же фальшивые диргеми...

Впрочем, наиболее странно и даже нелепо выглядит суждение В. Я. Петрухина о том, что-де «ныне исследователи в целом согласны с В. О. Ключевским», считавшим «хазарское иго» по сути дела благом для экономики и культуры Руси.

Наш выдающийся историк в самом деле столетие назад в *нескольких фразах* выразил именно такое мнение. Однако сам он «хазарской проблемой» никогда не занимался и исходил из давних сочинений, в которых были сделаны только самые первые шаги в изучении этой проблемы.

И едва ли найдутся сегодня в России специалисты по «хазарской проблеме», которые «согласны с В. О. Ключевским». В. Я. Петрухин неоднократно ссылается на работы двух таких специалистов – С. А. Плетневой и А. П. Новосельцева. Что касается первой из них, ее исследования достаточно широко цитировались мною выше, и совершенно ясно: она ни в коей мере не разделяет стародавнее мнение В. О. Ключевского.

Приведу несколько положений из новейшей (изданной в 1996 году) работы А. П. Новосельцева: «...хазары представляли мощное политическое объединение, господствовавшее почти во всей Восточной Европе». Хазары «стремились полностью ликвидировать самостоятельность славянских земель... подчинив земли северян, полян, вятичей и радимичей, хазары тем самым уже прибрали к рукам Волжский путь... и даже побочные трассы, типа пути по Десне и Оке. А затем должна была наступить очередь и северных земель, с тем чтобы полностью подчинить себе и выходы к Балтике. Поэтому славяне,

³⁸² Плетнева. Хазары, с. 70.

³⁸³ В кн.: Восточные источники по истории народов Юго-восточной и центральной Европы. III. – М., 1974, с. 26–71.

³⁸⁴ Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. Собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави – СПб., 1874, с. 17.

как и финны, были заинтересованы в свержении хазарского ига и с этой целью и заключали разного рода союзы со скандинавскими конунгами (А. П. Новосельцев там же отмечает, что «варяги... никаких завоеваний не делали: все, что нам известно, говорит скорее за то, что они утверждались в славянских землях как союзники местной знати...». – В.К.)... По сути дела, есть основания говорить о русско-хазарской войне при Олеге...» Впоследствии «Святослав... разгромил войско хазарского кагана, занял столицу Хазарин... заставив хазарского кагана бежать в Хорезм».³⁸⁵

Стоит с удовлетворением отметить, что цитируемая работа А. П. Новосельцева вошла в качестве первого раздела в учебное пособие для российского студенчества.

Как уже сказано, многие *конкретные* сведения, изложенные в книге В. Я. Петрухина, явно *опровергают* «обобщающие» тезисы автора.

Объясняется это, надо думать, тем, что было бы как-то неприлично, рассуждая о хазарах, вообще игнорировать содержание работ, созданных специалистами.

Вот хотя бы несколько характерных фрагментов из книги В. Я. Петрухина: «...призвание варягов-руси славянами, кривичами и другими племенами Севера было вызвано хазарской угрозой» (с. 90; то есть Каганат к тому времени поработил Южную Русь и покушался на Северную); «поход на Царьград был выгоден Хазарии, и та терпела присутствие руси в Киеве» (с. 91; иначе бы хазары, очевидно, совсем изгнали бы «русь» из Киева!); «Олег овладевает хазарской податной территорией в Среднем Поднепровье», и «реакция со стороны хазар... не заставила себя ждать» (с. 92); «князь Руси Хлгу (это „другой“ Олег, правивший в 930-х годах) был разбит хазарским военачальником Песахом, который, в свою очередь, направил русь на Константинополь, где Хлгу был разбит окончательно...» (с. 94); в середине X века «славяне из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода... сходятся в крепости Киева, называемой Самватас (видимо, еврейско-хазарский ойконим)» (с. 96; ойконим – то есть название, имя поселения; крепость в Киеве, значит, принадлежала определенное время Каганату...) и т. д. и т. п.

Эти (и другие) изложенные самим В. Я. Петрухиным сведения неопровержимо говорят о том, что с первых десятилетий IX (еще до «призвания варягов») и до 60-х годов X века шла постоянная и острейшая борьба Руси с Хазарским каганатом. И общее положение В. Я. Петрухина, согласно которому «хазарское иго» способствовало «расцвету славянской культуры», можно «принять» только в том смысле, что эта культура выковывалась в поистине богатырском противоборстве с мощным и изощренным врагом.

«Изошренность» выражалась уже хотя бы в том, что Каганат умел подчинять своей воле немало различных этносов, из которых и слагалась его военная мощь. И нет ничего удивительного в том, что Русь не раз претерпела жестокие поражения в борьбе с Каганатом. Удивиться скорее можно тому, что столь *юная* государственность все же смогла победить...

В. Я. Петрухин резко выступает против представления о том, что Хазарский каганат для Руси был «носителем „ига“, более страшного, чем татарское», явно имея в виду при этом мою опубликованную еще в 1988 году статью, в которой говорилось: «...хазарское иго было, без сомнения, более опасным для Руси, чем татаро-монгольское, – в частности, потому, что Русь представляла собой только еще складывающуюся народность, государственность и культуру».³⁸⁶ И ведь в самом деле: когда через *четыре столетия* после хазар на Русь пришли монголы, она была уже гораздо более зрелой национально-государственной реальностью, которую невозможно было столкнуть с ее собственного исторического пути.

Правда, и в IX-X веках Русь, как доказывает исход противоборства с Хазарским каганатом, несла в себе громадную внутреннюю силу. Об этом свидетельствует не только конечное военное превосходство, но и тот факт, что Русь сумела «перетянуть» на свою сторону ряд «составных частей» Каганата, – например, многих хорезмийцев, внесших свой вклад в ее

³⁸⁵ История России. С древнейших времен до конца XVII века. – М., 1996, с. 59, 62, 64.

³⁸⁶ Кожин В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи. – «Вопросы литературы», 1988, № 12, с. 140.

государственность и культуру. Так, договор Игоря с Византией в 944 году подписали, среди других знатных лиц, люди, носившие имена Сфаньдр, Фрастен, Фрутан, и, как утверждает специалист, это «явная передача иранских (то есть хорезмийских – *В.К.*) имен Исфендиар, Ростом, Феридун». ³⁸⁷

А среди героев русского богатырского эпоса – Михаил *Козарин*. Один из виднейших исследователей этого эпоса, В. Я. Пропп, писал, что былина о Козарине «принадлежит к числу наиболее архаических в русском эпосе... Родители Козарина глубоко ненавидят его... Ненависть эта настолько сильна, что родители хотят его погубить... Народ (сохранивший в памяти былинку. – *В.К.*) не может объяснить себе причин этой ненависти. Самая обычная причина состоит в том, что... его злые люди испортили... Мы должны предполагать наличие... более древних и более веских причин... Его имя – «Козарин»... несомненно когда-то предполагало его хазарское происхождение». ³⁸⁸ То есть этот герой ушел на Русь от своего «рода-племени» и стал одним из наиболее чтимых русских богатырей. В этом – одно из выражений «евразийской» природы Руси.

В то же время Русь, без сомнения, твердо противостояла тому, что автор «Истории хазар» М. И. Артамонов определил (слова его приводились) как «воинствующий хазарский иудаизм». И борьбу мечом продолжала позднее борьба Словом.

В свое время известный мыслитель Г. П. Федотов выразил глубокое удивление по поводу того, что в большинстве ранних творений русской письменности (XI – первая половина XII) присутствует противоиудейская тема. Он писал, что у *древнейших* русских писателей «поражает то, что мы находим их поглощенными проблемой иудаизма. Они живут в противопоставлении Ветхого и Нового заветов, Закона и Благодати, Иудейской и Христианской Церквей. Это *единственный* предмет богословия, который подробно разбирается с никогда не ослабевающим вниманием...» В частности, Г. П. Федотова изумляло, что в творениях великого Кирилла Туровского множество «пространных выпадов против народа израильского. Ярko изображается жестоковейность Израиля... это – не второстепенная, а главная тема большинства проповедей Кирилла. Подчеркивание этого приводит нас в замешательство, но мы помним о наличии той же склонности у Климента Смолятича. Это же мы увидим и у Илариона». ³⁸⁹

«Замешательство» Г. П. Федотова обусловлено прежде всего тем, что он не имел сколько-нибудь ясного представления о длительном и жестоком противоборстве Руси с иудейским Хазарским каганатом, ибо он в 1925 году покинул Россию, а тщательное и глубокое изучение истории Каганата началось позднее. Основываясь на этом изучении, видный филолог Л. П. Якубинский (1892–1943) смог уже в начале 1940-х годов верно понять смысл созданного митрополитом Киевским Иларионом «Слова о законе и Благодати»: «...произведение Илариона... имеет конкретное историческое содержание... еще в начале XII в. в Киеве свежо воспоминание о том, что когда-то хазары господствовали над русскими. Выступая против иудейства вообще, Иларион конкретно выступает против *хазарского* иудейства, против религии хазар, некогда властвовавших над Русью». ³⁹⁰

В начале 1960-х годов выдающийся историк М. Н. Тихомиров писал, что в «образной системе» творения Илариона воплощено «противопоставление Хазарского царства Киевской Руси. Иссохшее озеро – это Хазарской царство, где господствовала иудейская религия; наводнившийся источник – Русская земля. Прежние хазарские земли должны принадлежать Киевской Руси; Иларион и называет киевского князя Владимира Святославича «каганом» –

³⁸⁷ Лелеков Л. А. Искусство Древней Руси и Восток. – М., 1978 с. 121.

³⁸⁸ Пропп В. Я. Русский героический эпос – М., 1958, с. 154–139.

³⁸⁹ См.: Савельев Леонтий. Записки по русской философии. – «Москва», 1993, № 2, с. 181 и № 3, с. 173.

³⁹⁰ Якубинский Л. П. История древнерусского языка. – М., 1953, с. 96.

титолом хазарского князя, трижды повторяя этот титул. Владимир Святославич в «Слове о законе и Благодати» не просто князь Киевский, он также и хазарский каган.³⁹¹

Наконец, в изданной уже в наше время книге известный филолог и историк культуры В. Н. Топоров, цитируя недоуменные давние суждения историка И. И. Малышевского (1828–1897) о творении Илариона («Чисто отвлеченными догматическими интересами никак нельзя объяснить полемики против иудейства, проникающей „Слово“ от начала до конца. Poleмика здесь так свежа и жива...»), раскрывает причину этой «свежести»: «При допущении живых контактов с иудейством в Киеве X–XI вв. прежде всего возникает вопрос об источниках иудейского элемента... В настоящее время не приходится сомневаться в его хазарском происхождении... В настоящее время... после ряда исследований вырисовывается такая ситуация в Киеве... в первой половине X века... которая характеризуется наличием в городе хазарской администрации и хазарского гарнизона!»³⁹²

Чрезвычайно показательно, что с конца XII и до конца XV века (когда к власти рвалась «ересь жидовствующих»), – то есть на целых три столетия! – противоиудаистская тема, как уже говорилось, почти полностью исчезает из русской литературы. Это достаточно весомое доказательство связи сей темы с противостоянием Хазарскому каганату и, затем, его «остаткам» в Тмутарокани в IX–XI вв.

В заключение стоит сказать, что история этого противостояния вообще очень сложна и многозначна; в ней еще немало предстоит открыть и понять.

Глава 5. Размышления о правителях Руси, начиная с князя Кия

В предыдущей главе я стремился обрисовать ту историческую ситуацию, то «состояние мира», в огромных масштабах которого складывалась Русь, и в меньшей степени речь шла о самом движении истории в первые века Руси. А для полноценного познания этого движения поистине необходимо как можно более ясное представление о судьбах, деяниях и намерениях важнейших деятелей русского государства и Церкви, полководцев и наиболее выдающихся творцов национальной культуры.

Говоря об этом, я вовсе не имею в виду особенную и сложнейшую проблему *роли личности* в истории; речь идет совсем о другом, – о том, что только в воссоздании судеб, поведения, сознания исторических личностей возможно представить ход истории во всей его многосторонней цельности. Ведь этот ход в любых самых различных его проявлениях – от сдвигов в экономике до обретения новой религии – воплощается ни в чем ином, как в *действиях людей*, хотя это еще отнюдь не значит, что отдельные люди, личности действуют всецело сознательно и целенаправленно; в конце концов, они просто *живут* – притом совместно, в единстве с множеством своих современников.

С особенной полнотой и рельефностью ход истории воплощается, понятно, в действиях и переживаниях тех, кто так или иначе возглавляет народ, или, вернее, наиболее активные слои народа. Издавна – еще с 1820-х годов (например, в полемике Николая Полевого с Карамзиным) – в русской историографии противопоставлялись «история царей» и «история народа», но это, если вдуматься, поверхностное противопоставление, диктуемое чисто идеологическими соображениями. Ибо, в конечном счете, «воля» царя исходит из «воли» народа; когда эти «воли» категорически противоречат друг другу, власть рушится... И задача историографии не в том, чтобы заменить изучение «истории царей» изучением «истории народа» (или наоборот), а в том, чтобы увидеть в первой воплощение второй.

Сведения о первых правителях Руси черпаются, в основном, из летописей. Но поскольку самый ранний из дошедших до нас летописных сводов, «Повесть временных лет», был составлен в 1110-х годах, представления о личностях, находившихся во главе исторического

³⁹¹ Тихомиров М. Н. Русская культура X–XIII веков. – М., 1968, с. 132.

³⁹² Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. Первый век христианства на Руси. – М., 1995, с. 283.

движения Руси в IX – начале X века (то есть двумя и – тем более – тремя веками ранее создания этого свода) во многом туманны и нередко противоречивы. Более или менее, общепризнанно, правда, что «Древнейший свод» летописи начал составляться еще в 1037 году, при Ярославе Мудром (имеющаяся гипотеза об еще более раннем, конца X века, «зародыше» летописи едва ли основательна). Но и при этом условии летописные сведения о людях, живших в IX – начале X вв., основывались на прошедших через пять – восемь человеческих поколений *устных* преданиях.

В высшей степени показательно, что в самых ранних произведениях нашей письменности – «Слове о законе и Благодати» митрополита Илариона (1038, или, в крайнем случае, 1049 год) и «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова мниха (некоторые элементы этого сочинения восходят к 1060 – началу 1070-х годов) родословная русских князей не углубляется далее прадеда Ярослава – князя Игоря, погибшего на рубеже 944–945 годов (то есть примерно за сто лет до создания «Слова...» Илариона). Естественно полагать, что память о предшественнике Игоря – и, тем более, о предшественниках этого князя – была к середине XI века недостаточно ясной и уверенной, и Иларион, а позднее Иаков не сочли возможным продолжить генеалогию Ярослава в глубь времен. Вместе с тем у нас нет оснований сомневаться, что ко времени Ярослава в устных преданиях сохранялись сведения о предшествовавших Игорю правителях – Олеге, Аскольде, Рюрике и, наконец, самом «первом» – Кие, и эти сведения все-таки были запечатлены письменно – в летописи.

Историография XVIII–XX веков на разных этапах своего развития оценивала сведения о древнейших правителях существенно различным образом: историки то воспринимали летописные сведения о них как вполне – или хотя бы в основном – достоверные, то, напротив, объявляли их чисто легендарными (так, в многократно переиздававшемся в 1930–1950-х годах труде влиятельнейшего тогда историка Б. Д. Грекова «Киевская Русь» читаем: «Предание о Кие, конечно, легенда...»³⁹³). Кроме того, сведения об этих правителях нередко рассматривались как произвольные вымыслы составителей поздних – XV–XVII веков – летописных сводов, стремившихся, мол, как-то «заполнить» их начальные страницы.

Однако в последнее время, по мере все более тщательного изучения древнейшего периода истории Руси, все большая часть историков признает достоверность (несмотря на элементы легенды) сведений и о правителе Северной Руси Рюрике, и о его современнике Аскольде, правившем в Южной Руси, и даже об их предшественниках – Кие (на юге) и Гостомысле (на севере).

Существенным аргументом и пользу признания исторической реальности этих лиц может, как мне представляется, служить тот факт, что герои *летописи*, как правило, не являются героями *фольклора*, устного народного творчества – тех же былин и древнейших духовных стихов. Правда, многие представители «исторической школы» в фольклористике пытались (об этом уже не раз шла речь) отождествить тех или иных летописных и, с другой стороны, фольклорных персонажей, но делали это едва ли сколько-нибудь доказательно (за исключением, разумеется, «увенчанного» былинный мир князя Владимира).

При анализе летописей нередко выделяют в них элементы «фольклорного» склада – например, рассказы о смерти («от коня») Вещего Олега, об изощренной мести Ольги древлянам, убившим Игоря, о том, как Владимир долго «избирал» одну веру из четырех имевшихся налицо, и т. п. Можно согласиться с тем, что эти летописные рассказы по своему характеру близки к фольклору. Однако в дошедших до нас из древности памятниках устного народного творчества, в сущности, нет прямой переклички с «сюжетами» этих рассказов. И естественно прийти к выводу, что составители летописей так или иначе *разграничивали* предания о действительных событиях (пусть и не лишенные домислов и вымыслов) и плоды «вольного» фольклорного творчества.

При этом, о чем подробно говорилось выше, былины также исходили в конечном счете из исторической реальности, но воссоздавали ее по совершенно иному «замыслению» (вспомним этот «термин» из «Слова о полку Игореве»), чем летописцы.

³⁹³ Греков Б. Д. Избранные труды. – М., 1959, т. II. с. 354.

Обо всем этом важно было сказать для того, чтобы обосновать определенную *достоверность* даже наиболее древних летописных сведений. По-видимому, в сознании составителей летописей был такой «критерий истины», в свете которого они отделяли предания о действительных событиях (пусть, повторю, и с более или менее значительной примесью вымысла) от того, что мы теперь относим к собственно художественным, поэтическим творениям.

Кто-либо может необдуманно возразить что-де в те «непросвещенные» времена едва ли могло выработаться умение отделять правду истории от поэтического вымысла; но сравните созданные в одно время пространный рассказ о походе князя Игоря Святославича в «Ипатьевской летописи» со «Словом о полку Игореве» (оно, кстати, короче летописного рассказа), и станет ясно, что перед нами два принципиально различных явления: опыт безыскусного воссоздания исторической реальности и ее поэтическое преображение; точно так же соотносятся летописные рассказы о Куликовской битве и «Задонщина».

Словом, едва ли стоит заранее, априорно отвергать историческую достоверность каких-либо летописных сведений и квалифицировать их как заведомо «легендарные», – хотя, конечно, необходим самый тщательный анализ меры и степени этой достоверности. Собственно говоря, именно такой подход к делу и типичен для современной историографии Древней Руси.

Кий.

Первый по времени правитель Руси (южной) – Кий, который, согласно летописи, и основал Киев. Как уже отмечалось, по убедительным доводам М. Н. Тихомирова, это произошло на рубеже VIII–IX веков, в 790–800-х годах. Еще сравнительно недавно многие считали Кия чисто легендарной фигурой, выдуманной прежде всего для того, чтобы объяснить происхождение названия «Киев». Однако обычай присвоения городу имени его основателя (о чем уже шла речь) действительно существовал; именно так возникли позднее названия городов Владимир-Волынский (в честь Владимира Святославича), Ярославль и Юрьев (в честь Ярослава-Георгия Мудрого), Владимир-на-Клязьме (основатель – Владимир Мономах).

Сообщения летописи о Кие весьма немногочисленны, но достаточно многозначительны. Упомянуто о том, что «иные не сведущие» говорят о нем как о «перевознике» – с одного берега Днепра на другой, но это дошедшее до составителя летописи предание тут же опровергается им: «Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своем, приходивше... ко царю, якоже сказаютъ, ...велику честь приял от царя...»

Опровержение было, по-видимому, продиктовано тем, что в начале XII века, когда составлялась «Повесть временных лет», персона князя, к тому же с «честью» принятого самим византийским императором, представлялась совершенно несовместимой с занятием перевозом через Днепр. Однако не исключено, что тремя столетиями ранее «карьера» человека, ставшего в конце концов правителем основанного им города, началась на поприще «перевозника», которое, кстати, было весьма и весьма немаловажным для жизни людей на берегу широкой и мощной реки. Позднее, впрочем, люди могли не без удивления вспоминать о первоначальном «статусе» их правителя, и этот мотив сохранялся в устных преданиях об основателе великого города.

Но «перевозник» был, конечно, искусен в управлении ладьей, а эта «профессия», как показано выше, имела первостепенное значение в изначальном бытии Руси. И не исключено, что именно Кий проложил путь «в греки», хотя его торжественный («великая честь») прием у «царя», по всей вероятности, был вымыслом (возможно, его собственной «похвалой» перед киевлянами после возвращения на родину).

И еще одно сообщение: на обратном пути из Царягорода Кий «приде к Дунаеви, и возлюбил место, и сруби градок мал, и хотяше сести с родом своим, и не даша ему ту близ живущии; еже и доныне наречают (называют) *дунайци* городище Киевецъ».

Точно известно, что не только в XII, но еще и в XV веке на Дунае существовал этот

«градок»,³⁹⁴ хотя скептики, возможно, предложат «противоположное» решение вопроса: составитель летописи узнал, мол, о дунайском городке с таким названием и приписал его создание Кию...

Но вспомним, что через полтора с лишним века попытку Кия повторил (это полностью достоверно) великий Святослав, поселившись в дунайском же Переяславце (Малом Преславе).

Словом, взглядываясь в лаконичные летописные сведения о Кие, понимаешь, что в них воссоздан воистину выдающийся деятель: Кий (по-видимому, еще в юности) «оседлал» Днепр, затем построил «на горах» над рекой крепость («град» – это именно крепость), обретшую великую судьбу, стал правителем, совершил тысячеверстное путешествие в Константинополь, основал еще один «град» на далеком Дунае (и только сопротивление «близ живущего» населения заставило его удалиться) и вернулся домой, надо полагать, в ореоле громкой славы. Перед нами, в сущности, готовый герой впечатляющей эпической поэмы...

Кстати сказать, выразительно само его имя, или, скорее, прозвище Кий, означавшее в древнерусском языке «*молот*» (или «тяжелую дубинку»), что явствует из текста знаменитого «Изборника Святослава», составленного в 1073 году.

А наиболее существенно то, что судьба Кия, все его деяния предстают как своего рода зерно, семя всей первоначальной истории, всех основных свершений, плодом которых явилось создание государства Русь. И в связи с этим необходимо напомнить сказанное выше о варягах, скандинавах: судя по деятельности Кия, они не являлись создателями бытия Руси, они только «включились» в уже развивавшееся до их прихода движение истории (ведь никто, кажется, не сомневается, что на рубеже VIII–IX веков в южной Руси варягов еще не было), хотя, несомненно, они сыграли в этом движении очень значительную роль. Кий (а в нем никогда не усматривали варяга) явно предвосхищает деятельность позднейших князей скандинавского происхождения.

Гостомысл и Рюрик.

Обратимся теперь к Северной Руси. Город Ладога (иначе – Невгород) в устье Волхова, вблизи озера Нево (Ладожского) возник раньше Киева, – вероятно, еще в середине VIII века, но начал играть «государствосозидающую» роль позднее; сначала он являлся узловым пунктом торговли.

Согласно восходящим к древнейшей традиции северным летописям, первым правителем здесь был «старейшина» Гостомысл. Правда, и по сей день широко распространено мнение, что этот человек – плод фантазии составителей *поздних* летописей, хотя, между прочим, крупнейший исследователь летописания, А. А. Шахматов, основательно доказывает, что Гостомысл упоминается уже в *древнейшем* «Новгородском своде 1050 года».³⁹⁵ И давно выяснено, что о Гостомысле говорится в целом ряде современных ему *западноевропейских* хроник, где указана даже дата его кончины – 844 год.³⁹⁶

Его известность на Западе объясняется либо тем, что Гостомысл нередко бывал в торговых городах на южном берегу Балтийского моря, в то время принадлежавших западнславянским племенам, либо (есть и такая версия) тем, что он сам происходил из одного из этих племен, но переселился в Ладогу (в настоящее время ряд историков и археологов полагает, что значительную часть населения Северной Руси составили пришельцы из западнславянских земель³⁹⁷).

³⁹⁴ См.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. – М., 1979, с. 53.

³⁹⁵ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908, с. 611.

³⁹⁶ См.: Азбелев С. Н. К вопросу о происхождении Рюрика – В сб.: Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 7 Часть II. – М., 1994, с. 369.

³⁹⁷ См.: например: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья – М., 1970.

Имя или прозвище Гостомысл связано, возможно, со словом «гость» (купец, торгующий с иными странами и городами), и поскольку Ладога была – по крайней мере, в начальный период своей истории – международным торговым городом, выдающийся гость-купец вполне мог оказаться во главе.

В начале IX века Ладога находилась во власти варягов-норманнов, пришедших из Швеции (и, возможно, Норвегии). Согласно убедительно реконструированному А. А. Шахматовым тексту древней северной летописи, «Словене, и Кривичи, и Меря, и Чудь (то есть славянские и финские племена, жившие в ладожском регионе – *В.К.*) дань даяху Варягам», и «те насилие деяху Словеном и Кривичем и Мери и Чюди. И вьсташе Словене и Кривичи и Меря и Чудь на Варягы, и изгнаше я (их) за море, и начаша владети сами себе. Словене свою волость имяху... и посадиша старейшину Гостомысла; а Кривичи свою, а Меря свою, а Чюдь свою. И вьсташа сами на ся воевать, и бысть межю ими рать велика и усобица... И реша (сказали) к себе: „поищем себе князя, иже (который) бы владел нами и рядил ны (нас) по праву“.³⁹⁸

Далее, согласно поздней (XVII века), но сохранившей, по убеждению многих современных историков, целый ряд древнейших сведений «Иоакимовской летописи», именно Гостомысл возглавил борьбу с варяжскими насильниками, но позднее, уже после смерти Гостомысла (844 год), ладожане опять-таки именно «по повелению или завещанием его (Гостомысла. – *В.К.*) призвали... князя себе Рюрика».³⁹⁹

Ныне, в сущности, общепризнанно, что Рюрик (Рорик) – всецело достоверная личность, сын датского (ютландского) конунга, родившийся в начале IX века (как полагают, около 817 года) и имевший яркую, изобилующую всякого рода «поворотами» судьбу, которая запечатлена во многих западноевропейских источниках; см. об этом, например, недавнюю (1994 года) статью филолога и историка С. Н. Азбелева.⁴⁰⁰ Особенное внимание привлекают следующие западные сведения о Рюрике-Рорике: его приглашали в восточную (фрисландскую) часть Нидерландов «управлять, для того чтобы оградить Фрисландию от грабительских наездов других викингов» (указ. соч., с. 364), – и те же задачи он, как полагают, выполнял и на Руси; деятельность Рюрика «в западноевропейских источниках освещается с 826 по 873 год, но известия эти содержат хронологические лакуны (пропуски – *В.К.*), позволяющие полагать, что по временам Рорик находился на Руси» (там же); последние же годы жизни он, очевидно, провел на Руси, в силу чего «в западных источниках нет известия о смерти Рорика. Но под 882 годом сообщено о наследовании его владений другим лицом, что согласуется с данными русской летописи о смерти Рюрика тремя годами ранее» (там же, с. 364–365), – то есть в 879 году.

Необходимо еще отметить, что Рюрик-Рорик, как и его отец конунг Хальвдан, был в союзнических отношениях с германским императором в 814–840 годах Людовиком I Благочестивым – сыном и наследником власти самого Карла Великого. Людовик в 826 году окрестил Рюрика (правда, позже тот вернулся к язычеству), а впоследствии утвердил его в качестве правителя Фрисландии (ранее этот пост занимал – по воле Карла Великого – отец Рюрика). Однако сын Людовика, Лотарь, ставший императором после смерти отца, дважды «отбирал» Фрисландию у Рюрика – в 843 году – до 850-го, и, окончательно, в 854 году. И не исключено, что именно поэтому Рюрик ответил согласием на приглашение стать правителем в дальней Ладоге.

Могут возразить, что Рюрик, по летописи, прибыл в Ладогу значительно позднее – в 862 году. Однако многие летописные даты IX – первой половины X века (о чем еще не раз пойдет речь) заведомо не точны – подчас они отличаются от истинных на целое десятилетие.

В упомянутой «Иоакимовской летописи» есть сведения о том, что матерью

³⁹⁸ Шахматов А. А. Указ. соч., с. 611.

³⁹⁹ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Том 1. – М., 1962, с. 289.

⁴⁰⁰ Азбелев С. Н. Указ. соч.

Рюрика-Рорика была дочь Гостомысла. В принципе это не является невероятным, если учитывать, что, во-первых, Гостомysl был так или иначе, но тесно связан с балтийскими славянами, и, во-вторых, отец Рюрика, ютландский конунг Хальвдан опять-таки состоял в союзе с этими самыми славянами. Однако в этих сведениях естественно усмотреть определенную *тенденциозность* летописцев – стремление превратить Рорика из германца-скандинава в полуславянина и к тому же представить Гостомысла в качестве *родоначальника* династии Рюриковичей – пусть и по женской линии. Характерно, что В. Н. Татищев, опираясь на это сообщение Иоакимовской летописи, неоднократно подчеркивал: «Рюрик ...как сын дочери Гостомыслова, по наследию в Руси государем учинился»; «Рюрик... от русских прежних государей произошел» и т. п. (с той же целью Татищев утверждал, что Ольга, – супруга позднейшего князя Руси, скандинава Игоря, и мать Святослава – была «рода Гостомыслова»).⁴⁰¹

Но в других приведенных выше сообщениях Иоакимовской летописи о Гостомысле подобной тенденциозности нет, и едва ли стоит отрицать историческую реальность этого деятеля, – в особенности потому, что о Гостомысле имеются сведения не только в русских летописях, но и в современных ему западноевропейских хрониках.

Кстати сказать, пренебрежительное отношение к «Иоакимовской летописи» в нынешней историографии во многом преодолено (за исключением явно «тенденциозных» ее элементов). Так, видные современные специалисты по древней истории и археологии Северной Руси А. И. Кирпичников, И. В. Дубов и Г. С. Лебедев пишут в своем совместном исследовании «Русь и варяги» (1986), что Рюрик около 874 года, с целью «закрепить свое положение (на Руси. – В.К.), вступил в брак с представительницей одного из местных знатных родов («Ефанда» в известиях, извлеченных В. Н. Татищевым из Иоакимовской летописи)». ⁴⁰²

Точно так же нет оснований считать вымышленным лицом другого деятеля этого времени – Вадима Храброго, о котором говорится, в частности, в северных летописях, составленных – с опорой на более древние летописи – в XV веке. Через какое-то время после «призвания» Рюрика, установившего твердую власть в Северной Руси, Вадим поднял бунт против него и был им убит.

Существует традиция (ее продолжил в наше время Л. Н. Гумилев⁴⁰³) видеть в Гостомысле древнейшего, первого на Руси «*западника*», поскольку датский конунг был приглашен именно по его инициативе), а в Вадиме Храбром – первого «*славянофила*».

Но, как представляется, более существенно в этом историческом «сюжете» другое. Рюрика вполне добровольно приглашают, как бы даже умоляют принять власть на Руси в свои руки, но затем восстают против этой вроде бы столь желанной твердой власти... И такое чередование устремления к сильной власти и неожиданного отвержения этой власти и борьбы с ней не на жизнь, а на смерть пройдет через всю историю Руси-России, которой в равной мере присущи и безусловное преклонение перед мощной государственностью, и буйные восстания против нее. Через столетие после мятежа Вадима, находившиеся под властью Киева древляне запросто прикончат великого князя Игоря, только что заключившего торжественный мирный договор с Византийской империей...

И так и пойдет дело через века – до махновщины и антоновщины...

Эта «противоречивость» в русском отношении к власти нередко (и особенно – в последнее время) вызывает «осуждение», – причем, как правило, на основе сравнений с Западом, для которого типично *постоянное*, но редко принимающее характер бунта *сопротивление* общества диктату государства, а не смена безграничной покорности безудержными восстаниями.

⁴⁰¹ Татищев В. Н. Указ. соч., с. 110, 291, 308.

⁴⁰² Кирпичников А. И., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги – В кн.: Славяне и скандинавы. – М., 1986, с. 194.

⁴⁰³ См.: напр.: Гумилев Л. Н. От Руси к России. – М., 1994, с. 29.

Нет сомнения, что это чередование полного приятия власти и столь же полного ее неприятия порождало в русской истории самые прискорбные последствия. Но едва ли имеют серьезный смысл звучащие с давних пор (начиная, по меньшей мере с XVI века, с князя Курбского) призывы «перестроить» российское бытие на западный манер; эти призывы, в сущности, не так уж отличаются от утопических планов изменения весьма неблагоприятного (в сопоставлении со странами Запада) *климата* России. Ведь речь идет (как и свидетельствует предание о Вадиме Храбром) о более чем тысячелетнем характере исторического пути Руси-России!

Важно отметить, что в русском самосознании наличествует и прямо противоположная тенденция – превознесение захватывавших страну бунтарских «вольниц» (особенно Разина и Пугачева), каковые неведомы «умеренному» Западу. Но когда мы имеем дело с тысячелетним «своеобразием страны, неуместны, неосновательны как негативные, так и позитивные «оценки», своеобразие есть именно своеобразие.

В силу объективных причин – географического положения, изначальной и неизменной многоэтничности (запечатлевшейся уже в летописном сообщении о «призвании» Рюрика), постоянно возраставшего пространства Руси-России, почти непрерывных войн и т. д. – государственная власть в России *не могла не быть* особенно твердой, в пределе – деспотической; но естественно рождалось и противоположное устремление к не имеющей границ «воле» (а не «свободе» в западном смысле, которая подразумевает определенные рамки и «правила игры»).

Неограниченная *монархия* и беспредельная *анархия* – это в равной мере коренные российские феномены (вполне закономерно, например, что не столь давно громко заявившие о себе анархические группировки на Западе вдохновлялись прежде всего заветами Бакунина и Кропоткина!).

И можно утверждать, что история Руси-России благодаря сочетанию в ней подобных «крайностей» более драматична или, вернее, более трагедийна, чем история стран Запада, но проклинать либо, напротив, восхвалять (что также нередко делалось) Россию за эти ее «крайности» – занятие, по сути дела, примитивное, уместное только в чисто эмоциональном плане, но не в русле историософской мысли.

Аскольд.

Впрочем пора вернуться в IX век. Итак, через некоторое время после «призвания» Рюрика, как сообщает поздняя – Никоновская – летопись XVI века (но нет оснований считать ее сообщение заведомо вымышленным), подвластные этому твердому правителю люди «оскорбишася... глаголюще: «яко быти нам рабом и многа зла всячески пострадати от Рюрика». Однако восстание было подавлено и «уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби».

Очевидно, что уже при Рюрике власть оказывается «деспотичной». Но вспомним, что до призвания Рюрика, по сообщению «Повести временных лет», на Руси «въста род на род и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся»... А помимо того – как было показано выше – Северной Руси угрожал тогда Хазарский каганат, уже завладевший Южной Русью. И согласно той же «Повести...», два Рюриковых «мужа», Аскольд и Дир, отправились в Киев, и жители города поведали: «мы седим... платяче дань козаром. Аскольд же и Дир остаа в граде сем...»

В «Иоакимовской летописи» этот эпизод изложен так: «Славяне, живущие по Днепру... утесняемы бывши от казар, иже (которые) град их Киев и протчии обладаша, емлюще дани тяжки и поделениями (работами) изнуряюще... прислаша к Рюрику преднии (знатные, главные) мужи просити, да послет к ним сына или ина князя княжити. Он же вде им Оскольда и вои (воины) с ним отпусти. Оскольд же, шед, облада Киевом и, собрав вои, повоева... козар».

Но поскольку впоследствии в Киев отправился из Северной Руси Олег, который свергнул Аскольда, а затем опять-таки «повоева казары», естественно полагать, что казары сумели подчинить Аскольда своей воле (в частности, заставили его совершить в 860 году поход на враждебный Каганату Константинополь, куда Кий ранее «ходил» с миром).

Уместно здесь еще раз обратить внимание на одну господствующую в историографии неточность. В летописи «призвание» Рюрика датировано 862 годом, и эта дата, как правило, не

оспаривается. Между тем уже давно и совершенно точно установлено, что имеющаяся в летописи дата похода Рюрика «мужа» Аскольда на Царьград неверна: этот поход состоялся еще в 860 году, то есть за два года до летописной даты призвания Рюрика. А из этого ясно, что Рюрик прибыл на Русь ранее 862 года, – по всей вероятности, вскоре после того, как германский император Лотарь I в 854 году вторично лишил его власти над Фрисландией.

И есть все основания полагать, что Рюрик с самого начала вынужден был противостоять Хазарскому каганату, который покушался и на Северную Русь. Дело в том, что еще до Рюрика, в 830-х годах, варяжский правитель Северной Руси (позднее местное население в ответ на насилия «изгнаша» варягов «за море») принял титул «*кагана*», явно утверждая тем самым свою независимость от *хазарского* кагана. И впоследствии, в 871 году, согласно дошедшему до нас тексту послания короля Людовика Немецкого (813–876), «вождь норманнов» также назывался «каганом» («хаканом»), и этот вождь был, очевидно, именно Рюрик.

В историографии в последнее время утвердилось представление о том, что уже после Рюрика его сподвижник Олег вел войну с Каганатом (о чем, в частности, убедительно говорится в трудах А. П. Новосельцева), но противоборство с хазарами, без сомнения, началось еще при Рюрике, и поход его «мужа» Аскольда в Киев имел, надо думать, прямую противохазарскую направленность, – но не принес победы. В предшествующих главах книги было подробно сказано о предпринятой в 860 году под диктатом Хазарского каганата атаке Аскольда на Константинополь (ситуация повторилась через восемь десятилетий, на рубеже 930–940-х годов, когда, победив тогдашнего правителя Руси, Каганат опять-таки заставил его атаковать Константинополь – о чем ниже).

Олег Вещий.

Под 879 годом в «Повести временных лет» сообщается: «Умершу Рюрикови, предасть княжение свое Олгови, от рода ему суща, въдав ему сын свой на руце Игоря, бе бо детеск вельми», – то есть (в переводе Д. С. Лихачева): «Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу – родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал».

Далее следует рассказ о длительном периоде, означенном именами Олега и Игоря, – периоде, занявшем (согласно летописным датам) почти *семь десятилетий*. Сведения летописи об этих исторических личностях намного более обильны, нежели о предшествовавших им Кие, Рюрике, Аскольде, но, может быть, именно по этой причине «информация» оказывается и более противоречивой, подчас даже загадочной.

Так, например, князь Игорь, появившийся на свет, по летописи, в 870-х годах, обрел своего единственного (это явствует, как мы еще увидим, из той же «Повести...») сына, Святослава, не ранее конца 930-х годов, – то есть по меньшей мере в шестидесятилетнем возрасте. К тому же и его супруге Ольге, вступившей с ним в брак, по утверждению летописи, еще в 903 году, было, следовательно, ко времени рождения Святослава примерно пятьдесят лет. И уже В. Н. Татищев, а за ним Н. М. Карамзин высказали вполне понятное сомнение в достоверности данной летописной хронологии, и многие позднейшие историки говорили об этом же с еще большей определенностью. Тем не менее – в силу какого-то странного «консерватизма» – летописные сведения об Олеге и Игоре до сих пор не стали предметом развернутого исследования, – хотя *отдельные*, частные соображения по этому поводу были высказаны целым рядом историков.

А ведь дело вовсе не только в неправдоподобных «возрастных» сведениях. Почему-то редко обращают внимание, например, на тот факт, что в более или менее подробном летописном повествовании об Игоре есть странный хронологический пробел. Сообщается, что он начал править после смерти Олега, в 913 году, и упоминается о его действиях в 914 и 920 годах, однако далее ровно никаких сведений о нем нет на протяжении двух десятилетий – до 941 года.

Вместе с тем уже давно и многократно было высказано убеждение в том, что летописцы искусственно превратили Игоря в сына Рюрика, дабы обеспечить *единство династии* Рюриковичей, а на самом деле он мог быть разве только внуком – если не правнуком – Рюрика и родился, следовательно, гораздо позже, нежели указано в летописи.

Виднейший исследователь летописей А. А. Шахматов еще в 1908 году убедительно показал, что над составителем «Повести временных лет» тяготела «определенная тенденция. Русская княжеская династия должна получить ясную генеалогию: исторический Игорь должен быть связан с Рюриком... Рюрик – это родоначальник династии: боковые линии должны отпасть». Однако устные предания говорили «о двух князьях – об Олеге и Игоре. И именно сначала говорилось об Олеге, а потом уже об Игоре... Вместе с тем взаимные отношения Олега и Игоря не были, очевидно, определены... иначе... ему (составителю. – В.К.) не пришлось бы прибегнуть к искусственной комбинации»,⁴⁰⁴ – то есть к объявлению Игоря сыном Рюрика.

Дело в том, что к моменту составления «Повести временных лет» на Руси прочно установился порядок престолонаследия от отцов к сыновьям, и летописцы, надо думать, просто не могли иным образом представить ход дела после смерти Рюрика: его должен был сменить именно сын.

Олег, согласно преданиям, только принадлежал к «роду» Рюрика и – по понятиям XI–XII веков – не имел права стать наследником его власти; происхождение же Игоря было неясным (вспомним, что в «Слове...» Илариона представлена генеалогия Ярослава Мудрого до Игоря включительно, но об отце последнего умалчивается). И перед летописцем открывалась возможность объявить его сыном Рюрика, – что и было сделано.

И по версии «Повести временных лет» Игорь правит – так сказать, юридически – уже с детских лет, с момента смерти Рюрика, однако в качестве фактического правителя выступает Олег. Между тем предания все же противоречили этой версии, и летописец не смог свести концы с концами: многие историки с недоумением констатировали, что Игорь по сути дела начал править лишь после Олеговой гибели, в 913 году, когда ему – если исходить из летописных дат – было уже не менее тридцати трех лет!

А. А. Шахматов объяснил эту неувязку тем, что в дошедших до летописцев преданиях *все* события до 940-х годов были связаны с именем Олега, а не Игоря, и, как он заключил, «составителю „Повести временных лет“ ничего не оставалось сказать об Игоревом княжении... за смертью Олега пришлось бы тотчас же сказать о смерти Игоря» (с. 104).

Правда, летописец все же в известной мере попытался, по словам А. А. Шахматова, «заполнить длинный ряд годов»; он записал: «913. Иде Игорь на деревляны, и победив а (их), и возложи на ня (них) дань болши Олговы (Олеговой)... 914. Приидоша печенези первое на Русскую землю, и сотворивше мир со Игорем... 920. Игорь воеваше на печенеги».

Но далее следует пробел на целых два десятилетия, и есть основания утверждать, что на самом деле указанные события происходили не в 913–920 годах, а в первой половине 940-х. Так, под 945 годом в «Повести временных лет» записано, что Игорь задумал поход «на деревляны, хотя примыслити большую дань», то есть через тридцать с лишним лет странно повторяется ситуация 913 года...

Словом, А. А. Шахматов был совершенно прав, утверждая, что «составителю „Повести...“ ничего не оставалось сказать об Игоревом княжении». Ибо Игорь, как я буду стремиться доказать, стал править Русью только в 940-х годах, – и правил очень недолго. Это явствует, в частности, из опубликованного уже после издания цитируемого труда А. А. Шахматова, в 1912 году, исторического источника, так называемого «Кембриджского документа», – «хазарского письма» середины X века, сообщающего, что на рубеже 930–940-х годов правителя Руси звали не *Игорь*, а *Олег*. Достоверность этого источника неоднократно подвергалась сомнениям, но ныне никто, кажется, не оспаривает его подлинность.

Игорь, безусловно, никак не мог быть сыном умершего за шестьдесят лет до начала его правления Рюрика: целый ряд сведений (они еще будут представлены) показывает, что он стал князем Руси, а также отцом Святослава в весьма молодом возрасте, а мнимые даты его рождения и женитьбы были вымышлены для того, чтобы превратить его в Рюрикова сына. Правда, при этом решении вопроса мы вроде бы опять-таки оказываемся не в ладах с хронологией, ибо Олег предстает как невероятный «долгожитель»: ко времени кончины Рюрика в 879 году он являлся, очевидно, уже взрослым человеком, и к 940 году должен был

⁴⁰⁴ Шахматов, указ. соч., с. 316.

приближаться по меньшей мере к девятистолетнему возрасту...

Но в историографии давно уже было высказано мнение, что в летописном Олеге соединились *два* лица (говорилось даже о нескольких). Особенно примечательно, что их соединение осуществилось в летописях не вполне, остались своего рода швы. Олег в летописях явно «раздваивается»: он выступает то в качестве воеводы при князе, то как полновластный князь; смерть настигает его и в Киеве, и «за морем»; сообщается даже о двух его могилах(!) – в Ладоге и в Киеве.

О наличии двух Олегов писал сформировавшийся еще до революции видный историк Древней Руси М. Д. Приселков,⁴⁰⁵ в уже упоминавшейся книге историка Хазарского каганата Ю. Д. Бруцкуса сказано, что «приходится думать, не было ли нескольких Олегов. Смешение Игоря с Олегом также часто встречается в русской традиции»⁴⁰⁶ (имеется в виду летописная традиция). Автор ценных трудов и о Хазарском каганате, и о Руси М. И. Артамонов утверждал, что в образе Олега Вещего совместились черты не одного, а двух одноименных персонажей⁴⁰⁷ и т. п.

При этом следует напомнить о распространенности имени Олег в Древней Руси. Так, Олегом звали сына Святослава, князя Деревлянского, погибшего в 977 году, и воеводу Владимира Святославича, участвовавшего в 988 году в осаде Корсуни (Херсонеса); наконец, супруга Игоря носила женский вариант этого имени.

Олег Вещий, который почти целиком «заслонил» другого, «второго» Олега, был родственником Рюрика и правил после его смерти. Однако сведения, согласно которым правил он от имени Рюрикова сына Игоря, неправдоподобны уже хотя бы потому, что вплоть до 913 года (когда Игорю было бы не менее тридцати трех лет) первым лицом в летописных сообщениях, о чем уже сказано, предстает не Игорь, а Олег. Составитель летописи, очевидно, не мог вообще «переделать» дошедшие до него предания, заменив во всех них Олега Игорем (впрочем, и после 912 года, когда Олег Вещий умер, летописец, как мы видели, почти не мог подобрать сведений о деятельности Игоря вплоть до 941 года, а от тех, возможно, известных ему преданий, где речь шла о действиях «второго» Олега, он, вероятно, отказывался, так как уже сообщил об Олеговой смерти в 912 году).

Олег Вещий, без сомнения, выдающийся деятель Древней Руси (между прочим, слово «вещий» неверно понимают только как обозначение способности к предвидению, «предвещанию»: в древнерусском языке «вещий» означало и «мудрый», и «наделенный чудесной силой»). Олег объединил Северную и Южную Русь; его деятельность прочно связала Ладогу и Киев. А затем он должен был одержать победу (правда, она оказалась временной) над Хазарским каганатом.

Об этом говорит в своем недавнем трактате А. П. Новосельцев. Анализируя целый ряд летописных сообщений, свидетельствующих о жестокой борьбе Аскольда с Хазарским каганатом, историк утверждает, что для Древнерусского государства «на первом этапе его существования главным был... хазарский вопрос». И следует весомый вывод: «Пока север... и юг... не были объединены, борьба с хазарами большого успеха не приносила. И лишь когда северный князь Олег... объединил Киев и Новгород (на деле – Ладогу. – В.К.), положение изменилось».⁴⁰⁸

Может показаться странным, что освобождение Олегом Южной Руси от хазарской власти началось со свержения Аскольда. Но, как установила С. А. Плетнева, «хазары сохранили всю

⁴⁰⁵ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. – СПб., 1996, с. 78.

⁴⁰⁶ Бруцкус Ю. Д. Письмо хазарского еврея от X века. – Берлин, 1924, с. 31.

⁴⁰⁷ Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962, с. 377.

⁴⁰⁸ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа – М., 1990, с. 210.

правляющую верхушку побежденных народов... связав ее с собой вассалитетом».⁴⁰⁹ Поэтому свержение Аскольда и война с хазарами преследовали одну задачу.

Стоит отметить, что в упоминавшейся выше изданной в 1995 году книге В. Я. Петрухина, который пытается изобразить Хазарский каганат чуть ли не «благодетелем» Руси, содержатся существенные сведения о борьбе хазар с Олегом; уже шла речь о том, что Петрухин, «лакируя» взаимоотношения Руси и Каганата в своих «общих» рассуждениях, как бы не смог игнорировать конкретные сведения об этой борьбе. Противостояние Олега и хазар ясно выразилось, в частности, в следующем. В торговле того времени главную роль играли серебряные диргемы – арабские монеты, которые поступали на Русь и в соседние страны через Хазарский каганат. Но «в последней четверти IX в. (Олег по летописи начал править в Киеве в 882 г. – В.К.) приток монет в Восточную Европу резко сокращается, – пишет В. Я. Петрухин, опираясь на специальные исследования, – ...при этом... доступ серебра в Восточную Европу был искусственно приостановлен. Приток монет возобновляется в начале X в., когда серебро идет через Волжско-Камскую Болгарию из державы (арабской. – В.К.) Саманидов в обход (курсив мой. – В.К.) Хазарского каганата» (Петрухин В. Я., цит. соч., с. 93). Итак, Олег был настолько серьезным врагом Каганата, что последний устраивал экономическую блокаду Руси!

Противостояние Олега Хазарскому каганату закономерно вело к сближению с Византийской империей, которая еще с 840-х годов была в самых враждебных отношениях с Каганатом. Этому вроде бы противоречит летописное сообщение о походе Олега на Константинополь и самых жестоких действиях его войска. Но в действительности сведения из предания о походе *другого*, «второго» Олега в 941 году были перенесены летописцем на Олега Вещего в 907-й год. Это очевидно из следующих фактов.

Во-первых, византийские источники, со всей ясностью запечатлевшие походы Руси на Константинополь в 860 и, затем, в 941 годах, *ничего* не говорят о каком-либо подобном походе между этими датами. И даже те историки, которые считают поход 907 года имевшим место, вынуждены делать существенные оговорки, – как, например, и поступил Г. Г. Литаврин: «Очевидно, дело не дошло до серьезных военных столкновений, поэтому рассказ о походе не попал в византийские летописи... По всей вероятности, византийцы предпочли переговоры военным действиям против русских».⁴¹⁰ Однако невозможно усомниться в том, что если бы Олег Вещий пришел к Константинополю с сильным *войском* (хотя и не начал «серьезных военных столкновений») этот факт все же был бы отмечен в византийских хрониках.

Далее, в дошедшем до нас договоре Олега с Византией, датированном в летописи 912 годом, сказано, что он заключается «на удержание и на извещение (удостоверение) от *многих лет* межи (между) христианы и Русью бывшуюю любовь»; эта «любовь» существовала, надо думать, с первых дней правления Олега, заявившего (по летописи – в 884 году) о хазарах: «Аз им противен» (то есть являюсь их врагом). Невозможно предполагать, чтобы процитированной «формуле» договора предшествовал военный поход Олега на Константинополь! Так, в договоре, заключенном между Русью и Византией после *реального* похода 941 года, соответствующая «формула» имеет совершенно иной смысл: договор призван «обновить (возобновить) ветхий (старый, давний) мир... разоренный... и утвердить любовь межу Греки и Русью».

О действительных отношениях Олега Вещего с Византией с полной определенностью писал еще полвека назад выдающийся историк М. Н. Тихомиров: «Договор (Олегов. – В.К.) не имеет никаких намеков на враждебные отношения между русскими и греками...» и «никаких указаний на осаду Царьграда русскими... мы не имеем»⁴¹¹ (речь идет о времени Олега Вещего).

⁴⁰⁹ Плетнева С. А. Хазары. – М., 1986, с. 59.

⁴¹⁰ Литаврин Г. Г. Византия и Русь в IX-X вв. – В кн.: История Византии. Том 2. – М., 1967, с. 230.

⁴¹¹ Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией – М., 1969, с. 109.

Наконец, само данное в «Повести временных лет» описание похода 907 года на Константинополь, как определил один из виднейших специалистов в области русско-византийских отношений М. В. Левченко, «взято из славянского перевода жития Василия Нового и из продолжателя Амартола, которые использованы также для рассказа о походе Игоря»⁴¹² (то есть походе 941 года). Да, летописец, знавший, надо думать, предания о том, что правитель Руси по имени Олег предпринимал поход на Константинополь, охарактеризовал его с помощью византийских источников, отразивших поход 941 года (как уже отмечалось, этот поход, о чем подробно будет сказано далее, возглавлял не Игорь, а Олег, – но не Вещий, а другой, «второй»).

И договоры Олега Вещего, и многие иные источники недвусмысленно говорят о тесных взаимоотношениях Руси того времени с Византийской империей. Об этом свидетельствует хотя бы такое летописное сообщение: «Царь же Леон (византийский император Лев VI Мудрый, правивший с 886 до 11 мая 912 года – *В.К.*) почти(л) послы русские дарми, златом, и паволоками и фофудьями (драгоценные ткани), и пристави к ним мужи свои показати им церковную красоту... и страсти Господня и венец, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых, учаще я (их) к Вере своей и показующе им истинную Веру».

И в церковном уставе современника Олега императора Льва VI указана *русская митрополия*, что свидетельствует о немалом распространении христианства на Руси при Олеге Вещем; это, правда, вовсе не означает *официального* принятия новой религии. Стоит отметить, что, согласно сведениям византийского императора Константина VII, в середине X века русская митрополия уже не существовала, и это было, очевидно, результатом победы Хазарского каганата над Русью на рубеже 930–940-х годов; так, несколько ранее, в 932 году, Каганат победил выступившего против него «царя алан» (предков осетин), и в результате, сообщал современник события – арабский хронист Масуди, – аланы «отреклись от христианства и прогнали епископа и священников, которых византийский император раньше им прислал»⁴¹³ (позднее, после разгрома Каганата Святославом, аланы вернулись к христианству). Надо полагать, нечто подобное произошло и на Руси на рубеже 930–940-х годов.

Стоит отметить, что, согласно уставу Льва VI «О чине митрополичьих церквей, подлежащих патриарху Константинопольскому», аланская митрополия была утверждена вскоре после русской (в списке митрополий аланская занимает 62-е место, а русская – 61-е; порядок же в этом списке соответствовал хронологии утверждения митрополий). Из этого можно заключить, что война Олега Вещего с Хазарским каганатом повлияла и на судьбу алан (вернее, части этого народа, вступившего в союз с Византией и принявшего христианство). По-видимому, при Олеге противоборство Руси и Алании с хазарами осуществлялось в союзе или даже при прямой поддержке Византии (в свою очередь 700 воинов Руси участвовали в 911–912 годах в византийском походе против арабов⁴¹⁴).

Итак, при Олеге Вещем не только создалось единое русское государство, простирающееся от Ладоги до Киева: это государство выступило как полноправный участник, «субъект» исторического бытия громадного евразийского региона, в котором действовали три мощных империи – Византия, Хазарский каганат и Арабский халифат. Правда, преемник Олега Вещего потерпел поражение от Каганата, но истинная судьба Руси уже началась, и ее осуществление нельзя было надолго прервать.

Олег II.

Как уже сказано, после Олега Вещего правил, очевидно, «второй» Олег, который в устных

⁴¹² Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956, с. 100.

⁴¹³ Масуди о Кавказе. – В кн.: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. – М., 1963, с. 204.

⁴¹⁴ См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси – М., 1968, с. 62.

преданиях слился с первым; не исключено, что он был сыном первого. Документально правление «второго» Олега подтверждается составленным в середине X века «хазарским письмом», повествующим о событиях конца 930 – начала 940-х годов. В письме речь идет о тогдашнем правителе Хазарского каганата Иосифе, византийском императоре Романе I Лакапине (919–944) и «царе Руси» Хлгу (Олеге). Цитирую новейший перевод фрагмента этого письма, принадлежащий А. П. Новосельцеву:

«...во дни царя Иосифа ...злодей Романус послал большие дары Хлгу, царю Руси, подстрекнув его совершить злое дело. И пришел тот ночью к городу Смкрии (позднее Тмутаракань – Тамань. – *В.К.*) и захватил его обманным путем... И стало это известно Булшци (по-видимому, высокий хазарский титул. – *В.К.*) он же Песах хмкр (иранский или, вероятнее, хорезмийский титул. – *В.К.*), и пошел тот в гнев на города Романуса (имеются в виду византийские города в Крыму. – *В.К.*) и перебил всех от мужчин до женщин... И пошел он оттуда на Хлгу и воевал с ним четыре месяца, и Бог подчинил его Песаху... Тогда сказал Хлгу, что Романус побудил меня сделать это. И сказал ему Песах: если это так, то иди войной на Романуса, как ты воевал со мной, и тогда я оставлю тебя в покое. Если же нет, то умру или буду жить, пока не отомщу за себя. И пошел тот и делал так против своей воли и воевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали там его мужи, так как македоняне (в Византии правила тогда Македонская династия. – *В.К.*) победили его огнем (имеется в виду горячая смесь – «греческий огонь», не гаснувшая даже на воде; состав ее не вполне выяснен и сегодня. – *В.К.*). И бежал он, и устыдился возвращаться в свою землю и пошел морем в Прс (Персию. – *В.К.*) и пал там он сам и войско его. И так попали русы под власть хазар». ⁴¹⁵

Как мы еще увидим, рассказ о судьбе Хлгу-Олега с того момента, как он отправился на Константинополь, целиком и полностью достоверен (кроме одной детали: Олег, очевидно, пошел в Персию – точнее, в подчиненную тогда Ирану южную часть нынешнего Азербайджана, – опять-таки не без диктата хазар, поскольку речь шла о походе на враждебных Каганату мусульман).

Все сказанное в «хазарском письме» подтверждают современные (или близко отстоящие от события) византийские, западноевропейские и арабские источники, хотя правитель Руси в некоторых из этих источников зовется «Игорем» (почему это так – еще будет выяснено), а в арабских вообще безымянен. Правда, А. П. Новосельцев не так давно заново исследовал сочинение арабского хрониста Масуди, писавшего как раз в начале 940-х годов о «царе славян» ⁴¹⁶ по имени «ал-Олванг» (это близко к «Олег»), – притом о нем говорится как о современнике хрониста: «...царь ал-Олванг, у которого много владений, обширные строения, большое войско и обильное военное снаряжение. Он воюет с Румом», ⁴¹⁷ – то есть с Византийской империей. Между тем, как уже говорилось, нет никаких достоверных сведений о войне с Византией во времена Олега Вещего. И если «Олванг» – Олег, то речь шла именно о «втором» Олеге.

В «хазарском письме» может вызвать недоумение тот факт, что полководец Песах стремится не сокрушить до конца Хлгу-Олега, а заставить его воевать с Византией. Но для нападения на Константинополь нужен был морской поход, а флота, кроме русского (о чем уже упомянуто), не имелось. С другой стороны, Каганат преследовал цель ослабить одновременно и Византию, и Русь, ввергнув их в противоборство.

Сказанному выше о «втором» Олеге, правившем после смерти Олега Вещего и до 941 года, вроде бы решительно противоречит тот факт, что и в русской летописи, и в «Истории»

⁴¹⁵ См.: Новосельцев А. П., указ. соч., с. 216, 244.

⁴¹⁶ Ранее А. П. Ковалевский утверждал, что речь шла о «франконском герцоге» (см. кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973, с. 71), но точка зрения А. П. Новосельцева представляется более достоверной.

⁴¹⁷ Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель. – «Вопросы истории», 1991, № 2–3, с. 13–14.

византийца Льва Диакона, и в хронике епископа Кремонского Лиутпранда предводителем похода Руси на Константинополь в 941 году назван Игорь.

Однако при внимательном анализе всех источников это противоречие разрешается. Поход Руси 941 года был тщательно исследован в работах историка Н. Я. Полового.⁴¹⁸ И выяснилось, что русское войско, подойдя 11 июня 941 года на многочисленных ладьях⁴¹⁹ к Босфорскому проливу, разделилось на две неравных части. Небольшой отряд воинов – мы бы его назвали теперь десантом – рванулся вперед, высадился на берег и стал громить предместья Константинополя, между тем как на основную массу русского флота неожиданно напали византийские корабли, обрушив на него «греческий огонь». Это произвело на наблюдавших с берега морской бой «десантников» ошеломляющее впечатление. Видя, как загораются одна за другой русские ладьи, они решили, что флот погиб, борьба бессмысленна, и с наступлением ночи отправились под покровом темноты на своих немногих ладьях в обратный путь – в Киев. Вернувшись домой, они, сообщает летопись, поведали: «Якоже молонья, – рече, – иже на небесех, гръци имуть у собе, и се пушающе же жачаху нас, сего ради не одолехом им», – то есть: «Будто молнию небесную имеют у себя греки и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их».

Однако, как убедительно показал Н. Я. Половой, основная часть флота, потерпев жестокий урон от «греческого огня», отнюдь не погибла, а двинулась на восток (путь на север, в Киев, преграждал византийский флот), к берегам малоазийских провинций Византии и воевала там свыше трех месяцев.

Воссоздав этот ход событий на основе анализа всех имеющихся источников, кроме хазарского, Н. Я. Половой обратился затем к последнему, и стало ясно, что «хазарское письмо» нисколько не противоречит остальным источникам, а только дополняет их: согласно ему, флот воевал с византийцами «на море четыре месяца», а затем отправился не на Русь, а дальше на восток – через территории Каганата в города враждебных хазарам прикаспийских мусульман, – о чем сообщает и ряд арабских источников.

Так, тогдашний правитель города Бердаа (ныне – Барда в Азербайджане, в ста километрах от границы с Ираном) иранец Марзбан ибн Мухаммед, рассказал своему современнику – арабскому хронисту: «И вступили мы в битву с русами. И сражались мы с ними хорошо и перебили из них много народа, в том числе их предводителя», – то есть, без сомнения, Олега, – уцелевшие же русы «ушли к Куре (реке) и сели на свои суда и удалились».⁴²⁰ Это произошло в конце 943 – начале 944 года. Стоит отметить, что, согласно Новгородской летописи, смерть постигла Олега «идущую за море», хотя и не сказано за Черное море, – куда русские во время составления летописей уже не «ходили».

Н. Я. Половой видит в том Олеге, о котором рассказывает «хазарское письмо», не Олега Вещего, а именно другого, «второго» Олега. Вместе с тем Н. Я. Половой как бы не решился преодолеть до конца инерцию «общепринятой» версии. Сказав о том, что Игорь и Олег – «два известные нам вождя похода 941 года»,⁴²¹ он утверждал, что Олег был в «полном подчинении у Игоря» (с. 102). Но с этим едва ли согласуется твердо установленный самим же Н. Я. Половым факт: в то время как русский флот в целом – сотни или даже тысячи ладей –

⁴¹⁸ Половой Н. Я. О дате второго похода Игоря на греков и походы русских на Бердаа – «Византийский временник», т. 14, 1958, с. 138–147; он же: Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков – «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XVI. 1960, с. 105–111; он же: О русско-хазарских отношениях в 40-х гг. X в. – «Записки Одесского Археологического общества» т. 1 (34), 1960, с. 343–353; он же: К вопросу о первом походе Игоря против Византии. «Византийский временник», т. XVIII, 1961, с. 85–104.

⁴¹⁹ Источники дают цифры 10 000 и 1000 ладей: второе достовернее.

⁴²⁰ Бартольд В. В. Арабские известия о русах – В кн.: Бартольд В. В. Сочинения. Том II, часть 1 – М., 1963, с. 845.

⁴²¹ Половой Н. Я. К вопросу о первом походе... с. 101.

находился под командой Олега, Игорь возглавил небольшой десант, высадившийся на берег у стен Константинополя, а затем, по сообщению Льва Диакона,⁴²² всего лишь на десятке ладей пробравшийся в ночной темноте на север, к Руси. Н. Я. Половой считает, что именно в этом малом десантном отряде находилось «руководство похода, состоявшее из князя Игоря и его окружения» (с. 92). Но это едва ли хоть сколько-нибудь достоверное предположение.

Хазары, без сомнения, гораздо лучше знали положение на Руси, чем византийцы (не говоря уже о посещавшем Константинополь Лиутпранде Кремонском), а в «хазарском письме» именно Олег, а не Игорь назван «царем Руси». Разумеется, мне могут возразить, что вот, мол, и русская летопись ставит во главе похода 941 года не Олега, а Игоря. Но, как уже было показано, в летописи здесь вполне объяснимое противоречие. Предания донесли до ее составителя сведения о том, что правитель по имени Олег предпринимал поход на Царьград, однако, поскольку в тех же преданиях «второй» Олег слился в единый образ с Олегом Вещим, поход этот был «перенесен» (с деталями, взятыми из византийских сообщений как раз о походе 941 года!) в 907 год, когда противоборство Руси с Византией вообще не имело места (о чем подробно говорилось выше), а предводителем похода 941 года летопись объявила Игоря.

Замена Олега Игорем в рассказе о походе 941 года в византийском и западноевропейском источниках обусловлена, очевидно, тем, что Олег «исчез» после похода, а Игорь стал правителем Руси и вел последующие переговоры с Константинополем. Необходимо отметить, что западноевропейский и византийский источники, в которых предводитель похода 941 года именуется Игорем, – весьма поздние источники: Лиутпранд Кремонский получил сведения об этом походе Руси лишь в 949 или даже в 968 году, а Лев Диакон писал о нем еще позже – в 980-е годы.

Стоит обратить внимание на тот факт, что в ряде летописей Игорь называется племянником Олега – разумеется, Олега Вещего (поскольку о другом Олеге и не идет речи). Однако это почти так же неправдоподобно с «хронологической» точки зрения, как и объявление Игоря сыном Рюрика. Гораздо вероятнее, что Игорь был племянником «второго» Олега и в результате исчезновения последнего оказался на его месте в качестве правителя Руси; тем самым на него как бы перешла и вся «ответственность» за поход на Царьград, и после поражения именно он заключал в 944 году мирный договор с Византией.

Этот договор, по определению исследователя русско-византийских отношений, был, между прочим, «менее выгоден для русских, чем договор 911 года (заключенный Олегом Вещим. – В.К.)... Русь была вынуждена отказаться от некоторых прежних преимуществ... и взять на себя ряд новых обязательств по отношению к Византии»,⁴²³ – что было как бы «наказанием» за атаку на Константинополь в 941 году.

Игорь явно был тогда еще весьма молодым человеком; дело в том, что в тексте договора 944 года упомянуты послы от двух племянников Игоря и *единственного* его собственного ребенка – Святослава; если бы у Игоря имелись другие дети, послы были бы, несомненно, назначены и от них.

О том, что Игорь начал править Русью отнюдь не в 913 году (как утверждается в летописи), ясно говорит, помимо прочего, следующее. В летописях не раз упоминается выдающийся воевода Свенельд, который служил Игорю с самого начала его правления, затем служит Ольге и Святославу и, наконец, старшему сыну последнего, Ярополку, – до 977 года. И если бы Игорь действительно правил с 913 года, «воеводство» Свенельда длилось бы почти 65 лет! В действительности Свенельд стал воеводой Игоря накануне гибели последнего, в 940-х годах.

Существует весьма убедительная версия, выдвинутая в упомянутых выше исследованиях Н. Я. Полового и поддержанная М. И. Артамоновым,⁴²⁴ согласно которой Свенельд участвовал

⁴²² Диакон Лев. История – М., 1988, с. 57.

⁴²³ Левченко М. В. Указ. соч., с. 154.

⁴²⁴ Артамонов М. И. Воевода Свенельд. – В кн.: Культура Древней Руси. – М., 1966, с. 30–35.

в походе на Царьград Олега («второго»), отправился с ним в Персию, а после гибели Олега у города Бердаа возглавил уцелевшую часть войска и возвратился в Киев, где стал воеводой Игоря. Дело в том, что среди пятидесяти лиц, подписавших русский договор с Византией в 944 году (вероятно, летом), Свенельд не значится; он, по-видимому, возвратился из Закавказья в Киев лишь в конце этого года.

Изложенные выше «нестандартные» представления (прежде всего о «втором» Олеге, который и возглавлял поход на Царьград в 941 году), вроде бы не находящие никаких подтверждений в русских летописях, могут по этой причине быть восприняты с решительным сопротивлением – и как «дискредитация» летописей, и как «произвольный» домысел... Однако и Архангелогородском летописце, сохранившем (это общепризнанно) целый ряд достоверных древнейших сведений, сообщается именно о таком положении дела.

«Иде Олг на Греки... и приидоша ко Царюграду... – сказано здесь. – Бысть же тогда царь Роман (правил с 919–944 гг. – *В.К.*) и посла(л) патрекея Феофана (именно патрикий Феофан командовал в 941 году византийским флотом! – *В.К.*) с воины на русь; огненным строением пожже корабля руския, и возвратишася русь восвою без успеха; потом же... на третье лето (то есть именно в 944 году! – *В.К.*) приидоша в Киев».⁴²⁵

В этом тексте все вполне точно, – в частности, в нем не говорится, что «на третье лето» вернулся в Киев и сам Олег; вернулась только часть войска, а Олег погиб в Закавказье, «за морем», и в этом же летописце чуть ниже сообщено: «Сей же Олг... умре... егда иде от Царягорода, *перешед море* (там же), – что полностью совпадает с «хазарским письмом»!

Таким образом, первоначально в летописи именно Олег возглавлял поход 941 года и затем погиб «за морем», но позднее он был почти во всех летописях «заменен» Игорем, поскольку этого требовала вымышленная версия о единстве династии (Рюрик – Игорь – Святослав).

Впрочем, может возникнуть и такое соображение: почему бы не полагать, что Олег, действовавший в 941 году, – это все-таки тот же Олег Вещий; ведь, как известно, *ранние даты* в летописи нередко ошибочны, и, может быть, Олег Вещий умер не в 912-м (как в летописи), а в начале 940-х годов? Однако Олег, бывший взрослым человеком еще при Рюрике, родился, по-видимому, в середине IX века, а продолжительность жизни в те времена была сравнительно небольшой. Так, из всех русских князей XI – середины XIII века, даты рождения и смерти которых точно известны, только один – Владимир Мономах – перешел через семидесятилетний рубеж (он умер 71 или 72-х лет). Но еще показательнее другое; в возрасте 64-х лет Мономах написал свое великолепное «Поученье», где не раз говорит о себе как о своего рода «долгожителе» и воздает хвалу Богу, «иже мя сих дней грешного допровади». И в самом деле: нам неизвестен (если исходить из достоверных дат) ни один князь этого времени, доживший до шестидесятичетырехлетнего возраста! И Олег Вещий, безусловно, никак не мог дожить до 941 года...

Читателям может показаться, что доказательствам существования «второго» Олега я уделю чрезмерно много внимания и места. Разве столь уж важно, скажут мне, что после смерти Олега Вещего Русью правил не Игорь, а некий «второй» Олег, о котором ко времени составления летописи вроде бы совсем «забыли»?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует прежде всего обратить внимание на более существенную «забывчивость» летописи: в ней нет ни слова о том, что поход «второго» Олега на Константинополь был совершен под диктатом Хазарского каганата, – как и последующий его поход в Персию, где этот Олег – в сущности, бесславно – погиб. Не упоминается в летописи и состоявшийся ранее поход Руси в те же прикаспийские земли, имевший место между 912 и 917 годом⁴²⁶ (точная дата не установлена), – то есть, по-видимому, в начале правления того же – «второго» – Олега.

Приведу фрагменты из сочинения одного из виднейших арабских хронистов, Масуди,

⁴²⁵ Полное собрание русских летописей. Том 37. – Л., 1982, с. 57.

⁴²⁶ См.: Новосельцев А. П. Хазарское государство... с. 213.

написанного в 943 году и повествующего о первом (в 910-х годах) походе Руси на Каспий. «Около 500 судов» из Руси, – сообщал Масуди, – приплыли по Черному морю к Керченскому проливу, где «находятся хорошо снаряженные люди хазарского царя. Их задача – оказывать сопротивление каждому, кто идет с этого (Черного) моря... Когда суда русов доплыли до хазарских войск, размещенных у входа в пролив, они снеслись с хазарским царем, прося разрешения пройти через его землю... и таким образом достичь Хазарского (Каспийского) моря... с условием, что они отдадут ему половину добычи, захваченной у народов, живущих у этого моря. Он разрешил им совершить это беззаконие... Суда русов разбрелись по морю и совершили нападения... Русы проливали кровь, делали что хотели с женщинами и детьми и захватывали имущество. Они рассылали отряды, которые грабили и жгли... тысячи мусульман были убиты... Русы пробыли на этом море много месяцев... Когда русы набрали добычи... они двинулись к устью Хазарской реки (Волги) и снеслись с хазарским царем, которому послали денег и добычи, как это было договорено между ними. Хазарский царь не имел морских судов, и его люди не умели обращаться с ними; не будь этого, мусульманам от него было бы больше бед (то есть русы выполняли ту задачу, которую хазары не могли выполнить сами. – В.К.). Ларисийцы (наемная хорезмийская гвардия Каганата. – В.К.) и другие мусульмане царства (Хазарского) узнали о том, что натворили русы и сказали царю: «Предоставь нам расправиться с этими людьми, которые напали на наших мусульманских братьев...» Царь не мог им помешать, но послал предупредить русов, что мусульмане решили воевать с ними. Мусульмане собрали войско и спустились вниз по реке (Волге), ища встречи с ними... Битва между ними длилась три дня, и Аллах даровал победу мусульманам. Русы были преданы мечу, убиты и утоплены... Насколько можно было подсчитать, число тех, кого мусульмане убили на берегу Хазарской реки, было около 30 тыс.». ⁴²⁷

Н. Я. Половой справедливо писал об этом походе Руси, а также о позднейшем, состоявшемся в 943–944 годах (после похода на Константинополь), что эти «набеги Руси... помогали хазарам устоять не только против опасности с юга... но и укрепляли позиции хазар... в борьбе с Русью. Пропуская русских удальцов на Каспий, хазары без затраты собственных сил наносили мусульманам Закавказья весьма серьезные удары и, не пошевелив даже пальцем, присваивали к тому же половину добычи. Таким образом, задачей которых являлась, несомненно, ликвидация Хазарского каганата (что и осуществил в 960-х годах Святослав. – В.К.), сами временно укрепляли это государство, нанося удары... врагам Хазарии». ⁴²⁸

Что касается второго (943 года) похода Руси на Каспий, совершенно ясен диктат Хазарского каганата, заставившего Олега II сначала атаковать Константинополь, а затем – с остатками флота и войска – мусульманский город Бердаа в Закавказье. Более сложен вопрос о первом походе, хотя в сведениях Масуди очевидно вырисовывается коварнейшая «игра» хазарского царя. Вместе с тем едва ли русские приплыли к хазарской заставе в Керченском проливе без всякой предварительной договоренности и должны были еще (как считал Масуди) «снестись» с хазарским царем, находившимся в Итиле, – то есть на расстоянии около тысячи километров даже по прямой линии!

Поскольку никаких сведений о нападении Каганата на Русь в 910-х годах нет, естественно полагать, что хазары так или иначе «соблазнили» русских совершить этот поход на Каспий, обещая богатую добычу.

Размышления об этих походах Руси в Закавказье, а также о походе 941 года на Константинополь явились основой для резко отрицательной оценки Олега Вещего и Игоря в ряде широко известных ныне сочинений Л. Н. Гумилева, который еще в 1974 году утверждал, что «Олег Вещий в наследство Игорю... оставил не могучее государство, а зону влияния Хазарскою каганата», сумевшего «подчинить себе русских князей до такой степени, что они превратились в его подручников и слуг, отдававших жизнь за чуждые им интересы...

⁴²⁷ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 198, 199–200.

⁴²⁸ Половой Н. Я. О русско-хазарских отношениях... с. 349.

Летописец Нестор об этой странице истории умолчал». ⁴²⁹

Но эта «страница истории» принадлежала Олегу II, а не Олегу Вещему и не Игорю (о самостоятельной политике Игоря еще пойдет речь), и не исключено, что «молчание» Нестора об этом, другом Олеге (и походах его времени) объясняется и нежеланием помнить о нем...

Существует своего рода историческая «закономерность», о которой нередко рассуждают в общетеоретическом плане, но очень редко стремятся увидеть ее проявление в конкретном движении истории: период высокого подъема страны подчас как бы без особых причин сменяется периодом глубокого спада. То ли страна «устаёт» от мощного напряжения своих сил, то ли успехи порождают в ней самодовольство, закрывающее глаза на опасности, но, во всяком случае, эта закономерность реальна и, в частности, проявилась в истории нашей страны за последние полвека, которые явно делятся (примерно пополам) на два весьма различных периода.

Подобная смена периодов подъема и спада, как представляется, произошла на Руси посередине (то есть в 910-е годы) отрезка времени с 880-х до 940-х годов. При Олеге Вещем имели место прочное объединение Северной и Южной Руси, твердое противостояние Хазарскому каганату и плодотворные взаимоотношения с Византийской империей. В 910-х – начале 940-х годов все это так или иначе нарушается. Многозначительно, что позже, под 947 годом, «Повесть временных лет» сообщает (даю текст в переводе Д. С. Лихачева): «Отправилась Ольга к Новгороду (вернее – к Невгороду-Ладоге. – В.К.) и установила... погосты... оброки и дани», – то есть, надо думать, возродила нарушенную связь с Северной Русью. Ранее, в 944 году, Игорь возобновил союз с Византией, начав тем самым и подготовку к борьбе с Хазарским каганатом (о чем – ниже).

Словом, Л. Н. Гумилев безосновательно «осудил» Олега Вещего и Игоря, достаточно высоко оцененных (особенно первый из них) в летописях; речь должна была идти о том, кто правил Русью в тридцатилетнем промежутке между 912 и 942 годом. Как уже сказано, Архангелогородский летописец сохранил своего рода реликт верного предания о том, что поход на Царьград в 941 году возглавлял Олег (понятно, не Вещий), который затем погиб, «перешел море» (я говорю «реликт» потому, что здесь же, в *этом же самом* летописце есть отрицающая приведенное сообщение, – внесенная, очевидно, позже, – «информация»: Игорь – сын Рюрика и начинает княжить еще в 913 году!).

Итак, занявшая три десятилетия «страница истории», о которой «умолчал» Нестор – время правления Олега II. Не следует понимать это в том смысле, что «спад» и ослабление Руси в 910 – начале 940-х годов были обусловлены прежде всего личностью нового правителя: закономерная смена периодов подъема и спада коренится в бытии страны в целом, а не в характере правителя; последний только наиболее очевидно воплощает в своих действиях (и бездействии) и подъемы, и спады. Олег II уже в начале своего правления поддался коварнейшему хазарскому плану похода Руси на Каспий; впоследствии его увлекла предложенная византийским императором Романом I акция по ограблению богатого хазарского Самкерца (в «хазарском письме» сообщается, кстати, что Песах «нашел добычу, которую Хлгу захватил в Смкриу»), а затем он напал и на Константинополь (хотя, как совершенно верно писал Л. Н. Гумилев, «русам абсолютно не из-за чего было воевать с греками» ⁴³⁰) и, наконец, обрел гибель в далеком Бердаа.

Естественно полагать, что этот Олег не заботился и о единстве Северной и Южной Руси; летописные сведения о такой заботе относятся к времени Олега Вещего, который, возможно, и умер на севере, в Ладоге, где он создал первую на Руси каменную крепость, и, затем, – спустя треть века – к времени Ольги.

Уже после выхода в свет первого издания этой книги я ознакомился с фрагментом работы (опубликованной в 1995 году во французском журнале «Revue des etudes byzantines») К. Цукермана – фрагментом, озаглавленным «Русь, Византия и Хазария в середине X века:

⁴²⁹ Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани. – «Русская литература», 1974, № 3, с. 167, 168, 172.

⁴³⁰ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. – М., 1989, с. 194.

проблемы хронологии». Это исследование в известной мере «перекликается» с данным разделом моей книги, – в частности, его автор во многом опирался на те же, что и я, предшествующие (но незаслуженно «подзабытые») скрупулезные разыскания Н. Я. Полового и В. М. Бейлиса.

В исследованиях К. Цукермана убедительно доказано, что (цитирую) «Игорь правил три-четыре года... он вокняжился в 941 г., когда... его предшественник Олег навсегда покинул свою страну... Олегова Русь, вторгшаяся в „Персию“ после неудачного похода на Царьград, больше не вернулась в Киев» (выше я высказал предположение, что какая-то часть Олегова войска во главе со Свенельдом все же смогла вернуться в Киев).

Как сказано здесь же, «есть все основания считать, что Русь напала на Бердаа (между 943 и 945 гг. – В.К.) в союзе с хазарами», но «пока русские войска оккупировали Бердаа, киевский князь Игорь заключил летом 944 г. новый договор с Византией. Это хронологическое совпадение может поставить в тупик, если считать, что оба действия исходили из одной и той же власти. Трения между хазарами и Византией засвидетельствованы не только Письмом из Генизы (ок. 949 г.),⁴³¹ но и Константином Багрянородным... Каким же образом Русь могла стать союзником обеих держав одновременно?» Но на деле действовавшая по хазарской указке «Олегова Русь... не имела никакого отношения к Игоревой политике замирения с Византией» (цит. по кн.: Славяне и их соседи. Вып. 6. – М., 1996, с. 74, 76).

Этот и ряд других выводов исследователя представляются совершенно верными и весьма важными. Вместе с тем К. Цукерман, внося ясность в «проблему хронологии» княжения Игоря, к сожалению «затемнил» эту же проблему по отношению к Олегу, который оказался в его версии неправдоподобным «долгожителем».

Стремясь выйти из трудного положения, исследователь попросту предложил считать, что в 944 году «Олегу было ... не меньше шестидесяти лет» (с. 77), – то есть он родился в начале 880-х годов. Однако при таком решении придется отрицать ту связь Олега с умершим до 880 года Рюриком, о которой есть вполне определенные летописные сведения, и, во-вторых, напрочь отвергнуть все летописные даты Олеговой смерти. К тому же сам К. Цукерман упоминает, что «летописи путаются в показаниях относительно места и обстоятельств смерти Олега» (с. 76), – чего, между прочим, нет в летописных сообщениях о других князьях. И вполне естественно прийти к выводу о существовании двух Олегов, первый из которых погиб в 912 (или 913), а второй – в 944 (или 945) году. Собственно говоря, исследование К. Цукермана прямо подводит к именно такому решению, и, очевидно, только своего рода историографическая «инерция» помешала автору принять это решение...

Но нельзя не отметить, что вскоре после выхода в свет первого издания этой книги было опубликовано исследование, в котором доказывается, что существовали два Олега – «Старший» («Вещий») и его сын, «Младший», причем – и это особенно существенно – исследователь опирался на иные факты и аргументы, чем я, – главным образом на сведения из скандинавского эпоса, – но пришел к тому же выводу; см.: Алексеев Сергей. «Вещий Священный» (Князь Олег Киевский) – В кн.: Русское Средневековье. Международные отношения, 1998. Вып. 2. М. 1999, с. 4–24.

Игорь и Ольга.

Став правителем Руси, Игорь решительно сменил политическую линию. Исследуя его договор с Византией 944 года, историк и археолог Д. Л. Талис так подвел итоги: «В нем (договоре. – В.К.) указывается, что русский князь будет препятствовать „черным болгарам“, т. е., в конечном счете, тем же хазарам („черные болгары“ являлись составной частью Каганата – В.К.), разорять Корсунскую страну (то есть владения Византии в Крыму – В.К.). В свою очередь, Византия берет на себя следующее обязательство: „если русский князь будет просить у нас помощи для войны, то мы окажем ему помощь, насколько ему будет нужно“. По смыслу предусматриваемых событий и исходя из общей ситуации... Византия обязывалась оказывать

⁴³¹ Имеется в виду один из иудейско-хазарских документов.

русскому князю помощь в борьбе против тех же хазар. Договор Игоря раскрывает, таким образом... совместные действия Руси и Византии... против общего врага – хазар... При этом следует подчеркнуть, – заключает Д. Л. Талис – что... обязательства, принятые на себя русской стороной, вовсе не были продиктованы Византией. Во всяком случае, что касается борьбы против хазар, то это обязательство отвечало коренным интересам русской политики...». ⁴³²

Позднее союз Руси с Византией – несмотря на те или иные противоречия – становился все более прочным. Выше приводилось относящееся к 943 году сообщение арабского хрониста Масуди, согласно которому Русь «воюет с Румом» (Византией). Но всего через десятилетие, в 954–955 гг., – то есть уже во время правления Ольги, тот же Масуди сообщил, что многие из «племен ар-Рус... в настоящее время вошли в общность ар-Рум... И они (византийцы) поместили их (русских) гарнизонами во многих из своих крепостей... обратили их против... народов, враждебных им». ⁴³³ Исследователь этого текста, историк В. М. Бейлис, писал, что «указание ал-Масуди следует воспринимать именно в том смысле, что современное положение установилось недавно... о вступлении русов в союз (с Византией. – В.К.) ал-Масуди узнал лишь сейчас... Сообщение ал-Масуди об участии русов в борьбе Византии с ее внешнеполитическими противниками подтверждается и несколькими позднейшими, но зато более конкретными известиями» (цит. соч., с. 27, 28).

Начало же этого прочного союза с Византией В. М. Бейлис справедливо видит в действиях Игоря: «По договору 944 г. существуют уже взаимные обязательства. Византийские императоры дают войска русскому князю: «Аще просить вои у нас князь русский да воюет, да дам ему елико будет тебе». Русские воины в случае необходимости являются в Византию... «Аще ли хотети начать наше царство от вас вои на противящаяся нам да пишем к великому князю вашему, и поедет к нам, елико же хотим» (цит. соч., с. 29).

Игорь правил совсем недолго – с 941-го до конца 944 – начала 945 года, когда он был жестоко убит древлянами, разгневанными увеличением дани. Между прочим, Л. Н. Гумилев высказал предположение, что Игорь вынужден был увеличить древлянскую дань из-за необходимости платить большую дань Каганату (назначенную после поражения Олега II в войне с Песехом).

Вместе с тем договор с Византией недвусмысленно свидетельствует, что Игорь имел твердое намерение противостоять хазарам, и его сын Святослав через двадцать лет, в сущности, исполнил завет отца; поэтому негативная «оценка» Игоря, данная Л. Н. Гумилевым (он крайне возмущен Игорем и даже подвергает сомнению – без каких-либо аргументов, – что тот был отцом Святослава! ⁴³⁴) несправедлива; другое дело – его предшественник, Олег II.

Ольга, фактически правившая Русью с конца 944 – начала 945 года от имени своего сына Святослава, которому было в момент гибели отца, по-видимому, не более шести-семи лет, продолжала политику Игоря.

Согласно летописи, где замужество Ольги датировано 903 годом, ей к тому времени было по меньшей мере пятьдесят пять лет (а Святослава она родила в пятидесятилетнем возрасте...). Это, вне всякого сомнения, не соответствует действительности. Сведения самой же летописи об Ольге говорят о ее поистине молодой энергии и, между прочим, даже прямо опровергают представление о ней, как о пожилой женщине: ее сватает после гибели мужа древлянский князь Мал, а еще позднее в нее чуть ли не «влюбляется» византийский император Константин Багрянородный, родившийся в 905 году – то есть бывший по меньшей мере на пятнадцать лет моложе ее (если верить летописной дате замужества Ольги).

Сведения летописи о правлении Ольги открываются пространным рассказом о ее

⁴³² Талис Д. Л. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX–XI вв. – «Византийский временник», т. 14, 1958, с. 106.

⁴³³ Бейлис В. М. Ал-Масуди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X века. – В кн.: Международные связи России до XVII века. – М., 1961, с. 22.

⁴³⁴ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь... с. 204–205.

жестокой мести древлянам за убийство мужа, наверняка поражающей воображение и летописцев, и их читателей, – в особенности потому, что ни с чем подобным они в *современной* им жизни Руси XI–XII веков не сталкивались. Разумеется, те или иные акты мести совершались на Руси и позже, но изощреннейший и в то же время приобретающий характер своего рода монументальности ритуал, изображенный в летописи, как говорится, не имеет никаких аналогов в последующей русской истории. И есть все основания полагать, что этот ритуал мести был продиктован германской – скандинавской – традицией.

Имя Ольги свидетельствует об ее скандинавском происхождении, хотя имеются и летописные сведения о том, что она была славянкой и первоначально звалась «Прекрасой», но, по мнению (конечно, не лишнему тенденциозности) В. Н. Татищева, Олег, просватавший ее Игорю, «от любви переименовал ее в свое имя Ольга». Однако и Ольга, и ее супруг Игорь уже, без сомнения, «обрусели», что непреложно явствует из имени их сына – Святослав. До него правителей звали Рюрик, Олег, Игорь, а после него – Ярополк, Владимир, Святополк, Ярослав и т. д. (правда, и позднее представители династии Рюриковичей нередко «вспоминали» имена родоначальников и называли своих сыновей Рюриками, Олегами, Игорями). Так что «границей» между еще сохранявшими скандинавское сознание правителями Руси и уже обрусевшими можно считать время рождения Святослава (по всей вероятности, конец 930-х), и есть основания полагать, что Ольга уже была в большей мере русской, чем скандинавкой.

Но в начале ее правления ведущую роль играли воевода Свенельд (это своеобразно доказал выдающийся польский историк Руси Анджей Поппэ⁴³⁵) и «кормилец» (воспитатель) Святослава Асмуд, то есть скандинавы, которые, по летописи, непосредственно руководят походом возмездия против древлян (впоследствии – о чем ниже – оба они находились в Северной Руси, а в Киеве Ольгу в 968 году спасает от печенегов воевода со славянским именем Претич). И, по-видимому, именно эти скандинавы, а не сама Ольга, продиктовали тот впечатляющий ритуал возмездия древлянам, который позднее никогда уже не имел места на Руси.

Такое умозаключение подтверждается и тем, что Ольга через некоторое время приблизила к себе плененных и превращенных в рабов детей древлянского князя Мала – Малушу и Добрыню. Это вроде бы противоречит рассказу о самой жестокой расправе с древлянами, однако в «Повести временных лет» есть сообщение о том, что после захвата древлянского города Искоростень Ольга «старейшины же града изыма, и прочая люди овых изби, а другия работе предасть», – то есть: «городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство...».

А. А. Шахматов привел целый ряд аргументов в пользу мнения, что рабыня-ключница Ольги Малуша и ее брат Добрыня были детьми древлянского князя Мала.⁴³⁶ Правда, эта версия оспаривалась, но иначе трудно объяснить «карьеры» этих лиц: как могла рабыня стать супругой Святослава и матерью Владимира, а ее брат – наиболее важным воеводой последнего? Гораздо достовернее, что перед нами в самом деле «прощенные», в конце концов, за вину их отца дети князя Древлянского...

Летописные сведения о Малуше и Добрыне являют собой в своей совокупности своего рода драматический роман. После убийства Игоря древлянский князь Мал дерзко сватает его вдову Ольгу, но терпит поражение, а дети его становятся рабами Ольги. Но затем Ольга не только прощает этих детей – в сущности, отменяя тем самым завет неотвратимой мести, – но и делает их судьбу достойной их княжеского происхождения. Вполне возможно, что это прощение было порождено и принятием Ольгой христианства.

⁴³⁵ Поппэ А. В. Родословная Мстиши Свенельдича. – В сб.: Летописи и хроника. 1973 г. – М., 1974, с. 86.

⁴³⁶ А. А. Шахматов, в частности, предложил убедительное объяснение причины возникновения двух разных летописных именований отца Малуши и Добрыни: Мал и Малк Любчанин: Мал происходил, по преданию, из древлянского города Кольчеськ – Къльчеськ и звался Мал Къльчанин, но переписчик летописи неправильно разделит слова, получился «Малкъ Лъчанин». и второе слово превратил в «Любчанин», поскольку город Любеч был гораздо более известным (см.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908. с. 375).

Вместе с тем создается впечатление, что Ольга, отомстив Малу, словно бы оценила его стойкость и дерзость и захотела, чтобы ее внук был и внуком Мала (таким образом, *свадьба*, предложенная Малом, все-таки состоялась у *детей* Ольги и Мала...). Этот драматичный «роман», действие которого началось в 945 году, как бы обретает острейшее завершение через много лет, в 980-м, когда внук Ольги и Мала Владимир Святославич посватает дочь полоцкого князя Рогволода – скандинавку Рогнеду, но та, зная о давнем статусе Малуши, надменно отвергнет предложение: «Не хочу разуть сына рабыни!»⁴³⁷ – и совершится жестокая развязка – Владимир погубит отца и двух братьев Рогнеды и возьмет ее в жены насильно...

Это переплетение мести и прощения, ненависти и любви словно предвещает ситуации романов Достоевского. Вообще, внимательно вглядываясь в самые начальные страницы истории Руси, мы уже и там обнаруживаем богатую, сложную и многостороннюю жизнь, которая способна захватить разум и душу так же, как и новейшая отечественная история.

Нельзя не сказать и о том, что после того как Ольга выдала дочь древлянского князя за Святослава, по-видимому, полностью прекратилось то противостояние Деревской земли Киеву, которое имело место, согласно летописи, уже в начале IX века, после смерти Кия, и, умиротворившись во времена мощной власти Олега Вещего (который «обладала деревляны»), вновь обострилось в период ослабления Руси, приведя, в конце концов, к гибели Игоря.

Ольга и Святослав.

Перед нами подлинно великие исторические деятели, значение которых в судьбе Руси невозможно переоценить. Восходящая к XI веку «Похвала княгине Ольге» говорит с удивлением о ней: «...телом жена сущи, мужеску мудрость имеющи»; в «Повести временных лет» сказано, что она «мудрейши всех человек». Но, судя по делам Ольги, она обладала не только мудростью, но и поистине не женской властной волей и отвагой.

Как уже говорилось, летописные сведения, согласно которым Ольга к моменту гибели мужа была уже на шестом десятке лет, заведомо неверны; ей, по всей вероятности, было менее тридцати лет, о чем особенно весомо свидетельствует ее чрезвычайно энергичная деятельность, – поход на древлян, путешествие, или, скорее всего, два путешествия (в 946 и в середине 950-х годов) в далекий (более тысячи верст) Константинополь, поездка (кстати, также более тысячи верст по прямой от Киева до Ладоги) и преобразования в Северной Руси, создание своей мощной укрепленной ставки – Вышгорода и т. д.

Ольга продолжала политическую линию Игоря, стремясь всемерно укреплять и расширять союз с Византийской империей. Она прибыла в Константинополь с внушительным (более ста пятидесяти человек) посольством и, несмотря на то, что в ее взаимоотношениях с императором Константином Багрянородным имелись определенные трения и противоречия, союз был достаточно прочным.

До недавнего времени полагали, что путешествие Ольги в Константинополь состоялось сравнительно поздно – в 957 году, то есть через двенадцать лет после начала ее правления. Но, начиная с 1981 года, один из виднейших современных историков Византии и ее отношений с Русью, Г. Г. Литаврин, в целом цикле исследований⁴³⁸ основательно доказывает, что Ольга отправилась в Константинополь вскоре же после гибели Игоря (конец 944 или начало 945-го) – в начале лета 946 года.

⁴³⁷ По тогдашнему обычаю после свадьбы жена снимала обувь мужа.

⁴³⁸ Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: проблема источников. – «Византийский временник», 1981, т. 42; он же. О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь. – «История СССР», 1981, № 5; он же. Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора. – В кн.: Византийские очерки. М., 1982; он же. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX-X вв. – В кн.: IX Международный съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. – М., 1983; он же. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги. – Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985 год. – М., 1986; он же. Реплика на статью А. В. Назаренко – «Византийский временник». Том 30. – М., 1989.

Эту точку зрения поддержал ряд видных историков. Вместе с тем ее оспорил в нескольких статьях А. В. Назаренко,⁴³⁹ оговорив, правда, что он не опровергает вывод Г. Г. Литаврина, а лишь выражает определенные сомнения, опираясь при этом на различные детали исторических источников.

Можно согласиться с тем, что вывод Г. Г. Литаврина не обладает стопроцентной достоверностью, но, если исходить из общей исторической ситуации того времени, он все же гораздо более достоверен, чем датировка посольства Ольги 957-м годом.

Во-первых, предшествующий византийский император Роман Лакапин, заключивший летом 944 года договор с Игорем, был 16 декабря того же года отстранен от власти, и примерно тогда же погиб его «содоговорник» Игорь. Естественно, что и Ольга, и занявший место Романа император Константин Багрянородный должны были не откладывая осуществить *подтверждение* заключенного их предшественниками договора.

Далее, точно известно, что уже в 949 году большой отряд русских воинов участвовал в войне Константина Багрянородного с арабами, а это, надо полагать, подразумевало состоявшееся ранее «перезаключение» договора 944 года (где военная помощь Руси была предусмотрена). В византийской хронике Скилицы, между прочим, сказано, что «жена... русского архонта (то есть князя Игоря. – В.К.), *когда умер ее муж* , прибыла в Константинополь»; естественно полагать, что приезд Ольги имел место непосредственно после гибели Игоря, а не почти полтора десятилетия спустя.

Наконец, уже в 954 году (то есть опять-таки до 957 года) Русь предстает в арабских источниках в качестве самого важного союзника Византии. Так, знаменитый арабский поэт ал-Мутаннаби (915–965) непосредственно после первой – неудачной – битвы византийцев (совместно с русскими) и арабов у крепости ал-Хадас 30 октября 954 года писал, что напрасно, мол, «ар-Рум и ар-Рус» (то есть Русь и Византия – Ромейское царство) надеются победить арабское войско. В. М. Бейлис заметил по этому поводу: «Здесь впервые мы видим употребление рядом терминов „Рус“ и „Рум“ (впоследствии это часто встречается в восточной литературе при изображении двух мощных военных сил, являющихся наиболее опасными врагами мусульман)».⁴⁴⁰

Поскольку эти сведения относятся к 954 году, естественно заключить, что приезд Ольги в Константинополь состоялся не в 957-м, а еще в 946 году, ибо едва ли то военное единство Византии и Руси, о котором свидетельствуют арабские источники, сложилось без прямых переговоров Ольги и Константина Багрянородного.

В составленном при непосредственном участии Константина трактате «О церемониях» так рассказано о первом приеме Ольги: «...когда василевс (император Константин) с августой (императрицей Еленой) и его багрянородными детьми уселись... была позвана архонтисса (княгиня Ольга). Сев по повелению василевса, она беседовала с ним, сколько пожелала. В тот же самый день состоялся клиторий (торжественный обед)... Архонтисса, наклонив немного голову, села к апокопту (императорскому столу)».

Видный историк Византии и Руси, эмигрант Г. А. Острогорский (1902–1976) писал о цитируемом тексте: «Значение этих подробностей станет ясно, если иметь в виду исключительную важность, приписывающуюся им правилами византийского церемониала. Право сидеть в присутствии императора считалось чрезвычайной привилегией... По общему правилу каждый, предстающий перед императором... падал перед ним ниц...» Ольга же «ограничилась тем, что слегка наклонила голову», а «после официальных приемов... встречалась с императором Константином Багрянородным и императрицей Еленой, можно

⁴³⁹ Назаренко А. В. Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? – «Византийский временник». Том 50. – М., 1989; он же: Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь. – Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. – М., 1995.

⁴⁴⁰ Бейлис В. М. Ал-Масуди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в – В кн.: Международные связи России до XVIII века. – М., 1961, с. 30.

почти сказать, запросто».⁴⁴¹

При этом необходимо учитывать, что Константин вовсе не был «русофилом»; известный историк А. Н. Сахаров, автор труда «Дипломатия Древней Руси», справедливо говорит (исходя из рассуждений Константина в его трактате «Об управлении Империей»), что император являл собой, напротив, «русофоба».⁴⁴² В то же время А. Н. Сахаров всецело соглашается с процитированными суждениями Г. А. Острогорского.

Чем же объясняются высокие почести, оказанные Ольге? А. Н. Сахаров дает вполне убедительный ответ на этот вопрос: «Русь была нужна (вернее, необходима. – В.К.) Византии как противовес в борьбе с Хазарией... а также как поставщик союзных войск в противоборстве с арабами» (там же, с. 273).

Отношения Византийской империи с Хазарским каганатом в 940–950-х годах действительно были крайне враждебными: так, в своем трактате «Об управлении империей» (948–952 гг.) Константин, характеризуя соседствующие с Империей государства и народы, главу о Каганате озаглавил весьма выразительно: «О Хазарии, как нужно и чьими силами воевать с нею»,⁴⁴³ – то есть Каганат предстал в его мировосприятии в качестве врага, как говорится, по определению.

Вместе с тем между Ольгой и Константином были, несомненно, определенные несогласия. Так, по убеждению ряда историков, Ольга преследовала цель обручить Святослава с представительницей византийской императорской семьи (скорее всего, с младшей из пяти дочерей Константина – Анной). Этот «сюжет» в «преображенном» виде явлен, как полагают, в летописном рассказе о якобы прозвучавшем предложении Константина обручиться с самой Ольгой (рассказе, конечно, несообразном, поскольку у императора была супруга Елена, о чем летопись умалчивает).

По догадке видного историка В. Т. Пашуто,⁴⁴⁴ поддержанной А. Н. Сахаровым,⁴⁴⁵ Ольга прибыла в Константинополь вместе с отроком-сыном Святославом; ведь в византийских протоколах о приеме Ольги фигурирует ее «анепсий», что означает «кровный родственник», который занимает второе место после Ольги в иерархии посольства. Тот факт, что Святослав едва ли еще достиг даже и десятилетнего возраста, вовсе не исключает замысел сватовства, поскольку решения о династических браках принимались нередко задолго до достижения женихом и невестой брачного возраста. А «инкогнито» Святослава, вполне вероятно, было продиктовано нежеланием объявить о его присутствии в посольстве ранее договоренности о будущем браке.

Из сочинений Константина явствует, что он категорически возражал против браков императорской семьи с русскими «варварами», и намерение Ольги было заведомо обречено на неудачу. Однако Ольга все же оказалась как бы более прозорливой, чем Константин, ибо хотя ей не удалось устроить свадьбу своего сына с дочерью императора, – которую, скорее всего, звали Анной, – впоследствии, через сорок лет, когда правил внук Константина, Василий II, внук Ольги Владимир все же обвенчался с другой Анной – внучкой императора Константина!

И это, конечно, отнюдь не просто любопытный «случай». В различии итогов сватовства к дочери и, позднее, к внучке императора Константина наглядно воплотился исторический путь Руси от 940-х до 980-х годов.

По всей вероятности, уже *после* той поездки в Константинополь, о которой шла речь,

⁴⁴¹ Острогорский Г. Византия и киевская княгиня Ольга. – В кн.: To Hnnp Roman Jakobson. Essays on the Occasions of his seventieth Birthday. – 1967, v. II, p. 1469–1471.

⁴⁴² Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., 80, с. 266.

⁴⁴³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989, с. 51.

⁴⁴⁴ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968, с. 67.

⁴⁴⁵ Сахаров А. Н., цит. соч., с. 291.

Ольга приняла христианство. О месте и дате этого события с давних пор идут споры. Г. Г. Литаврин считает наиболее достоверным, что оно совершилось во время *второй* поездки Ольги в Константинополь – в 954 или 955 году; по мнению других историков, Ольга в это время крестилась в Киеве.

Как было показано выше, христианство в той или иной мере развивалось на Руси еще с 860-х годов, и есть даже некоторые основания полагать, что тогда крестился и сам правитель Киева Аскольд.

Но Крещение Ольги, во-первых, всецело несомненно, и, во-вторых, было гораздо более осознанным и содержательным актом, чем прежние приобщения русских Православию. Согласно летописи, Ольга постоянно – хотя и тщетно – стремилась приобщить к христианству Святослава (о чем – ниже), и летописец вложил в ее уста проникновенные слова:

«Воля Божья да будет; аще Бог хочет помиловать рода моего и земле Русские, да возложит им на сердце обратиться к Богу, яко же мне Бог дарова». И внук Ольги Владимир действительно «обратился к Богу». Поэтому русская Церковь обоснованно присвоила Ольге (как и Владимиру) достоинство *равноапостольной* (то есть имеющую заслугу, равноценную заслугам Христовых апостолов).

Государственная деятельность Ольги была чрезвычайно масштабной. Помимо утверждения прочных взаимоотношений с Византией и установления порядка в Северной Руси, Ольга предприняла усилия для налаживания связей с Западом. В 959 году она отправила посольство к германскому королю (с 962 года – императору Священной римской империи) Оттону I Великому. В германских хрониках утверждается, что «послы Елены (христианское имя Ольги. – *В.К.*), королевы ругов (русских. – *В.К.*), крестившейся в Константинополе... явившись королю... просили назначить их народу епископа и священников». В 961 году католический епископ Адальберт отправился в Киев, но был по сути дела изгнан оттуда.⁴⁴⁶

Это сообщение побудило ряд историков высказать предположение, что к 959 году отношения Руси и Византии решительно испортились, и Ольга вознамерилась примкнуть к католической Церкви. Однако такой версии явно противоречит тот факт, что в 960 году русское войско в очередной раз участвует в сражениях Византии с арабами. И, надо думать, правы те исследователи, которые считают что превращение Руси в католическую епархию отнюдь не соответствовало устремлениям Ольги, желавшей только установления взаимоотношений с Западом.

В высшей степени показательно, что процитированная статья германской хроники начинается так: «...959. Король снова отправился против славян; в этом походе погиб Титмар. Послы Елены, королевы ругов...» и т. д. И, очевидно, прав автор трактата «Папство и Русь в X–XV веках» Б. Я. Рамм, который доказывал: «В тесной связи с захватническими войнами против полабских славян, начавшимися с новой силой в 956 г. (то есть за три года до посольства Ольги. – *В.К.*), стоит и неприкрытый интерес, проявленный Оттоном к Руси... он задумал создать... епархии... в областях язычников: одна такая епархия намечалась в Польше и другая на Руси. Обращение в христианскую (католическую. – *В.К.*) веру русских было для Оттона I важным постольку, поскольку оно, как он надеялся, могло облегчить окончательное покорение западных славян и распространение его политического влияния на Русь... Адальберт явился в Киев с титулом «епископа русского»... и вскоре по приезду гостей в Киев поднялось по их адресу такое возмущение... что Адальберт со своими спутниками счел за лучшее спешно оставить пределы Киевской земли».⁴⁴⁷

Весьма примечательно, что отвержение «миссии» Адальберта не привело к разрыву отношений Руси и Германии. Оттон I, по-видимому, все же смирился с тем, что Русь не пожелала стать частью католического мира, и на созванном им в марте 973 года «имперском съезде» присутствовало посольство Руси, представлявшее княжившего тогда в Киеве внука

⁴⁴⁶ Назаренко А. В. Русь и Германия в IX–X вв. – Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. – М., 1994, с. 61 и далее...

⁴⁴⁷ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. – М., 1959, с. 33.

Ольги (умершей около четырех лет до этого) Ярополка (отец его, Святослав, погиб годом ранее).

Итак, Ольга, в сущности, «вывела» Русь на мировую арену, установив взаимосвязи и с расположенной к югу от Киева Византией, и с Западной Европой в лице самой ее мощной тогда державы. Но достаточно сложна была проблема отношений с восточным соседом – Хазарским каганатом.

У нас нет сведений о каких-либо военных столкновениях Руси с хазарами в период от 945 до 965 года, – когда совершился победоносный поход Святослава на Итиль. Но сам факт этого мощного похода, начиная с которого и развернулась героическая деятельность Святослава, ясно свидетельствует о грозной опасности со стороны Каганата.

Император Константин писал между 948 и 952 годом о «крепости Киева, называемой Самватас». Это название, как подтвердило недавно тщательное филологическое исследование А. А. Архипова, имеет еврейское происхождение («Самбатсион») и означает в данном случае *пограничную* крепость – то есть расположенную на западной границе Каганата.⁴⁴⁸ Другой исследователь положения в Киеве того времени, В. Н. Топоров, опираясь на целый ряд сведений, доказывает, что «ситуация... характеризуется наличием в городе хазарской администрации и хазарского гарнизона».⁴⁴⁹

Это, на мой взгляд, всецело подтверждается тем фактом, что Ольга пребывала не в Киеве, а в созданной ею в двадцати километрах к северу от столицы крепости Вышгород; летопись под 946 годом констатирует: «бе бо Вышегород град (что означало «крепость». – В.К.) Вользин» (Ольгин). Подчас Вышгород рассматривается как «загородная резиденция»; однако хорошо известно, что, помимо княжеского дворца в самом Киеве, существовал и действительно загородный (в двух-трех километрах от тогдашних пределов города) дворец в селце Берестове.

Вышгород (это явствует уже из самого названия) представлял собой высящуюся на крутом холме над Днепром неприступную крепость, и, что особенно многозначительно, и этом Ольгином городе, как доказано недавними археологическими исследованиями, были созданы железоделательные и железообрабатывающие предприятия, образовавшие (по определению археологов) целый «квартал металлургов».⁴⁵⁰ Поскольку в Киеве имелась высокоразвитая по тогдашним меркам металлургия, вполне очевидно, что Ольга считала необходимым иметь возможность производить оружие вне какого-либо контроля хазарской крепости Самватас. Важно добавить, что, как показали археологические исследования, при преемниках Ольги, когда в Киеве уже не было хазарского «присутствия», «квартал металлургов» в Вышгороде «суживается, на его месте появляются жилые усадьбы» (цит. соч., с. 35).

Далее, есть все основания полагать, что летописное сообщение о распределении древлянской дани – «две части дани идет Киеву, а третья Вышгороду и Ользе» – подразумевает прискорбное обстоятельство: «две части дани» доставались «хазарской администрации» Киева... Американский тюрколог Омелян Прицак не так давно высказал мнение, что упомянутая в летописи под 945 годом «*Пасыньча беседа*», расположенная у киевского урочища (района) «*Козаре*», – это шатер («беседа» в древнерусском языке означала не только «разговор», но и «палатку», «шатер» – ср. слово «беседка») сборщиков дани, ибо «пасыньча» – тюркское слово того же корня, что и позднейшее (уже монгольских времен) слово «баскак».⁴⁵¹

Так что ситуация в Киеве при Ольге была сложная и угрожающая, но княгиня не прекращала свою деятельность, соблюдая меры безопасности; это ясно и из наличия

⁴⁴⁸ Архипов А. А. Об одном древнем названии Киева. – В кн.: История русского языка в древнейший период. – М., 1994, с. 224–240.

⁴⁴⁹ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. – М., 1995, с. 283 и далее.

⁴⁵⁰ Пекарская Л. В. Зоценко В. Н. Археологические исследования древнерусского Вышгорода в 1979–1981 г. – В кн.: Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Сборник научных трудов. – Киев, 1985, с. 129, 135.

⁴⁵¹ См. цит. соч. В. Н. Топорова, с. 285–286.

Вышгорода, и из установленного Г. Г. Литавриным количества воинов – более 1300 человек, – сопровождавших Ольгу в ее путешествии в 946 году в Константинополь. По сообщениям летописи, Ольга вынуждена была долго ожидать в заливе перед Константинополем, прежде чем ее пустили в город; возможно, греков встревожило такое обилие воинов при ее посольстве.

Наконец, нельзя не обратить сугубого внимания на тот факт, что, согласно вполне достоверным сведениям современника императора Константина, относящимся к 948–952 году, юный Святослав «сидел» не в Киеве, и даже не в Вышгороде, а в Северной Руси, в «Немо-гарде», который долго отождествляли с Новгородом, на самом деле построенном позже; речь шла о Невгороде-Ладого, где еще Олег Вещий воздвиг первую на Руси каменную крепость (современная археология доказала, что Новгород возник не ранее второй половины X века)». ⁴⁵²

Согласно летописи, Ольга в 947 году отправилась в Северную Русь с целью восстановить в ней государственный порядок и прочную связь с Киевом; вместе с тем она поселила там юного сына, дабы обеспечить ему безопасность и условия для создания – вдали от хазарского контроля – мощного войска.

Святослав.

Существует летописная дата рождения этого князя – 942 год, но она противоречит не лишнему юмору сообщению самой летописи о том, как в 946 или, точнее, в 945 году Святослав «почал» сражение с древлянами, восседая на коне и бросив боевое копьё: «и копьё лете сквозь уши коневе». Ведь трехлетний ребенок вообще не мог бы управиться с весьма тяжелым тогдашним оружием. Кроме того, трое сыновей Святослава предстают в летописных статьях 975–980 годов как пусть и юные, но уже, так сказать, «совершеннолетние» люди, которые родились, следовательно, не позже второй половины 950-х годов; между тем, если признать годом рождения Святослава 942-й год, ему в 955 году было всего 13 лет.

Словом, Святослав родился, надо думать, несколькими годами ранее 942 года, но, пожалуй, не ранее 937 года, поскольку во время похода Ольги на древлян ему едва ли было (судя по рассказу о броске копья) больше семи – восьми лет.

«Участие» мальчика в военном походе, конечно же, оказало глубокое воздействие на его душу. Затем он, вполне вероятно, совершил с матерью путешествие в Константинополь и получил сильное впечатление от зрелища «Царягорода»; это, кстати, гораздо более правдоподобно, нежели предположение о том, что Ольга оставила сына в контролируемом Хазарским каганатом Киеве. Далее следует поездка в Северную Русь, в крепость Невгорода, где Святослав и «возрос» под патронатом воеводы Свенельда и «кормильца» Асмуда. Все это заложило основы характера и сознания будущего великого полководца и правителя.

В историографии «посажение» Святослава в Северной Руси нередко истолковывается как первое проявление установившегося позже порядка. Так, А. В. Назаренко, отметив, что «поездка Ольги в Новгород (еще раз напомним о более позднем создании Новгорода; речь должна идти о Невгороде-Ладого. – В.К.) для посажения там сына должна была иметь место до 950/951 г., как видно из датировки трактата «Об управлении империей»». ⁴⁵³ Мы не скажем ничего нового, – резюмирует А. В. Назаренко – если напомним, что в раннюю пору древнерусской государственности владению Новгородом киевские князья придавали особое значение, сажая здесь, как правило, старшего сына: при Ольге здесь княжил Святослав, при Святославе – Владимир, при Владимире – старший Вышеслав, а затем Ярослав, при Ярославе – старший Владимир». ⁴⁵⁴

⁴⁵² См. трактат Е. Н. Носова «Новгородское (Рюриково) городище». Л., 1990, с. 193–199.

⁴⁵³ В этом трактате императора Константина VII сообщается о «сидении» Святослава в «Немогарде».

⁴⁵⁴ Назаренко А. В. Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? – «Византийский временник», т. 50, 1989, с. 81–82.

Начиная с Владимира Святославича, который, вероятнее всего, и создал Новгород (то есть новый по отношению к Ладоге город), этот порядок действительно имел место. Но неосновательность переноса этого порядка на более ранний период обнаруживается уже в том, что столь высококвалифицированный историк, как А. В. Назаренко, неожиданно «забыл» общеизвестное: ведь Владимир Святославич был отнюдь не старшим, а самым младшим сыном Святослава! Тем более несостоятельна версия о том, что Ольга, которая, в сущности, правила «от имени» юного Святослава (о чем сказано в летописи) в качестве «регентши», будто бы явилась основоположницей позднейшего обычая отправлять старшего (Святослав-то был не старшим и не младшим, а единственным) сына в Северную Русь. Гораздо достовернее полагать, что Ольга, увозя примерно десятилетнего Святослава в далекую северную крепость, имела в виду его безопасность и свободные условия для создания (вначале под руководством опытного воеводы Свенельда) могучего войска, – о чем ясно говорит и летопись: «Князю Святославу възраставшу и възмужавшу, нача воины совокупляти многи и храбры и легько ходя, аки пардус (барс), воины многи творяше».

Между прочим, тот факт, что Святослав «возрос» и «возмужал» в Ладоге, основательно подтверждается его полным неприятием христианства, которое в Северную Русь проникло гораздо позднее, чем в Киев (так, даже и в 990-х годах, при Владимире, его воевода Добрыня вынужден был для крещения новгородцев прибегнуть к жесткому насилию, – чего не было в Киеве, где христианство уже имело длительную историю). Не приходится говорить уже о том, что если бы Святослав вырос под рукой принявшей христианство Ольги, он, вероятнее всего, как-то испытал бы его воздействие. Между тем летопись сообщает резкие слова Святослава: «Вера хрестьянска уродьство есть». И на просьбы матери принять христианство он отвечал: «Дружина моя сему смеяться начнуть». Ясно, что речь шла о дружине, собранной в Северной Руси, ибо уже при Игоре определенную часть *киевской* дружины, согласно летописи, составляли христиане, которые клялись соблюдать договор с Византией «в церкви святого Ильи».

Наконец, и в поход на хазар Святослав отправился, по-видимому, из Северной Руси, ибо он шел к востоку по Оке, а не через расположенные непосредственно восточнее Киева Северский Донец и Дон. Правда, этот путь Святослава имел и иное – и гораздо более существенное – значение. Выше подробно говорилось о грандиозном военно-хозяйственном лагере Хазарского каганата в области Дона, где были поселены вокруг мощных крепостей хорошо вооруженные (оружие изготовлялось здесь же) воины из аланских, болгарских и, частично, гузских и печенежских племен. Святослав не пошел по прямому пути, на котором русское войско, вероятно, не один раз терпело поражения. Он предпринял обходной маневр, в два-три раза удлинивший его путь, но позволивший атаковать Каганат на менее защищенных его рубежах.

Пройдя по Оке, Святослав уничтожил хазарскую власть над племенем вятичей (которая установилась еще в начале IX века, то есть полтора столетия назад), а затем двинулся к Итилю по Волге. «Повесть временных лет» содержит предельно краткое сообщение (поскольку речь идет о событии полуторастолетней давности); «Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу с князем своим Каганом (титул уже понимается как имя. – В.К.), и съступишися битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их и Белу Вежю взя».

Во многих работах «град» понят как столица Каганата Итиль (вблизи современной Астрахани), а «Белая Вежа» (башня) – как весьма далекая от Итиля крепость в низовьях Дона Саркел (что и значит «белая вежа»). Хотя Святослав позже действительно захватил донской Саркел, гораздо более достоверна точка зрения, согласно которой в «Повести временных лет» речь идет о *двух частях* Итиля – левобережном «граде» и правобережном Саркеле (Белой Башне), где находилась резиденция кагана.⁴⁵⁵

После того как Итиль был захвачен Святославом, многоплеменные войска Каганата, расположенные в различных его областях, потеряли управление и просто рассыпались: археологические исследования показали, что мощный придонский военный лагерь с его

⁴⁵⁵ См.: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 192–193.

крепостями начисто опустошился (некоторые авторы почему-то связывают это с нашествием враждебной хазарам части печенегов, которые на самом деле кочевало значительно южнее, в непосредственно причерноморской степи).

Как достаточно четко сообщают арабские источники, Святослав не ограничился взятием Итиля, а покорил также расположенные южнее хазарские центры, в частности Самандар (вблизи нынешней Махачкалы), а затем уже через Дон возвратился в Киев.

Итак, Святослав совершил беспрецедентный победный поход, преодолев *несколько тысяч* километров, захватив целый ряд крепостей и разгромив не одно сильное войско. Была полностью сломлена мощь Хазарского каганата, который, по определению современного историка А. П. Новосельцева, до этого похода Святослава «господствовал на обширной территории Восточной Европы, где многие народы... от него зависели» и был «главной политической силой Восточной Европы».⁴⁵⁶

Не раз народы и государства, подчиненные Каганатом, пытались сокрушить его, но победа в конечном счете оставалась за хазарами. Так, терпели поражение от Каганата и аланы, и булгары, и гузы (торки), и касоги (черкесы), а венгры и часть печенегов «спаслись» тем, что просто ушли от Каганата на запад. Словом, в самом факте полнейшей победы Святослава выразилось растущее величие Руси. И поход Святослава – и по замыслу, и по осуществлению – это, конечно, деяние великого полководца.

В заключение темы стоит отметить, что из-за некоторых хронологических деталей в арабских источниках в последнее время возникло предположение не об одном, а о двух походах Святослава на хазар, – в 965-м и, позднее, в 969 году, причем второй поход состоялся уже без участия самого Святослава, но по его указанию. Это предположение, основанное, повторяю, на хронологической «неувязке» в арабском сообщении, едва ли основательно. Невозможно поверить, что Святослав, столь долго готовивший свой хазарский поход, все же не довершил его; с другой стороны, совершенно неправдоподобно, что некий второй поход был предпринят тогда, когда Святослав уже вел свою новую войну за Дунаем, к которой мы теперь и обратимся.

Достаточно широко распространено представление, что Святослав был своего рода принципиальным врагом не только Хазарии, но и Византии: это мнение как бы находит веское подтверждение и Святославовом неприятии христианства. В связи с этим, в частности, возникла и версия о будто бы имевшем место остром конфликте между Святославом и христианкой Ольгой, хотя для такого мнения и нет никаких серьезных оснований. Утверждают, например, что, достигнув зрелости Святослав якобы насильственно «отстранил» Ольгу от власти, даже совершил-де «государственный переворот» (то ли в 960-м, то ли в 964 году) Между тем хорошо известно, что Ольга правила *от имени* Святослава: так, в «Повести временных лет» рассказ о правлении Ольги озаглавлен следующим образом: «Начало княженья Святославля, сына Игорева».

Несостоятельна и концепция о заведомо «антивизантийской» направленности Святослава (которая, в частности, и отделила-де его от Ольги). Едва ли не главным виновником этой версии является знаменитый византийский историк Лев Диакон, создавший повествование о событиях в Византии в 959–976 годах – повествование, один из главных и наиболее подробно изображенных героев которого именно Святослав (что само по себе говорит о громадном значении этого русского исторического деятеля). Незадолго до того, как Святослав предпринял наступление на Хазарский каганат, 16 августа 963 года в Константинополе начал править Никифор II Фока – один из самых выдающихся императоров за всю историю Византии. И в 964 году (то есть когда на Руси правил уже Святослав, а не Ольга) русское войско участвует в борьбе Никифора с арабами – так что говорить о конфликте Святослава с Византией нет пока никаких оснований. Далее, в 966 году назрела война Никифора с Болгарией, и он решает пригласить на помощь Святослава (исходя, понятно, из союза своих предшественников на византийском троне с Ольгой). Для этого он отправляет к Святославу своего полномочного представителя Калокира – человека, который принадлежал к знати города Херсонеса, то есть столицы византийских владений в Крыму; здесь важно иметь в виду, что херсонесцы

⁴⁵⁶ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы – М., 1990, с. 3, 89.

непосредственные соседи Руси, лучше знали и понимали ее настроения и интересы. Для весомости посольства Никифор присваивает Калокиру один из высших и наиболее почетных византийских титулов *патрикия*. Кроме того, Калокир везет с собой в Киев в качестве дара огромное количество золота (около 450 килограммов),

По-видимому, в 967 году Калокир прибыл в Киев и вскоре, как сообщает Лев Диакон, «завязал дружбу» и даже принял «побратимство» со Святославом. И в самом деле, византийский патрикий уже почти не расставался со Святославом во время его последующих походов. Но далее в рассказе Льва Диакона появляется заведомое искажение реальности. Он утверждает, что Калокир-де «уговорил» Святослава «помочь ему... в борьбе за овладение престолом и ромейской (византийской) державой», обещая за это «несказанные богатства из царской сокровищницы», а также и власть над Болгарией (дунайской).

В комментарии к недавно вышедшему в Москве (в 1988 году) изданию «Истории» Льва Диакона (в его подготовке участвовали выдающийся византолог М. Я. Сюзюмов, начавший изучать наследие этого византийского историка еще в 1916 году, и Г. Г. Литаврин) вполне убедительно вскрыта искажившая реальное положение вещей тенденциозность Льва Диакона. В частности, отвергается утверждение последнего, будто бы Калокир – фаворит и посланец Никифора – побуждал Святослава свергнуть этого императора. И, опираясь не только на повествование Льва Диакона, но и на корректирующие исследования современных историков, можно восстановить истинную картину Святославовых походов на Дунай (до сих пор во многих сочинениях некоторые домыслы Льва Диакона излагаются некритически).

Итак, в 968 году Святослав, «будучи мужем... – по описанию Льва Диакона, – отважным и деятельным, поднял на войну все молодое поколение тавров (так в Византии нередко называли русских, поскольку они жили вблизи от Тавра – Крыма. – В.К.). Набрав, таким образом, войско, состоявшее... из шестидесяти тысяч цветущих здоровых мужей, он вместе с патрикием Калокиром, с которым соединился узами побратимства, выступил против мисян» (болгар). В августе 968 года войско Святослава достигло Болгарии и чрезвычайно быстро одержало победу.

Когда Святослав подплыл к Дунаю, болгары – рассказывает Лев Диакон, – «собрали и выставили против него фалангу в тридцать тысяч вооруженных мужей. Но тавры (русские) стремительно выпрыгнули из челнов, выставили вперед щиты, обнажили мечи и стали направо и налево поражать мисян (болгар). Те не вытерпели первого же натиска, обратились в бегство и постыдным образом заперлись в безопасной крепости своей Дористол». Так Византия была избавлена от болгарской опасности, а сами болгары даже обратились к Никифору с просьбой о мире и о спасении их от русского войска...

Лев Диакон далее утверждает, что Святослав будто бы собирался потом вести войну уже против самого Никифора, но это вымысел. Верно другое: Святославу пришлось по душе земли в низовьях Дуная у города Малый Преслав (Переяславец), и он решил обосноваться здесь.

Это предприятие Святослава вроде бы являло собой захват чужой земли, но М. Н. Тихомиров уже давно показал, что дело обстояло сложнее. Между прочим, в «Повести временных лет» содержится неточность: Святослав говорит здесь: «...хочю жити в Переяславци на Дунае, яко то есть *середа* земли моей», – то есть «середина», «центр». Но ясно, что Малый Преслав, расположенный в дельте Дуная, находился на самой окраине владений Святослава. И, очевидно, более точно определение из Архангелогородского летописца, сохранившего целый ряд первоначальных деталей летописи: «...хочю жити в Переславци на Дунаю *среде* земли моея», – то есть среди, в пределах своей земли, а не в ее середине.

Но почему Святослав имел основания считать своею эту придунайскую землю у Черного моря? М. Н. Тихомиров напомнил, что восточнославянские племена уличей и тиверцев, согласно летописи, «сediaху бо по Днестру, присediaху (соседили) к Дунаеви... оли (вплоть) до моря». А по меньшей мере к 940-м годам тиверцы вошли в состав Руси; так, они участвовали в походе Олега («второго») на Константинополь, притом в летописи отмечено: «тиверци, яже суть толковины», – то есть толмачи, переводчики; находясь поблизости к Византии, тиверцы (очевидно, какая-то их часть) владели греческим языком.

Знаменательно, что область в устье Дуная, которая ныне носит название Добруджа, византийцы называли «Малой Скифией», связывая ее тем самым с «Великой Скифией» (так

нередко именовалась тогда в Византии Русь). М. Н. Тихомиров небезосновательно говорит, что император Никифор Фока «готов был согласиться на предоставление Добруджи русскому князю», – тем более, что «население Малой Скифии (Добруджи) издавна было связано с уличами и тиверцами». ⁴⁵⁷

Стоит отметить, что земля в дельте Дуная, которую Святослав считал своею, но которая затем надолго была утрачена Русью, все же вернулась в XVIII веке в границы России. Правда, само то место, где стоял Святославов Переяславец (сейчас там селение Нуфэру, еще в начале XIX века называвшееся Приславой), находится на территории Румынии, но нынешняя граница Одесской области проходит всего в полутора десятков километров от этого села, и совсем недалеко от него находится прославленный Измаил, где в 1945 году был воздвигнут памятник Суворову, но мог бы стоять и памятник Святославу...

Уместно здесь же сказать (несколько забегаю вперед) о взаимоотношениях Святослава с болгарскими, которых он пришел «усмирить» по просьбе императора Никифора Фоки. Святослав быстро подавил сопротивление болгар, и те даже обратились к Никифору, прося о мире, и, более того, о защите от Святослава. Но когда позднее Святослав оказался в остром конфликте со свергнувшим императора Никифора и занявшим его место Цимисхисмом, положение изменилось.

«Византийские источники, – писал М. Н. Тихомиров, – говорят о зверствах русских в завоеванной Болгарии, но многие факты находятся в явном противоречии с этими известиями. Прежде всего, и Лев Диакон, и другие византийские авторы подтверждают наличие болгар в войсках Святослава... вторичное появление Святослава в Болгарии не было простым завоеванием... Царский дворец... не был разорен русскими, как и царская сокровищница, а царь Борис не лишился знаков царского достоинства... Все это чрезвычайно мало напоминает варварское завоевание страны, приписываемое русским византийскими авторами. Особенно становится это ясным при сравнении действий русских и византийцев»: по воле Цимисхия «царь Борис лишен был престола, а Болгария сделалась окончательно византийской провинцией». Итак, заключает М. Н. Тихомиров, «Святослав и не ставил своей задачей покорение Болгарии, а довольствовался Добруджей (где он опирался на уличей и тиверцев. – В.К.) и... вступил в союзные отношения с болгарским царем, обещав ему свою поддержку против греков (точнее, против Цимисхия. – В.К.), угрожавших независимости Болгарии и несколько времени позже осуществивших свою угрозу... становится понятным участие болгар в русском войске... Во второй войне Святослава... русские и болгары были не врагами, а союзниками». ⁴⁵⁸

Но более сложны, чем долгое время считалось, были и отношения Святослава с Византией. Нет никаких оснований говорить о конфликте Святослава с пригласившим его на помощь Никифором Фокой. «Усмирив болгар к осени 968 года, Святослав провел зиму в полюбившемся ему Переяславце. Однако весной 969 года к нему пришло известие, что Киев, где находилась Ольга с тремя сыновьями Святослава, осаждают печенеги. До сих пор распространено мнение, что печенегов якобы натравили на Киев византийцы, ибо император Никифор, мол, уже стал к тому времени врагом Святослава. Гораздо более убедительна точка зрения Т. М. Калининой, полагающей, что «толкнуть печенегов на Киев» сумели уцелевшие отчасти после Святославова похода «верхи Хазарии, осведомленные об отсутствии князя». ⁴⁵⁹ Как сказано в «Повести временных лет», «то слышав Святослав, вборзе вседе на коне с дружиною своею, и приде Киеву. И собра вои, и прогна печенеги в поли (степь), и бысть мир».

Но Святослав рвался из Киева назад, на Дунай: «...хочю жить в Переяславци на Дунаи...

⁴⁵⁷ Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией – М., 1969, с. 101, 102, 115.

⁴⁵⁸ Там же, с. 117, 118–119.

⁴⁵⁹ Калинина Т. М. Сведения ибн Хаукала о походах Руси времен Святослава – «Древнейшие государства на территории СССР. 1975». М., 1976. с. 96, 87.

яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и оwoщеве розноличныя, из Чех, из Угорь (Венгрии) серебро и комони (кони), из Руси же скоря (меха) и воск, мед и челядь». Из этих слов, между прочим, ясно, что у Святослава вовсе не было планов завоевания Византии или иных государств: он только хочет, чтобы в его дунайскую столицу «сходились» все богатства окрестных стран.

И далее приводятся задушевные слова Ольги, которые едва ли бы были уместны, если бы действительно существовал вымышленный некоторыми историками острый конфликт матери и сына: «Видиши мя болну сушо: камо хочещи от мене ити?.. Погреб мя иди, ямо же хочещи». «По трех дне умре Ольга, и плакася по ней сын ея...» Это произошло 11 июля 969 года, и «заповедала Ольга не творити трызны над собою, бе бо имущи презвутер (священник), сей похорони блаженую Ольгу».

После погребения Ольги Святослав к зиме 969 года возвратился на Дунай. Но вскоре ситуация крайне резко изменилась. Опальный византийский вельможа, выдающийся полководец Иоанн Цимисхий совместно с Феофано – изменницей-женой императора Никифора – подготовил заговор, и 10 декабря Никифор Фока был предательски и зверски убит ночью в своей спальне.

Именно после этого ставший побратимом Святослава Калокир призвал его выступить уже не против Болгарии, но против Византии – то есть в действительности против злодея-узурпатора Цимисхия. Об этом убедительно сказано в современной комментарии к «Истории» Льва Диакона:

«Лев в своем повествовании объединил два похода Святослава (имеются в виду походы 968 и 969 года в Болгарию; уже это явное искажение свидетельствует о недостоверности повествования Льва Диакона. – В.К.) в один, так что, помимо прочих недоразумений, произошло смешение целей начальной и последующей деятельности Калокира... Лишь тогда, когда Калокир получил сообщение об убийстве Никифора (напомню: своего покровителя. – В.К.), он решил при опоре на Святослава поднять мятеж и захватить власть... Версия о начальном этапе действий Калокира (что он будто бы побуждал Святослава бороться еще с самим Никифором. – В.К.), изложенная Львом, исходила от официальных кругов правительства Иоанна Цимисхия»⁴⁶⁰ (которое стремилось представить Святослава непримиримым врагом не нынешнего императора, а Византии как таковой). Следует знать и о «недовольстве военной аристократии (византийской) по поводу расправы над Никифором и возведения на престол его убийцы»; известны и тогдашние прямые *византийские* восстания против Цимисхия. И трудно усомниться в том, что Святослав понимал войну против организатора подлого убийства Никифора (который был союзником Святослава) как требование воинской чести и долга.

Византийские хронисты и историки – прежде всего Лев Диакон – запечатлели и действия, и сам образ Святослава во время его противоборства с императором Иоанном Цимисхием; сведения русской летописи гораздо более скупы и отрывочны. Поэтому для знания и понимания личности Святослава необходимо опереться на эти первоисточники – к тому же мало известные широкому кругу интересующихся отечественной историей людей.

Правда, Лев Диакон, который в своем сочинении, написанном в 980-х годах, подробнее всех рассказал о русском князе, во многом, как уже говорилось, искажает реальность; иначе, впрочем, и не могло быть, ибо Лев, по-видимому, служил «придворным дьяконом» самого Иоанна Цимисхия в последний (975) год его правления (это доказывал знаменитый византист К. Б. Газе) и проникся той ненавистью, которую, без сомнения, питал сей император к своему опаснейшему врагу. Тем не менее историк волей-неволей воссоздал многие замечательнейшие черты русского полководца.

Лев, о чем уже шла речь, пытается утверждать, что Святослав будто бы покушался свергнуть еще и императора Никифора (чтобы посадить на его место своего «побратима» Калокира). Однако в «Истории» Льва не приведен *ни один факт*, который доказывал бы, что Святослав действительно выступал против Никифора.

⁴⁶⁰ Лев Диакон. История. – М., 1988, с. 188.

Более того: Лев сам свидетельствует, что вообще первая враждебная акция в тогдашних русско-византийских отношениях исходила не от Святослава, но от Цимисхия, который вскоре после своего прихода к власти «отрядил» к Святославу «послов с требованием, чтобы он, получив обещанную императором Никифором за набег на мисян (болгар) награду (неожиданно убитый император, оказывается, не успел передать эту награду. – В.К.), удалился в свои области... покинув Мисию, которая принадлежит ромеям... Ибо... мисяне покинули родные места (болгары и в самом деле жили до середины VII века не у Дуная, а в степях севернее Кавказа. – В.К.) и, бродя по Европе, захватили... эту область (будущую Болгарию. – В.К.) и поселились в ней».

В определенном смысле Цимисхий вроде бы был прав: придунайские земли, населенные болгарами, когда-то входили в Империю. Однако уже почти *три столетия* на этих землях существовало независимое Болгарское царство. И Святослав имел основания ответить Цимисхию (проявив своеобразный геополитический «максимализм»), что пусть-де как раз византийцы «тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мира с тавроскифами» (русскими). В этих суждениях Святослава выразилось, между прочим, недюжинное знание истории, поскольку давным-давно, за триста лет до того, в VII веке, воинственные славянские и тюркские племена действительно почти полностью вытеснили византийцев из *европейской* части их Империи.

Цимисхий снова отправил послов, высказавших от его имени резкие угрозы и, в частности, напомнивших Святославу о поражении Руси под стенами Константинополя за тридцать лет до того, в 941 году. «Если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя, – угрожал Цимисхий, – ты найдешь погибель здесь со всем своим войском».

Разгневанный Святослав отвечал: «Я не вижу никакой необходимости для императора спешить к нам... Мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Константинополя».

Далее Лев сообщает: «Получив известие об этих безумных речах, император ромеев решил незамедлительно со всем усердием готовиться к войне. Он тут же набрал отряд из храбрых и отважных мужей, назвал их „бессмертными“ и приказал находиться при нем... приказал собрать войско и отправить в ближайшие и пограничные с Мисией (Болгарией) земли...»

Но выяснилось, что Святослава невозможно остановить. Весной 970 года его войско мощным стремительным броском двинулось от низовьев Дуная, пересекло Балканские горы, разметало передовые отряды Цимисхия, захватило целый ряд городов и, преодолев таким образом около четырехсот километров, осадило Аркадиополь, расположенный всего в ста с небольшим километрах от Константинополя. Здесь произошло сражение, о котором Лев пишет: «...успех битвы склонялся то в пользу одного, то в пользу другого войска», но в конечном счете русские, по его словам, «обратились в бегство».

Однако многие историки выразили глубокое сомнение по поводу сведений Льва о таком исходе битвы. До нас дошло свидетельство непосредственного участника событий – византийского епископа Иоанна, который в момент приближения Святослава к Константинополю обратился с горькими словами к покойному императору Никифору, выражая тем самым неверие в победу Иоанна Цимисхия: «...восстань теперь, император, и собери войска, фаланги и полки. На нас устремляется русское вторжение».

И, надо думать, более верно, нежели Лев Диакон, рассказывает об Аркадиопольском сражении «Повесть временных лет» (цитирую в переводе Д. С. Лихачева): «И пошел Святослав к столице (Константинополю), воюя и разбивая города, что стоят и донныне пусты. И созвал царь (Цимисхий) бояр своих и сказал им: „Что нам делать, не можем ведь ему сопротивляться?“... И сказали бояре... „Плати ему дань“. И послал к нему царь, говоря так: „Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь“, ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань... Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою».

По всей вероятности, «Повесть временных лет» ближе к истине, ибо ведь Цимисхий безоговорочно требовал от Святослава «удалиться» на Русь, а между тем и после битвы при Аркадиополе Святослав (о чем сообщает и Лев Диакон) продолжал спокойно пребывать на Дунае.

Но Цимисхий, конечно же, слишком опасался Святослава, чтобы смириться с его

пребыванием на Дунае, и начал долгую и чрезвычайно тщательную подготовку к войне с русским полководцем. Он обратился к войскам, находившимся в азиатских провинциях Византии, приказав им «переправиться через Геллеспонт в Европу и провести зиму в расположенных там зимних укреплениях... Ожидая весны, он ежедневно обучал... войско умению передвигаться в полном вооружении во всех направлениях и упражнял его в различных военных приемах»... Кроме того, Цимисхий заблаговременно «отправил на продовольственных судах в Адрианополь (город, близкий к границе Болгарии. – В.К.) много хлеба и корма для выючных животных, а также достаточное количество оружия для войска».

Наступил следующий, 971 год, и весной Цимисхий повел свою армию в Болгарию: «Впереди... двигалась фланга воинов, сплошь закрытых панцирями и называвшихся «бессмертными», а сзади – около пятнадцати тысяч отборнейших гоплитов (пеших воинов. – В.К.) и тринадцать тысяч всадников. Заботу об остальном войске император поручил проедру Василию; оно медленно двигалось позади вместе с обозом, везя осадные и другие машины».

И эта грозная армада, вобравшая в себя всю мощь Империи, должна была обрушиться на Святослава. Тем не менее Лев Диакон не скрыл, что Цимисхий, уже познавший мощь Святослава, испытывал сильнейшие опасения. Он говорил перед походом своим приближенным, что «счастье наше поставлено на лезвие бритвы». И единственную возможность избежать поражения в противоборстве со Святославом Цимисхий видел в том, что нападение будет целиком и полностью неожиданным. Для этого он, в частности, потребовал провести войска в Болгарию «по ущельям и крутым теснинам». Понимая заведомое воинское превосходство русских, Цимисхий сказал: «Если мы... неожиданно нападём на них, то, я думаю, – да поможет нам Бог... – обуздаем безумие росов».

Как установил ряд историков, действительная неожиданность нападения могла иметь место лишь при том условии, что после Аркадиопольской битвы (которая на деле вовсе не была выиграна византийцами) Цимисхий договорился со Святославом, что оставит его в покое, признав его владения на Дунае. Именно поэтому русские никак не ожидали новой войны, и Цимисхию удалось обрушиться на них врасплох.

14 апреля 971 года довольно быстро, за два дня, Цимисхий сумел захватить болгарскую столицу Преслав, где был небольшой русский гарнизон, и двинулся к дунайской крепости Доростол, в которой в это время находился сам Святослав. Как сообщает Лев, после вторжения армии Цимисхия болгары (ранее бывшие в союзе со Святославом) «переходят на сторону императора», еще более увеличивая его силы.

23 апреля Цимисхий подошел к Доростолу. На подступах к крепости был первый бой: «Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях (Святослав действительно не знал ни одного поражения. – В.К.)... дрались, напрягая все силы». Позднее русские и оборонялись на стенах крепости, и совершали почти ежедневные вылазки из нее. Армия Цимисхия имела безусловное «техническое» превосходство, употребляя, в частности, «военные машины», метавшие камни на большие расстояния: «каждый день от ударов камней, выбрасываемых машинами, погибало множество скифов» (русских).

Но еще важнее было то громадное преимущество Цимисхия, о котором поведано в хронике византийца Иоанна Скилицы: он писал о воинах Святослава, что «на помощь им не приходилось надеяться. Одноплеменники были далеко, соседние народы... боясь ромеев, отказывали им (русским) в поддержке, у них не хватало продовольствия... К ромеям же каждый день притекали, как из неисчерпаемого источника, всевозможные блага и постоянно присоединялись конные и пешие силы». Русских же «внутри города терзал голод, снаружи они терпели урон от стенобитных орудий».

Тем не менее ожесточенные сражения под Доростолом продолжались почти *три месяца!* Естественно, что Лев Диакон, который вообще-то отзывается о войске Святослава негодующе и даже просто злобно, все же написал: «...этот народ безрассуден, храбр, воинственен и могуч».

21 июля 971 года «на рассвете Святослав созвал совет знати... Когда они собрались вокруг него, Святослав спросил у них как поступить. Одни высказали мнение, что следует поздней ночью погрузиться на корабли и попытаться тайком ускользнуть, потому что невозможно сражаться с покрытыми железными доспехами всадниками, потеряв лучших бойцов, которые были опорой войска... Другие возражали, утверждая, что нужно помириться с

ромеями... Тогда Святослав глубоко вздохнул и воскликнул с горечью: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития подчинявшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой... Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; мы должны либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой».

Не следует удивляться тому, что византийцы были осведомлены обо всем происходящем в лагере Святослава; Лев Диакон не раз говорит о многочисленных знающих русский язык лазутчиках, засылавшихся Цимисхием в расположение русских войск (это было обычным делом в высокоразвитой византийской военной практике).

Но заветные слова Святослава переданы в «Повести временных лет», по всей вероятности, точнее:

«Уже нам некамо ся дети (некуда деться), волею и неволею стать противу; да не посраим земле Русские, но ляжем костьми, мертвыми бо срама не имам. Аще ли побегнем, срам имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду: аще моя глава ляжет, то промыслите собою» (позаботьтесь сами о себе),

О том, что Святослав исполнил свое обещание – «пред вами пойду», – свидетельствовал Лев Диакон; «...выслушав речь своего повелителя, росы с радостью согласились вступить в опасную борьбу... они... построились в мощную фалангу и выставили вперед копья... с неистовой яростью бросался Святослав на ромеев и воодушевлял к бою ряды своих» (это происходило 21 июля 971 года, а сражения под Доростолом начались, как уже сказано, еще 23 апреля).

Тогда лучший из византийских воинов, телохранитель Цимисхия Анемас, «вырвался на коне вперед... устремился на предводителя росов и, ударив его мечом по ключице, поверг вниз головой наземь, но не убил. Святослава спасла кольчужная рубаха и щит». Соратники князя тут же уничтожили Анемаса и с воодушевлением «начали теснить ромеев... Но вдруг разразился ураган... поднялась пыль, которая забила им (русским) глаза (Лев далее приписывает это божественному вмешательству в битву. – В.К.)... Ромеи преследовали их до самой стены, и они бесславно погибали. Сам Святослав, израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен: его спасло лишь наступление ночи... Всю ночь провел Святослав в гневе и печали... Но, видя, что ничего уже нельзя предпринять против несокрушимого всеоружия ромеев (вспомним: к ним «каждый день присоединялись конные и пешие силы»), он счел долгом разумного полководца... приложить все усилия для спасения своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете (22 июля) послов к императору Иоанну».

Святослав предложил следующее соглашение: русские «возвратятся на родину, а ромеи... не нападут на них по дороге... а кроме того снабдят их продовольствием... Император... с радостью принял эти условия» (значит, он вовсе не считал, что Святослав уже побежден и должен капитулировать без всяких условий). Для переговоров Цимисхий отправил к Святославу свое доверенное лицо – епископа Феофила.

Итак, поражения в прямом смысле слова Святослав так и не потерпел. Согласно «Повести временных лет», он в конце сражения, «видев же мало дружины своея, рече в себе: «Пойду в Русь, приведу боле дружины», то есть собирался позднее вновь вступить в борьбу с Цимисхием.

После переговоров с Феофилом Святослав пожелал встретиться с самим императором – вероятно, захотел увидеть в лицо своего упорнейшего противника. Лев Диакон рассказал, как Святослав подплыл в ладье к берегу, у которого на коне, «покрытый вызолоченными доспехами», ожидал его Цимисхий: «Он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них... умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый... широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные... Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал».

Так подробно (здесь приведены к тому же далеко не все детали) изобразил византийский историк Святослава, чувствуя, что он призван запечатлеть облик одного из величайших

полководцев. Предельную простоту Святослава бытия отметила, как известно, и «Повесть временных лет» (перевод Д. С. Лихачева): «...не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах».

Тот факт, что русский полководец, не победив Цимисхия, все же и не потерпел действительного поражения, ясно выразился еще и в следующем: после описанной встречи с императором в конце июля 971 года он, очевидно, еще долго находился на Дунае. Ибо на не столь далеком Днепре Святослав оказался уже поздней осенью. У грозных днепровских порогов его поджидали печенеги...

Иоанн Скилица сообщает, что ранее Святослава на Днепр прибыл посол Цимисхия – уже упомянутый Феофил. Скилица уверяет, что, согласно договоренности Святослава с Цимисхием, Феофил должен был, в частности, предложить печенегам «беспрепятственно пропустить росов», но те, мол, «отказались» это сделать, недовольные-де примирением Святослава с Цимисхием. Едва ли можно верить этой версии; она, скорее всего, выдумана ради прикрытия низкого коварства Цимисхия,⁴⁶¹ который только что оказал Святославу знаки высокого уважения. И, надо думать, Феофил, напротив, даже заплатил печенегам за нападение на возвращающегося на Русь Святослава.

Воевода Свенельд, о котором шла речь выше, убеждал Святослава: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». Но гордый полководец не захотел обходить опасность. Правда, он отложил свое возвращение в Киев до весны, – вероятно, потому, что Днепр уже замерзал: «И остановился зимовать в Белобережье (у устья Днепра. – В.К.), и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и тут перезимовал Святослав. В год 972, когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку».

Ясно, что голодная зимовка окончательно подорвала силы уцелевших в войне с Цимисхием Святославовых воинов. Печенеги же, по своему поверью, стремились воспринять из сделанной ими «чаши» великую воинскую мудрость и доблесть погибшего полководца...

Но византийский император не надолго пережил своего русского соперника: не прошло и четырех лет после гибели Святослава, и в начале января 976 года узурпатор Цимисхий, против которого не раз составлялись заговоры, был, согласно сообщению Льва Диакона, отравлен одним из своих приближенных. На византийский престол взошел законный император Василий II – внук того самого Константина Багрянородного, который в свое время заключил тесный союз с Ольгой.

И при Василии союзные отношения Византии с Русью были восстановлены; есть сведения, что уже в 980 году сын Святослава Владимир отправил в Константинополь дружественное посольство.

Подводя итоги рассказа об Ольге и Святославе, хочу еще раз возразить тем историкам, которые так или иначе «противопоставляли» этих деятелей.

М. В. Левченко справедливо писал, что, хотя Святослав не смог победить Цимисхия (ибо, как писал этот византист, «будучи отрезанным от своей родины, не получая подкреплений, он должен был сражаться со всеми силами византийской армии в период ее наивысшего расцвета, когда она, бесспорно, была наиболее хорошо организованной и обученной армией Европы и находилась под командованием одного из лучших своих полководцев»), все же именно при этом князе, «разгромив хазар» и продемонстрировав свою военную мощь в противоборстве с Цимисхием, «Русь становилась первостепенной политической силой и, по существу, добивалась гегемонии в Восточной Европе». Однако далее М. В. Левченко утверждал, что «политика Святослава была глубоко отлична от политики Ольги», которая созидала внутренние государственные и духовные устои Руси.⁴⁶²

⁴⁶¹ Это было типично для Цимисхия: так, став императором исключительно благодаря помощи жены Никифора Феофаио, он тут же отправил ее в ссылку на пустынный остров.

⁴⁶² Левченко М. В., цит. соч. с. 274.

Разумеется, между Ольгой и Святославом были определенные разногласия (так, мать очень огорчало его неприятие христианства, и она, очевидно, считала ошибкой его попытку прочно обосноваться в дунайском Переяславце). И все же, как я стремился доказать, сам поход Святослава на Дунай был естественным порождением того самого прочного союза с Византией, который утвердила именно Ольга. Сподвижник Иоанна Цимисхия Лев Диакон искажал реальность, пытаясь приписать Святославу агрессивные намерения в отношении пригласившего его на помощь императора Никифора. Святослав, начав затем борьбу против Цимисхия, предательски убившего его союзника Никифора, очевидно, полагал, что он действует вовсе не против истинных интересов Византии; нельзя не упомянуть, что в 987 году, через пятнадцать лет после гибели Святослава, когда на Руси правил его сын Владимир, в Византии вновь возник военный заговор против тогдашнего законного императора Василия II, и, как писал тот же М. В. Левченко, «Владимир... без промедления послал шеститысячный отряд... в Константинополь. Этот отряд явился вовремя, чтобы изменить ход войны и спасти Василия II»⁴⁶³ (вскоре император отдал свою сестру Анну в жены Владимиру).

В заключение целесообразно обратить внимание на само соотношение двух «приглашений» русского войска на помощь Византии – в 967 и 987 годах. Поскольку в историографии очень широко распространено ложное, как я убежден, мнение о том, что Святослав, приглашенный для «усмирения» болгар, так сказать, не оправдал надежд и вскоре стал воевать с самой Византией, каждый дополнительный аргумент в пользу иного представления немаловажен.

Дело в том, что император Василий II, обратившийся в 987 году за военной помощью к Владимиру Святославичу, без сомнения, досконально знал всю историю предшествующего приглашения – с той же целью – Святослава. Он родился в 957 году (этой даты придерживался один из наиболее выдающихся византистов Ф. И. Успенский) и в 963-м, после ранней смерти своего отца, Романа II (сына Константина Багрянородного) формально стал императором, но правил страной Никифор Фока (963–969) и, затем, убивший последнего Иоанн Цимисхий (969–976). Приглашение Святослава Никифором Фокой и последующая борьба русского князя с Цимисхием совершались на глазах юного Василия; когда Святослав был вынужден вернуться на Русь (осенью 971 года) Василию пошел пятнадцатый год. И если бы русский князь действительно проявил себя как «принципиальный» враг Византии и по сути дела как *предатель* (ведь он пришел в страну в качестве союзника), а не как враг узурпатора Цимисхия,⁴⁶⁴ едва ли бы Василий спустя всего полтора десятка лет решился бы пригласить в Византию Святослава сына (даже еще не принявшего Христианство) с крупной военной силой.

Те или иные позднейшие византийские хронисты по тем или иным причинам усматривали в Святославе непримиримого врага Империи, но Василий II, не убоявшийся прихода войска его сына, конечно же, знал суть действий русского князя гораздо лучше, чем все хронисты. По инерции представляют Святослава «антивизантийцем» и многие нынешние историки. Но, как уже отмечалось, даже намерение Святослава сделать столицей Руси дунайский Переяславец – как бы своего рода южный Петербург – вовсе не означало стремления завоевать Византию и вообще вступать с ней в конфликт (кроме, конечно, закономерного конфликта с Цимисхием).

И в конечном счете действия великого полководца Святослава совершались именно в том «направлении», основу коего заложила Ольга: союз с Византией, но союз, при котором Русь выступает и как сильная самостоятельная держава, имеющая свою собственную политическую волю.

И вполне уместно заключить, что во времена Ольги и Святослава, благодаря различным по своему характеру, но все же, в конечном счете, устремляющимся к единой цели действиям этих, без сомнения, великих созидателей, в судьбе Руси впервые ясно обозначились черты

⁴⁶³ Там же, с. 289–290, 355.

⁴⁶⁴ Он, кстати сказать, не подпускал к реальной власти самого являвшегося законным императором Василия II, хотя в 976 году ему было уже 18 лет.

великой державы.

Владимир Святославич.

Ранняя гибель Святослава – ему было, по-видимому, не более тридцати пяти лет, и к тому же последние восемь из них он провел в почти непрерывных походах – стала причиной опасного ослабления государственности на Руси. Отправляясь в последний раз на Дунай в 969 году, он «посадил» старшего сына Ярополка в Киеве, Олега – в Деревской земле, а младшего Владимира – в Северной Руси. Но даже и Ярополк был еще весьма юным правителем: ко времени гибели отца в 972 году он едва ли достиг восемнадцати лет.

Летописные сведения о последующих годах дают основания полагать, что юные сыновья Святослава оказались вовлечены в прискорбную «усобицу», за кулисами которой находился, по-видимому, воевода Свенельд.

Вначале произошло столкновение Олега с сыном Свенельда Лютом, который самовольно стал охотиться в Олеговых угодьях (вероятно, имелась более существенная причина конфликта). Лют был убит Олегом, и Свенельд, находившийся при Ярополке, призвал его к мести. Во время похода Ярополка на Деревскую землю Олег погиб, и «Ярополк над ним плакался и рече Свенельду: «Вижь, сего ты оси хотел!» Но дело было сделано...

По летописи, это произошло в 977 году, и «слыша же Владимир в Новгороде, яко Ярополк уби брата Олга, и, убоясь, бежа за море (то есть к «варягам». – В.К.). И посла Ярополк в Новгород посадники своя и нача княжити един». Однако Владимир возвратился из-за моря с большим войском наемников-варягов, победил Ярополка, и убили того «два варяга мечьми».

Эта схватка между братьями, осложненная участием в ней *чуждого* войска, явилась, увы, прообразом многих будущих княжеских «усобиц» и, казалось бы, должна была нанести Руси тяжкий политический и нравственный ущерб. Но молодой Владимир Святославич обретая власть – это произошло скорее всего в 980 году (предлагается и другая дата – 978, но едва ли за один год могло произойти все изложенное выше) – сумел за краткий срок свершить исключительно много, и уже к концу 980-х годов Русь предстает в более величественном виде, чем когда-либо ранее.

Это побуждает задуматься о глубоком смысле и значении самого хода истории: то, что уже совершено, достигнуто, *не исчезает*, не проходит бесследно (хотя, в конечном счете, цивилизации и государства, как свидетельствует вся история мира, «умирают»). Правлению Владимира предшествовала деятельность Олега Вещего, Ольги, Святослава и плоды их исторического творчества так или иначе сохранялись в бытии Руси. Речь идет как об определенных политических устоях, так и о духовных основах этого бытия.

Здесь необходимо сказать следующее. Заведомо ложно представление, что в те далекие времена – более тысячелетия назад – духовная жизнь людей была гораздо «проще» либо даже примитивнее, чем в новейшую эпоху. Другое дело, что человеческое сознание – или, точнее, *самосознание* – еще не воплощало, не «опредмечивало» себя в тех тщательно разработанных за века развития *формах* самосознания, в зрелом «языке» богословия, философии, науки, которым более или менее владеет сегодня каждый мало-мальски образованный человек.

Дабы со всей ясностью показать, о чем идет речь, обращусь к гораздо более позднему, но зато к очевидному, наглядному «примеру». В рассуждениях об эпопее Льва Толстого «Война и мир», созданной в 1860-х годах, нередко отмечается, что духовная жизнь людей 1812 года как бы «модернизирована» в ней: Андрей Волконский, Пьер Безухов или Наташа Ростова мыслят, чувствуют, говорят, скорее, как люди середины XIX века, а не его начала. И это как бы полностью подтверждается тем, что в дошедших до нас литературных и вообще письменных произведениях, созданных непосредственно во время Отечественной войны 1812 года, не запечатлена такая утонченность и глубина переживаний, которая присуща героям «Войны и мира».

Из этого вроде бы следует, что духовная жизнь реальных людей, действовавших в 1812 году, была грубее и поверхностнее, чем духовная жизнь героев толстовского повествования. Но едва ли подобное умозаключение верно. Суть дела в другом: в течение 1820–1850-х годов в России совершается стремительное и поистине колоссальное развитие «языка» культуры,

становление зрелой философии, литературы, науки, публицистики и т. п., и люди обретают возможность выразить, запечатлеть в слове свой духовный мир во всей его полноте и глубине.

Убедительным доказательством этого может служить следующее. Нам известны участники войны 1812 года, дожившие до 1860-х годов, – например, князя Сергей Волконский (1788–1865) и Петр Вяземский (1792–1878). И в их написанных в середине века сочинениях предстает не менее сложный духовный мир, чем духовный мир толстовских героев. Вместе с тем, едва ли сколько-нибудь уместно полагать, что в молодости эти люди не обладали богатой духовной жизнью и обрели ее лишь в пожилом возрасте; суть дела, очевидно, в другом – в имевшей место в начале века недостаточной разработанности *форм выражения*, воплощения утонченной и глубокой духовной жизни.

Но вернемся в наш X-й век. Общеизвестны сообщенные «Повестью временных лет» слова Святослава перед его последней битвой с Цимисхием (они по-своему воспроизведены и в «Истории» Льва Диакона): «...да не посрамям земле Русские, но ляжем костями, мертвыми бо срама не имам».

В этих словах обычно видят только выражение воинского героизма; однако, если вдуматься, в них можно и должно почуть и глубокое осознание сути человеческого бытия в целом: человек – и в этом его истинное величие – не удовлетворяется своей (ограниченной неизбежной смертью) жизнью; он, оказываясь, имеет в виду и свою *посмертную судьбу перед лицом мира*. И лишь самодовольное верхоглядство склонно считать живших тысячелетие назад людей менее значительными по своей духовной сущности, чем современные (или, скажем, XIX века) люди.

Владимир Святославич, хотя ко времени гибели своего великого отца он был еще отроком, без сомнения, достаточно хорошо знал о его деяниях, о его исторической воле. Вместе с тем он явно отказался от выходящих за пределы основной Руси «странствий», которым отдал дань Святослав, пытавшийся перенести центр государственности в устье Дуная.

Многозначительно *первое* (согласно летописи) дело Владимира, совершенное после его вокняжения в Киеве: он «избра» из приведенных им «из-за моря» варягов «мужи (очевидно, весьма немногие, – В.К.) добры, смыслены и храбры, и раздая им грады», – то есть поручил им управление крепостями. «Прочим же» варягам он предложил идти на службу к византийскому императору. И отправил заранее своих послов, велел им сообщить «царю»: «Се идут к тебе варязи, не мози их держать в граде, оли то створят ти зло, яко и сде, но расточи я разнo, а семо не пушай ни единого», – то есть (перевод Д. С. Лихачева): «Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда (на Русь. – В.К.) не пускай ни одного».

С одной стороны, это сообщение свидетельствует о том, что варяги, которые ранее играли на Руси подчас очень значительную роль, отныне только используются как «профессионалы» (притом, от тех, кто «похуже», вообще стараются избавиться); с другой, – о том, что отношения с Византией (где уже четыре года правит не враг Святослава узурпатор Цимисхий – возможно, отравленный в 976 году, – а внук Константина Багрянородного Василий II) по-прежнему – как при Ольге – дружелюбны.

Многочисленны летописные сообщения о походах Владимира в 981–983 годах: правитель Руси явно заново собирает и присоединяет земли, которые, по-видимому, отпали в годы «смуты» после гибели Святослава, и устанавливает границы с Польшей и Литвой на Западе и с волжскими булгарами на Востоке.

«Память и похвала Иакова мниха» сообщает также о походе Владимира на хазар: «на Козары шед, победи я (их) и дань на них положи».⁴⁶⁵ Это сообщение не раз подвергали сомнению, полагая, что Владимиру в нем приписан поход его отца Святослава. Однако оно подтверждается современными арабскими источниками, согласно которым после сокрушительного разгрома Каганата тот в какой-то мере восстановился благодаря помощи связанного с ним с давних пор сильного мусульманского государства Хорезм, хотя для этого

⁴⁶⁵ «Память и похвала Иакова мниха Владимиру». – «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 37, – М., 1963, с. 71.

Каганату пришлось объявить себя исламским. Это произошло в конце 970-х или даже в начале 980-х годов, уже после гибели Святослава, и крупнейший арабский географ ал-Мукаддаси (947–1000) писал в конце 980-х годов, что хорезмский эмир ал-Мамун «обратил ее (Хазарию) в ислам. Затем... войско из ар-Рума, которых (воинов) зовут ар-Рус напало на них и овладело их страной».⁴⁶⁶

Союз Руси и Византии был тогда настолько прочен, что арабскому автору русское войско представлялось частью византийского; во второй половине 980-х годов для такого представления были, как мы еще увидим, существенные основания. С другой стороны, из сообщения явствует, что Владимир действительно «шед» на восстановленную в конце 970-х или начале 980-х годов под эгидой мусульманского Хорезма Хазарию. И именно Владимир, окончательно подчинив себе Каганат, принял титул «каган» (который наследовал и его сын Ярослав). И, надо думать, именно потому образ Владимира оказался в центре сложившегося к тому времени богатырского эпоса, порожденного борьбой с Хазарским каганатом и победой над ним, – эпоса, где, в частности, Царьград и правящий в нем былинный «царь Константин Боголюбович» предстают как верные союзники Киева.

Поистине замечательна метаморфоза, пережитая Владимиром Святославичем всего через несколько лет после его вокняжения в Киеве. Восстанавливая и укрепляя государственность Руси, он сразу же, по сообщению летописи, решил упрочить и духовную основу бытия страны – религию. Поскольку он еще совсем юным (примерно десятилетним) был «посажен» в Северной Руси, где еще всецело господствовало язычество, Владимир создал в Киеве – по летописи, в 980 году – целый языческий пантеон: «...и постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а гляню его сребрену, а ус злат, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь».

Однако уже под 986 годом летопись подробно рассказывает о том, что Владимир Святославич обращается к «изучению» основных религий Европы и Западной Азии (то есть всего известного тогда Руси мира), ставя цель «избрать» наиболее соответствующую духовным устремлениям своей страны. В самом рассказе об этом «выборе» явлена та глубочайшая суть русского сознания, которую через почти девять столетий Достоевский определил словом «всечеловечность».

Вместе с тем выбор именно византийского Православия был вполне закономерным, естественным итогом. В последнее время достаточно часто высказывается мнение, что-де, приняв христианство, Русь тем самым отказалась от своей самобытной национальной религии, уходящей корнями в глубь многовековой предыстории, и заменила ее *чужой* Верой, навязанной Руси мощной Византийской империей. Сторонники этой точки зрения как-то ухитряются «не замечать», что она неизбежно подразумевает вывод о своего рода «ошибочности», даже «извращенности» последующего тысячелетнего пути Руси-России...

И, между прочим, одним из основных «источков» подобных представлений является то воспринятое в XVIII–XIX веках из идеологии Запада негативное отношение к Византии, о котором не раз говорилось выше. Поэтому в историографии и, особенно, в исторической публицистике всячески преувеличиваются конфликты между Русью и Византией, хотя в действительности походы киевских правителей на Константинополь совершались лишь тогда, когда Киев оказывался под диктатом Хазарского каганата, – как это было при Аскольде и «втором» Олеге. Летопись, созданная через много лет после полного уничтожения Каганата, не сообщает об этом, но нельзя не видеть, что летописцы отнюдь не «одобряют» агрессивных действий войска Руси против Византии!

Вместе с тем, зная об этих действиях, летописцы полагали, что *до окончательного принятия христианства* Русь была склонна к войнам с Византией, и в вошедшем в «Повесть временных лет» рассказе об осаде и захвате Владимиром столицы византийских владений в Крыму Корсуни (Херсонеса), – рассказе, который А. А. Шахматов верно определил как «Корсунскую легенду» – это событие толкуется в качестве враждебной по отношению к Византии акции. Правда, цель Владимир согласно «Корсунской легенде», состояла лишь в том,

⁴⁶⁶ Цит. по кн.: Новосельцев А. П. Хазарское государство... с. 222.

чтобы заставить императора Василия II исполнить обещание отдать ему в жены сестру Анну, но все же поход в Херсонес предстает здесь как антивизантийская акция – и именно в этом духе он истолковывается и в большинстве нынешних работ историков.

Между тем еще в 1970-х годах превосходный польский историк Древней Руси и Византии Анджей Поппэ убедительно доказал, что (цитирую) «Владимиров поход на Корсунь не был направлен против Византийской империи. Наоборот, русский князь предпринял поход, чтобы поддержать своего шурина (брата жены; имеется в виду, что вопрос о женитьбе Владимира на Анне был уже решен. – В.К.) – законного византийского императора, – в подавлении внутреннего мятежа».⁴⁶⁷

Император Василий II находился в то время в труднейшем положении и просто вынужден был войти в теснейший союз с Русью. К сожалению, реальная историческая ситуация в Византии в 986–989 годах обычно не учитывается историками, рассуждающими о походе Владимира на Корсунь. Вот краткое, но точное изложение этой ситуации в одном из новейших исследований истории Херсонеса:

«17 августа 986 г. византийские войска потерпели катастрофическое поражение в сражении с болгарами... Давний претендент на ромейский престол, Варда Склир, заручившись поддержкой арабов, вновь выступил против Василия... Перед лицом нарастающей опасности Василий II возвратил опальному полководцу Варде Фоке... важнейший в создавшейся ситуации пост... (фактически отдававший в его власть всю Малую Азию), с приказом выступить против Склира. Но в августе (вернее, в сентябре. – В.К.) 987 г. Фока сам провозгласил себя императором, и, захватив обманом Склира, объединил под своей властью оба мятежных войска». И тогда Василий II отправил «посольство к Владимиру».⁴⁶⁸

И, по изложению Анджея Поппэ, «весной или летом 988 г. русский 6-тысячный отряд прибыл в Константинополь и, обеспечив в решающих сражениях у Хрисополя и Абидоса 13 апреля 989 г. перевес в пользу Василия II, спас его трон» (указ. соч., с. 46), – и именно в это самое время Владимир осадил Корсунь.

Уместно напомнить, что ровно за двадцать лет до того император Никифор Фока в критической ситуации также пригласил на помощь Святослава; весьма многозначительно, что Василий II «не убоился» снова обратиться за помощью к Руси, – хотя ему был, конечно, досконально известен ход событий 968–971 годов, приведший к жестокой борьбе Святослава против Иоанна Цимисхия. Выше говорилось, что Святослав сражался не против Византии как таковой, но против Цимисхия, убившего его союзника Никифора и «незаконно» воссевшего на троне. Вполне естественно полагать, что Василий II понимал действия Святослава именно так и именно потому не убоился пригласить на помощь его сына Владимира, – вполне оправдавшего ожидания.

Анджей Поппэ показывает несостоятельность, даже абсурдность представления, согласно которому одно войско Руси спасает императора Василия II, а другое в то же время агрессивно захватывает столицу его крымских владений. И историк убедительнейшим образом объясняет поход Руси на Херсонес тем, что последний примкнул к «мятежнику» Варде Фоке (указ. соч., с. 34–36).

Дело в том, что византийская колония в Крыму вообще не раз – и до 980-х г., и позднее – была склонна к «сепаратизму», стремилась так или иначе отделиться от Константинополя. Как отмечено в специальном исследовании истории Херсонеса, «Константин Багрянородный особо останавливается на мероприятиях, которые должно принять в случае мятежа херсонитов»; это уже само по себе свидетельствует о том, что подобные выступления происходили в городе, а

⁴⁶⁷ Поппэ А. В. О причине похода Владимира Святославича на Корсунь 988–989 гг. – «Вестник Московского университета». Серия «История». 1978, № 2, с. 48–49. См. также другой вариант этой работы А. Поппэ в кн.: Как была крещена Русь. – М., 1989, с. 202–240.

⁴⁶⁸ Зубарь В. М., Павленко Ю. В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. – Киев, 1988, с. 174–175.

также, что они были явлением не случайным, но повторяющимся.⁴⁶⁹

Нельзя не сказать и о том, что уже после публикации исследования Анджея Поппэ оно нашло сильнейшее подтверждение в целом ряде работ археологов, изучавших остатки Херсонеса. До недавнего времени считалось, что Владимир чуть ли не до основания разрушил и сжег этот византийский город. Мнение это основывалось на предшествующих весьма поверхностных археологических наблюдениях и предвзятых выводах. Новейшие тщательные археологические исследования доказали,⁴⁷⁰ что в 980-х годах Херсонес не потерпел никакого урона, из чего естественно заключить: поход Владимира Святославича на Херсонес преследовал цель не нанести ущерб Империи, а, напротив, возратить ей перешедший на сторону мятежника Варды Фоки город.

Этот вывод подтверждается еще и позднейшим фактом: через четверть века, в 1015 году, Крым в очередной раз попытался отделиться от Византии. Василий II, готовя свой флот для подавления мятежа, вновь обратился за помощью к Владимиру Святославичу, и войско Руси приняло участие в возвращении Византии ее владений⁴⁷¹ (правда, Владимир скончался 15 июля 1015 года, а мятеж был подавлен в начале следующего, 1016 года, но решение о поддержке Василия II, по всей вероятности, исходило от Владимира).

Словом, версия о конфликтах Владимира Святославича с Византией и, в частности, с императором Василием II лишена серьезных оснований. Разумеется, могли иметь место те или иные разногласия (в частности, не исключено, что брак «варвара» Владимира с Анной встречал поначалу резкие возражения, поскольку противоречил византийским традициям). Но в основе своей отношения русского князя и византийского императора были отношениями близких союзников; это ясно, между прочим, из того факта, что при Крещении Владимир принял имя Василий, которым он и называется позднее в «Слове о законе и Благодати» Илариона.

Вместе с тем изложенные выше факты в их совокупности говорят о том, что во второй половине 980-х годов Русь являла собой мощную силу: ведь, несмотря на все величие Византийской империи, Русь, как явствует из фактов, «покровительствует» ей (а не наоборот), и аналогичные ситуации будут иметь место и позже – при Ярославе Мудром и Владимире Мономахе.

Эта мощь Руси не могла бы создаться за предшествующий краткий срок правления (с 978 или 980 года) Владимира; она, так сказать, накапливалась и при Олеге Вещем, и при Ольге, и при Святославе. И высшей степени существенно, что принятие Владимиром и Русью в целом христианства совершилось не в силу воздействия со стороны Византии (как было во многих землях, подчинявшихся ей), но по собственной воле Руси, – о чем справедливо писал недавно Анджей Поппэ (в котором нет оснований видеть увлеченного русского патриота):

«Инициатива христианизации зародилась у правящих классов Киевской Руси... Крещение Руси явилось не проявлением деятельных сил византийской цивилизации, но результатом активного стремления правящих слоев древнерусского общества найти в византийских пределах христианского мировосприятия те ценности, которые помогут находить ответ на волнующие их вопросы».⁴⁷²

⁴⁶⁹ См.: Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблема истории византийского города. – В кн.: Причерноморье в Средние века – М., 1991, с. 117–118.

⁴⁷⁰ См.: Романчук А. И. «Слои разрушения X в.» в Херсонесе (К вопросу о последствиях корсунского похода Владимира). – «Византийский временник», том 50, 1989, с. 182–188; Беляев С. А. Поход Владимира на Корсунь (его последствия для Херсонеса). – «Византийский временник», том 51, 1991, с. 153–194; Богданова Н. М., цит. соч., с. 93–94.

⁴⁷¹ Богданова Н. М., цит. соч., с. 117–118; Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсонеса – М. 1983, с. 103–106.

⁴⁷² Поппэ Андрей. Политический фон Крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–989 годах). – В кн.: Как была крещена Русь. – М., 1989, с. 238.

Вместе с тем, приняв свое решение, Владимир как бы мгновенно и категорически отверг прежнюю веру. Совсем еще недавно в Киеве был воздвигнут языческий пантеон, и вот, сообщает летопись (перевод Д. С. Лихачева), Владимир «повелел опрокинуть кумиры – одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами... Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они Святого Крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: „Если пристанет где к берегу, отпихивайте его...“ И поставил церковь во имя Святого Василия на холме, где стоял Перун».

Многие сегодня «критикуют» – или даже проклинают – *новейшую* историю России за такого рода стремительные и тотальные «перевороты», но, как видим, уже тысячелетие назад совершилось, в сущности, нечто подобное. И, повторюсь, в этом выразилось своеобразие страны, которое бессмысленно однозначно оценивать – будь то положительные или отрицательные оценки. В своеобразии неизбежно коренятся как поражения, так и – в равной мере – победы Руси-России...

Принятие Православия было, конечно, исключительно существенным судьбоносным событием, о значении которого невозможно сказать сколько-нибудь кратко, – для его понимания необходимо осмыслить всю последующую историю Отечества. Напомню только одну сторону дела – приобщение к христианской культуре. Владимир, сообщает летопись, «посылал... собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное». И всего через полвека русский священник Иларион, ставший позднее митрополитом Киевским, создаст «Слово о законе и Благодати» – древнейшее из дошедших до нас творение отечественной письменности, и вместе с тем творение, отмеченное, – как ныне общепризнанно, – гениальностью. Но это уже следующая, иная эпоха Руси.

Ярослав Мудрый.

Речь пойдет о правителе, которого исключительно высоко ценили в Древней Руси, о чем свидетельствует уже хотя бы само определение «Мудрый», – притом Ярослав был единственным государственным деятелем, удостоенным такого эпитета. Наиболее выдающийся внук Ярослава, Владимир Мономах, родившийся за год до кончины деда, в старости начал свое автобиографическое сочинение признанием, что он горд «дедом своим Ярославом, благословенным, славным».

Однако историки XIX–XX веков явно недооценивали Ярослава: достаточно, полагаю, сказать о том, что нет *ни одного* сколько-нибудь подробного исследования его жизни и деятельности. А в наше время весьма широко распространяется очерняющая Ярослава Мудрого «концепция», которую трудно определить иначе, чем злобно клеветническая... Но к этому мы еще обратимся.

Согласно новейшему исследованию А. Н. Ужанкова,⁴⁷³ почти девятьсот шестьдесят лет назад, 25 марта 1038 года, под сводами церкви Святого Благовещенья, воздвигнутой незадолго до того на монументальных Золотых воротах Киева, будущий митрополит Иларион произнес свое «Слово о законе и Благодати», в котором, в частности, содержалась и возвышенная хвала деятельности Ярослава, правившего к тому времени в Киеве уже около двух десятилетий (а до его кончины – 20 февраля 1034 года – оставалось тогда около шестнадцати лет). Обращаясь к его покойному отцу Владимиру Святославичу, Крестителю Руси, митрополит Иларион так говорил о Ярославе:

*Его ж сотвори Господь наместника по тебе,
твоему владычеству, –
не рушаша твоих устав,*

⁴⁷³ Ужанков А. Н. Когда и где было прочитано Иларионом «Слово о законе и Благодати». – В кн.: Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 7. ч. 1-М., 1994, с. 75–106.

*но утвержающа,
не умаляюща твоему благоверию положения,
но паче прилагающа,
и не казяша,
но учиняюща, 474
иже недоконьчаная твоя,
наконьча...*

Вдумываясь в эти древнерусские речения (они на полтора столетия *старше* «Слова о полку Игореве»), понимаешь, что деятельность Ярослава имела в глазах его великого и прозорливого современника *завершающий*, упорядочивающий, гармонизирующий смысл. Между тем русская история, увы, не богата правителями и вообще деятелями, о которых уместно с полным основанием сказать нечто подобное. И, более того, деятелей этого склада как-то не очень уж выделяли и ценили; гораздо больше внимания привлекали разного рода *реформаторы* или даже прямые разрушители. Этим, в частности, объясняется отсутствие книг или хотя бы пространных статей о Ярославе Мудром.

Иларион «сообщал» также Владимиру о его преемнике Ярославе, что тот *славный град твой Киев величеством, яко венцем, обложил*.

Но Ярослав Мудрый оставил после себя не только величественный и могучий Киев, превосходивший все тогдашние города Западной Евразии, кроме Константинополя и еще, может быть, Кордовы (в принадлежавшей в то время арабам части Испании). Именно Ярослав, окончательно утвердил государственное пространство Руси.

Основанные им города – Ярославль на северной Волге и другой, «галицкий», Ярославль (позднее – Ярослав) на притоке верхней Вислы реке Сан, вблизи Карпат (ныне принадлежащий Польше), а также Юрьев, нареченный во имя небесного покровителя Ярослава св. Георгия-Юрия, в северной Прибалтике (ныне – эстонский Тарту), и еще один Юрьев на южном притоке Днепра, реке Рось, – выразительно обрамляют громадное пространство Ярославовой Руси. Впрочем, эти города, за исключением галицкого Ярославля, не очерчивали действительных тогдашних границ: Русь к концу правления Ярослава простиралась от Белого до Черного моря и – с запада на восток – от Балтики и бассейна Вислы до Печоры и Камы.

При этом необходимо подчеркнуть, что, устанавливая власть Киева над этим пространством, Ярослав отнюдь не сокрушал и не подавлял какие-либо другие, чужие государственные образования; напротив, к концу его правления были утверждены вполне благоприятные отношения со всеми имевшимися к началу Ярославовой эпохи соседними государствами – Булгарией (Волжской), Швецией, Польшей, Чехией, Венгрией, Византией; наладились и прочные дипломатические связи с более дальним «зарубежьем» – Норвегией, Англией, Данией, Германией. Что же касается тех многочисленных, но не имевших даже зачатков собственной государственности финно-угорских и тюркских племен, которые жили в границах Ярославовой Руси, они – что показано, например, в сравнительно недавнем исследовании весьма добросовестного историка М. Б. Свердлова «Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI–XIII вв.»,⁴⁷⁵ были всецело равноправными *участниками* государственного строительства Руси (так, финские и тюркские имена очень широко представлены, наряду со славянскими, в высшем слое носителей власти при Ярославе и позже).

Помимо плодотворного созидания русской государственности, при Ярославе было исключительно много сделано в сфере культуры (в самом широком значении этого слова); но об этом еще пойдет речь.

Весь характер Ярославовой эпохи рождает мысль о глубоко продуманной (недаром – Мудрый!) и уравновешенной созидательной деятельности. Однако приход Ярослава к власти совершался в остро драматических обстоятельствах.

⁴⁷⁴ Не искажающего, но совершенствующего.

⁴⁷⁵ См.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. XI, Л., 1979, с. 222–237.

В «Повести временных лет» есть два противоречащих друг другу сообщения, указывающих дату рождения Ярослава: отмечено, что к 1016 году он прожил 28 лет и, значит, родился в 989 году,⁴⁷⁶ а в 1054-м, в момент кончины, ему-де было 76 лет, то есть дата его рождения – 979 год. Правдоподобнее первое сообщение, которое подтверждается медицинской экспертизой скелета Ярослава;⁴⁷⁷ известно также, что из семи сыновей Ярослава только один, Илья, родился до 1020 года, и странно было бы, если бы Ярослав начал обзаводиться многочисленными наследниками лишь после достижения им сорока лет.

Ярослав был четвертым (по старшинству) из двенадцати сыновей Владимира Святославича. Двое старших – Вышеслав и Изяслав – умерли еще при жизни отца, и в 1010 году, после кончины Вышеслава, Владимир дал Ярославу в «держание» Новгород – главное тогда после Киева владение Руси (до этого Ярослав «сидел» в Ростове, куда в 1010-м был переведен младший его брат Борис).

Но тем самым оказался обойденным третий по старшинству брат Ярослава Святополк, державший Туровскую землю (расположенную к западу от среднего течения Днепра и до границы с Польшей). Как общепризнанно, недостаточное благоволение Владимира к Святополку имело своей первопричиной тот факт, что он не являлся его родным сыном. Судя по всему, отцом Святополка был Ярополк Святославич, жену которого «унаследовал» Владимир сразу после гибели этого своего старшего брата в междоусобной борьбе: Святополк родился, очевидно, до истечения девяти месяцев с момента смерти Ярополка.

В последние годы жизни Владимира (он скончался 15 июля 1015 года) события развивались следующим образом. Князь (позднее, с 1025 года, король) Польши Болеслав Великий, объединивший свой народ и прочно связавший свою деятельность с Римской церковью (поляки приняли из ее рук христианство еще в 966 году) решил в 1013 году отторгнуть от Руси так называемые Червенские города (в верхнем течении Западного Буга и Сана). Для этого он вступил в военный союз с враждебными Руси печенегами. Но его замысел сорвался, поскольку он (по неизвестной нам причине) на этот раз рассорился с приглашенными им печенегами и был вынужден сражаться с ними, а не с русскими. Впоследствии он сумел восстановить польско-печенежский союз, а еще до того завязал также самые тесные отношения с правителем граничивших с Польшей русских земель – Святополком, за которого отдал свою дочь.

Историки спорят о точной дате этого брака – состоялся ли он до нападения Болеслава на Червенские города либо после этого. Но так или иначе в дальнейшем Болеслав действовал в прочном союзе со Святополком. Вместе с супругой к Святополку явился – в качестве ее «духовного отца» – польский епископ германского происхождения Рейнберн, который, как убеждены многие новейшие исследователи, представлял и интересы Римской церкви, всегда чрезвычайно активно стремившейся превратить в свою паству все новые и новые племена и народы. В данном случае дело шло о подчинении или хотя бы о включении в орбиту польского влияния всей Руси, в чем были горячо заинтересованы и Римская церковь, и правители Польши.

В 1014 году Владимир, как сообщает прямой современник событий, германский хронист Титмар Мерзебургский, узнал, что Святополк, «побуждаемый Болеславом, тайно готовится ему сопротивляться, он (Владимир. – В.К.) схватил и епископа, и сына с женой и запер в одиночном заключении... Болеслав, узнав обо всем этом, не переставал мстить».⁴⁷⁸

После кончины Владимира Святополк сумел взять бразды правления в Киеве в свои руки. Но было ясно, что он – хотя бы как вчерашний заговорщик – имеет сомнительные права на

⁴⁷⁶ Русские летописцы при подсчете количества лет, прошедших от одной даты до другой, включали в сумму и первый, и последний годы, так что сумма оказывалась на один год больше действительной (см. об этом, например: Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. – М. 1988, с. 223–224).

⁴⁷⁷ См.: Краткие сообщения института истории материальной культуры. Т. VIII, 1940.

⁴⁷⁸ Свердлов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X – начала XII в. – В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. – М., 1972, с. 150.

верховную власть над Русью. Поэтому он тут же начал организовывать убийства своих братьев-соперников. Уже 24 июля был злодейски умерщвлен Борис, 5 сентября – Глеб, а затем еще князь Деревлянский Святослав (в результате Святополк получил прозвание «Окаянный», а Борис и Глеб были причислены к лику святых мучеников, исключительно высоко почитаемых на Руси).

Ярослав, находившийся в Новгороде, стал готовиться к войне со Святополком. И, по всей вероятности, осенью 1016 года у города Любеч (севернее Киева) произошла первая битва Ярослава со Святополком, на помощь которому пришли уже снова обретшие союз с Болеславом печенеги. Святополк проиграл это сражение и прямо с поля боя бежал к печенегам, а затем к тестю, в Польшу.

Ярослав начал княжить в Киеве и вскоре, отправив посольство, возобновил союз с германским королем и императором Священной римской империи Генрихом II, – союз, который был заключен его отцом Владимиром, в частности, женившимся после кончины своей византийской супруги Анны (по-видимому, в 1012 году) на внучке этого императора. По договоренности с Генрихом II, который вел в то время войну с Болеславом, Ярослав в 1017 году начал поход на Польшу (где находился, как сказано, Святополк). Однако в ответ Болеслав побудил печенегов напасть на Киев, и Ярослав вынужден был вернуться, чтобы отстоять свою столицу, где, помимо прочего, сгорел тогда деревянный храм святой Софии, построенный, возможно, еще Ольгой (впоследствии Ярослав создал на его месте величественный собор, сохранившийся в своей основе до наших дней).

Болеслав же в январе 1018 года сумел заключить мир с Генрихом II и уже в июле вторгся в пределы Руси вместе со Святополком. Его очень мощная по тем временам армия включала в себя германцев (из Саксонии) и венгров, а также полчища печенегов. Это была *первая* в истории внушительная агрессия на Русь с Запада.

Войско Ярослава потерпело поражение, и он вынужден был удалиться обратно в Новгород. Болеслав со Святополком 14 августа 1018 года захватили Киев. Однако именно в это время началась междоусобица в Польше, и через месяц Болеслав покинул Киев, увозя с собой множество награбленных ценностей и уводя тысячи пленников. Тогда же он присоединил к Польше Червенские города на западе Руси.

Но Ярослав вновь собрался с силами и в следующем, 1019 году, одолел Святополка в сражении на реке Альте южнее Киева (Святополк ушел туда, чтобы соединиться с печенегами). Позднее, в 1030–1031 годах, Ярослав вернул Руси Червенские города и установил долговременный мир с Польшей.

Все вышесказанное в своих основных чертах было выяснено уже давно, а в последнее время подтверждено, уточнено и конкретизировано в тщательно выполненных исследованиях М. Б. Свердлова, А. В. Назаренко и Н. И. Щавелевой.⁴⁷⁹

Однако вот уже в течение сорока лет ряд историков пытается навязать совсем иную картину событий 1015–1019 годов. Начало было положено в книге Н. Н. Ильина «Летописная статья 6523 (то есть 1015. – В.К.) года и ее источник. (Опыт анализа).» (М., 1957). В этой в целом весьма основательной книге автор в какой-то момент впадает в своего рода затмение, пытаясь доказать, что убийство князя Бориса подстроил вовсе не Святополк Окаянный, но... Ярослав Мудрый.

Насколько влиятельна ныне эта версия, явствует из того, что она (кстати сказать, вообще без какой-либо аргументации) изложена в изданном в 1984 году 100-тысячным тиражом трактате академика Б. А. Рыбакова «Мир истории. Начальные века русской истории» (см. с. 157–158), а позднее, в 1990-м, стала предметом целой книги, иронически озаглавленной

⁴⁷⁹ См. вышеуказанное исследование М. Б. Свердлова и другую его работу: Известия о Руси Титмара Мерзебургского – В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 – М., 1976. с. 102–112, а также: Назаренко А. В. События 1017 г. в немецкой хронике начала XI в. и в русской летописи. – В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. 1980 – М., 1981, с. 175–184; он же: О датировке Любечской битвы (в кн.: Летописи и хроники. Сб. статей. 1984 – М., 1984, с. 13–19); Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты. Перевод. Комментарии. М., 1990.

«История „преступлений“ Святополка Окаянного», книги, принадлежащей перу ярого специалиста по антирелигиозной пропаганде Г. М. Филиста. Еще бы! Ведь эта версия, в сущности, разрушает исторический образ не только Ярослава Мудрого, но и *в равной мере* святого мученика Бориса, который, оказывается, погиб в своекорыстной борьбе за власть с Ярославом...

Как же возникла эта «новаторская» версия? В наших руках имеется несколько разнообразных русских источников, а также польских и германских хроник, рассказывающих о событиях на Руси в 1015–1019 годах; все они дают более или менее единую картину событий, очерченную мною выше. Но существует еще исландская (первоначально – норвежская) «Сага об Эймунде», повествующая о норманнах (варягах), которые были вынуждены уйти из родных мест и стать наемными воинами русских князей. И образы этой «поэмы в прозе» затмили в глазах некоторых историков гораздо более достоверные сообщения всех других имеющихся налицо источников.

Нет сомнения, что «Сага об Эймунде» восходит к рассказам непосредственных очевидцев событий – скандинавских наемников, служивших русским князьям начала XI века. Однако рассказы эти передавались из уст в уста в течение *четырёх с половиной* (!) столетий и лишь в конце XIV века были записаны в далекой Исландии...

В «Саге об Эймунде» повествуется, в частности, о том, как норманны помогают русскому «конунгу» по имени «Ярицлейв» бороться против его соперника-брата, зовущегося «Бурицлав» (в ранних переводах на русский язык имена героев саги воспроизводились неточно – как «Ярислейф» и «Бурислав»⁴⁸⁰) и, в конце концов, тайно убивают «Бурицлава». Сага эта стала объектом внимания русских историков еще с 1833 года, и вплоть до 1957-го года «Бурицлав» рассматривался как образ, соединивший в себе двух «прототипов» – Болеслава и вдохновляемого им Святополка; важно отметить, что в других источниках о конце Святополка говорится весьма неясно, неопределенно, и, вполне возможно, он в 1019 году в самом деле был тайно убит норманнскими наемниками Ярослава (как это изображено в саге). Естественно предполагать также, что вначале в саге фигурировали по отдельности оба врага Ярослава, но за четыре с лишним века устного бытования саги они «слились» в один образ.

Однако в новейших сочинениях (особенно последовательно в книге украинского историка А. Б. Головки⁴⁸¹) утверждается, что «Бурицлав» – это-де князь Борис, с которым-де боролся в 1015–1017 годах за власть Ярослав; уже позднее, организовав убийство Бориса, он, мол, начал борьбу с другим соперником – Святополком, поддерживаемым Болеславом, который ранее-де помогал не своему зятю Святополку, а Борису!

Следует прямо сказать, что версия эта смогла возникнуть *только* в силу звуковой «переключки» Борис-Бурицлав, – хотя «соответствие» Болеслав-Бурицлав ничуть не менее правдоподобно; потом уже стали подбираться разного рода дополнительные «доводы».

Но обратимся к самой «Саге об Эймунде». Ее герой, находясь еще в Норвегии, говорит своим сподвижникам: «Я слышал о смерти Вальдимара (Владимира) конунга... и эти (его) владения держат теперь трое сыновей его... И зовется Бурицлав тот, который получил большую долю отцовского наследия, и он – старший из них (ясно, что речь идет о Святополке. – В.К.). Другого зовут Ярицлейв, а третьего Вартилава (Брячислав Полоцкий; в действительности не брат, а племянник двух первых. – В.К.). Бурицлав держит Кэнугард (Киев. – В.К.), а это – лучшее княжество... Ярицлав держит Хольм-гард (Новгород. – В.К.), а третий – Палтескью (Полоцк. – В.К.)... Теперь у них разлад из-за владений... И пришло мне теперь на мысль, если вы согласны, отправиться туда (на Русь. – В.К.) и побывать у каждого из этих конунгов... добудем и богатство, и почесть». Затем «Эймунд и его спутники... прибыли на восток в

⁴⁸⁰ Ср. переводы саги в работах: Рыдзевская С. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. – М., 1978, с. 89–104 и Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого. (В кн.: Восточная Европа и древности и средневековье. – М., 1978, с. 289–295).

⁴⁸¹ Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. – Киев, 1988, с. 20–34.

Хольмгард (Новгород) к Ярицлейву конунгу» (с. 107).

Поскольку сведения о смерти Владимира, постигшей его 15 июля 1015 года, и о «разладе» между сыновьями не могли мгновенно дойти до Норвегии, а зимой корабли Эймунда не отправились бы в Новгород, ясно, что Эймунд прибыл на Русь никак не раньше лета 1016 года. Между тем, по летописи, Борис был убит еще летом 1015 года. Могут возразить, что летописец ошибся. Но абсолютно недостоверно представление, что Борис (именуемый Бурицлавом) правил в Киеве, об этом нет даже и намека во всех других исторических источниках, а в то же время сообщается, что Борис княжил на Волыни и затем в Ростове.

Что же касается названия Святополка в саге Бурицлавом (то есть Болеславом), оно имеет вполне правдоподобное объяснение. Ведь Святополк оказался, в сущности, ставленником, «подручным» Болеслава, – о чем недвусмысленно свидетельствует «Повесть временных лет»: «Приде Болеслав с Святополком на Ярослава с ляхы (поляки)... и победи Болеслав Ярослава. Ярослав же убежа с 4-мя мужи Новугороду. Болеслав же вниде в Киев с Святополком».

Говоря, что именно Болеслав «победил» и «вошел» в Киев, летопись все же не забывает и Святополка, поскольку для русского сознания он являл впечатляющую фигуру «окаянного» предателя (хотя в то же время летопись видит в нем только презренного подручного Болеслава). Между тем в глазах норманнов важен был носитель военной силы, которой они, наемники, должны были противостоять, и Болеслав-Бурицлав целиком заслонил в саге Святополка.

Подробно остановиться на этом «сюжете» было важно для того, чтобы на конкретном примере показать тот – принимающий подчас поистине патологический характер – «критицизм», или, вернее, очернительство, которое, увы, характерно, как уже говорилось, для значительной части историков Руси-России (и, конечно, проявилось вовсе не только в данном случае). Такие историки готовы «обличать» тех или иных отечественных деятелей даже тогда, когда их версии опираются на заведомо шаткие, как говорится, высосанные из пальца «аргументы».

И в высшей степени показательно, что Лудольф Мюллер, виднейший исследователь Древней Руси и современной Германии, не без возмущения заявил не так давно: «В 1937 г. была опубликована книга Н. Н. Ильина... Автор этой книги утверждает, что убийство Бориса и Глеба дело рук не Святополка, а Ярослава Мудрого. С тех пор и до сего времени растущее число исследователей склоняется к этому мнению, которое все, что сказано в наших источниках, переворачивает вверх ногами. Мнение это... является просто клеветой».⁴⁸²

Полная несостоятельность сего «мнения» подтверждается, в частности, и тем, что Ярослав в продолжение своего тридцатипятилетнего правления в Киеве не раз вступал в острые конфликты с другими русскими князьями, но не только не прибегал к убийствам, но и умел наладить вполне дружественные отношения с самыми, казалось бы, непримиримыми противниками.

Очень характерна в этом смысле история вражды и затем союза Ярослава с его младшим братом, Мстиславом Храбрым – князем Тмутороканским и, позднее, Черниговским. Отдаленная Тмутороканская (Таманский полуостров и окрестные территории) земля до 960-х годов была одной из главных составных частей Хазарского каганата.

Ставший каганом после своего победного похода на хазар Владимир посадил одного из своих сыновей, Мстислава, в Тмутороканской земле, где тот – вольно или невольно – нашел опору в остатках разбитых дедом и отцом хазар. На рубеже 1010–1020-х годов Мстислав подчинил еще себе соседних касогов (адыгов) и обрел немалую мощь. И в 1023 году, как сообщает «Повесть временных лет», «поиде Мстислав на Ярослава с козары и с касогы». Ярослав находился тогда в Новгороде, и Мстислав смог войти в Киев, однако «не прияша его кыяне», и он «седе на столе Чернигове» и объявил своим владением левобережье Днепра, – прежде всего земли древнерусского племени северян.

Ярослав, наняв в помощь большой отряд варягов, предпринял поход на Мстислава, который (для большей ясности цитирую летописный текст в переводе на современный язык,

⁴⁸² См. суждения Лудольфа Мюллера в кн.: Альманах библиофила, вып. 26. Тысячелетие русской письменной культуры (1988–1988) – М., 1988, с. 231.

сделанном Б. А. Романовым и Д. С. Лихачевым) «поставил северян прямо против варягов а сам стал с дружиною своею по обеим сторонам». А после битвы «увидев лежащих посеченными... северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела...»

Смысл этого многозначительно приведенного летописцем изречения явно более важен для Ярослава, ибо ради его дальнейшей борьбы с Мстиславом ему пришлось бы жертвовать не хазарами с касогами, а киевлянами... И Ярослав, торжественно сообщает далее летописец, «заключил мир с братом своим... И начал жить мирно и в братолюбии, и затихли уособица и мятеж, и была тишина великая в стране».

И несколькими годами позднее Ярослав вместе с Мстиславом отправились на запад и возвратили Руси захваченные еще Болеславом Червенские города; здесь был основан тогда новый пограничный город Ярославль. Таким образом, Ярослав ради предотвращения кровавой междоусобной борьбы отдал своему воинственному брату в «держание» левобережную Русь, но был с ним в прочном союзе, а после кончины Мстислава в 1036 году стал уже полновластным хозяином страны в целом.

Такая благоразумная – мудрая – политика Ярослава определила прочное единство русского государства; это единство не только было безусловным в последние два десятилетия его жизни, но и в той или иной степени сохранялось почти в течение столетия после его кончины. Именно к такому выводу пришла ныне историческая наука. В обстоятельном труде О. М. Рапова «Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в.» (М., 1977) обоснованно сказано (это вытекает из всей книги):

«В русской дореволюционной исторической науке глубоко укоренилась мысль о том, что после того как в 1054 году Ярослав Мудрый наделил своих сыновей землями, единое государство Русь распалось на самостоятельные княжества... Однако это не так. Ярослав Мудрый перед смертью завещал Русь только одному князю, старшему... «Се же поручаю в собе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев, сего послушайте, яко же послушаете же мене»... Ярослав Мудрый вовсе не помышлял о каком-либо разделе территории государства в духе короля Лира... По-прежнему над держателями (отдельных земель. – В.К.) возвышался великий Киевский князь... Земельные владения его братьев были не чем иным, как условными держаниями данных феодалов, которые в любой момент могли быть у них отобраны или заменены на другие» (с. 49, 51).

И далее: «отдельные князья превращали вверенные им условные держания в территории, не подчиненные власти киевского князя, но существование таких княжеств-государств было, как правило, явлением кратковременным» (с. 233). И лишь в конце 1130-х годов Русь «распалась на отдельные самостоятельные в политическом отношении княжения» (с. 235).

Я бы добавил к этому, что «распад» Руси был в известной степени *остановлен* в 1160-х годах великим князем Андреем Боголюбским, перенесшим столицу из Киева во Владимир и так или иначе управлявшим оттуда страной в целом. После монгольского нашествия Русь действительно распалась на самодовлеющие княжества, и лишь при Иване III Великом вновь восстановилась та держава, основы которой создал Ярослав Мудрый. Стоит отметить, что *двуглавый орел*, утвержденный, как известно, в качестве государственного герба Иваном III и символизировавший евразийское двуединство Руси, был впервые введен за четыре с лишним столетия до того не кем иным, как Ярославом Мудрым.⁴⁸³

Мощь государства Ярослава ярко выразилась в том, что в 1036 году было нанесено поистине сокрушающее поражение напавшим в очередной раз на Киев печенегам. Это воинственное племя, склонное превратить набеги на соседей в один из основных источников своего существования, в продолжавшийся более столетия период атаковало и Русь, и другие окрестные государства, включая Византийскую империю. А после 1036 года печенеги перестали быть серьезной военной силой.

Теперь нам необходимо обратиться к вопросу о взаимоотношениях Ярослава с

⁴⁸³ См.: Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века – М. – Л., 1960, с. 390–391.

Византийской империей. К сожалению, многие историки, находившиеся под влиянием западноевропейской идеологии, всячески принижавшей и искажавшей облик Византии (как главной *соперницы* Запада в эпоху Средневековья), стремились так или иначе противопоставить Русь и Византию, – в частности и при освещении событий времен Ярослава Мудрого. Только в последние десятилетия стали появляться исследования (В. Г. Брюсовой, Г. Г. Литаврина, польского историка Анджея Поппэ⁴⁸⁴ и др.), аргументированно отвергающие это надуманное противопоставление.

Казалось бы, борьба Руси с Византией налицо, ибо, как хорошо известно, в 1043 году Ярослав отправил своего старшего сына Владимира (вообще-то старшим был Илья, но он умер еще в 1020 году) в поход на Константинополь, – поход, правда, неудачный, так как сильная буря на Черном море погубила большую часть русского флота еще до начала боевых действий. Однако ныне достаточно убедительно доказано, что это был поход не против Византии как таковой, а только против определенных сил, стремившихся захватить власть в Империи.

С 1028 года, после кончины своего отца, Константина VIII, носителем легитимной власти в Византии стала его дочь Зоя (сыновей у Константина не было); однако вскоре она начала подвергаться всякого рода унижениям и насилиям, и, наконец, в апреле 1042 года ее вообще отстранили от власти и постригли в монахини. В результате в Константинополе вспыхнуло мощное восстание, в котором, что может показаться удивительным, самое активное участие приняли находившиеся в городе *русские*, как сообщает знаменитый хронист, современник событий Михаил Пселл, они «все готовы были пожертвовать жизнью за царицу». ⁴⁸⁵

Впрочем, это не может удивить, если вспомнить, что Зоя была племянницей Анны – родной сестры ее отца, императора Константина VIII и супруги Владимира Святославича; таким образом Зоя являлась *двоюродной сестрой* Ярослава Мудрого. ⁴⁸⁶ Вместе с тем как дочь императора, не имевшего наследника мужского пола, Зоя представляла в глазах ее сторонников, в том числе русских, законной властительницей; «хотим законную наследницу!» – кричали восставшие на площадях Константинополя.

И Зоя была немедленно возвращена к власти. Вскоре, 11 июля 1042 года, она вступила в брак с представителем знатного рода Константином Мономахом. Однако всего через несколько месяцев обнаружилось, что Константин имеет намерение «заменить» Зою своей любовницей Склиреной, из-за чего 9 марта 1043 года произошло новое восстание под лозунгом «Не хотим Склирену царицей, да не примут из-за нее смерть матушки наши Зоя и Феодора!» (Феодора – младшая сестра Зои, ставшая ее соправительницей). Но главное было даже не в Склирене, а в очередной попытке отстранения Зои от власти, – попытке, которая и вызвала, очевидно, поход Руси, чей флот подошел к Константинополю через четыре месяца после восстания, в июле 1043 года (вполне вероятно, что Зоя сама обратилась к своему русскому двоюродному брату за помощью).

В результате гонения и интриги против Зои прекратились, и она спокойно царствовала до своей кончины в 1050 году в возрасте 72-х лет (после смерти Зои роль носительницы законной власти исполняла ее сестра Феодора). В 1046, по всей вероятности, именно благодарная Зоя устроила бракосочетание сына Ярослава Мудрого, Всеволода, с дочерью своего супруга (от

⁴⁸⁴ См.: Брюсова В. Г. К вопросу о происхождении Владимира Мономаха. – «Византийский временник», вып. XXVIII, 1968, с. 127–135; она же: Русско-византийские отношения середины XI века. – «Вопросы истории», 1972, № 3, с. 51–62; Литаврин Г. Г. Война Руси против Византии в 1043 г. – В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Киевская Русь и ее славянские соседи. – М., 1972, с. 178–222; Поппэ Анджей. Русско-византийские церковно-политические отношения и середине XI в. – «История СССР», 1970, № 3, с. 108–124.

⁴⁸⁵ Пселл Михаил. Хронография. – М., 1978. с. 61 и далее.

⁴⁸⁶ Считается, правда, что Ярослава родила не Анна, а другая жена Владимира – Рогнеда, но, во-первых, это спорно, а, во-вторых, «формально» Зоя все же была родственницей Ярослава.

предыдущего его брака) Константина Мономаха, – которая, конечно, считалась теперь и ее дочерью, – Анастасией; в 1053 году Анастасия родила сына – в будущем одного из славнейших русских князей – Владимира Всеволодича Мономаха.⁴⁸⁷

Уже изложенные факты (а круг подобных фактов можно бы значительно расширить) показывают, что взаимоотношения Руси и Византии при Ярославе – проблема весьма сложная, и речь должна идти об участии Ярослава Мудрого во внутренней борьбе, развертывавшейся в Империи (что свидетельствует как раз о самых глубоких связях с Константинополем), а не о борьбе против Византии как таковой.

Кстати сказать, сама мысль о борьбе Ярослава с Византией решительно противоречит коренным основам его внешней политики; как уже сказано, утвердив свою власть, Ярослав стремился и сумел установить мирные отношения со всеми соседними и более отдаленными государствами. Это, в частности, выразилось в имевших непосредственно политическое значение браках сыновей, дочерей и сестер Ярослава с отпрысками иностранных династий; благодаря этим бракам Ярослав (сам женившийся на дочери короля Швеции) породнился с властителями Франции, Германии, Норвегии, Венгрии, Польши и, как уже сказано, Византии (ближайшие его потомки продолжали эту традицию, включив в число своих родственников королей и князей Англии, Дании, Чехии, Хорватии).

Проблема взаимоотношений Руси и Византии невольно обращает наше внимание к личности самого выдающегося сподвижника Ярослава – митрополита Киевского Илариона. Как ни прискорбно, многие историки создали ему совершенно необоснованную репутацию некоего беззаветного врага Византии. Сошлюсь еще раз на германского русиста Лудольфа Мюллера, который посвятил личности и творчеству Илариона свои основные труды. В 1989 году Л. Мюллер не без недоумения говорил, что само поставление Илариона в митрополиты «очень часто интерпретируют... в том смысле, что оно было якобы совершено без разрешения и против воли Константинопольского патриарха... Нигде не сказано, что избрание Илариона совершилось иным способом, чем избрание всех других митрополитов Константинопольской церкви (в состав которой входила Киевская митрополия. – В.К.)... А именно: постоянным Синодом Константинопольской патриархии... По моему мнению, Ярослав попросил своего шурина – византийского императора Константина IX – воспользоваться своим влиянием на Синод, чтобы тот избрал любимца Ярослава... Значит, никакого раскола, никакого антагонизма... не было. По крайней мере, никакой достоверный источник не говорит об этом, и в сочинениях Илариона я не вижу ни одного антивизантийского выражения».⁴⁸⁸

Л. Мюллер допустил здесь одну словесную неточность, которую, впрочем, могло бы допустить сегодня и большинство русских авторов: он назвал императора Константина «*шурином*» (что означает «брат жены») Ярослава; в действительности император был *зятем* Ярослава – то есть мужем его сестры (хоть и двоюродной) Зои, а также одновременно и *сватом* – отцом жены Ярослава сына Всеволода... Но это *двойное* родство (или, вернее, свойство) тем более подкрепляет точку зрения Л. Мюллера.

Выше цитировалось «Слово о законе и Благодати» митрополита Илариона, которое в последнее время общепризнанно в качестве одного из великих творений русской литературы и мысли. Да и вообще митрополит Иларион принадлежит к немногим величайшим деятелям России за всю ее историю: правда, все его достижения нераздельно связаны с деятельностью Ярослава Мудрого и немыслимы вне ее.

Жизнь Илариона началась, по-видимому, еще при Владимире Святославиче. Высшая образованность Илариона побуждает прийти к выводу, что в молодости он учился в Византии. Возвратившись, он стал иеромонахом – настоятелем церкви Святых Апостолов в резиденции Владимира и, затем, Ярослава – Берестове (пригород Киева). В работах современных историков, филологов и искусствоведов, касающихся деятельности Илариона, доказывается, что именно он был основоположником Киево-Печерской лавры – этого духовного и

⁴⁸⁷ См. вышеуказанную работу В. Г. Брюсовой о происхождении Владимира Мономаха.

⁴⁸⁸ «Альманах библиофила», вып. 26, с. 232.

культурного средоточия Древней Руси, что он играл существеннейшую роль в созидании главного тогдашнего собора – Святой Софии (в особенности, в формировании ее монументальных фресок), что именно он заложил основы русского летописания и т. д. Приблизительно в 1048 году Иларион, полагают, возглавил русское посольство в Париж (позднее, в 1051 году, дочь Ярослава Анна стала королевой Франции).

Многообразная и в высшей степени весомая деятельность, в ходе которой Иларион явно выступает как глава русской церкви, оказывается в противоречии с тем, что он вроде бы очень недолго являлся митрополитом – с 1051 по 1054 год; уже в 1053-м митрополитом Киевским стал византиец Ефрем. Но в недавней работе В. Г. Брюсовой⁴⁸⁹ весьма убедительно показано, что Иларион, скорее всего, занял митрополичью кафедру в Киеве значительно ранее 1051 года, – возможно, в 1044 году.

Полной загадкой остается, увы, судьба Илариона после, кончины Ярослава Мудрого (20 февраля 1054 года): об этом до нас не дошло никаких сведений. Широко распространена версия, согласно которой Иларион был отстранен от своего поста под давлением Византии, но в свете новейших исследований это решение представляется крайне сомнительным. Гораздо естественнее предполагать, что Иларион был во враждебных отношениях с наследником власти Ярослава – его старшим (из живых к тому времени) сыном Изяславом, который лишил Илариона его высокого поста.

Это был явно мало похожий на отца правитель, который многократно вступал в тяжкие конфликты с киевлянами, со многими своими родственниками, изгонялся из Киева и, в конце концов, погиб в междоусобной схватке. Хорошо известна его вражда к творцам главной святыни Руси, Киево-Печерской лавры, – преподобным Антонию и Никону, которых он даже заставлял надолго уходить из Лавры. А ведь Антоний и Никон были ближайшими сподвижниками Илариона, и есть все основания считать, что гонения на них связаны именно с давней Изяславовой враждой к митрополиту. И поскольку роль Илариона как митрополита была чрезвычайно значительной в жизни государства, Изяслав, придя после смерти отца к власти, вероятно, отстранил его от митрополичьей кафедры. Это, разумеется, было совершенно противозаконной и даже дикой акцией, и летописцы предпочли умалчивать о столь принижающем как власть, так и Церковь факте...

Так или иначе митрополит Иларион оказался в глазах потомков пропавшим без вести. Однако его свершения, осуществленные им в нераздельном сотрудничестве с Ярославом Мудрым, не исчезли (кстати сказать, даже и сам Изяслав Ярославич, в конечном счете, «помирился» со сподвижниками Илариона преподобными Антонием и Никоном, получившим прозвание «Великий», и они продолжали свою плодотворнейшую деятельность в Киево-Печерской лавре).

В заключение необходимо привлечь внимание к исключительно важному результату Ярославовой эпохи. Русское государство до начала правления Ярослава Мудрого существовало уже более двух столетий, и мы, конечно, много знаем об историческом величии, о героике и драматизме этих столетий – от Кия до Владимира. Но память об этих столетиях дошла до нас либо в *устных* преданиях, зафиксированных намного позднее летописцами (правда, есть у нас еще и немало «современных» сведений о Руси IX-X веков из иноязычных, иностранных хроник и иных источников), либо в виде *археологических* материалов (так, ни одного целого здания от этих веков не сохранилось), подвергающихся заведомо субъективной расшифровке. Между тем *русская культура* (в самом широком значении слова), дошедшая до нас от эпохи Ярослава, представляет собой всецело очевидное наследие, сохраняющее свою не могущую быть превзойденной ценность – то есть она полновесно существует и сегодня, сейчас. Это и собор Святой Софии в Киеве, и Новгородская София (которая, в отличие от Киевской, дошла до нас в почти первозданном виде), и целый ряд других творений зодчества, это ценнейшие фрески и мозаики, это проникновенное «Слово о законе и Благодати» митрополита Илариона и восходящие непосредственно к эпохе Ярослава элементы Киевских и Новгородских летописей,

⁴⁸⁹ Брюсова В. Г. Когда и где был поставлен митрополит Иларион – В кн.: Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 1. XI–XIV века. – М., 1989, с. 40–51.

и т. д.

Продолжающееся донныне полноценное бытие созданной при Ярославе Мудром русской культуры – самое яркое, пожалуй, проявление сущности этой эпохи, – первой подобной эпохи в истории Руси-России. Притом – повторяю еще раз – культура, сотворенная во времена Ярослава, вне всякого сомнения, обладает и сегодня своей непревзойденной и не могущей быть превзойденной ценностью. И поскольку неоспорима громадная роль самого Ярослава Мудрого в сотворении этой культуры, он по праву может быть назван одним из величайших созидателей России.

Младший современник Ярослава – возможно, это был преподобный Никон Великий – писал о нем, в частности, так:

«Отец бо сего, Володимер, землю взора (взорал – вспахал) и умягчи, рекше (то есть) Крещеньем просветив. Съ (сей) же насея книжными словесы сердца верных людий... Се бо суть реки, напоюще Вселеную, се суть исходища (источники) мудрости; книгам бо есть неищетная глубина...»

И государственное строительство, и творчество культуры в эпоху Ярослава Мудрого имеет непреходящее значение еще и в том смысле, что после позднейших тяжелых испытаний и резкого подчас упадка страны так или иначе сохранялся – пусть хотя бы в самой глубине исторической памяти – некий первообраз Великой Руси, вызывающий к своему восстановлению, воскрешению. И он, этот прообраз, действительно воскресал и в эпоху Ивана III Великого, и после Смуты начала XVII века, и т. д. Вывает он к нам и сегодня...

Глава 6. Путь Руси из Киева во Владимир

В историографии, как уже было отмечено, широко распространено, даже господствует представление, согласно которому после правления Ярослава Мудрого в истории Руси наступает период – вернее, даже целая эпоха – так называемой «феодальной раздробленности, распада страны на ряд самостоятельных княжеств, – то есть, в конечном счете, отдельных «государств».

Между тем о действительном – и имеющем заведомо негативные последствия – распаде страны уместно говорить по отношению ко времени после монгольского нашествия. Что же касается периода второй половины XI – первой трети XIII века (можно указать и точные временные границы: 1054, год смерти Ярослава, и 1240-й – окончательное покорение Руси монголами), то едва ли Русь в самом деле перестала в это время существовать как определенная целостность. И мрачные диагнозы тех или иных историков по этому поводу нередко диктовались и диктуются тенденциозно «критицистским» отношением к отечественной истории, о котором не раз шла речь выше. Вот мол каковы эти русские – разбегаются по своим углам и устраивают свары с верховной властью и соседями. И очевидный факт, что то же самое всецело присуще, например, *средневековой истории всех основных стран Западной Европы*, никак не смущает «обличителей».

Еще более показательное другое: с таким же рвением подобные историки, когда речь заходит о последующем прочном объединении страны (начиная со времени Ивана III), готовы «клеймить» Русь за деспотизм, за подавление самостоятельности, «вольности» отдельных ее частей! Словом, как сформулировал в приведенном выше высказывании Лев Толстой, «все было безобразие» в этой самой Руси...

Те, кто всячески «осуждают» период «феодальной раздробленности», совершенно упускают из виду, что на определенном этапе развития в *любой* стране происходит более или менее значительное обособление отдельных ее областей, и, хотя этот процесс обычно ведет к тем или иным негативным или даже трагическим последствиям, он в то же время имеет и безусловно плодотворные результаты.

Русь, как и каждая страна, складывалась вокруг центра, столицы, которая вбирала в себя материальную и духовную энергию, тем самым неизбежно обделяя составляющие ее земли. И в какой-то момент в этих землях возникало упорное стремление к самостоятельному историческому творчеству во всех его сторонах – от экономики до культуры, что, в конечном счете, неизбежно приводило к определенным конфликтам с центральной властью.

Едва ли можно оспорить утверждение, что без самостоятельного исторического творчества в Новгородской, Псковской, Тверской, Рязанской, Ростовской, Черниговской и других землях не смогло бы создаться материальное и духовное богатство Руси. Но эта самостоятельность неизбежно порождала и определенную политическую обособленность, становившуюся нередко «чрезмерной», приводившей к острым коллизиям и так называемым усобицам.

И историки, бичующие тех или иных князей за эти усобицы, исходят, в сущности, из чисто умозрительного «идеала», который, если вдуматься, являет собой убогую, примитивную моральную пропись, совершенно неуместную при изучении *драмы* Истории. Да, великие князья Руси были *правы*, подавляя «сепаратизм» отдельных княжеств; но по-своему были *правы* и «державшие» те или иные самобытно развивавшиеся земли Руси «удельные» князья. И те, и другие – полноценные *герои* русской истории, хотя, конечно же, многие из них несут на себе печать вины перед своими собратьями и самим народом Руси.

Нельзя не сказать и о том, что едва ли не большинство историков безосновательно усматривает начало «распада» Руси в первых же десятилетиях после кончины утвердившего прочную государственность Ярослава Мудрого, – то есть после 1054 года. Между тем определенное единство страны сохранялось так или иначе в течение почти столетия после этой даты (можно даже указать год действительного начала «смуты» точно – 1146-й), а позднейшее очевидное и резкое ослабление центральной, киевской власти было, главным образом, обусловлено не «сепаратизмом» отдельных княжеств, а как бы *исчерпанностью* общерусской роли самого Киева (о чем еще будет сказано подробно).

В продолжение шести десятилетий – с 1054 по 1113 год – на Руси соблюдался строгий порядок наследования киевской власти по принципу «старейшинства», который обеспечивал «легитимность» власти, ибо не зависел от чьих-либо субъективных решений. После кончины Ярослава один за другим правили (по старшинству) его сыновья Изяслав, Святослав и Всеволод.⁴⁹⁰ Правда, возникали временные конфликты, но в целом этот порядок не был существенно нарушен. Далее, после смерти *старшего* из сыновей Ярослава – Святополк Изяславич, – до своей кончины в 1113 году.

В этом году порядок наследования киевской власти впервые (после 1054 года) нарушается: по «старшинству» должны были друг за другом править сыновья Святослава Ярославича – Давыд, а затем Олег и Ярослав, но киевским князем стал сын Всеволода Ярославича (младшего брата Святослава) – Владимир Мономах.

Известно, что его избрало и призвало киевское вече. Здесь уместно сказать, что до сих пор, к сожалению, широко распространено ложное представление о вече (новгородском, киевском и других) как о некоем *народном* «соборе», в котором-де участвовало все население города. Между тем еще в 1960-х годах виднейший исследователь истории Новгорода, В. Л. Янин, показал, что вече «не было общим собранием всех свободных горожан, а было сословным, представительным органом... включало в свой состав бояр и наиболее зажиточную верхушку». Сама «вечевая» площадь в Новгороде имела размер всего лишь 30×60 м, т. е. около 1800 кв. м, что приближается к величине средней боярской усадьбы. Принимая во внимание наличие на площади... трибуны и скамей (на вече сидели, как это явствует из летописного сообщения...), ее емкость возможно определить в 400–500 человек. И заведомо ошибочно «сложившееся еще со времен Н. М. Карамзина представление о всеобщности веча, якобы включавшего в свой состав все многотысячное (по крайней мере все свободное) население Новгорода».⁴⁹¹

⁴⁹⁰ У Ярослава было еще четверо сыновей, но самые старшие – Илья и Владимир – умерли раньше отца, а самые младшие – Вячеслав и Игорь – еще до смерти тех трех, которые последовательно правили в Киеве. Всеволода (1093 год) стал править единственный сын (двое других умерли ранее).

⁴⁹¹ Янин В. А. Новгородские посадники. – М., 1962, с. 327; он же: Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований – В кн.: Новгородский исторический сборник. 1 (11). – Л., 1982, с. 94, 93.

Помимо прочего, пропагандируемый до сего дня «прогрессивными» историками миф о «всенародном» вече в Древней Руси несостоятелен с чисто практической точки зрения, ибо общее собрание многочисленного и многообразного населения не могло быть «дееспособным», могущим принимать ответственные и взвешенные решения. И, конечно, Владимира Мономаха призвали в Киев немногочисленные верхние слои населения города. Летопись сообщает, что Владимир сначала отказался, не желая нарушить давно установленный порядок престолонаследия, и лишь после вторичного призвания прибыл в Киев.

Считается, что Владимир Всеволодович был «внеочередно» призван к верховной власти за свои высокие личные достоинства. Он в самом деле был человеком высочайшего уровня (о чем еще будет речь), но едва ли уместно полагать, что именно это сыграло определяющую роль как в его избрании, так и в отсутствии прямого сопротивления (во всяком случае сведений о таком сопротивлении не имеется) вокняжению Владимира в Киеве со стороны «законных» претендентов на этот пост – Давыда, Олега и Ярослава Святославичей (хотя ранее чрезвычайно воинственный Олег не раз предпринимал атаки на многих князей, и в том числе Владимира и его сыновей).

Дело, по-видимому, не только (или, вернее, не столько) в личных качествах Владимира Мономаха, но прежде всего в той *мощи*, которой он обладал ко времени своего избрания киевским вечем. Уясняя происхождение этой мощи, мы тем самым выявим исключительно существенную проблему истории Руси в XII веке.

Отец Владимира Мономаха, Всеволод, был, как уже сказано, одним из *младших* (пятым по счету) сыновей Ярослава Мудрого, и потому получил от отца не столь уж значительный основной удел – Переславскую землю (ее центр – Переславль-Русский, ныне – Хмельницкий – расположен в 80 км к юго-востоку от Киева) – землю, во-первых, малую по площади и, во-вторых, наиболее доступную набегам степняков. Но, помимо того, Всеволоду досталась северо-восточная земля – Ростово-Суздальская. Она, напротив, была обширнейшей, ее пределы терялись в заволжских лесах, однако земля эта тогда являлась самой «неразвитой» и малоосвоенной и имела небольшое и редкое русское население.

История этой земли тщательно исследована в труде В. А. Кучкина «Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв.», где показано, в частности, что даже город Ростов, существование которого многие возводят еще к IX веку, в действительности был основан только в самом конце X или даже в начале XI века.⁴⁹²

Но в течение второй половины XI – первой половины XII века совершается очень интенсивное развитие этой земли. Если в середине XI века в ней имелись, по-видимому, только три заметных города – Ростов, Суздаль и Ярославль, то к середине XII уже существовали Владимир-на-Клязьме, Переславль-Залесский, Тверь, Звенигород, Устюг, Углич, Юрьев-Польской, Дмитров, Москва и т. д.

Как общепризнанно, Владимир Мономах был отправлен в Ростов своим отцом Всеволодом Ярославичем еще в юном возрасте, в 1068 году, и позднее постоянно возвращался сюда и «сажал» здесь своих сыновей – Мстислава и затем Юрия по прозванию Долгорукий. Но быстрое и плодотворное развитие Ростовской земли, конечно, нельзя объяснить только деятельностью Владимира и его сыновей; деятельность эта, надо думать, лишь подкрепляла и «оформляла» широкое освоение и заселение Ростовской земли, которая ко времени призвания Владимира в Киев (1113 год) была уже совсем иной, чем в 1054 году, когда ее получил после смерти Ярослава отец Владимира – тогда еще молодой – Всеволод.

К 1113 году Владимир Мономах явно был наиболее сильным на Руси князем, чему, разумеется, способствовало не только резкое усиление Ростовской земли, но и сама личность Владимира как государственного деятеля, полководца и человека высокой культуры.

Владимир Всеволодович Мономах – один из наиболее выдающихся правителей Руси-России за всю ее историю. Этому утверждению нисколько не противоречит сказанное выше о необходимом для возвышения роли Владимира интенсивном развитии его удела –

⁴⁹² Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984, с. 58.

Ростовской земли, ибо, не имея опоры на быстро возраставшую мощь этой земли, Владимир и не сумел бы во всей полноте *осуществить* себя в качестве исторического деятеля. В его судьбе счастливо слились личные достоинства и объективный ход дела в Ростовской земле.

Помимо всего прочего Владимир Мономах – первый правитель Руси, сочинения которого дошли до нас. В них предстает поистине покоряющий духовный облик достигшего своего высшего уровня русского человека конца XI – начала XII столетия. К этому времени прошло более столетия после Крещения Руси, и в написанном, по всей вероятности, в начале 1097 года послании Владимира к его двоюродному брату Олегу Святославичу воплотилось проникновенное православно христианское самосознание будущего правителя Руси (в 1093–1113 годах в Киеве правил, как мы помним, сын старшего сына Ярослава – Святополк Изяславич).

В 1095 году завязалась распря между сыновьями Святослава Ярославича – Давыдом и Олегом, – и, с другой стороны, сыном Владимира Мономаха, Изяславом. Распря эта не затрагивала центральную власть Руси; речь шла об особенных уделах названных князей. Давыд и Олег «законно» претендовали на уделы, принадлежавшие их отцу Святославу, – Смоленск и Муром. Но Давыду – по всей вероятности, как *второму* по старшинству (после Святополка) внуку Ярослава был предоставлен Новгород, и тогда сын Владимира Мономаха, Изяслав, взял себе Давыдов Смоленск. Однако вскоре новгородцы «изгнали» Давыда (причины этого не вполне ясны), и он вернулся в Смоленск, изгнав оттуда, в свою очередь, Изяслава, который отправился в Муром. Но для Олега Святославича Муром являл собой отцовское наследство, и 6 сентября 1096 года около Муромы произошло сражение Олега и Изяслава, во время которого сын Владимира Мономаха погиб...

Олег затем, в самом конце 1096 года, вторгся еще и в Ростовскую землю (о чем упомянуто в послании Владимира), но был разбит и изгнан обратно в Муром старшим сыном Владимира, Мстиславом.

Казалось бы, Владимир, уже обладавший тогда немалой силой мог и должен был отомстить Олегу за гибель сына и за набег на Ростов и Суздаль. Он даже написал, напоминая о междоусобицах при Ярославе Мудром и его сыновьях: «Были ведь войны при умных дедах наших и при блаженных отцах наших...» И признался, что его «сердце» зовет его к мести... Но «душа» призывает к иному, борясь с «сердцем».

Вглядимся в это его послание к Олегу, написанное ровно девять столетий назад, но принадлежащее к вечным творениям русского Слова (для большей ясности ниже дан перевод, сделанный Д. С. Лихачевым):

«О многострастный и печальный аз! Много борешься сердцем, и одолевши, душе, сердцу моему, зане тленьяе сущи, помышляю, како стати пред Страшным Судьею, каянья и смиренья не приимши между собою.

Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть». И паки: «Аще не отпустите прегрешений брату, ни вам отпустить Отец ваш Небесный»...

Господь бо наш не человек есть, но Бог всей вселенной, иже хоцеть, в мегновеньи ока вся створити хоцеть, то сам претерпе хуленья, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животом владея и смертью. А мы что есми, человеци грешны и лиси? – днесь живи, а утро мертвы, днесь в славе и чти, а заутра в гробе и бес памяти, ини собранье наше разделять.

Зри, брате, отца наю: что взяста?... но токмо оже еста створила души своей...

Дивно ли, оже мужь умерл в полку ти? Лепше суть измерли и роди наши. Да не выискывати было чюжего – ни мене в сором, ни в печаль ввести. Научиша бо и паропци, да быша собе налезли, но оному налезоса зло... несм ти ворожбит, ни месьтник. Не хотех бо крови твоя видети... понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русьской земли...

Не по нужи ти молвлю, ни беда ми которая по Бозе, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего света сего.

На Страшной При бе-суперник обличаюся».

То есть: «О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваєшь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед Страшным Судьею, не покавшись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего (Олег – двоюродный брат Владимира. – В.К.

) не люблю», – ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит Отец ваш Небесный»...

Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, – что захочет, во мгновение ока все сотворит, – и все же Сам претерпел хулу, и оплевание, и удары, и на смерть отдал Себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? – сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и чести, а завтра в гробу и забыты, – другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили? ...Только и есть у них, что сделали душе своей...

Дивно ли, если муж (сын Владимира. – В.К.) пал на войне? Умирили так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла... И не враг я тебе (Олегу. – В.К.), не мститель. Не хотел видеть крови твоей...

Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле... Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном Суде без обвинителей сам себя обличаю».

Прежде всего стоит сказать, что это послание, по-видимому, произвело громадное впечатление на Олега. Осенью того же, 1097 года, Олег прибыл в принадлежавший Владимиру Любеч, где состоялся знаменитый съезд князей во главе со Святополком Киевским. На Любечском съезде, по летописному сообщению, было провозглашено: «...почто губим Русьскую землю, сами на ся котору (распрю, раздор) деюще?.. ноне отселе имемся в едино сердце, и блюдем Русские земли». И с этого времени Олег, который прожил до 1115 года, не предпринимал никаких значительных «котор» («татищевские» сведения о его нападении на Ростовскую землю в 1113 году⁴⁹³ явно недостоверны; они попросту «перенесены» из 1096 года), – хотя ранее, до 1097 года, Олег «Гориславич» был, самым безудержным «которщиком» на Руси. В частности, Олег не стал оспаривать призвание Владимира на киевский престол, – несмотря на то, что «по старейшинству» он имел больше прав на этот престол, чем Владимир.

Но, конечно, значение послания Владимира отнюдь не исчерпывается этой стороной дела. Слово Владимира Мономаха воплотило в себе своего рода нравственную, духовную *основу* самого бытия Руси, – Руси, которая, невзирая на самые тяжкие испытания и конфликты, пережила позднее и монгольское нашествие, и Смутное время начала XVII века, и все последующее... В глубине русского бытия всегда светилося – пусть подчас только как еле заметная свеча – то, что столь сильно и ярко выражено в этом бесценном послании одного из ее великих правителей.

Личность Владимира Всеволодича – как и сама Русь к середине XI века – словно бы вобрала в себя тогдашний мир: внук Ярослава Мудрого, он одновременно был правнуком прославленного шведского короля Олафа (на чьей дочери Ингигерде был женат Ярослав) и внуком византийского императора Константина Мономаха (его дочь была матерью Владимира); сам он обручился с Гитой – дочерью последнего собственно английского (англского) короля Гаральда II, убитого в 1066 году завоевавшими Англию норманнами. И, конечно, все эти идущие с Запада и Юга «нити» как-то сплелись в личности Владимира. Старшего своего сына, Мстислава, он женил (в конце XI века) на дочери очередного шведского короля, Христине, однако позже, в начале XII века, выбор супруг для младших сыновей был совсем иным: Ярополка Владимир женил на осетинской княжне, а Андрея и Юрия Долгорукого – на дочерях знатных половецких ханов. В этом выборе, надо думать, проявилось осознание «евразийской» судьбы Руси.

Главное же, стержневое значение в духовном мире Владимира Мономаха имело то православно-христианское начало, которое так проникновенно запечатлелось в его цитированном послании.

Вглядываясь в жизненный путь Владимира Мономаха, можно испытать чувство удивления той «заминкой», которая случилась в 1113 году: князь ответил отказом на призыв

⁴⁹³ См.: Татищев В. Н. История Российская. – М. – Л., 1963, том второй, с. 130.

киевского веча... Правда, как уже говорилось, его смущало нарушение принципа «старейшинства», но позволительно предположить, что была здесь и иная, более существенная причина.

Почти все предшественники Владимира на Киевском престоле – Владимир Святославич и Ярослав Мудрый (а также и Святополк Окаянный) – добивались его в жестокой борьбе; несмотря на утвержденный порядок наследования пришлось побороться за Киев и сыновьям Ярослава – Изяславу и Святославу. А Владимир Мономах соглашается принять власть над всей Русью лишь после второго – и, между прочим, «отчаянного» – призыва киевских верхов.

И есть основания полагать, что Владимир так или иначе сознавал *исчерпанность* государственной роли Киева. Ведь всего через треть столетия после 1113 года этот великий город оказался в состоянии полнейшей – даже прямо-таки неправдоподобной – «анархии», а спустя еще десятилетие столицей Руси практически стал Владимир-на-Клязьме – город, основанный самим Владимиром Мономахом полувеком ранее, в 1108 году.

После смерти Владимира, свершившейся 19 мая 1125 года, в Киеве правили поочередно (по старшинству) до кончины каждого из них его сыновья Мстислав (1125–1132) и Ярополк (1132–1139); затем престол занял младший сын, Вячеслав, но всего через две недели его изгнал из Киева и сел на его место Всеволод Ольгович – сын того самого Олега Святославича, который был «незаконно» заменен в 1113 году Владимиром Мономахом. Этим как бы была восстановлена справедливость по отношению к княжеской ветви Святославичей, и Всеволод правил в Киеве до своей кончины 1 августа 1146 года.

Однако вслед за тем начался беспрецедентный кризис киевской власти. Родной брат Всеволода, Игорь Ольгович, сменивший его на престоле, на тринадцатый день был свергнут и 19 сентября убит, а на его место сел Изяслав Мстиславич – внук Владимира Мономаха. Но это было только начало «смуты».

То, что представляла тогда собой киевская власть, со всей наглядностью явствует из простого перечня сменявших друг друга на протяжении трех десятилетий – с 1146 по 1176 год – правителей – причем перечень этот не полон, так как есть основания полагать, что летописи не смогли точно зафиксировать некоторые стремительные смены князей.

1. VIII. 1146. Внук Святослава Ярославича Игорь Ольгович.
13. VIII. 1146–1149. Внук Владимира Мономаха Изяслав Мстиславич.
27. VIII. 1149–1151. Сын Мономаха Юрий Долгорукий.
- 1151–1154. Изяслав (во второй раз) совместно с сыном Мономаха Вячеславом.
8. XII. 1154. Внук Мономаха Ростислав Мстиславич совместно с Вячеславом.
- Конец 1154–1155. Внук Святослава Ярославича Изяслав Давыдович.
- Весна 1155–1157. Юрий Долгорукий (во второй раз).
21. V. 1157–1159. Внук Святослава Изяслав (во второй раз).
12. IV. 1159–1161. Ростислав (во второй раз).
1161. Внук Святослава Изяслав (в третий раз).
- 1161–1167. Ростислав (в третий раз).
14. III. 1167–1169. Правнук Мономаха Мстислав Изяславич.
20. III. 1169–1171. Внук Мономаха Глеб Юрьевич.
15. II. 1171. Внук Мономаха Владимир Мстиславич.
30. V. 1171. Внук Мономаха Михаил Юрьевич.
- 1171–1172. Правнук Мономаха Роман Ростиславич.
1172. Внук Мономаха Всеволод Юрьевич.
- 1173–1175. Правнук Мономаха Ярослав Изяславич.
1175. Правнук Святослава Ярославича Святослав Всеволодович.
1175. Ярослав (во второй раз).
1176. Роман (во второй раз).

Итак, за тридцать лет власть сменялась в Киеве по меньшей мере двадцать раз! Едва ли можно усомниться, что эта – повторю, беспрецедентная – «анархия» означала исчерпание той великой роли, которую играл в истории Руси Киев начиная с правления Олега Вещего; то есть в продолжение более четверти тысячелетия.

И в 1155 году, когда прошло уже десять лет с начала этой «анархии», сын захватившего

тогда власть в Киеве Юрия Владимировича Долгорукого, Андрей (вошедший в историю с именем Боголюбского) совершил неожиданный поступок. Ранее он энергично помогал отцу прийти к власти в Киеве, а Юрий Долгорукий видел в нем – старшем (к тому времени) и «любимом» сыне – своего высоко ценимого советника и наилучшего преемника; став князем Киевским, Юрий «посадил» Андрея в ближайшем Вышгороде, так что фактически сын уже был, в сущности, соправителем отца.

Но вскоре же после вокняжения Юрия в Киеве Андрей уходит туда, где началась его деятельность, – в совсем еще юный город Владимир. Летопись сообщает, что «отец же его негодоваше на него велми».

Поскольку не было никаких сомнений в том, что Андрей после кончины уже пожилого отца (Юрию было тогда не менее шестидесяти лет) займет киевский престол, его поступок сам по себе был необыкновенен: впервые прямой наследник правителя Киева отказывался от своей высокой доли. Но уход Андрея из Киева во Владимир имел и неизмеримо более масштабный и глубокий смысл.

Русские историки давно осознали судьбоносное значение этого события, но до самого последнего времени оно, это осознание, не было развернуто и доказательно выражено.

Еще С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» писал об уходе Андрея Боголюбского из Киева: «Этот поступок Андрея был событием величайшей важности, событием *поворотным* (курсив С. М. Соловьева. – В.К.), от которого история принимала новый ход, с которого начинался на Руси новый порядок вещей».⁴⁹⁴

Позднее В. О. Ключевский говорил о времени Андрея Боголюбского: «Историческая сцена меняется как-то вдруг, неожиданно, без достаточной подготовки зрителя к такой перемене. Под первым впечатлением этой перемены мы не можем дать себе ясного отчета ни в том, куда девалась старая Киевская Русь, ни в том, откуда выросла Русь новая, верхневолжская».⁴⁹⁵

Приходится признать, что ни С. М. Соловьев, ни В. О. Ключевский, сознавая грандиозность «поворота», «перемены», вместе с тем не раскрыли конкретно сам ход дела. Это впервые, пожалуй, было осуществлено в исследовании Ю. А. Лимонова «Владими́ро-Суздальская Русь» (1987), посвященном, главным образом, деятельности Андрея Боголюбского (стоит отметить, что ранее, еще в 1967 году, Ю. А. Лимонов опубликовал первое в историографии обстоятельное исследование Владимиро-Суздальского летописания). Здесь показано, как (цитирую) «северовосточный регион, неизвестный по сути дела нашим летописцам до второй половины XII века, менее чем за сто лет превратился в крупнейший центр Руси, в одно из наиболее мощных государственных образований Восточной Европы... Июнь 1157 г. (начало самостоятельного правления Андрея Боголюбского после кончины Юрия Долгорукого. – В.К.) – дата исключительно важная в истории Руси. Она знаменует также официальный акт создания самостоятельного государственного образования на северо-востоке, очага будущего политического центра всей русской нации».⁴⁹⁶

Сейчас уже просто невозможно представить себе русскую историю без земель, расположенных между Окой и верхней Волгой – территории, в центре которой – Москва. Но подлинное историческое бытие этой части страны началось достаточно поздно – когда собственно Киевская (то есть южная) Русь и ее северная часть (земли вокруг Полоцка и Витебска, Новгорода и Пскова и, наконец, Ладоги) уже имели за плечами долгую и содержательную историческую жизнь. В связи с этим нельзя не сказать, что в составленных позднее летописях воплотилось стремление «удревнить» историю северо-восточной Руси: так, согласно летописным сообщениям, город Ростов существовал будто бы уже в середине IX века,

⁴⁹⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – М., 1959, книга 1, с. 529. (Выделено мною – В.К.)

⁴⁹⁵ Ключевский В. О. Сочинения. – М., 1956, т. 1, с. 272.

⁴⁹⁶ Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. – Л., 1987, с. 3, 46. (Выделено мною. – В.К.)

а Владимир-на-Клязьме был основан не Владимиром Мономахом, а еще Владимиром Святославичем (ныне эта давно отвергнутая легенда снова безосновательно оживлена).

Нет сомнения, что Волга и Ока с древнейших времен находились в сфере интересов и деяний Руси, ибо по этим рекам шел имевший в свое время большое значение путь на Восток; по нему двигались и русские купцы, еще в IX веке доставлявшие северные меха до самого Багдада, и воины Святослава, сокрушившие в 960-х годах Хазарский каганат. Но нет оснований полагать, что здесь имелись тогда сколько-нибудь значительные русские поселения.

Как уже говорилось, начало энергичному развитию этих земель положил Владимир Мономах; до его времени в них даже еще не утвердилось по-настоящему христианство, и, скажем, в 1070-х годах ростовские «язычники» убили (или, по другим сведениям, жестоко избили) пришедшего из Киева епископа Леонтия, причисленного впоследствии, в 1164 году, к лику святых.⁴⁹⁷ С другой стороны, согласно археологическим исследованиям, до Владимира Мономаха в Ростовской земле не было сколько-нибудь значительного градостроительства,⁴⁹⁸ а затем здесь всего за несколько десятилетий вырастают многочисленные города.

Выше было показано, что при Ярославе Мудром Русь как бы вошла в прочные берега и сосредоточилась на «внутренних» делах. Но этому, если вдуматься, не соответствовало размещение ее центра, ее столицы, ибо Киев находился не столь уж далеко от южной границы Руси. Это было совершенно уместно или даже необходимо в эпоху «странствий», и закономерно, что другой важнейший город Руси IX-X веков, Ладога, также размещался на пограничье и был как бы северным «филиалом» Киева (все это убедительно доказано в целом ряде новейших трудов историков и археологов).

Своего рода завершение государственного формирования Руси и ее воля к внутреннему сосредоточению, в сущности, предопределяли перенос ее «центра» в глубь страны. Правда, во времена Ярослава Мудрого едва ли кто-либо думал о том, что величайший Киев перестанет быть столицей. Однако в 1157 году, всего через сто лет (срок для истории не очень уж долгий) после кончины Ярослава, столицей Руси фактически стал совсем еще молодой город Владимир-на-Клязьме.

Широко распространено представление, согласно которому это перемещение столицы Руси объясняется прежде всего и главным образом набегами на Киев кочевников южнорусских степей, в особенности половцев. Правда, при углублении в суть дела неизбежно возникает вопрос: почему же Русь так убоялась степняков именно в XII веке, а не допустим, в IX-м, когда с юго-востока на Киев также нападали многочисленные враги, а страна была, без сомнения, гораздо менее развитой и могучей? Но еще существеннее другое: ведь именно в начале XII века набеги половцев (не говоря уже о других кочевых племенах) почти полностью *прекратились*!

Выдающийся специалист по истории «кочевых» народов С. А. Плетнева, опираясь на исчерпывающее исследование источников, составила выразительную таблицу, демонстрирующую хронологию и интенсивность половецких набегов на Русь.⁴⁹⁹ Из таблицы явствует, что наибольший половецкий натиск приходится на 1090-е годы, затем имеет место постоянное снижение «показателей», а между 1120 и 1150-м годами не было *ни одной* атаки половцев, нанесшей сколько-нибудь значительный ущерб Руси! В этом нет ничего удивительного, ибо Владимир Мономах сумел нанести половцам такие сокрушительные удары и в то же время проводил по отношению к ним столь взвешенную политику, что немалая их часть в 1018 году предпочла вообще удалиться на тысячу верст от границы Руси, на Кавказ, где половецкие воины, в частности, стали своего рода наемниками правителя Абхазского

⁴⁹⁷ См.: Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII века. Принятие христианства – М., 1988, с. 326–327.

⁴⁹⁸ См.: Воронин Н. Н. Зодчество Северо-восточной Руси XII–XV веков. М., 1961, т. 1.

⁴⁹⁹ См.: Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975, с. 266.

царства⁵⁰⁰ Давида Строителя, а оставшиеся у границ Руси половцы всецело «замирились». И нападения половцев на Южную Русь вновь становятся нередкими и наносящими ущерб только с 1160-х годов, – то есть тогда, когда «центр» Руси уже находился в недостижимом для них Владимире.

Величие Киева имело к этому моменту в большей мере *исторический*, нежели живой современный смысл. Мощь и действенность Руси как бы перелились к северу. Это, кстати сказать, со всей ясностью выразилось позже в «Слове о полку Игореве», где после рассказа о вызванном набегами половцев «золотом слове со слезами смешанном» тогдашнего киевского (уже, в сущности, «областного»...) князя звучит обращение к князю Владимирскому Всеволоду Большое Гнездо (внуку Владимира Мономаха):

«Великий князь Всеволод! Не помыслишь ли ты прилететь издалека, отцовский золотой престол побережь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать»... и т. д. (перевод Д. С. Лихачева). То есть Киев предстает уже только как «отцовская» реальность (отец Всеволода Юрий Долгорукий в самом деле правил в Киеве), а сыновья уже перенесли в далекий северный край наследное могущество.

Один из крупнейших русских историков новейшего времени Д. Н. Насонов полагал, что уже Владимир Мономах замыслил перенести центр Руси к северу,⁵⁰¹ хотя окончательно осуществил это в 1157 году его внук, старший брат Всеволода Большое Гнездо Андрей Боголюбский, вполне сознательно и добровольно ушедший в 1155 году из Киева во Владимир, где он (беру только одну сторону дела) за кратчайший срок выстроил монументальный собор Успенья Богоматери (1160) и церковь Покрова Богородицы на Нерли (1165), которые не только не уступали зодческим достижениям Киева, но и в определенных отношениях далеко превосходили их и принадлежат к величайшим творениям мировой архитектуры.

Создание новой столицы – и это, конечно, имело исключительно важное значение – было неразрывно связано с традицией Киева. Начать с того, что сам тот ландшафт, в котором Мономах основал город Владимир, был во многом схож с киевским (это отмечено целым рядом исследователей), особенно если учитывать, что Клязьма в XII веке являла собой могущую быть сопоставленную с Днестром, гораздо более полноводную реку, чем ныне. Нет оснований усомниться, что Владимир Мономах избрал место для строительства города-крепости, исходя именно из этого. Но и его внук Андрей Боголюбский предпочел сделать своей столицей этот совсем еще юный город (хотя поблизости находились существовавшие уже не менее полутора веков крупные города – Ростов и Суздаль), основываясь, по-видимому, и на этих соображениях.

В 1164 году Андрей создал монументальные Золотые ворота Владимира, с очевидностью соотнесенные с киевскими. А киевские Золотые ворота, в свою очередь, восходили к цареградским, константинопольским. Нельзя переоценить и тот факт, что, отправляясь в 1155 году навсегда во Владимир, Андрей Боголюбский взял с собой, как сказано в Лаврентьевской (составленной, кстати, уже именно во Владимире) летописи, «икону святую Богородицу, юже принесоша в едином корабли с Пирогощею из Царяграда... и украсив ю и постави и в церкви своей Володимери».

Речь идет об одной из двух (вторая – «Богородица Пирогощая») наиболее ценимых на Руси икон византийского происхождения, – так называемой «Богородице-Умиление» («Елеуса»). Известнейший искусствовед В. Н. Лазарев (1897–1976) отметил: «Можно было бы многое сказать... о той колоссальной роли, которую Владимирская икона сыграла в развитии русской государственности и культуры... Фигурируя почти во все критические моменты русской истории (впоследствии, в 1480 году, она была перенесена из Владимирского Успенского собора в Успенский собор Московского Кремля. – В.К.), Владимирская икона

⁵⁰⁰ Так называлось государство, объединявшее (до монгольского нашествия) абхазов и часть грузин.

⁵⁰¹ См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. – М., 1951, с. 181–183.

неизменно оставалась одной из наиболее почитаемых святынь России». ⁵⁰² Нельзя не сказать и о том, что в Древней Руси эта икона считалась (хоть безосновательно) творением евангелиста Луки и, таким образом, символизировала связь Владимира не только с Константинополем, но и с древнейшим, первоначальным христианством.

Исследователь, посвятивший жизнь культуре и истории Владимирской Руси, Н. Н. Воронин, писал, что в деятельности Андрея Боголюбского выразилось стремление «всеми средствами поднять и укрепить значение своей новой столицы и доказать ее равноправие с „матерью градов русских“ Киевом и самим „восточным Римом“ – Царьградом». ⁵⁰³

Вместе с тем в новом центре Руси возникают и совершенно новые черты государственности, культуры, духовности. Так, именно здесь складывается столь существенный для последующего русского бытия проникновенный культ Богородицы: «...Андрей Боголюбский установил во Владимире особое почитание Богоматери. Ей ставились храмы, ей организован был новый праздник – Покрова... Летопись времени Андрея Боголюбского и строилась как цепь чудес Богоматери. Летописцы стремились доказать, что Владимир и владимирские князья находятся под особым покровительством Богоматери... Это настойчивое восхваление Богоматери начинается в летописи приблизительно с 1160 г. – года построения во Владимире собора Успения Богоматери...». ⁵⁰⁴

Разумеется, это только одно из выражений новой эпохи русского исторического бытия. Но нам сейчас важнее задуматься о другом – о том, что новое бытие в глубине Руси создавали, в основном, люди, *пришедшие* из собственно Киевской, *южной* Руси.

Как уже сказано, начало Владимирской Руси положил – вполне осознанно или, быть может, без такого прямого осознания (но это в определенном смысле еще более значительно, ибо свидетельствует о непосредственном проявлении в действиях личности воли самой Истории) – один из величайших киевских князей Владимир Мономах.

Что же касается его сына, Юрия Долгорукого, то он почти всю свою жизнь провел во Владимирской Руси, – хотя и не в самом Владимире (где он, правда, выстроил княжеский двор и – в 1128 году – храм, посвященный его небесному покровителю святому Георгию), а в тридцати верстах от него к северу, в Суздале. Но он все же еще тянулся к Киеву и в самом конце жизни стал князем Киевским; само его прозвание «Долгорукий» объясняют стремлением и способностью владеть и Владимирской, и Киевской землями.

Но, как сказано в одной из летописей, «князь великий Андрей Юрьевич приде ис Киива на великое княжение и отселе бысть великое княжение в Володимере». ⁵⁰⁵

Возможно, эта запись выразила более позднее осмысление совершившегося, и общепризнанным, «официальным» великим князем Руси, правящим уже не в Киеве, но во Владимире, стал не сам Андрей, а его младший брат и преемник Всеволод Большое Гнездо, чье правление во Владимире началось в 1176 году. Но, по существу, эта запись верно оценивает событие.

Вглядываясь в ход русской истории, мы видим, что великие или подлинно выдающиеся государственные деятели X–XI веков – Ольга, Святослав, Владимир, Ярослав – нераздельно связаны с Киевом. Следующий крупнейший правитель, Владимир Мономах, закладывает первый камень новой, северо-восточной Руси. А его действительно выдающиеся преемники – Андрей Боголюбский, его брат Всеволод Большое Гнездо, Александр Невский (внук Всеволода) – это уже деятели Владимирской, а не Киевской Руси.

Но вполне понятно, что во Владимирскую Русь переместились отнюдь не только князья и

⁵⁰² Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. Статьи и материалы. – М., 1978, с. 29.

⁵⁰³ Воронин Н. Н. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М., 1983, с. 31.

⁵⁰⁴ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М. – Л., 1947, с. 277–278.

⁵⁰⁵ Полное собрание русских летописей, т. 37-М., 1982, с. 68.

их ближайшее окружение. Дело шло о *самом широком*, поистине *народном* переселении. Это с полной очевидностью выразилось, например, в переносе во Владимирскую Русь целого ряда названий городов и даже рек (что является своего рода исключительным фактом в истории и свидетельствует с несомненностью о «массовом» переселении). Едва ли не первым осмыслил эти явления В. О. Ключевский. Приведя дошедшие до нас гордые слова Андрея Боголюбского о Владимирской Руси, которую он «городами и селами великими населил и многолюдной учинил», Ключевский ставит вопрос о том, «откуда шло население, наполнявшее эти новые суздальские (то есть, иначе говоря, владимирские. – В.К.) города и великие села», и говорит следующее:

«Надобно вслушаться в названия новых суздальских городов: Переславль, Звенигород, Стародуб, Вышгород, Галич, – все это южнорусские названия, которые мелькают чуть ли не на каждой странице старой киевской летописи... Имена киевских речек Лыбеди и Почайны встречаются в Рязани, во Владимире-на-Клязьме, в Нижнем Новгороде. Известна речка Ирпень в Киевской земле... Ирпеню называется и приток Клязьмы во Владимирском уезде... В древней Руси известны были три Переславля: Южный, или Русский... Переславль-Рязанский (нынешняя Рязань) и Переславль-Залесский... Каждый из этих трех одноименных городов стоит на реке Трубеже. Это перенесение южнорусской географической номенклатуры на отдаленный суздальский Север было делом переселенцев, приходивших сюда с Киевского Юга... Наконец, встречаем еще одно указание на то же направление колонизации... в народной русской поэзии. Известно, что цикл былин о могучих богатырях Владимировых времени сложился на юге, но теперь там не помнят этих былин и давно позабыли о Владимировых богатырях. Зато богатырские былины с удивительной свежестью сохранились на далеком севере. О Владимировых богатырях помнят и в центральной Великороссии... Как могло случиться, что народный исторический эпос расцвел там, где не был посеян, и пропал там, где вырос? Очевидно... эти поэтические сказания перешли вместе с тем самым населением, которое их сложило...» В. О. Ключевский обращает внимание и на тот факт, что уже «Юрий Долгорукий, начав строить новые города в своей Суздальской волости, заселял их, собирая людей отовсюду и давая им „немалую ссуду“...». ⁵⁰⁶

Нельзя усомниться и в том, что во Владимирскую Русь переселялись из Киевской люди наиболее деятельные и, пользуясь современным определением, культурные. Об этом безусловно свидетельствуют уже хотя бы те великолепные храмы, которые были воздвигнуты за краткий срок, начиная с середины XII века, во Владимире и рядом на Нерли, в Переславле-Новом (как его нередко в те времена называли), Юрьеве-Польском (город, основанный в честь своего небесного покровителя Юрием Долгоруким), Суздале и т. д.

Но вернемся к вопросу о причинах этого перемещения центра Руси во Владимир. Как уже было сказано, оно реально совершилось именно тогда, когда набеги степняков на южную Русь почти полностью прекратились (и возобновились, и нарастали именно по мере того, как основные силы Руси перетекали во Владимирскую землю). Вообще (об этом также шла речь выше) к 1120-м годам половцы оказались совершенно бессильными в борьбе с Киевской Русью, и значительная часть их даже удалась на Кавказ. В содержательной работе А. И. Попова отмечено «несомненно верное указание летописи на то, что в первой четверти XII в. половцы были почти полностью вытеснены русскими за пределы этих (южнорусских. – В.К.) степей». ⁵⁰⁷ Речь идет при этом о «воинственных» половцах; «мирная» же их часть, в сущности, вошла тогда в состав Руси. Поэтому популярное, как это ни странно, и до сих пор объяснение «переноса» столицы Руси на север половецкой опасностью лишено сколько-нибудь серьезных оснований.

Есть и гораздо более масштабное истолкование «ухода» Руси подальше от степи: «предчувствие» монгольского нашествия, которое началось через сто тридцать лет после того,

⁵⁰⁶ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. – М., 1956, с. 289–291.

⁵⁰⁷ Попов А. И. Кыпчаки и Русь. – Ученые записки Ленинградского гос. университета. Серия исторических наук. Вып. 14, № 112, 1949, с. 98.

как Владимир Мономах приступил к закладке фундамента Владимирской Руси, и спустя восемьдесят лет после того, как Андрей Боголюбский перенес центр Руси из Киева во Владимир. И хотя приход неведомых до того монголов был, как известно из многих источников, полнейшей *неожиданностью* для современников, в этом толковании, пусть даже не лишенном мистического оттенка, есть свой смысл, – но смысл, раскрывающийся только во всей *целостности* истории Руси. Исходя из знаменитого шлегелевского определения историка как пророка, обращенного вспять, есть все основания утверждать, что если бы главная мощь Руси осталась ко времени монгольского нашествия вблизи Степи, судьба государства и культуры была бы, без сомнения, существенно иной и, возможно, вообще не создалась бы великая держава по имени Россия...

Говоря об этом, я отнюдь не присоединяюсь к столь модным ныне «альтернативным» рассуждениям об истории. Никакой «альтернативы» не было и не могло быть, так как, начиная еще с Владимира Мономаха, шло последовательное и неуклонное перемещение Руси на север. Это явно был *единственный* исторический путь страны. Но те, кому это интересно, вправе видеть в движении Руси на север судьбоносный смысл, связанный с грядущим нашествием монголов.

На мой же взгляд, важнее и плодотворнее другой аспект проблемы: в начальной истории Руси ее «центр» находился близко к южной *границе* (от Киева до притока Днепра реки Рось, которая так или иначе была пограничной, всего лишь полтора верста); на границе располагался и другой, северный «центр» Руси – Ладога. Днепр выводил Русь в Черное море, а Ладожское озеро и вытекающая из него Нева – в Балтийское. И в этом заключалось глубокое и богатое историческое содержание: для создающейся великой государственности и культуры *необходима* была эта прямая *открытость* в мир. Само собой напрашивается естественное сопоставление: Петр Великий в 1703 году перенес столицу из глубины страны на морскую границу с Западом. А в XII веке осуществился как раз обратный исторический ход: перенос центра в глубь страны, в ее условный «центр».

Этот перенос, это поистине великое переселение было, без сомнения, чрезвычайно нелегким делом: ведь даже по прямой линии Владимир отстоит от Киева на тысячу километров; к тому же на водных, речных путях приходилось преодолевать тяжкие волоки, а по дорогам через могучие девственные леса (напомню, что Владимирская земля называлась и «Залесской») нужно было не только проезжать, но и в прямом смысле прокладывать путь. И тем не менее переселение свершилось.

Как отмечает современный украинский историк, из южной Руси во Владимирскую «шли в плодородные районы ополей⁵⁰⁸ земледельцы, градостроители, ремесленники, художники-иконописцы, зодчие, книгописцы».⁵⁰⁹

Стоит упомянуть еще об одной точке зрения, присущей русской историографии: Киев, мол, потерял первенствующее значение потому, что половцы и другие степные племена перерезали столь важные для этого города *торговые пути* на юг и юго-восток; именно потому Киев и «захирел». Но это умозаключение имеет заведомо поверхностный характер. Во-первых, как показал еще выдающийся востоковед А. Я. Якубовский (1886–1953) в своей работе «Дешт-и-Кыпчак (Половецкая степь) в XI–XIII вв. до прихода монголов», «было бы глубочайшим заблуждением считать, что между русскими... и кочевой половецкой степью отношения сводились только к постоянной вражде... отношения между русскими князьями и половецкими ханами не мешали нормальному ходу торговли. Купцы со своими товарами свободно проходили с одной стороны на другую, нисколько не рискуя подвергнуться нападению... Ипатьевская летопись под... 1184 г. сообщает... „Едущим же им и устретоста гости, идущь... ис Половець, и поведома им, яко Половци стоять на Хороле“. Приведенный

⁵⁰⁸ Ополья – особый тип ландшафта с плодоносными серыми («получерно-земными») почвами, характерный как для северных областей Киевской, так и для Владимирской земель.

⁵⁰⁹ Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. – Киев, 1987, с. 187; уместно сказать, что едва ли есть какие-либо основания заподозрить этого историка в «великорусском» патриотизме...

факт – не случайное явление. Свобода прохода караванов через враждебные лагеря весьма характерна».⁵¹⁰

Во-вторых, совершенно верно говорится в очерке Р. М. Мавродиной «Киевская Русь и кочевники» (здесь дан обзор изучения проблемы, начиная с XVIII века) по поводу сокращения торговли Киева с югом в XII веке: «...во времена господства половцев в Причерноморье торговые пути уже не играли такой большой политической роли... иначе в Русском государстве нашлись бы силы для защиты этих путей, как было, например, в X–XI вв.».⁵¹¹

И в самом деле: торговля с Византией, Закавказьем, Хорезмом, Багдадом, которая на ранних этапах истории Руси была одним из существеннейших проявлений необходимого тогда «выхода» в мир, во всю евразийскую Ойкумену, в XII веке уже не имела прежнего – первостепенного, в определенном смысле даже решающего для развития русской государственности и культуры – значения. И торговая роль Киева ослабела вовсе не по воле половцев, а по внутренней «воле» самой истории Руси.

Разумеется, торговля – лишь одна из сторон того «выхода» в мир, о котором идет речь. Роль Киева как «центра», находящегося тем не менее – как ни странно – очень близко к тогдашней границе Руси, снизилась к XII веку не только в этом плане, но и в целом ряде отношений. И именно поэтому стал и возможен, и необходим перенос столицы в «действительный» центр Руси.

Нельзя не сказать, что многие историки выражали «сожаление» по поводу неизбежно произошедшего после этого переноса резкого умаления роли и даже прямого упадка Киева. Особенно горько и подчас даже гневно высказывались об этом украинские историки, в частности, наиболее знаменитый из них М. С. Грушевский (1866–1934).

В своем труде, посвященном именно той эпохе, когда совершилось перемещение центра Руси во Владимир, М. С. Грушевский подверг исключительно суровой критике деятельность Юрия Долгорукого и его сына Андрея Боголюбского, осуществивших это самое перемещение – хотя предпочел умолчать об изначальной роли в этом деле отца Юрия, Владимира Мономаха, стремясь представить его преданным «киевлянином». С другой стороны, М. С. Грушевский чрезмерно высоко оценил последних (перед «перемещением») киевских князей, не помышлявших об уходе на север, в частности, одного из внуков Владимира Мономаха, Изяслава Мстиславича.

«Проживи Изяслав лишний десяток-другой лет, – писал М. С. Грушевский, – переживи он Юрия (Долгорукого, который был дядей-сверстником Изяслава. – *В.К.*)... и, быть может, история Киевщины не сложилась бы так печально».⁵¹² Иначе говоря, если бы Изяслав жил до 70–80 лет (он умер около 60-ти) и самим фактом своего существования и княжения оттеснил бы на второй план таких дурных людей, как Юрий Долгорукий (между прочим, он пережил Изяслава всего лишь на три года), а также его сын Андрей Боголюбский, центр Руси-де не переместился бы из Киева во Владимир...

М. С. Грушевский много говорит о «неприязни» утвердившегося во Владимире Андрея Боголюбского к Киеву, даже о присущем, мол, ему своего рода пренебрежении этим городом: «Конечно, Андрей мог добиться и киевского стола, но сделаться киевским князем ему было несподручно»; он предпочел его «бросить, как ненужную вещь, отдать первому попавшемуся», хотя вместе с тем «наложил на нее (Южную Русь. – *В.К.*) тяжелую руку и давал чувствовать ее при всяком удобном случае и унижая, гнетя Юг, старался возвысить себя и свою волость в глазах современников; эту политику провел он с обычной, ни перед чем не

⁵¹⁰ Греков Б. и Якубовский А. Золотая орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). – Л., 1937, с. 20–21.

⁵¹¹ Мавродина Р. М. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). Историографический очерк. – Л., 1983, с. 54–55.

⁵¹² Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. – Киев, 1891, с. 192.

останавливающейся энергиею и, нужно признаться, с немалым успехом» (цит. соч. с. 221; естественно высказать мысль, что этот «немалый успех» опирался на объективно-историческую потребность!).

То же самое М. С. Грушевский говорит о преемнике Андрея, владимирском князе Всеволоде Большое Гнездо. После смерти в 1194 году киевского князя Святослава (того самого, чье «золотое слово» звучит в «Слове о полку Игореве») «по родовым счетам старейшим приходился Всеволод, но Всеволод, подобно брату (т. е. Андрею Боголюбскому – В.К.), не желал вокняжаться в Киеве: это все та же политика пренебрежения, унижения Киева, которую практиковал раньше Андрей. По словам Суздальской летописи, Всеволод послал бояр своих в Киев «и посади в Киеве Рюрика Ростиславича»...» (там же, с. 254) – то есть заведомо второстепенного князя, «державшего» до этого «провинциальные» Белгород и Овруч.

Многое в этих суждениях явно несерьезно (скажем, тезис о вероятной совсем иной судьбе Киева в случае более продолжительной жизни Изяслава Мстиславича). И, конечно же, дело не в некоем недоброжелательстве Андрея Боголюбского к Киеву, а в том, что центр Руси в силу естественной исторической потребности или, вернее, необходимости переместился в ее, говоря условно, географический центр. Отсюда в XII–XIII веках Андрей Боголюбский и его преемники – Всеволод Большое Гнездо (был Владимирским князем в 1176–1212 гг.), его сын, герой знаменитого сказания о Китеже Юрий Всеволодович (1212–1238, с перерывом в 1216–1218 гг.), младший брат последнего, адресат знаменитого «Моления Даниила Заточника» Ярослав (1238–1246), его сын, Александр Невский (1252–1263), и т. д., – в той или иной мере правили (или хотя бы проявляли волю править) *всей Русью от Киева до Новгорода*. И из уже приведенных выше обращенных к «великому князю Всеволоду» призывов в «Слове о полку Игореве» ясно, что в Южной Руси жаждали поддержки из Владимира.

Но дело не только в неосновательности доводов М. С. Грушевского; важнее, пожалуй, понять, чем эти подчас даже странные попытки объяснить поведение владимирских князей продиктованы. М. С. Грушевский, как и ряд других украинских историков, стремился доказать, что Киевская Русь была созданием украинского народа, а государственность и культура Владимирской Руси (и ее преемницы Руси Московской) являли собою будто бы совершенно иную, новую реальность, созданную другим, «собственно русским» или, если воспользоваться словом, введенным в середине XIX века украинско-русским историком Н. И. Костомаровым (1817–1885), «великорусским» народом.

Никак невозможно отрицать, что во Владимир «ушли» именно киевские князья, обладавшие правом именно на киевский престол. Но М. С. Грушевский и его последователи ни в коем случае не хотят признать, что во Владимир переместились с юга отнюдь не только эти «пренебрегшие» Киевом «отщепенцы», но и очень значительная – и в количественном, и тем более в качественном смысле – часть населения, и, так сказать, самые *основы* государственности и культуры Руси. Русь, в сущности, как бы перелилась на север...

Между прочим, противореча самому себе, М. С. Грушевский все же констатирует, что во второй половине XII века «вместе с упадком политическим, Киевская земля падала – хотя далеко не в такой степени – и в отношении экономическом» (там же, с. 226); вполне уместно было бы добавить – и в отношении развития культуры. Однако едва ли стоит объяснять это действиями «нерасположенных» к Киеву князей Андрея и Всеволода. Русь «падала» в Киеве потому, что она «поднималась» во Владимире, что объяснялось, несомненно, перемещением государственной и – шире – национальной энергии во Владимир.

В конце концов, и митрополит Киевский перевел свою резиденцию во Владимир; здесь важно иметь в виду, что Церковь всегда в наибольшей степени – сравнительно с любым другим общественным институтом – стремилась сохранить свои сложившиеся устои, а, кроме того, Киев находился в два раза ближе, чем Владимир, к Константинопольскому патриархату, которому подчинялась русская Церковь.

Кстати сказать, Андрей Боголюбский еще в 1163 году пытался учредить самостоятельную *владимирскую* митрополию, но тогдашний патриарх Константинопольский Лука Хрисоверг отверг это предложение. Впрочем, Хрисоверг вообще явно не понимал или же не хотел понять сложившуюся к тому времени на Руси ситуацию, ибо в одной из своих грамот, отправленной около 1167 года Андрею Боголюбскому, он обращался к нему так: «преблагородивый княже

Ростовский и Суздальский», а сидевшего тогда в Киеве (в течение всего лишь двух лет...) уже совершенно бессильного Мстислава Изяславича называл в той же грамоте «великим князем всея Руси». ⁵¹³

Но позднее произошло то, что должно было произойти в силу самого хода истории: Владимирская Русь «перетянула» к себе митрополию. В 1210 году, менее чем через пятьдесят лет после неудавшейся попытки Андрея Боголюбского, тогдашний митрополит Матфей прибыл во Владимир и провозгласил брата Андрея, Всеволода Большое Гнездо, «старшим» среди русских князей. Следующий митрополит Киевский, Кирил I, уже проводит церковный собор 1227 года не в Киеве, а во Владимире, а один из самых выдающихся киевских митрополитов Кирил II (1247–1281) едва ли не главное внимание уделяет Владимиру и вступает в теснейшие отношения с Александром Невским (он и руководил торжествами в связи с восшествием князя Александра на великокняжеский владимирский стол в 1252 году и остался во Владимире). Именно во Владимирской земле (в Переславле-Залесском) Кирил II в 1281 году скончался. А его преемник Максим уже окончательно перевел митрополию во Владимир, переселившись туда в 1299 году «со всем своим двором и соборным причтом». ⁵¹⁴

Но вернемся ко времени Андрея Боголюбского. В 1169 году правивший в Киеве Мстислав Изяславич вызвал своими действиями крайнее недовольство почти всех русских князей; двенадцать из них решили его свергнуть и при этом сочли необходимым опереться на авторитет князя Владимирского и обратились к нему за помощью. Андрей Боголюбский прислал воинов, предводительствуемых его сыном Мстиславом Андреевичем, и князь Киевский был заменен другим.

Современный историк с большими основаниями полагает, что в этом участии Андрея в походе южнорусских князей на Киев выразилась «борьба Андрея с византийским патриархатом и Киевской митрополией (пока еще не желавшими признавать уже утвердившегося «первенства» Владимира. – В.К.). На стороне Владимирского князя выступал Киево-Печерский монастырь, пытавшийся возглавить борьбу за национальную церковь». ⁵¹⁵ Таким образом, прославленная Лавра – средоточие духовной культуры Киева – уже поддерживала князя Владимирского, а не Киевского... И нельзя не сказать, что «Киево-Печерский патерик» – одно из замечательнейших творений древнерусской литературы, запечатлевшее образ Лавры, – был создан, в основном, уже не в Киеве, а епископом Владимирским и Суздальским Симоном (в начале XIII века)...

Нельзя не сожалеть, не скорбеть об исторической судьбе великого и прекрасного Киева, в высшем расцвете которого в конце X – начале XII веков ярче и полнее всего воплотилось бытие Руси того времени. Но ход истории неумолим, и пресловутой «альтернативы» перемещению центра на север, без сомнения, не было.

После перемещения столицы Киев в течение столетия с лишним находился в более или менее тесной связи с Владимиром; связь эта продолжала сохраняться некоторое время даже и после монгольского нашествия. Но, как выяснили современные украинские историки, «в последней четверти XIII в. (то есть примерно с 1275 года, а Киев был захвачен монголами в 1240-м. – В.К.) золотоордынские ханы перестали выдавать ярлыки на киевское княжение владими́ро-суздальским и другим видным русским князьям, а управляли городом при помощи собственных наместников». ⁵¹⁶

И это неизбежно вело к решительному *отделению* Киева от Владимира, южной Руси от

⁵¹³ См.: Шапов Я. Н. Государство и Церковь Древней Руси X–XIII веков. – М., 1989, с. 174.

⁵¹⁴ См. тщательное исследование всех этих событий 1160–1290-х годов в указанной новейшей книге Я. Н. Шапова.

⁵¹⁵ Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. – Л., 1987, с. 58.

⁵¹⁶ История Киева. Том первый. Древний и средневековый Киев. – Киев, 1982, с. 219.

северной. А в 1362 году, воспользовавшись расколом и острой междоусобной борьбой в монгольской Золотой Орде, Киев захватило Великое княжество Литовское, которое позднее вошло в состав Речи Посполитой, Польши. И лишь в 1654 году Киев и большая часть южной Руси опять воссоединились с северной.

Таким образом, южная, собственно Киевская Русь, которая почти четыре столетия (с начала IX до середины XII века) была средоточием исторического развития огромной страны, затем также на почти четыре столетия (конец XIII – середина XVII века) оказалась отрезанной – сначала монголами, а затем Литвой и Польшей – от нового центра Руси. И едва ли возможно всерьез оспорить, что именно поэтому и именно за это долгое время в южной Руси сложился самостоятельный народ со своим языком и культурой – украинский.

Однако некоторые украинские историки во главе с М. С. Грушевским предлагают совсем иное решение, согласно которому украинский народ так или иначе сформировался на юге *уже в самом начале* истории Киевской Руси, а во Владимирской земле и севернее, в Новгородской, в это же время сложился другой, русский народ. Поэтому история Киевской Руси – это, мол, первый этап истории *украинского* народа, а русский народ не имеет прямого и непосредственного отношения к Киевской Руси.

Между тем ясно, что такое представление об историческом пути южнорусских земель несет в себе поистине жестокое внутреннее противоречие.

Впрочем, прежде чем говорить об этом, сформулирую принятую преобладающим большинством историков (в том числе и украинских) концепцию, согласно которой до XIII века основное население Руси, разместившееся на пространстве от Киева до Ладоги, представляло собой *единый* в своей основе народ – с единым литературным языком (несмотря на всегда неизбежные «областные» диалектные особенности) и единой культурой, воплощенной в зодчестве, иконописи, искусстве слова и т. п., а также непосредственно в формах труда и быта. Только поэтому, например, былины, созданные в Киеве, оказались позже «своими» в далеком северном Поморье, а летописи, повествующие о Киеве, сохранялись и многократно переписывались во Владимирской Руси (а не в Киеве). Это была, как обычно определяют, общерусская культура, которая только с конца XIII–XIV века начинает постепенно разветвляться на украинскую, белорусскую и, по определению, предложенному Н. И. Костомаровым, «великорусскую». Кстати сказать, этот украинский историк (в отличие от М. С. Грушевского и его единомышленников) в зрелый период своей деятельности безоговорочно утверждал, что из древнего «русского народа» выросли «три ветви русского народа: то были – южнорусская, белорусская и великорусская».⁵¹⁷

Только оказавшись в составе Литовского, а затем Польского государства, население южной Руси начало превращаться в самостоятельный украинский народ, чья своеобразная культура сформировалась лишь к рубежу XVI–XVII веков. Если же встать на точку зрения М. С. Грушевского и его сторонников, согласно которой украинский народ сложился еще до XIII века, неизбежно придется прийти к выводу, что народ этот позднее, так сказать, потерял свое лицо, ибо на территории Украины в *очень малой степени* сохранилось наследие Киевской Руси, начиная с тех же былин (их трудно распознаваемые «следы» находят только в так называемых «героических колядках»); даже множество памятников зодчества, включая собор святой Софии в Киеве, было кардинально перестроено в совершенно ином стиле (чего не произошло, например, с новгородской – созданной примерно в одно время с киевской – Софией).

Иначе говоря, перед историком Украины с необходимостью встает жесткая дилемма: либо он должен исходить из понятия о едином русском народе IX–XII веков, – создавшем, в частности, культуру южной, Киевской Руси, – об этом едином корне, от которого позднее, после XIII века, постепенно отделялась особенная «ветвь» украинского народа, либо же историк будет вынужден – под давлением массы фактов, – признать, что культура Киевской Руси вообще не имеет прямого, непосредственного отношения к украинскому народу, ибо эта культура действительно *сохранялась и развивалась* после XIII века в *северной*, а не южной

⁵¹⁷ Костомаров Н. И. Собрание сочинений, кн. 4, т. 9, СПб, 1904, с. 14.

Руси.

Мнение же, что именно украинский (а не единый тогда «общерусский») народ создал культуру Киевской Руси, а после XIII века чуть ли не полностью «доверил» ее сохранение и дальнейшее развитие «великорусскому» народу, между тем как сам пошел по явно и существенно иному пути – это мнение, в конечном счете, просто абсурдно.

И украинские историки, настаивающие на существовании «особого» украинского народа с самого начала истории Руси волей-неволей смыкаются с явно «антиукраинской» версией, предложенной в свое время М. П. Погодиным, который утверждал, что Киевскую Русь создал русский народ, *целиком и полностью переселившийся* затем (в XII–XIII веках) на север, а украинцы – это потомки неких не имеющих никакого отношения к Киевской Руси *карпатских* славян, пришедших на земли вокруг среднего течения Днепра (после того, как русские ушли оттуда), и, значит, украинцы ни в коей мере не являются «наследниками» Владимира Святого и Ярослава Мудрого, им вовсе не принадлежат «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве»...⁵¹⁸

Вопрос стоит именно так: историку Украины или надо полностью «отречься» от Киевской Руси, или же согласиться, что до XIII века существовал единый русский («древнерусский») народ, а формирование украинского народа и его самобытной и богатой культуры началось лишь с конца XIII века.

Это всецело подтверждает и историческое языковедение. В трактате Ф. П. Филина «Происхождение русского, украинского и белорусского языков», подводящем итоги полуторавекового изучения проблемы (в том числе и украинским языковедением), а также многолетних исследований самого автора, говорится, в частности, что только «в XIV–XV вв. лексико-семантические различия языка северо-восточных, западных и южных памятников становились заметными», и, значит, именно «в XIV–XV вв. получают широкое распространение особенности, характерные для русского, украинского и белорусского языков... Явления, специфические для каждого восточнославянского языка, продолжали нарастать и в более позднее время».⁵¹⁹ Между прочим, Ф. П. Филин в этом своем выводе всецело опирается на труд крупнейшего украинского языковеда Л. А. Булаховского «Питання походження української мови» (Київ, 1956): «Как полагает Л. А. Булаховский... древнерусский язык во всем существенном был един. Никаких особенных восточнославянских племенных диалектов не существовало» и «древнеукраинские особенности» лишь «с XIV в. ...становятся совершенно явными» (цит. соч., с. 70–71, 76).

Но, конечно, «особенности» – это еще не язык в полном смысле этого термина. Великий филолог М. М. Бахтин, не раз обращавшийся к украинской словесности и культуре в целом, писал еще в 1944 году:

«Значение XVI в. на Украине. Борьба с польским игом и с Турцией, формирование украинской национальности... В XVI в. выдвигается впервые *вопрос о национальном языке* (курсив М. М. Бахтина. – *В.К.*), возникает потребность создать письменную «руську мову», отличную от славянской (т. е. церковнославянской. – *В.К.*) и польской. На эту «мову» переводятся книги церковно-учительные и богослужебные («Пересопницкое Евангелие» – 1555–1561)».⁵²⁰

В связи с этим невозможно и даже просто нелепо отрицать, что в XI–XV веках на Киевской земле *письменный* язык был *един* с тем письменным языком, который существовал во Владимирской и затем Московской Руси, – несмотря на все неизбежные диалектные особенности. А это значит, что лишь в XVI веке, через два столетия после «отторжения» Киевской земли от Владимирской, действительно, реально свершилось разделение украинской

⁵¹⁸ См.: Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 7., М., 1856, с. 425–428.

⁵¹⁹ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. – Л., 1972, с. 635.

⁵²⁰ Бахтин М. М. Собрание сочинений, Т. 5. – М., 1996, с. 125.

(тогда – «малороссийской») и «великорусской» культур.

Но и *разговорный* язык населения Киевской земли до вхождения ее в состав Великого княжества Литовского (1362 год) отнюдь не был еще украинским. Об этом веско сказал в наши дни известнейший *украинский* археолог и историк П. П. Толочко:

«Подтверждением языкового единства древнерусских земель XII–XIII вв. может быть следующее обстоятельство. Известно, что в это время происходили освоение и заселение суздальско-залесского края. Особенно мощным колонизационный поток был из Южной Руси (Киевщины, Черниговщины, Переславльщины и других земель)... выходцы из Южной Руси, если они в XII–XIII вв. являлись уже украинцами, должны были бы принести с собой на северо-восток не только гидронимическую и топонимическую (то есть названия рек и селений. – В.К.) номенклатуру (Лыбедь, Почайна, Ирпень, Трубеж, Переславль, Галич, Звенигород, Перемышль и др.), но и украинский язык. Между тем ничего подобного здесь не наблюдается».⁵²¹

Итак, до конца XIII – первой половины XIV века существовала, по сути дела, единая Древняя Русь, и лишь после отделения ее юго-западной «окраины» сложились Украина и ее народ. Всецело неосновательно было бы усмотреть в этом выводе некий «выпад»... Ибо данное утверждение ни в коей мере не колеблет ту бесспорную истину, что на юго-западной части территории Древней Руси, начиная с XIV века, сложилась богатая и самобытная культура украинского народа. И цель моего размышления о пути Руси из Киева во Владимир отнюдь не в том, чтобы кого-то «задеть», но в опыте уяснения исторической истины, которая равно необходима любому народу.

Глава 7. «Монгольская эпоха» в истории Руси и истинный смысл и значение Куликовской битвы

В конце 1237 года монгольские войска вторглись в пределы Руси и к концу 1240 года, одержав победы во многих сражениях, фактически подчинили себе всю страну (хотя и отказались от похода на Новгород и Псков). К сожалению, до сего дня широко распространены поверхностные, подчас даже наивные представления о причинах победы монголов. Так, ее постоянно объясняют все той же «феодальной раздробленностью» Руси, не позволившей, мол, дать сокрушительный отпор завоевателям.

При этом как-то ухищряются «не заметить», что монголы за предшествующие их приходу на Русь двадцать шесть лет покорили почти весь азиатский континент – от Тихого океана до Урала и Кавказа, – континент, на гигантском пространстве которого было немало мощных государств. Это неоспоримо свидетельствует об *исключительных* возможностях монгольского войска. Сами монголы были сравнительно небольшим народом, но, во-первых, весь его материальный и духовный потенциал был целиком и полностью претворен в военную силу (в частности, все мужское население с юных лет или непосредственно служило в войске, или обслуживало его), а во-вторых, монголы обладали редкостным умением использовать в своих целях покоренные ими страны, вовлекая их население в свое войско, заимствуя военную технику и т. д., и есть все основания утверждать, что в 1237 году на Русь обрушилась концентрированная мощь *всей* Азии.

Любое серьезное исследование подтверждает, что войско монголов далеко превосходило все тогдашние войска. Специально развиваемый в воинах боевой азарт сочетался с железной дисциплиной, бесстрашие – с хитроумной тактикой. В свою лучшую пору монгольское войско было заведомо непобедимо.

С другой стороны, Русь к 1237 году была не более «раздробленной чем какое-либо развитое средневековое государство вообще. Здесь следует вернуться к Андрею Боголюбскому, который, перенеся центр Руси во Владимир, создал тем самым основу для нового объединения страны. В уже упомянутом исследовании Ю. А. Лимонова это убедительно показано. Историк

⁵²¹ Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. – Киев, 1987, с. 187.

делает вывод о положении Новгорода в 1170-х годах: «...никогда еще крупнейший торговый и экономический центр Древней Руси и Северной Европы не был в такой зависимости от великих князей. «Самовластец» (так называли Андрея. – В.К.) владимирский буквально диктовал свои условия городу» (с. 69). И Киевская земля «постоянно ощущала влияние владими́ро-суздальского князя... Киев... превратился в обыкновенный, совершенно заурядный объект вассального держания» (с. 72, 73).

Как уже говорилось, многие историки прямо-таки проклинают Андрея за его «самовластие», хотя вместе с тем возмущаются и предшествующей раздробленностью (словом, все безобразно в этой самой Руси!). Определенное единство страны, – несмотря на все противоречия и раздоры, – сохранялось и при младшем брате Андрея Всеволоде Большое Гнездо (правил во Владимире в 1176–1212 годах), и при его сыне Юрии (правил в 1212–1238 годах), погибшем в битве с монголами.

Действительный распад Руси произошел во времена монгольской власти, когда резко ослабились и политико-экономические, и – что не менее важно – нравственные устои бытия страны. Только такие люди высшего уровня, как Александр Ярославич Невский, не поддавались общему смятению.

Но понять судьбу и волю этого великого деятеля не так легко. Он был исключительно ценен на Руси, но в XIX–XX веках не раз подвергался весьма резким нападкам и за свои тесные взаимоотношения с монголами, и за бескомпромиссное противостояние католическому Западу. Ведь Александр Ярославич стал побратимом хана Сартака, сына самого Батыя (и, по тогдашним понятиям, считался поэтому *сыном* последнего!), а с другой стороны, отверг лестные предложения о союзе, выдвинутые в 1248 году в послании к нему римского папы Иннокентия IV.

Правда, образ Александра Невского, живущий в глубинах национальной памяти, был столь высоким и значительным, что историки, в сознании которых сохранялись народные нравственные устои, не пытались «обличать» Александра Ярославича, и, в общем и целом, представление о нем было «положительным», – кроме разве периода 1920 – начала 1930-х годов, когда, например, в энциклопедической статье его деятельность сводилась к следующему:

«Александр Невский (1220–1263) княжил в Новгороде, оказал ценные услуги новгородскому торговому капиталу, победоносно отстояв для него побережье Финского залива... В 1252 году достает себе в Орде ярлык на великое княжение. Александр умело улаживал столкновения русских феодалов с ханом («феодалы» эти, следовательно, в отличие от Александра, выступали против монголов! – В.К.) и подавлял восстания русского населения, протестовавшего против тяжелой дани» (Малая советская энциклопедия, т. 1, М., 1929, с. 216).

Нередко «критицизм» проявлялся в смягченной или уклончивой форме. Так, например, в широко известной сейчас книге эмигранта Георгия Федотова «Святые Древней Руси» (1931) подвергается «критике» как бы не сам Александр Невский, а «информация», предложенная в его житии: «Унижение ордынского поклона ханской власти искусно маскируется славой имени Александра... Об отношении Александра к русским князьям (то есть к тем же противостоявшим-де монголам «феодалам» из советской энциклопедии. – В.К.), о татарской помощи в борьбе с соперниками, о наказании мятежных новгородцев, словом, о том, что могло бы омрачить славу национального героя... в повести-житии не говорится ни слова» (Федотов Георгий. Святые Древней Руси. – М., 1990, с. 100). И в подтексте таится: «национальный герой»-то сомнителен (как, по мнению Федотовых, и почти все в России, исключая разве курбских и герценов).

Объективно и доказательно выявить истинный смысл судьбы и воли Александра Невского непросто. И для этого выявления я обращусь к наиболее значительному (это, надо думать, неоспоримо) событию всей «монгольской эпохи» (с 1237 по 1480-й год) – Куликовской битве.

Такой «метод» может показаться неоправданным. Ведь это событие совершилось спустя почти 120 лет после кончины Александра Невского. Однако именно непосредственно перед Куликовской битвой была провозглашена *святость* Александра! (см. об этом: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы – Л., 1978, с. 107). И в «Сказании о Мамаевом побоище», повествующем об этой битве, имя Александра Невского является неоднократно. Соратники Дмитрия Донского говорят ему: «...новый еси Александр!»

Сам он молится: «Владыко Господи человеколюбче! ...помози ми, яко же... прадеду (точнее, прапрадеду. – В.К.) моему великому князю Александру».

Дмитрий Донской не мог не знать, что его прапрадед никогда не воевал (и даже не имел намерения воевать) с монголами, а он, Дмитрий (что вроде бы бесспорно!), идет на смертельный бой с ними... Не странна ли эта обращенность праправнука к побратиму Сартака?.. Чтобы понять суть дела, обратимся к Куликовской битве.

Сражение, свершившееся 8 сентября 1380 года у реки Непрядвы, – одно из наиболее памятных и прославленных событий отечественной истории. Но вот характерный факт. Александр Блок, внимательно изучавший это сражение и создавший в 1908 году цикл стихотворений «На поле Куликовом», признанный самым значительным поэтическим воссозданием великой битвы, позже, в 1912 году, причислил ее к таким событиям, «разгадка» которых – «еще впереди». И поныне Куликовская битва остается во многом «загадочной». Чтобы показать это, уместно будет для начала обратиться к двум статьям последнего издания «Большой Советской Энциклопедии», ибо энциклопедические статьи лаконично выражают более или менее общепринятые, господствующие представления о своем «предмете».

В одной из статей, «Куликовская битва», утверждается, что битва эта «имела большое историческое значение в борьбе русского и других народов с монгольско-татарским гнетом... на Куликовом поле был нанесен сильный удар по господству Золотой Орды, ускоривший ее последующий распад» (т. 13, с. 587). Однако в другой статье, «Золотая Орда», констатируется, что сам хан Золотой Орды Тохтамыш «в 1380 (в конце года, то есть уже после Куликовской битвы. – В.К.) разгромил войско Мамаю», и именно потому «при хане Тохтамыше (1380–1395) прекратились смуты и центральная власть стала контролировать основную территорию Золотой Орды». Что же касается «распада», то здесь сообщается: «В начале 20-х гг. XV века образовалось Сибирское ханство... затем возникли Казанское ханство (1438) и Крымское ханство (1443)» (т. 9, с. 561, 562), – т. е. Золотая Орда действительно начала распадаться только спустя почти столетия после Куликовской битвы.

Словом, положение о том, что эта битва способствовала распаду Золотой Орды, едва ли основательно. Как раз напротив, обеспечив (или хотя бы всемерно облегчив) победу Тохтамыша над Мамаем, который ранее сумел отторгнуть от Золотой Орды весьма значительную часть ее территории, Куликовская битва способствовала *преодолению* распада, и, если уж на то пошло, именно прежние *победы* Мамаю (а вовсе не его поражение в 1380 году) привели к временному распаду Золотой Орды!

Итак, две статьи БСЭ с очевидностью противоречат друг другу: в одной утверждается, что разгром Мамаю ускоряет распад Золотой Орды, а в другой – что он как раз замедляет этот распад. И, пожалуй, особенно удивительно, что обе статьи принадлежат перу одного историка – В. И. Буганова. Подобное противоречие, естественно, требует «разгадки».

Или еще одно – правда, совсем иное по своему характеру противоречие. Автор целого ряда сочинений о борьбе Руси с Золотой Ордой, В. В. Каргалов, утверждал в связи с 600-летием Куликовской битвы, в 1980 году; «Трудно назвать какое-либо другое событие отечественной истории, о котором написано больше, чем о Куликовской битве».⁵²² При этом автор под «написанным» имел в виду исследования историков, а не, скажем, повести и поэмы.

Однако выразившееся в этих словах представление является, по сути дела, совершенно иллюзорным – хотя его и разделяют многие. Характерно, что историк А. Д. Горский в 1983 году написал следующее: «Как это ни странно, несмотря на давний интерес исторической науки к Куликовской битве, до самого последнего времени не было работ по историографии, а также сколько-нибудь развернутой библиографии по самой Куликовской битве. В исторических трудах, даже специально ей посвященных, предшествующая литература, как правило, не рассматривалась... Специальные же библиографические указатели... крайне невелики по объему».⁵²³

⁵²² 1) Каргалов В. В. Конец ордынского ига. – М., 1980, с. 43.

⁵²³ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. – В кн.: Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М. 1983, с. 19.

Итак, работы о Куликовской битве вроде бы имеются, по мнению А. Д. Горского, в немалом количестве, но историки почему-то не обращают на них внимания... Правда, А. Д. Горский далее отметил, что к 600-летию великого сражения был, наконец, издан «обширный (более 450 названий) библиографический указатель... в который вошли... издания источников и исследования, относящиеся к Куликовской битве и ее эпохе» (там же). Но, во-первых, едва ли случайно историк употребил слово «*относящиеся к*» (вместо «*посвященные*» Куликовской битве), а во-вторых, он вряд ли оправданно воспользовался словом «*исследования*».

Ибо внимательное ознакомление с этим самым «обширным» библиографическим указателем убеждает, что преобладающее большинство перечисленных в нем сочинений либо имеет весьма косвенное «отношение» к Куликовской битве, либо представляет собой статьи и брошюры чисто публицистического характера, которые никак нельзя отнести к категории «исследований».⁵²⁴

Совершенно очевидно, что составители сего библиографического указателя, взявшись исполнять свою задачу, столкнулись с крайней немногочисленностью исследований, действительно посвященных великой битве, и решили выйти из трудного положения путем привлечения в свой указатель любых публикаций, имеющих хоть какое-либо «отношение» к событию на Куликовом поле. В результате в составленной ими библиографии оказались поистине курьезные «пункты» – как, например (привожу библиографические описания целиком):

«Кузнецов К. Из музыкального прошлого Москвы: этюд первый. – Сов. музыка, 1947, № 5, с. 35–41, с. 36: Свидетельство о музыке в «Задонщине» (то есть – в древней повести о битве; притом этому «сюжету» уделено всего несколько фраз на одной странице указываемой статьи! – В.К.)...

Котков С. И. Еще одно древнерусское свидетельство о «зегзице». – Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1956, № 10, с. 81–83 (речь идет об употребленном в сказаниях о Куликовской битве слове «зегзица», т. е. «кукушка». – В.К.)...

Данилов В. В. Чешский славист Ян Фрчек – Труды Отдела древнерусской литературы. – Ин-т рус. лит. АН СССР, 1956, т. 12, с. 642–644» (этот славист, в частности, издал в Праге текст «Задонщины» – В.К.) и т. д. и т. п.

По-видимому, не надо доказывать, что названные публикации заведомо неправомерно введены в библиографию о *Куликовской битве* как таковой. Но, увы, абсолютное большинство указанных в ней сочинений не являет собой действительные *исследования* великого события. Из вошедших в указатель 430 публикаций 26 представляют собой различные библиографические справочники о Древней Руси и древнерусской литературе вообще, а 51 – издания исторических источников, так или иначе касающихся Куликовской битвы. Из остальных же 373 публикаций всего лишь 30–40 могут быть причислены к исследованиям великого сражения, да и то в большинстве своем с очень существенными *оговорками*.

Что же касается основной массы представленных в указателе сочинений, опубликованных почти за *двести* (!) лет – с 1781 по 1979 год, – это, во-первых, работы *филологов*, анализирующих язык, стиль, образность древнерусских сказаний о Куликовской битве, а вовсе не отраженную в них *реальность самого исторического события* (например: Виноградова В. П. Некоторые замечания по лексике «Задонщины»; Дмитриев Л. А. Описание рукописных списков «Сказания о Мамаевом побоище»; Котляренко А. Н. «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV века, и т. д., и т. п.), либо, во-вторых, чисто *публицистические* статьи и брошюры, написанные в большинстве своем не историками, а журналистами (Головкин А. Куликовская битва. К 560-летию со дня сражения. – «Моск. большевик», 1940, 8 сентября; Котенко И., Семенов И. Письма с дороги: Здравствуй, Куликово поле! – «Правда», 1968, 14 ноября; Ивлев А. Куликовская битва. – М. Воениздат, 1938, 32 с. с илл., и т. п.).

⁵²⁴ См.: Куликовская битва. Сб. статей – М., 1980, с. 289–318.

Словом, если бы составители библиографии ограничились теми публикациями, которые действительно являются *исследованиями* историков о Куликовской битве, перечень получился бы предельно кратким.

(Стоит отметить, что в 1981 году в «Богословских трудах» был напечатан другой указатель – «600 лет победы на Куликовом поле. Библиография», – в котором представлено даже «свыше 1500 (!) наименований», но в него включена масса литературно-художественных произведений, в том числе все лирические *стихотворения*, в которых хотя бы только *упомянута* эта победа.⁵²⁵)

Однако дело не только в этом. Даже и те немногочисленные появившиеся с конца XVIII века и до наших дней публикации, которые все же могут быть квалифицированы как *исследования* историков о Куликовской битве, чаще всего не имеют существенной научной ценности. Выше были приведены слова А. Д. Горского о том, что в нынешних исторических трудах о Куликовской битве «предшествующая литература, как правило, не рассматривается». Но причина здесь в том, что нет смысла ее «рассматривать».

Так, скажем, в 1880 году немало авторитетных историков (Н. П. Барсов, Н. И. Веселовский, Д. И. Иловайский, М. О. Коялович, Д. Ф. Масловский, П. П. Мельгунов, С. М. Соловьев и др.) выступили со статьями и брошюрами, посвященными Куликовской битве. Но перед нами, по сути дела, «юбилейные слова» в связи с 500-летием события, не опирающиеся на основательное изучение предмета. Конечно, эти «слова» правомерно введены в библиографию о битве, однако современный читатель, и тем более историк, не найдет в них содержательного анализа великого события (поэтому они и «не рассматриваются», как заметил А. Д. Горский, в современных работах о битве).

Далее, хотя это также странно, в фундаментальных трудах, воссоздающих взаимоотношения Золотой Орды с Русью, сражению на Куликовом поле уделено, как правило, очень мало внимания. Так, в ценном исследовании А. Н. Насонова «Монголы и Русь (история татарской политики на Руси)», изданном в 1940 году, это сражение, по существу, лишь упоминается на *четырёх* (из 178) страницах книги; в объемистом трактате Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение» (1950) Куликовской битве посвящено всего лишь 8 (из 428) страниц; в труде М. Г. Сафаргалиева «Распад Золотой Орды» (1960) – 3 (из 276) страницы и т. д.

Исходя из всего вышеизложенного, нельзя не прийти к выводу, что процитированное утверждение В. В. Каргалова, согласно которому о Куликовской битве «написано больше», чем о каком-либо другом событии отечественной истории, явно не соответствует действительности. И сам тот факт, что оказалось возможным подобное *иллюзорное* представление, опять-таки являет собой «загадку»...

Впрочем, ее, пожалуй, не так трудно объяснить. Куликовская битва – что очевидно – занимает громадное место в русском сознании, составляет одну из немногих главнейших основ *национально-исторической памяти*. И потому как бы само собой возникает убеждение, что об этой битве сказано очень много или даже вообще «все», – хотя на деле это не совсем так, или даже совсем не так, и «загадки» подстерегают нас буквально на каждом шагу.

Считаю уместным сказать, что именно эта «загадочность» побудила меня уже сравнительно давно, в конце 1970-х годов, заняться внимательным изучением Куликовской битвы и самой исторической ситуации того времени, и должен признаться, что лишь после столь долгих разысканий и размышлений я решился написать нижеследующий текст (впервые я кратко высказал свои представления о Куликовской битве еще в 1981 году в ноябрьском номере журнала «Наш современник»).

* * *

Обратимся к самой, пожалуй, существенной из «загадок» Куликовской битвы. Монгольская армия окончательно покорилась Русь в 1240 году, и выходит, что почти полтора

⁵²⁵ См.: Богословские труды. Сб. 22-й – М., 1981, с. 178–237.

столетия, до 1380-го, Русь не предпринимала попыток начать войну за освобождение. Отдельные «местные» бунты, вызванные обычно какими-либо злоупотреблениями представителей золотоордынской власти, не меняют общей картины; к тому же эти бунты нередко подавляли сами русские князья, не имевшие целью свергнуть власть Золотой Орды (впоследствии, в XIX–XX веках, Александра Невского, например, не раз клеймили за это как пособника врага...).

Авторитетнейший В. О. Ключевский стремился объяснить «покорность» Руси Золотой Орде фатальным «ужасом» народа перед грозными завоевателями, а Куликовская битва, с его точки зрения, свершилась потому, что к 1380 году «успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татаринном: они и вышли на Куликово поле... Почти вся северная Русь под руководством Москвы стала против Орды на Куликовом поле и под московскими знаменами одержала первую народную победу над агарянством»,⁵²⁶ то есть исламом.

(Между прочим, процитированные две фразы – это все, буквально все, что сказано во 2-м томе «Курса русской истории» В. О. Ключевского, занимающем 398 страниц, о Куликовской битве – однако том этот все же введен в не раз упомянутый выше библиографический указатель...)

Допустим, что крупнейший историк – хотя он и не изучал специально Куликовскую битву – поставил верный диагноз, и столь длительная (с 1240-го по 1380 год) покорность Руси золотоордынской власти была обусловлена этим самым непреодолимым, «безотчетным ужасом». Но почему же Русь и после Куликовской битвы продолжала терпеть свою вассальную зависимость еще целое столетие (до 1480 года) и не предприняла за такой долгий срок ничего подобного этой битве? Словом, предложенная Василием Осиповичем «разгадка» Куликовской «загадки» едва ли убедительна...

Целесообразно теперь же, еще до предоставления конкретных доказательств, выдвинуть тезис, объясняющий эту «загадку»: Русь сражалась на Куликовом поле *вовсе не с Золотой Ордой*. Это вполне очевидно, например, из краткого «отчета» летописи о действиях Руси сразу после победы на Куликовом поле, а также о последующих действиях тогдашнего хана Золотой Орды Тохтамыша.

Выше приводилось «общепринятое» положение из статьи БСЭ «Куликовская битва» о том, что-де «на Куликовом поле был нанесен сильный удар по господству Золотой Орды». А между тем, после победы, одержанной 8 сентября 1380 года, сообщает летопись, «на ту же осень князь великий (Дмитрий Иванович) отпустил (отправил) в Орду своих килечев (послов) Толбугу да Мокшея (очевидно, предки известных впоследствии родов Толбузиных и Макшеевых. – В.К.) с дары и поминки» (податями); послы долго гостили у «царя» и «выидоша из Орды килечеве князя великого Толбуга да Мокшей к госпожину дни (то есть они вернулись в Москву лишь 15 августа 1381 года. – В.К.). Но еще в конце 1380 (или в самом начале 1381-го) года «царь» Тохтамыш, как известно, окончательно добил Мамай «на Калках» (по-видимому, там же, где в 1223 году монголы впервые разбили русско-половецкое войско), «и оттуду послы своя отпусти... ко князю великому Дмитрию Ивановичю и ко всем князем русским, поведая им... како *супротивника своего и их врага* Мамай победи (вернее, добил. – В.К.)... Князи же русстии послов его отпустиша с честию и с дары, а сами на зиму ту и на ту весну (уже 1381 года. – В.К.) за ними отпустиша... своих килечев со многими дары ко царю Тохтамышю»⁵²⁷ (то есть это было уже второе посольство Руси к «царю»).

Общеизвестно, что впоследствии, в августе 1382 года, тот же самый хан Тохтамыш совершил неожиданный сокрушительный набег на Москву. Но об этом – достаточно сложном по своему смыслу – событии речь пойдет ниже. Сейчас же следует вдуматься в процитированные – запечатлевшие происходившее по горячим следам – летописные

⁵²⁶ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 2. – М., 1957, с. 21, 23.

⁵²⁷ Приселков М. Д. Троицкая летопись. – М., 1950, с. 421. См. также: Полное собрание русских летописей. Т. XV, вып. 1. – М., 1965, стб. 141, 142.

сообщения, которые историки, пишущие о Куликовской битве, почти никогда не приводят, ибо из них недвусмысленно явствует, что и великий князь Дмитрий Иванович, и хан (по-русски – царь) Тохтамыш отнюдь не полагали, что на Куликовом поле Русь сражалась *против* Золотой Орды.

Русь действительно самоотверженно сражалась с уже покорившими полмира монгольскими войсками почти на полтора века ранее, в 1237–1240 годах, непосредственно во время нашествия. Но затем она так или иначе вошла в состав Золотой Орды и никогда не преследовала цель выйти из нее посредством войны. Мне могут возразить, что Иван III в 1480 году все же выступил с мощной военной силой против хана Ахмата и заставил его удалиться. Однако к этому времени Золотая Орда уже не существовала: она уже сравнительно давно распалась на несколько то и дело воюющих между собой самостоятельных ханств – Сибирское, Казанское, Крымское, Астраханское и т. д. И Ахмат являлся ханом не оставшейся в былом Золотой, а просуществовавшей недолгое время так называемой Большой Орды, занимавшей сравнительно малую территорию между Днепром и Доном и подвергавшейся нападениям других ханов – и из Крыма, и с Волги.

В написанной почти через столетие после обретения Русью независимости, в 1364–1565 годах, «Казанской истории», как бы подводившей итоги взаимоотношений Руси и монголов, с полной ясностью утверждалось, что после разгрома и гибели в битве 1238 года на реке Сити великого князя Юрия Всеволодовича «покорился великий князь Ярослав Всеволодович Владимирский (брат Юрия и отец Александра Невского. – *В.К.*) и начал платить дань царю Батыю в Золотую Орду... И после него наши русские князья, сыновья и внуки его многие годы выходы и оброки платили царям в Золотую Орду, повинуюсь им, и все принимали от них власть...»⁵²⁸ (перевод Т. Ф. Волковой).

Многие патристически настроенные публицисты и даже историки склонны не считаться с этим реальным положением дел и пытаются доказывать, что Русь в 1240–1480 гг. ни о чем ином и не помышляла, как только о свержении власти золотоордынских «царей»; главное доказательство сей точки зрения – конечно, та же Куликовская битва. И представление, согласно которому Русь все же «покорилась» Золотой Орде, гневно отвергается при этом как антипатристическое, позорящее русский народ и его князей. Пытаясь рассматривать историю Руси XIII–XV вв. как постоянную борьбу с властью Золотой Орды, почему-то не замечают, что именно подобная точка зрения действительно дает основания для принижающего Русь вывода: сто сорок лет до 1380 года и еще сто лет – после него – прилагала она, мол, все свои силы для свержения власти монгольских «царей», но сумела осуществить это свое настоятельнейшее устремление лишь после полного *распада* Золотой Орды...

Безымянный автор, создавший 430 лет назад «Казанскую историю», предстает в ней как поистине пламенный патриот Руси, но он безоговорочно признал исторический факт ее длительного *подчинения* Золотой Орде.

Чрезвычайно показательна в этом отношении также и постановка вопроса о противоборстве Ивана III с ханом Ахматом в послании архиепископа Ростовского Вассиана (1480 год). Он резко осуждает великого князя, «смиряющуся и о мире молящуща». При этом Вассиан ясно предвидит возражение Ивана III: «Под клятвою есмь от прародителей, – скажет, мол, в ответ тот, – еже не поднимати руки противу царя (Золотой Орды. – *В.К.*), то како аз могу клятву разорити и съпротив царя стати?» И Вассиан отвечает: «...не яко на царя, но яко на разбойника, и хищника...» И нечего «сему богостудному и скверному самому называющуся (т. е. самозванному. – *В.К.*) царю повиноватися тебе, великому Русских стран христианскому царю!»

Архиепископ Вассиан был всецело прав в этой своей «характеристике» Ахмата, ибо тот, как уже сказано, не являлся ханом Золотой Орды, необратимо распавшейся к середине XV века и, следовательно, не принадлежал к тем «царям», которым клялись «повиноваться» прародители Ивана III, начиная с Ярослава Всеволодовича и его сына – Александра Невского (Иван III был его прямым потомком в седьмом поколении).

⁵²⁸ Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. – М., 1985, с. 305.

«Прародители» отнюдь не ставили перед собой цель путем войны освободиться от власти золотоордынских «царей», хотя и не считали, что власть эта будет неизменной. В «духовной грамоте» прадеда Ивана III, героя Куликовской битвы Дмитрия Донского, составленной накануне его смерти, в апреле-мае 1389 года (великий князь скончался 19 мая), содержится уверенное предвидение: «А переменит (то есть – см. Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 14, с. 260 – «лишит мощи». – В.К.) Бог Орду, дети мои не имут давати выхода (дани. – В.К.) в Орду» (здесь и далее – цит. по изданию: «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.», – М. – Л., 1950, с. 36). Итак, только Бог может освободить Русь от власти «царей». И эта «формула» повторяется в духовных грамотах сына и, далее, внука Дмитрия Донского; даже и в 1462 году этот внук – отец Ивана III Василий II, – умирая, завещает: «А переменит Бог Орду, и моя княгиня и мои дети возмут дань себе...» (с. 197).

Однако вскоре же после начала своего правления (1462), не позднее сентября 1464 года, Иван III дает в своей грамоте иную формулу: «А коли аз, князь великий, выхода в Орду не дам...» (с. 209).

Золотая Орда распалась уже в 1440-х годах, при Василии II, правившем в 1425–1462 годах; однако двухвековое «повиновение» сохранялось как бы в силу мощной инерции. И даже Иван III, в самом начале своего правления заявивший о том, что изменение сложившегося порядка находится теперь в его, а не Божьей воле, решился на действительное, практическое изменение не без колебаний, – чем и было вызвано весьма резкое послание к нему архиепископа Ростовского Вассиана.

И тщетные попытки историков доказать, что-де Русью неотступно владело стремление вырваться из-под власти золотоордынских «царей», начались лишь в XVIII и, особенно, XIX столетии, когда в России сложилось крайне негативное мнение о Монгольской империи.

Нетрудно показать, что мнение это было по сути дела внушено западноевропейской идеологией, которая в послепетровскую эпоху оказывала огромное воздействие на большинство идеологов России – о чем подробно говорится в главе этой книги «Византийское и монгольское „наследства“ в судьбе России».

Здесь напомним только об одном: о характернейшем *двойном счете* в отношении западноевропейских и, с другой стороны, азиатских и, в особенности, *евразийских* империй. Этот двойной счет, усвоенный когда-то из западной идеологии, совершенно очевидно выразился, например, в статьях того же новейшего издания БСЭ, посвященных западноевропейской империи, основанной Карлом Великим, и евразийской империи, которую основал Чингисхан.

Первая, согласно энциклопедической статье, представляла собой сложившееся «в ходе многолетних войн» великое государство, которое «в период наибольшего расширения охватывало всю Западную и часть Центральной Европы... Несмотря на то, что империя Карла Великого была непрочным политическим образованием, резкое ускорение в ее рамках процессов феодализации *благоотворно* сказалось на экономическом и культурном *развитии*» и т. д. (Т. 27, 1977, с. 621, 622).

Но вот энциклопедическая статья о другой – евразийской – империи: «Золотая Орда была искусственным и непрочным государственным объединением... После завоеваний, сопровождавшихся *чудовищными разрушениями* и человеческими *жертвами*, главной целью золотоордынских правителей было *ограбление* порабощенного населения» и т. д. (Т. 9, 1972, с. 361).

Кардинальное различие в «оценке» двух империй очевидно. В частности, нет и намек на те громадные «жертвы», которыми сопровождалось создание западноевропейской Империи...

Впрочем, идеологи Запада считают эти жертвы вполне оправданными и, более того, не без гордости говорят о целых народах, уничтоженных в ходе создания Империи! Вот, например, что писал на рубеже 1920–1930 гг. один из самых авторитетных представителей западноевропейской историософии Арнольд Тойнби (1889–1975).⁵²⁹

«Обратившись к рассмотрению нашей собственной западной цивилизации, – говорит он в

⁵²⁹ Правда, после Второй мировой войны Тойнби обрел иное понимание истории, – о чем ниже.

своем знаменитом трактате «Постижение истории», – мы обнаруживаем, что... уязвимым местом была граница с континентальными европейскими варварами (имеются в виду, как становится ясно из дальнейшего, кельтские, балтийские, славянские и даже восточногерманские народы. – В.К.). Вскоре западное общество обнаружило, что оно находится в контакте не просто с варварами, а с *иной Цивилизацией* (выделено мной – В.К.). Постоянное напряжение стимулировало жизненную силу западного общества... Мощь стимула... ярко выражена в достижениях Карла Великого. Восемнадцать саксонских кампаний Карла могут сравниться лишь с военными успехами Тамерлана (вот именно! – В.К.)... Оттон (правил Империей позднее, в X веке. – В.К.) уничтожил вендов (балтийских славян. – В.К.), как Карл Великий уничтожил своих собственных саксонских предков. Континентальные границы западного христианства неуклонно перемещались на восток – частично благодаря добровольному обращению варваров в христианство, частично (вернее, большей частью. – В.К.) с помощью силы... Саксонский форпост призван был продолжить борьбу против вендов, которые в упорных сражениях продержались два столетия, пока западное христианство не продвинулось с линии Эльбы на линию Одера. Окончательная победа была достигнута... *уничтожением* непокорных в Бранденбурге и Мейсене... Города Ганзы и походы тевтонских рыцарей обеспечили продвижение границы западного христианства от линии Одера до линии Двины... К концу XIV века континентальные европейские варвары, противостоявшие... развитым цивилизациям, *исчезли с лица земли*... Западное и православное христианство, ранее полностью изолированные друг от друга (их отделяли земли тех, кого Тойнби называет «европейскими варварами». – В.К.), оказались в прямом соприкосновении по всей *континентальной* линии от Адриатического моря до Северного Ледовитого океана». ⁵³⁰

(Уместно сообщить, что в упомянутом Тойнби – как месте «окончательного уничтожения непокорных» – городе Мейсен на Эльбе на стенах одного из главных залов воздвигнутого здесь в XIV–XV вв. грозного замка еще и сегодня красуются громадные средневековые гобелены, на которых отважные рыцари беспощадно убивают полабских славян, изображенных в виде неких злобных полузверей. Мой немецкий друг, уроженец Мейсена, видный филолог Эберхард Дикман, показывая мне лет пятнадцать назад свой любимый замок, хотел – в чем он потом признался – миновать этот зал, но я все же осмотрел его... Напомню еще, что Эльба и Мейсен – это онемеченные славянские названия Лаба и Мишен – как, впрочем, и почти все топонимы восточной части Германии...)

Вдумаемся в процитированное рассуждение Арнольда Тойнби. Имеет смысл, забегая вперед, отметить следующее: Тойнби или не знает, или – это правдоподобнее – не хочет признать, что западная цивилизация, продвинувшись с «тамерлановской» (по определению самого историософа) жестокостью на восток, вплоть до «линии», за которой начинались территории *православной цивилизации* (Византии и Руси), отнюдь не была намерена *остановить* свое движение на этой линии. Но об этом мы еще будем говорить подробно.

Сейчас же необходимо сосредоточиться на других сторонах проблемы. Арнольд Тойнби вполне прав, утверждая, что Империя Карла Великого (имея в виду, конечно, и его преемников) создала, сотворила западноевропейскую цивилизацию и культуру во всем объеме этого понятия. Об этом же сказано и в цитированной выше статье БСЭ; однако о евразийской империи Чингисхана, Батыя и их преемников в той же БСЭ говорится как о некоем «искусственном» явлении, которое к тому же выразилось лишь в «разрушениях», «жертвах», «ограблении»...

Такой «приговор» вынес еще Гегель в своей «Философии истории», заявив, что Монгольская империя не привела «ни к каким иным результатам, кроме разорения и опустошения», что «движения народов под предводительством Чингисхана... все растаптывали, а затем опять исчезали, как сбегает опустошительный лесной поток, так как в нем нет жизненного начала». ⁵³¹

⁵³⁰ Тойнби А. Дж. Постижение истории – М., 1991, с. 142, 143, 144.

⁵³¹ Гегель. Сочинения. Т. VIII. – М., 1935, с. 85.

Надо прямо сказать, что эта характеристика ни в коей мере не соответствует действительности. Во-первых, Монгольская империя представляла собой высокоорганизованное государство, сумевшее установить единый и прочный порядок на гигантской, не имеющей прецедентов территории – от Тихого океана до Карпат. Сложнейшая социально-политическая структура этой империи очень существенно отличалась от структуры западноевропейской империи, но нет оснований «принижать» первую, сопоставляя ее со второй.

Здесь целесообразно сделать одно отступление. В настоящее время любое «позитивное» суждение о монголах, как правило, вызывает в сознании читателей имя Л. Н. Гумилева, чьи сочинения приобрели самую широкую популярность, – в отличие от трудов других выдающихся русских историков, изучавших Монгольскую империю. Господствует представление, что именно и только Лев Николаевич выступил против ходячей «негативной» оценки этой империи. Но такое представление объясняется элементарным незнанием основных предшествующих трудов об истории монголов. Еще в конце прошлого века один из крупнейших востоковедов мира академик В. В. Бартольд (1869–1930) решительно опроверг внедренный с Запада миф о государстве монголов как о некоей чисто «варварской» и разрушительной силе.

Он вполне определенно констатировал: «Русские ученые следуют большей частью по стопам европейских и большей же частью принимают взгляды, установившиеся на Западе». В действительности же (и В. В. Бартольд конкретно доказал это в целом ряде своих тщательных исследований) «монголы принесли с собою очень сильную государственную организацию, которая, несмотря на все недостатки, была более стройно выражена, чем прежние государственные системы, и она оказала сильное влияние во всех областях, вошедших в состав Монгольской империи. Везде вы видите после монголов большую политическую устойчивость, чем до монголов».

В. В. Бартольд показал несостоятельность предшествующих – не основанных на подлинном изучении исторической реальности – сочинений, в которых о монголах говорили, как он отметил, «безусловно враждебно, отрицая у них всякую культуру, и о завоевании России монголами говорили только как о варварстве и об иге варваров... Золотая Орда... была культурным государством; то же относится к государству, несколько позднее образованному монголами в Персии... И если можно сказать, что Персия когда-нибудь занимала *первое место* по культурной важности и стояла *во главе всех стран* в культурном отношении то это был именно монгольский период».

Верно, что собственно монгольская национальная культура не являлась высокоразвитой; однако монголы обладали редкостной способностью усваивать достижения культур покоренных ими народов. В. В. Бартольд особо подчеркивал присущую монголам «*веротерпимость*» и их стремление «править каждой областью сообразно национальностям и привычкам ее населения. С этой целью в канцелярию при дворе великого хана были приняты писцы из представителей всех религий и всех национальностей... Указы, обращенные к населению какой-нибудь страны, писались на местном языке и местными письменами».⁵³²

Ханы Золотой Орды, начиная с 1267 года, предоставляли, например, русской Церкви специальные «ярлыки», согласно которым, в частности, «за оскорбление церквей, хуление веры, уничтожение церковного имущества (книг и т. д.) полагалась смертная казнь» (Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. – М. 1978, с. 23; А. П. Григорьев доказывает, что дошедший до нас русский перевод ханских ярлыков значительно «ужесточал» меры в защиту Церкви, но это не отменяет самой сути дела).

Все это разительно отличалось от политики западноевропейской империи, которая – о чем ясно сказано в цитированном выше трактате А. Тойнби – не только не проявляла терпимости к людям «иной цивилизации», но попросту стирала их «с лица земли»...

В. В. Бартольд заложил основы действительного понимания высокоорганизованной монгольской государственности, и его исследования были так или иначе продолжены в трудах

⁵³² Бартольд В. В., академик. Сочинения. – М., 1963. Т. 1, с. 563; Т. 2, Ч. 1, с. 712, 715, 717, 718, 719.

академиков Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (1934), Г. А. Федорова-Давыдова «Общественный строй Золотой Орды» (1973) и др. Но эти труды, увы, известны по сути дела только специалистам, а в массовом сознании Монгольская империя по-прежнему предстает как нечто сугубо примитивное и способное-де только все рушить и грабить.

Одним из наиболее существенных последствий рождения Монгольской империи было создание исторического феномена *Евразии*, которая ранее являла собой только географическую – то есть чисто природную – реальность. Вспомним, что лишь после 1240 года европейцы *впервые* смогли добраться до восточной Азии и по пути были, между прочим, прямо-таки поражены целым рядом достижений евразийской цивилизации, например, ее транспортными и почтовыми коммуникациями.

Знаменитый венецианский путешественник Марко Поло, достигший в 1270-х годах дальних восточных пределов Империи, восхищенно писал, как «много дорог в разные области... и на всякой дороге написано, куда она идет... По какой бы дороге ни выехал... гонец великого хана, через двадцать пять миль (примерно 40 км. – *В.К.*) он приезжает на станцию, по-ихнему, янб (вошедшее в русский язык «ям». – *В.К.*), а по-нашему – конная почта; на каждой станции большой, прекрасный дом, где гонцы пристают... на каждой станции от трехсот до четырехсот лошадей, всегда наготове для гонцов... Вот так-то ездят по всем областям и царствам великого хана... Такого величия, такой роскоши не было ни у какого императора, ни у одного короля... Еле под силу рассказывать или описывать это... Когда нужно поскорее доложить великому хану... гонцы... мчатся до тех пор, пока не проедут двадцать пять миль на станцию, тут им готовы другие лошади, свежие скакуны... Вот так-то... гонцы проезжают двести пятьдесят миль... а коли нужно и весть важная, так и по триста миль проезжают»⁵³³ (то есть 500 км в сутки!).

Другой европейский «открыватель» Монгольской империи, Гильом Рубрук, поведал, что он со своим посольством (а не ханские гонцы) двигался в 1230-х годах по имперским дорогам со скоростью 80–100 км в день – но и это было для тех времен удивительным.⁵³⁴

Однако Запад, несмотря ни на что, всегда был уверен, что, в принципе, только его цивилизация и созданные им империи представляют действительную ценность. Даже и современный, недавно скончавшийся, английский историк Джон Феннел в книге об эпохе монгольской власти над Русью (книга эта, кстати сказать, роскошно и массовым тиражом издана в 1989 году в Москве) заявил, что «находиться в вассальной зависимости от Золотой Орды было *позорно и бессмысленно*», и «осудил» Александра Невского за его тесное сотрудничество с монгольской властью.⁵³⁵ Между тем, ни Феннелу, ни какому-либо другому западному историку никогда не пришло бы на ум назвать «позорной» и «бессмысленной» вассальную зависимость многих европейских народов от империи Карла Великого и его преемников не только подчинявших себе громадную территорию, но и беспощадно уничтожавших непокорных представителей «иной цивилизации»...

И в России всегда признавали, что империя Карла Великого сыграла плодотворную роль, заложив основы цивилизации и культуры Запада, и готовы были понять (и, в каком-то смысле, «простить») все насилия и жестокости имперской политики. Но, как мы видим, западный историк, не утруждая себя аргументацией, объявляет долгий период бытия Руси в составе евразийской империи XIII–XV веков только «позором» и «бессмыслицей»... И с прискорбием приходится признать, что этот высокомерный «приговор» прочно внедрен в сознание множества русских людей.

Отсюда и проистекает настоятельная потребность безосновательно утверждать, что Русь,

⁵³³ Книга Марко Поло – М., 1955, с. 121, 122.

⁵³⁴ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957, с. 123, 231.

⁵³⁵ Феннел Джон. Кризис средневековой Руси. – М., 1989, с. 213.

будто бы, с 1240 по 1480 год только к тому и стремилась, чтобы свергнуть монгольскую власть. Но, во-первых, такая цель была совершенно утопической. Никто не мог действительно противостоять этой власти до окончательного распада Золотой Орды в середине XV века. В. В. Бартольд писал о Чингисхане, что его «деятельность имела более прочные результаты, чем деятельность других мировых завоевателей (Александра Македонского, Тимура, Наполеона). Границы империи после Чингисхана не только не сократились, но значительно расширились, и по обширности Монгольская империя превзошла все когда-либо существовавшие государства».⁵³⁶

Во-вторых, Империя – в силу ее охарактеризованной выше «терпимости» – отнюдь не ставила задачи уничтожить культуру вошедших в нее стран, и в том числе Руси, которая в условиях вассалитета пережила один из наивысших своих взлетов, столь очевидно воплотившийся в личностях преподобных Сергия Радонежского и Андрея Рублева и целого ряда других их выдающихся современников.

Общеизвестно, что Русь платила Империи дань, но мало кому известны ее конкретные размеры. В исследовании С. М. Каштанова «Финансы средневековой Руси» показано (с опорой на предшествующие исследования), что дань составляла в XIV веке 5000 рублей, а в XV – 7000 рублей в год.⁵³⁷ По тем временам, это, конечно, огромные суммы; так, на 1 рубль можно было купить тогда в среднем 100 пудов, то есть более 1600 кг хлеба. Но необходимо учитывать, что дань была весьма обременительна только для русских *князей*, которые, собрав с населения эти тысячи рублей, отдавали их «царю», вместо того чтобы вложить в собственные государственные дела. Что же касается народа, он не мог испытывать из-за этой дани особых тягот, ибо население Руси насчитывало тогда примерно пять миллионов человек, и на душу в XIV веке приходилась, следовательно, всего лишь 1/1000 тогдашнего рубля в год – то есть цена 1,6 кг хлеба (конечно, подушная подать в целом была намного более значительна; речь идет только о той ее доле, которая предназначалась именно для монгольской власти).

Поэтому весьма широко распространенное представление, согласно которому золотоордынская дань обрекала русский народ на нищету, явно не соответствует реальному положению вещей. Не следует сводить к крайней скудости и те денежные средства, которые оставались в руках князей после уплаты дани; известно, например, что великие князья Семен Гордый (правил в 1341–1353 гг.) и Василий I Дмитриевич (1389–1425), платившие дань ханам, тем не менее имели возможность выделять тысячные суммы для поддержки находившейся тогда в труднейших обстоятельствах Константинопольской патриархии, исполняя тем самым свой христианский долг (разумеется, по доброй воле).

* * *

Конечно, то, что было сказано выше о Монгольской империи и ее «ответвлении» – Золотой Орде, только намечает некоторые контуры темы. И, отсылая интересующихся читателей хотя бы к упомянутым выше специальным трудам историков, я перехожу непосредственно к Куликовской битве.

Противником Московского войска на притоке Дона реке Непрядве была – о чем уже сказано – не Золотая, а как называет ее летопись – *Мамаева Орда*, которая в целом ряде отношений кардинально отличалась от первой, и великий князь Дмитрий Иванович, вошедший в историю под именем Дмитрий Донской, как мы еще увидим, достаточно ясно осознавал это глубочайшее отличие.

Правда, такое осознание пришло к нему и его сподвижникам, вероятно, не сразу, а для многих современников и, в особенности, потомков осталось вообще недоступным – что отразилось и в тех или иных литературных произведениях о Куликовской битве, созданных в конце XIV – начале XVI века, хотя произведения эти, в общем и целом, содержат весомую

⁵³⁶ Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXXVIII – СПб., 1903, с. 843.

⁵³⁷ Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. – М., 1988, с. 9, 10.

«информацию», раскрывающую суть дела. Нельзя не отметить, что историки – хоть это и странно – словно не замечают – как говорится, в упор не видят – многие существеннейшие сообщения, имеющиеся в тех давних повестях и сказаниях о битве; впрочем, на то есть свои причины, о которых еще пойдет речь.

Но начнем по порядку. В течение первой половины XIV века Золотая Орда была могучим и, казалось, цветущим государством; «нормальными» – если воспользоваться емким современным словечком – были и ее взаимоотношения с вассалом – Русью. Так, хан Узбек (правил в 1313–1342 гг.) выдал свою сестру Кончаку за Московского князя Юрия Даниловича, продемонстрировав тем самым высокую меру уважения к своему вассалу (в святом крещении Кончака приняла имя Агафьи), а следующий хан Джанибек (1342–1357) и его ханша Тайдула находились в своего рода дружбе с одним из наиболее выдающихся деятелей Руси – митрополичьим наместником (с 1340-го) и митрополитом всея Руси (с 1334 года) Алексием.

Впоследствии историки не раз «обличали» Алексия за его добрые отношения с монголами, но такого рода нападки решительно противоречили собственно русской точке зрения, ибо еще в 1447 году Алексей был причислен к лику святых и даже занял в их сонме одно из высших мест. А позднее, в начале XVI века – когда монгольская власть над Русью уже давно не существовала – великий иконописец Дионисий создал для Успенского собора в Кремле «житийный» образ митрополита Алексия, в котором святитель наглядно прославлялся и за свои отношения с повелителями Золотой Орды (пять из 20 «клейм», то есть эпизодов жития, посвящены именно этому), – что следовало бы учитывать историкам, пытающимся доказывать «непримиримость» Руси к монголам, которую, мол, скрывали только по необходимости (между тем, в 1506–1508 гг., когда гениальный иконописец осуществлял свой замысел, скрывать это было незачем).

Но вернемся в середину XIV века. Как известно, в 1357 году, ровно через сто двадцать лет после вторжения Батыя в пределы Руси, Золотая Орда оказалась в состоянии длительного и тяжелого кризиса. Началом его послужило убийство хана Джанибека и двенадцати его сыновей (не исключено, впрочем, что 12 – это использованное в рассказах о событии символическое число и в действительности их было меньше), притом в заговоре непосредственно участвовал один из сыновей хана – Бердибек, который и сел на место отца.

Уже сам по себе вопиющий факт *отцеубийства* не мог не привести к «дестабилизации» Золотой Орды, хотя, по всей вероятности, он не только породил смуту, но и сам был порожден теми или иными кризисными обстоятельствами, которые уяснить здесь нет ни места, ни необходимости. Вскоре, в 1339 году, и сам Бердибек был убит – по-видимому, своим братом Кулпой (Кульной), уцелевшим в резне 1337 года. И на протяжении следующих двух десятилетий на золотоордынском престоле сменили друг друга более двадцати (!) ханов – пока к власти не пришел Тохтамыш, сумевший править не менее чем полтора десятилетия. В русских летописях период от Джанибека до Тохтамыша обозначен выразительным словом «*замятня*» (не так давно период этот был тщательно исследован в работе высококвалифицированного востоковеда А. П. Григорьева «Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в. Хронология правлений»⁵³⁸).

В сложившейся ситуации исключительную роль стал играть выдающийся военачальник и политик Мамай. До прихода к власти Бердибека Мамай был, как явствует из ряда источников, *крымским* темником – то есть командовал расположенным в Крыму и прилегающей к нему степи золотоордынским войском. Хан Бердибек выдал за Мамаю свою дочь и предоставил ему высший государственный пост беглербека; Мамай, естественно, находился теперь не в Крыму, а в столице на нижней Волге.

Убийство Бердибека, очевидно, прервало карьеру Мамаю, но в условиях «замятни» он уже в 1361 году выдвинул своего «кандидата» в ханы Золотой Орды – потомка Чингисхана Абдуллу (в русских летописях – Авдуля), который в 1362 году на несколько месяцев стал ханом, будучи, в действительности, марионеткой Мамаю (последний, не принадлежа к роду Чингизидов, никак не мог претендовать на официальную верховную власть в Золотой Орде).

⁵³⁸ В кн.: Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII – Л., 1983, с. 9–53.

В конце 1362 года Абдулла (то есть, фактически – Мамай) был свергнут другим потомком Чингисхана, Мюридом, и вместе с Мамаем вынужден был удалиться в Крым. Правда, чрезвычайно энергичный Мамай и в дальнейшем неоднократно предпринимал попытки захватить власть в Золотой Орде, а в 1370 году счел, вероятно, Абдулла негодным «претендентом» и, убив его, стал продвигать на престол другого чингизида – Бюлека (в русских летописях – Тюляк-Тюлек).

Однако и из этого замысла ничего не вышло. И причина неудач, по-видимому, была не в том, что у Мамае недоставало воинских сил; согласно упомянутому выше исследованию А. П. Григорьева, он в течение 1360-х – первой половины 1370-х гг., обладая первоклассной военной мощью, сумел захватывать столицу Золотой Орды четыре или даже пять раз, но все-таки вынужден был вскоре же покидать ее. Причину этого помогает уяснить сообщение летописи о том, как позже, в конце 1380 года, Мамай вступил в бой с Тохтамышем, который был «законным» ханом: «Мамаевы же князья, сойдя с коней, изъявили покорность царю Тохтамышу и поклялись ему по своей вере и стали на его сторону, а Мамае оставили поруганным». ⁵³⁹

Естественно прийти к выводу, что примерно то же самое происходило и ранее: Мамай неоднократно захватывал власть в Золотой Орде, однако при появлении того или иного законного хана ему просто переставали повиноваться. Этому, вроде бы, противоречит тот факт, что официально власть принадлежала чингизидам Абдулле и, позднее, Бюлеку. Однако даже в русской летописи под 1378 годом сказано, что «царь (то есть хан, выдвинутый Мамаем. – В.К.) не владеяше ничим же, и не смеяше ничто же сотворити пред Мамаем, но всяко старейшинство держаше Мамай, и всеми владеяше». В Золотой Орде об этом знали, конечно, еще точнее, чем на Руси.

И к середине 1370-х гг. Мамай, как следует из источников, прекращает бесплодные попытки захвата власти в Золотой Орде и обращает свой взгляд на *Москву*. Важно иметь в виду отсутствие каких-либо сведений о том, что Мамай проявлял враждебность в отношении Москвы *ранее*, до 1374 года; напротив, он, например, по собственному почину посылал Дмитрию Ивановичу «ярлык на великое княжение», хотя полагалось, чтобы русские князья сами обращались с просьбой об этом ярлыке. Известно также, что в 1371 году Дмитрий Иванович навестил Мамае и «многы дары и великы посулы (подати) подавал Мамаю». Но под 1374-м годом летопись сообщает о бесповоротном «*розмирии*» Дмитрия Ивановича с Мамаем, которое, в конечном счете, и привело к Куликовской битве.

Как уже сказано, это начавшееся в 1374 году противостояние Руси и Мамае вовсе не являлось борьбой великого князя Дмитрия Ивановича с Золотой Ордой. И не только потому, что Мамай не был ханом Золотой Орды. Сама *Мамаева Орда* – по крайней мере ко времени ее «розмирия» с Русью – представляла собой совершенно особенное явление, о чем достаточно ясно сообщают известные всем источники. Но историки, как правило, игнорируют эту «информацию», поскольку они не усматривают и словно бы даже не желают усмотреть существенное различие между Мамаем и ханами Золотой Орды (так, в уже цитированной статье из БСЭ победа Руси над Мамаем определена как «удар по господству Золотой Орды»).

В «Сказании о Мамаевом побоище» изложена следующая «программа» собравшегося в поход на Москву Мамае – программа, которую у нас нет никаких оснований считать произвольным вымыслом автора «Сказания»:

«Мамай... нача глаголати ко своим упатом (правителям) и князем и уланом (члены княжеских семей): «Аз тако не хощу творити, како Батый; како изждену князи (изгону князей – имеется в виду русских) и которые города красны довлеют (пригодны) нам, и ту(т) сядем, тихо и безмятежно поживем... И многи Орды присовокупив к себе и рати ины понаимова, Бесермены и Армены, Фрязы, Черкасы, Ясы и Буртасы... И поиде на Русь... и заповеда улусом (здесь: селеньям) своим: «Ни един вас не пашите хлеба, да будете готовы на Русские хлебы»...

То есть Мамай, в отличие от создателя Золотой Орды Батыя (и, конечно, от его преемников), намеревался не просто подчинить себе Русь, а непосредственно поселиться со

⁵³⁹ Повести о Куликовской битве. – М., 1959, с. 237–238.

своим окружением в ее лучших городах, к чему золотоордынские правители никогда не стремились; столь же несовместимы с образом жизни Золотой Орды *наемные* иноплеменные войска, на которых, очевидно, возлагал большие или даже основные свои надежды Мамай. Словом, Мамаева Орда была принципиально другим явлением, нежели Золотая Орда, и ставила перед собой иные цели. Но в работах о Куликовской битве, как это ни удивительно, почти нет попыток осмыслить процитированные только что сведения, подкрепляемые и другими источниками.

Поход Мамаю на Москву истолковывается обычно только как средство заставить Русь платить ему дань в том же объеме, в каком ее получала Золотая Орда при «благополучных» ханах – Узбеке и Джанибеке. Так, автор ряда сочинений о Куликовской битве В. В. Каргалов утверждает:

«По свидетельству летописца, послы Мамаю „просили дань, как при хане Узбеке и сыне его Джанибеке“... Требование Мамаю было явно неприемлемым, и Дмитрий Иванович ответил отказом. Послы, „глаголяху гордо“, угрожали войной, потому что Мамай уже стоит „в поле за Доном со мною силою“. Но Дмитрий Иванович проявил твердость».⁵⁴⁰

Здесь мы сталкиваемся с прямо-таки поразительным фактом. Поскольку В. В. Каргалов, подобно многим другим историкам, не видит в Мамае деятеля, по своей сути совершенно иного, чем золото-ордынские правители, он «сумел» попросту «не заметить», что *на той же самой странице* цитируемого им источника сообщено как раз об *уплате* Мамаю требуемой им дани!

Поначалу Дмитрий Иванович, действительно, не хотел ее платить, поскольку знал действительный «статус» Мамаю, не являвшегося хана Золотой Орды и, следовательно, не имевшего «права» на ту дань, которую он требовал. Однако затем, посоветовавшись с митрополитом, который сказал, что Мамай «за наша согрешения идет пленити землю нашу» и «вам подобает, православным князем, тех нечестивых дарми утоляти четверицею...» (то есть, дарами удовлетворить вчетверо большими, чем прежде), Дмитрий Иванович «злата и сребра много отпусти Мамаю». И это было, несомненно, разумное решение государственного деятеля, который предпочел платить золотом и серебром, а не многими жизнями своих подданных (к тому же, в случае победы «многой силы» Мамаю, все равно пришлось бы отдать «злато и сребро»...).

Однако сразу же после уплаты требуемой дани снова пришли «вести, яко Мамай неотложно хочет итти на великого князя Дмитрия Ивановича» (там же). Это, понятно, означает, что истинная цель Мамаю была вовсе не в получении богатой дани, – хотя не только В. В. Каргалов, но и подавляющее большинство историков решает проблему именно так. Тем самым, кстати сказать, явно и крайне принижается сам смысл Куликовской битвы, ибо все, в сущности, сводится к спору о количестве дани: Мамай требует ее в «полном» размере, а Дмитрий Иванович не хочет удовлетворить это требование, и в результате гибнут тысячи русских людей...

В национально-историческом сознании – или хотя бы *чувстве* – Куликовская битва являет собой громадное судьбоносное событие, имевшее *всемирное* значение – и это, как я постараюсь доказать, полностью соответствует политической или, вернее, *геополитической* действительности той эпохи. И поистине грустно видеть, как в сочинениях множества историков, не желающих, в частности, вчитаться с должным вниманием даже в известные источники, это событие оказывается всего-навсего результатом «полемики» вокруг вопроса о размере дани...

Для понимания истинного смысла и значения Куликовской битвы необходимо, прежде всего, более или менее конкретное представление о «своеобразии» Мамаевой Орды, которую, как уже говорилось, совершенно безосновательно отождествляют с Золотой Ордой (или же говорят об Орде «вообще»).

Начнем с того, что Мамаева Орда занимала совсем иное географическое и, в более глубоком смысле, геополитическое положение: ее центром, ее средоточием являлось не Нижнее

⁵⁴⁰ Каргалов В. В. Куликовская битва – М., 1980, с. 63.

Поволжье, а Крым, отделенный от золотоордынского центра в Поволжье *тысячекилометровым* пространством.

Это ясно видно, в частности, из исторических источников, которые, к сожалению, неизвестны русским исследователям, – так называемых «Памятных записей армянских рукописей XIV века», изданных в 1950 году в Ереване, но только в оригинале. Виднейший исследователь истории армянских поселений в Крыму В. А. Микаелян любезно предоставил мне свои переводы интересовавших меня «записей»:

а) «...написана сия рукопись в городе Крым (ныне – Старый Крым. – В.К.) ...в 1365 году, 23 августа, во время многочисленных волнений, потому что со всей страны – от Керчи до Сарукермана (Херсонес, ныне в Севастополе. – В.К.) – здесь собрали людей и скот, и находится Мамай в Карасу (ныне г. Белогорск, в 45 км к западу от Старого Крыма. – В.К.) с бесчисленными татарами, и город в страхе и ужасе»;

б) «завершена сия рукопись в 1371 году во время владычества Мамаея в области Крым...»

в) «...написана сия рукопись в 1377 году в городе Крыме во время владычества Мамаея – князя князей...». ⁵⁴¹

Как видим, в период с 1365 по 1377 год Мамай, согласно этим, сделанным *тогда же*, армянским записям, был властителем Крыма, притом есть все основания полагать, что его владычество началось здесь значительно раньше, а завершилось только в конце 1380 года. Опираясь на другие сведения, можно утверждать, что «волнения» и «сборы» 1365 года, о которых говорится в первой из записей, связаны с очередной попыткой Мамаея захватить власть в Золотой Орде, с подготовкой его похода в Поволжье.

Но об этом – ниже. Важно прежде всего установить, что средоточием деятельности Мамаея был именно Крым, и только в связи с этим можно понять тогдашнюю ситуацию в целом (следует, правда, оговорить, что огромное конное войско Мамаея не могло находиться постоянно и целиком в засушливых крымских степях, и основным местопребыванием этого войска был обладавший пышным травяным покровом Великий Луг, простиравшийся к северу от Крыма вдоль левого берега Днепра, – что недавно было точно установлено ⁵⁴²).

Поскольку Мамай, как известно, начал свою карьеру в качестве «крымского темника», он имел, так сказать, глубокие корни в Крыму, ибо появился там не позднее первой половины 1350-х годов. А Крым представлял собой совершенно особенную в геополитическом плане территорию – как с точки зрения многовековой истории, так и с точки зрения тогдашней ситуации в Европе и Азии.

Но, как это ни прискорбно, многие из тех, кто изучал деятельность Мамаея, вообще не обращались к «крымской» теме. Вот чрезвычайно выразительный пример. Автор ряда ценных трудов о Золотой Орде В. Л. Егоров не раз затрагивал проблемы, связанные с Мамаем и, в частности, вопрос об осуществленном им перед походом на Куликово поле «найме» разноплеменных военных отрядов, в том числе «Бесермен (то есть, мусульман) и Армен». И историк утверждал, что-де это «летописное указание может относиться к мусульманским отрядам, набравшим в Азербайджане... Такой же отряд наемников был приглашен из Армении». ⁵⁴³

Не буду касаться «азербайджанской» темы (ибо и сам В. Л. Егоров явно не уверен, что «бесермен» вербовали именно в Азербайджане), но поистине печальна неосведомленность

⁵⁴¹ Хачикян Л. С. Памятные записи армянских рукописей XIV в. – Ереван, 1950, с. 468, 496, 524 (на древнеарм. яз.; пер. – в письме В. А. Микаеляна к автору, от 3 июня 1984 г.).

⁵⁴² См. об этом: Довженко В. Й. Татарське місто на Нижньому Дніпрі, часів пізнього середньовіччя – Археологічні пам'ятки УРСР. – Киев, 1961. Т. 10, с. 175–193 (исследования «ставки» Мамаея проводились еще в 1953 году, незадолго до затопления этого района Каховским водохранилищем в 1955-м); Егоров В. П. Историческая география Золотой Орды в XIII–XV вв. – М., 1985, с. 84–85; Григорьев А. П. Указ. соч., с. 34–35.

⁵⁴³ Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой. – В кн.: Куликовская битва. Сб. статей – М., 1980, с. 212.

историка о том, что в самом Крыму, откуда Мамай начал свой поход на Куликово поле, имелось тогда многочисленное *армянское* население, сложившееся главным образом в результате изгнания или бегства армян в XI веке и позже с их исторической родины, завоеванной тюркской империей Сельджукидов; Крым даже называли тогда «Приморской Арменией». Между тем, квалифицированный историк В. Л. Егоров полагает, что Мамай мог привести наемных армянских воинов на Куликово поле только с их далекой (даже по прямой линии – 1700 км!) и отделенной Кавказским хребтом исконной земли...

И это всего лишь один яркий «пример» тех ошибочных представлений о Мамае, к которым неизбежно приводит недостаточное (или вообще отсутствующее) внимание к тому факту, что этот исторический деятель был нераздельно связан с Крымом; без глубокого и тщательного изучения «крымской» проблемы вообще невозможно понять феномен Мамаевой Орды.

* * *

Что же касается общего положения в Крыму в XIV веке, в нем нельзя разобраться без уяснения тогдашней роли *итальянцев*, главным образом генуэзцев, – роли, поистине определяющей, оказывавшей властное воздействие на все основные крымские – хотя, конечно, не только крымские – события. О том, что итальянцы прочно утвердились еще в XIII веке в Крыму, знают, как говорится, все и каждый – хотя бы по остаткам их мощных крепостей в Феодосии, Судак или Балаклаве, мощь которых ясно видна и теперь, в наши дни. Однако полное, всестороннее и действительно глубокое, схватывающее суть событий понятие об «итальянском присутствии» в Крыму не характерно даже и для профессиональных историков. Правда, в целом ряде исследований, обращающихся к теме этого «присутствия», содержится и верное освещение тех или иных фактов, и истинное истолкование их смысла (примеры, еще будут приведены). Но чрезвычайно редки случаи, когда понимание отдельных сторон проблемы, так сказать, вписано в *общую картину* мировой истории XIV века.

Здесь необходимо еще раз вспомнить о цитированном выше трактате Арнольда Тойнби «Постижение истории», в котором признано, что «западная цивилизация» последовательно «продвигалась» на восток – к «линии» Эльбы, затем – Одера и, далее, Двины, и «к концу XIV века» (то есть, отмечу, как раз ко времени Куликовской битвы! – В.К.) континентальные европейские варвары, противостоявшие... развитым цивилизациям, исчезли с лица земли». В результате «западное и православное христианство... оказались в прямом соприкосновении по всей континентальной линии от Адриатического моря до Северного Ледовитого океана».

Тойнби, как уже говорилось, предпочел, в сущности, промолчать о том, что имели место и очень многочисленные, и чрезвычайно активные «продвижения» Запада дальше этой существеннейшей «линии». Он сказал, правда, что «литовцы последними из европейских язычников испытали в XIII–XIV вв. порыв крестовых походов (с Запада. – В.К.)... и внимание Тевтонского ордена целое столетие было приковано к Литве. Это смертельное давление (! – В.К.) Запада на литовцев стало причиной того, что и литовцы получили стимул к завоеванию и, в свою очередь, двинулись в земли русского православного христианства»; кроме того, по словам Тойнби, «скандинавы также расширяли свои владения за счет Эстонии... Финляндии»⁵⁴⁴ и т. д.

Таким образом, Тойнби истолковывает «движение» Литвы на Русь как уже собственно *литовское* дело (хотя «смертельное давление Запада» и явилось «стимулом» для него), а «расширение» своих владений скандинавами – как «давление» на эстонцев и финнов, а не на православную Русь. Однако в ряде исследований историками неопровержимо показано, что в действительности и то, и другое «движения» направлялись из «центра» западной цивилизации – Римского папства – и, кроме того, отнюдь не ограничивались «давлением» на «европейских варваров» (прибалтов, финнов и т. п.), а имели своей подлинной целью именно православную Русь. Назову хотя бы следующие труды: Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X–XV веках (1959);

⁵⁴⁴ Тойнби А. Дж. Цит. соч., с. 144, 145.

В. Т. Пашуто. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII–XV вв. (1969); И. П. Шаскольский. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке (1982).

Но наиболее уместно будет сослаться на рассматривающего проблему с должной объективностью *германского* историка Эдварда Винтера, автора двухтомного трактата «Россия и Папство» (1960). Этот исследователь доказывает, что «в XIV столетии папство в своей политике широко использовало... планы, в которых не последнее место занимало завоевание, при посредстве Литвы, России... На протяжении всего XIV столетия сохраняло силу обращение (папское. – *В.К.*) к Миндовгу (литовский князь в 1239–1263 гг. – *В.К.*) об отторжении от России во имя пап и с их благословения одной области за другой. Литовские князья действовали так усердно, что образовавшееся Великое княжество Литовское состояло в XIV веке примерно на 9/10 из областей Древней Руси... В середине XIV столетия... особенно при Клименте VI (папа в 1342–1352 гг. – *В.К.*), Литва заняла центральное место в планах захвата Руси... Немецкий Орден... должен был служить связующим звеном с фронтом наступления на севере, который был организован шведами против Новгорода... На эту роль пап по координации различных фронтов против Руси до сих пор обращалось мало внимания...» Между тем, именно такое координирование «ясно видно из обращения папы Климента VI к архиепископу упсальскому (то есть шведскому. – *В.К.*), относящегося примерно к тому же времени, к 1351 году... «Русские – враги католической церкви» (это – цитата из папской буллы к шведскому архиепископу от 2 марта 1351 г. – *В.К.*). Это обращение папы явилось по меньшей мере призывом к крестовому походу против русских в Северо-Восточной Руси. Вновь оживает фронт на Неве... Мы видим здесь, таким образом, линию нападения против Руси, которая тянулась от Невы до Днестра».⁵⁴⁵

Итак, германский историк, независимо от Тойнби, сформулировал тот же самый тезис о чрезвычайно существенной «линии» между Западом и Русью (или, вернее, Евразией), но, в отличие от англичанина, показал, что Запад, особенно в лице его «идеологического центра» – папства, отнюдь не имел намерения «остановиться» на этой «линии». Подробное исследование политики и, шире, геополитики Запада по отношению к Руси в XIV веке читатель найдет в названных выше работах отечественных историков.

Как ни удивительно, мало кому известно (кроме, конечно, профессиональных историков), что в результате всего вышеописанного *граница* Руси с Литвой и Польшей передвинулась в течение второй половины XIII–XIV века с Западной Двины и Западного Буга до верхней Волги и верхней же Оки – то есть, на 600–800 (!) километров к востоку. И Полоцкое, Киевское, Смоленское, Черниговское, Переяславское (на Днепре) и другие западные княжества Руси стали частями Великого княжества Литовского...

Но обратимся опять к той «линии», о которой говорили и Тойнби, и германский историк Винтер. Важно отметить, что Тойнби был более точен, утверждая, что эта самая «линия» тянулась не от Невы до Днестра (как у Винтера), а от Ледовитого океана (Тойнби указал на вовлечение в противостояние Запад – Русь и территории Финляндии) и до Адриатического моря, ибо на юге «линия» проходила не между Западом и православной Русью, а между Западом и православной Византийской империей. И еще в самом начале XIII века Запад крайне агрессивно «переступил» здесь, на юге, эту заветную «линию», направив мощный и разрушительный крестовый поход 1204 года не в Иерусалим, а в Константинополь (см. главу «Византийское и монгольское „наследства“ в судьбе России»).

Теперь мы можем вернуться к проблеме «итальянского присутствия» в Крыму. Чтобы оказаться там, итальянцы должны были очень далеко зайти за «линию», проходившую по западной границе Византии. И они не просто пересекли эту границу, а, в сущности, обессилили и поставили на грань гибели великое государство.

Наиболее квалифицированный исследователь проблемы «Византия – Италия» Е. Ч. Скржинская писала в своей превосходной работе «Генуэзцы в Константинополе в XIV

⁵⁴⁵ Винтер Е. Россия в политике папской курии в XIV в. – В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. VI. – М., 1958, с. 291–292, 294, 296–297.

веке», что в течение последних столетий своего существования «Византия получала удары со всех сторон и, быть может, ее история этих столетий являет собой один из самых поразительных примеров колоссальной жизнеспособности. Редко бывало, чтобы культура и ее фокус, коим была византийская столица, так продолжительно и ярко сияли, так прочно воспринимались и зарождали новые пышные расцветы в других странах, когда... враги наседали, а территория того, что продолжало носить гордое имя империи ромеев, бесконечно сжималась».⁵⁴⁶

Но самые губительные последствия имело «продвижение» итальянцев: «Внедрение генуэзцев в Константинополь было обдуманым, упорно и неумолимо проводимым предприятием. Их исключительная энергия, их огромные денежные средства были направлены на то, чтобы укрепить себя, а с другой стороны – ослабить Византию в самом ее центре...» Генуэзская колония в Константинополе, «с ее обитателями, ничем не связанными с великим очагом византийской жизни и культуры, кроме только того, что они медленно, но верно губили его, была подобна неизлечимой язве на усталом, теряющем силы для борьбы организме. «Установку» генуэзцев в отношении византийцев можно определить словами Иоанна Кантакузина (крупнейший византийский деятель того времени. – *В.К.*): «задумали они не малое: они желали властвовать на море (Черном. – *В.К.*) и не допускать византийцев плавать на кораблях, как будто море принадлежит только им...» (там же, с. 228).

И они действительно полностью завладели морем, в том числе и побережьем Крыма, – что имело тяжелейшие последствия для Византии. Еще в 1206 году венецианцы появились в Сугдее (это – византийское название города, который русские называли Сурож, итальянцы – Солдайя; ныне Судак), откуда, правда, их впоследствии вытеснят генуэзцы, а в 1266-м Генуя начинает создавать свою опору в Крыму – Кафу, или иначе Каффу (Феодосия). И, следовательно, та «линия», о которой говорил Тойнби, передвинулась теперь с Адриатического моря на Черное – аж на 1500 км к востоку!

Обычно полагают, что итальянское внедрение в Крым имело единственную цель – торговлю, в том числе работорговлю. Однако и здесь – как и в «продвижении» Запада на более северных «участках» той самой «линии» – ясно видна направляющая роль папства.

Так, уже в 1253 году папа Иннокентий IV (тот самый, который в 1248 году призывал Александра Невского обратить Русь в католицизм) издал буллу о приобщении к римской вере населения Крыма, а в 1288-м то же требование повторил папа Николай IV.⁵⁴⁷ И «в 1320 г. в Кафе было основано католическое епископство; его епархия простиралась от Сарая на Волге до Варны в Болгарии».⁵⁴⁸

В недавнем исследовании Н. М. Богдановой «Церковь Херсона в X–XV вв.»⁵⁴⁹ приведены многочисленные факты, свидетельствующие о воистину мощном «наступлении» католицизма в Крыму, начавшемся в 1330-х годах, то есть за полвека до Куликовской битвы. Причем надо оговорить, что объектом этого исследования была главным образом ситуация только в одном из крымских городов, Херсоне, чьи остатки находятся на окраине нынешнего Севастополя.

«Одним из известных источников, освещающих деятельность католических миссионеров

⁵⁴⁶ Византийский временник. Т. 1 (XXVI). – М., 1947, с. 213.

⁵⁴⁷ См.: Григорьев В. Обзор политической истории хазаров – СПб., 1835, с. 26, 34. Следует напомнить, что основная территория Крыма была в свое время частью Хазарского каганата. Во время его разгрома (в 960-х годах) князь Святослав миновал в своем походе Крым, и местное население продолжало называть себя «хазарами» – как оно, очевидно, и «представилось» прибывшим в Крым итальянцам, которые усвоили это название: для них Крым был «Газарией». И римские папы в своих буллах настаивали на крещении именно «газар», понимая под ними основное население Крыма.

⁵⁴⁸ Тунманн. Крымское ханство. – Симферополь, 1991, с. 35.

⁵⁴⁹ Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М., 1991, с. 33, 34.

... в Крыму, – говорится в исследовании, – являются письма папы Иоанна XXII (1316–1334), написанные в июле-августе 1333 г. 5 июля Иоанн XXII сообщает о том, что создана митрополия с центром в Воспоро (ныне – Керчь. – В.К.)... Этой митрополии подчинялся и Херсон. Спустя несколько дней – 16 июля – папа пишет, что «в Херсоне ... уже основана епископская кафедра и уже принято решение воздвигнуть там собор в честь св. Климента»; херсонским епископом назван брат Ордена Проповедников Ричард Английский. О деятельности двух архиереев – Франциска и Ричарда – в письмах папы сообщается, что они уже давно вели миссионерскую деятельность в Крыму, обратили в католичество алан во главе с их правителем Милленом и подвластные ему народы...

Необходимо учесть, что, во-первых, учреждение епископии – свидетельство важности кафедры и значительности числа католиков и, во-вторых, то, что центрами и организующими началами миссионерских конгрегаций были их монастыри... Уже в конце XIII в. ... были основаны монастыри в Каффе, возможно, в Херсоне, Солхате и Сарае... ко времени около 1320 г. ... братья минориты имели 18 монастырей... К 30-м годам XIV в. число католиков... увеличилось, поэтому два епископа – Франциск и Ричард – прибыли к папе 28 апреля 1333 г., чтобы обрисовать сложившуюся ситуацию и просить помощь. Именно это и послужило, вероятно, поводом к возведению Воспоро в ранг *митрополии* и принятию решения о строительстве в Воспоро и Херсоне кафедральных соборов. Известны некоторые сведения о Ричарде Английском, епископе Херсонском, и после 1334 г., когда... он принял участие в богословском диспуте в Константинополе. 30 сентября 1335 г. Ричард Херсонский присутствовал на собрании епископов в Авиньоне (Франция). Затем он вновь отправляется на Восток...»

Уже из этих фактов ясно, сколь значительными были усилия папства, направленные на овладение Крымом и дальнейшее продвижение к северу и северо-востоку; как сформулировал видный историк В. Т. Пашуто, «щупальца папства в виде его епископств протянулись от Крыма (Кафа, Херсонес, Чембало, Тана) в Сарай».⁵⁵⁰

Когда же в 1344 году войско Золотой Орды осадило Кафу (о взаимоотношениях итальянцев с монголами мы будем подробно говорить в дальнейшем), тогдашний папа Климент VI объявил (13 июля 1345 года) «крестовый поход» против хана Джанибека.⁵⁵¹ Поход не состоялся, но в 1347 году Золотая Орда все же прекратила войну с Кафой. И благодарные генуэзцы в 1348 году присвоили имя Климента VI одной из главных башен цитадели Кафы (башня эта и сегодня горделиво возвышается над всей Феодосией, а в музее города хранится снятая с башни мраморная плита с посвящением папе).⁵⁵²

И вот в связи с этим мы получаем возможность наглядно представить себе историческую ситуацию той эпохи во всей ее целостности.

Ибо, как показано в трактате Б. Я. Рамма «Папство и Русь в X–XV веках», именно в том самом 1348 году на севере *тот же* «папа Климент VI предпринял новое наступление на Русь... Он поддержал шведского короля Магнуса Эриксона, вознамерившегося захватить Прибалтику. Король начал в 1348 г. агрессию против Новгорода... В связи с этим... в папской курии было составлено 7 булл, имевших целью помочь Магнусу в его войне против русских. Одна из них была адресована епископам эзельскому, дерптскому и препозиту рижской церкви, которым предлагалось принять строгие меры к недопущению продажи оружия, железа, лошадей и продовольствия русским – „врагам католической веры“. В этой булле рисуются всевозможные ужасы, которые, якобы, ожидают чуть ли не весь „христианский мир“, если русские не будут побеждены... Вторая булла в адрес ордена предлагала рыцарям оказать шведскому королю помощь в его войне против русских. В третьем и четвертом посланиях папа

⁵⁵⁰ Итоги и задачи изучения внешней политики России. – М., 1981, с. 55.

⁵⁵¹ Гейд В. Итальянские колонии на побережье Черного и Азовского морей. – Симферополь, 1915, с. 47.

⁵⁵² Барсамов Н. Феодосия. Историко-краеведческий очерк. – Симферополь, 1957, с. 31–32.

адресуется к польским прелатам. Своими посланиями папа стремился создать единый фронт антирусской агрессии, связав шведское наступление с захватническими действиями польского короля Казимира III... Папа в своей булле устанавливает на четыре года во владениях Казимира особый сбор, в размере 1/10 всех церковных доходов, на помощь польскому королю в его „священном“ деле „обращения русских“... Наконец, пятое, шестое и седьмое послания содержат распоряжения, адресованные архиепископам трех скандинавских церквей... о том, что... „крестоносцам против русских“ даруется такое же отпущение грехов, какое получали крестоносцы, отправлявшиеся в Палестину».⁵⁵³

Итак, политика папства совершенно однородна и едина на всем протяжении «линии» – от Скандинавии до Крыма. Могут возразить, что на севере дело шло о войсках, а на юге – всего только о *купцах*. Но, во-первых, и на севере в роли «первопроходцев» на Восток нередко выступали именно купцы (принадлежавшие к знаменитой Ганзе и более ранним торговым объединениям), вместе с которыми появлялась и военная сила; это показано, например, в труде Н. А. Казаковой «Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения» (1975). Как писал позже В. Т. Пашуто, «Н. А. Казакова прекрасно раскрыла взаимосвязь торговой монополии Ганзы с агрессивной политикой Ордена»⁵⁵⁴ (Ливонского).

Во-вторых, итальянских купцов с самого начала всегда и повсюду сопровождали внушительные боевые отряды, прекрасно обученные и снабженные наилучшим тогдашним вооружением; см. об этом новейшее скрупулезное исследование историка С. П. Карпова.⁵⁵⁵

Наконец, своего рода подосновой «продвижения» итальянских купцов и воинов (нередко эти профессии сливались в одном лице) было все же продвижение католицизма. Как сформулировал известный историк Крыма С. А. Секиринский: «Крым и его приморские города являлись одним из путей экспансии римско-католической церкви на Север и Восток. Отсюда такой интерес папства к крымским делам».⁵⁵⁶

Вполне вероятно и еще одно возражение: «продвижение» Запада в северных областях было непосредственно направлено на Русь; между тем, итальянцы в Крыму имели дело прежде всего с Золотой Ордой, а граница Руси находилась тогда весьма далеко от Крыма. Проблему прояснит эта глава в целом. Но не следует забывать, что продвижение итальянцев в Крым подразумевало, как уже отмечалось, беспощадное разорение Византии, которая была в то время нераздельно связана с Русью, прежде всего с ее Церковью. Кроме того, итальянцы в Крыму оказались в прямом соприкосновении с многочисленным армянским населением, принадлежавшим – так же, как и русские, – к церкви, которая была «дочерней» по отношению к византийской.

Исследователь истории крымских армян В. А. Микаелян воссоздал то давление папства, в результате которого «часть армянской торговой верхушки, связанная с генуэзским капиталом, в XIV–XV вв. поддалась католической пропаганде, и последняя имела среди крымских армян некоторый успех... Часть богачей из каффских армян еще в 1318 г. дала римскому епископу Еронимии свое согласие признать верховенство римского папы. В связи с этим в 1318 г. папа Иоанн XXII обратился к каффским армянам со словами: «Мы получили великое удовлетворение, – писал он, – узнав о том, что... вы клятвенно обещали незыблемо исповедовать ту католическую веру, которую истинно имеет святая римская церковь... и

⁵⁵³ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках – М. – Л., 1959, с. 211–212.

⁵⁵⁴ Пашуто В. Т. Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян. – В кн.: Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. – М., 1982, с. 25.

⁵⁵⁵ Карпов С. П. Пути средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. – М., 1994.

⁵⁵⁶ Секиринский С. А. Очерки истории Сурожя IX–XV веков – Симферополь, 1955, с. 28.

обещали покорность римскому папе и его церкви».⁵⁵⁷

В. А. Микаелян пишет также, что для достижения своих целей «миссионеры и латинские епископы в Каффе нередко прибегали и к насилию... даже к подкупу отдельных служителей армянской церкви... Армяне в знак пассивной борьбы уходили из Каффы к своим соотечественникам в другие части Крыма. Вероятно, это вызвало необходимость основания в тот период – в 1358 г. – недалеко от Старого Крыма знаменитого армянского монастыря Сурб-Хач (Св. Крест)» (с. 69–70, 72).

Итак, внедрение итальянцев в Крым имело, как мы видим, далеко идущие последствия. Но необходимо выяснить вопрос о взаимоотношениях итальянцев с Золотой Ордой.

Целесообразно еще раз обратиться к соответствующей статье БСЭ, поскольку она в сжатом виде выражает более или менее «общепринятые» представления:

«Генуэзцы в 1266 добились от ставленника Золотой Орды в Крыму Мангу-хана передачи им во владение Кафы (совр. Феодосия), ставшей позже центром их колоний. В 1357 генуэзцы захватили Чембало (Балаклаву), в 1365 – Солдайю (Судак)... Генуэзцы поддерживали союзнические отношения с монгольско-татарскими ханами. В 1380 генуэзская пехота участвовала на стороне Мамая в Куликовской битве». Правда, тут же в статье сообщается нечто прямо противоположное: «Тем не менее генуэзские колонии неоднократно подвергались нападениям и разорению со стороны татарских ханов (1299, 1308, 1344–1347, 1396–1397 и др.)» (Т. 6, с. 248–249). Следует добавить, что Золотая Орда атаковала пришельцев из Италии также в 1317–1318, 1322, 1327 и 1338 годах,⁵⁵⁸ то есть нападения были при *всех* ханах конца XIII – первой половины XIV века – Токте (1291–1312), Узбеке (1313–1342) и Джанибеке (1342–1357) – и не реже чем через девять лет. Только после гибели Джанибека наступает долгий перерыв в этих нападениях – до 1396 года.

Словом, утверждение БСЭ о «союзнических отношениях» генуэзцев с Золотой Ордой по меньшей мере сомнительно: оно основано только на одном факте – участии генуэзской пехоты в походе Мамай на Москву. Но об этом еще пойдет речь.

При первом появлении генуэзцев в Кафе в 1266 году крымский наместник Золотой Орды предоставил им – очевидно, не без выгодных обещаний с их стороны – возможность обосноваться здесь, на окраине монгольского государства.

Но довольно скоро, уже в 1280-х гг., как писал выдающийся востоковед А. Ю. Якубовский, «отношения между монголами и генуэзскими властями настолько обострились, что обе стороны были долгое время во вражде и борьбе... Враждебные отношения продолжились и при хане Токте».⁵⁵⁹

Ясно, что деятельность пришельцев оказалась неприемлемой для Золотой Орды. Может, впрочем, возникнуть вопрос: почему же тогда могучее монгольское государство не изгнало нежелательных пришельцев из Крыма вообще? Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что это вовсе не так уж просто было осуществить.

Арабский хронист рассказывает, например, как в 1308 году хан Токта собрался отомстить «Генуэзским Франкам в Крыму, Кафе и Северных владениях за разные дела, о которых ему сообщили, в том числе за захват ими детей Татарских и продажу их в мусульманские земли». Но когда к Кафе двинулись войска, генуэзцы «узнали о прибытии их, приготовили свои корабли, отплыли в море и ушли в свои земли, так что Татары не захватили ни одного из них. Тогда Токта забрал имущество тех из них, которые находятся в городе Сарае (на Волге. – В.К.) и примыкающих к нему местах».⁵⁶⁰ Позднее генуэзцы, разумеется, возвратились в Кафу, а

⁵⁵⁷ Микаелян В. А. На Крымской земле. История армянских поселений в Крыму. – Ереван, 1974, с. 72.

⁵⁵⁸ См. об этом: Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. Ч. II, с. 446; Яковсон А. Л. Средневековый Крым. – М. – Л., 1964. с. 176.

⁵⁵⁹ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.-Л., 1950, с. 88.

⁵⁶⁰ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 – СПб., 1884, с. 162.

Золотая Орда не могла постоянно держать воинские силы на черноморском берегу для предотвращения их возврата.

Или другой, позднейший пример. Хан Джанибек в 1344 году отдал приказ о взятии Кафы. Но к тому времени город уже окружала неприступная крепость, в которой имелось весьма значительное, вооруженное по тогдашнему «последнему слову», вышколенное и высокооплачиваемое войско, не раз совершавшее сокрушительные вылазки; оно жгло осадные машины и убивало множество нападающих, в конце концов вынужденных снять осаду.⁵⁶¹

И по сей день остатки крепости свидетельствуют о ее неприступности; внутри нее был, помимо прочего, водопровод, который обеспечивал жизнеспособность обороняющихся. Нельзя не сказать и о том, что длина мощной оборонительной стены вокруг Кафы составляла в целом около пяти километров – то есть в *два раза* превышала длину стен Московского Кремля! Кафа по укрепленной площади и количеству населения уступала в то время только Константинополю...

Уже одно это показывает, какая сила внедрилась с Запада в Крым. Это, в конечном счете, была сила не одних генуэзцев и даже не одной Италии – хотя она была, конечно, «авангардом», – а сила Запада в целом, и направлял ее, как уже говорилось, центр западной цивилизации – папство.

Основываясь на генуэзских архивных документах, С. П. Карпов пишет: «Итальянская колонизация вовлекала в свою орбиту самые разные слои населения Генуи, Венеции, многих областей Северной Италии. Встречались среди колонистов и жители Франции, Германии, Сицилийского королевства, государств Пиренейского полуострова, венгры, англичане и другие западноевропейцы».⁵⁶²

В Золотой Орде, без сомнения, видели и понимали это упорное движение Запада в пределы ее интересов. Известный современный историк и археолог М. Д. Полубояринова утверждает в своей книге «Русские люди в Золотой Орде» (1978), что одной из причин очевидного стремления духовенства Руси «к усилению влияния в Золотой Орде» была именно «борьба с католицизмом, который к XIII в. осуществлял постоянный натиск на восток»,⁵⁶³ – то есть русские митрополиты и епископы стремились «открыть глаза» золотоордынским правителям на эту «опасность».

Ханы Золотой Орды, вопреки нынешнему мнению об их «варварстве», вполне «цивилизованно» поддерживали дипломатические отношения с Западом, принимали посланцев римских пап, вели соответствующую переписку и т. д. В труде М. Д. Полубояриновой сообщается: «Папа Иоанн XXII (1316–1334) писал в 1318 г., что хан Узбек «не без наития, внушенного ему Господом... предоставил привилегии христианам» (имелись в виду католики. – В.К.). Хан Узбек (1313–1342) был в переписке и с папой Бенедиктом XII (1334–1342), отправлял к нему послов. Известны письма этого папы к самому Узбеку, сыну его Джанибеку и жене Тайдуле, в которых папа... выражает надежду на обращение всей ханской семьи в католичество.

Все это, однако, – продолжает М. Д. Полубояринова, – не помешало Узбеку в 1324 г. организовать поход русских князей против Литвы, чтобы запретить Гедимину (великий князь Литовский в 1316–1341 гг. – В.К.) принять католичество. В 1340 г. Узбек помог русским князьям в их борьбе против польского короля Казимира, в результате чего Казимир вынужден был признать свободу православных обрядов. Эти акции в защиту православия и против католицизма были совершены, без сомнения, не без влияния русских церковников в Золотой Орде. Ту же линию в отношении православия занимал в силу необходимости и Джанибек

⁵⁶¹ Гейд В. Цит. соч., с. 48.

⁵⁶² Карпов С. П. Источники по истории Причерноморья и Древней Руси в итальянских архивах. – Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 1994, № 1, с. 5.

⁵⁶³ Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. – М., 1978, с. 25.

(1342–1357), ведя в союзе с Византией войну с венецианскими генуэзскими колониями в Крыму (с 1343 г.)» (там же, с. 27).

Здесь обрисовано соотношение «православие – католицизм (и вообще Запад) – Золотая Орда» за несколько десятилетий до Куликовской битвы. Но следует сказать, что подобная ситуация выявилась значительно раньше.

По сведениям германского хрониста Рейнгольда Гейденштейна, русский Псков «был взят немцами, как гласит предание, около 6750-го года (то есть 1242-го, года «Ледового побоища». – *В.К.*). Однако немного спустя после того Александр Ярославич (Невский. – *В.К.*) из рода Мономахова возвратил свободу городу; будучи отправлен ханом татарским Батыем и получивши в подмогу татарские вспомогательные войска, он победил в сражении ливонцев и затем по договору возвратил город (Псков – *В.К.*)». ⁵⁶⁴

Выражение «отправлен ханом Батыем» означает, очевидно, лишь то, что Александр Невский признавал верховную власть Золотой Орды и, так или иначе, «советовался» с Батыем о предпринимаемых действиях. Но золотоордынская военная поддержка борьбы Руси с натиском Запада началась, следовательно, уже при Батые. Кстати сказать, многие историки считают только что приведенное сообщение недостоверным, однако их сомнения обусловлены присущим им ложным представлением о взаимоотношениях Руси и Золотой Орды вообще (о чем уже подробно говорилось); кроме того, как мы видели, политика, начатая Батыем, продолжалась и через столетие – при Узбеке и Джанибеке, о чем есть неоспоримые сведения.

В свете всего вышеизложенного становится возможным действительно понять сущность Мамаевой Орды и ее похода на Москву. В высшей степени знаменательно, что историки, смотревшие на эту проблему *из Крыма*, гораздо яснее понимали ее истинное содержание. Так, известный крымский историк П. Н. Надинский, автор изданных еще в 1950-х годах «Очерков по истории Крыма» в четырех томах, писал:

«Генуя и Венеция являлись крупнейшими колониальными государствами Средневековья. В руках этих государств находилась почти вся мировая торговля. Значение этих государств особенно возросло в связи с «крестовыми походами»... Эти грабительские походы, освященные религией, прокладывали пути для генуэзских и венецианских купцов-колонизаторов в страны Ближнего Востока и Причерноморья... В XIII веке, после взятия крестоносцами Константинополя (в 1204 году – *В.К.*) и разгрома Византийской империи, венецианцы, а следом за ними и генуэзцы, проникли на побережье Черного моря... И совершенно не случайно, что генуэзцы оказались в числе *вдохновителей*, а может быть, и *прямых организаторов* похода незадачливого татарского полководца Мамаея на Москву». ⁵⁶⁵

Впрочем, еще раньше П. Н. Надинского, в 1940-х годах, о тесной связи Мамаея с генуэзцами говорил один из значительнейших наших историков академик М. Н. Тихомиров, ⁵⁶⁶ развивавший эту тему и позднее. Вообще я отнюдь не являюсь неким «первооткрывателем» предлагаемого понимания Мамаева похода. Это понимание так или иначе намечено в исследованиях ряда видных историков: Ю. К. Бегунов «Об исторической основе „Сказания о Мамаевом побоище“» (1966), И. Б. Греков „Восточная Европа и упадок Золотой Орды“ (1975), Г. М. Прохоров „Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы“ (1978),

Позже, в 1980-х годах, появились статьи и затем книга Л. Н. Гумилева, в которых особенно последовательно выдвигалось именно такое понимание. ⁵⁶⁷ Эти публикации вызвали очень широкий интерес, но нельзя не сказать, что перед нами произведения человека, который

⁵⁶⁴ Гейденштейн Рейнгольд. Записки о Московской войне (1578–1582) – СПб., 1889, с. 195.

⁵⁶⁵ Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 1. – Симферополь, 1951, с. 59, 61.

⁵⁶⁶ Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XIII–XV вв.). – М., 1947 с. 93–94.

⁵⁶⁷ Гумилев Л. Н. Год рождения 1380... – «Декоративное искусство», 1979, № 8, с. 34–37; он же: Эпоха Куликовской битвы. – «Огонек», 1980, № 36, с. 16–17; он же: Древняя Русь и Великая Степь. – М., 1989. с. 617–640.

был, если угодно, в равной мере и историком, и *поэтом* (кстати сказать, несколько опубликованных в последние годы его *стихотворений* уступают по своей художественной силе поэзии его прославленных родителей). И в трудах Л. Н. Гумилева первостепенную роль играет «домысел» и даже прямой «вымысел».

Это позволяет ему не только властно захватывать сознание читателей, но и нередко замечательно «угадывать» скрытое, подспудное движение истории. Но в то же время именно эти качества вызывают неудовлетворенность (или даже негодование) у людей, которые считают обязательным строгую документированность, не приемлют никакого «интуитивного» домысливания в изучении истории. Впрочем, при всех возможных оговорках, несомненно одно: статьи и книги Л. Н. Гумилева способны пробуждать мощный и страстный интерес к истории, в том числе к истории эпохи Куликовской битвы.

Вот чрезвычайно выразительный факт. В авторском «Введении» к только что названной книге Г. М. Прохорова «Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы» сказано: «Благодарю от души моего первого учителя, доктора исторических наук Л. Н. Гумилева за привитый мне вкус к историческому исследованию...». ⁵⁶⁸ Однако в самой этой книге, где есть, например, ссылки на упомянутые выше работы М. Н. Тихомирова, Ю. К. Бегунова и И. Б. Грекова, автор ни разу не ссылается на Л. Н. Гумилева!..

Словом, имеет место специфическая ситуация: высокая одаренность и размах мысли Л. Н. Гумилева дали ему возможность во многих отношениях верно и глубоко охарактеризовать сущность Куликовской битвы, но недостаточность, а порой и прямая недостоверность фактической аргументации отвращает тех или иных читателей (прежде всего – профессиональных историков), и в результате отчасти дискредитируется то истинное в своей основе представление о причинах и значении великой битвы, которое выразилось в гумилевских статьях и книгах. И как-то уже не обращают внимания на тот факт, что концепция Л. Н. Гумилева *подтверждается* (а не опровергается) в ряде работ таких историков, которым отнюдь не свойственно «вольное» обращение с источниками.

Но обратимся непосредственно к Мамаю. Еще полвека назад, в 1946 году, М. Н. Тихомиров утверждал, что Мамай перед Куликовской битвой заключил договор с Кафой. А в 1994 году С. П. Карпов, давно занятый тщательными разысканиями в геноуэзских архивах, сообщил, что в своего рода бухгалтерских книгах Кафы, массариях, оказывается, «есть сведения и о переговорах с Мамаем», хотя в то же время «не обнаружено следов... участия геноуэзцев в Куликовской битве»; ⁵⁶⁹ между тем, согласно русским источникам, в ней участвовали и «фряги», то есть итальянцы.

Но, во-первых, не исключено, что такие «следы» еще отыщутся; ведь сам С. П. Карпов в той же статье отмечает: «Разумеется, богатство архивных собраний Венеции и Генуи не исчерпывается» теми, «с которыми нам довелось работать в Италии. В стороне остались, например, собрания Ватиканского архива с его материалами по истории церкви и религиозных миссий на Востоке (а как мы видели, представители папства постоянно вступали в контакты с золотоордынскими правителями. – В.К.), собрания рукописей в различных библиотеках... Не одному поколению историков и архивистов хватит материалов для будущих исследований» (там же, с. 15).

А во-вторых, при *верном* понимании *общей картины* открывается ранее почти или совсем «не замечаемая» весомая «информация», содержащаяся в давно известных источниках. Обратимся к наиболее объемному источнику сведений о Куликовской битве – «Сказанию о Мамаевом побоище».

Здесь сообщается, что, узнав о движении Мамае к Москве, Дмитрий Иванович посылает навстречу ему – в качестве, выражаясь современным языком, дипломата и разведчика (в частности, сообщившего точные известия о союзе Мамае с великим князем Литовским Ягайло) – «избранного своего юношу, довольно суща разумом и смыслом, именем Захарию Тютышова»

⁵⁶⁸ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы – Л., 1978, с. 5.

⁵⁶⁹ Карпов С. П. Цит. соч., с. 10.

(это был, как известно, далекий предок великого поэта и мыслителя Ф. И. Тютчева). Автор «Сказания» явно стремится «оправдать» решение князя поручить столь ответственную задачу именно *юноше*, подчеркивая, что он – «избранный», что он особо разумный и смелый. И все же – почему юноша, а не богатый опытом муж?.. Характерно, что автор изданного в 1985 году сочинения о Куликовской битве, невзирая на вполне определенное сообщение «Сказания», написал о княжеском после: «...уже *пожилой* и сметливый боярин Захар Тютчев»... Но в другой современной книге дана верная «разгадка»: Захарий был сыном *итальянца* Дудже, или Тутче, поселившегося в Москве в 1350-х годах,⁵⁷⁰ и, очевидно, владел языком своих предков.

И другая «информация» из «Сказания»: отправляясь в поход на Мамаю, Дмитрий Иванович взял с собой десяток «московских гостей сурожан». Обычно историки полагают, что речь шла о купцах, осуществлявших торговые отношения между Москвой и крымским городом Сурож (ныне Судак). Но, как убедительно показал Л. С. Хачикян в исследовании «Гости-сурожане» в русских летописях и «Сказании о Мамаевом побоище» (в кн. Русская и армянская средневековые литературы. – Л., 1982, с. 335), эти историки «не учитывают того обстоятельства, что... весь Крымский полуостров называли Сурожским полуостровом» (и даже само Черное море – Сурожским), и потому «гостями-сурожанами» наверняка именовались и те, кто имел дело непосредственно с Кафой.

Пытаясь объяснить причину введения этих людей в состав княжеской свиты и особую важность самого их присутствия в ней (ведь их имена в «Сказании» удостоены специального упоминания в одном ряду с именами главных героев битвы!), А. Ю. Якубовский утверждал, что это-де были люди, «знающие нравы, обычаи и язык татар» и «имеющие более или менее точные сведения о дорогах, мостах, бродах на пути в Орду».⁵⁷¹ Другой широко известный историк Л. В. Черепнин так определял «мотив, которым руководствовался московский князь, делая своими спутниками гостей: они могли быть использованы как проводники, толмачи, как люди, осведомленные о нравах и привычках ордынцев»⁵⁷² и т. п.

Однако эти объяснения едва ли хоть сколько-нибудь основательны. Во-первых, в окружении Дмитрия Ивановича было немало людей, постоянно имевших дело и с Золотой, и с Мамаевой Ордой (к таким людям, кстати сказать, принадлежал и сам великий князь, с юных лет не раз посещавший обе орды). Когда в 1380 году потребовалось сообщить хану Тохтамышу радостную весть о победе на Куликовом поле и наладить дальнейшие отношения, Дмитрий Иванович послал к нему, как уже говорилось выше, испытанных знатоков золотоордынских дел Толбугу и Мокшея, а не каких-либо сурожских купцов. Во-вторых, главный опыт и главные знания этих купцов были связаны, конечно же, с крымскими генуэзскими центрами, и, беря их с собой в поход на Мамаю, Дмитрий Иванович исходил именно из этого; в «Сказании о Мамаевом побоище» ясно сказано, что гости-сурожане «знаемы... в фрязах» (то есть в итальянцах).

А отсюда, без сомнения, следует, что Дмитрию Ивановичу была *вполне известна* огромная роль итальянцев Кафы в стане Мамаю.

Не приходится уже говорить о том, что, согласно тому же «Сказанию», Мамай после Куликовской битвы сделал не что иное, как «прибеже ко граду Кафе... И собрав остаточную свою силу, и еще хотяше изгоном (набегом) итти на Русскую землю», – то есть именно в Кафе «организовывался» его новый поход. И когда затем по дороге на Русь он был в причерноморской степи перехвачен и окончательно добит Тохтамышем, «Мамай же прибеже паки (снова, опять) в Кафу... ту(т) убиен бысть фрязи» (то есть убит итальянцами – очевидно, как не оправдавший возлагавшихся на него надежд воитель).

Итак, целая цепь исторических фактов, запечатленных в «Сказании о Мамаевом побоище», свидетельствует о ведущей, определяющей роли итальянцев в походе Мамаю на

⁵⁷⁰ См.: Соловьев Михаил. У Дона Великого. Историческая повесть о Куликовской битве. – М., 1983, с. 146 и Рабинович М. Не сразу Москва строилась – М., 1982, с. 34.

⁵⁷¹ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Цит. соч., с. 292.

⁵⁷² Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках – М., 1960, с. 610.

Москву; «фрязы» упомянуты и на первой, и на последней страницах «Сказания».

При этом необходимо иметь в виду, что, согласно современным представлениям, «информация», содержащаяся в «Сказании», почти всецело *достоверна*. Много лет изучавший «историю» создания самого этого «Сказания» член-корреспондент РАН Л. А. Дмитриев доказывал, что в основу его легло произведение, написанное вскоре же после Куликовской битвы, в конце XIV века:

«И у нас есть основания, – заключал исследователь, – утверждать, что в большинстве подробностей и деталей „Сказания“ исторического характера, не имеющих соответствий в пространной летописной повести, перед нами не поздние домыслы, а отражение фактов, не зафиксированных другими источниками». ⁵⁷³

Наряду с ведущей ролью итальянцев по-своему не менее существенна другая тема – союз Мамаю с великим князем Литовским Ягайло. Правда, именно в связи с этим нередко ставился вопрос о «недостоверности» сведений «Сказания». Ибо во многих списках «Сказания» вместо Ягайло, который правил Литвой в 1380 году, выступает его, гораздо более известный на Руси, отец – Ольгерд, умерший еще в 1377 году. И стремясь продемонстрировать недостаточную надежность «информации», содержащейся в «Сказании», Л. А. Дмитриев называет три «анахронизма»: Ольгерд вместо Ягайло, присутствие в Москве во время Куликовской битвы митрополита Киприана, который, мол, находился тогда в Киеве, и, наконец, молитва Дмитрия Ивановича перед Владимирской иконой Богоматери, приносившейся в Москву только в 1395 году, во время движения к Руси войск Тимура.

Однако сам Л. А. Дмитриев здесь же признает вероятность принесения в Москву в 1380 году наиболее чтимой иконы – с последующим возвратом ее во Владимир (как было и в 1395 году). Далее, украинский историк Ф. М. Шабульдо в 1987 году убедительнейшим образом доказал, что митрополит Киприан прибыл в Москву уже 3 мая 1380 года – то есть за четыре месяца до битвы – и, кстати сказать, еще в Киеве во многом содействовал укреплению сил Дмитрия Ивановича. ⁵⁷⁴

Наконец, в тех списках «Сказания», где в качестве союзника Мамаю предстает Ягайло, он не раз именуется «Ягайло Ольгердовичем», и не исключено, что переписчики, которым было хорошо известно имя Ольгерда (Ягайло, как уже говорилось, был знаком Руси гораздо меньше), приняв слово «Ягайло» за некую добавку к знакомому имени, превратили отчество в имя.

Впрочем, если уж говорить о неверных сведениях в «Сказании», к таковым можно отнести, как видим, только одну эту замену Ягайло на Ольгерда (ибо сведения «Сказания» о Киприане всецело достоверны, а Владимирская икона вполне могла на время появиться в 1380 году в Москве).

Весьма существенно, что о союзнике Мамаю «Ольгерде» – то есть, в действительности, о Ягайло Ольгердовиче – в «Сказании» сообщено: «...он почитает закон латыньский» – то есть католицизм. Правда, Ягайло официально принял католичество уже после Куликовской битвы, но склонялся он к этому с самого начала своего правления.

Как писал В. Т. Пашуто, посвятивший много лет изучению истории Великого княжества Литовского, Ягайло сразу же после прихода к власти в 1377 году, «видя неуспех восточной политики Ольгерда, твердо решил добиваться ее поддержки католическими державами и папством ценою принятия христианства» ⁵⁷⁵ (католического).

И вот что необходимо принять во внимание. Выше было показано, что папа Климент VI (1342–1352) во второй половине 1340-х годов, то есть за четыре десятилетия до Куликовской битвы, «направлял» *одновременно* действия и западных соседей Руси, и итальянцев в Крым; это была единая политика на всем протяжении не раз упоминавшейся «линии» между Западом

⁵⁷³ Сказания и повести о Куликовской битве. – Л., 1982, с. 347.

⁵⁷⁴ Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского – Киев, 1987, с. 118–129.

⁵⁷⁵ Пашуто В. Т. Цит. соч., с. 41.

и Евразией.

Во время Куликовской битвы на папском престоле находился Урбан VI (1378–1389), который, как сообщает Б. Я. Рамм, издал буллу, предписывающую «магистру Ордена доминиканцев назначить специального инквизитора «для Руси и Валахии» (область между Карпатами и Дунаем. – *В.К.*). В булле подчеркивается право и обязанность инквизитора, пользуясь всеми средствами, какими инквизиция располагает, искоренять «заблуждения» на Руси... Тот же папа предложил насильственно обращать в католичество русских на землях, подвластных Литве, Польше и т. п., применяя со всей строгостью принудительные меры вплоть до телесных наказаний». ⁵⁷⁶ Точно известно, что сразу же после того, как Ягайло стал Великим князем Литовским, он завязывает отношения с папой Урбаном VI и направляет своего брата и единомышленника Скиргайло (в 1378 году) в Польшу для встречи с представителями Рима.

Прямых сведений о «направляющих» указаниях Урбана VI в адрес крымских итальянцев не имеется, однако союзничество Ягайло и находившегося в Крыму, на расстоянии 1300 км (по прямой) от Вильно, Мамай едва ли обошлось без папской «координации» усилий на севере и на юге (которая, как мы *точно* знаем, имела место ранее, при Клименте VI).

В «Сказании о Мамаевом побоище» в качестве единственного «посредника» между Ягайло и Мамаем представлен рязанский князь Олег. Находясь поблизости от тогдашней литовской границы, Олег мог играть роль определенного связующего звена между двумя союзниками, но едва ли он был способен «устроить» сам этот союз, в результате которого, как сообщается в «Сказании», «пойде к Мамаю на помощь... великий князь Ягайло Литовский с своею силою: литвою, и жмоти (жмудью), и ляхи, и немцы». За этим явственно видны направляющие действия папства (не раз описанные выше), которое в то же время воздействовало и на Мамай – через крымских итальянцев.

Ягайло, как известно, немного не успел привести свои войска на Куликово поле. Но он шел с запада туда же, куда и Мамай с юга. И теперь следует подвести определенные итоги вышеизложенному. Как было показано, генуэзская Кафа с конца XIII и до середины XIV века постоянно подвергалась нападениям золотоордынских войск, но после убийства хана Джанибека (1357 г.) они прекращаются, и нет никаких сообщений о подобных нападениях вплоть до Куликовской битвы. Естественно прийти к выводу, что любимец нового хана Бердибека, Мамай, давно находившийся в Крыму, кардинально изменил политику в отношении пришельцев из Италии. Уже в 1357 году генуэзцы, которые в течение предыдущих почти ста лет своего присутствия в Крыму владели *только одной Кафой*, основывают свою колонию в Чембало (Балаклава, недалеко от нынешнего Севастополя) и начинают воздвигать здесь неприступную цитадель. В 1365 году они овладевают Солдайей (Судаком), где создается монументальная крепость, а затем – в период не позднее 1374 года – их «консульства» размещаются, как сообщено в трактате видного исследователя средневекового Крыма А. Л. Якобсона, в Горзоне (Херсонесе, ныне в пределах Севастополя), Ялите (Ялте), Пертинике (Партените, вблизи Гурзуфа), Луске (Алуште), Воспоро (Керчи) – то есть на протяжении всего побережья Крыма! ⁵⁷⁷

Некоторые историки утверждали, что это решительнейшее расширение генуэзских владений было обусловлено начавшейся после убийства хана Бердибека смутой в Золотой Орде, которая теперь-де уже не могла сопротивляться натиску генуэзцев. Однако, во-первых, Чембало оказалось в их руках еще при Бердибеке (который высоко вознес Мамай), а во-вторых, как явствует из цитированных выше армянских «памятных записей», обладавший мощной военной силой Мамай властвовал в Крыму и в 1365 году, когда генуэзцы завладели Солдайей (Судаком), и позднее.

И едва ли можно усомниться в том, что Мамай, в отличие от золотоордынских правителей, находился в теснейшем союзе с генуэзцами, и, в частности, его зафиксированные в приведенной выше армянской записи «сборы» в 1365 году в очередной поход на Золотую Орду

⁵⁷⁶ Рамм Б. Я. Цит. соч., с. 214.

⁵⁷⁷ Якобсон А. Л. Цит. соч., с. 173.

проходили, по всей вероятности, при активной поддержке генуэзцев; как пишет в своем исследовании Г. М. Прохоров, «с генуэзцами он (Мамай. – В.К.) мог расплачиваться землями своих крымских владений».⁵⁷⁸

Но, как уже говорилось, неоднократные попытки Мамай захватить власть в Золотой Орде оказались тщетными. И тогда его направили на Русь.

М. Н. Тихомиров доказал, что «итальянцы, „фряги“ русских источников, появляются в Москве и на севере Руси уже в первой половине XIV в., как показывает грамота Дмитрия Донского. Великий князь ссылается на старый порядок, „пошлину“, существовавшую еще при его деде Иване Калите, следовательно, до 1340 г. Великий князь жалует „Печорою“ некоего Андрея Фрязина и его дядю Матвея. Обоих „фрязинов“ привлекли на далекий север, в Печору, вероятно, поиски дорогих и ходовых товаров средневековья: пушнины, моржовых клыков и ловчих птиц».⁵⁷⁹

Отдельные купцы, – к тому же, конечно, покупавшие у великого князя за большую плату «лицензии», – разумеется, не представляли для Руси никакой опасности. Но появление их даже и на дальнем русском Севере свидетельствует о стратегической «устремленности» крымских «фрягов».

Выше цитировалось сообщение «Сказания» о том, что Мамай шел на Москву, дабы изгнать русских князей и сесть на их место. Ханы Золотой Орды никогда не имели подобных намерений, и цель эта была поставлена, надо думать, генуэзцами.

Все это объясняет главную «загадку»: почему Русь только один раз за почти два с половиной столетия «монгольской эпохи» вышла в широкое поле для смертельной схватки?.. В связи с этим нельзя не упомянуть, что преподобный Сергей Радонежский за какое-то время до Куликовской битвы отказался благословить великого князя на войну с Мамаем. В одной из рукописей жития величайшего русского святого приведено его прямое возражение Дмитрию Ивановичу: «...пошлина (исконный порядок, установление) твоя держит (удерживает, препятствует), покоряться ордынскому царю должно».⁵⁸⁰ Нет оснований сомневаться, что преп. Сергей действительно сказал так. Однако, по всей вероятности, слова эти были произнесены за достаточно длительное время перед Куликовской битвой, когда, надо думать, в Троицкой обители еще не знали со всей ясностью, что представляет собой в действительности Мамай, и видели в нем «традиционного» хана Золотой Орды, «царя».

Накануне же Куликовской битвы Сергей Радонежский сказал совсем иное: «Подобает ти, господине, пещися о врученном от Бога христоименитому стаду. Пойди противу безбожных, и Богу помогаючи ти, победиши».

В связи с этим весьма многозначительно то место из «Сказания», в котором сообщается о реакции рязанского князя Олега на выступление Дмитрия Ивановича против Мамай. Я стремился на протяжении своей работы цитировать «Сказание» в подлиннике, полагая, что древнерусская речь понятна и без перевода. Но эпизод с Олегом сложен по своему языку, и потому даю его в переводе М. Н. Тихомирова.

Узнав о решении Московского князя, Олег говорит: «Я раньше думал, что не следует русским князьям противиться восточному царю. А ныне как понять? Откуда такая помощь Дмитрию Ивановичу?..» И бояре его (Олега. – В.К.) сказали ему: «...в вотчине великого князя близ Москвы живет монах, Сергием зовут, очень прозорливый. Тот вооружил его и дал ему пособников из своих монахов».⁵⁸¹

Уже говорилось, что Куликовская битва имела *всемирное* значение. Об этом

⁵⁷⁸ Прохоров Г. М. Цит. соч., с. 108.

⁵⁷⁹ Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией – М., 1969, с. 32–33.

⁵⁸⁰ Тихонравов Н. Древние жития Сергия Радонежского. Т. 1. – М., 1892, с. 137.

⁵⁸¹ Повести о Куликовской битве. – М., 1959, с. 258.

провозглашено в «Задонщине» (близкий текст есть и в списках «Сказания»). После победы Руси, утверждается здесь, «шибла понеслась слава к Железным Вратам и к Караначи (Орнач, Ургенч), к Риму и к Кафе по морю, и к Торнаву и оттоле ко Царьграду». Таким образом, указаны три «направления» пути славы: на восток – к Дербенту (Железные Ворота) и Ургенчу (столице Хорезма), которые входили тогда в «монгольский мир», на запад, в католический мир – к Риму через Кафу (связывание Кафы с папским Римом многозначительно), и на православный юг – через древнюю болгарскую столицу Тырново к Константинополю.

Кто-либо может подумать, что утверждение о столь широком распространении «славы» представляет собой только торжественную риторику – и глубоко ошибется, ибо весть о разгроме Мамаю достигла и намного более *дальних* городов, нежели названные в «Задонщине». Так, об этом писал в расположенном в 1500 км к югу от Ургенча, уже недалеко от Индийского океана, городе Ширазе виднейший персидский историк конца XIV – начала XV века Низам-ад-дин Шахи.⁵⁸² И на другом «направлении эта слава» достигла города, расположенного в 1500 км к югу от Константинополя: о разгроме Мамаю сказано в трактате жившего в Каире выдающегося арабского историка Ибн Халдуна (1332–1406).⁵⁸³ Что же касается Константинополя, огромное значение Куликовской битвы признавали там во всей полноте; это показано в уже упоминавшемся замечательном труде Г. М. Прохорова «Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы» (1978).

У нас нет прямых сведений о реакции Рима на великую битву, но выше приводилось суждение много работавшего в итальянских архивах С. П. Карпова о неизученных «богатствах» тамошних материалов, которых хватит «не одному поколению историков и архивистов». Впрочем, мы располагаем вполне достаточными для понимания существа дела сведениями из германской части католического мира. О Куликовской битве писал, например, ее современник монах-францисканец и хронист Дитмар Любекский, а позднее «обобщающую» характеристику в своем сочинении «Вандалия» дал ей виднейший германский историк XV века Альберт Кранц, который являлся «деканом духовного капитула» Гамбурга – то есть вторым лицом в католической иерархии этого германского города:

«В это время между русскими и татарами произошло величайшее в памяти людей сражение... Победители русские захватили немалую добычу... Но недолго русские радовались этой победе, потому что татары, соединившись с литовцами, устремились за русскими, уже возвращавшимися назад, и добычу, которую потеряли, отняли и многих из русских, повергнув, убили. Было это в 1381 г. (ошибка на один год. – В.К.) после рождения Христа. В это время в Любеке собрался съезд и сходка всех городов общества, которое называется Ганза».⁵⁸⁴

Сведения о битве и были получены, очевидно, от ганзейских купцов, торговавших с Новгородом, о чем убедительно писал С. Н. Азбелев, специально изучавший вопрос о роли новгородцев в Куликовской битве.

В сообщении Альберта Кранца, доказывает С. Н. Азбелев, речь идет «о нападении литовского войска на новгородский отряд, возвращавшийся... в Новгород вдоль литовского рубежа. Весьма возможно, что справедливо и дополнительное указание Кранца, который пишет, что в этом нападении участвовали также и татары: часть бежавших с Куликова поля татар могла присоединиться к литовским отрядам... Сохранилась запись Епифания Премудрого, датированная 20 сентября 1380 г. (т. е. через 12 дней после Куликовской битвы): „...весть приде, яко литва грядут с агаряны“ (т. е. с татарами)... однако столкновение с новгородцами, очевидно, исчерпало военный потенциал литовского войска».⁵⁸⁵

⁵⁸² Тизенгаузен В. Г. Цит. соч., Т. II, с. 109.

⁵⁸³ Там же, Т. I, с. 389.

⁵⁸⁴ См.: Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». – В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. – М.-Л., 1966, с. 508.

⁵⁸⁵ Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора – Л., 1982, с. 162–163.

Германская «информация» о великой битве особенно существенна в том отношении, что иерарх католической церкви Альберт Кранц явно недоволен победой русских в «величайшем в памяти людей» (по его определению) сражении и не без злорадства сообщает о мести победителям, стремясь, к тому же, преувеличить ее действительные масштабы и значение.

Между тем в монгольском мире (например, в упомянутой ширазской хронике), не говоря уже о византийском, православном мире, разгром Мамай был воспринят совсем по-иному. И тут нельзя не вспомнить суждения о смысле Куликовской битвы, принадлежащие С. М. Соловьеву.

В своей знаменитой «Истории...» он писал, что «такой битвы, как Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; от подобных битв давно уже отвыкла Европа. Побоища подобного рода происходили... в начале так называемых средних веков... во время страшных столкновений между европейскими и азиатскими народами... Куликовская победа... была знаком торжества Европы над Азией...» Она должна была «решить великий в истории человечества вопрос – которой из этих частей света восторжествовать над другою? Таково всемирно-историческое значение Куликовской битвы».586

В этом несомненно ложном истолковании всемирно-исторического значения (опять-таки – несомненного!) Куликовской битвы выразилось, во-первых, мощное воздействие идеологии Запада (С. М. Соловьев, в сущности, преподносит Европу в качестве безусловного воплощения добра, а Азию – как бы «абсолютного зла»), и, во-вторых, недостаточная изученность реальной истории XIV века. Многочисленнейшие отдельные факты и, шире, тенденции этой истории, представленные на предыдущих страницах, опровергают господствующее до сих пор понимание Куликовской битвы как противоборства Руси с Золотой Ордой или – в глобальном смысле – Европы с Азией.

Мамаева Орда, конечно, имела азиатское происхождение, но всецело оторвавшийся и отчужденный от монгольского государства Мамай вступил в теснейший союз с генуэзцами Кафы, то есть с авангардной силой *Запада*, и стал выполнять его волю, его «задания», включился в ту политику, или, вернее, геополитику, которую Запад, руководимый папством, осуществлял в XIV столетии на всем протяжении «линии», отделявшей его от православной цивилизации.

В повестях и сказаниях конца XIV – начала XVI века не раз с полной определенностью утверждается, что Мамай имел целью сокрушение Православия, что он шел на Русь, дабы «разорить Православную Веру и осквернить Святые Церкви и всему Христианству хощеть покорену от него быти».

Особенно примечательно в этом отношении одно место из «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» (ввиду архаичности текста цитирую перевод М. А. Салминой): «Мамай же, подстрекаемый лукавыми советниками, которые христианской веры держались, а сами творили дела нечестивых (о том, кто же были эти «советники», стоит поразмыслить... – В.К.), сказал князьям и вельможам своим: «Захватчу землю Русскую, и церкви христианские разорю...».587

Золотая Орда вовсе не преследовала подобную цель; более того, XIV–XV века были периодом высочайшего расцвета Православия на Руси, что доказывается, например, в известном сочинении «Святые Древней Руси» Георгия Федотова – хотя этот автор, будучи принципиальным «западником», крайне негативно относился к Золотой Орде.

И еще одно. В знаменитом сборнике Владимира Даля «Пословицы русского народа» содержится (даже в двух вариантах) пословица: «Много нам бед наделали – хан крымский да папа римский» (издание 1957 г., с. 348; см. также с. 144). Объединение, сближение столь далеких друг от друга, казалось бы, не имеющих ничего общего источников «бед» было бы не очень логично, если бы не имела места та историческая реальность, о которой идет речь и

586 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II – М., 1960, с. 287.

587 Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века – М., 1981, с. 211.

которая запечатлелась так или иначе в сказаниях о Куликовской битве, где связаны, соединены хозяин Крыма Мамай, «фряжская» Кафа и Рим. Я отнюдь не утверждаю, что приведенная пословица непосредственно «отразила» реальность 1380 года, но все же считаю возможным усматривать в ней связь и с этой реальностью, след своего рода исторической прапамяти о ней.

В свете всего вышеизложенного становится всецело ясной «загадка», о которой мы говорили в самом начале: почему Русь почти полтора столетия не вступала в противоборство с Золотой Ордой, а против Мамаю вышла на бой столь решительно. Точно так же ясно и позднейшее – столетнее – «покорство» Руси Золотой Орде.

Но, как уже отмечалось, набег Тохтамыша на Москву через два года после Куликовской битвы вроде бы категорически противоречит предлагаемому пониманию исторической ситуации. И господствует представление, что этот набег был своего рода мстью за поражение Мамаю и актом восстановления якобы утраченной Золотой Ордой власти над Русью, хотя два описанных выше русских посольства к Тохтамышу – осенью 1380 года, сразу после битвы, и в начале 1381 года, после окончательного разгрома Мамаю самим Тохтамышем – свидетельствуют, что Москва вовсе не имела намерения разорвать свои вассальные отношения с Золотой Ордой.

Пути к пониманию существа дела достаточно четко намечены в уже упомянутом исследовании И. Б. Грекова «Восточная Европа и упадок Золотой Орды» (1975), где показано, что Куликовская победа коренным образом изменила все соотношение сил.

Дмитрий Донской стал после нее, писал исследователь, «наиболее могущественной политической фигурой Восточной Европы», что особенно очевидно выразилось в событиях в Великом княжестве Литовском: «Если накануне битвы лишь отдельные литовско-русские князья (речь идет о Гедиминовичах, правивших на землях с русским, точнее, с западнорусским населением. – В.К.) сотрудничали с Москвой... то после победы на Куликовом поле заметно сократилось число активных сторонников Ягайло в Литовской Руси, а вместе с тем резко увеличился круг явных союзников Дмитрия Донского из среды феодалов, православного духовенства и горожан Литовско-Русского государства».⁵⁸⁸

Особенно существенно, что активным сторонником прочного союза с Москвой явился князь Кейстут (сын Гедимины, дядя Ягайло), о чем подробно говорится и в книге И. Б. Грекова, и в развивающем эти ее идеи тщательном исследовании украинского историка Ф. М. Шабунько «Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовской (Киев, 1987), который пишет, в частности:

«В октябре 1381 г. князь Кейстут, опираясь на поддержку группировавшихся вокруг него русских и литовских феодалов, захватил Вильно и отстранил от власти Ягайло, дискредитировавшего себя союзом с Мамаем. Став великим князем литовским, Кейстут проводил политику сближения с Московским великим княжеством» (с. 132).

Если ранее Русь постоянно ослаблял непрекращавшийся натиск со стороны Литвы, то после Куликовской победы Москва обрела возможность стать объединяющим центром Восточной Европы в целом. Очень характерно, что ближайшим сподвижником Дмитрия Ивановича стал тогда *литовский* князь Остей – внук того самого Ольгерда, который многократно предпринимал агрессивные походы на Москву; и особенно знаменательно, что именно Остею Дмитрий Иванович – который, как сказано в летописи, сам «не подъя руки на царя» – поручил *возглавить* оборону Москвы во время набега Тохтамыша!

Выразившееся в обрисованных только что фактах небывалое до того возвышение роли Москвы, надо думать, глубоко беспокоило искушенного в политических делах Тохтамыша, и он счел необходимым нанести жестокий удар по Москве, опасаясь дальнейшего расширения ее политической роли и роста ее могущества. Почти одновременно с набегом Тохтамыша, в том же августе 1382 года, Ягайло в Литве сумел свергнуть и убить союзника Москвы Кейстута...

И то и другое являло собой, конечно, поражение Москвы; однако плоды победы на Куликовом поле, во всем ее охарактеризованном выше значении и смысле, эти поражения не перечеркивали. Московская Русь обрела в этой победе незыблемую основу грядущей великой

⁵⁸⁸ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV-XV вв.). – М., 1975, с. 137.

мировой державы, что стало выявляться уже при Иване III. Это было бы, конечно, невозможно, если бы Дмитрий Иванович выходил на Куликово поле, чтобы не платить большую дань Мамаю (а именно так, увы, толкуют причину столкновения многие нынешние историки).

Стоит в связи с этим сказать, что сам поэтический образ Куликовской битвы в «Сказании о Мамаевом побоище» представляет ее как грандиозное, прямо-таки «геологическое» потрясение. Накануне битвы – воистину прекрасное природное бытие: «...осень же бе тогда долга, и днем летним еще сияющим и теплота бысть и тихость»; однако на рассвете 8 сентября «земля гремит, а ту грозу подает на восток до моря, на запад же паки до Дуная. Поле же то Куликово пригибающися, вострепета лузи (луга) и болота, реки и озера из мест своих выступиша...» Слово здесь как бы само по себе воплотило осознание великого значения битвы...

Господствующее представление о Куликовской битве, в сущности, сводит ее к «внутреннему» конфликту в Золотой Орде: одно из входивших в эту Монгольскую империю государственных образований «взбунтовалось» против верховной власти... На деле же, как я стремился показать, Русь в 1380 году выступила против, в полном смысле слова, *всемирной* силы, в которой объединились воля авангарда тогдашнего Запада и мощь азиатского воинства. И Куликовская битва явилась непосредственным выходом Московской Руси на мировую арену и победоносным ее утверждением во всемирной истории – о чем, в частности, осязаемо свидетельствуют отзвуки этой битвы на громадном евроазиатском пространстве от Гамбурга до Шираза (о чем есть точные сведения). Этот истинный смысл сражения на Непрядве всегда так или иначе присутствовал в национальном сознании, но начиная с XVIII века историки, находившиеся под своего рода излучением западной идеологии, затемняют его, толкуя великую битву как попытку свержения азиатской золотоордынской власти, к тому же не достигшую своей цели попытку.

Не исключено, что те или иные читатели воспримут как некую странность или даже нелепость свершившееся в 1370-х годах объединение Запада прежде всего – в лице генуэзцев) с азиатской Мамаевой Ордой в походе на Русь. Но есть ведь и другой, позднейший и не менее яркий пример: объединение Запада с Турецкой империей в Крымской войне против России в 1830-х годах (и опять-таки «узел» – Крым!). Сопоставление этих событий способно многое прояснить. И такого рода ситуация может возникнуть и в наше время. Куликовская битва – не только слава прошлых времен, но и *урок на будущее*.

В истории можно обнаружить поистине удивительные соответствия и переклички. Как показано выше, одним из виднейших деятелей эпохи Куликовской битвы был москвич итальянского происхождения Захарий Тютчев. А наиболее глубокое понимание сущности *Крымской войны* 1830-х годов высказал его прямой потомок (в пятнадцатом поколении) Федор Тютчев, который затем в качестве главного советника министра иностранных дел А. М. Горчакова сыграл самую весомую роль в дипломатическом преодолении тяжких последствий этой войны; все это подробно освещено в моей книге «Тютчев» (1988, 2-е изд. – 1994).

Как ни странно (и как ни прискорбно), преобладающее большинство русских людей не имеет верного представления о Крымской войне, которая была атакой на Россию объединившихся сил Запада и Востока. Авторитетный – и, надо признать, весьма объективный – английский историк Алан Тэйлор писал об этой войне через сто лет после нее, в 1954 году:

«Крымская война... стоила жизни почти полумиллиона (! – *В.К.*) человек, и общее число потерь превысило потери, понесенные в результате любой войны из тех, что велись на протяжении ста лет после Венского конгресса (то есть на протяжении 1815–1914 годов. – *В.К.*)... Из пяти вторжений в Россию, совершенных в современную эпоху – вторжение Наполеона в 1812 году, Англии и Франции (разумеется, совместно с Турецкой империей. – *В.К.*) в 1854 году, Германии – в 1916–1918 гг., держав Антанты – в 1919–1920 гг., Гитлера – в 1941 г. – это было, безусловно, *самое успешное* . После 1856 года Россия оказывала на европейские дела меньше влияния, чем в любой период...» (Тейлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. – М., 1958, с. 120. – Курсив мой. – *В.К.*)

То, что Тейлор сформулировал в 1950-х годах, Тютчев высказал еще в 1850-х, и он глубоко и остро воспринимал вроде бы неожиданный и даже несообразный союз христианских

стран Запада с мусульманской Турцией против христианских же России и славянских народов, выразив свое отношение к этому союзу, в частности, в саркастическом и гневном стихотворении под названием «Современное»:

*Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно, блещет море,
И ликует Цареград.
И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.
Угощает он на славу
Милых западных друзей –
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей...
Пушек гром и мусикия!
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал...
Как в роскошной этой раме
Дивных гор и двух морей
Веселится об исламе
Христианский съезд князей!
И конца нет их приветам,
Обнимает брата брат...
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!..
Только там, где тени бродят
По долинам и горам
И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам, –
Только там, где тени бродят,
Там, в ночи, из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан... 589*

Уместно обратиться здесь и к творчеству выдающегося современного поэта Юрия Кузнецова, который, пожалуй, более чем кто-либо продолжает тютчевские традиции. В 1986 году он создал стихотворение «Петрарка», имеющее прямое отношение к обсуждаемым проблемам. В главе «Византийское и монгольское „наследства“ в судьбе России» было показано, что «великий гуманист» Франческо Петрарка (1304–1374) яро призывал генуэзцев громить «малодушных гречишек» и вообще «выкорчевать» их «позорную империю» – Византию. В другом своем послании в Геную, отправленном незадолго до Куликовской битвы, он писал о массе привезенных генуэзцами из «Скифии» (то есть, в частности, из Руси) рабов как об отвратных «недочеловеках»; Петрарку возмущал не сам факт работорговли, но обилие на улицах Генуи «люда» со «скифскими чертами».

В поэтическом мире стихотворения Юрия Кузнецова «гуманист» XIV века Петрарка «перенесен» в 8-ю итальянскую армию, которая в конце 1942 года пришла на Дон и вскоре была полностью разгромлена недалеко от Куликова поля, куда в 1380 году также заявили соплеменники Петрарки (их в Мамаевом войске было, очевидно, немного, но их политическая

589 Под властью турецкого султана находились тогда 12 млн. православных христиан...

роль была первостепенной). Вот это подлинно гуманистическое стихотворение, предваренное эпиграфом:

ПЕТРАРКА

И вот непривычная, но уже нескончаемая вереница подневольного люда того и другого пола омрачает этот прекраснейший город скифскими чертами лица и беспорядочным разбродом, словно мутный поток чистейшую реку; не будь они своим покупателям милее, чем мне, не радуй они их глаз больше, чем мой, не теснилось бы бесславное племя по здешним узким переулкам, не печалило бы неприятными встречами приезжих, привыкших к лучшим картинам, но в глубине своей Скифии вместе с худою и бледною Нуждой среди каменистого поля, где ее (Нужду) поместил Назон, зубами и ногтями рвало бы скудные растения. Впрочем, об этом довольно.

Петрарка. Из письма Гвидо Сетте, архиепископу Генуи. 1367 г. Венеция

*Так писал он за несколько лет
До священной грозы Куликова.
Как бы он поступил – не секрет,
Будь дана ему власть, а не слово.
Так писал он заветным стилем.
Так глядел он на нашего брата.
Поросли б эти встречи быльем,
Что его омрачали когда-то.
Как-никак шесть веков пронеслось
Над небесным и каменным сводом.
Но в душе гуманиста возрос
Смутный страх перед скифским разбродом.
Как магнит потянул горизонт,
Где чужие горят Палестины.
Он попал на Воронежский фронт
И бежал за дворы и овины.
В сорок третьем на лютном ветру
Итальянцы шатались как тени,
Обдирая ногтями кору
Из-под снега со скудных растений.
Он бродил по тылам, словно дух,
И жевал прошлогодние листья.
Он выпрашивал хлеб у старух –
Он узнал эти скифские лица.
И никто от порога не гнал,
Хлеб и кров разделяя с поэтом.
Слишком поздно других он узнал.
Но узнал. И довольно об этом.*

Выше приводились суждения из «ранних» сочинений выдающегося английского историософа Арнольда Тойнби, в которых он «оправдывал» завоевание Западом восточноевропейских земель, не входивших в пределы православной цивилизации и по сути дела «замалчивал» факты мощной западной агрессии в отношении самой этой цивилизации – то есть прежде всего Руси-России.

Но в написанном позднее, в 1952 году, кратком рассуждении «Россия и Запад» Тойнби сумел преодолеть свою прежнюю, скажем так, «слепоту», 1941-й год словно бы заставил его открытыми глазами взглянуть в историю и «замечать», что русские земли «были оккупированы западными армиями в 1941, 1915, 1812,⁵⁹⁰ 1709 и 1610 годах». (Тойнби А. Дж.

⁵⁹⁰ Здесь странно «пропущен» роковой 1854-й – возможно, потому, что историософу не хотелось поставить английскую агрессию в один ряд с германской, французской, шведской...

Цивилизация перед судом истории – М., 1995, с. 156); далее Тойнби упомянул и о более ранних атаках Запада на Русь, к которым мы еще вернемся.

Прежде необходимо со всей определенностью сказать, что в историографии явно господствует сугубо поверхностное и узко «*политическое*» представление о великой войне, начавшейся 22 июня 1941 года. Ее толкуют только как порождение «гитлеризма», то есть явления, существовавшего в Германии в 1920–1940-х гг., а страны Запада в целом рассматриваются лишь как «жертвы» этого самого гитлеризма, якобы всеми силами боровшиеся против него. В действительности реальное, могущее считаться выражением воли страны *сопротивление* имело место только в части Югославии и в Греции.

Десяток (из общего числа двух с половиной десятков) стран Запада непосредственно *участвовали* в войне против России (СССР), открыто объявляя об этом и отправляя на русский фронт свои воинские силы (Италия, Испания, Дания, Норвегия, Финляндия, Венгрия, Румыния, Словакия, Хорватия). А почти все остальные западные страны так или иначе обеспечивали этот фронт оружием, боеприпасами, продовольствием и т. п.

Впрочем, подробное изложение проблемы будет дано, естественно, в другом томе этого моего сочинения – «История России в XX веке. Опыт беспристрастного исследования». Здесь же скажу только, что Тойнби – и это делает ему честь – смог вскоре после окончания войны 1941–1945 годов осознать ее глубокий исторический смысл, поставив ее в один ряд с войнами 1709, 1812 гг. и т. д.

Более того: заново осмыслив в свете этой войны тему «Россия и Запад», Тойнби совсем иначе, чем ранее, понял соотношение Запада и остального мира в целом: «Западный человек, – написал в 1952 году английский историософ, – который захочет разобраться в этой теме, должен будет хотя бы на несколько минут покинуть «свою кочку» (вот именно! – *В.К.*) и посмотреть на столкновение между остальным миром и Западом глазами огромного большинства человечества. Как бы ни различались между собой народы мира... на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все – русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные – ответят одинаково. Запад, скажут они – это агрессор... У большинства западных людей эти обвинения вызовут удивление, шок и печаль и даже, вероятно, возмущение (как и, добавлю от себя, у «западнически» настроенных жителей России – *В.К.*)... Мы слишком легко забываем, что германцы, напавшие на своих соседей, включая Россию, в первой мировой войне и повторившие свою агрессию во второй, тоже принадлежат к Западу... И, без сомнения, суждение мира о Западе определенно подтверждается в последние четыре с половиной столетия... За все это время мировой опыт общения с Западом показывает, что Запад, как правило, всегда агрессор» (с. 156, 157).

Тойнби отнес начало агрессии Запада против остального мира к рубежу XV–XVI веков («последние четыре с половиной века», отсчитывая от 1952 года), но Россия, не отделенная от Запада морями и океанами, стала испытывать его агрессию, как писал далее Тойнби, намного ранее, – «в XIII веке, после нашествия татар на Русь. Татарское иго (вернее, непосредственное монгольское присутствие на Руси. – *В.К.*) продолжалось недолго, ибо татары были степными кочевниками и не могли укорениться в русских лесах и полях. В результате ... Русь потерпела убытки, в конце концов, не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси, для того чтобы отрезать от нее и присоединить к западнхристианскому миру западные русские земли... Только в 1945 году России удалось вернуть себе те *огромные территории*, которые западные державы отобрали у нее в XIII и XIV веках» (с. 157).

Последняя фраза не вполне точна, поскольку отторгнутые в XIII–XIV вв. Русские земли были почти целиком возвращены еще в XVIII веке (и вновь отторгнуты – до 1945 года – во время революции). Но в принципе Тойнби вполне прав. И нетрудно понять, что осознанное английским мыслителем реальное соотношение Руси и Запада объясняет, почему Куликовская битва, которая вроде бы была битвой с азиатским воинством, по внутренней своей сути являлась результатом акции Запада, сумевшего направить на Русь Мамай и Ягайло...

В деле понимания хода истории уместны два различных, даже противоположных

«метода»: глубокое осмысление определенного исторического «начала», в котором, как в зерне, заложено последующее, грядущее развитие, и, напротив, пристальное внимание к тому или иному «итогу», плоду длительного движения истории.

На первых страницах этой главы моей книги говорилось, что истинная суть деятельности Александра Невского особенно ясно раскрывается в свете произошедшей намного позже (почти через 120 лет после его кончины) Куликовской битвы. И это было по-своему осознано еще в давние времена; в одном из повествований о житии благоверного князя Александра речь идет о «чуде», свершившемся в ночь на 8 сентября 1380 года у его гробницы во Владимире: «...два старца честна изыдоста от святого олтаря и приидоста ко гробу блаженного Александра и глаголаста: „О господине Александре, востани и ускори на помощь правнуку своему, великому князю Дмитрию...“ И в той час святой великий князь Александр воста из гроба и... со обема старцама вскоре невидимы быста» (то есть перенеслись на Куликово поле).

Собственно говоря, определившая всю последующую историю Руси роль Александра Ярославича вполне «наглядно» и, в сущности, неоспоримо выразилась в том, что именно его *прямые потомки* оказались, в конечном счете, во главе исторического движения Руси, – несмотря на все нелегкие препятствия.

Дело в том, что с точки зрения тогдашнего порядка престолонаследия судьба потомства Александра сложилась очень неблагоприятно. После его кончины Русью правили, как и полагалось, его младшие братья Ярослав и, затем, Василий (до его смерти в 1276-м году). Далее, власть законно перешла к сыновьям Александра – князьям Дмитрию и, затем, Андрею. Однако ко времени кончины Андрея Александровича в 1304 году ни у него, ни у умершего ранее, в 1294 году, Дмитрия не осталось наследников, – их сыновья скончались в юном возрасте...

И «династия» Александра Невского в 1304 году как бы бесповоротно пресеклась. Хотя имелись налицо пятеро его внуков – Юрий, Иван и малолетние Борис, Александр и Афанасий Даниловичи, – все они были сыновьями *самого младшего* сына Александра, Даниила, который до своей кончины, свершившейся в 1303 году (то есть раньше смерти Андрея), правил еще не столь уж значительным тогда Московским княжеством и, скончавшись раньше своих старших братьев, не «успел» занять великокняжеский престол. И, согласно традиции, его сыновья не имели прав на великое княжение Владимирское.

Великим князем Владимирским в 1305 году стал тверской (Тверь была в то время намного более значительным городом, чем Москва⁵⁹¹) князь Михаил – сын одного из *младших* братьев Александра Невского, Ярослава Ярославича, который – в отличие от Даниила – побывал великим князем.

Но внук Александра Невского, князь Московский Юрий Данилович, не был согласен с таким решением – надо думать, именно как потомок, наследник своего великого деда. И между Михаилом Тверским (а после его гибели – его сыном Дмитрием) и, с другой стороны, Юрием Московским началась долгая и упорная борьба за верховную власть.

К сожалению, с давних пор господствует сугубо тенденциозная «оценка» соперников в этой борьбе: Михаил Тверской преподносится как благородный и бескорыстный «рыцарь», а Юрий Московский – в качестве низменного злодея. Между тем многочисленные исторические факты дают все основания для вывода, что соперники, как говорится, стоили друг друга, и речь должна идти, если уж на то пошло, не о превосходстве одного из соперников, но о присущей им обоим *шаткости* нравственных устоев, порожденной всей ситуацией эпохи монгольской власти над Русью.

Так, из летописей известно, что Михаил Тверской еще задолго до своего столкновения с Юрием Московским, в конце 1280–1290-х годах, вел борьбу за власть с сыном Александра Невского Андреем (вполне «законным» великим князем!), – притом даже обращался за поддержкой к монгольскому темнику Ногаю, который сумел тогда захватить («незаконно»!)

⁵⁹¹ Правители Твери еще с 1280-х годов именовались «великие князья Тверские» (правда, статус «великих князей Владимирских» был гораздо выше), а правители Москвы стали зваться «великими князьями Московскими» только с 1328 года.

огромную власть в Орде; все это подробно показано в классическом исследовании А. Н. Насонова «Монголы и Русь».⁵⁹²

Когда же в 1299–1300 году Ногай был разгромлен и убит законным ханом Золотой Орды Токтой, Михаил предпочел помириться и вступить в союз с тем же самым Андреем Александровичем, с которым он ранее враждовал... И перед смертью, постигшей его в 1304 году, Андрей назвал своим преемником Михаила, и тот отправился в Золотую Орду к хану Токте за «ярлыком» на великое княжение.

В то же время, о чем уже сказано, внук Александра Невского Юрий Данилович полагал, что именно он – после кончины последнего Александровича, Андрея, – должен стать великим князем и также явился к Токте. Однако вопрос был решен ханом в пользу Михаила.

Юрий, очевидно, резко высказал свое несогласие, и, возвратившись из Орды, Михаил тут же «пошел ратью» на Москву, чтобы раздавить непокорного соперника. Его поступок явился *первой* военной акцией в противоборстве с Юрием, и уже из одного этого вполне ясно, что столь широко распространенное до сих пор категорическое «предпочтение» Михаила Юрию сомнительно.

Как же возникла своего рода «идеализация» тверского князя? После позднейшей жестокой казни Михаила в Орде (в 1318 году; об этом еще будет речь) в Твери была создана трагическая повесть «Убиение великого князя Михаила Ярославича», которая, вполне естественно, создавала высоко положительный образ князя-мученика. А впоследствии «либеральная» историография и публицистика, всячески осуждавшая «собиравших» Русь московских правителей за их стремление к твердому единовластию, опираясь на эту повесть, постоянно противопоставляла Михаила Тверского и его сыновей москвичам Юрию и Ивану (Калите) Даниловичам, которых наделяли всеми возможными пороками.

Чтобы яснее увидеть тенденциозность этого противопоставления, проследим действия Михаила Тверского в годы его великого княжения. Его поход на Москву в 1305 году с целью усмирить или даже уничтожить своего соперника Юрия был отражен, но через два года Михаил «ходил в другие (во второй раз. – В.К.) к Москве ратью, всею силою, и бысть бои у Москвы... и града не взяше, и не успевше ничто же, възвратишася».

На некоторое время Михаил прекратил свои атаки на Юрия, но затем, – по-видимому, в 1311 году, – сын Михаила «Дмитрей Михайлович Тферский, собрав вои многи, и хоте ити ратью... на князя на Юрья, и не благослови его Петр митрополит». А позднее – при новом хане, Узбеке, – Михаил Тверской прибег к «крайнему» средству в борьбе с Юрием. Проведя два года в Орде, он заручился там поддержкой, и в 1315 (или 1316) году «прииде из Орды князь великий Михаиле, а с ним посол Тяитемерь и татарове силны, и много зла учинили в Русской земли». То есть опять-таки именно Михаил в своем конфликте с Юрием *первым* привел на помощь ордынскую воинскую силу!

Уже затем отправился за помощью в Орду Юрий, и ему удалось склонить хана Узбека на свою сторону (можно предположить, что Михаил ранее заручился поддержкой не самого хана, но тех или иных властных лиц в Орде). И в 1317 году Узбек неожиданно передал – правда, ненадолго – великое княжение Владимирское Юрию и выдал за него свою сестру Кончаку.

Михаил не признал верховенства Юрия, и в конце 1317 года уже как раз «Юрь Данилович приходил ратью великою к Твери... бои велик, сеча зла, и... князь Михаиле изможе (осилил), и побиша московскую рать, а иныа разбегошася, а князя Бориса (младший брат Юрия. – В.К.) яша руками и Кончака, княгиню Юрьеву, и поведоша их в Тферь, и тамо зельем уморена бысть Кончака, княгиня великаа Юрьева, сестра царева» (хана Узбека).

Версия об отравлении Михаилом ханской сестры была, вероятнее всего, клеветой, но так или иначе обоих князей вызвали в Орду на «суд». Михаил был признан виновным в различных «грехах» и убит при участии Юрия (точнее, его людей). Это – конечно же, отвратительное – завершение борьбы Михаила и Юрия стало основой для их категорического

⁵⁹² Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси) – М. – Л., 1940, с. 71–78. В дальнейшем изложении я опираюсь также на новейшее высококвалифицированное исследование: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984.

противопоставления. Однако нельзя забывать, что ведь и Михаил в своей борьбе не брезговал никакими средствами и, по всей вероятности, не остановился бы перед убийством Юрия, – что и сделал позднее (о чем – ниже) его старший сын Дмитрий. Жестокая борьба между двумя княжескими ветвями – Ярославичами и Александровичами – была обоюдной, и к тому же, как уже говорилось, Михаил *первым* применил в этой борьбе свою воинскую, а затем даже ордынскую силу.

Говоря обо всем этом, я отнюдь не преследую цель принизить Михаила Тверского и возвысить – за его счет – Юрия. В конце концов, тверской князь искупил все свои грехи истинно мученической кончиной, принятой им, согласно его житию, с высокой духовной твердостью, – что и дало основание для причисления его к лику святых мучеников. Нельзя не сказать также, что Юрий, конечно, опорочил себя участием в казни Михаила, продиктованной ханом, – между тем как убийство самого Юрия было личным возмездием Михайлова сына за смерть отца.

И мои возражения против господствующей трактовки конфликта Михаила и Юрия (и последующих столкновений тверских и московских князей) призваны только скорректировать «либеральную» историографическую традицию, задачей которой являлась *дискредитация* стремившихся установить твердую власть на Руси московских князей; всестороннее «очернение» Юрия явно было для этой традиции средством, способом идеологического воздействия.

Ни в коей мере не подвергая сомнению тот факт, что Михаил Тверской – трагический герой русской истории, нельзя вместе с тем согласиться с превращением Юрия Московского в своего рода скопище всяческого зла. Так, в частности, Юрий преподносится как бесстыдный своекорыстный «холоп» Орды, который за свою рабскую преданность и был, мол, в 1317 году награжден великим княжением Владимирским. Между тем уже в 1322-м хан Узбек лишил Юрия верховной власти (конкретная причина этого историками не выяснена, но существен сам факт) и передал ее не кому-нибудь, а старшему сыну убитого Михаила – Дмитрию! Притом, получив власть, Дмитрий при первой же своей встрече с Юрием 21 ноября 1325 года (она состоялась в той же Орде) без всяких разбирательств убил его. Правда, сам Дмитрий через девять месяцев, 15 сентября 1326 года, был убит там же, в Орде. В этом усматривают ханское наказание за убийство Юрия, но такая версия едва ли основательна.

Во-первых, именно хан Узбек ранее отстранил Юрия от великого княжения; во-вторых, неправдоподобно, что наказание Дмитрию последовало лишь спустя почти год после убийства Юрия; в-третьих, известно, что вместе с Дмитрием был тогда убит в Орде князь Новосильский Александр, явно не имевший никакого отношения к гибели Юрия. И не исключено, что оба князя – Дмитрий Тверской и Александр Новосильский – были убиты в результате какой-либо ссоры, и уж, во всяком случае, не по повелению хана Узбека, который после убийства Дмитрия тут же передал великое княжение другому, младшему сыну Михаила Тверского Александру, а не младшему брату Юрия Московского – Ивану (Калите).

Итак, после очень краткого – с 1317 по 1322 год – правления Юрия власть над Русью опять перешла к потомкам младшего брата Александра Невского – Ярослава, который, надо сказать, имел мало общего со своим великим старшим братом (и даже враждовал с ним).

Однако вскоре же выявилась, можно сказать, полная «неспособность» Александра Михайловича к управлению страной в сложной ситуации того времени. Летом 1327 года к Александру прибыло ордынское «посольство» во главе с двоюродным братом хана Узбека, Чолханом, которого на Руси называли Шевкалом. Впоследствии возникла легенда, что Шевкал будто бы имел некие глобальные злодейские планы, но из первоначальных летописных сообщений ясно только, что присутствие ордынцев в Твери вызвало настороженность населения.

Следует в связи с этим сказать, что многие люди неверно представляют себе монгольскую власть как непосредственно управлявшую городами Руси; на деле управление было «доверено» русским князьям, и даже сборщики дани – баскаки – находились на Руси только до 1270-х годов (хотя позже и имели место отдельные исключения). Поэтому появление в Твери многолюдного ордынского посольства породило напряженность.

И частный – даже «курьезный» – случай привел к мощному бунту: «15 августа месяца...

диакон тферитин, прозвище ему Дудко, поведе кобылицу младу и зело тучну, напоити ю на Волзе воды. Татарове же, видевшие, отъяша ю, диакон же, съжаливьси зело, начат въпити, глаголя: „О мужи тферстии, не выдавайте!“... и поворотися град весь и весь народ в том чаше събрася... и начаша избивати татар... и самого Шевкала убиша. И всех по ряду...»

Есть основания полагать, что крайнее возмущение тверичей вызвало даже не само по себе «отъятие» кобылы, но намерение ордынцев (с *русской* точки зрения совершенно «пакостное») употребить ее – «молодую и очень тучную» – в пищу...

Так или иначе бунт тверичей был заведомо «бессмысленным и беспощадным» (по пушкинскому слову); они или не понимали, или никак не хотели понять, что Орда неизбежно ответит жестоким возмездием (что тут же и произошло).

Некоторые источники утверждают, что во главе бунта стоял будто бы сам великий князь Александр Михайлович, но это, несомненно, безосновательная выдумка. Другое дело, что после бунта Александр малодушно бежал из Твери в Псков и затем в Литву (его покойный брат Дмитрий был женат на дочери великого князя Литовского Гедимина) и только спустя десять лет, в 1337 году, отважился прибыть к хану Узбеку с «повинной». Поскольку хан, очевидно, сознавал, что Александр не мог поощрять столь бессмысленные действия тверичей в 1327 году, ему был возвращен пост великого князя Тверского, – но уже без добавления титула князя Владимирского... Кстати, на время «эмиграции» Александра хан утвердил великим князем Тверским его младшего брата, Константина, который затем, в 1337-м, уступил свое место возвратившемуся в Тверь старшему брату.⁵⁹³

Определяя тверской бунт 1327 года как «бессмысленный», я прежде всего имею в виду, что он никак не мог способствовать освобождению от ордынской власти, – хотя те или иные историки толкуют его в качестве некоего важного шага на пути к независимости Руси. Как раз напротив: после неизбежной и тяжелейшей карательной акции хана Узбека (так называемая «Федорчукова рать» конца 1327 года) Тверь уже не проявляла непокорства по отношению к Орде.

А в конце 1360 – первой половине 1370-х годов тогдашний великий князь Тверской Михаил Александрович – сын того самого Александра, при котором в Твери разразился бунт, – вступил в теснейший союз с Мамаем и только после долгого и упорного воздействия со стороны Дмитрия Донского и даже прямой его войны с Тверью в 1375 году отказался от этого союза...⁵⁹⁴

Вместе с тем, нельзя не видеть, что бунт тверичей свидетельствовал о той неистребимой глубинной «воле», которая присуща русскому народу, и, между прочим, бунт этот лишний раз побуждает усомниться в правоте цитированного выше суждения В. О. Ключевского, согласно которому вплоть до 1380 года русскими людьми всецело владел-де «безотчетный ужас» перед ордынцами.

Но вернемся к «проблеме» потомков Александра Невского. Хотя и принято считать, что и Юрий, и Иван Даниловичи «прислуживались» к ордынским ханам и, с другой стороны, вызывали у них особое сочувствие, на деле в течение почти трех десятилетий им не предоставлялось великое княжение Владимирское – за исключением одного краткого периода (как уже сказано, в 1317 году Юрий получил сей титул, но уже в 1322-м хан Узбек, по-видимому, счел свое решение ошибкой и передал верховную власть Дмитрию – сыну казненного четыре года назад Михаила Тверского).

Бунт 1327 года, так сказать, дискредитировал князей Тверских, оказавшихся неспособными обеспечить «порядок», но Владимирский престол все же не был отдан Ивану Московскому, – хотя во многих сочинениях историков (и, увы, в энциклопедиях) ошибочно утверждается, что-де Иван Калита уже в 1328 году стал великим князем Владимирским (то есть

⁵⁹³ Мне могут возразить, что через два года, в 1339 году, Александр был все же убит в Орде, но, как показал А. Н. Насонов (см. его цит. соч., с. 102), это объяснялось связью Александра с Литвой, с которой в этом году Орда вела войну. К тому же великим князем Тверским снова стал в 1339-м брат Александра Константин.

⁵⁹⁴ См. об этом: Насонов А. Н., цит. соч., с. 128–135 и Прохоров Г. М. Повесть о Митяе, с. 34–38.

«всёя Руси»). В действительности Иван – в связи со значительным ростом Московского княжества к этому времени – стал называться в 1328 году «великим князем *Московским*» (подобно тому, как еще значительно ранее, с конца 1280-х годов, Михаил звался «великим князем Тверским»). А на владимирский престол был возведен тогда князь Суздальский Александр Васильевич – внук младшего брата Александра Невского, Андрея Ярославича. Надо подчеркнуть, что он – как внук *младшего* брата Александра Невского – имел меньше прав на верховную власть, чем Иван Данилович. И все-таки лишь после смерти Александра Васильевича, в 1332 году, Иван Данилович Калита стал великим князем Владимирским.

Из вышеизложенного естественно сделать вывод, что потомки Александра Невского – вопреки мнению многих историков – вовсе не были такими уж «любимцами» Орды. И обретение Иваном Даниловичем в 1332 году верховной власти явилось закономерным итогом, плодом многолетней деятельности самого Ивана и его старшего брата Юрия, а вовсе не «подарком» хана Золотой Орды.

Как уже сказано, к 1305 году ушли из жизни все сыновья и внуки Александра Невского – кроме сыновей младшего Александровича, Даниила. И именно они продолжили историческое творчество своего великого деда. Это, например, ясно выразилось в их взаимоотношениях с Церковью. Выше шла речь о том, что Александр Невский сумел, в сущности, «перетянуть» из Киева во Владимир тогдашнего главу русской Церкви – митрополита Киевского (с конца 1240-х до 1281 года) Кирила II. С 1252 года и до конца жизни Кирил чаще пребывал во Владимирской, чем в Киевской земле, а его преемник, митрополит Максим (1283–1305), уже сделал Владимир своей резиденцией.⁵⁹⁵

Юрий и Иван Даниловичи, явно следуя завету деда, приложили все усилия для того, чтобы следующий митрополит, Петр (1308–1326), перешел из Владимира в Москву, и фактически это совершилось, а поскольку Петр скончался именно в Москве и был погребен в воздвигнутом с его благословения Московском Успенском соборе, его преемник митрополит Феогност (1328–1353) окончательно обосновался в Москве, которая тем самым стала *духовной столицей* Руси.

К этому необходимо добавить, что соперник Юрия и Ивана Михаил Тверской, будучи в первое десятилетие правления митрополита Петра великим князем Владимирским, вступил с ним в поистине «легкомысленное» с его стороны противоборство.⁵⁹⁶ В этом – как, впрочем, и во многом другом – выразилась несостоятельность политической линии князей Тверских, долго претендовавших на верховную власть над Русью.

Совсем по-иному действовал Иван Данилович Калита, и в 1332 году, после кончины Александра Суздальского, у хана Узбека, в сущности, не было выбора, не было возможности признать великим князем всёя Руси кого-либо еще кроме Ивана: остальные тогдашние князья слишком резко уступали ему по своему авторитету и попросту не сумели бы осуществлять управление, соблюсти «порядок» на Руси, – что было необходимо ведь и в интересах Золотой Орды.

Здесь следует осветить один по-своему немаловажный вопрос. Как показано выше, в XII веке (фактически с 1157 года, «юридически» несколько позже) столица Руси переместилась из Киева во Владимир. Обычно считают, что после возвышения Ивана Калиты – то есть в 1332 (дата 1328 неверна, так как «великим князем Владимирским» стал тогда князь Суздальский Александр) произошло новое перемещение столицы – в Москву. Но это не совсем так. И Иван Калита, и его сыновья-преемники – Семен Гордый и Иван II Красный (правивший до своей кончины в 1359 году) именовались «великими князьями Владимирскими», хотя пребывали в Москве (и имели второй, менее «важный» титул – «великие князья Московские»). То есть – пусть хотя бы только юридически – столицей все же оставался Владимир.

И лишь при Дмитрии Донском титул «великий князь Московский» стал первостепенным,

⁵⁹⁵ См.: Шапов Я. Н. Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. – М., 1989, с. 205.

⁵⁹⁶ Сахаров А. М. Церковь в период монголо-татарского ига. – в кн.: Русское православие: вехи истории – М., 1989, с. 73–75.

главным (идентичным титулу «великий князь всея Руси»). Поэтому следует признать, что Владимир так или иначе был «престольным городом» Руси в течение более двухсот лет, а Москва окончательно обрела статус столицы после Куликовской битвы. Смысл перемещения центра Руси из Владимира в Москву нуждается в особом изучении; возможно, город на Клязьме предстал – в свете геополитической ситуации XIV века – как расположенный *восточнее*, чем было необходимо для столицы.

Вместе с тем Иван Калита с 1332 года являлся – несмотря на то, что пребывал в Москве, а не во Владимире – правителем «всея Руси». Как четко сформулировала летопись, «седе князь великий Иван Данилович на великом княжении всеа Руси, и бысть оттоле тишина велика на 40 лет». Поскольку князем «всея Руси» Иван Калита стал в 1332 году, «тишина» (то есть мир) на Руси установилась, если быть вполне точным, не на 40, а на 42 года, – до, пользуясь выразительным летописным словом, *розмирия* с Мамаем, которое началось в 1374 году и о котором подробно говорилось выше (война с Мамаем, как мы видели, вовсе не являлась войной с Золотой Ордой).

Начиная с Ивана Калиты потомки Александра Невского правили «всею Русью» более чем четверть тысячелетия, до 1398 года, – и среди них внук Ивана Калиты, Дмитрий Донской, и правнук последнего – Иван III Великий, и это наследование, как представляется, имело исключительно существенное значение.

Я имею в виду отнюдь не «наследственность» в биологическом, или, точнее, антропологическом смысле, но продолжение государственной деятельности прямого предка правителей Руси XIV–XVI веков. Внуки, правнуки и т. д. Александра Невского, без сомнения, так или иначе соизмеряли все свои действия с его политической волей в отношении и Монгольской империи, и католического Запада, что воплотилось и в кровавой Куликовской битве 1380 года, и в бескровном отвержении Иваном III зависимости от хана Ахмата в 1480 году, – после чего, говоря уже цитированными словами отнюдь не являвшегося «поклонником» Руси Карла Маркса, «изумленная Европа... была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи...»

Глава 8. Духовное величие Руси. Преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский (кон. XV – нач. XVI в.)

Победа Дмитрия Донского на Куликовом поле, помимо прочего, окончательно превратила Москву в центр, столицу Руси, воспринимаемую как средоточие ее мощи, – и практически-действенной, и духовной; последнее, кстати сказать, было не менее или даже, пожалуй, более важно.

Конечно, столетний путь от 1380 до 1480 года, когда Московская Русь со всей очевидностью предстала как одна из великих держав тогдашнего мира, был далеко не прост; на этом пути стране довелось пережить немало тяжких испытаний и поражений. *Политическая* история этого столетия подробно освещена С. М. Соловьевым и заняла в его знаменитом труде более 500 (!) страниц. Но, как уже сказано, огромное значение имело и *духовное* развитие Руси.

Поскольку период монгольской власти ложно оценивается как время заведомого упадка и даже «позора и бессмыслицы» (о чем не раз говорилось выше), многие полагают, – не давая себе труда узнать и задуматься о реальном положении дел, – что с середины XIII и до конца XV века русская духовная жизнь захирела, еле-еле теплилась. Между тем, погружившись в тщательное изучение житий русских святых и в связи с этим, естественно, в историю Церкви в целом, В. О. Ключевский в свое время не без определенного даже удивления обнаружил, что если в течение первых двух с половиной столетий со времени принятия христианства на Руси (конец X – 1237 год) было основано примерно сто монастырей, то за такой же срок с середины XIII века и до 1480 года (т. е. в «монгольский» период) их было создано *в два раза* больше, около двухсот, притом, – что особо подчеркнул наш выдающийся историк, – преобладающая часть монастырей создавалась тогда не в основных городах (как ранее), а на всем пространстве Руси – вплоть до дальних ее окраин.

А монастыри, как явствует из любых объективных исследований их истории, были

подлинными творцами духовной жизни страны и, одновременно, *культуры* во всем ее объеме – от строительной, зодческой деятельности высшего тогдашнего уровня до творчества в слове – опять-таки в высшем его выражении.

Такие основанные в период между 1237 и 1480 годами и быстро развивавшиеся монастыри, как Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Саввино-Сторожевский, Спасо-Каменный (на Кубенском озере), Соловецкий, Ферапонтов Белозерский, Боровский Пафнутьев, Ипатьев Троицев (вблизи Костромы), Толгский (на Волге), Иосифов Волоколамский и многие другие, созидали и излучали духовность и культуру, воздействовавшие и на правителей Руси, и в той или иной мере на весь ее народ. И без этого воздействия, без сомнения, были бы немислимы и Куликовская победа, и то величие Руси, которое стало очевидным для всех к концу XV века.

Здесь целесообразно сделать отступление общего характера. Нередко сталкиваешься с представлением, что в те далекие времена, когда отсутствовали являющиеся сегодня вроде бы абсолютно необходимыми для «нормальной» жизни страны средства *транспорта* и *связи*, не могло-де иметь место и духовное единство Руси. Так, в некоторых сочинениях, затрагивающих вопрос о роли преподобного Сергия Радонежского в Куликовской победе, выражено сомнение в том, что троцкий игумен имел реальную возможность для существенного общения даже хотя бы с Дмитрием Донским, не говоря уж о Руси в целом. Не раз касавшийся этой проблемы Александр Шамаро писал, например, что для такого общения был «слишком долог – по тем временам – путь от Москвы до Троицкого монастыря» – не говоря уже о пути до места битвы (см.: «Наука и религия», 1980, № 8, с. 22).

Расстояние от Москвы до Троицкой обители – 70 километров (то есть, с нынешней точки зрения, совсем малое), но уместно ли тогда говорить о сколько-нибудь значительном воздействии на судьбу Руси Кирилло-Белозерского монастыря (около 500 км от Москвы) и, тем более, Соловецкого (более 1000 км)?!

Однако применение *современных* понятий о необходимых условиях *общения* людей (и, конечно, совокупностей людей, имеющих местопребывание в той или иной части страны) к давнему человеческому бытию, еще не «облагодетельствованному» новейшими техническими достижениями, начисто лишает нас возможности понять реальное положение вещей.

В современном сознании господствует представление о безусловном *превосходстве* жизни, пронизанной многообразной техникой. Но технический *прогресс* – как, впрочем, и любой прогресс вообще – всегда означает не только *приобретения*, но и *утраты*, притом утраты, в конечном счете, «*равноценные*» приобретениям (это, в сущности, неизбежное следствие всеобщих законов бытия).

Возьмем элементарный пример: необходимая для жизни вода течет из крана в каждой квартире, между тем как наши предки в любую погоду носили ее на себе из, возможно, весьма отдаленных родников или колодцев (то есть опять-таки скрытых в земной глубине родников). Какое освобождение от повседневной тяготы! Однако в наше время люди стремятся носить домой из магазинов «родниковую воду» – по цене минимум доллар за бутылку и к тому же, строго говоря, обладающую весьма сомнительной «родниковостью»... И если подойти к проблеме с собственно *ценностной*, аксиологической точки зрения, «приобретение» едва ли превосходит «утрату», и сегодня достаточно большое количество людей горячо стремится (а подчас даже и реализует свое стремление) к жизни в «нецивилизованной» – в частности, оснащенной колодцем, а не водопроводом, – местности...

Я обратился к этому примеру ради его сугубой наглядности. Перейдем теперь к гораздо более сложной проблеме *общения* людей, имея в виду не чисто личное, «частное» общение, но обладающее так или иначе *историческим* значением, способное повлиять в конечном счете на судьбу страны.

Сейчас такое общение, в сущности, немисливо без участия «средств массовой информации» или хотя бы усилительной техники (без которой современный «идеолог» не в состоянии воздействовать на собрание из всего нескольких сот человек). И даже нелегко понять, каким образом было возможно сколько-нибудь широкое общение духовных вождей и народа в те времена, когда никаких СМИ не имелось.

Горячие апологеты *прогресса* утверждают, что широкое общение людей – вплоть до

общения их с целым миром! – только и стало реальностью в наш замечательный технический век, а ранее люди были замкнуты в узких границах, довольствуясь крайне скудной «информацией», не выводящей их за пределы их тесного мирка.

Но, во-первых, дело обстоит не совсем так даже и с чисто «количественной» точки зрения. Обратимся, например, к такому имеющему исключительно важное значение в русской культуре явлению, к *песня*. Ныне та или иная песня становится широким – в пределе всеобщим – достоянием посредством телевидения, радио, на худой конец, многотиражных грамм – и магнитофонных записей. Однако хорошо известно, что вызывавшие живой отклик в душе народа песни легко распространялись по всей Руси-России и тогда, когда никаких вышеуказанных технических достижений не было и в помине, – распространялись благодаря прямому, *непосредственному* общению людей.

И в связи с этим снова встает проблема (по сути дела, глубоко прискорбная...) *двойственности* прогресса: все его приобретения оборачиваются не менее существенными утратами. И *действительное общение* людей в наш технический век не только не расширилось (как бездумно заявляют «прогрессистские» идеологи), но, напротив, стремительно *сокращается*. Реальное, живое общение людей все в большей мере заменяется, *вытесняется* потреблением «продуктов информационной индустрии», которые по своей *человеческой* и *народной ценности* не идут ни в какое сравнение с плодами подлинного общения людей (уместно напомнить о предложенном выше сопоставлении *родниковой воды* и хлорированной жидкости из водопроводного крана).

Типичный «современный» человек *реально* общается с очень малым кругом своих ближайших родственников, еще меньшим числом сохранившихся с юных лет друзей, очень немногих сослуживцев (и то только до достижения пенсионного возраста), и нескольких соседей по лестничной площадке (хотя нередко и это не имеет места).

Между тем в давние времена человек, во-первых, обладал громадными родственными (и «свойственными») связями (вплоть до самых дальних степеней родства), находился в постоянном общении со *всеми* жителями своей деревни или городского «околотка» (тем более своего церковного прихода), и даже многими жителями окрестных селений и соседних городских урочищ, – притом дело шло о полнокровном, истинном человеческом общении.

И любая «информация», полученная каким-нибудь образом *одним* человеком, быстро становилась достоянием его селения, окрестных селений и распространялась – как круги от всплеска на водной поверхности – практически безгранично. Да, о той же Куликовской победе не сообщалось ни с телеэкрана, ни из радиорепродуктора, ни в газетах, но вот выразительнейший факт: в селах далекого Архангельского края передавали из уст в уста сказку (см. знаменитое собрание сказок А. Н. Афанасьева, № 317), воспевающую подвиги «русского посла» к Мамаю «Захарья Тютрина» (Тютчева)...

Мое, быть может, несколько затянувшееся «отступление» все же, полагаю, необходимо; оно призвано, в частности, показать, что предпринятые некоторыми историками попытки «умалить» роль преподобного Сергия Радонежского в судьбе Руси, – попытки, которые, как уже говорилось, были продиктованы чисто современными представлениями о том, каким образом может «идеолог» воздействовать на широкий круг людей и, в конечном счете, на целый народ, – едва ли сколько-нибудь серьезны.

На первых страницах этой книги были приведены слова В. И. Вернадского о том, что заново «открытое» в конце XIX – начале XX века, в своих уцелевших образцах, «огромное» (как он определил), «художественное творчество» XIII и последующих столетий «могло возникнуть и существовать только при том условии, что оно было связано в течение поколений глубочайшими нитями со всей жизнью нашего народа, с его высокими настроениями и исканиями правды».

Средоточиями этого творчества и были, вполне понятно, монастыри, где и совершалась деятельность зодчих, «иконников» (слово, дошедшее из XV века), книгописцев и т. д., но, как уже сказано, монастыри создавались тогда даже в самых дальних окраинах страны, куда приходили для своего подвига из Москвы и ее окрестностей – прежде всего из Троицкой обители – люди высшего духовного уровня и необычайной энергии.

XIV–XV века – это, как давно уяснено, время расцвета *святости* ; именно в эту пору

родился образ-понятие «Святая Русь». Простой перечень тогдашних творцов высокого и труднейшего *подвига*, причисленных – кто раньше, кто позже, – к лику *святых*, занял бы несколько страниц.

В сущности, каждый из них видел своего прямого наставника или вдохновителя в величайшем русском святом – богоносном Сергии Радонежском. Это и его непосредственные ученики и сподвижники (действовавшие в эпоху Куликовской победы), – такие как Кирилл Белозерский, Дмитрий Прилуцкий (он создал достославный монастырь вблизи Вологды), Павел Обнорский (обитель на реке Обноре в округе Костромы), Савва Звенигородский, Ферапонт Белозерский, Авраамий Чухломский, Сергей Нуромский и многие другие. Это и более поздние подвижники – Зосима и Савватий Соловецкие, Пафнутий Боровский, Дионисий Глушицкий, Александр Ошевенский и т. д.

Далее, в конце XV – начале XVI веков в качестве духовных вождей Руси выступают Иосиф Волоцкий и Нил Сорский, но их деятельность совершается уже в новой, глубоко драматической ситуации.

Стремительное – как бы даже неправдоподобное, «чудесное» – возвышение Москвы, которая к рубежу XIII–XIV веков была еще, в сущности, «рядовым» городом (правда, «посаждение» в нее в 1280-х годах сына самого Александра Невского, Даниила – пусть и младшего – имело великое «потенциальное» значение), связано, несомненно, с тем, что этот пока еще не имевший высокой славы город привлек к себе свв. митрополитов Петра и, затем, Феогноста (1328–1353). Еще большее значение имела деятельность следующего пребывавшего в Москве (хотя он все еще звался «Киевским»!) митрополита св. Алексия (1354–1378) – одного из величайших глав русской Церкви за всю ее историю. Он был теснейшим образом связан с преп. Сергием Радонежским и даже, как известно, упрашивал его сменить себя на митрополичьем служении, но троцкий игумен был предназначен для своей – неоценимой – миссии.

И нельзя не видеть глубокий судьбоносный смысл в том, что ни с чем не сравнимый духовный подвиг Сергия совершался *именно* в пору подготовки Куликовской победы. Когда некоторые современные историки пытались доказывать, что те или иные сведения могут вызвать сомнение в прямом, «практическом» участии святого в этой победе, они, как уже отмечалось, неправоммерно и даже, прошу извинения, *наивно* применяли к бытию шестивековой давности нынешние представления о политической «практике».

В сказаниях XV–XVI веков могучее воздействие преп. Сергия на события 1380 года нередко толкуется как *чудо*, как воплощение сверхъестественного дара святого. Для глубоко религиозных людей это объяснение – вполне достаточное. Но уместно поставить вопрос и по-другому. Воздействие пребывавшего в Троицкой обители святого на героев Куликовской битвы и духовное состояние Руси в целом в самом деле было трудно уследимым (а с точки зрения наших *современных* способов «передачи информации» вообще непонятным), в точном смысле слова *таинственным*, и потому версия о чуде, в известном смысле, являет собой правду, которую могут принять и лишенные Веры люди...

Но двинемся далее. Как бы пронизавшая всю Русь деятельность многочисленнейших учеников и продолжателей преп. Сергия Радонежского в течение столетия – от 1380 до 1480-х годов – сыграла поистине великую роль. Разумеется, одновременно осуществлялась и многообразная *политическая* деятельность правителей Руси и их окружения. Но летописи донесли до нас множество сообщений о том, что правители той поры считали необходимым получить советы и благословения у наиболее чтимых подвижников, находившихся подчас далеко от столицы. И в высшей степени показательно, например, что акту окончательного отвержения Иваном III зависимости от ордынцев предшествовало (о чем шла речь выше) весьма резкое послание к нему архиепископа Ростовского Вассиана.

Словом, *политическое* и *духовное* развитие Руси в течение XIV–XV столетий – это, по сути дела, *единое* историческое творчество, которое к концу XV века превратило Русь в явную всему миру великую державу.

Но, как мы знаем, любая победа «относительна», имеет свою «оборотную» сторону.

В первые века своей истории Русь действовала на широчайшей мировой арене; затем началась эпоха сосредоточения на «внутреннем» созидании (хотя, разумеется, и в это время существовали и развивались многообразные связи с соседними и более дальними странами). Так, вполне ясно, что у Владимира Святославича никак не могло бы возникнуть намерение отправиться в поход к границам Ирана (как это сделал «Олег II»), а у Ярослава Мудрого – попытаться перенести свою резиденцию с Днестра на Дунай (подобно его деду Святославу).

Определенная «замкнутость» Руси особенно усилилась со времени монгольского нашествия, ибо она оказалась в составе Золотой Орды, которая теперь и выступала в качестве «субъекта» внешней политики. Но в последние десятилетия XV века Русь очень широко выходит на международную арену и, в частности, так или иначе осуществляет свои государственные интересы на тех территориях, которые в свое время – до ее ослабления в монгольскую эпоху – либо принадлежали ей, либо находились в сфере ее влияния.

Речь идет о западнорусских землях, оказавшихся под властью Литвы и, затем, Польши, о Молдавии и Причерноморье, о донских и прикавказских землях. Все это основательно показано в трактате видного историка К. В. Базилиевича (1892–1950) «Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века» (М., 1952) и в более позднем труде А. Л. Хорошкевич «Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в.» (М., 1980).

Но дело шло не только о (пользуясь современным термином) «ближнем зарубежье». Русь к концу XV века так или иначе устанавливает взаимоотношения и с «дальними» странами Запада и Востока. Вместе с тем к этому времени она утратила давнего союзника и, можно сказать, старшего друга – Византию, которая после сокрушительных действий ее западных соперников – прежде всего Генуэзской и Венецианской республик – была в 1433 году завоевана врагами с Востока и вошла в состав Турецкой империи.

Это было, безусловно, трагической потерей, хотя Русь продолжала поддерживать прочную связь со все же уцелевшей православной патриархией Константинопольской. Гибель Византийской империи и породила знаменитую идею «Третьего Рима», который являла собой Москва (важно иметь в виду, что под «Первым Римом» понималась вовсе не языческая Римская империя античной эпохи, а христианская община в Риме первых веков нашей эры, связанная главным образом с именем Христова апостола Петра). Представление о Москве как о Третьей (и последней!) подлинно христианской державе начало складываться уже вскоре после падения Константинополя, но окончательное выражение получило позднее, в 1520-х годах, в сочинениях псковского монаха Филофея.

Эта идея, несомненно, имела большое значение для многих людей того времени, но, как доказано в новейших исследованиях, она ни в коей мере не стала официальной *государственной* «программой». И лишь в XIX–XX веках «либеральными» авторами был создан *миф* – нередко приобретающий к тому же зловещий характер – об этом самом «Третьем Риме».

В сем пресловутом мифе была прежде всего совершенно искажена самая суть идеи. Филофей с острой тревогой предупреждал о том, что два предшествующих Рима погибли, не сумев поставить преграды надвигавшимся извне «ересям» и противоправославным атакам. И его идея была, по глубокой своей сущности, «*изоляционистской*», он начинал свое послание к Василию III так:

«И да весть (ведает) твоя держава (державность) благочестивый царю, яко вся царства православныя христианския веры снидошася в твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианом царь. Подобаает тебе, царю, сие держати со страхом Божиим».

Как ни дико, в новейшее время идея «Третьего Рима» была, напротив, интерпретирована в качестве чуть ли не экспансионистской, продиктованной стремлением присоединить к Москве, в частности, страны Запада (то есть страны, зараженные всякого рода «ересями», которым идеология Третьего Рима звала как раз поставить твердый заслон на рубежах Московского царства!). И прямо-таки курьезно, что популярнейший на Западе русский мыслитель Н. А. Бердяев объявил III Интернационал (ставивший задачей сделать единым коммунистическим целым весь мир) «наследником» Третьего Рима...

Но вернемся к бесспорному ныне представлению о том, что идея Третьего Рима вовсе не была программой русского государства на рубеже XV–XVI веков. Как раз наоборот, при Иване III Русь очень широко и интенсивно «открывает двери» в окружающий ее мир (что ясно, например, из упомянутых исследований К. В. Базилевича и А. Л. Хорошкевич).

И, в конечном счете, это имело драматические последствия. Духовное развитие Руси – и в том числе, как мы еще увидим, развитие самобытной культуры – подверглось поистине жестокому испытанию. Извечно присущий русскому «менталитету» экстремизм и максимализм привели к тому, что на самых верхах государственной и церковной власти началась ломка незыблемых, казалось бы, основ духовности.

Говоря об этом, я отнюдь не подразумеваю, что та «открытость» любым веяниям из внешнего мира, которая присуща эпохе Ивана III, была порождением некой «ошибки». В конце концов, истинно лишь то, что способно *устоять* перед чужими поветриями, а кроме того, Русь в эту эпоху вобрала в себя немало бесспорных ценностей и с Запада, и с Востока.

К счастью, на Руси в конце XV века имелись такие великие продолжатели дела Сергия Радонежского, как преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский. О них, которые достойны пребывать в русской исторической памяти в одном ряду с богоносным троицким игуменом, и идет речь в этой последней главе моей книги.

Полвека с лишним назад – еще до рокового сорок первого года, когда Иосифов Волоколамский монастырь претерпел тяжкие разрушения, – перед глазами предстал этот поистине небесный град, глядящийся в воды запруженной при преподобном речки Струги, и как бы вошел в живущее в воображении едва ли не каждого русского человека видение святого Китежа...

По прошествии немалых лет на книжных прилавках появился основательный труд одного из виднейших тогдашних историков А. А. Зимина,⁵⁹⁷ начавшего изучение Иосифова Волоколамского монастыря и деяний его создателя еще в 1940-х годах под руководством М. Н. Тихомирова. А. А. Зимин впервые открыл или хотя бы уточнил целый ряд существенных исторических фактов, и, несмотря на столь характерные для книг того времени дикие подчас идеологические догмы и шоры, перед внимательными читателями являлась громадность, мощь, многосторонность подвига святого. Становилось ясно, какая веками продолжавшая свое действие духовная воля воплотилась в истинно богатырском облике основанного им монастыря, – облике, вполне постигаемом даже и ныне, хотя обитель все еще нуждается в капитальной реставрации, начиная с восстановления взорванной в 1941 году семидесятипятиметровой колокольни.

...В Нило-Сорскую пустынь судьба впервые привела насного позже в 1970-х годах. Приплыв из Вологды через Кубенское озеро – мимо скорбных и все же светящихся руин уничтоженного в 1930-х годах Спасо-Каменного монастыря – к пристани города Кириллова, мы располагали всего несколькими часами стоянки теплохода, и тут выяснилось, что никакого транспорта до текущей в восемнадцати километрах отсюда малой реки с двойным прозванием Сора-Сорка не имеется.

А между тем соприкосновение с точкой Земли, где возникло это словно, пронизанное святостью имя – «Нил Сорский», было главной целью предпринятого тогда путешествия...

Пришлось обратиться к местному начальству и, как оказалось, «решить проблему» мог только «первый» в городке человек, который, к нашей удаче, знал – или, может быть, сделал вид, что знает, – мои литературные опыты и выразил готовность помочь. Но, осведомясь о месте, куда нужно доставить путешественников, он с удивлением спросил: «Так ведь там же у нас только дурдом?»

Что тут следовало сказать? Для большей понятности ответ был таков: «Представьте себе, пятьсот лет назад там постоянно жил один из членов тогдашнего... Политбюро». И это нелепое и, не исключено, в чем-то кощунственное «разъяснение» подействовало: вскоре милицейский газик (ничего иного не нашлось) уже мчал нас по давно затравяневшей лесной дороге.

⁵⁹⁷ Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. (Об Иосифо-Волоколамском монастыре).

...На арке ворот, ведущих в обветшалый монастырек, действительно красовалась надпись «Психоневрологический диспансер», и идти туда не захотелось; к тому же было хорошо известно, что эти – пусть и скромные – каменные стены никак не соответствовали духу Нилова скита и появились здесь только в XIX веке (согласно преданию, когда Иван Грозный решил воздвигнуть здесь каменный храм, преподобный явился ему во сне и запретил строительство). Мы предпочли просто помолчать в первозданной тишине этой в самом деле *пустыни* безмолвия, постоять на берегу проточного пруда, выкопанного первоначально самим преподобным.

А между тем из монастырских ворот появился человек с ведром в руке. Он шел и смотрел на нас, но явно сквозь нас. И мелькнула мысль: некогда здесь обитали люди не от мира сего, и ныне – так же, хотя те были выше сего мира, а нынешние, вероятно, ниже... Что-то таилось в этой смутно осознаваемой переключке. А водонос, по-прежнему глядя в ничто, наполнил ведро и пошел обратно.

Тогда и мы, повинаясь какому-то зову, опустились на колени и ладонями черпнули воду из Нилова пруда. И глоток ее вызвал не испытанный дотоле трепет – будто и впрямь соприкоснулись мы с излученной здесь когда-то и уже неиссякаемой духовной энергией, которая в те времена без труда (и без всяких «средств информации») достигала расположенных за полтыщи верст отсюда Москвы и Новгорода, – о чем свидетельствуют тогдашние события...

Значение преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского в истории Русской Церкви и в истории Руси в ее целом поистине неопределимо. И это значение более или менее общепризнано. Почти в каждом научном и публицистическом сочинении, касающемся переломной и, безусловно, великой эпохи конца XV – начала XVI веков, с необходимостью заходит речь об этих деятелях Церкви.

Но – прискорбное «но»! – едва ли не преобладают или даже господствуют неверные, нередко грубо искажающие реальность представления о двух этих подвижниках, притом представления о преподобном Иосифе Волоцком имеют чаще всего «очерняющий» или даже заведомо клеветнический характер.

Удивляться вообще-то нечему – достаточно вспомнить, что еще совсем недавно господствовало также восходящее к «либеральной традиции» XIX века стремление внедрить в души ложный «зловещий» образ *Достоевского*. Правда, это было легче преодолеть, ибо творения Достоевского гораздо более доступны, и сам он отделен от нас не столь долгим временем. Сквозь полутысячелетие разглядеть истину несравненно труднее.

В глубине сознания, или, вернее, в своего рода полусознанной *исторической памяти* (которая в той или иной степени присутствует в каждом человеке) преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский издавна представляли для меня как идущие по своим особым путям, но идущие все же к единой цели, – ни в коей мере не «отрицая», а дополняя, обогащая друг друга. Однако к концу 1970-х годов встала задача доказать это, и пришлось обратиться к длительному и сложному изучению источников и историографии; некоторые результаты этого изучения и излагаются далее.

На состоявшейся в 1987 году Международной церковной научной конференции «Богословие и духовность» митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим совершенно справедливо сказал: «С середины прошлого века и до наших дней преподобным Иосифу Волоцкому и Нилу Сорскому посвящено очень много работ. К сожалению, в большинстве из них... доминирует тенденциозная традиция либеральной историографии прошлого века, приверженцы которой настойчиво пытались представить преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского вождями двух противоборствующих направлений... Наступила пора демифологизировать схему либеральной историографии, почти заслонившую от нас живые лики святых». ⁵⁹⁸

Это, повторяю, совершенно справедливые суждения, и стоит только оговорить, что в ряде новейших исторических трудов, созданных в 1950–1980-х годах, все же проступают (хотя такое

⁵⁹⁸ Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность». М., 1989, с. 75.

утверждение может показаться неоправданным и противоречит «общепринятому» мнению) «живые лики святых», и проступают они даже не потому, что работы историков, о которых идет речь, лишены «тенденциозности» (это не так!), но потому, что в них в той или иной мере выразилось стремление досконально изучить *реальные* события и взаимоотношения далеких времен.

Это относится и к работам уже упомянутого А. А. Зимина, и – правда, в различной степени – к книгам и статьям таких исследователей, как Ю. В. Анхимюк, Ю. К. Бегунов, Н. К. Голейзовский, Р. П. Дмитриева, Н. А. Казакова, В. М. Кириллин, Я. С. Лурье, А. И. Плигузов, Г. В. Попов, Г. М. Прохоров, Н. В. Сеницына, Р. Г. Скрынников (в дальнейшем многие из этих работ будут цитироваться).

Даже в тех случаях, когда «тенденциозность» вполне очевидна, объективно воссозданные исторические факты, в сущности, опровергают ее, делают ее бессильной. И, как ни странно такое суждение на первый взгляд, иные сочинения эмигрантских авторов, писавших о русской Церкви, с этой точки зрения сильно уступают работам, изданным в СССР. Например, в 1949 году в Париже, – а в 1993 году в Москве – издана книга эмигранта Петра Иванова (1876–1956) с многозначительным заглавием «Тайна святых. Введение в Апокалипсис», где речь шла и о преподобных Иосифе и Ниле. Анонимное предисловие к ее московскому изданию начинается такой фразой: «Перед нами удивительная, уникальная книга». И книга в самом деле удивительна и уникальна с той точки зрения, что в ней донельзя искажены многие исторические факты, и в результате преподобный Иосиф Волоцкий объявлен ни много ни мало «лжесвятым», который-де сумел «провести свои антихристовы идеи внутрь церкви Христовой».⁵⁹⁹

Кстати сказать, автор предисловия, по-видимому, понимал, что не так уж все ладно в представляемой им книге, и сразу вслед за цитированной фразой счел необходимым отметить: «Это не значит, что нужно соглашаться со всем, что в ней (книге. – В.К.) написано. Мы встречаем утверждения по меньшей мере сомнительные». Но дело здесь даже не в «утверждениях», а в незнании или же извращении исторической реальности. И нельзя не видеть, что ряд работ, изданных в СССР, отличается в лучшую сторону от подобных – принадлежащих, увы, вроде бы правоверно христианским авторам – сочинений.

Характерно, что в своем фундаментальном труде «Очерки по истории Русской Церкви» (Париж, 1959) существенно отличающийся от многих своих собратьев эмигрант А. В. Карташев с сочувствием ссылаясь на ряд работ, созданных, по его выражению, «в подсоветской науке, чуждой старым предубеждениям» и основывающейся на «документальности»;⁶⁰⁰ – в частности, имелись в виду работы о преподобном Иосифе Волоцком. Правда, тут точнее было бы сказать не столько о «чуждости этой самой „подсоветской науки“ прежним „предубеждениям“, сколько о настойчивом стремлении новейших историков России иметь дело с достоверными документами, а не с разного рода субъективными домыслами.

Но обратимся непосредственно к историческим фактам, относящимся к личностям и деяниям преподобных Иосифа и Нила. Начать уместно с того, что в новейших работах неоспоримо установлено: никаких хоть сколько-нибудь достоверных сведений о «противоборстве» Иосифа Волоцкого и Нила Сорского не существует, их по-просту нет. Верно, что пути святых были различны; однако самостоятельность пути отнюдь не обязательно подразумевает борьбу, враждебность или хотя бы отчужденность. Между тем широко известный эмигрант (в молодости бывший активным членом РСДРП) Георгий Федотов уверенно писал в своей популярной ныне книги: «Суровый к еретикам, Иосиф проявлял суровость и к другим своим врагам. В их числе... преподобный Нил Сорский... В борьбе с Нилом Сорским... Иосиф разрушал традиции преподобного Сергия».⁶⁰¹ Вообще, как ни

⁵⁹⁹ Иванов П. Тайна святых. Введение в Апокалипсис. М., 1993, с. 510, 512.

⁶⁰⁰ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М. 1991, т. 1. с. 415.

⁶⁰¹ Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1990. с. 184.

удивительно, были и есть авторы, которые с прямо-таки патологической жадой стремятся истолковать самобытность как своего рода обязательный повод для противостояния. Так, например, несмотря на то, что именно Пушкин впервые с невиданной щедростью опубликовал в своем журнале «Современник» два с половиной десятка стихотворений очень мало кому известного тогда Тютчева, а последний воспел Пушкина как «первую любовь России», с давних пор и до сего дня пропагандируется не имеющая никаких фактических оснований версия, согласно которой эти великие поэты были чуть ли не врагами.⁶⁰²

Прежде чем обсуждать вопрос о своеобразии путей преподобных Иосифа и Нила, необходимо точно и подробно выяснить, как и почему сложился «миф» об их «противоборстве», ибо без этого выяснения едва ли возможно действительно очистить «живые лики святых» от заслоняющего их лживого тумана.

В исторической действительности имело место определенное противоборство *направлений*, известных сегодня под названиями «иосифлянство» и «нестяжательство» (хотя и здесь, как мы еще увидим, дело обстояло не столь уж просто, и граница между иосифлянами и нестяжателями далеко не всегда может быть четко проведена). Но это противоборство, начавшееся, как доказано, уже *после* кончины преподобного Нила Сорского (7 мая 1508), было неправомерно, без каких-либо фактических доказательств перенесено на взаимоотношения самих преподобных.

С особенной очевидностью и резкостью эта «операция» выразилась в прямой *подмене* взаимоотношений преподобных совершенно иным «сюжетом» – взаимоотношениями преподобного Иосифа Волоцкого и «князя-инока» Василия Ивановича Патрикеева-Вассиана, которые начались, как неоспоримо показывают факты, только *после* 1508 года.

Первое упоминание о князе-иноке Вассиане у Иосифа Волоцкого относится ко времени не ранее 1511 года, а с другой стороны, современник свидетельствовал, что сам «князь-инок» начал публично заявлять о себе лишь после Ниловой кончины: «Как не стояло старца Нила, и ученик его князь Вассиан Косой, княж Иванов сын Юрьевича, и нача сей князь вельми побарати по своем старце Ниле».⁶⁰³ Кроме всего прочего, нельзя не признать, что вообще чрезвычайно неправдоподобна версия, согласно которой князь-инок еще до 1509 года, находясь на положении ссыльного, сочинял и распространял свои достаточно острые послания и «слова».

В либеральной публицистике, начиная с середины прошлого столетия, фигура «князя-инока» (словосочетание звучит весьма романтично!) по существу почти целиком *заслонила* живой лик преподобного Нила Сорского, которому были без всяких оснований приписаны стремления, высказывания и даже поступки *Вассиана Патрикеева* (в этом соединении монашеского имени и мирского прозвания опять-таки заключена формула «инок-князь»). Поэтому необходимо пристально взглянуть на эту фигуру.

Князь Василий Иванович Патрикеев, родившийся, по-видимому, около 1470 года, был, без сомнения, умнейший и наделенный многими дарованиями человек, однако сближать его хоть в каком-либо смысле с преподобным Нилом Сорским едва ли правомерно. Он был сыном князя Ивана Юрьевича Патрикеева, являвшего собой *первое* по значению (после, разумеется, великого князя Ивана) лицо в русском государстве конца XV века, к тому же он был крупнейшим землевладельцем. Карьера Ивана Патрикеева опиралась, во-первых, на предельно высокородное происхождение – его отец был правнуком самого Гедимины, притом по линии *старшего* сына последнего, Наримонта; с другой стороны, мать его была сестрой отца Ивана III, Василия II Темного, и он, таким образом, приходился первому Царю всея Руси двоюродным братом. Сын Ивана Патрикеева, князь Василий, с юных лет состоял при отце, а в 1490-х годах уже сам нередко играл руководящую роль в воинских, посольских, судейских делах и, надо думать, был уверен, что унаследует отцовское место в государстве.

Однако в 1499 году князей Патрикеевых постигло жестокое крушение: они, вместе с зятем

⁶⁰² См. об этом главу «Тютчев и Пушкин» в кн.: Кожин В. Тютчев. М., 1994.

⁶⁰³ Послания Иосифа Волоцкого. – М.-Л., 1959, с. 367.

(мужем дочери) Ивана Юрьевича князем Семеном Рязановским, были приговорены к смертной казни, и лишь заступничество тогдашнего митрополита Симона спасло их от злой кончины (Рязановский же был казнен...). Патрикеевых «в железах» постригли в монахи, и Василий под именем инок Вассиана оказался в Кирилло-Белозерском монастыре – по существу, в заточении.

Причины краха Патрикеевых не выяснены до конца. Одни историки полагают, что они сделали ставку на внука Ивана III Дмитрия (сына его рано, в 1490 году, умершего старшего сына Ивана и Елены Волошанки), между тем как сам великий князь неожиданно решил все же наследовать власть своему второму сыну (от Софии Палеолог) Василию; другие – что Патрикеевы в качестве дипломатов совершили некое предательство, поступившись интересами Руси ради родины своих предков Литвы. По всей вероятности, и в том и в другом объяснении есть своя доля истины. Но особенно основательное понимание причин острого конфликта Патрикеевых с Иваном III наметил еще В. О. Ключевский,⁶⁰⁴ а в наше время развил Р. Г. Скрынников: «После покорения Новгорода (т. е. после 1478 года. – В.К.) казна стала обладательницей огромных богатств... Следуя традиции, дума поначалу распределила конфискованные в Новгороде земли среди знати... Крупные владения достались двоюродному брату Ивана III боярину князю И. Ю. Патрикееву. Обширные земли получил зять Патрикеева С. И. Рязановский» (оба они играли руководящую роль в покорении Новгорода). Однако позднее, в 1490-х годах, продолжает Р. Г. Скрынников, «власти приступили к организации поместной системы землевладения. Почти все бояре (Бельский, Патрикеевы, Рязановский и др.) утратили новгородские владения».⁶⁰⁵

И именно эта ситуация легла в основу конфликта князей с Иваном III, а также, в конечном счете, определила позднейшую борьбу князя В. И. Патрикеева (уже в качестве «старца Вассиана») с монастырским землевладением. Как говорит в другой своей работе Р. Г. Скрынников, «Вассиан Патрикеев, в недавнем прошлом крупнейший землевладелец России, стал самым беспощадным критиком положения дел в монастырских селах»,⁶⁰⁶ – то есть князя лишили его громадных земель, и он стал бороться против крупных землевладений Церкви...

Все эти – может быть, кажущиеся уводящими в сторону – факты необходимо знать для того, чтобы ясно увидеть глубочайшие различия (и даже несовместимость!) между князем-иноком и якобы близким ему преподобным Нилом Сорским.

В возрасте примерно тридцати лет, на взлете блистательной карьеры, князь Василий Патрикеев вдруг лишен всего и заточен в монастырь. Но придя в себя он, в сущности, начал свою новую, *иную* карьеру, в которой опирался на авторитет уже имевшего высшее признание святого старца Нила. Ему удалось завязать взаимоотношения с «безмолвствующим» в своем скиту старцем (в частности, получить от него послание), по-видимому, потому, что в 1501 или 1502 году в Кирилло-Белозерском монастыре принял пострижение находившийся уже в преклонных летах (в 1503 году он, по всей вероятности, скончался) государев дьяк Андрей Федорович Майков – старший брат Нила Сорского (который в юности был вместе с ним на государственной службе). Майков не раз участвовал в посольствах, возглавлявшихся отцом и сыном Патрикеевыми и, надо думать, помог князю-иноку войти в доверие к своему уже обретшему высокое прославление брату. Объявив себя учеником и последователем преподобного, князь-инок устроил себе скит неподалеку от Нилова.

Однако Василий Патрикеев был, без сомнения, *мнимым* учеником скитского старца, – об этом совершенно ясно говорит все его позднейшее жизненное поведение. Ведь вскоре после кончины преподобного, в 1509 году, он бросает свой скит и добывается «перевода» в Москву, в

⁶⁰⁴ См.: Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. с. 284–285.

⁶⁰⁵ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. с. 72.

⁶⁰⁶ Скрынников Р. Г. Государство и Церковь на Руси XIV–XVI вв. Новосибирск, 1991, с. 188.

Симонов монастырь, – эту, по сути дела, *придворную* обитель, – где он сумел вступить в самую тесную связь с Василием III и заняться активнейшей «большой» политикой. И теперь, как свидетельствовал современник, «ядаше же мних Васьян приносимое ему брашно от трапезы великого князя». ⁶⁰⁷ Все это абсолютно не соответствовало заветам Нила Сорского своим ученикам... Речь, разумеется, не о том, чтобы вообще «осудить» князя-инока за его образ жизни после кончины Нила Сорского, но только о том, что при таком образе жизни он не имел оснований называть себя (как он постоянно делал) последователем преподобного.

Впрочем, еще и в Белозерском крае князь-инок Вассиан занимался деятельностью, чуждой истинным ученикам преподобного. Он сумел объединить вокруг себя в своего рода партию немалое количество местных людей Церкви, которых, по-видимому, очаровывали и знатность этого потомка Гедимины и недавнего верховного вельможи, и – одновременно – статус ученика святого старца Нила. Так, нельзя усомниться в том, что Вассиан заручился всемерной поддержкой влиятельного старца Кирилло-Белозерского монастыря Варлаама, который в 1506 году был призван в Москву, где стал архимандритом Симонова монастыря, куда явно не без рекомендаций Варлаама переселился и князь-инок, – впрочем, теперь уже «князь-старец». А в 1511 году Варлаам был возведен в сан митрополита – вероятно, не без помощи самого Вассиана, быстро ставшего любимцем Василия III.

В Москве – в частности, перед Василием III – Вассиан предстал как негласный вождь целого направления церковных людей, которых публицисты XIX века называли «нестяжателями»; современники же употребляли названия «кирилловские старцы» или, шире, «заволжские старцы». Одно из первых «нестяжательских» сочинений, связанное так или иначе с Вассианом и направленное против преподобного Иосифа Волоцкого, было озаглавлено именно как манифест целого направления: «Ответ кирилловских старцев».

До недавнего времени считалось, что этот «Ответ» был написан будто бы еще при жизни преподобного Нила Сорского, но ныне А. И. Плигузов и Ю. В. Анхимюк показали, что в действительности «Ответ» появился не ранее 1510-х годов. ⁶⁰⁸ Направление, возглавляемое Вассианом, было в то время в высшей степени угодно Василию III. Н. А. Казакова, много лет посвятившая изучению личности и сочинений Вассиана, писала, опираясь на специальные исследования С. М. Каштанова, что «правительство Василия III повело наступление на вотчинные права монастырей», и «Василий III нашел в Вассиане умного и деятельного сторонника политики ограничения феодальных прав церкви». ⁶⁰⁹

Это означает, что Вассиан превратил глубокое духовное учение о «нестяжании», которое исповедовал преподобный Нил Сорский, в чисто *политическую* программу и даже в козырную карту в своей собственной борьбе за власть. В известном своем труде «Пути русского богословия» Г. В. Флоровский писал, что Вассиан и его сторонники «оказались запутаны и в политическую борьбу, и даже в политическую интригу»; ⁶¹⁰ однако про самого Вассиана правильно будет сказать, что он по своей собственной воле «запутал» себя в эту борьбу и интригу – и добился на своем новом пути очень многого. Вместе с тем его успехи не имели, конечно же, никакого отношения к подлинному наследию Нила Сорского, хотя Вассиан постоянно взывал к имени преподобного.

Н. А. Казакова, склонная к высокой оценке князя-инока, все же не могла не сделать следующий вывод: «В творчестве Вассиана вопрос о духовной жизни инока, о его внутреннем самоусовершенствовании (а это составляло основу учения преподобного Нила Сорского. – В.К.

⁶⁰⁷ Послания Иосифа Волоцкого, с. 279.

⁶⁰⁸ Анхимюк Ю. В. Слово на «Списание Иосифа» – памятник раннего нестяжательства // Записки отдела рукописей. М., 1990. Вып. 49. с. 129; здесь же ссылки на работы А. И. Плигузова.

⁶⁰⁹ Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970, с. 104, 106.

⁶¹⁰ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс 1991 с. 21.

), по существу, не занимает никакого места». В другой работе Н. А. Казакова отмечает, что «между Нилом Сорским и Вассианом Патрикеевым как писателями трудно найти что-либо общее». И действительно, даже сама идея «нестыжательства» у Вассиана не имела *ровно ничего общего* с заветами преподобного Нила Сорского. Вассиан кичливо писал в своем сочинении «Прение с Иосифом Волоцким»: «Сие, Иосифе, на мя не лжеш, что аз великому князю у монастырей села велю отъимати и у мирских церквей». Н. А. Казакова заметила по этому поводу: «Очевидно, Вассиан убедился в том, что церковники не расстанутся добровольно со своими землями и... взгляды Вассиана приобрели законченный и радикальный характер»,⁶¹¹ т. е., в отличие от преподобного Нила Сорского (но якобы «развивая» его заветы), он выдвинул требование («веление») насильственного отъятия земель у Церкви. Однако для преподобного Нила Сорского добровольный отказ Церкви от владения селами являл собой выражение высокого духовного совершенствования церковных людей; о *насильственном* же отъятии сел он и не помышлял, ибо никакого совершенствования при этом и не могло произойти – скорее, или даже наверняка, наоборот...

И тем не менее преподаватель истории религии в Московской духовной академии в 1993 году без каких-либо оговорок «констатирует»: «...заволжский старец Вассиан (в миру – князь Василий Патрикеев), ближайший ученик преподобного Нила Сорского...».⁶¹² Руководствуясь этим заведомо несостоятельным представлением, те или иные действия и слова Вассиана совершенно неправомерно приписывают преподобному Нилу; тезис же о «противоборстве» Нила с преподобным Иосифом, в сущности, *целиком и полностью* исходит из поступков и высказываний князя-инока, или, точнее, князя-старца.

Князь Василий Патрикеев в обличье «старца Вассиана» явно сумел надолго завоевать себе положение первого (или, по крайней мере, одного из самых первых) лица в государстве. Василий III, называвший своего любимца «старец Васьян княж Иванов» (то есть объединяя два «достоинства»), говорил о нем, – ни много ни мало! – что он «подпор державе моей... и наставник ми».⁶¹³

Власть «старца» в 1510–1520-х годах была поистине безграничной. Знаменитый придворный книгописец Михаил Медоварцев рассказывал позднее: «...блюлся семи... преслушати князя Васьяна старца, занеже был великой и временной человек у государя великого князя, и так и государя великого князя не блюлся, как его блюлся и слушал».⁶¹⁴

Еще бы не блюсти! Это ведь только в XIX веке был сконструирован образ Вассиана – «либерала» и «гуманиста». Когда из Заволжья до Василия III дошла «грамота», в которой сообщалось, что среди тамошних церковных людей – сторонников Вассиана – завелась ересь, князь-старец настоял на допросе доставившего грамоту священника Серапиона: «И поп сказал так, как в грамоте писано. И старец Васьян князь попа просил на пытку, и попа пытали, и ногу изломали, и поп и умер, а не заговорил...».⁶¹⁵

Апологеты князя-старца стараются умалчивать о подобных его поступках; так, об этом предании священника жестоким мукам, окончившимся смертью, – причем молчание на пытке явно свидетельствовало, что священник говорил правду, – Н. А. Казакова в своей весьма подробной биографии Вассиана даже и не упоминает...

Нельзя не сказать и о том, что «либерал» Вассиан, прежде чем он начал распространять

⁶¹¹ Казакова Н. А. 1) Цит. соч. с. 152; 2) Вассиан Патрикеев и его сочинения. М. – Л., 1960. с. 117, 279; 3) Очерки по истории русской общественной мысли, с. 132.

⁶¹² Zubov A. Пути России // Континент. 1993. № 75. с. 133.

⁶¹³ Послания Иосифа Волоцкого. с. 279.

⁶¹⁴ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971 с. 106.

⁶¹⁵ Послания Иосифа Волоцкого, с. 368.

свои яростные сочинения против преподобного Иосифа, добился от Василия III *запрещения* преподобному отвечать письменно и даже устно на все хулы и обвинения князя-старца! И преподобный Иосиф тщетно просил близкого ему царедворца В. И. Челяднина «печаловаться» Василию III, дабы «ослобонить противу его (Вассиана. – В.К.) речей говорити и писати». ⁶¹⁶ Впрочем, и многие позднейшие «либералы» – вплоть до наших дней – принимали *свободу* (*liberte*) как только исключительно свободу для самих себя и с этой точки зрения нередко превосходили самых нетерпимых деспотов...

Все это ясно показывает, что Вассиана недопустимо считать действительным учеником и последователем Нила Сорского, и тем более недопустимо судить о святом старце на основе поступков, стремлений и высказываний Вассиана, – в частности, приписывать преподобному Нилу ту борьбу с преподобным Иосифом, которую на самом деле развязал и вел Вассиан.

* * *

В связи с вышеизложенным целесообразно обратиться к той трактовке событий, которая представлена в ряде работ Я. С. Лурье. В отличие от преобладающего большинства историков, он отдает все свои симпатии тогдашним *еретикам* – «жидовствующим» (прежде всего посольскому дьяку Ф. В. Курицыну), рассматривая их в качестве выразителей «светлого ренессансного начала», противостоявших «мрачному» русскому средневековью. О ереси и борьбе с ней у нас еще будет идти речь; сейчас же затронем только вопрос об отношении преподобного Нила Сорского к еретикам.

Одним из первых Я. С. Лурье с полной убедительностью показал, что это отношение, по существу, *ничем не отличалось* от отношения к еретикам Иосифа Волоцкого. В новейшей своей книге (посвященной, в основном, еретику Ф. В. Курицыну, который высоко превозносится) Я. С. Лурье, исходя из действительных фактов, пишет, что «Нил Сорский еще в Кирилловом монастыре (т. е. до создания своего скита. – В.К.) выступал против «растленных разумом» вольнодумцев и чтения «небожественных писаний», и что очень широко распространенное мнение об его «терпимости» к еретикам – выражение созданной историками (и, в наибольшей мере, публицистами) XIX века «своеобразной легенды, чрезвычайно стойкой, но совершенно ни на чем не основанной... не известно ни одного случая, когда бы Нил выступал против наказания еретиков». ⁶¹⁷

Кто-либо может предположить, что эти высказывания Я. С. Лурье обусловлены стремлением, так сказать, «дискредитировать» с либеральной точки зрения не только Иосифа Волоцкого, но и Нила Сорского.

Однако и современный исследователь совершенно иного направления, Г. М. Прохоров, подводя в написанной им «энциклопедической» статье итоги своего многолетнего – одновременно и подлинно глубокого, и предельно тщательного – изучения наследия преподобного Нила Сорского, перечислил целый ряд неоспоримых доказательств «положительного отношения Нила Сорского к *литературной* борьбе Иосифа Волоцкого с еретиками». ⁶¹⁸ Необходимо, правда, учитывать, что многозначительное выделение Г. М. Прохоровым слова «литературной» едва ли уместно: ведь, если исходить из всех известных нам фактов, и Иосиф Волоцкий вел именно и только литературную борьбу с еретиками: никаким иным «оружием», кроме письменного и устного *слова*, он не пользовался. Это совершенно ясно, в частности, из подробнейшего исследования деятельности преподобного

⁶¹⁶ Там же, с. 228.

⁶¹⁷ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988. с. 116, 117.

⁶¹⁸ Прохоров Г. М. Нил Сорский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1989, ч. 2. с. 138.

Иосифа в объемистой книге Я. С. Лурье,⁶¹⁹ который – что в данном случае весьма важно – относится к преподобному с очевидным и даже крайним недоброжелательством, но все же в основном следует реальным фактам.

Вместе с тем нельзя не сказать, что в последней книге Я. С. Лурье, где доказывается *единство* преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского с точки зрения отношения к ереси, намечена, с другой стороны, определенная «переключка» в этом плане между еретиком Федором Курицыным (кумиром Я. С. Лурье) и князем-старцем Вассианом.

Я. С. Лурье утверждает, что Вассиан-де категорически выступал против казней еретиков и что, по мнению князя-старца, «даже нераскаившихся еретиков не надо казнить». При этом-де «смелый и красноречивый человек, Вассиан высказывал свои мысли великому князю прямо и открыто... позволил себе оспаривать важнейшие приказы государя (арест неугодных людей в нарушение данной клятвы, насильственное пострижение в монахини надоевшей супруги)». ⁶²⁰ Так же «смело», мол, высказывался Вассиан и против казней еретиков.

Приходится сказать, что суждение Я. С. Лурье о протестах Вассиана против клятвопреступного ареста в 1523 году новгород-северского князя Василия Шемячича (которому Василий III перед этим дал скрепленную своей подписью охранную грамоту) и против заточения в 1525 году первой жены Василия III в монастырь прямо-таки изумляет. Ведь Н. А. Казакова еще в 1960 году с полной убедительностью показала, что этих протестов *не было* ⁶²¹ (хотя, вполне вероятно, Вассиан – как и почти все деятели Церкви, в том числе и иосифляне, – был недоволен или даже возмущен указанными поступками Василия III). Не исключено, впрочем, что к 1988 году Я. С. Лурье просто забыл об исследовании Н. А. Казаковой и повторил давние легенды апологетов Вассиана.

Но в самое последнее время – уже после выхода цитированной книги Я. С. Лурье – молодой исследователь Ю. В. Анхимюк неоспоримо показал, что и представление о Вассиане как принципиальном *противнике казней еретиков* не соответствует действительности.

Верно, что в ранних сочинениях, написанных Вассианом или хотя бы при его деятельном участии, – «Ответе кирилловских старцев» и «Слове ответном» – казни еретиков осуждаются. Однако в написанных несколько позже «Слове о еретиках» и «Прении с Иосифом» Вассиан не только недвусмысленно выступает *за казни* еретиков, но даже дает им солидное обоснование, ссылаясь на исторические примеры – казни еретиков христианскими, главным образом, византийскими императорами. И наиболее выразителен тот факт, что Вассиан явно взял эти самые примеры из сочинений преподобного Иосифа Волоцкого! Ю. В. Анхимюк сопоставляет Вассианово «Слово о еретиках» и созданное *ранее* 13-е Слово из «Просветителя» Иосифа Волоцкого и фиксирует прямые текстуальные совпадения!

«Итак, – не без огорчения резюмирует настроенный высоко ценить князя-старца Ю. В. Анхимюк, – если в отношении к проблеме монастырского землевладения Вассиан проделал путь от сравнительно ортодоксальных взглядов его учителя Нила Сорского (выше говорилось о том, что на деле «взгляды» преподобного Нила и Вассиана на проблему землевладения были несовместимыми. – *В.К.*) ко все более радикальной программе, то его позиция в вопросе о наказаниях еретиков менялась в обратном направлении: от неприятия казней любого еретика или согрешающего к признанию их допустимости». ⁶²² Впрочем, слово «допустимость» явно неточно: Вассиан ведь недвусмысленно говорил в своем позднем

⁶¹⁹ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М. – Л., 1960. с. 532.

⁶²⁰ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения, с. 140, 141.

⁶²¹ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения, с. 65–72.

⁶²² Анхимюк Ю. В. Указ. соч. с. 137.

сочинении о еретиках: «казнить царем и князем их подобает»⁶²³ – то есть следует (а не «допустимо»).

Ю. В. Анхимюк поясняет здесь же, что Вассиан шел к «сближению с позицией иосифлян. Нужно было и оправдать вел. кн. Василия III, в свое время казнившего еретиков». И Вассиан сделал «уступки (скорее всего, вынужденные)... иосифлянской верхушке Московской митрополии».⁶²⁴

Таким образом, Вассиан, как оказывается, не считался с иосифлянами в вопросах монастырского землевладения, идя «ко все более радикальной программе», но «сближался» с ними в вопросе о казни еретиков, – хотя, между прочим, никакой острой борьбы с еретиками тогда, уже после кончины преподобного Иосифа, и не было!

Как же это понять? Ответ может быть только один: «позиции» Вассиана диктовались прежде всего стремлением угодить Василию III. В последние годы жизни преподобного Иосифа Волоцкого Василий III, как явствует из целого ряда бесспорных фактов, относился к нему враждебно или хотя бы с резким недовольством, – достаточно вспомнить о запрещении полемизировать с Вассианом! Поэтому великий князь не возражал, когда Вассиан обвинил преподобного в нетерпимости по отношению к еретикам. Но это обвинение нужно было и Вассиану, и Василию III именно и только как способ дискредитации Иосифа Волоцкого в глазах всегда склонных к всепрощению русских людей; после же кончины преподобного Василий III не желал осуждения казни еретиков, распоряжение о которой он сам и отдал. И Вассиан стал теперь писать, что царям и князьям «подобает» казнить еретиков...

Словом, Вассиан (пока Василий III против этого не возражал) использовал тему казней исключительно в качестве оружия борьбы с преподобным Иосифом. Я. С. Лурье убедительно сформулировал (хотя он в целом весьма сочувственно воспринимает Вассиана): «Опытный политик и талантливый полемист, «старец Вассиан» видел в споре о наказаниях еретиков прежде всего *прекрасное средство* для уязвления своих противников – иосифлян... Полемика против иосифлян была для Вассиана *чисто тактическим* приемом».⁶²⁵ (Вернее, впрочем, было бы сказать, не «против иосифлян», а против самого преподобного Иосифа прежде всего и преимущественно.)

Все это приводит к естественному выводу: Вассиан был, выражаясь современным языком, *беспринципным* идеологом и деятелем. Целый ряд разнообразных фактов убеждает, что этот приговор не является напраслиной. Так, непримиримо воюя с преподобным Иосифом, Вассиан в течение долгого времени вполне мирно уживался с заведомым иосифлянином митрополитом (с 1522 года) Даниилом, – уживался, очевидно, именно потому, что тот являлся митрополитом, и с ним было опасно ссориться, а также и потому, что и сам Даниил (в отличие от преподобного Иосифа) не столь уж настаивал на «принципах». До нас дошел текст Василия III (1523 года): «А коли семи сию запись писал, и тогда был у отца нашего Даниила, митрополита всея Руси, у сей записи старец Васьян, княж Иванов».⁶²⁶ В продолжение почти десятилетия Вассиан без каких-либо заметных стычек, в сущности, делил с Даниилом высшую (после, конечно, великого князя) власть.

Когда, например, в 1526 году архиепископ Ростовский Кирилл, занимавший *третью* ступень в официальной церковной иерархии (вслед за митрополитом и архиепископом Новгородским) осмелился в чем-то притеснить тех заволжских иноков, которые были сторонниками Вассиана, последний добился от Василия III специальной грамоты о

⁶²³ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения, с. 273.

⁶²⁴ Анхимюк Ю. В. Указ. соч. с. 137, 138.

⁶²⁵ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV-начала XVI века. М. – Л., 1955. с. 219.

⁶²⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.-Л., 1950. с. 415.

неподсудности этих иноков архиепископу!⁶²⁷

Можно бы привести и другие подобные факты. Вместе с тем, Даниила, конечно же, раздражало наличие рядом с ним своего рода второго митрополита, и в конце концов он сумел – в 1531 году – устроить суд над Вассианом, по приговору которого тот был сослан в Иосифов Волоколамский монастырь. Но это явно был исход борьбы за власть, за влияние на великого князя, а не столкновения принципиально различных убеждений.

Кстати сказать, один из типичных способов «очернения» преподобного Иосифа Волоцкого – возложение на него ответственности за неблагоприятные поступки Даниила (совершенные уже после кончины преподобного), которого объявляют его главным и верным последователем. Так, в упомянутой выше книге эмигранта П. Иванова «Тайна святых» в целях дискредитации преподобного перечисляются грехи Даниила – этого, как там сказано, «преемника и лучшего ученика Иосифа Волоцкого».⁶²⁸ Перед нами яркий образчик невежества (или же фальсификаторства), ибо в предсмертном Иосифовом послании Василию III о том, «коим старцем приказати пригоже монастырь», названы *десять* имен монахов, достойных, по мнению преподобного, возглавить его монастырь, однако имени Даниила среди этих десяти нет!⁶²⁹ Василий III, о чем уже сказано, враждебно или по меньшей мере с явным недовольством относился тогда к преподобному, и вопреки Иосифовой воле игуменом после него стал Даниил. В написанном Саввой Черным через тридцать с лишним лет после кончины преподобного житии рассказано, что Даниила избирали сами старцы монастыря – без какого-либо давления со стороны Василия III.⁶³⁰ Но это умалчивание преследовало цель не бросить тень на великого князя, и весьма примечательно, что даже и в этом рассказе избрание Даниила совершается без волеизъявления преподобного Иосифа, который только якобы соглашается со старцами. А через семь лет Василий III настоял, чтобы Даниил стал митрополитом.

Словом, склонный к безнравственным компромиссам Даниил (у которого, впрочем, были и немалые заслуги) являл собой, строго говоря, мнимого ученика преподобного Иосифа, как и Вассиан – преподобного Нила.

Естественно может возникнуть вопрос: почему же все-таки Вассиан, явно не желавший рисковать карьерой ради принципов, столь долго ладивший с иосифлянином Даниилом, тем не менее с такой яростью обрушивался на самого преподобного Иосифа?

Прежде всего следует иметь в виду, что Иосиф Волоцкий, в отличие от того же Даниила, не был склонен к каким-либо компромиссам, и Вассиан отнюдь не мог рассчитывать на продиктованное осторожной тактикой признание преподобным неожиданной верховной роли Вассиана при Василии III. А между тем именно в то время, когда Вассиан сумел вернуться в Москву и начал завоевывать высшее положение при великом князе, имело место сближение (правда, кратковременное) преподобного с Василием III, который, в частности, поначалу целиком поддержал Иосифа Волоцкого в его прискорбном – до сих пор не очень ясном⁶³¹ –

⁶²⁷ Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли, с. 119.

⁶²⁸ Иванов П. Указ. соч. с. 514.

⁶²⁹ Послания Иосифа Волоцкого, с. 239–240.

⁶³⁰ Житие преподобного Иосифа Волоколамского. Сост. Саввою, еп. Крутицким. М., 1865. с. II.

⁶³¹ Поскольку вообще принято «обличать» преподобного Иосифа, в историографии господствует мнение о его полнейшей неправоте в конфликте со святителем Серапионом. Между тем проблема достаточно сложна. В начале 1507 года, в обстановке тяжких притеснений и насилий, чинимых волоколамским князем Феодором, преподобный Иосиф перевел свой монастырь под патронат Василия III. При этом он нарушил церковный канон, так как должен был прежде получить разрешение архиепископа Новгородского Серапиона. Позже преподобный отправил своего доверенного старца в Новгород за разрешением, но из-за «морового поветрия» старец прибыл туда с большим опозданием, и оскорбленный архиепископ не принял посланца, а затем, весной 1509 года, по наущению волоколамского князя отлучил от Церкви преподобного Иосифа и его монастырь. Мера эта явно была чрезмерно

конфликте с архиепископом Новгородским святителем Серапионом. С другой стороны, преподобный Иосиф Волоцкий обладал тогда уже самым высоким признанием в церковных кругах, включая и митрополита Симона (чем, в частности, объяснялась и краткая благосклонность к нему Василия III), и в случае его противодействия Вассиан, вероятно, не мог бы обрести то положение чуть ли не второго митрополита, которое он вскоре и завоевал.

И только-только укрепившись в Москве, Вассиан тут же начал свою кампанию против преподобного. Как доказывал А. А. Зимин и вслед за ним Я. С. Лурье, первая его акция в этой борьбе заключалась в том, чтобы побудить Василия III отказаться от поддержки Иосифа в его тяжбе с Серапионом и принять сторону последнего.⁶³² Уже в 1511 году цель была достигнута: Василий III, в сущности, совершенно неожиданно приказал преподобному Иосифу Волоцкому виниться перед лишенным своего сана святителем Серапионом, – чего преподобный, считая себя правым, не сделал и тем самым, очевидно, окончательно испортил отношения с великим князем.

Здесь нельзя не отметить, что по своим убеждениям святитель Серапион был самым последовательным иосифлянином (в некоторых отношениях он «превосходил» в этом даже и самого преподобного Иосифа Волоцкого!), и прискорбный разрыв между преподобным и святителем отнюдь не означал противостояния их *убеждений*. Поэтому горячая защита святителя Серапиона со стороны Вассиана предстает как еще одно выражение его «беспринципности»; для борьбы с преподобным Иосифом любые средства и союзники хороши!

Нельзя не признать, что в этой борьбе Вассиан был весьма находчив и хитроумен. Так, в своем «Прении с Иосифом Волоцким» (написанном уже после кончины преподобного) он утверждал свое мнимое «единство» с преподобным Нилом Сорским не столько от себя лично, сколько *устами своего усопшего противника*. Он «заставил» преподобного Иосифа «обличать» преподобного Нила и себя, Вассиана, совместно, заодно:

«Иосиф. О еже како Нил и его ученик Вассиан похулиша... в Русской земли чудотворцев...

Вассиан. Сие, Иосифе, лжеши на мя и на моего старца Нила...

Иосиф. О еже како Нил и ученик его Вассиан глаголют и пишут...»⁶³³

В упомянутой выше новейшей работе Ю. В. Анхимюка (который, кстати, относится к Вассиану весьма сочувственно) доказано (с опорой на предшествующий анализ А. И. Плигузова), что в Вассиановых сочинениях «высказывания» преподобного Иосифа отнюдь не представляли собою действительные цитаты; мнимое цитирование это, пишет Ю. В. Анхимюк, только «литературный прием» и даже, как далее определяет сам Ю. В. Анхимюк, «подложность»⁶³⁴ что, надо прямо сказать, гораздо более верно характеризует полемику Вассиана, нежели слово «прием».

Приписывание Иосифу Волоцкому обвинений в адрес Нила Сорского нужно было Вассиану для компрометации преподобного, который будто бы злобно обличал всеми чтимого святого старца. О действительном же отношении Иосифа к Нилу ясно говорят хотя бы следующие факты.

Во-первых, преподобный Иосиф написал часть своего «Просветителя» на основе одного

суровой, и святителя Серапиона сместили с его поста. Решить со всей определенностью вопрос «кто виноват?» не представляется возможным. История эта особенно прискорбна потому, что преподобный Иосиф и святитель Серапион были безусловными единомышленниками.

⁶³² Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. с. 127–133.

⁶³³ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения, с. 280.

⁶³⁴ Анхимюк Ю. В. Указ. соч. с. 121.

из сочинений Нила Сорского;⁶³⁵ далее, как недавно точно установлено, в библиотеке Иосифова Волоколамского монастыря сочинений Нила Сорского хранилось *ненамного меньше*, чем сочинений самого Иосифа Волоцкого;⁶³⁶ наконец, ближайшие ученики преподобного Иосифа, Нил Полев и Дионисий Звенигородский, в 1500-х годах отправились к преподобному Нилу Сорскому, создали поблизости свои скиты, долго пребывали здесь, и, возвратившись (уже после кончины преподобного Нила) к преподобному Иосифу, Нил Полев привез с собой целый ряд рукописей Нила Сорского.⁶³⁷

Нельзя не сказать и о том, что, кроме заведомо подложных «сведений» Вассиана, мы располагаем известиями о всего лишь одном случае спора между преподобными Иосифом и Нилом – об их противоречивших друг другу выступлениях на церковном соборе 1503 года. Но даже и эти сведения не могут быть признаны вполне достоверными. Они содержатся в *позднейших*, отдаленных от времени собора несколькими десятилетиями источниках. Так, в известном «Письме о нелюбках», относящемся к 1530 или даже 1540-м годам, сообщалось, что Нил Сорский, прибывший на собор 1503 года вместе со своим учителем, Паисием Ярославовым, выступил с решительным протестом против монастырских сел, а затем его резко оспорил в своем выступлении Иосиф Волоцкий.⁶³⁸

Недостоверность этого сообщения проявляется уже в том, что Паисий, как точно установлено, скончался до собора. Далее, согласно более раннему и потому более достоверному источнику, «Слово иному», преподобный Нил не держал речь на соборе (такая речь, кстати сказать, явно не соответствовала самому стилю его поведения), а только высказывал свое мнение в *беседе* с Иваном III: «Приходит же к великому князю и Нил, чернец з Белаозера, высоким житием словый сый, и Денис, чернец Каменский, и глаголют великому князю: „Не достоин чернец сел имети“». ⁶³⁹

Открывший и опубликовавший «Слово иное» Ю. К. Бегунов писал, что в этом раннем, близком к самому событию источнике ничего не говорится ни о полемике между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким, ни о выступлении последнего. Согласно «Слову иному», основные споры на соборных заседаниях развертываются *не между «нестяжателями» и «иосифлянами»*, а между великим князем Иваном III и соборным большинством во главе с митрополитом Симоном... Против предложения о секуляризации решительно выступило большинство присутствовавшего на соборе духовенства. Автор «Слова иного» на первом месте называет Серапиона, игумена Троице-Сергиева монастыря (в будущем оказавшегося в распри с преподобным Иосифом. – В.К.) ...особенно подчеркивает значительную роль игумена Серапиона в деле сплочения соборного большинства против секуляризаторских намерений великого князя... Вскоре и архиепископ Новгородский Геннадий (второе после митрополита лицо в церковной иерархии. – В.К.) начал говорить «противу великого князя» о церковных землях по наущению митрополита Симона. Речь Геннадия была решительно остановлена Иваном III»⁶⁴⁰ – то есть особенно ему досадила, и не прошло и года, как святитель Геннадий был отстранен от своего поста и, по убеждению А. А. Зимины, известное «обвинение Геннадия

⁶³⁵ Прохоров Г. М. Нил Сорский, с. 139.

⁶³⁶ Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991 (по указателям).

⁶³⁷ Прохоров Г. М. Нил (в миру Николай Васильевич Полев) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1989. Ч. 2. с. 129–131.

⁶³⁸ Послания Иосифа Волоцкого, с. 367.

⁶³⁹ Бегунов Ю. К. «Слово иное» – новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением Церкви // ТОДРЛ. 1964. Т. 20, с. 351.

⁶⁴⁰ Там же, с. 355, 356, 360.

в „мздоимании“ лишь предлог, чтобы с ним расправиться».⁶⁴¹ В упомянутом выше позднейшем «Письме о нелюбках» дана совершенно неправдоподобная картина собора 1503 года (хотя целый ряд авторов использует ее и поныне как достоверную). Согласно «Письму», не Иван III, а Нил Сорский требует отъятия монастырских сел и, с другой стороны, возражает на это не сонм иерархов во главе с митрополитом, а один только волоколамский игумен.

Выше уже шла речь о том, что преподобный Нил Сорский никак не мог предлагать программу отъятия монастырских сел. Р. Г. Скрынников недавно с полным основанием писал (допуская, правда, что Нил Сорский вместе с Дионисием Каменским действительно держали речь на соборе, хотя и это маловероятно): «Нил и Дионисий отнюдь не предлагали насильственно изымать вотчины у монастырей. Они ставили вопрос в моральной плоскости: достойно или недостойно для иноков владеть вотчинами... и никогда не выступали в пользу секуляризации – насильственного вторжения государства в сферу имущественных прав церкви. Речь Нила клонилась к тому, чтобы убедить монахов добровольно отказаться от „сел“... Только на этом пути христианского самоотречения иноки и могли спасти себя».⁶⁴²

Последняя формулировка, впрочем, едва ли точна. В глазах преподобного Нила полное «нестязательство» иноков (то есть отказ не только от *личной* собственности – что было обязательным и с точки зрения преподобного Иосифа, – но и от «*коллективной*» собственности монастыря в целом) являло, так сказать, *наилучшее*, по убеждению Нила Сорского, условие истинного пути. Но в то же время преподобный Нил не считал, что нельзя «спасаться» в стенах таких богатых монастырей, как Троице-Сергиев, Соловецкий и, конечно, Иосифов Волоколамский. Мнение, согласно которому преподобный Нил вообще «противостоял» монастырям, нелепо уже хотя бы потому, что, как пишет наиболее основательный исследователь его пути Г. М. Прохоров, Нил Сорский «ограничил прием в скит требованием, чтобы человек предварительно прошел выучку в общежительном монастыре (в ските никого не постригали)». Сам этот порядок неоспоримо свидетельствует, что преподобный Нил отнюдь не «отрицал» иной путь; он полагал только, что избранный им путь – наиболее плодотворный (а такая убежденность естественна для любого самобытного деятеля). И «вообще, – заключает Г. М. Прохоров, – путь борьбы за исправление пороков окружающего общества, даже общества монашеского, был чужд Нилу Сорскому», – хотя, конечно, он придерживался мнения, что в условиях монастыря, ведущего большое хозяйство (как те же Троице-Сергиев, Иосифов Волоколамский, Соловецкий), жизнь оказывается «рассеивающей внимание и рождающей страсти».⁶⁴³

Но отсюда не возникал и не мог возникнуть тот острый конфликт, который пытались и пытаются выискать во взаимоотношениях Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. Поэтому крайне сомнительна версия о резком столкновении преподобных на соборе 1503 года.

Что же касается характерного для *позднейших* источников превращения всего этого собора в спор между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким, оно, без сомнения, было обусловлено совершившимся к тому времени наивысшим признанием преподобных («такие светила», – сказано о них в том же «Письме о нелюбках»), личности которых как бы затмевали все остальное.

Не исключено, что преподобные присутствовали на соборе и, может быть, сказали свое слово (правда, часть историков, как и А. А. Зимин, сильно сомневается даже в том, что Иосиф Волоцкий держал речь,⁶⁴⁴ а «Слово иное» сообщает только о *беседе* Нила Сорского с

⁶⁴¹ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. с. 201.

⁶⁴² Скрынников Р. Г. Государство и Церковь на Руси. с. 171, 172.

⁶⁴³ Прохоров Г. М. Нил Сорский, с. 135, 136.

⁶⁴⁴ См.: Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий, с. 205, 207, 208.

Иваном III, причем последний, возможно, использовал затем высказывания преподобного о нежелательности монастырских сел в своих – чуждых преподобному – секуляризаторских интересах).

Однако при всех возможных оговорках у нас нет сколько-нибудь серьезных оснований полагать, что на соборе 1503 года имела место «борьба» преподобных Нила и Иосифа. Версия об их столкновении, изложенная в «Письме о нелюбках», родилась, скорее всего, под воздействием «подложных» псевдоцитат в широко распространяемых сочинениях Вассиана (преподобный Иосиф сообщал, что Вассиан «рассылает... послания»):⁶⁴⁵ ведь весь дальнейший (после сообщения о соборе 1503 года) рассказ этого «Письма» говорит о споре Иосифа Волоцкого уже не с Нилом Сорским, а с Вассианом. И представление о том, что *первоначально* конфликт, обрисованный в «Письме», представлял собой столкновение между преподобными Иосифом и Нилом, было, скорее всего, внушено автору «Письма» сочинениями Вассиана.

Обратимся теперь к наиболее «острой» стороне вопроса о преподобных Иосифе и Ниле – их отношении к ереси жидовствующих.

Как уже сказано, с середины XIV до середины XVI века Русь переживает эпоху интенсивного роста и многообразного расцвета. В частности, в 1480 году она окончательно освобождается от зависимости от Орды, но следует знать, что благодаря резкому ослаблению последней зависимость от нее имела уже скорее формальный, чем фактический характер с самого начала великого княжения Ивана III (1462 год).

Одним из очень существенных последствий обретения Русью «суверенности» явилось ее широкое общение с окружающим миром – и с Западом, и с Востоком; ранее «внешняя политика» во многом была, так сказать, прерогативой правителей Золотой Орды, которым подчинялись русские князья. Но по мере ослабления ордынской власти – еще до 1480 года – складываются, например, тесные взаимоотношения Руси с самой «высокоразвитой» тогда страной – Италией, и в Москву в 1475 году приглашается выдающийся итальянский инженер Аристотель Фьораванти, под руководством которого в Кремле строится новое здание Успенского собора, существующее и сегодня.

Между прочим, некоторых людей как бы задевает тот факт, что великолепное творение московского зодчества строил иностранец... Но, во-первых, Италия в то время вырвалась далеко вперед в сфере науки и техники, и итальянских мастеров приглашали для работ вовсе не только на Русь, но и в основные страны Западной Европы, а, во-вторых, для усвоения характера собственно русского зодчества Фьораванти для начала был отправлен во Владимир, где изучал архитектурное своеобразие тамошнего Успенского собора, чудесного храма Покрова-на-Нерли и т. п., и построенный им в Москве Успенский собор был выдержан в основных канонах русского зодчества. Между прочим, преподобный Иосиф Волоцкий писал об этом соборе, что его «достоит нареши земное небо, сияюще яко великое солнце посреде Руския земля».⁶⁴⁶

Словом, установившиеся во второй половине XV века деятельные и многообразные взаимосвязи Руси с «внешним» миром были в тех или иных отношениях и естественны, и плодотворны. Но, как говорится, все имеет свою оборотную сторону, что в особенности уместно сказать о русских людях, в высшей степени склонных к всякого рода «крайностям». Вообще-то это качество может дать и «отрицательные» и «положительные» последствия, и русский «экстремизм» (если воспользоваться современным термином) являет собой национальное своеобразие, а не заведомо «отрицательную» черту.

Но одно из проявлений этого «экстремизма», которое не раз имело место в нашей истории, всегда наносило тяжкий ущерб стране. Речь идет о таких периодах истории Руси-России, когда ради пришедших *извне* «новаций» предпринимался «экстремистский» отказ от веками складывавшихся устоев бытия и сознания, – отказ, который не мог привести ни к

⁶⁴⁵ Послания Иосифа Волоцкого, с. 228.

⁶⁴⁶ Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. – Казань, 1903, с. 44.

чему, кроме разрушений, и только последующий нелегкий, подчас мучительный возврат на *собственный путь* спасал страну...

Незадолго до того, как в Москву прибыл упомянутый итальянец Фьораванти, в 1470 году, в Новгород заявился другой человек, который также имел в конечном счете итальянское происхождение: его дед Симоне де Гизольфи был знатным и богатым генуэзцем, занимавшимся крупной, как сказали бы теперь, «коммерческой деятельностью» на Таманском полуострове между Черным и Азовским морями. Здесь тогда существовало княжество, основным населением которого были черкесы (или, иначе, зихи), и Гизольфи устроил брак своего сына Винченцо с черкесской княжной, и сын последнего, полуитальянец-получеркес, стал *князем Таманским*. Это был, как ясно из фактов, человек огромной энергии и обширнейших познаний, имевший самые широкие международные связи и в Европе, и в Азии. Особое значение имела его связь с существовавшей с давних времен в таманском городе Матреге,⁶⁴⁷ являвшемся столицей его княжества, крупной иудейской общиной.

Прибыв в 1470 году в Новгород вместе с тогдашним князем Киевским Михаилом Олельковичем (литовцем), он сумел оказать громадное воздействие на общавшихся с ним людей, среди которых были и православные священники Алексей и Денис. Посеянная Заккарией, которого на Руси звали «Скарья» и «Схария», ересь дала, увы, весьма и весьма обильные «плоды». В 1478 году великий князь Иван III беседовал в Новгороде с «еретическими» священниками Алексеем и Денисом, произведшими на него столь сильное впечатление, что он пригласил их в Москву, где они были поставлены (в 1480 году) во главе важнейших соборов – Успенского и Архангельского...

Впрочем, об этом речь пойдет ниже. Здесь же необходимо сказать о наиболее существенном. Иван III, при котором Русь широко вышла на мировую арену, явно склонялся, как, на мой взгляд, свидетельствует множество известных фактов, к столь характерному для нас, русских, «экстремизму». Поскольку Русь тогда стремилась вобрать в себя те или иные практические и теоретические достижения Запада и Востока (отмечу, что Заккария Гизольфи был как бы «представителем» и Европы, и Азии) великому князю казалось, что даже само определявшее путь Руси уже пять столетий Православие нуждается в «обновлении» – в соответствии с идущими извне «советами».

Целесообразно сказать здесь о том, что во многих сочинениях «ересь жидовствующих» совершенно безосновательно сопоставляют с Реформацией, то есть с происходившим с начала XVI века в ряде стран Западной Европы переходом от Католицизма к различным формам Протестантизма. Делается это с целью представить Русь сугубо «консервативной», «реакционной», «мракобесной» (сие определение используется в таких сочинениях) страной: вот, мол, «прогрессивный» Запад осуществил естественно назревавшую религиозную Реформацию, а Русь ее подавила и тем самым безнадежно «отстала» от Запада...

Но эта «концепция» несостоятельна уже хотя бы потому, что Реформация осуществилась лишь в Северной и отчасти Центральной Европе; Испания, Франция, Италия и т. д. вовсе не отказались от Католицизма и беспощадно подавляли «реформаторов». Далее, Реформация началась в Европе в конце 1510–1520-х годах, то есть на полвека позднее (!) возникновения «ереси жидовствующих» на Руси, и уже из этого ясно, что дело идет о совершенно различных явлениях (иначе придется признать странное, неправдоподобное русское «первенство» по отношению к западной Реформации). Наконец, – и это наиболее важно – Реформация все же отнюдь не отрицала основ Христианства, а «ересь жидовствующих», как убедительно показано в ряде исследований, была направлена именно против главных христианских устоев.

И после того как «ересь» проникла в верхние слои русского государства и Церкви, преподобный Иосиф Волоцкий начал и, в сущности, возглавил борьбу с этой опаснейшей угрозой самому бытию Руси – в глубокой своей сущности Святой Руси.

О конкретной истории этой борьбы еще будет речь. Здесь же целесообразно сказать о беседе преподобного Иосифа с Иваном III, состоявшейся в 1503 году, то есть через 25 лет (!) после увлечения великого князя речами «еретических» новгородских священников. К 1503 году

⁶⁴⁷ Его название не раз изменялось: Таматарха – Самкерц – Тматорокань – Матрега (Матрица); ныне – Тамань.

Иван III осознал всю дикость и опасность своего – пусть даже и относительного – одобрения «ереси» и признался – и покался – перед преподобным Иосифом:

«...яз, деи (де), ведал еретиков, и ты мя прости в том...» – «Государь! Мне тебя как прашати?» – «Пожалуй, прости мя!»... Да и сказал ми, которую деръжал Алексей протопоп ересь, и которую ересь дръжал Феодор Курицин).⁶⁴⁸

Этот рассказ о раскаянии Ивана III и покаянии его – властителя Руси! – перед игуменом одного из русских монастырей может удивить и даже показаться недостоверным.

Однако рассказ этот содержится в написанном преподобным Иосифом еще при жизни Ивана III послании к духовнику (то есть ближайшему собеседнику) великого князя – архимандриту Андрониковскому Митрофану и в силу этого никак не мог исказить факты.

А в покаянных словах и самом тоне Ивана III выразилось – что очевидно – пришедшее, наконец, к нему прозрение – ясное осознание всей опасности заразившего самые верхи светской и даже церковной власти лжеучения, которое подрывало истинную основу многовекового бытия Руси. И нет сомнения, что главную роль в этом сыграла многосторонняя самоотверженная деятельность преподобного Иосифа Волоцкого, – разумеется, совместно с другими православными подвижниками того времени, среди которых следует назвать прежде всего преподобного Нила Сорского.

Правда, первым выступил – в 1487 году – против «ереси» архиепископ Новгородский (в 1484–1504 годах) святитель Геннадий, ибо именно в Новгороде «ересь» и зародилась. И позднее преподобный Иосиф в своем «Сказании о новоявленной ереси» («Просветителе») высоко оценил инициативу святителя Геннадия. Но вполне закономерно, что Геннадий сразу же обратился за помощью в борьбе с «ересью» не только к близким ему церковным иерархам – епископу Сарскому Прохору, епископу Суздальскому Нифонту и архиепископу Ростовскому Иоасафу (правда, только что утратившему свою кафедру), но и к не имеющим сколько-нибудь существенной «власти» в Церкви преподобным Нилу Сорскому и Иосифу Волоцкому. Ясно, что он видел в них воплощение того высшего духовного света, который имел главное значение в борьбе с «ересью».

Важно подчеркнуть, что церковная власть и *не могла бы* справиться с «ересью», ибо «еретиков» поддерживал сам Иван III. Так, согласно свидетельству преподобного Иосифа (в его «Сказании о новоявившейся ереси») митрополит (в 1473–1489 годах) Геронтий сам был верен Православию, но не боролся с «ересью», и прежде всего потому, что «бояшеся дръжавного», то есть Ивана III, долго сочувствовавшего «еретикам»...

Словом, спасти Православие могла только собственно духовная борьба, в которой решающую роль сыграли преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский, чьи имена нераздельно связаны в истории русской Церкви и Руси вообще.

Правда, утверждая это, я, несомненно, встречу с возражениями или хотя бы недоумением, ибо во множестве сочинений, так или иначе касающихся судьбы и деяний этих русских святых, они преподнесены в качестве по меньшей мере очень далеких друг от друга людей или даже прямых врагов? И это совершенно безосновательное представление распространено чрезвычайно широко.

Мы не всегда отдаем себе ясный отчет в том, что разразившаяся в России в начале XX в. грандиозная революция самым активным образом готовилась задолго до ее непосредственного начала. Революционные или по крайней мере сугубо «либеральные» идеологи в течение XIX в. стремились всячески дискредитировать государственный, социальный и церковный строй России, притом не только современный им строй, но и его предшествующие исторические стадии – вплоть до Древней Руси. При этом, в частности, преследовалась цель найти в прошлом – в том числе в далеком прошлом – «либеральных» предшественников, противостоявших государственной и церковной властям, и, с другой стороны, «консервативных» защитников этих властей; первых, естественно, превозносили, а вторых – обличали и проклинали. Именно такая «операция» была проделана в целом ряде сочинений, касавшихся преподобных Иосифа и Нила.

⁶⁴⁸ Послания Иосифа Волоцкого... С. 175, 176.

Помимо прочего, преподобного Иосифа истолковывали в качестве своего рода вдохновителя будущего жестокого царя Ивана IV Грозного, а преподобного Нила – как вдохновителя его противников. Это являло собой чистейшую фальсификацию, что явствует хотя бы из следующих двух фактов. Во-первых, Иван IV, о чем имеются совершенно достоверные сведения, в равной мере преклонялся перед памятью преподобных Иосифа и Нила (то есть этот царь, правивший всего через три-четыре десятилетия после кончины преподобных, вовсе не усматривал в них противостоявших друг другу деятелей), а, во-вторых, главный обличитель жестокостей Ивана IV Митрополит Всея Руси святитель Филипп, был (о чем еще пойдет речь) верным последователем преподобного Иосифа!

Уже из этого можно понять, до какой степени искажена историческая реальность «либеральными» идеологами. Стоит сослаться на капитальный труд А. В. Карташева «Очерки по истории Русской Церкви», изданный в 1959 году в Париже и в 1991-м в Москве; «... с половины XIX века... началась ярко выраженная переоценка исторических фигур преподобных Иосифа и Нила. И она стала до навязчивости как бы обязательной для всякого «просвещенного» читателя. Объективный историзм устранен. Внушается якобы самоочевидная порочность точек зрения пр. Иосифа на все церковногосударственные взаимоотношения и, наоборот, канонизируется и выдается за единственно будто бы для христианства нормативную мироотрешенная, внегосударственная пустынно-нишанская позиция пр. Нила. В этом одностороннем выборе между двумя богословскими умонастроениями, на самом деле одинаково оправданными и освященными церковным преданием и античной, и византийской, и всей древнерусской Церкви, и состоит то искажение, та богословская кривизна, которую сознательно и умышленно приняла светская, университетская и популярная, история русской литературы с эпохи Белинского. Особенно заразительно талантливо выразил эту оценку в своем увлекательном курсе истории русской литературы академик А. Н. Пыпин (между прочим, двоюродный брат и во многом единомышленник революционного лидера, Н. Г. Чернышевского. – В.К.). С той поры, 70-х годов XIX в., эта «пыпинская» оценка стала заразительно всеобщей, повлияла на суждения и некоторых духовно-академических (то есть окончивших Духовные академии! – В.К.) публицистов».⁶⁴⁹

Итак, люди, которые и сегодня склонны «противопоставлять» преподобных Иосифа и Нила, должны по крайней мере задуматься о том, из каких «источников» выплеснулось сие противопоставление...

* * *

Обратимся теперь к наиболее «острой» стороне вопроса о преподобных Иосифе и Ниле – их отношении к ереси жидовствующих. Ересь, как уже сказано, была обнаружена в 1487 году архиепископом Новгородским святителем Геннадием. После достаточно длительного изучения ереси в конце 1488 или в начале 1489 года он отправляет послание своему единомышленнику, жившему вблизи Нилова скита в Ферапонтовом монастыре, Иоасафу (до 1488 года – архиепископу Ростовскому и Ярославскому) с просьбой привлечь к расследованию ереси Паисия Ярославова и Нила Сорского. Либеральные публицисты XIX века, воспользовавшись скудостью сведений о преподобном Ниле (в частности, отсутствием известий о *прямом* его отклике на послание святителя Геннадия), утверждали, что он-де отказался от какого-либо участия в борьбе с ересью. Эта выдуманная версия постоянно повторяется до сих пор.

Между тем еще в 1950-х годах Я. С. Лурье, который не склонен «идеализировать» (с либеральной точки зрения) не только преподобного Иосифа, но и любых правоверных деятелей Церкви, показал, что имеющиеся в распоряжении историков достоверные сведения об участии преподобного Нила в борьбе с ересью весьма и весьма значительны:

I. Святитель Геннадий предлагал в своем послании снабдить Нила Сорского потребными для его задачи книгами, и книги вскоре начали отправляться из Новгорода.

II. В своем «Предании», составленном, по всей вероятности, в то же время, преподобный

⁶⁴⁹ Карташев А. В. Очерки по истории русской Церкви. – М., 1991, т. 1 с. 396–397.

Нил недвусмысленно написал: «еретическая учения и предания вся проклинаяю яз и сущии со мною». ⁶⁵⁰

III. В 1490 году преподобный Нил вместе с Паисием Ярославовым участвует и противоеретическом Соборе в Москве, и нет ровно никаких оснований полагать, что он оспаривал решения Собора.

IV. Преподобный Нил сам написал определенную часть «Просветителя» (то есть «Сказания о новоявившейся ереси»), основным автором которого был преподобный Иосиф Волоцкий. ⁶⁵¹ К этому надо добавить, что, как установлено позднее Г. М. Прохоровым, преподобный Нил *собственноручно переписал* около половины глав («слов») «Сказания о новоявившейся ереси». ⁶⁵² Кстати сказать, Я. С. Лурье комментировал – и вполне обоснованно – открытие Г. М. Прохорова так: «...Нил Сорский в начале XVI века никак писцом не был. Готовность Нила взяться за перо, чтобы изготвить парадный список „Просветителя“, свидетельствует о том, что книга эта была ему *близка и дорога*». ⁶⁵³

Итак, едва ли возможно отрицать прямое участие преподобного Нила в борьбе с ересью, хотя, конечно, его роль была менее значительной, чем святителя Геннадия и преподобного Иосифа, которого, как и Нила Сорского, призвал к этой борьбе архиепископ Новгородский (в «Житии Иосифа Волоцкого», написанном Саввой Черным, сообщено: «И возвестиша архиепископ сие зло игумену Иосифу и просит помощи...») ⁶⁵⁴

Правда, даже и признавая сам факт участия преподобного Нила в борьбе с ересью, нередко при этом категорически утверждают, что-де Нил Сорский был принципиальным противником казни еретиков. Между тем преподобный, как уже сказано, переписывал Иосифов «Просветитель», где достаточно ясно выражена мысль об уместности или даже необходимости казни еретиков, и к тому же начал это переписывание, вероятней всего, уже после казней (ибо текст, который Нил Сорский переписывал, был готов в целом лишь незадолго до осудившего еретиков Собора 1504 года).

Поэтому те современные авторы, которые отрицательно – или даже крайне отрицательно – относятся к преподобному Иосифу прежде всего (а подчас и только) потому, что он был сторонником казни еретиков, должны, будучи последовательными, относиться так же и к преподобному Нилу...

Для того чтобы прийти к истинному пониманию сути дела, необходимо четко уяснить себе само явление *казни еретиков* – то есть предания смерти людей, которые не совершили *преступлений* в точном, собственном смысле этого слова и были лишены жизни за выражаемые ими враждебные духовным устоям существующего общества идеи и за неприемлемое для этих устоев поведение (что было присуще и еретикам на Руси конца XV века, кощунственно искажавшим церковные обряды).

Ясно, что в современном мире казнь еретиков (как и вообще любых «инакомыслящих») воспринимается в качестве заведомо недопустимого и дикого, всецело бесчеловечного акта, который сам предстает теперь как тяжкое преступление. Но нельзя не учитывать, что в свое время еретики были в глазах борющихся с ними людей прямыми, реальными воплощениями сатанинского начала, откровенными врагами самого Бога (именно в силу представления об их одержимости дьяволом еретиков считали нужным сжигать на кострах, ибо иные способы убийства как бы не могли уничтожить поселившийся в еретиках сатанинский дух). Тем не

⁶⁵⁰ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 128, 129, 208.

⁶⁵¹ Там же, с. 129.

⁶⁵² Прохоров Г. М. Нил Сорский. С. 138.

⁶⁵³ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. С. 118.

⁶⁵⁴ Житие преподобного Иосифа Волоцкого. С. 12.

менее очень многие люди никак не склонны с этим считаться и не могут хоть в какой-то мере оправдать те столь далекие от нашего времени казни, хоть в каком-либо смысле «примириться» с ними. Более того, с этими казнями не могло примириться и множество вполне правоверных современников – людей начала XVI века! Преподобный Иосиф Волоцкий свидетельствовал об отношении к еретикам после их осуждения (он называет здесь еретиков «отступниками», то есть отступившими от Христа); «... ныне, егда осудиша их на смерть, то христиане православнии скорбят и тужат, и помощи руку подавают, и глаголют, яко подобает сих сподобити милости».⁶⁵⁵

Именно в отказе от *милости* и обвиняют сегодня, как и полтысячелетия назад, преподобного Иосифа Волоцкого. Но совершенно необходимо *осознать* (хотя такое осознание очень редко имеет место), что в этом обвинении отражаются особенные, специфически *русские* чувство и воля (или, пользуясь модным словечком, «менталитет»), почти не присущие, например, людям Западной Европы.

Обратимся хотя бы к фигуре одного из высочайших «учителей» (это его высокий титул) католической Церкви – Фомы Аквинского (1225–1274). Он начал свою деятельность вскоре после возникновения в 1235 году инквизиции («Святой инквизиции»), стал высшим авторитетом монашеского ордена доминиканцев, взявшего инквизиционное дело в свои руки, и в главном своем сочинении «Сумма теологии» дал хитроумное и весьма «убеждающее» обоснование абсолютной *необходимости казней еретиков*:

«Извращать религию, от которой зависит жизнь вечная, гораздо более тяжкое преступление, чем подделывать монету, которая служит для удовлетворения потребностей временной жизни. Следовательно если фальшивомонетчиков, как и других злодеев, светские государи справедливо наказывают смертью, еще справедливее казнить еретиков... Ибо, как говорит св. Иероним, гниющие члены должны быть отсечены, а паршивая овца удалена из стада, чтобы весь дом, все тело и все стадо не подвергались заразе, порче, загниванию и гибели. Арий был в Александрии лишь искрой. Однако, не потушенная сразу, эта искра подожгла весь мир».⁶⁵⁶

Фома Аквинский имел в виду, что один из известнейших в истории Церкви еретиков, Арий, был на Первом Вселенском соборе 325 года осужден не на казнь, а на изгнание и впоследствии сумел привлечь к себе множество сторонников, в результате чего арианская ересь (кстати сказать, в ряде моментов близкая той ереси, с которой боролся преподобный Иосиф Волоцкий, о чем мы еще будем говорить) широко распространилась и просуществовала более трех столетий.

Руководствуясь «концепцией» Фомы Аквинского, «Святая инквизиция» с XIII по XIX век отправила на костер десятки тысяч еретиков (последние инквизиторские казни состоялись в 1826 (!) году, но, конечно, подавляющее большинство еретиков было казнено в более ранние времена); одна только испанская инквизиция сожгла, согласно наиболее достоверным подсчетам, 28 540 еретиков...⁶⁵⁷ И тем не менее святой Фома Аквинский всегда был и остается объектом всеобщего и безусловного поклонения; ему вообще не предъявляются обвинения, подобные тем, которые и в прошлом, и теперь обращают (нередко с крайней резкостью) к имени преподобного Иосифа Волоцкого, который – как и Фома Аквинский – дал обоснование казни еретиков.

Впрочем, Иосиф Волоцкий явно не был основоположником в этом прискорбном деле. Первым поставил вопрос о казнях еретиков – еще в 1490 году – архиепископ Новгородский Геннадий. Но и он не являлся «первопроходцем». В этом самом году архиепископ имел беседу с германским послом Георгом фон Турном, который рассказал о чрезвычайно интенсивной

⁶⁵⁵ Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. – Казань, 1903, с. 533.

⁶⁵⁶ Цит. по: Богош Ю. Фома Аквинский. М., 1945, с. 45, 46.

⁶⁵⁷ Григулевич И. Р. История инквизиции. МД 1970, с. 271.

«работе» испанской инквизиции за предшествующее десятилетие. Испанский король, поведал посол, «очистил свою землю от ересей жидовских». Речь шла о начавшемся с 1480 года по повелению знаменитого Фердинанда Католика сожжении тысяч еретиков.

В октябре 1490 года Геннадий писал митрополиту Московскому Зосиме: «Сказывал ми посол цесарев про шпанского короля, как он свою очистил землю!.. И ты бы, господине, великому князю (то есть Ивану III – В.К.) о том пристойно говорил...»

Но эта апелляция к «достижениям» Запада долго оставалась тщетной; только спустя почти полтора десятилетия, в 1504 году, девять еретиков были подвергнуты сожжению.⁶⁵⁸

Апологет «ереси жидовствующих», Я. С. Лурье, подводя итоги, написал: «Русская земля была очищена вполне «по-испански» (См. Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М. – Л., 1955, с. 217). «Подражание» Испании в этом деле совершенно очевидно, но употребленное Я. С. Лурье слово «вполне» никак не уместно, ибо «по-испански» действовали в *тысячу* раз более интенсивно, и тут уж, как говорится, количество переходит в качество...

Речь идет отнюдь о предложении отказаться от *русского* неприятия казни еретиков вообще; это и невозможно, и совершенно нежелательно, ибо перед нами по-своему истинно прекрасное национальное качество. Речь совсем о другом – об объективном осознании самого этого качества, осознании, которое даст возможность понять, что казни еретиков – это одно из проявлений трагического несовершенства мира в его целом (к тому же выразившееся на Руси XVI века в неизмеримо меньших масштабах, чем в тогдашней Западной Европе), а не порождение «злой» воли русской Церкви или отдельных ее деятелей.

Нельзя не учитывать, в частности, что в самом решении призвать к казни еретиков святитель Геннадий опирался на известия о «деятельности» испанской инквизиции и, по всей вероятности, без такой опоры казни еретиков на Руси вообще не состоялись бы...

Для того чтобы полнее уяснить сам феномен русского сознания, о котором идет речь, целесообразно напомнить о том, как это сознание превратило в будто бы совершенно уникального, не имеющего себе равных в мире тирана и палача Ивана IV Грозного (притом превратило в глазах не только России, но и Запада!).

Теперь необходимо хотя бы кратко сказать о самой ереси, с которой боролись преподобные Иосиф и Нил. Это достаточно сложное явление, и характеризовать его здесь во всех его аспектах невозможно. К тому же существует ряд работ, в которых более или менее верно и полно охарактеризована эта ересь. Здесь следует назвать содержательный раздел «Ересь жидовствующих» в трактате А. В. Карташева и замечательное – пусть и в некоторых моментах спорное – исследование Г. М. Прохорова;⁶⁵⁹ в последние годы появилось несколько уточняющих те или иные стороны проблемы работ.⁶⁶⁰

Но о самом «основоположнике» ереси – о не раз упомянутом в сочинениях преподобного Иосифа «Схарии» – рассказать целесообразно, ибо очень часто сведения о нем, излагаемые в популярной литературе, неверны или смутны. А между тем его воздействие на новгородских священников и, возможно, на таких людей, посольский дьяк Федор Курицын, невестка (жена сына) Ивана III Елена и на самого великого князя, с которым «ересиарх» в течение многих лет вел переписку, было весьма и весьма значительным. Все говорит о том, что это был по-своему

⁶⁵⁸ Достоверны сведения именно о девяти казненных. Ю. В. Анхимюк сослался на одну из летописей, где указано иное количество – 27 казненных, но здесь скорее всего речь идет об осужденных за ересь вообще (см.: Анхимюк Ю. В. Указ. соч., с. 121).

⁶⁵⁹ Карташев А. В. Очерки по истории русской Церкви. С. 489–505 – Прохоров Г. М. Предание Григория Паламы «с хионы и турки» и проблема «жидовская мудрствующих». ТОДРЛ, 1972, т. 27, с. 329–369.

⁶⁶⁰ См., например: Турилов А. А., Чернецов А. В. 1) Отреченная книга Рафли. ТОДРЛ, 1985, т. 60, с. 260–344. 2) К культурно-исторической характеристике ереси «жидовствующих». Герменевтика древнерусской литературы XI–XV вв. М., 1989. Сб. 1, с. 407–429; Дмитриев М. В. Православие и реформация. МД 1990, с. 48–52, 63–64 (здесь широко привлечена зарубежная литература по этой проблеме).

«выдающийся» человек. Сведения о нем собраны в ряде исследований, на которые и опирается дальнейшее изложение.⁶⁶¹

Как уже сообщалось, «ересиарх» был сыном знатного и богатого итальянца – конкретно, генуэзца – Винченцо де Гизольфи. Семья Гизольфи, занимавшаяся крупной торговлей и в то же время привычная к владению оружием, еще с XIII века самым энергичным образом действовала на побережье Черного моря в так называемых генуэзских колониях.⁶⁶² Выше было показано, что обосновавшиеся с XIII века в Крыму генуэзцы сыграли если не решающую, то уж, без сомнения, громадную роль в организации нашествия Мама на Русь (на Куликово поле, как известно, явилась и собственно генуэзская пехота). И можно видеть своего рода историческую «эстафету» в том, что спустя девяносто лет после 1380 года выходец из влиятельной генуэзской семьи, Заккария-Схария, осуществил «идеологическую диверсию» на Руси. Правда, он был уже, так сказать, не только генуэзец. В письмах («грамотах») Ивана III он именуется и «фрязином» (то есть, по-древнерусски, итальянцем), и «черкасином», и «евреянином», и «жидовином», и еще «таманским князем». И все эти – столь разные – наименования были отнюдь не безосновательны.

Отец Заккарии, Винченцо, вел свои дела – по-видимому, главным образом торговые – в генуэзской «колонии» Матрега на Таманском полуострове. И в 1419 году, как уже сказано, вступил в брак с черкесской (черкесы населяли тогда Таманский полуостров) княжной Бике-ханум; в результате его сын Заккария обрел титул и положение «князя Таманского».

Далее, необходимо учитывать, что в свое время, в IX-X веках, Матрега, именовавшаяся тогда Самкерц, была одним из важнейших городов иудейского Хазарского каганата, и к тому же князь Святослав, разгромивший другие центры враждебного Руси каганата, по каким-то причинам не захватил Самкерц,⁶⁶³ и его иудейское население уцелело; в исторических источниках есть сведения о его весьма существенной роли на Таманском полуострове вплоть до времени Заккарии Гизольфи. При нем здесь побывал итальянский путешественник Джордже Интериано, который, говоря о черкесах-зихах как о христианском народе (они были крещены еще в VIII веке византийской Церковью), вместе с тем отметил, что зихи, когда «случается необходимость написать к кому-нибудь», подчас «поручают это дело евреям», выступавшим, следовательно, как наиболее «культурная» часть таманского населения.⁶⁶⁴

Среди таманских евреев имелись, надо думать, потомки правящих верхов иудейской империи – Хазарского каганата, люди многознающие, сохранившие национально-религиозную память. По всей вероятности, «князь таманский» Заккария был тесно связан с этими людьми своего княжества и так или иначе воспринял их знания и верования; в противном случае было бы непонятно, почему Иван III в своих «грамотах» именовал этого полуитальянца-получеркеса (зиха) «евреянином» и «жидовином».

Кстати сказать, в 1488 году некий инок Савва в послании близко знакомому ему тогдашнему «дипломату» Дмитрию Шеину, встречавшемуся в Крыму с Заккарией, призывал не доверять никаким словам последнего; «...аще (если) человек будет добр и украшен всеми добродетельми и примесит к ним мало нечто жидовского... то все его житие непотребно пред Богом и человеки, и Бог не стерпит ему и обличит, его, яко же и новгородских попов, учение

⁶⁶¹ См.: Лавров Л. И. К истории русско-кавказских отношений XV в. – В изд.: Ученые записки Адыгейского НИИ языка, литературы и истории. Майкоп, 1957, т. 1, с. 17–26; Прохоров Г. М. Прение Григория Паламы... С. 350–339; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982, с. 82–84, 286–287; Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV-первая половина XVI века. М., 1990, с. 66–67.

⁶⁶² См.: Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблема торговли. М., 1990, с. 193, 269.

⁶⁶³ В некоторых сочинениях безосновательно утверждается обратное.

⁶⁶⁴ Лавров Л. И. Указ. соч., с. 23.

жидовское приимшим. ...И я, господине Дмитрей, молюся тебе: что еси от него (Заккарии. – *В.К.*) слышил словеса добры или худы, то, пожалуй, господине, отложи их от сердца своего и от уст твоих, яко же некоторое скаредие (скверну); несть с ними Бога...»⁶⁶⁵

Как уже сказано, о «ереси жидовствующих» впервые (насколько нам известно) сказал в одном из своих посланий архиепископ Новгородский святитель Геннадий. Но вот уже в следующем, 1488-м, году инок Савва (о котором мы ничего не знаем, кроме сохранившегося текста его послания Д. В. Шеину) осознает опасность Заккарии и подпавших под его влияние «новгородских попов» для Православия.

Важно отметить, что Савва, по-видимому, не считал Заккарию носителем иудейской религии как таковой: тот, по его словам, только «примесил... мало нечто жидовского». И хотя, по сведениям преподобного Иосифа, к проповеди Заккарии-Схари в Новгороде присоединились «ортодоксальные» иудеи (как говорится в Иосифовом «Сказании о новоявившейся ереси», в Новгород «потом же приидоша из Литвы инии жидове, им же имена Иосиф Шмойло Скаравей, Мосей Хануш») «ересь» все же не являлась иудейством в прямом смысле этого слова.

Имеющаяся в различных источниках «информация» дает основания для вывода, что князь Таманский Заккария, этот полуитальянец-получеркес, был человеком, обладавшим самой «современной» и многообразной тогдашней образованностью, почерпнутой и с Запада, и с Востока. Как полагает Г. М. Прохоров, Заккария «знал итальянский, черкесский, русский, латинский (на латыни написана его сохранившаяся грамота Ивану III), татарский, еврейский (богослужебный) языки. Он появился в Новгороде (в 1470 году. – *В.К.*) молодым,⁶⁶⁶ образованным и богатым аристократом с большими международными связями». Следует добавить: не только аристократом, но и главой государства – пусть малого, но имевшего немалое геополитическое значение, поскольку Таманский полуостров был узловым пунктом на одном из важных путей из Европы в Азию; правда, в 1482 году полуостров захватили турки, и Заккария был лишен власти, но он все же как бы сохранял «ранг» главы государства. Имеются сведения о взаимоотношениях «князя Таманского» с правителями Генуи, Венеции, Молдавии, Турции, Крымского ханства, государств Кавказа и т. д.

Г. М. Прохоров говорит далее: «Та готовность принять Захарию на службу и настойчивость, с какой великий князь Иван III в период покровительства жидовствующим его приглашал (начиная с 1483 по 1500 г.) показывает, что князь достаточно слышал об этом человеке. Захария просил Ивана III позволить ему переселиться в Москву после подчинения турками Тамани 1482 г.), но в конце концов осел в Крыму при дворе Менгли-Гирея» (хана Крымского).⁶⁶⁷

Не исключено, что Заккария, несмотря на лестные предложения Ивана III, не решился прибыть в Москву, ибо до него дошли известия о борьбе против «ереси», которую он пропагандировал в 1470–1471 годах в Новгороде... Следует напомнить, что князь Таманский в свое время был тесно связан с главой другого причерноморского государства, Великого княжества Молдавского, – «господарем» (в 1457–1504 годах) Штефаном Великим (правда, позднее они оказались во враждебных отношениях), посещал Молдавию⁶⁶⁸ и, вполне

⁶⁶⁵ Послание инок Саввы на жидов и на еретики. М., 1900, с. 1 (2-я пагинация).

⁶⁶⁶ Это ошибка. Г. М. Прохоров исходил из сведений, согласно которым брак отца Заккария с черкесской княжной состоялся в 1448 году; но, как позднее было установлено, это произошло почти на тридцать лет раньше, в 1419-м.

⁶⁶⁷ Прохоров Г. М. Указ. соч., с. 354.

⁶⁶⁸ Кстати сказать, Заккария в 1470 году прибыл в Новгород со своей «еретической миссией» вместе с литовским князем Михаилом Олельковичем, который был родным братом супруги Штефана Великого, Евдокии Олельковны. Едва ли это можно счесть случайностью; Штефан, вероятно, «рекомендовал» Заккарию своему шуруну.

возможно, оказал воздействие на дочь Штефана, Елену «Волошанку», которая в начале 1483 года стала супругой сына Ивана III, наследника русского престола Ивана «Молодого» и была одной из главных фигур «ереси». С другой стороны, ближайший сподвижник Ивана III, посольский дьяк Федор Курицын, который явился едва ли ни основным лидером «ереси», находился (о чем уже сказано) в 1482–1486 годах в Причерноморье и вполне мог познакомиться с князем Таманским.

Если это действительно так, становятся всецело понятными тот длительный живейший интерес к Заккарии и то настоятельное стремление привлечь его в Москву, которые проявил Иван III; все объясняется действием названных двух ближайших к великому князю лиц, ставших «последователями» Заккарии.

Как уже говорилось, Заккария проповедовал не «ортодоксальный» иудаизм (хотя соответствующая «закваска» имела место). Да и едва ли иудаизм как таковой мог «увлечь» целый ряд русских людей, начиная с самого великого князя. В частности, преподобный Иосиф писал в своем «Сказании...», что Схария «изучен всякому злодейства изобретению, чародейству и чернокнижию, звездозаконию же и астрологию». ⁶⁶⁹ Речь идет, очевидно, не об иудаизме в собственном смысле слова, а о так называемых оккультных и эзотерических «учениях», особенно активно развивавшихся с XIV века и причудливо сочетавших в себе мистику и рационализм, элементы язычества и лже толкований Христианства, отголоски религий античной Европы и Древнего Востока и т. п. ⁶⁷⁰

И на Руси, не знакомой еще с такого рода «веваниями», рассуждения Заккарии-Схарии могли, увы, восприниматься как «новое» понимание мира и человека, «превосходящее» по своим возможностям родное Православие...

К прискорбию, это своего рода затмение испытали тогда умы и души людей, принадлежавших к самому верхнему слою государственной и церковной власти... Нельзя не отметить, что еще совсем недавно любые авторы «либерального» устроения, как правило, стремились «оправдать» еретиков. Но сегодня положение явно изменилось. Так, уже упомянутый «либеральный» публицист Андрей Зубов говорит на страницах московского (также «либерального») «Континента», что ересь жидовствующих даже «затруднительно» называть «ересью»: «Здесь не столько инакомыслие в сфере христианской веры, сколько полное ее отвержение, неприятие Нового Завета, непризнание Иисуса Мессией, убеждение, что единственно авторитетен Ветхий Завет. Иудаизм, смешанный с астрологией и обрывками проникших из ренессансных обществ Запада натурфилософских учений...» и т. п. И далее А. Зубов сообщает, что ересь «поразила... высшее белое духовенство крупнейших городов Русского царства, монашество, светскую интеллигенцию, придворные сферы, вплоть до самого великого князя и его ближайших сродников». ⁶⁷¹ Но, констатируя это, А. Зубов – как, впрочем, и большинство других авторов, – явно не отдает себе полного отчета в том, о чем он, собственно, сообщает. Ведь, как уже было показано выше, дело с очевидностью шло к тому, что само *Христианство*, 500 лет определявшее судьбу Руси, ⁶⁷² должно было превратиться по сути дела в «ересь» (!), от которой отказались и великий князь со своим ближайшим окружением и влиятельные церковные иерархи...

Недостаточно обращается внимание на тот факт, что заведомой еретичкой или, вернее, отступницей от Православия была Елена Волошанка – супруга (с начала 1483 года) старшего сына великого князя, наследника престола Ивана Молодого и мать родившегося в конце 1483

⁶⁶⁹ Просветитель... С. 132.

⁶⁷⁰ Хорошо известно, что нечто подобное достаточно широко распространяется в России и сегодня.

⁶⁷¹ Зубов А. Цит. соч., с. 132.

⁶⁷² Преподобный Иосиф писал в своем послании Василию III: «Русская великая земля, иже пятьсот лет пребысть в православной вере христианстей...» (Послания Иосифа Волоцкого... С. 231).

года Дмитрия, который после смерти (в 1490 году) его отца был провозглашен наследником престола. Если бы Иван III не переменял своего решения, после его смерти (в 1505 году) на русский престол вззошел бы воспитанный Еленой Дмитрией...

Но вернемся к самому феномену ереси. А. Зубов полагает, что ее и нельзя назвать ересью, ибо она означала полное отступление от христианства. Не будем забывать, что преподобный Иосиф в своих сочинениях говорит не столько о «еретиках», сколько именно об «отступниках». Но слово «ересь» в своем прямом значении дезориентирует и в другом чрезвычайно существенном отношении. Ведь те ереси, с которыми боролась инквизиция в Западной Европе, захватывали обычно только те или иные отдельные слои населения, а на Руси рубежа XV–XVI веков дело шло о еретическом захвате высшей государственной власти и верхов Церкви...

Еретиков как таковых было, очевидно, не столь уж много, но они находились на самых вершинах государственной и даже церковной иерархии, и их воздействие проявлялось в тогдашней русской жизни в целом, – о чем свидетельствовал преподобный Иосиф: «...ныне же и в домех, и на путех, и на торжищих иноци и мирьстии и вси сомнятся, вси о вере пытаются... Поистине, приде отступление» – отступление от Христа...⁶⁷³

Между тем большинство популярных сочинений, в которых так или иначе характеризуется эта «ересь», внушает абсолютно ложное представление о некоем «кружке» вольнодумцев, погруженных в свои «прогрессивные» искания, – кружке, который, мол, так неоправданно беспощадно обвиняли «злые» архиепископ Геннадий и игумен Иосиф... Речь же шла о том, чтобы удержать Русь от полного слома ее полутысячелетнего бытия, – слома, который, без сомнения, привел бы к катастрофическим последствиям.

Я. С. Лурье в своем новейшем сочинении о «ереси» достаточно объективно характеризует ситуацию 1490-х годов: «Геннадий (Новгородский. – В.К.) писал митрополиту и Собору епископов, что еретическая «беда» началась с приезда Курицына «из Угорские земли» (по дороге в Москву он, возможно, встретился со Схарией – В.К.), что еретики собираются у Курицына, что «он-то у них печальник» (покровитель) и «начальник», «а о государственной чести попечения не имеет». Никакого влияния эти заявления не имели, никаких доносов на своего дядя великий князь не принимал. Мало того: спустя некоторое время обличители ереси смогли убедиться, что поставленный в 1490 году на митрополию... Зосима им вовсе не союзник. Напротив, вслед за великокняжеским дьяком и митрополит стал покровительствовать... вольнодумцам... В послании суздальскому епископу Нифонту, иерарху, на которого он еще считал возможным надеяться... Иосиф Волоцкий писал, что еретики «не выходят и спят» у митрополита... Но жалобы на митрополита мало помогали... «начальник» еретиков оставался неуязвимым. «Того бо державный во всем послушаше» (ибо его князь во всем слушался), – написал о Федоре Курицыне... Иосиф Волоцкий пятнадцать лет спустя... А в 90-х годах бороться с Курицыным было обличителям и совсем не по силам... Звезда Федора Васильевича и вправду была в зените. Все сношения с иностранными государствами происходили при его участии... В милость попал и брат Федора – Иван Волк, перенявший у старшего брата его склонность к религиозному свободомыслию и дипломатические таланты». И уже открыто ставился вопрос: «Не следует ли русскому государю вовсе уничтожить монастыри? Расстановка сил на великокняжеском дворе также не сулила, – продолжает Я. С. Лурье, – ничего доброго Иосифу Волоцкому и его сторонникам... Дмитрий, сын еретички Елены Стефановны, был объявлен великим князем... В 1494 году противникам митрополита-вольнодумца Зосимы удалось добиться его отставки (она произошла как раз в то время, когда Курицын находился за рубежом). Но поставленный на место Зосимы новый митрополит Симон не оправдал надежд врагов ереси. В 1498 году он благословил венчание Дмитрия шапкой Мономаха, а в следующем году... был нанесен удар самому... Геннадию Новгородскому – великий князь забрал у него монастырские и церковные земли. Курицын мог надеяться: еще немного, и великий князь осуществит церковные (вернее, антицерковные! – В.К.) реформы».⁶⁷⁴

⁶⁷³ Послания Иосифа Волоцкого... С. 162.

⁶⁷⁴ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988, с. 122–128.

Все это ясно показывает, что длившаяся более полутора десятилетия борьба с «ересью» была поистине *героической* и вместе с тем подлинно *трагедийной*, ибо приходилось в сущности бороться со своей собственной государственной властью и собственной церковной иерархией!

Говоря об этом противостоянии государству и, конечно, его главе – великому князю, нельзя обойти еще одно «обвинение», которое постоянно предъявляют преподобному Иосифу, – что он-де стремился подчинить Церковь государству и даже, мол, добился этого. Как без всяких доказательств заявлял Георгий Федотов, «осифляне... работают над укреплением самодержавия и добровольно отдают под его попечение... всю Русскую Церковь». ⁶⁷⁵

Что касается самого преподобного Иосифа, то по меньшей мере странно видеть в нем ревностного слугу «самодержавия», ибо, будучи в продолжении почти 36 лет (с 1479 по 1515 год) игуменом монастыря» 29 лет из них он находился в достаточно существенном и очевидном конфликте с «самодержцами» и только семь лет – с 1502 по 1509 год – в союзе с ними. Он исповедовал убеждение, что *священство* выше *царства*, и применяемое к нему с 1930-х годов вульгаризаторское обозначение «воинствующий церковник» все же более соответствует истине, нежели причисление его к апологетам «самодержавия». Здесь уместно еще раз сослаться на работу противника преподобного – Я. С. Лурье, который все же основательно доказывает, что действительными сторонниками *неограниченной* власти самодержца были как раз главные *враги* преподобного Иосифа – Федор Курицын и Вассиан Патрикеев, которых, по словам Я. С. Лурье, «сближало... стремление провести задуманные преобразования сверху путем чудодейственного подчинения государственной власти своим планам». Добиться всемерного «укрепления самодержавия» – именно такова была цель «Курицына, Вассиана и других *близких к власти лиц*». Этим они, в частности, и «покоряли» Ивана III, а затем и его сына.

Между тем преподобный Иосиф никогда не пытался добиться реальной «близости» к власти (в отличие от курицыных и патрикеевых) или хотя бы занять высокое положение в Церкви. Он все силы отдавал созиданию своего монастыря – как одного из воплощений священства на земле. Его младший брат Вассиан еще при его жизни стал архиепископом Ростовским, а два племянника – епископами, но нельзя даже представить себе стремление преподобного Иосифа подняться по ступеням церковной иерархии; в этом отношении он, несомненно, следовал завету преподобного Сергия, никогда не имевшего намерений оставить свою обитель.

Мне могут, впрочем, возразить, что Георгий Федотов в цитированной фразе обвинил в «капитуляции» перед государством и самодержцами не самого преподобного, а иосифлян. Однако к верным последователям преподобного Иосифа это также неприменимо. Недоброжелатели иосифлян (в том числе и Георгий Федотов) высоко превозносят тех деятелей Церкви, которые самоотверженно воспротивились введению опричнины Иваном Грозным, но при этом, как ни нелепо, «не замечают», кто же именно выступал тогда против царя!

В 1542–1563 годах митрополитом был самый доподлинный *иосифлянин* Макарий, и, как показывает в новейшей работе Р. Г. Скрынников, он многократно добивался, чтобы власть Ивана Грозного «не приводила к кровавым эксцессам». ⁶⁷⁶ Сменивший Макария на посту митрополита ближайший его ученик Афанасий пытался продолжать сопротивление, но он не имел авторитета своего предшественника, и через год царь учредил опричнину. Тогда Афанасий молча сложил с себя сан митрополита и удалился в монастырь.

Следующий митрополит, святитель Герман Полев, принадлежал к знаменитой «иосифлянской» семье. И всего через два дня после своего переезда на митрополичий двор он предложил царю уничтожить опричнину и при этом «грозил Страшным судом». Царь отставил непримиримого иосифлянина, и 25 июля 1566 года митрополитом стал игумен Соловецкого монастыря святитель Филипп.

⁶⁷⁵ Федотов Георгий. Святые Древней Руси. М., 1990, с. 186.

⁶⁷⁶ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 170.

Георгий Федотов, написавший о нем восторженную книгу, попросту *умалчивает* о том, что святитель Филипп был, вне всякого сомнения, верным иосифлянином; он пишет только, что Филипп «не был нестяжателем». ⁶⁷⁷ И дело здесь не только в том, что Соловецкий монастырь являл собой одну из богатейших обителей, славившуюся своей громадной *хозяйственной* деятельностью. С конца XV века самым авторитетным лицом в монастыре был игумен, а затем «лучший старец» Досифей, избравший своим наставником святителя Геннадия Новгородского; и в 1538 году, еще при жизни или вскоре после кончины Досифея в Соловецком монастыре постригся будущий святитель Филипп.

Вполне закономерно, что «в Соловецкой библиотеке было пять списков произведений Иосифа Волоцкого», и в том числе «единственный известный в настоящее время составленный при жизни Иосифа Волоцкого список „Просветителя“ и „Устава“, имеющий вкладную дату 1514 г. и принадлежавший известному писцу Нилу Полеву». ⁶⁷⁸ И, конечно же, строй и дух монастыря, в котором Филипп стал иноком, а позднее игуменом, были всецело иосифлянскими.

Святитель Филипп, став митрополитом, повел самоотверженную борьбу против злодеяний и бесчинств опричнины и самого царя. И в ноябре 1568 года он был низложен, отправлен в заточение и в следующем году убит. В защиту святителя решился выступить только его предшественник иосифлянин Герман Полев, и «через два дня после этого Герман Полев был найден мертвым у себя на московском подворье». ⁶⁷⁹

Все это ясно свидетельствует о заведомой, но все же очень широко распространенной лжи об иосифлянах, которые изображаются в качестве чуть ли не «вдохновителей» опричнины (ложь эта восходит еще к князю Курбскому!). Конечно, и среди иосифлян не все были достойны своего учителя. Но верные его ученики и последователи руководствовались его заветом:

«Аще ли же есть царь, над человеки царствуя, над собою же имат царствующая страсти и грехи... таковой царь не Божий слуга, но диаволь» ⁶⁸⁰ (то есть дьяволов слуга). И тут же преподобный Иосиф прямо завещает своим последователям: «И ты убо такового царя или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучит, аще смертью претить!» ⁶⁸¹ (угрожает). Святитель Филипп – в чем трудно усомниться – прочитал эти слова в рукописи «Просветителя», хранившейся в Соловецкой библиотеке.

Наконец, нельзя не затронуть проблему *ценности сочинений* преподобного Иосифа Волоцкого. Давно уже признана – пусть даже и не всеми – безусловная ценность сочинений преподобного Нила Сорского, о котором не так уж редко говорят как о великом и даже гениальном богослове, мыслителе, писателе. Но откровенно тенденциозное отношение к преподобному Иосифу диктует резко «критические» оценки и его воплощенного в слове наследия.

Так, в предисловиях к «Посланиям Иосифа Волоцкого», изданным в 1959 году, категорически заявлено, что «к числу выдающихся писателей своего времени (даже! – *В.К.*) Иосиф Волоцкий не принадлежит». Здесь же собраны высказывания различных авторов о том, что-де сочинения преподобного насквозь «компилятивны», состоят из святоотеческих «цитат»

⁶⁷⁷ Федотов Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. 1991, с. 23.

⁶⁷⁸ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977, с. 131.

⁶⁷⁹ Дмитриева Р. П. Герман Полев. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XV–XVI в. Л., 1988, 4.1, с. 133.

⁶⁸⁰ Просветитель... С. 287.

⁶⁸¹ Там же.

и не могут считаться плодом *самостоятельного* творчества.⁶⁸²

При этом, как-то ухитряются не замечать, что сочинения преподобного Нила Сорского, которые обычно оценивают достаточно высоко, насыщены «цитатами» в значительно большей мере, чем Иосифовы! А суть дела в том, что такого рода «критики» сочинений преподобного не обладают действительным знанием и, тем более, пониманием самой природы средневекового искусства слова, коренным образом отличающегося от новейшей литературы. Исчерпывающе знающий предмет и наиболее глубокий исследователь культуры Средневековья М. М. Бахтин писал:

«Роль чужого слова, *цитаты*, явной и благоговейно подчеркнутой, полускрытой, скрытой, полусознательной, бессознательной, правильной, намеренно искаженной, ненамеренно искаженной, нарочито переосмысленной и т. д., в средневековой литературе была *грандиозной*. Границы между чужой и своей речью были зыбки, двусмысленны, часто намеренно извилисты и запутанны. Некоторые виды произведений строились, как *мозаики*, из чужих текстов».⁶⁸³

Но эта «мозаика» вовсе не означала отсутствие или хотя бы ослабленность своего, самобытного смысла. И попытки как-то принизить за излишнюю «цитатность» сочинения преподобного Иосифа (а иногда и преподобного Нила) свидетельствуют, таким образом, только о недостатке подлинной культуры у критиков.

Здесь нет места доказывать, что сочинения преподобного Иосифа Волоцкого представляют собой выдающиеся творения русской мысли и слова, но не сомневаюсь, что это будет в ближайшее время сделано. Сейчас В. М. Кириллин занят необходимым (и столь запоздавшим!) делом – творческим переводом Иосифова «Просветителя» на современный язык и тщательным его комментированием. Осуществление этой задачи, без сомнения, во многом облегчит понимание и истинную оценку наследия преподобного.

В заключение целесообразно остановиться на одной из очень значительных и многое раскрывающих сторон жизни и деятельности преподобного Иосифа Волоцкого. Ныне общепризнано, что он – ближайший друг, наставник и вдохновитель гениального иконописца Дионисия и всей созданной им школы.

Дионисий был, по-видимому, ровесником преподобного Иосифа. Около 1470 года в Пафнутиев Боровский монастырь был приглашен для иконописных работ прославленный мастер Митрофан вместе с еще молодым Дионисием. Здесь Дионисий сблизился с иночествовавшим в монастыре уже в течение десятка лет преподобным Иосифом, который позднее обратит к нему свое «Послание к иконописцу». В 1480-х годах Дионисий возглавлял иконописную работу в Иосифовом Волоколамском монастыре, где он будет работать и в последний период своей жизни и деятельности – после 1503 года.

В наиболее подробном исследовании, посвященном Дионисию, которое принадлежит видному искусствоведу Г. В. Попову, есть специальный раздел «Дионисий и Иосиф Волоцкий», но, помимо того, имя преподобного присутствует на каждой второй странице этой работы.⁶⁸⁴ При этом важно отметить, что Г. В. Попов не принадлежит к тем исследователям творчества Дионисия, которые склонны видеть своего рода основу этого творчества в «конкретной» борьбе с ересью и, следовательно, в прямом «повторении» средствами иконописи того, что говорил о ереси преподобный Иосиф Волоцкий.

Конечно, в творениях Дионисия, особенно в его ферапонтовских фресках, есть и непосредственные «отклики» на ересь, о чем говорят такие серьезные исследователи, как Г. И. Бочаров и В. П. Выголов, архимандрит Макарий Веретенников, Н. К. Голейзовский, И. Е. Данилова и др. Но тем не менее Г. В. Попов, надо думать, прав, когда утверждает, что

⁶⁸² Послания Иосифа Волоцкого. С. 3, 68 и др.

⁶⁸³ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975, с. 433.

⁶⁸⁴ Попов Г. В. Живопись и литература Москвы середины XV-начала XVI века. М., 1975, с. 80–83 (см. также указатель имен).

«реакция» Дионисия на ересь, «как представляется, должна быть ограничена сферой эстетической, то есть его деятельностью художника вообще. Творчество мастера отнюдь не подходит под определение иллюстрации общественной борьбы... Ответ Дионисия на острые вопросы современности носил предельно обобщенный и идеализированный характер, что обусловило его исключительную органичность». ⁶⁸⁵

Упрощенный взгляд на искусство может квалифицировать этот «ответ Дионисия» как уход или хотя бы уклонение от прямой борьбы с ересью. В действительности же именно *отдельные* прямые отклики иконописца на ересь (например, указанные И. Е. Даниловой «композиции» в ферапонтовских фресках «Видение брата Леонтия» и «Видение Петра Александрийского», смысл которых «направлен против ереси») ⁶⁸⁶ не могут и не должны быть поняты как доказательство действительно глубокого и мощного противостояния еретикам: ведь перед нами именно отдельные отклики, а весь прекрасный и богатейший мир ферапонтовских фресок в его целом оказывается как бы непричастным к этому противостоянию.

Существенно следующее суждение Г. В. Попова (к сожалению, им не развитое): «Предположение об отрицательном отношении Дионисия к *иконоборческим* тенденциям внутри еретического движения закономерно» (там же, выделено мною. – В.К.) Да, творчество Дионисия во всей его цельности было в сущности прямым *противостоянием* ереси, которая ведь *отрицала* иконопись, как и вообще Православие и его культуру.

И поистине замечательно, что в «Послании иконописцу» преподобный Иосиф Волоцкий, собственно говоря, вовсе не «призывал» Дионисия на «конкретную» борьбу с ересью: он стремился помочь ему во всей глубине понять величие его искусства – искусства, отрицаемого еретиками, которые утверждали, что поклоняться иконам – значит, поклоняться бездушным «вещам».

«Пишущие же изображения святых на иконах, – говорит преподобный, – не вещь чтемь, но яко от вещнаго сего зрака възлетает ум наш и мысль к божественному желанию и любви... И сего ради ныне паче подобает поклоняться всечестной иконе человеческого телесе Бога Слова, плотию являшагося и с человеки в рукотвореных пожити благоизволившаго... Не вещь чтуще, но вид и зрак красоты божественнаго онного изображения». ⁶⁸⁷

Размышляя об этом, преподобный Иосиф непосредственно исполнял просьбу Дионисия; обращаясь к нему в начале «Послания» со словами «възлюбленный мой брате», преподобный писал, что ты, мол, «множицею глагола ми о сем, и от многа времени требуеши от мене слышати слово, в душевную тебе поспевающи ползу». ⁶⁸⁸

И это «слово» преподобного представляет собой отнюдь не предложение заняться борьбой – борьбой, так сказать, *помимо* или сверх собственно художественной цели (и тем более вместо нее); напротив, искусство как таковое и есть противостояние ереси, и чем выше искусство, тем победительнее противостояние.

Дионисий, много работавший в 1480-х годах в Москве, в кремлевских соборах, отправился в конце 1490-х годов в Заволжье, в затерянный в лесах Ферапонтов монастырь, из-за гонений или хотя бы помех со стороны влиятельных еретиков, сумевших настроить против него и самого Ивана III.

Хорошо известно (об этом интересно говорит в своих работах и Г. В. Попов), что после 1502 года, когда Иван III начинает отрекаться от еретиков, Дионисий *возвращается* в Москву.

Нельзя недооценивать и еще один аспект дела. Нам неизвестны какие-либо выступления

⁶⁸⁵ Там же, с. 42.

⁶⁸⁶ Данилова И. Е. Иконографический состав фресок Рождественской церкви Ферапонтова монастыря. Из истории русского и западноевропейского искусства. Материалы и исследования. М., 1960, с. 120.

⁶⁸⁷ «Послание... начало художнику божественных и честных икон» Иосифа Волоцкого цит. по кн.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 334–336.

⁶⁸⁸ Там же, с. 323.

Дионисия против ереси. Однако достоверно известно, что его сын и помощник Феодосий прямо и непосредственно вел борьбу с ересью, действуя рука об руку со своим духовным отцом – преподобным Иосифом. Едва ли можно предполагать, что сын здесь как-то расходился с отцом; скорее уж Дионисий видел в сыне воина, вышедшего на бой и от имени отца.

Но возвратимся к преподобному Иосифу Волоцкому. Его длившееся в течение десятилетий *братство* – возлюбленное братство, как сказано им самим, – с гениальным иконописцем чрезвычайно много о нем говорит. Он вдохновлял Дионисия и делился с ним своими духовными исканиями и в устном, и в письменном слове, чего иконописец ждал и даже – как мы видели – «требовал».

Г. В. Флоровский в своем известном трактате без обиняков утверждает, что-де «при всей своей книжности Иосиф равнодушен к культуре»,⁶⁸⁹ и делает на этой основе разные горестные умозаключения... Но ведь искусство Дионисия, без сомнения, – самое прекрасное и полновзвучное явление русской культуры времени Иосифа Волоцкого! Можно спорить о ценности творчества самого Иосифа Волоцкого, но о Дионисии спорить нельзя: высшая, непревзойденная ценность его искусства неоспоримо наглядна. Каждый, кто вообще способен воспринимать искусство, оказавшись в Ферапонтовском соборе Рождества Богородицы, признает это. Г. В. Флоровский заслуживает уважения как мыслитель и исследователь, и в данном случае будем считать, что его подвела недостаточная осведомленность...

И еще одно: сам тот факт, что преподобный Иосиф был в возлюбленном братстве с Дионисием, лишнее доказательство его безусловной *правоты* в его борьбе с ересью.

В заключение решусь выдвинуть с давних пор волнующее меня предположение. Г. В. Попов, характеризуя знаменитую Дионисьеву икону «Дмитрий Прилуцкий», созданную, как он доказывает, в 1503 году, находил в чертах лица преподобного «то, что находили современники в Иосифе Волоцком, рисуящие его не изможденным постником, а совершенным представителем идеала красоты: лицом „уподобился древнему Иосифу“ (Прекрасному), с темно-русыми волосами, с округленной, не слишком длинной бородой. Дмитрий сочетает кротость, внутреннее благородство с духовной силой. Аскетизм здесь подменяется строгостью... внутренняя собранность, напряженность».⁶⁹⁰

Однако все сказанное, как мне представляется, *гораздо более уместно* по отношению к гениальной ферапонтовской фреске Дионисия «Никола», и прежде всего – описание самого *облика* преподобного, почерпнутое Г. В. Поповым из его жития. Между прочим, сам Г. В. Попов говорит здесь же, что образ Дмитрия Прилуцкого «необычайно близок к полуфигуре Николы из конхи Рождественского собора, являясь едва ли не наиболее значительным результатом поисков воплощения характеристики духовного строителя, философа-учителя и практика, хозяйственного организатора», то есть, в сущности, «характеристики» преподобного Иосифа Волоцкого.⁶⁹¹

Нет оснований отрицать, что, создавая образ преподобного Дмитрия Прилуцкого, Дионисий также вспоминал о своем друге и брате преподобном Иосифе. Но образ Николы (необычайно близкий по «характеру», как утверждает Г. В. Попов, к Дмитрию Прилуцкому), думаю, в гораздо большей мере связан с преподобным Иосифом Волоцким.

В. Т. Георгиевский в своем основополагающем труде «Фрески Ферапонтова монастыря» заметил, что образ Николы, «данный Дионисиел *совсем не похож* на... распространенный в нашей иконописи... который... в тысячах копий был повторен на Руси».⁶⁹²

Г. Н. Бочаров и В. П. Выголов отметили другую весьма существенную сторону дела:

⁶⁸⁹ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. С. 19.

⁶⁹⁰ Попов Г. В. Указ. соч., с. 114.

⁶⁹¹ Там же.

⁶⁹² Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, с. 1.

«Фрески дьяконника с приделом Николая Чудотворца... *выпадают* из общей росписи храма»,⁶⁹³ то есть Дионисий ставит перед собой в создании образа Николы особенную, очень важную для него цель, решившись даже ради нее нарушить единство росписи собора.

Итак, Дионисьев Никола «совсем не похож» на типичные воплощения этого образа, а, с другой стороны, «выпадает» из богатейшей целостности ферапонтовских фресок. Притом «выпадают» не только монументальная фреска с образом Николы в дьяконнике собора, но и перекликающиеся с ней небольшие фрески: сцена Первого Вселенского собора, в которой, согласно житийному описанию, «святитель Николай, пламеневший ревностью ко Господу, даже заушил лжеучителя»,⁶⁹⁴ то есть еретика Ария; далее, фреска «Видение Петра Александрийского», где этому патриарху явился Христос в ризах, разодранных тем самым Арием, и, наконец, фреска «Арий в темнице».

Арий был для преподобного Иосифа Волоцкого своего рода главным «ересиархом», он не раз упоминал его в своих полемических сочинениях и, конечно, в беседах с Дионисием. И введенная в мир ферапонтовских фресок – по сути дела «выпадающая» из него – тема борьбы Николы с Арием (которая, кстати сказать, вовсе не стоит на первом) плане в «общепринятом» представлении о Николае Чудотворце) может быть понята как своего рода ключ к монументальному образу Николы в Рождественском соборе: он славен своей борьбой с ересью, как и нынешний Иосиф Волоцкий.

Конечно, это именно *предположение*, но все же нельзя исключить, что Дионисий, сотворяя свой проникновенный образ, вложил в него и видение, и понимание своего «возлюбленного брата» преподобного Иосифа Волоцкого.

В лике Николы, созданном Дионисием в 1502 году, воплощено предчувствие трагических грядущих испытаний и готовность к ним, но вместе с тем в нем проступает убежденность в конечном торжестве Истины...

И если даже мое соотнесение Дионисьева Николы и преподобного Иосифа будет оспариваться, невозможно оспорить то, о чем говорит в уже цитированных словах Г. В. Попов: в образе Николы воплощен характер «духовного строителя, философа-учителя и практика, хозяйственного организатора», а именно это «находили современники в Иосифе Волоцком». То есть творение Дионисия имеет глубокую связь с преподобным Иосифом Волоцким, и исключительно много дает для восприятия и понимания «живого лика» одного из величайших русских святых...

Это не означает, что Дионисий вместо (или под видом) образа Николая Чудотворца создал «портрет» Иосифа Волоцкого; подобная подмена противоречила бы православным канонам. И речь идет только о том, что при создании образа святителя Николая Мирликийского, боровшегося с ересью Ария, Дионисия, как уместно полагать, вдохновляло – быть может, даже неосознанно – то глубокое впечатление, которое оставил в его душе столь близкий ему Иосиф Волоцкий, боровшийся с ересью (или, точнее, отступничеством), посеянной Схарией.

И потому великолепная стенопись (фреска) Дионисия как бы дает нам возможность вернее и родственнее воспринять преподобного Иосифа, хотя, повторю еще раз, перед нами не его «портрет», а так или иначе связанный с ним образ святителя, жившего тысячу лет ранее.

В заключение целесообразно сказать об одном из последствий духовной победы над «ересью» и торжества Православия на Руси – провозглашении Москвы Третьим Римом. Спустя недолгое время после кончины преподобного Иосифа Волоцкого идея Третьего Рима была выражена в сочинениях старца Псковского Елизарьева монастыря Филофея, – в частности, в написанном им послании великому князю Василию III.

Как ныне считается, старец Филофей родился около 1465 года и скончался в 1542 году; сочинения его создавались, по-видимому, главным образом в 1520-х годах.⁶⁹⁵ Как псковитянин

⁶⁹³ Бочаров Г., Выголов В. Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск. М., 1979, с. 286.

⁶⁹⁴ Настольная книга священнослужителя. Месяцеслов (сентябрь-февраль). М., 1978, т. 2, с. 368.

⁶⁹⁵ См.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV-первая половина XVI века. М., 1984, 732.

он, надо думать, испытал духовное воздействие близкого к преподобному Иосифу Волоцкому святителя Геннадия, который в 1484–1504 годах был архиепископом Новгородским и Псковским. Нельзя недооценивать и тот факт, что сочинения Филофея переписывались в Иосифовом Волоколамском монастыре (хотя уже после кончины преподобного). Это вполне понятно, ибо идея «Москва – Третий Рим» была созвучна духовному наследию преподобного Иосифа, и к тому же для ее рождения необходимой предпосылкой являлась *победа* над «ересью» (Филофей упоминает о ней), которая позволяла считать московское Православие истинным, отвергнувшим заблуждения.

Говоря об идее Третьего Рима, приходится признать, что в дальнейшем ее смысл всячески искажали, – в частности, пытаясь приписать ей «агрессивный» и «экспансионистский» характер («Третий Рим» намерен-де захватить весь остальной мир!), хотя в действительности она имела, если уж на то пошло, «изоляционистскую» направленность, в ней ясно выразилось стремление «оградить» Русь, в которой живо Православие, от проникновения извне «ересей и лжеучений».

К сожалению, искажающие толкования идеи Третьего Рима оказывали подчас влияние на православных людей. Так, замечательный, недавно, увы, безвременно скончавшийся писатель Петр Паламарчук (1955–1998) в своем сочинении «Москва, Мосох и Третий Рим. Из истории политических учений русского средневековья» (1986) резко критически высказался об этой идее, вопрошая, в частности: «...главное и краеугольное недоумение: почему все-таки образцом избран был Рим? Языческий Рим...».⁶⁹⁶ В свое время я стремился переубедить Петра Георгиевича, но тщетно...

А ведь в сочинениях старца Филофея, во-первых, с полной ясностью утверждается, что речь идет именно и только о *христианском* Риме – о Риме апостола Петра, а не Юлия Цезаря или Августа Октавиана. Это неоспоримо явствует уже из датировки начала того Первого Рима, о котором говорит Филофей. Одно из его посланий было написано в 1527 году и в нем утверждалось, что Первый Рим начал свою историю 1505 лет назад, то есть тогда, когда, по мысли Филофея, была создана христианская Церковь, а ведь возникновение «языческого Рима» произошло почти на 800 лет ранее!

Во-вторых, речь идет у Филофея не о *государственном* значении Первого, Второго и Третьего Рима, а о совершающемся в рамках этих государств *духовном* бытии. Он писал о первом Риме: «Аще убо великого Рима стены и столпове и трекровные полаты не пленены, но *душа* их от диавола пленены». А конец Второго Рима – Византии – старец Филофей видел не в захвате его в 1453 году турками, но в состоявшемся в 1438–1439 годах Флорентийском соборе, на котором византийцы выступили как «еретицы, своею волею отпадите от православныя веры христианския». Только на Руси, убежден Филофей, осталось истинное Христианство, и в послании к великому князю Василию III он призывает: «Подобает тебе, царю, сие *держжати* со страхом Божиим».⁶⁹⁷ То есть высшая задача государства – «удержать» в целостности православную – Святую – Русь... А размышления Филофея о «падении» Первого и Второго Рима призваны были показать ту роковую опасность, которая грозит русскому Православию.

Ранее старца Филофея преподобный Иосиф Волоцкий в своем послании призывал вступившего на престол Василия III:

«Бога ради, государь, и Пречистыя Богородицы, – пожалуй, и попецйся, и промысли о божественных церквах и о православной вере хрестыянстей... ино, государь, погибнути всему православному Христианству от еретических учений, яко ж и прежа... царства погибоша сим образом... Римское, иже много лета пребыша в православной вере хрестыянстей, тако

⁶⁹⁶ Паламарчук Петр. Москва или Третий Рим? Восемнадцать очерков о русской истории и словесности. М., 1991, с. 26.

⁶⁹⁷ Цит. по кн.: Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998, с. 344, 345, 359. В этом капитальном исследовании содержится истинное толкование идеи Третьего Рима.

погибоша».⁶⁹⁸

Из этого ясно, что идея Третьего Рима восходит к преподобному Иосифу Волоцкому, и этим тезисом уместно завершить мое сочинение.

Приложение. Несколько слов о «новой хронологии Руси»

В последние годы немалый переполох в среде любителей чтения породили сочинения нескольких математиков (А. Т. Фоменко, Г. В. Носовского и других), предпринявших радикальнейшую «перестройку» в представлениях об истории: они утверждают, что реальная историческая жизнь человечества началась не более 1200 лет назад – то есть в отрезок времени, который принято считать IX веком нашей эры. Что же касается Руси, она, по утверждению «неохронологистов», возникла лишь в XIV столетии (если опять-таки воспользоваться «привычным» обозначением периода времени).

Основная идея «новой хронологии» не столь уж новая: ее выдвинул еще в начале нашего века известный «народоволец» Н. А. Морозов (1856–1946). Правда, у него были для этого существенные психологические предпосылки, так как за свою революционную деятельность он провел в одиночной тюремной камере двадцать четыре года (1881–1905), что, по всей вероятности, стимулировало развитие специфического сознания, отрешенного от реальной конкретности истории и создающего свою собственную ее картину.

Впрочем, главное, конечно, не в этом. К тому же сочинения Н. А. Морозова вскоре после их издания мизерным тиражом были почти забыты, о них помнил только узкий круг книголюбов. Между тем нынешние его последователи опубликовали уже более десятка книг, притом крупными по современным меркам тиражами, об их «перестройке» истории нередко говорится в печатных и электронных СМИ и т. п.

Решение высказаться о «новой хронологии» возникло у меня после того, как несколько интересующихся отечественной историей читателей в разговорах со мной поведали о своем увлечении этим новаторством и допытывались, как я к нему отношусь. Не буду рассуждать о «перестройке» всемирной истории в целом, поскольку мое внимание (как и внимание упомянутых читателей) сосредоточено на отечественной истории.

«Новая хронология» привлекает читателей, во-первых, дерзостью ее создателей, бестрепетно отвергающих «общепринятые» представления, и, во-вторых, определенной внутренней «непротиворечивостью», которую умеют соблюсти математически мыслящие «разработчики», – в то же время настойчиво указывая на явные *противоречия*, присущие «традиционной» хронологии.

Нет спора – таких противоречий немало. Но едва ли вообще возможно избежать противоречий в тех человеческих знаниях, «объектом» которых является бытие самого человечества. В такие знания неизбежно вторгаются разного рода субъективные моменты и факторы, хотя это не означает, что субъективизм вообще царит в «традиционной» хронологии, – как утверждают «неохронологисты», объявившие, в сущности, позднейшей (XVII–XVIII вв.) «выдумкой» полутысячелетний период истории Руси с IX по XIII век...

Как уже сказано, нарисованная неохронологистами картина создает впечатление «непротиворечивости». Но – только при условии не заглядывать за ее рамки, не соотносить ее с «неудобными» конкретными сведениями об отечественной истории. В предисловии к своей книге «Новая хронология Руси» (М. 1997) Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко подчеркивают: «Эта книга написана так, что ее чтение не потребует от читателя никаких специальных знаний» (с. 3). Однако правильной была бы иная формулировка: книга не «не потребует», но как раз *потребует* от читателя, чтобы он не имел «никаких специальных знаний», ибо в противном случае слишком многое окажется в ней заведомо и совершенно необудительным.

В книге утверждается, что династия Романовых, придя в начале XVII века к власти, предприняла в своих интересах поистине грандиозную фальсификацию предшествующей

⁶⁹⁸ Послания Иосифа Волоцкого... С. 229, 230.

истории, – помимо прочего, искусственно «удлинив» (или «удревнив») ее на пять столетий, и все дошедшие до нас письменные источники (прежде всего – летописи) ранней (IX–XIII вв.) истории Руси – плоды этой фальсификации, а более или менее достоверные источники отражают события, произошедшие *не ранее* XIV века.

За пределами Руси дело обстоит, по мнению неохронологистов, иначе: там имеются намного более древние письменные источники, отразившие реальность начиная с IX–X веков. Но как быть с тем, что в целом ряде иноязычных источников, относящихся к IX–XIII векам, содержатся всецело достоверные сведения о Руси, – хотя иностранным хронистам было, очевидно, незачем «удревнять» нашу историю (что, допустим, для чего-нибудь понадобилось русским летописцам)?

Сведения из иностранных источников, между прочим, как раз и являют собой определенную часть тех «специальных знаний», которых книга неохронологистов «не потребует от читателя». И уже одни эти «знания» целиком и полностью разрушают формальную «непротиворечивость» смоделированной неохронологистами картины.

Судите сами: согласно этой картине, Русь тысячу лет назад вообще не существовала как историческая реальность, а между тем и на Востоке, и на Западе создавались тогда письменные источники, содержащие многочисленнейшие сведения о «несуществующей» Руси. Чтобы устранить это противоречие, неохронологистам остается разве что укоротить еще на пять столетий историю письменности в целом (или самой всемирной истории...).

Вот хотя бы один, но достаточно весомый «пример». Неохронологисты утверждают, что-де русский князь Святослав, действовавший с 945 по 971 год (когда Руси, мол, не было в помине) «создан» летописцами XVII–XVIII веков по образу и подобию жившего спустя четыреста с лишним лет князя Дмитрия Донского... Вместе с тем они не отрицают, что Византийская империя в X веке уже полноценно существовала. Между тем византиец Лев Диакон, живший во второй половине X века, посвятил деяниям русского князя Святослава («архонта росов Сфендослава») очень значительную часть своей «Истории», излагающей события с 959 до 976 года.

Если согласиться с утверждением, что Святослава «выдумали» не ранее XVII века, придется считать «Историю» Льва Диакона еще более поздним сочинением, которое, исходя из сфабрикованной по заказу Романовых летописи, кто-то зачем-то написал на языке, имитирующем греческий язык византийской эпохи...

Все это, конечно, попросту абсурдно, и нетрудно привести множество других подобных «примеров», демонстрирующих столь же абсурдные последствия применения «новой хронологии» к реальной истории...

В заключение целесообразно коснуться еще одной стороны дела. Письменные исторические источники – это, так сказать, хрупкая реальность, которая легко поддается всякого рода манипулированию. Но ведь имеются и другие – и весьма существенные – исторические «источники», менее «податливые», чем рукописи, – памятники зодчества.

Если согласиться с неохронологистами, что история Руси начинается с XIV века, а высокий уровень «материальной культуры» был достигнут, надо думать, позднее – не ранее XV века, приходится сделать вывод, что Софийский собор в Киеве, Дмитриевский собор во Владимире и храм Покрова в Москве (более известный по одному из своих приделов, во имя Василия Блаженного) создавались не в период с 1017 до 1588 года, то есть на протяжении около шести веков, а в рамках всего лишь одного-полутора столетий. Но совершенно неправдоподобно представление, согласно которому столь кардинально отличающиеся с точки зрения и строительной техники, и архитектурного образа творения были созданы в одну и ту же эпоху. Эти три памятника явно несут в себе «информацию» о весьма отдаленных друг от друга эпохах истории, а кроме того их трудновато объявить фальсификациями (как поступают неохронологисты с неудобными им письменными источниками).

В одном из интервью А. Т. Фоменко отметил, что «серьезной научной дискуссии» с «традиционными» историками у него и его соратников «не получается», прозрачно намекая на безнадежную «слабость» своих вероятных оппонентов, не решающихся, мол, на спор. Однако всерьез дискутировать с чреватými полной абсурдностью построениями в сущности невозможно, – да и, пожалуй, не нужно. Вообще нет желания полемизировать с авторами,

которые, в частности, отрицая с порога достоверность «Повести временных лет», тут же многократно и безоговорочно ссылаются (как на достовернейший источник!) на сочиненную А. А. Гордеевым – казачьим офицером, эмигрировавшим в 1920-х годах из России, – «Историю казаков», являющую собой своего рода поэму в прозе о бесконечно любезном ее творцу сословию (она была издана в 1968 году в Париже, а в 1992-м – в Москве).

И я написал этот текст не для полемики, а только для того, чтобы ответить на заданный мне читателями вопрос о том, как я отношусь к «новой хронологии Руси».

Прощание с читателем

Как и многие русские слова, «прощай» емко и многосмысленно... Каждому ясно, что оно означает и расставание, и извинение, которое вполне уместно, ибо читатель, возможно, не нашел в моей книге ответов на те или иные волновавшие его вопросы.

Не ради своего оправдания, а ради объяснения сути дела скажу, что я стремился прежде всего и главным образом охарактеризовать те периоды и стороны истории Руси и русского Слова, которые либо мало известны широкому кругу людей, либо толкуются односторонне и просто неверно.

Я считал необходимым и важным сосредоточение именно на таких явлениях и событиях: рождение и судьба богатырского эпоса (глава третья), противоборство Руси с Хазарским каганатом (глава четвертая), «темное» время 910–930-х годов, – время, как я стремился доказать, «забытого» князя Олега II (глава пятая), судьбоносное перемещение центра Руси в XII веке (глава шестая), истинный смысл Куликовской битвы, понимаемый чаще всего ложно (глава седьмая) и, наконец, деятельность и взаимоотношения величайших духовных вождей Руси конца XV – начала XVI века – Иосифа Волоцкого и Нила Сорского (глава восьмая).

Вместе с тем, как мне представляется, все эти периоды, события и явления относятся к наиболее существенным. Может возникнуть недоумение: как же так получилось, что столь важные феномены и вехи истории Руси вместе с тем недостаточно изучены и поняты? Но в действительности противоречия здесь нет, ибо самое существенное как раз и является самым сложным и нередко даже таинственным.

И последнее. Книга, конечно же, не имеет претензий охватить все подлинно значительное и весомое в истории Руси и ее Слова, но мне кажется справедливым судить о книге, исходя из того, что в ней есть, а не из того, чего в ней нет...

Вадим Кожин

Декабрь 1996 года

СОДЕРЖАНИЕ

От автора

Глава 1. Пути русского исторического самосознания

Глава 2. О византийском и монгольском «наследствах» в судьбе Руси

Глава 3. Воплощение в русском Слове «героического» периода истории Руси

Глава 4. Современные представления об исторической реальности «героических» веков Руси ..

Глава 5. Размышления о правителях Руси, начиная с князя Кия

Кий

Гостомысл и Рюрик

Аскольд

Олег Вещий

Олег II

Игорь и Ольга

Ольга и Святослав Святослав

Владимир Святославович

Ярослав Мудрый

Глава 6. Путь Руси из Киева во Владимир .

Глава 7. «Монгольская эпоха» в истории Руси и истинный смысл и значение Куликовской битвы

Глава 8. Духовное величие Руси. Преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский (кон. XV—нач. XVI в.) . .

Приложение. Несколько слов о «новой хронологии Руси»

Прощание с читателем

Примечания